ИСЛАНДСКИЕ САГИ

Перевод с древнеисландского языка,
общая редакция и комментарии
А. В. Циммерлинга

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2000

Содержание

Мир исландской саги

Филологический термин «сага» в точном смысле слова относится к нарративным эпическим произведениям в прозе, сложившимся в древней Исландии и континентальной Скандинавии в XIII—XV вв. Употребление термина «сага» по отношению к литературным памятников других эпох и культур является метафорой, оправданность которой задается степенью близости данных культур к древнескандинавской. В то же время внутри самой древнескандинавской культуры слово *сага* имеет и другие значения — «рассказ, предание», «рассказ о значительном событии» и даже «сами события, история». Такое положение дел объясняется средой, в которой возник жанр саги и функциями, которые он выполнял. Сага опирается на устное сообщение, точнее — на развернутое сообщение в условиях дописьменной и младописьменной эпохи, когда письменная фиксация либо невозможна, либо не играет ключевой роли в передаче социально значимой информации. Обычно говорят, что исландская сага, как и эпическая песнь, «восходит к устной традиции»: правильней было бы сказать, что жанр саги воплощает устную традицию, представляя собой форму хранения информации и форму коллективной памяти общества о наиболее значимых событиях его истории. Специфической чертой саги, выделяющей ее на фоне других «устных» и «традиционных» текстов, является отсутствие четких ограничений на предмет сообщения: на языке волшебных сказок и героических песен можно говорить о строго определенных вещах, на языке саги можно говорить как об истории своего рода, так и о сотворении мира, пересказывать содержание куртуазного романа или содержание жития христианского мученика. По существу, язык саги с его отточенными формулировками и характерными жанровыми клише — это наивысшая форма организации самого древнеисландского языка.

Хотя мы имеем свидетельства существования древненорвежских и древнегутнийских саг, основное внимание специалистов и любителей словесности заслуженно привлекают древнеисландские саги, входящие в число шедевров мировой литературы[1]. Именно в Исландии XII—XIV вв.

---

[1] История научного изучения саг имеет давнюю традицию. Первыми профессиональным саговедами можно считать собирателей рукописей Бриньольва Свей-

жанр саги достиг своего наивысшего расцвета, причем в письменную эпоху. Определяющую роль в этом сыграли особенности общественного, уклада созданного переселенцами из Норвегии и Швеции в IX—X вв.: в Исландии не возникло государства, не было института исполнительной власти. Применение норм общинного самоуправления к устройству целой страны создало демократичное общество, значительное большинство членов которого имело равные права перед законом. На практике, разумеется, равенство перед законом дополнялось институтом патроната и клиентеллы, реально обеспечивавшего соблюдение прав рядовых граждан при отсутствии судебных исполнителей; но идеология свободного патриархального строя, опирающегося на независимых хозяев, еще многие века определяла сознание редакторов саг и поддерживала интерес к идеалам героической эпохи в давно уже негероической Исландии. Принятие христианства (в 999 г., или, по другим данным, в 1000 г.) и приобщение к европейской, т. е. латинской, книжной культуре на исландской почве не повлекло за собой решительного разрыва с культурой традиционной (ср. вступительную статью к «Саге о Названных Братьях»). Когда в конце XII в. в стране появилась письменность, саги оказались в числе первых произведений, доверенных пергаменту. Парадоксальным образом запись саг в XIII—XIV вв. не означала окончания их бытования и модификации: последующие писцы считали себя вправе сокращать и дополнять версии их предшественников, т. е. поступали принципиально так же, как устные рассказчики. Данный феномен наглядно свидетельствует о том, что в первые века после принятия письменности еще отсутствует отношение к тексту как к фиксированной вербальной форме: роль писца неотделима от роли редактора. Этот же вывод можно сделать и на материале других языков и культур, но история древнеисландской литературы позволяет наблюдать подобную ситуацию воочию.

Восстановление первоначальной версии (протографа) саги не всегда возможно. Сам термин «протограф» оказывается в известной мере условным: он оправдан при анализе позднейших письменных версий, но не по отношению к предшествующим версиям, устным и письменным. Лишь в очень немногих случаях комментаторы имеют прямые доказательства того, что та или иная сага была записана в определен-

---

нссона и Педера Клауссона Фрииса, живших в XVII в. В настоящее время активно действует Международной Общество Саг, которое издает свой бюллетень и раз в три года организует всемирные конгрессы с участием историков, антропологов, социологов, литературоведов и лингвистов: последний конгресс состоялся в г. Трондхейм (Норвегия) в августе 1997 г.

ный промежуток времени; чаще приходится ограничиваться косвенными аргументами в пользу того, что данная сага *не могла быть записана* ранее или позже некоторой даты. Впрочем, ряд филологов, модернизирующих ситуацию записи и приравнивающих саги к авторским произведениям нового времени, отказываются называть устный текст, предшествующий письменной версии, «сагой» и употребляют по отношению к нему термины «предание», «устные рассказы». Коренной дефект такого подхода был подмечен выдающимся филологом — исландистом Андреасом Хойслером еще в начале XX в.: нельзя признать существование информации вне определенных **форм ее передачи** — их роль выполняют жанры древнегерманской устной литературы. О невозможности построить развернутое сообщение без опоры на традицию, создать сагу или героическую песнь «из ничего», много писал и крупнейший отечественный скандинавист М. И. Стеблин-Каменский[2].

Саги принято разделять на несколько групп — *родовые* (повествуют об истории рода и распрях в Исландии IX—XI вв.), *королевские* саги (повествуют об истории Норвегии и других скандинавских земель), *саги о епископах*; саги названных выше групп, а также хроникальные саги о гражданской войне в Исландии XII—XIII вв., входящие в состав компиляции «*Саги о Стурлунгах*» признаются в целом достоверными и в качестве исторического источника. Другую группу составляют легендарные *саги о древних временах*, *мифологические* саги и *лживые* т. е. романические саги. Следует оговориться, что отношение к саге как к осознанному вымыслу было для древнеисландского общества нехарактерно: исландцы, судя по всему, воспринимали рассказы о похождениях Тристана или о подвигах своих легендарных предков как **трудноверифицируемые**, а не как невозможные: слушать и пересказывать заведомо «лживые» саги в современном значении этого слова, т. е. художественную фикцию, было бы непозволительной тратой времени и профанацией жанра.

---

[2] К сожалению, концепция устной литературы еще не обрела должной популярности в исследованиях по исторической поэтике. Читателю, желающему составить себе углубленное представление о данной концепции и о направлениях научной дискуссии, следует порекомендовать в первую очередь книгу А. Хойслера A. Heusler. Die altgermanische Dichtung. Potsdam, 1941 и монографию О. А. Смирницкой «Стих и язык древнегерманской поэзии». М.: МГУ, 1994. Лучшие очерки о саге на русском языке принадлежат перу М. И. Стеблин-Каменского: М. И. Стеблин-Каменский: Культура Исландии, Л., 1967. Мир саги. Становление литературы. Л. 1984. Ср. также: А. Я. Гуревич. История и сага. М., 1972. Он же: Эдда и Сага. М., 1979.

По другому критерию выделяется группа т. н. *саг о недавнем прошлом*, куда входят произведения, написанные по свежим следам событий, и не предполагающие исторической дистанции. Сюда относятся упомянутые выше саги о епископах, «Сага о Стурлунгах» и ряд саг об истории Норвегии, в числе которых известная русскому читателю «Сага о Сверрире».

К родовым сагам примыкает жанр прозаических произведений — т. н. *прядей* или коротких рассказов об исландцах, используемых в качестве вставных новелл в более крупных произведениях — королевских, и реже — родовых сагах. Граница между прядью и сагой не является вполне четкой. С одной стороны, критерии выделения эпизода из состава повествования не всегда очевидны, особенно в родовых сагах. С другой сторон, большинство саг дошло до нас в составе обширных компиляций, которые можно с некоторой натяжкой рассматривать и как цельные произведения: компиляторы нередко писали вступления или переходы от саги к саге или ссылались на рассказанное в другом месте книги. Действие всех прядей отнесено к исторической эпохе и приурочено к видным личностям — конунгам и вождям. Напротив, заглавные герои прядей чаще всего являются малоизвестными фигурами; иногда их можно считать апокрифическими. Другая группа прядей посвящена отдельным эпизодам биографии известных нам людей, не вошедшим в саги, где о тех же людях рассказывается более подробно. Пряди обычно издаются вместе с сагами (ср. русское издание саг 1973 г.). Для настоящего издания нами подобраны пряди, которые имеют историческую основу и тематически примыкают к родовым сагам.

Большинство исландских саг давно переведено на основные европейские языки. Первые переводы саг (на датский язык) были выполнены Педером Клауссоном Фрисом (см. о нем в вводной статье к «Саге о Посошниках») в конце XVI—XVII вв. Массовыми переводы, однако, стали лишь в начале XIX в. после осознания факта германской языковой общности и становления германистики как научной дисциплины. Первые точные переводы на русский язык были изданы издательством Akademia в 1930-ее гг.: были переведены т. н. лживые т. е. романические саги — «Сага о Волсунгах» (перевод Б. И. Ярхо) и «Сага о Фритьофе Смелом» (перевод А. И. Смирницкого, помещена в приложении к поэме шведского поэта Э. Тегнера). Событием стал выход перевода четырех родовых саг — «Саги о Гуннлауге», «Саги об Эгиле», «Саги о людях из Лаксдаля» и «Саги о Ньяле» — в 1956 г.: в издании приняли участие крупнейшие отечественные германисты — М. И. Стеблин-Ка-

менский, С. Д. Кацнельсон, В. Г. Адмони. Затем последовали другие издания саг, выполненные под общим руководством М. И. Стеблин-Каменского — издание БВЛ (1973 г.)[3] и «Сага о Греттире» (Серия «Литературные памятники», 1976)[4]. Из королевских саг переводился «Круг Земной» («Литературные памятники», 1980)[5] и «Сага о Сверрире» («Литературные памятники», 1988)[6]. Ряд «прядей об исландцах» (в переводах Е. А. Гуревич) вошел в недавно изданную антологию «Корни Иггдрасиля»[7].

Все саги, помещенные в состав настоящего издания, переводятся на русский язык впервые. Принципиально новой чертой в данном издании является наличие подробного научного аппарата, включающего вводные статьи к тексту каждого памятники и комментарии, в которых освещаются все основные аспекты изучения данного произведения. В отличие от всех предшествующих русских изданий, большее внимание уделяется текстологическим проблемам, обсуждаются проблемы реконструкции протографа и обосновывается конкретная датировка памятников, что позволяет квалифицировать предлагаемую книгу как научное издание.

Новыми являются также принципы издания. Саги и пряди располагаются строго по географическому принципу. Раздел родовых саг открывается сагами Боргарфьорда на Юго-Западе Исландии и завершается сагами Восточной четверти. Раздел саг о недавних временах включает единственное произведение — «Саги о Посошниках». В статье к памятнику обосновывается факт его принадлежности к древнеисландской литературе и раскрывается его значение в качестве исторического источника.

В отличие от предыдущих изданий, мы предпочли донести до читателя максимум информации, заключенной в именах собственных. В

---

[3] В издание БВЛ вошли переизданные переводы «Саги о Гуннлауге» и «Саги о Ньяле» и новые переводы, выполненные М. И. Стеблин-Каменским и О. А. Смирницкой: «Сага о Гисли», «Сага о Хёрде», «Сага о Храфнкеле», «Сага о Торстейне Битом», «Прядь об Аудуне с Западных Фьордов», «Прядь о Торстейне Морозе», «Прядь о Халльдоре сыне Снорри», «Прядь об исландце-сказителе», «Сага об Эйрике Рыжем» и «Сага о Гренландцах».

[4] Перевод О. А. Смирницкой, общая редакция М. И. Стеблин-Каменского.

[5] Переводы М. И. Стеблин-Каменского, А. Я. Гуревича, Ю. К. Кузьменко под общей редакцией М. И. Стеблин-Каменского. Стихи в переводе О. А. Смирницкой.

[6] Перевод М. И. Стеблин-Каменского и Е. А. Гуревич.

[7] «О Бранде Щедром», «О Храфне сыне Гудрун», «О Торлейве Ярловом Скальде», «Об Одде сыне Офейга», «О Халли Челноке», «О Пивном Капюшоне», «О Хрейдаре», «О Гисле сыне Иллуги», «О Торвальде Вороний Клюв», «О Токи».

книге переводятся практически все прозвища и топонимы, которые ранее оставались непереведенными. Исключение сделано для «Саг о Посошниках», где переводятся прозвища, но не норвежские топонимы — иное решение затруднило бы читателю их идентификацию.

Специально для настоящего издания Ф. Б. Успенским и А. В. Циммерлингом переведены скальдические стихи, дошедшие до нас в составе издаваемых саг и прядей[8].

Книга иллюстрируется картами Исландии, Норвегии и Гренландии. За возможность использовать карту Норвегии и планы средневековых норвежских городов редактор выражает глубокую благодарность издательству Solum Forlag, Осло.

Впервые в истории отечественной скандинавистики в издании для чтения приводится оригинальный текст скальдических стихов с пословным переводом, разбором лексики, синтаксиса, поэтических фигур и метрики каждого стихотворений: читатель сможет найти его во второй части нашей книги. Надеемся, что такое решение будет интересно как рядовому читателю, так специалисту.

Настоящее издание было бы невозможно без поддержки спонсоров — **Министерства образования, науки и культуры Исландии**, **Корпорации Исландских морозильных заводов**, **Посольства Исландии в Российской Федерации**, **Консульства Исландии в Санкт-Петербурге**. Всем им авторский коллектив выражает искреннюю признательность. Кроме того, мы благодарим лично Чрезвычайного и Полномочного Посла Исландии в Российской Федерации **Йоуна Эгиля Эгильссона** и сотрудников посольства Исландии **Хаврун Стефаунсдоттир** и **Торбьёртна Йоунссона** за неоценимую организационную помощь и неизменно благожелательное отношение к нашему проекту.

Антон Циммерлинг

---

[8] История попыток художественного перевода скальдов на русский язык имеет более давнюю традицию, чем история перевода саг; см. об этом статью О. А. Смирницкой в составе упоминавшего выше издания «Круга Земного».

ЧАСТЬ I

Тексты саг и комментарии

Саги Боргарфьорда

Сага о Курином Торире

I

Жил человек по имени Одд сын Энунда Широкобородого, сына Ульвара[1], сына Ульва с Фитьяр, сына Скегги, сына Торира Грома. Одд жил в Широком Жилье в Долине Дымов во Фьорде Городища. Жена Одда звалась Йорунн. Она была женщиной умной и уважаемой. У Одда и Йорунн было четверо детей, два сына, оба стоящие, и две дочери[2]. Одного их сына звали Тородд, а другого — Торвальд. Одна из дочерей Одда звалась Турид, другая же — Йофрид[3]. Одда сына Энунда прозвали Оддом из Междуречья. Он не слыл покладистым человеком.

Жил человек по имени Торви. Он был сыном Вальбранда[4], сына Вальтьова, сына Эрлюга из Эсьюберга. Торви был женат на Турид, дочери Одда из Междуречья. Их двор тоже назывался Широкое Жилье.

Жил человек по имени Арнгрим. Он был сыном Хельги, сына того Хёгни, который покинул Норвегию вместе с Хромундом. Арнгрим жил в Северном Междуречье. Его называли Арнгримом Годи. Сына Арнгрима звали Хельги.

Жил человек по имени Кетиль Соня. Он был сын Гейра Богатого с Гейрова Склона, сына Кетиля Сони, по которому названо Озеро Сони. Кетиль Соня жил в Эрнольвовой Долине[5]. Это немного севернее того места, где стоит двор теперь; с тех пор там стояло множество хуторов. Херстейном звали сына Кетиля. Кетиль Соня был человек богатейший и из самых славных в прежнее время. Он сдавал внаем три десятины земли. Никого в округе не любили так, как Кетиля Соню.

Жил человек по имени Торкель Бахрома[6]. Он был сын Бьёрна Рыжего. Торкель жил в Кривом Ущелье неподалеку от Северной Реки. У Торкеля был брат по имени Хельги, он жил в Лощине в Долине Северной Реки. Другого брата Торкеля звали Гуннвальд. Он был отцом того Торкеля, который был женат на Хельге, дочери Торгейра с Тальниковых Болот. Торкель Бахрома был умным и весьма уважаемым человеком. Он был богат.

Ториром звался человек. Он не мог похвастать богатством, и его не любили. У него вошло в обычай летом разъезжать по округам и прода-

вать в одном месте то, что он покупал в другом. Торгуя так, Торир быстро стал богатеть.

Однажды Торир выехал по своим делам на север и повез с собой через пустошь кур[7]. После этого его прозвали Куриным Ториром. И вот, достояние Торира умножилось настолько, что он покупает себе землю. Хутор Торира стоит выше Северного Междуречья и называется Озеро. Не прошло много лет, как Торир разбогател настолько, что почти все соседи стали его должниками. Но хотя богатство Торира возросло, неприязнь к нему только усилилась, и трудно было найти более непривлекательного человека, чем Куриный Торир.

II

Как-то раз Торир выезжает из дому и едет в Северное Междуречье. Он встречает Арнгрима и просит дать ему ребенка на воспитание[8],—

— Хочу взять твоего сына Хельги и заботиться о нем, как могу. А взамен мне нужны твоя поддержка и дружба, чтобы люди поступали со мной по справедливости.

Арнгрим отвечает:

— Сдается мне, что условия делают мне мало чести.

Торир говорит:

— Чтобы получить мальчика, я готов отказать ему половину моего добра, а ты должен будешь обеспечить мне уважение, чтобы каждый со мной считался.

Арнгрим отвечает:

— Я думаю, незачем отвергать столь хорошее предложение.

И вот Хельги поехал к Ториру, и двор там с той поры зовется Озером Хельги.

Арнгрим поддерживал Торира во всем, и все сразу поняли, что сладить с ним будет нелегко. Богатство Торира продолжало расти, но его самого по-прежнему не любили.

Однажды летом во Фьорд Городища пришел корабль, но в устье реки корабельщики не зашли и бросили якорь возле пристани. Кормчего звали Эрн; он был хороший купец, и о нем шла добрая слава.

Одд узнал о прибытии корабля. Он имел обыкновение приезжать на торг первым и назначать цену товарам, ведь он был распорядитель округи. Никто не осмеливался сделать покупку, не узнав прежде, что Одд намерен предпринять. Вот он встречает купцов и спрашивает их, куда они собираются плыть дальше, и как быстро хотят начать торговлю. Он сказал, что цена товара обычно зависит здесь от него.

Эрн отвечает:

— Мы намерены сами распоряжаться своим добром, ибо тебе не принадлежит и пеннинга с наших товаров, а твои дела значат для нас не больше, чем твои слова.

Одд говорит:

— Сдается мне, что хуже от этого будет не мне, а вам. Да будет вам известно, что мы запрещаем всем вести с вами торг и заключать с вами любые сделки, и что я потребую виру с каждого, кто окажет вам какую-либо помощь[9]. А еще я знаю, что из-за приливной волны вам не выйти из гавани.

Эрн отвечает:

— Можешь сколько угодно продолжать свои мерзкие речи, но мы не дадим себя запугать.

Одд едет к себе домой, а норвежцы стоят в заливе, и ветер им не благоприятствует.

III

На следующий день Херстейн сын Кетиля Сони поехал на Мыс[10]. Он заметил норвежцев на обратном пути, познакомился с их предводителем, и они понравились друг другу. Эрн рассказал Херстейну, как жестко обошелся с ними Одд,—

— и мы не знаем, как нам теперь быть дальше.

Они проговорили весь день, а вечером Херстейн едет домой и рассказывает отцу про торговых людей, и как обстоят их дела.

Кетиль Соня отвечает:

— Я понял, о ком идет речь: в юности я гостил у его отца, и мне не доводилось встречать более надежного мужа. Плохо, что с его сыном обошлись так круто, ведь его отец мог надеяться, что я не оставлю его сына в нужде. Поезжай в Залив рано утром и приглашай Эрна к нам со столькими людьми, сколько он пожелает взять с собой. А коли у него на уме иное, отвези его, куда он захочет, на юг или на север, а я приложу все свои силы, чтобы помочь ему.

Херстейн сказал, что это хорошее и мужественное решение,

— Но весьма вероятно, что поступая так, мы наживем себе кое-каких врагов.

Кетиль Соня отвечает:

— Так как мы ведем себя в этом деле не хуже Одда, может статься, это и сойдет нам с рук.

Вот проходит ночь. А рано утром Кетиль Соня велит пригнать лошадей с пастбищ, и когда Херстейн готов ехать, он гонит сто двадцать лошадей навстречу купцам; из этого видно, каким богатым был хутор.

Он приезжает к ним и сообщает Эрну, что предлагает его отец. Эрн сказал, что примет предложение с охотой, но добавляет, что отец с сыном, наверное, наживут себе при этом врагов. Херстейн сказал, что этого не избежать.

Эрн сказал:

— Тогда моим спутникам лучше поехать в другое место: хлопот с нами хватит, даже если мы будем в разных округах.

Затем Херстейн везет Эрна к себе; уезжают они не прежде, чем все торговые люди собрались в путь и позаботились о корабле, и лишь тогда они попрощались. Кетиль Соня отменно принял Эрна: он гостит там в почете и уважении.

Вот до Одда доходят вести о том, что предпринял Кетиль Соня, и люди поговаривают, что он повел себя враждебно к Одду. Одд отвечает:

— Все может быть. Но человек этот и напорист, и удачлив. Поэтому я пока подожду.

И в этот раз все осталось спокойно.

IV

В то лето травы было мало, и сохла она неважно, так что люди не успели заготовить запасы сена. Осенью Кетиль Соня сказал своим наемщикам, что хочет, чтоб на всех его землях стояли стога.

— Скота у нас много, а сена получается мало. Осенью я распоряжусь, кому из наемщиков сколько забить, и тогда все пройдет хорошо.

Вот проходит лето, и наступает зима; она была суровой и ранней, а к этому на Склонах не подготовились, и людям пришлось тяжко. Так продолжается до йоля. А когда наступает месяц торри[10А], стало совсем худо, и многих приперло к стенке. Вот однажды вечером приходит наемщик Кетиля Сони, говорит, что сено вышло, и требует помощи. Хозяин отвечает:

— Как же так? Помнится мне, что осенью я вроде бы позаботился о том, чтобы все было в порядке.

Тот отвечает, что забили меньше скота, чем велел хозяин.

Кетиль Соня сказал:

— Мы с тобой заключим сделку. На сей раз я вызволю тебя из беды, но ты никому об этом не говори, ибо приваживать сюда людей я не желаю, тем более после того, как они нарушили мой наказ.

Наемщик поехал домой и рассказал другу, что Кетиль Соня не чета прочим людям во всех отношениях, и сказал, что он вызволил его из беды, а тот рассказал своему другу, и так об этом узнает вся округа.

Проходит немного времени и наступает месяц гои[10В]. Тут приходят двое наемщиков, и говорят, что сено у них вышло.

Кетиль Соня отвечает:

— Плохо вы поступили, когда пренебрегли моими советами, ведь сейчас дело обстоит так, что хотя сена у нас много, да скота еще больше. Если сейчас выделю вам, будет нечем кормить своих овец: вот какой у меня теперь выбор.

Те не жалеют слов и расписывают свои несчастья, и ему показалось тошно слушать их нытье. Он велел пригнать домой сто сорок лошадей и забить сорок худших, а корм, припасенный для них, отдал наемщикам. Те едут домой довольные. Погода делалась хуже и хуже, и многим становится трудно дышать.

V

Вот наступает месяц эйнмануд[10c], и к Кетилю Соне приходят двое наемщиков. Они были из тех, кто побогаче, и все же тоже остались без сена, и вот они требуют у него помощи. Кетиль отвечает им, и говорит, что сена у него уже нет, а больше скота забивать он не хочет. Они спрашивают, не знает он ли кого-нибудь, кто может продать сено. Он сказал, что точно не знает. Они упорствуют и говорят, что если он не поможет им, скотина падет.

Кетиль сказал, что они сами во всем виноваты,—

— но мне говорили, что у Куриного Торира вроде бы есть сено на продажу.

Они ответили:

— От него мы ничего не получим, если ты не поедешь с нами, но если ты поручишься за нас при сделке, он, наверное, быстро продаст.

Кетиль отвечает:

— Поехать с вами можно, и справедливо, чтоб продал тот, кто имеет.

Они выехали рано утром. Дул северный ветер; было зябко и холодно. В это время бонд Торир стоял на дворе. Он видит, как к хутору едут люди, заходитвнутрь, закрывает за собой дверь и запирает ее на засов. В доме приступают к завтраку. Тут в дверь стучат. Маленький Хельги отзывается:

— Выходи, воспитатель, должно быть, пришли к тебе.

Торир говорит, что сперва хочет покончить с едой, но мальчик вскакивает из-за стола, идет к двери и приветствует тех, кто пришел.

Кетиль Соня спросил, дома ли Торир. Мальчик сказал, что дома.

— Проси его выйти,— сказал Кетиль.

Мальчик зашел в дом и сказал Ториру, что приехал Кетиль Соня и хочет видеть его.

Торир отвечает:

— Чего это Кетиль Соня вынюхивает здесь? Странно, если он приехал с миром: нет у меня с ним никаких дел.

Мальчик идет и говорит им, что Торир выходить не хочет.

— Ладно,— сказал Кетиль Соня,— тогда зайдем мы.

Они заходят в покои и все их приветствуют. Но Торир молчал.

— Дело такое,— сказал Кетиль Соня,— мы хотим купить у тебя сено, Торир.

Торир отвечает:

— Мне твой скот не дороже своего.

Кетиль Соня сказал:

— Это как посмотреть.

Торир говорит:

— Как же ты остался без сена, богач?

Кетиль Соня сказал:

— Собственно, без сена остался не я, но я покупаю своим наемщикам, а они нуждаются в помощи. Я бы охотно купил для них, если есть что продать.

— Ты вправе распоряжаться своим, а не моим.

Кетиль отвечает:

— Подарков себе мы не просим; пусть Одд с Арнгримом определят для тебя цену, а сверх того, я сделаю им подарки.

Торир сказал, что сена на продажу у него нет,—

— да и продавать мне не хочется.

Тогда Кетиль Соня выходит, и с ним идут его спутники и мальчик. Тут Кетиль Соня говорит:

— На что больше похоже: у твоего воспитателя нет сена, или он не хочет продавать?

Мальчик отвечает:

— Конечно, найдется, если он захочет.

Кетиль Соня сказал:

— Отведи нас туда, где сложено сено.

Тот так и делает. Затем Кетиль Соня прикидывает, сколько нужно сена овцам Торира, отделяет пять стогов[11], и ему показалась, что оставшегося сена хватит с лихвой, даже если всю скотину держать в хлеву до самого альтинга.

Кетиль Соня сказал:

— Сдается мне, Торир, что сена у тебя хватит на то, чтобы весь твой скот кормился в яслях до альтинга, даже если изъять изрядную толику: ее-то я и хочу купить.

Торир отвечает:

— А что мне делать через год, если будет такая же зима как теперь, или того хуже?

Кетиль Соня говорит:

— Я предлагаю тебе такие условия: этим летом я отдаю тебе такую же меру сена, высушенного не хуже этого, и привожу его на твой двор.

Торир отвечает:

— Если у вас сейчас нет запасов, что же будет у вас летом? Но я знаю, что наши силы столь неравны, что ты заберешь у меня сено, если захочешь.

Кетиль Соня отвечает:

— Забрать — это не выход. Ты знаешь не хуже меня, что серебро покрывает у нас в стране все долги, и я отдам тебе серебром.

Торир отвечает:

— Не хочу я твоего серебра.

— Тогда возьми любой товар, который выберут для тебя Одд и Арнгрим.

— Работников здесь немного,— говорит Торир,— а пускаться в разъезды я не желаю: ни к чему мне подобная сделка.

Кетиль Соня говорит:

— Тогда я привезу товар к тебе на дом.

Торир сказал:

— Нет у меня для него помещений, и, как пить дать, товар пропадет.

Кетиль Соня отвечает:

— Я найду шкуры и как следует оберну в них, чтоб все было как надо.

Торир говорит:

— Не хочу, чтоб чужие шарили по моему хутору.

Кетиль Соня отвечает:

— Тогда сено зимой погостит у нас, и я за ним присмотрю.

— Сразу понял я твои продувные речи, и не желаю иметь с тобой никаких дел.

Кетиль Соня сказал:

— Тогда будет хуже, и мы все равно заберем сено, хоть ты и запрещаешь нам это. Воспользуемся тем, что нас больше, и определим цену на месте[12].

Торир промолчал и замыслил недоброе. Кетиль Соня велит принести веревок и связать сено. Затем они грузят поклажу и увозят с сено с собой, довольные своей поездкой.

VI

Теперь следует рассказать о том, что предпринял Торир. Он выезжает из дому, и с ним его воспитанник Хельги; они едут в Северное Междуречье. Там их приняли как нельзя лучше. Арнгрим справляется о новостях. Торир отвечает:

— Не знаю ничего новее грабежа.

— Что еще за грабеж? — спросил Арнгрим.

Торир отвечает:

— Кетиль Соня отнял у меня весь запас сена, и мне нечем кормить скотину в заморозки.

— Так ли, Хельги? — говорит Арнгрим.

— Вовсе нет,— сказал Хельги,— Кетиль Соня вел себя по-честному — и Хельги рассказал, как было дело.

Тогда Арнгрим сказал:

— Это больше похоже на правду; пусть лучше сено достанется ему, чем гниет у тебя.

Торир говорит:

— В недобрый час предложил я тебе взять ребенка на воспитание: где это слыхано, позволять так с собой поступать и терпеть подобный урон, будучи правым перед законом!

Арнгрим отвечает:

— Я с самого начала допустил ошибку, что взялся помогать столь дурному человеку, как ты.

Торир отвечает:

— От одних слов я не упаду, но не по душе мне, что так воздаешь ты за благодеяние, когда люди грабят меня. Впрочем, они могли перенять этот обычай у тебя.

На этом они расстаются. Торир едет прочь и приезжает в Широкое Жилье. Одд хорошо встретил его и справился о новостях.

— Не слыхал ничего новее грабежа.

— Что там за грабеж? — спросил Одд.

Торир отвечает:

— Кетиль Соня забрал все мое сено, так что я теперь совсем гол. Я бы хотел заручиться твоей поддержкой, ведь это дело касается и тебя, поскольку ты распорядитель нашей округи и тебе пристало карать кривду. Вспомни о том, что этот человек уже стал твоим врагом.

Одд спросил:

— Так ли, Хельги?

Тот сказал, что Торир изрядно приврал; тут выясняется, как все было на самом деле.

Одд говорит:

— Не буду вмешиваться; я бы и сам, наверное, поступил так же, если б пришла нужда.

Торир говорит:

— Правильно говорят, что «злых людей лучше знать понаслышке» и «не было беды, да пришла с моего двора».

Торир берет Хельги и уезжает прочь с чем приехал; он был вне себя от того, как пошло дело.

VII

Торвальд, сын Одда из Междуречья приехал в Исландию предыдущим летом. Он пристал на севере и пробыл там всю зиму. Ближе к лету он выехал с севера к своему отцу и остановился на ночь в Северном Междуречье; там его хорошо приняли. В доме гостил тогда человек по имени Видфари: он был бродяга и ходил из одного конца страны в другой. Видфари приходился Ториру близким родичем и имел сходный нрав. В тот же вечер Видфари берет свои пожитки, поспешно выходит и не останавливается, пока не приходит к Ториру. Тот принимает его с распростертыми объятиями,—

— уж я-то знаю, что твой приход принесет мне удачу.

Видфари отвечает:

— Это вполне возможно, потому что Торвальд сын Одда приехал в Северное Междуречья и сейчас гостит там.

Торир говорит:

— С первого взгляда я понял, что мне улыбнется удача, ибо едва я увидел тебя, на душе стало легко.

Вот проходит ночь, а рано утром Торир едет в Северное Междуречье, и с ним его воспитанник Хельги. Там набралось много народа, и мальчика усадили, а Торир устраивается на полу.

Это замечает Торвальд: они с Арнгримом сидели на скамье и беседовали.

— Кто этот человек, который ползает по полу? — говорит Торвальд.

Арнгрим отвечает:

— Это воспитатель моего сына.

— Так,— говорит Торвальд,— а почему бы ему не отвести место?

Арнгрим сказал, что это не столь важно.

— Непорядка быть не должно,— сказал Торвальд. Он велит подозвать Торира и усаживает его рядом с собой. Затем они обмениваются всевозможными новостями. Он, Торир, говорит ему:

— Много пришлось пережить мне, когда Кетиль Соня ограбил меня.

Торвальд спросил:

— Улажено ли это дело?

— Куда там,— говорит Торир.

— Как же случилось, Арнгрим,— сказал Торвальд — что вы, хёвдинги, снесли такой срам?

Арнгрим говорит:

— В его словах всегда больше лжи, чем правды, да и отняли у него самую малость.

— Но ведь это правда, что у него было сено? — говорит Торвальд.

— Конечно, было,— говорит Арнгрим.

— Каждый волен решать за себя,— сказал Торвальд,— и малой приязнью пользуется он здесь, раз ему приходится пресмыкаться у тебя под ногами.

Торир сказал:

— Все нравится мне в тебе, Торвальд, и есть у меня предчувствие, что ты и добьешься справедливости в моем деле.

Торвальд сказал:

— У меня недостаточно власти, чтоб кого-либо защитить.

Торир сказал:

— Я готов отдать тебе половину своего добра, чтобы ты взял мою тяжбу и добился изгнания по суду или права вынести приговор, так чтобы враги мои были посрамлены[13].

Арнгрим сказал:

— Не делай этого, Торвальд, ибо негоже достойному мужу помогать такому, как он. А идешь ты против того, кто и умен, и богат, и всеми любим.

— Вижу я,— говорит Торвальд,— что в тебе говорит зависть, и ты просто не хочешь, чтоб я взял его деньги.

Торир сказал:

— Надо сказать, Торвальд, что добро мое нажито честно, и все знают, что имущество мое нигде не заложено, а многие еще не рассчитались со мной за недоимки.

Арнгрим сказал:

— Я хотел предупредить тебя, Торвальд, чтоб ты не брал это дело. Но я знаю, что ты поступишь по-своему, и боюсь, что от этого произойдет много зла.

Торвальд отвечает:

— Я не стану отклонять предложение.

Тут Торир протягивает руку и поручает Торвальду половину имущества, и вместе с ним тяжбу против Кетиля Сони.

Тут Арнгрим сказал:

— Как ты намерен вести эту тяжбу, Торвальд?

— Сперва поеду к моему отцу и обсужу с ним, что делать.

Торир сказал:

— А вот это мне не по душе; я не хочу проволочек. Я многого лишился, и хочу завтра же ехать вызывать на тинг Кетиля Соню.

Торвальд сказал:

— Может, ты и впрямь человек неудачливый, и из-за тебя случится много зла. Но пусть все так и будет.

И они с Ториром договариваются встретиться завтра в условленном месте.

VIII

Рано утром Торвальд и Арнгрим выезжают из дому с тремя десятками людей. Они встречают Торира, и с ним еще двое — Хельги сын Арнгрима и Видфари, родич Торира.

Торвальд сказал:

— Почему с тобой так мало народу, Торир?

Тот отвечает:

— Я знал, что у тебя не будет недостатка в людях.

Они подымаются на Склон и едут к хутору. Всадников было издалека видно, и каждый выбегает из своего дома и хочет прийти к Кетилю Соне первым; там собралось много народа.

Торвальд со своими людьми подъезжает к двору, соскакивают с лошадей и идут к дому. Когда Кетиль Соня это видит, он выходит навстречу им и предлагает всем свое гостеприимство.

Торвальд сказал:

— Мы приехали к тебе не за тем, чтобы сидеть за столом. Я хочу знать, как ты ответишь по иску Торира за грабеж сена.

Кетиль Соня отвечает:

— Так же, как ему. Сперва определи сам, насколько велик ущерб, и я возмещу его, а сверх того, я одарю тебя богаче и почетнее чем Торира, ибо ты намного превосходишь его. Это послужит к твоей славе, и все скажут, что ты с честью решил эту тяжбу.

Торвальд молчит, и ему кажется, что сказано хорошо.

Тут Торир говорит:

— Все это неприемлемо, и думать тут нечего. Меня давно поставили перед таким выбором, и чужая помощь для этого мне не нужна: стоило ли из-за малых дел лишаться добра ради тебя?

Тогда Торвальд сказал:

— Сколько ты намерен дать за откуп от изгнания[14]?

Кетиль Соня сказал:

— Нисколько, но ты сможешь определить размеры ущерба по своему усмотрению.

Торвальд говорит:

— Сдается мне, что нет иного выхода, как вчинять иск.

Затем он вызывает Кетиля Соню за грабеж, называет своих свидетелей и выбирает такие слова и обороты, какие счел самыми резкими.

Тут Кетиль Соня поворачивается и идет в дом. Навстречу ему попадается норвежец Эрн, который вышел взглянуть на свой товар. Эрн спросил:

— Не ранен ли ты, хозяин? Ты красен как кровь.

Тот отвечает:

— Не ранен, но мне от того не легче. Услышал я о себе такие слова, каких не слыхал ни от кого: назван я грабителем и вором.

Эрн хватает свой лук, кладет стрелу на тетиву и выбегает наружу в тот миг, когда те садились в седло. Он выстрелил, и стрела попала в одного из всадников, и он свалился с седла: был это Хельги, сын Арнгрима Годи. Они сбегаются к нему. Торир опережает всех, расталкивает людей и просит пропустить его:

— Ибо мне сейчас всего горше.

Он склонился над Хельги, а тот был уже мертв. Торир сказал:

— Покинули тебя силы, сынок?

После этого Торир выпрямился и сказал:

— Мальчик говорил со мной. Он сказал дважды одно и то же, вот что:

— Сожги, сожги Кетиля Соню в доме.

Арнгрим отвечает так:

— Случилось то, чего я боялся, и часто зло влечет за собой зло. Я так и подозревал, что от тебя, Торир, произойдет много бед, и не знаю я, что сказал мальчик, ибо ты всегда излагаешь криво. Однако не исключено, что мы так и поступим. Скверно начиналось это дело; может статься, что скверно и закончится.

Торир отвечает:

— По-моему, у тебя есть дела и поважнее, чем поносить меня.

Арнгрим и его люди едут прочь до одного отрога леса и ждут там наступления сумерек. А Кетиль Соня благодарит людей за помощь и просит всех отправляться к себе домой, чему каждый из них был рад.

IX

Рассказывают, что как только стемнело, Торвальд со своими людьми вернулся к хутору в Эрнольввовой Долине; в это время все уже спа-

ли. Они подтаскивают к дому хворост и высекают огонь. Кетиль Соня и его люди проснулись лишь тогда, когда постройки над ними запылали вовсю. Кетиль Соня спросил, кто это поддал такого жару. Торир сказал кто. Кетиль Соня спросил, получит ли кто-нибудь пощаду. Торир сказал, что всех их ждет одна участь — сгореть в огне. Они уезжают не прежде, чем в доме сгорели все до единого[15].

Херстейн, сын Кетиля Сони, вечером уехал к своему приемному отцу; того звали Торбьёрн, а по прозвищу — Рысак. Поговаривали, что Торбьёрн — человек необычный, и может находиться во многих местах сразу[16].

Утром Херстейн просыпается и спрашивает, спит ли его приемный отец. Тот говорит, что не спит,

— а что ты хочешь?

— Мне приснилось, будто я вижу, как сюда входит мой отец: платье на нем пылало, и мне казалось, что весь он — как большой язык пламени.

Они встают и выходят, и вскорости замечают пламя. Они берут оружие и спешно выезжают, но когда они добрались до места, никого из поджигателей уже не было.

Херстейн сказал:

— Здесь произошли ужасные дела, и как теперь быть нам?

Торбьёрн отвечает:

— Теперь стоит воспользоваться тем, что часто предлагал мне Одд из Междуречья: не раз приглашал он меня обращаться к нему, если буду в нужде.

Херстейн говорит:

— По-моему, надежда на это мала.

Все же они едут, добираются до Широкого Жилья[17] и вызывают Одда. Одд выходит и хорошо встречает их. Он справился о новостях. Они рассказали, как все произошло. Одд был очень недоволен.

Тут старый Торбьёрн заводит такую речь:

— Как-то раз случилось, бонд Одд,— сказал он,— что ты обещал мне свою поддержку, и теперь я хочу принять ее, чтобы ты помог нам добрым советом и поехал с нами.

Одд сказал, что так и поступит. Вот они едут в Эрнольвову Долину и успевают туда еще до начала дня. Все постройки давно обвалились, но огонь еще тлел. Одд едет к одному из строений, которое выгорело не до конца. Он высматривает себе головню, и вытаскивает ее из пепелища. Затем он объезжает дом по ходу солнца с пылающей головней в руках[18]. Тут он сказал:

— Землю эту я беру себе, ибо не вижу на ней обитаемого жилья. Да слышат это свидетели, которые здесь присутствуют.

После этого он поворачивает коня и едет прочь.

Херстейн сказал:

— Что теперь делать? Не кончилась эта затея добром.

Торбьёрн сказал:

— Помолчи, если можешь, что бы не происходило.

Херстейн отвечает и говорит, что сказал лишь самую малость.

Клеть, в которой лежали товары Норвежца и много иного добра, не сгорела. Как раз туда и идет Торбьёрн. Вот Херстейн бросает взгляд на свой хутор, и видит, что клеть открыта, товар вынесен наружу, а никого из людей не видно. Затем он слышит с выгона сильный шум; теперь он замечает, что к хутору согнаны все лошади его отца, а также овцы с коровами и прочий скот. Вскоре все имущество собрано в путь, и скот трогается с места. Херстейн оглядывается и видит, что скот гонит старый Торбьёрн. Они поворачивают на дорогу к западу, едут через всю округу к Междуречьям Столбового Холма и переправляются через Северную Реку.

X

Пастух Торкеля Бахромы в то утро пас свое стадо. Он видит, как те едут, погоняя перед собой всевозможный скот[19]. Он рассказывает про это Торкелю, а тот говорит:

— Я знаю, к чему это. Это, верно, мои друзья, Люди с Поперечного Склона. У них на зимних пастбищах много скота, и они, должно быть, гонят его сюда. Им это можно позволить: сена у меня вдоволь, да и пастбищ для скота хватит.

Когда те появились у выгона, Торкель вышел им навстречу; он приветствует их и предлагает им свое гостеприимство и полную защиту. Они едва могли слезть с седла, так радушен был хозяин.

Торбьёрн сказал:

— Твое радушие велико, и нам было бы весьма кстати, чтоб ты исполнил то, что сейчас обещал.

— Я знаю, с чем ты приехал: ты будешь просить, чтобы скот остался у нас, ведь хороших угодий здесь много.

Торбьёрн сказал:

— Мы с Херстейном принимаем твое приглашение.

Затем он отводит Торкеля в сторону и говорит:

— Большие новости должны мы тебе поведать.

Торкель спросил, что это.

— Бонд Кетиль Соня был сожжен этой ночью,— сказал Торбьёрн.

— Кто совершил это низкое дело?

Торбьёрн рассказал как все произошло,—

— и теперь Херстейн нуждается в твоих мудрых советах[20].

Торкель сказал:

— Не счел бы я разумным предлагать вам с ходу так много, если б знал обо всем заранее, но теперь я намерен взяться за тяжбу и продвигать ее по своему разумению, а пока приступим к еде.

Они не возражали. Торкель Бахрома был очень неразговорчив и что-то обдумывал, а когда они насытились, он велит привести лошадей. Затем они берут свое оружие и садятся в седло. Торкель скачет первым; перед выездом он распорядился хорошенько выпасать скот на лугу, а скотину в хлеву кормить вволю.

Они держат путь на север к Гуннарову Двору на Лесистом Побережье; это дальше по Побережью в начале Широкого Фьорда. Там жил человек по имени Гуннар сын Хлив[21]; он был высок ростом, силен и большой удалец. Гуннар был женат на сестре Торда Ревуна, ее звали Хельга. У Гуннара было две дочери: одну звали Йофрид, а другую — Турид[22].

Они приезжают туда на склоне дня и спешиваются перед домом. Дул ветер с севера, и было довольно холодно. Торкель подходит к дверям и стучится; к двери подходит работник, приветствует тех, кто приехал и спрашивает у Торкеля, кто он.

Торкель сказал, что тому не пойдет на пользу, даже если ему это скажут,— и проси Гуннара выйти.

Работник сказал, что Гуннар уже лег. Торкель просит сказать ему, что его хочет видеть один человек. Работник так и делает, идет в дом и говорит Гуннару, что кто-то хочет его видеть. Гуннар спросил, кто это. Работник сказал, что не знает,—

— но он высок ростом.

Гуннар сказал:

— Иди и предложи ему остаться здесь на ночь. Работник идет и говорит так, как ему велел Гуннар, но Торкель сказал, что не хочет принимать ночлег от рабов, и пусть выйдет сам хозяин[23]. Работник говорит, что это было бы правильно,—

— да только нет у Гуннара обычая вставать по ночам. Одно из двух,— говорит он,— либо езжай прочь, либо заходи в дом и оставайся здесь на ночь.

— Одно из двух,— говорит Торкель,— либо ты доложишь как следует, либо я запихну рукоять меча тебе в нос.

Работник вбегает внутрь и захлопывает дверь. Гуннар спросил, куда это он мчится, не помня себя. Тот отвечает, что больше не хочет разговаривать с тем человеком,—

— ибо он очень груб.

Тогда Гуннар поднялся и вышел на выгон. На нем была рубашка и холщовые штаны, поверх плащ, на ногах черные башмаки, в руке меч. Он хорошо встречает Торкеля и просит его зайти. Тот говорит, что их много. Гуннар идет к ограде, а Торкель бросается к сеням и закрывает дверь в дом. Его люди идут за дом. Гуннар приветствует их. Торкель сказал:

— Сядем здесь, потому что нам есть о чем поговорить с тобой, Гуннар.

Они так и делают, садятся по обе руки от него, и так близко, что они сидят на плаще Гуннара[24]. Торкель сказал:

— Вышло так, бонд Гуннар, что со мной приехал человек по имени Херстейн; он сын Кетиля Сони. Не следует делать тайны из того, что он хочет посвататься к твоей дочери Турид. Ради этого я и приехал с ним, и я не хочу, чтобы ты ему отказал, что я считаю весьма неразумным. Для меня важно, чтоб ты отнесся к этому человеку и к моему ходатайству с должным уважением, и не медлил с ответом.

Гуннар сказал:

— Я не склонен решать это дело один. Сперва я хочу посоветоваться с ее матерью, с самой дочерью, а особо — с ее родичем Тордом Ревуном[25]. А об этом человеке, Херстейне, и о об отце, мы слыхали только хорошее, так что дело выглядит стоящим.

Тогда Бахрома говорит:

— Тебе надо еще учесть, что мы не намерены долго свататься к девушке, и что мы заботимся о твоей славе не меньше, чем о своей. К тому же мне странно, что столь умный муж, как ты, долго думает над столь выгодным предложением. Мы приехали сюда из дому не для того, чтобы вернуться с пустыми руками. И я окажу тебе, Херстейн, такую помощь, которая понадобится, если он не сможет выбрать то, что для него почетно.

Гуннар отвечает:

— Не пойму, чего ради вы столь рьяно беретесь за дело и даже угрожаете мне, что готовы на все, ведь сватовство кажется мне вполне подходящим; я намерен принять предложение и протягиваю вам руку.

Он так и поступает, а Херстейн называет своих свидетелей и обручается с девушкой. После этого они встают и заходят в дом. Им был оказан хороший прием. Тут Гуннар спрашивает о новостях. Торкель

говорит, что у них нет ничего новее сожжения Кетиля Сони. Гуннар спросил, чьих это рук дело. Торкель говорит, что предводителем был Торвальд сын Одда, а еще Арнгрим Годи. Гуннар говорил мало, не укорял их, но и не выказывал радости.

XI

Рано утром Гуннар уже на ногах; он идет к Торкелю и просит его одеваться. Они так и делают, и затем идут завтракать; лошади уже ждут снаружи, и они садятся верхом. Гуннар скачет первым и держит путь к истокам фьорда. Земля сильно обледенела. Они не делают привала, пока не приезжают в Лощину к Торду Ревуну. Он хорошо принял их и спросил о новостях. Они ответили, как им показалось нужным. Гуннар отводит Торда в сторону, и говорит, что с ним сейчас приехали Херстейн сын Кетиля Сони, и Торкель Бахрома,—

—а прибыли они с тем, что Херстейн хочет стать моим зятем и сватается к моей дочери Турид. По душе ль это тебе? Муж этот красив и искусен; нет у него недостатка и в имуществе, ведь отец его часто говаривал, что оставит свой хутор, и тогда его получит Херстейн.

Торд отвечает:

—К Кетилю Соне я отношусь хорошо, ибо как-то раз, когда мы с Оддом из Междуречья не поладили на альтинге из-за убийства раба, за которое Одд не хотел платить, я выехал в непогоду взыскивать виру, и со мной было двое.[26] Ночью мы приехали к Кетилю Соне, и нас отменно приняли. Мы пробыли у него неделю, и он поменял нам лошадей и подарил мне хорошую племенную кобылу. Вот что я о нем знаю, а все же не кажется мне, что мы прогадаем, если не станем торопиться.

—Ты должен еще взять в толк,—сказал Гуннар,—что потом ее просто так замуж не выдашь, даже если найдутся другие женихи, ибо этот, по моему, человек достойный и храбрый, и неизвестно, чего ждать, если ответить ему отказом.

После этого Гуннар идет к своей дочери—а она воспитывалась у Торда—и спрашивает, что у нее на уме. Она отвечает, что не так жаждет замужества, чтобы ей не хотелось оставаться дома,—

—ведь я сижу здесь под надежной опекой моего родича Торда. Но в этом, как и в другом, я подчинюсь вашей воле.

Тогда Гуннар возобновляет беседу с Тордом и напирает на то, что предложение кажется ему очень почетным. Торд говорит:

—Так отчего же тебе не выдать за него свою дочь, раз тебе этого хочется?

Гуннар отвечает,

— Оттого, что я выдам ее лишь тогда, когда на то будут и твоя, и моя воля.

Торд сказал, что оба они принимают предложение.

— Я хочу,— сказал Гуннар,— чтобы ты, Торд, обручил девушку с Херстейном.

Торд отвечает:

— Сам должен ты делать такие вещи, обручать свою дочку.

Гуннар говорит:

— Мне кажется, что больше славы будет в том, что ее обручишь ты, ибо это скорее подобает тебе.

Торд дал этому случиться, и девушку обручили[27].

Тогда Гуннар сказал:

— Еще я прошу тебя позволить сыграть свадьбу здесь в Лощине, и тогда все будет сделано с наибольшим размахом.

Торд сказал, что будет по его воле, раз он так настаивает.

Гуннар говорит:

— Мы рассчитываем быть у тебя через неделю.

После этого они садятся на лошадей и поворачивают в обратный путь, и Торд выходит проводить их до дороги. На прощанье он еще раз спросил, не могут ли они рассказать чего-нибудь нового.

Гуннар отвечает:

— Не слышали ничего новее сожжения бонда Кетиля Сони.

Торд спросил, как это произошло, и Гуннар рассказал о сожжении со всеми подробностями, и сказал, кто был предводителем, а кто при этом присутствовал.

Торд сказал:

— Не решилась бы эта помолвка так скоро, если б я знал обо всем заранее, и вы можете считать, что в этот раз намного превзошли меня хитростью и умом. И все же мне неясно, вправе ли вы решать все по своему усмотрению.

Гуннар сказал:

— Вполне можно рассчитывать на поддержку, когда имеешь дело с тобой, к тому же ты теперь обязан помогать своему зятю, ведь все слышали, как ты обручал девушку, и все это было сделано с твоего ведома. Это и к лучшему, что вы, хёвдинги, однажды выясните, кто из вас покрепче, ведь вы уже давно точите друг на друга зубы.

XII

Теперь они расстаются, и Торд вне себя от ярости: ему кажется, что его нагло втравили в эту тяжбу. А они скачут к Гуннарову Двору с убеждени-

ем, что все прошло как нельзя лучше, раз им удалось залучить Торда на свою сторону, и они очень довольны. Дальше на юг они в этот раз сами не едут, но созывают людей на свадьбу, и приглашают всех в назначенный день в Лощину. У Торда набралось много званых гостей[28], и вечером он рассаживает всех по местам. Сам он сидел на одной из скамей вместе со своим шурином Гуннаром, а Торкель Бахрома с женихом сидели на другой скамье; невесте отвели поперечную скамью. А как только поставили все столы и все заняли свои места, жених Херстейн встал из-за стола и подошел к лежащему рядом камню[29]. Он поставил ногу на камень и сказал:

— Я даю обет,— сказал он,— что прежде, чем этим летом кончится альтинг, я добьюсь полного изгнания Арнгрима Годи или же права самому решить мою тяжбу.

Затем он садится на свое место. Тогда встал Гуннар и сказал:

— Я даю обет,— сказал он,— что прежде чем этим летом кончится альтинг, я заставлю Торвальда сына Одда покинуть страну, или же добьюсь права самому решить мою тяжбу.

Усевшись за стол, он говорит Торду:

— Чего же ты, Торд, сидишь и не говоришь ничего?Мы знаем, что на уме у тебя то же, что и у нас[30].

Торд отвечает:

— В этот раз все останется по-прежнему.

Гуннар говорит:

— Если ты хочешь, чтобы мы сказали за тебя, это устроить можно: мы знаем, что ты замышляешь смирить Одда из Междуречья.

Торд сказал:

— Вы решайте сами, что говорить вам, а о чем говорить мне, буду решать я. Достаточно, чтобы сбылось то, что вы тут наговорили.

Кроме этого, на свадьбе не случилось ничего памятного, однако она прошла со всем возможным почетом, а когда она кончилась, все разъезжаются по своим хуторам, и было это в последние зимние дни. А когда наступает весна, они собирают своих людей и едут на юг во Фьорд Городища, приезжают в Северное Междуречье и вызывают Арнгрима Годи с Куриным Ториром на тинг Мыса Тингов[31]. Херстейн с тремя десятками людей едет туда, где, как ему сообщили, Торвальд сын Одда сделал последний привал на ночлег по пути домой с севера. Теперь в округе неспокойно, и обе стороны сговаривают людей в поход и набирают войско.

XIII

Дальше случилось так, что Куриный Торир с дюжиной людей исчез из округи, как только узнал о том, как обстоит дело, и про него ничего

не было известно.[32] Одд набирает войско в долинах, в обеих Долинах Дымов и в Долине Скорри, а также в прочих округах к югу от Белой Реки; кроме того, у него было много людей из других мест. Аргрим Годи собрал людей с Поперечного Склона и кое-кого из Долины Северной Реки.

Торкель Бахрома собрал людей из низовьев, с Болот и со Столбовых Междуречий; с ним были и некоторые жители Долины Северной Реки, потому что там, в Лощине, жил его брат Хельги, а он был заодно с Торкелем.

Теперь Торд Ревун собирает людей на западе, и у него набралось их немного. Затем встречаются все, кто ведет эту тяжбу, и всего у них две сотни людей. Они едут по взгорью к Северной Реке, переправляются через нее у Островного Брода[33], проезжают Столбовые Междуречья и рассчитывают переправиться через Белую Реку в том месте, которое зовется Тесниной Рабов. Тут они видят, что по южному берегу едет большое войско: это Одд из Междуречья, и с ним почти четыре сотни людей. Тогда они прибавляют хода и хотят прийти к броду первыми. Они встречаются у реки, и люди Одда спешиваются и защищают брод. Людям Торда было трудно пробиться вперед, но они очень хотят попасть на тинг; завязывается битва, и тут же случаются увечья. Пало четверо людей Торда: там пал Торольв Лис, брат Альва из Долин, муж доблестный, и с тем они поворачивают вспять. Один человек был убит в войске Одда, а трое были тяжело ранены. Торд передает теперь тяжбу на альтинг. Затем они уезжают к себе на запад, и всем кажется, что слава людей с запада сильно померкла.

Одд же едет на тинг: он отослал домой своих рабов с лошадьми. Когда они приехали, Йорунн, жена Одда, спросила их о новостях. Они отвечали, что не могут сказать ничего, кроме того, что с запада из Широкого Фьорда приехал один человек, который сумел дать ответ Одду, и голос его был подобен бычьему реву[34]. Она ответила, что это не новость, если ему отвечали, как прочим людям, но сказала, что непохоже, что дело этим ограничилось.

— Еще была битва,— сказали они,— и всего пало пять человек, а многих ранили,— а больше они ничего не заметили.

Тинг проходит своим чередом, и ничего особенного там не происходит. Когда же зять с тестем возвращаются к себе на запад, они меняются хуторами; Гуннар едет в Эрнольвову Долину, а Херстейн берет себе Гуннаров Двор. После этого Гуннар распоряжается привезти из Залива весь лес Эрна Норвежца и сложить его в Эрнольвовой Долине. После этого он принимается за дело и отстраивает хутор заново, ибо

Гуннар был искуснейшим из людей. А еще он был большим удальцом и намного превосходил всех воинским навыком и отвагой.

XIV

Вот проходит какое-то время, и люди выезжают на тинг. Во всех местах к этому изрядно готовились, и обе стороны собирают очень большое войско. Но когда Торд Ревун и его люди приехали к Гуннарову Двору, Херстейн был болен, и ехать на тинг не мог. Он передает поэтому свою тяжбу в другие руки[35]. При нем осталось три десятка людей.

Затем Торд едет на тинг. Он забирает с собой всех своих родичей и друзей и приезжает на тинг заранее, а тинг был тогда у подножья Великаньей Горы[36]. Когда все отряды прибыли, у Торда набирается огромное войско. Вот они видят, как едет Одд из Междуречья. Торд выезжает ему навстречу и не хочет пропустить его на тинг. Одд скачет вперед с тремя сотнями людей. Торд и его люди обороняют от них место тинга, и тут же завязывается битва[37]. Вскоре люди начинают гибнуть, и очень многие оказываются ранены. Там пало шесть людей Одда, потому что людей у Торда было намного больше.

Люди добропорядочные видят, что если будет биться весь тинг, несчастий не оберешься, и будет поздно предлагать виру. Выступили разнять их, и Торда с Оддом развели, а дело передали на мировую. Одда оттеснили превосходящими силами, и он был вынужден отступить, хотя было ясно, что положение его невыгодное, да и сил у него меньше. Договорились, что Одд покроет свои землянки за полем тинга, но придет на суд по своим тяжбам и прочим делам, и должен будет вести себя тихо и не выказывать спеси, равно как и его люди.

Затем посадили судей разрешать тяжбы и заключать мировую, и горше всего для Одда было то, что у другой стороны был большой перевес в силах[38].

XV

Теперь следует рассказать о Херстейне, что ему полегчало вскоре после того, как Торд уехал на тинг. Тогда он едет в Эрнольвову Долину. Однажды утром он сидел в кузнице; он был очень умелым кузнецом. В это время туда приходит некий бонд по имени Эрнольв[39], и вот что он сказал Херстейну:

— Корова моя заболела,— сказал он,— и я тебя прошу, Херстейн, поехать взглянуть на нее. Нам по душе, что ты вернулся домой, ведь мы кое-что задолжали твоему отцу, а он был нам опорой во всем.

Херстейн отвечает:

— Мне нет дела до твоей коровы, и я не могу понять с ходу, что с ней.

Бонд говорит:

— Большая же между вами разница: твой отец подарил мне эту корову, а не хочешь даже взглянуть на нее.

Херстейн говорит:

— Я дам тебе другую корову, если эта падет.

Бонд говорит:

— Я хочу сперва попросить тебя осмотреть эту.

Тогда Херстейн гневно вскакивает, и выходит наружу, а бонд вместе с ним. Вскоре они сворачивают в сторону леса: там есть одна лесная тропа, которая петляет в горах. Когда Херстейн вышел на горную тропку, он остановился; у него было очень острое зрение.

Затем он сказал:

— Там, в лесу, блеснул щит.

Бонд молчал. Херстейн сказал:

— Ты что, меня предал, собака? Если ты с кем-нибудь сговорился, ложись ниц на тропу и не говори не слова. Не сделаешь этого, убью тебя.

Тогда бонд ложится на землю. Херстейн возвращается домой и созывает своих людей. Они хватают оружие, тотчас выезжают в лес и застают Эрнольва лежащим на тропе. Они велят ему ехать с ними и проводить их туда, где их должны встретить. Вот они едут до тех пор, пока не въезжают на вырубку. Тут Херстейн сказал Эрнольву:

— Я не буду заставлять тебя говорить, если ты сделаешь теперь, что тебе было велено.

Бонд взбирается тогда на пригорок и громко свистит. Затем выбегают двенадцать человек, и во главе шайки был Куриный Торир. Херстейн и его спутники хватают их и убивают. Херстейн сам отрубил Куриному Ториру голову и взял ее с собой[40]. Этот подвиг очень прославил Херстейна, и принес ему большой почет, чего следовало ожидать.

Вот уже улажены все их тяжбы, и завершаются они тем, что Арнгрим Годи был осужден на пожизненное изгнание, и с ним все, кто был при сожжении, кроме Торвальда сына Одда. Тот должен был уехать из страны и находиться в изгнании три года; за него, как и за остальных, была внесена вира, чтобы они могли покинуть страну.

Торвальд выехал из страны тем же летом. В Шотландии он попал в плен и был там обращен в рабство. На этом тинг закончился, и всем кажется, что Торд на славу провел эти тяжбы. Уехал тем же летом и

Арнгрим Годи, но не говорится, сколько всего за них было уплачено. Этим кончаются их тяжбы. Потом люди разъезжаются с тинга по домам, а те, кого, как было сказано, осудили на изгнание, покидают страну.

XVI

Гуннар сын Хлив сидит теперь в Эрнольвовой Долине: он вполне отстроил свой хутор. Во время страды он жил в хижине на выгоне, и дома обычно было мало народа. Йофрид, дочь Гуннара жила поодаль в своей горенке: ей казалось, что так веселее.

Однажды случается так, что Тородд сын Одда из Междуречья едет к Поперечному Склону. Он заезжает в Эрнольвову Долину и заходит в горенку Йофрид. Она приветствует его как положено. Он садится с ней рядом, и они начинают беседовать. Тут из хижины приходит мальчик и просит Йофрид помочь спустить снопы к хутору. Тородд выходит и заносит снопы, а мальчик отправляется назад, и приходит к хижине. Гуннар спрашивает, как ему удалось так быстро управиться. Тот ничего не отвечает.

Гуннар спросил:

— Не приметил ли ты чего особенного?

— Вовсе нет,— сказал мальчик.

— Нет,— сказал Гуннар,— ты прибежал оттуда в такой спешке, словно у тебя на глазах случилось что-то важное: скажи мне, коли так. А может быть, к хутору кто-нибудь подъехал?

— Я не видел, чтоб кто-нибудь приезжал,— сказал мальчик.

— Теперь-то ты, наверное, скажешь,— сказал Гуннар, взял в руку прут и собрался выпороть мальчика. Ничего он, однако, не добился и в этот раз.

После этого Гуннар берет себе коня, вскакивает в седло и быстро едет по склону вниз к своему хутору. Йофрид замечает, как скачет ее отец и говорит об этом Тородду. Она просит его уезжать,—

— Я бы очень хотела, чтоб не случилось беды.

Тородд говорит, что скоро уедет. Гуннар приезжает быстро и тут же соскакивает с коня. Тородд приветствует его как положено, и Гуннар ответил на его приветствие, а затем спросил, как он сюда попал. Тородд сказал, что так сложились его разъезды,—

— но сделал я это вовсе не для того, чтобы досадить тебе. И я хочу знать, как ты ответишь мне, если я посватаюсь к твоей дочери Йофрид.

Гуннар отвечает:

— Наездами руки моей дочери не добьешься. К тому же сейчас между нами вражда.

После этого Тородд уехал домой.

XVII

Однажды Одд говорит, что было бы не худо получить доход со своих угодий в Эрнольвовой Долине,—

— там где чужие люди беззаконно обосновались на моих землях.

Женщины сказали, что это весьма кстати,—

— Удои сейчас хуже некуда, а если перегнать скот, молока будет не в пример больше.

— Вот и будем пасти наш скот там,— сказал Одд,— ибо там хорошие пастбища.

Тогда Тородд сказал:

— Я готов сам ехать выпасать скот, и тогда другим покажется неповадно встревать.

Одд говорит, что согласен, и вот они выгоняют свой скот. Когда они отъехали достаточно далеко, Тородд говорит, чтобы скот держали на самых худших землях с сорной травой. Вот проходит ночь, а наутро они гонят скот обратно, и когда женщины его подоили, они сказали, что столь скверных удоев они вообще припомнить не могут. Больше скот перегонять не пробовали. Так проходит какое-то время.

Вот отнажды утром Одд заговаривает со своим сыном Тороддом:

— Ты должен будешь поехать на север и собирать людей в той округе, а я приведу людей с наших владений. А Торви поднимется к Кряжам и сообщит тамошним людям о нашей встрече. Мы встретимся у Каменного Брода.

Они так и поступают и набирают войско. У Тородда собирается девять десятков людей; все они едут к броду. Тородд и его люди приезжают первыми; он просит своих ехать вперед,—

— а я буду ждать моего отца.

Когда они появляются у хутора в Эрнольвовой Долине, Гуннар собирает сено в стога. Тут мальчик, который был с Гуннаром, подал голос:

— К хутору едут люди, и их отнюдь не мало.

— Да,— сказал Гуннар,— так и есть — и он заходит в дом и берет лук, ибо он был лучший лучник из всех, так что рядом с ним можно поставить лишь Гуннара с Конца Склона[41]. К тому времени он вполне отстроил весь хутор, а во входной двери сделал оконце, в которое можно было просунуть голову. Он стоял за дверью с луком.

Тут к хутору подъезжает Тородд; он идет к дверям с несколькими людьми и спрашивает, не хочет ли Гуннар предложить виру.

Тот говорит:

— Я не знаю, за что я должен платить. Однако я почти уверен, что прежде чем вы меня одолеете, мои служанки уязвят кое-кого из твоих товарищей шипом, повергающим в сон[42], и будет это еще до того, как я склонюсь в траву.

Тородд отвечает:

— Верно, что ты превосходишь многих из ныне живущих, и все же тебе придется иметь дело с таким множеством народа, что тебе не устоять, ибо сюда едет мой отец с большим войском и хочет убить тебя.

Гуннар говорит:

— Пусть так. Однако я хотел бы отомстить за себя, прежде чем рухну на землю. К тому же твой отец едва ли станет соблюдать мировую.

— Есть другой путь,— сказал Тородд,— и мы вполне можем поладить, если ты добровольно протянешь мне руку и выдашь за меня свою дочь Йофрид.

Гуннар отвечает:

— Угрозами ты мою дочь не получишь, но предложено почти что по чести, ибо ты — парень стоящий.

Тородд говорит:

— Люди добропорядочные друг другу не угрожают, и мне по душе, что ты встречаешь сватовство подобающими словами.

И вот, по уговорам друзей, а еще потому, что Тородд все время вел себя хорошо, случается так, что Гуннар протягивает руку, и на этом распря заканчивается.

В эту минуту Одд со своими людьми въезжает на выгон, и Тородд спешит навстречу отцу и спрашивает, что тот намерен предпринять. Одд отвечает, что хочет сжечь хутор и всех, кто в нем есть.

Тородд говорит:

— Все повернулось иначе, и мы с Гуннаром уже помирились,— и он рассказывает обо всем, что произошло.

— Это неслыханно,— говорит Одд,— разве было бы хуже получить девушку после того как будет убит Гуннар, наш злейший враг? Плохо же мы тебя воспитали!

Тородд отвечает и говорит ему:

— Со мной сперва будешь биться, если иначе не выйдет.

Люди встали между отцом и сыном и развели их. В конце концов, Йофрид выдали за Тородда, и Одду это крайне не по душе. С этим они едут домой. Потом люди сидят на свадьбе, и Тородд очень дово-

лен тем, как все обернулось. А следующей весной Тородд выехал из Исландии, потому что он узнал, что его брат Торвальд попал в плен, и Тородд хотел выкупить его. Он прибыл в Норвегию, и больше не вернулся в страну, как и его брат.

Одд к этому времени сильно состарился, а когда он узнал, что никто из его сыновей не вернется, то тяжело заболел. Когда болезнь начала превозмогать его, он сказал своим друзьям, чтобы они, когда он умрет, перевезли его тело к Горе Косого Острова, и сказал, что оттуда он сможет видеть все Междуречья[43], и это было исполнено[44].

А Йофрид дочь Гуннара позже выдали за Торстейна сына Эгиля с Городища, и она прослыла на редкость видной женщиной. На этом кончается Сага о Курином Торире.

О Снэбьёрне Борове

I

Снэбьёрн, сын Эйвинда Норвежца[1] и брат Хельги Тощего, занял землю между Узким Фьордом и Рекой Длинной Долины и поселился в Озерном Фьорде. Его сыном был Хольмстейн, отец Снэбьёрна Борова. Матерью Снэбьёрна Борова была Кьяльвёр, так что Одд из Междуречья и Снэбьёрн были сыновьями сестер[2]. Снэбьёрн воспитывался у Тородда на Мысу Тингов, но подолгу жил также у Одда и у своей матери на Дворе Кьяльвёр.

Халльбьёрн, сын Одда с Козлиной Горы, сына Халлькеля, брата Кетильбьёрна Старого, женился на Халльгерд, дочери Одда из Междуречья. Первую зиму молодые жили у Одда; там находился и Снэбьёрн Боров. Супруги не любили друг друга. Весной Халльбьёрн стал собираться в торговое плавание. Когда он был уже почти готов, Одд уехал из дому на горячий источник на Холме Дымов — там стояли загоны для его овец. Одд подозревал, что Халльгерд не захочет ехать с Халльбьёрном, и не желал при этом присутствовать; Одд постоянно пытался помирить их.

Оседлав коней, Халльбьёрн пошел в горенку. Халльгерд сидела на скамье и причесывалась; волосы закрывали ее всю и ниспадали на пол — у нее, да еще у Халльгерд Длинноногой[3], были самые прекрасные волосы из всех женщин Исландии. Халльбьёрн просил жену подниматься и ехать с ним. Она осталась сидеть и молчала. Тогда он схватил ее за руку, но она не поднялась с места. Так повторялось трижды. Халльбьёрн остановился и сказал:

[№ 1]

Лофн во льне, — вольно ей
мужиком как куклой
помыкать. Невеста
днесь мне ненавистна!
Обескровлен лихом
злым под кровлей духа —
платы не дождался
я от липы плата[4].

После этого он намотал волосы Халльгерд себе на руку и хотел стащить ее со скамьи, но она продолжала сидеть и не трогалась с места. Тогда он выхватил меч и отсек ей голову, вышел во двор и уехал прочь[5]. С ним было двое спутников, и они вели с собой двух вьючных лошадей.

Дома было немного народу, и тотчас послали сообщить Одду. Одд отвечает гонцам:

— Поезжайте-ка лучше на Двор Кьяльвёр и скажите Снэбьёрну, а сам я никуда не поеду.

II

Снэбьёрн выехал вслед за ними сам двенадцатый. Когда Халльбьёрн и его люди увидали погоню, товарищи просили Халльбьёрна спасаться бегством, но он не захотел. Люди Снэбьёрна настигли его на высотах, которые с тех пор зовутся Обороной Халльбьёрна[6]. Халльбьёрн и его товарищи взошли на вершину и заняли оборону. Там пало трое людей Снэбьёрна и оба спутника Халльбьёрна. Тут Снэбьёрн отрубил Халльбьёрну ногу у подъема; тогда Халльбьёрн отступил на южный пригорок, убил там двоих людей Снэбьёрна и пал сам. Поэтому на южной вершине стоят три памятных знака, а на северной — пять. После этого Снэбьёрн повернул вспять.

Корабль Снэбьёрна стоял в устье Гримовой Реки[7]; половину судна купил у него Хрольв с Красного Склона. У каждого из них было по двенадцать человек. Со Снэбьёрном поехали Торкель и Сумарлиди, сыновья Торгейра Рыжего, сына Эйнара со Столбового Холма[8]; Снэбьёрн также взял с собой своего приемного отца Тородда и его жену, а Хрольв взял Стюрбьёрна, который произнес вису, услышанную им во сне:

[№ 2]

Я рассмотрел
смерть нас обоих,
Сумрачно все
в море морозном;
Вижу я стужу,
невидаль всяку,
И прозреваю
гибель Снэбьёрна[9].

Они отправились на поиски Гуннбьёрновых Островков[10] и нашли сушу. Снэбьёрн не пожелал высаживаться поздно вечером. Стюрбьёрн

сошел с корабля, обнаружил в кургане кошель с деньгами и скрыл это[11]. Снэбьёрн оглушил его обухом секиры; тут кошель выпал наружу. Они сделали себе землянку, но ее занесло снегами. Однажды Торкель сын Рыжего увидел, что на вилах, стоявших перед окном, появилась вода; было это в месяц гои. Затем они раскопали себя. Снэбьёрн принялся чинить корабль, а Тородд с женой остались в землянке — они были из людей Снэбьёрна, а из людей Хрольва остался Стюрбьёрн: все прочие отправились ловить рыбу. Стюрбьёрн убил Тородда, а затем вдвоём с Хрольвом они убили Снэбьёрна. Сыновья Торгейра Рыжего и все остальные принесли клятвы в верности в обмен на жизнь. Корабль их пришел в Халогаланд; оттуда они отплыли в Исландию и пристали у мыса Вадиль.

Торкель Бахрома[12] узнал о случившемся от сыновей Рыжего. Хрольв же устроил у себя на Прибрежной Пустоши крепость. Бахрома послал за его головой человека по имени Свейнунг; тот поехал окольным путем[13] и явился сперва на Болота к Хермунду[14], затем на Скалы к Олаву[15], а оттуда спустился на Пастбища к Гесту[16]. А тот отослал его к своему другу Хрольву. Свейнунг убил Хрольва и Стюрбьёрна; затем он вернулся на Пастбища. Гест поменял ему меч и секиру и дал двух лошадей в яблоках, а сам послал гонца через Вадиль во Фьорд Колли и велел Торбьёрну Сильному[17] забрать лошадей. Торбьёрн убил Свейнунга на Отмели Свейнунга, ибо меч, который дал тому Гест, разломился у основания. Вот почему Торкель Бахрома всякий раз похвалялся перед Гестом тем, что превзошел его в мудрости — ведь ему удалось провести Геста так, что тот сам направил наемного убийцу к своему другу.

Сага о Битве на Пустоши

Breviarum

deperditi illius Fragmenti membranacei Historiae Styrianae, conscriptu, primo Hafniae A^0 MDCCXXIX, deinde vero notis qualibuscunque et appendice Historico aliquanto auctios redditum A^0 MDCCXXX.

L(ectori) S(alutem).[1]

Здесь записан пересказ той мембраны, которая была фрагментом Саги о Стюре Убийце, аппендикс коей есть Сага о битве на Пустоши. Эта мембрана была дана на время шведами асс.(ессору) Ауртни Магнуссону, и я переписывал ее для него на рубеже 1727 и 1728. Она была таких размеров: две тетради в размере кварто, перевязанные пенькой: в одной было 8 листов, а в другой 4. В некоторых местах кожа была повреждена, а всего более на последнем листе. Заглавные буквы были красными, а номеров у глав не было. Она была написана хорошими и ровными буквами, очень похожими на печатные латинские литеры. Записана она была здесь около 1360, по словам асс. Ауртни. Вместе с его книгами она потом сгорела в Копенгагене во время пожара 1728. Из того, что касается убийства берсерков и дел Торхалли со Стюром, я не помню больше того, что здесь сказано. Из истории про убийство Стюра и мести за него не забыто ничего из того, что было в мембране, и об этом там больше ничего не рассказывалось. И там, где начинается Убийство на Пустоши, все тоже очень сходно с тем, что здесь изложено. Относительно имен тех людей, которые упоминаются в саге, я указывал, когда не помнил их точно, и так же о названиях хуторов. Мне было затруднительно запомнить их, потому что я никогда не был ни на Песчаном Побережье, ни во Фьорде Городища, о которых в саге рассказывается больше всего, и места там все мне незнакомые. К тому же я читал мембрану только один раз, когда ее записывал, и с тех пор прошел целый год и несколько месяцев. Мне нужно было прочесть сагу еще один раз, чтобы ее события крепко засели в моей голове. Все же решился записать тогда другой экземпляр саги заново. Предпринял я это для того, чтобы люди лучше знали, как велик был этот фрагмент, и каково было его содержание, и те, кто хотят этого, не будут презирать мой труд и оценят его по достоинству, чего я и жду.

Ваш покорнейш. друг Йоун Оулафссон

***Пересказ Йоуна Олафссона*:**

Глава I

Атли стоял в сенях[1A]**,** и его убил некий человек, с которым они повздорили из-за коньковой балки. Балку тот увез прочь.

Глава II

Далее[2] рассказывается о том, как убивший погиб от руки Стюра[3]; имя его было Тормод, или вроде того[4]. Тот жил с оглядкой и надеялся ускользнуть от Стюра. Он уже начал съезжать с хутора и хотел перебраться в другое место.

Стюру стало об этом известно. Тогда он выехал из дома с четырьмя людьми; было это ночью либо в сумерках. Стюр справлялся в двух местах о том, где ночевал этот человек, однако оба бонда не желали выдавать того. И Стюр поехал вслед за ним вверх по дороге. Это случилось вечером: ему повстречались люди, которые рассказали, что видели всадников, ехавших поодаль от общей тропы. Тогда Стюр поспешил в погоню и обнаружил их поблизости от дороги в каком-то кустарнике или в рощице. Он тотчас поскакал туда, и они не сказали друг другу много слов до того, как Стюр убил его. Там, у дороги, он и **захоронен**.

Глава III

Жил человек по имени Вермунд, по прозвищу Вермунд Тощий. Он жил в Ледовом Фьорде[5] на хуторе, который называется Горячее Жилье. Он был братом Стюра. Вермунду казалось, что хутор его совсем обветшал и вот-вот рухнет. Поэтому он отправился в Норвегию добывать себе строевой лес.

Норвегией в то время правил ярл Хакон. Вермунд поехал туда, где ярл зимовал, и встретился с ним. Вскоре он вошел к ярлу в милость, подарив ему серые шкуры и меха, которые привез с собой. Он оставался у ярла всю зиму, и тот благоволил к нему.

В дружине ярла было двое берсерков. Один звался Халли, другой — Лейкнир, он был из них младшим[6]. Ярл держал их для дел особенных, потому что они были люди видные и своенравные, а силой превосходили прочих людей. Ничто не могло остановить их, если они были раздражены или в гневе, и никто не мог совладать с ними, когда на них находило подобное бешенство. Поэтому всем казалось, что иметь с ними дело нельзя.

Весной, когда купцы собирались в Исландию, а Вермунд уже снарядил свой корабль, ярл подзывает его к себе и просит Вермунда выбрать себе такую вещь из его владений, к которой у него больше всего лежит душа.

Вермунд отвечает, что есть у него на примете большое сокровище, но что он боится, что ярл с ним не расстанется. Ярл спрашивает, что же это. Вермунд отве-

чает, что это те двое могучих людей в его дружине: он уверен, что если ярл отпустит их с ним, он, Вермунд, обретет большое сокровище — ведь они надежно защитят его от врагов, а их у него много.

Ярл отвечает, что не ждал от Вермунда подобной просьбы, и что для него найдутся более нужные вещи: нрав берсерков Вермунду ведом, и бонд не сумеет их обуздать, если что-то придется им не по нраву. Он будет считать себя виноватым, если из-за берсерков случится беда или какая-нибудь пакость,— и ярл предлагает Вермунду выбрать еще раз.

А Вермунд не хочет ничего иного и уверяет, что все эти затруднения не столь велики, чтоб он не мог поладить с людьми так, как их бы это устроило.

Ярл отвечает, что пусть будет, как тот просит; однако ему кажется важным, чтобы с берсерками обходились хорошо. Вермунд ручается за это, и кончается тем, что берсерки едут с ним. Летом им выдается попутный ветер до самой Исландии, и Вермунд тут же начинает перестраивать свой дом и использует берсерков для тяжелых работ. Скоро обнаружился нрав берсерков: они не любили работать, зато были склонны к убийствам и подвигам. Они сказали Вермунду, что ярл дал их ему для защиты от врагов, а не для работы. Настроение у них испортилось и они сделались для Вермунда обузой. Теперь он раскаивается в том, что выпросил себе у ярла такой подарок. Все узнали, что Вермунд получил от ярла берсерков, и враги Вермунда думают о нем теперь вдвое хуже, чем раньше.

У Вермунда была взрослая дочь. Она приглянулась Халли, и он стал часто беседовать с ней. Скоро об этом пошли сплетни, и Вермунд об этом узнал, однако не подал вида.

Во второй половине зимы Вермунд посылает человека на Лавовую Пустошь к своему брату Стюру Убийце, и приглашает его к себе. Стюр вначале отвечает на приглашение холодно, но все же говорит, что приедет. Он говорит, что раньше за его братом не водилось обычая приглашать его, и все это, наверняка, неспроста, ведь до этого они между собой не ладили. Все же он выезжает из дома с несколькими людьми и едет на запад в Ледовый Фьорд, к Горячему Жилью. Вермунд отменно его принимает и благодарит за приезд. Стюр гостит там три ночи, и к нему относятся радушно: это называлось в прежнее время **навестки**.

В тот день, когда Стюр должен был уезжать, братья сидели за пивом: теперь оба вполне довольны, и между ними все гладко.

Тут Вермунд сказал:

— Теперь должно отблагодарить тебя, брат, за то, что ты принял мое гостеприимство. А раз ты не бывал здесь раньше, я бы хотел, чтобы ты уехал не с пустыми руками. Вот подарок, который, по-моему, придется тебе по душе. Это два берсерка, которые сейчас живут у меня. Я знаю, что у тебя повсюду много **супротивников**, которые могут напасть на тебя.

Стюр сказал:

— Это дорогой подарок, и поскольку я не могу ничего предложить взамен, я не вижу иного выхода, кроме как вернуть тебе этих берсерков, так что лучше пользуйся ими сам.

Вермунд сердится и говорит, что Стюр напрасно думает о нем дурно, когда он с почетом предлагает ему столь ценный дар.

Стюр отвечает:

— Скажи прямо, брат, что раскаиваешься в том, что взял себе берсерков, и уже понял сам, что ты не тот человек, который может держать их у себя.

Вермунд признает, что это так, рассказывает теперь все как есть, и просит вызволить его из этой беды.

Стюр сказал, что опасается мести ярла, если с берсерками что-то случится, но он решится на это, если берсерки захотят с ним поехать, и тогда он вызволит брата из беды, ибо сделать это подобает именно ему.

Вермунд этому рад. Вот зовут берсерков и спрашивают их, хотят ли они следовать за Стюром. Вермунд говорит, что нрав Стюра очень сходен с их собственным, и они лучше подходят друг другу, потому что у Стюра большие помыслы и много врагов, а сам он, мол, больше озабочен домашними хлопотами.

Берсерки говорят, что ярл поручил им охранять одного Вермунда, но что Стюр выглядит как настоящий хёвдинг, так что они согласятся, но при условии, что он обещает оправдывать свой нрав и использовать их больше для мести врагам, чем для работ домашних. Под конец все прощаются с Вермундом и берсерки едут со Стюром.

Глава IV

Жил человек по имени Торбьёрн, по прозвищу Торбьёрн Дышло. Он жил во Фьорде Дышла. Они со Стюром долгое время враждовали, и Стюр не отомстил Торбьёрну так, как ему хотелось. Теперь ему кажется, что настал удобный случай использовать для этого берсерков, и этим завоевать их расположение. Он сообщает им о своем замысле, а им только того и надо.

Они приезжают к хутору ночью и стучатся в дверь, но так как все спали, никто к двери не подошел. Тогда Стюр велит сорвать дверь, и берсерки так и делают. Торбьёрн спал в горнице; он просыпается от грохота и спрашивает, кто это так грубо ломится к людям в дом по ночам. Стюр называет себя и говорит, что с ним сейчас люди, которые не побоятся взглянуть на Торбьёрна, и теперь-то он поквитается с ним за все оскорбления; долго они сходили Торбьёрну с рук, но сейчас час настал.

Торбьёрн отвечает, что не станет бежать или просить пощады. Он говорит, что быстро подымется на ноги; пусть они делают, что могут, а он намерен биться до последнего. Торбьёрн спал за очень крепкой загородью. Он соскакивает с постели, хватает висевший рядом меч и защищается.

Стюр вовсю подстрекает берсерков; от этого они приходят в ярость, ломают загородь и при этом поносят Стюра за то, что он подстрекает других, а сам не смеет подойти ближе. Тогда Стюр бросается вперед и наступает на Торбьёрна, и кончается тем, что Стюр наносит тому удар в живот, так что Торбьёрн пал.

Вот теперь берсеркам по душе отвага Стюра, и они говорят, что охотно пойдут за столь доблестным хёвдингом. Они отъезжают прочь и объявляют об убийстве. В саге упоминается о том, где они провели ночь. Всего их было четверо, а четвертый был с Лесистых Склонов.

Они приезжают к себе домой в Лавовую Пустошь, и все довольны друг другом. Стюр кажется им хорошим и храбрым вождем. Страх перед ним не пошел после этого убийства на убыль, и враги Стюра сочли, что он теперь неодолим. Так проходит зима.

У Стюра была дочка на выданье, по имени Асдис. У Лейкнира, младшего из берсерков, вошло в привычку разговаривать с ней и просиживать подолгу за шашками. Люди понемногу начали сплетничать, и это дошло до Стюра, но он сказал, что это пустяки и повел себя так, словно ничего не знал, хотя все отлично видел.

Некоторое время спустя Стюр заговаривает с берсерками и спрашивает, как им живется у него. Они отвечает, что по ним он — вождь что надо. Слово за слово, и вот Стюр спрашивает, не хотят ли они подыскать себе место для жилья и жениться. Лейкнир отвечает, что это было бы не худо. Стюр спрашивает, есть ли у него кто-нибудь на примете. Лейкнир отвечает, что это больше зависит от самого Стюра. Стюр говорит, что хотя они не во всем ровня друг другу, Лейкнир ему вполне по душе, но все же лучше подыскать то, что больше подойдет тому. Стюр спрашивает также и Халли, **не лежит ли у него душа к какой-нибудь девушке**. Халли говорит, что так и есть.

Стюр спрашивает:

— Кто же это?

Халли говорит, что здесь слово за Вермундом, а его согласия добиться нетрудно, если Стюр поедет с ним вместе. Стюр не отверг и это, и тут разговор кончается.

Вскоре Лейкнир заводит ту же самую речь.

Стюр сказал:

— Нрав твой меня устраивает, но все же не забывай, что тебе нечего выставить в заклад.

Лейкнир отвечает:

— Хоть я и человек неимущий, может статься, я сделаю для тебя по твоему слову такую работу, с которой другие не справятся, и это освобождает меня от заклада и делает меня и брата моего Халли тебе ровней. У тебя множество противников, и поэтому нужны верные люди; так что все-таки подыщи мне место для жилья.

Стюр сказал, что это правда, и он очень полагается на их мужество, но прежде хочет устроить им какое-нибудь испытание. Теперь берсеркам кажется, что надежды их не напрасны.

Весной Стюр едет к Святой Горе встречаться со Снорри: большая дружба была между ними. Снорри встретил его на пути, и они беседовали весь день; ни один человек не знал, о чем они говорили, и какие новости Стюр сообщил Снорри.

Берсерки же очень заняты мыслями о женитьбе, а более всего — Лейкнир. Стюр говорит, что подыскал ему кое-какой подвиг. Лейкнир готов к этому и спрашивает, что это.

Стюр отвечает:

— Здесь, у моего двора, есть непроезжая лавовая пустошь. Я часто подумывал расчистить ее и проложить здесь дорогу, но мне недоставало крепких рук. Теперь я хочу, чтоб это сделал ты.

Лейкнир говорит, что это не кажется ему столь трудным, если ему поможет его брат Халли. Стюр сказал, что тот может заняться этим вместе с Лейкниром. Вечером берсерки принимаются расчищать пустошь, и этим они заняты всю ночь. Они своротили целые скалы, там где это было нужно, и оттащили их прочь, а кое-где закопали громадные глыбы в землю, а поверху разровняли. Их обуяло тогда крайнее бешенство. К утру они закончили, и это один из величайших подвигов, какие знают люди, и дорога эта будет стоять вечно, пока существует Исландия. Теперь они должны ставить ограду и кончить работу до завтрака. В это время Стюр предлагает им баню, после того как они кончат с оградой, а днем должна быть свадьба Лейкнира.

Баня была устроена так, что внизу был сделан подпол, а над ним было окошко, в которое заливали воду. Баня была вырыта в земле, двери там на мощных столбах, и вся постройка срублена из нового и самого что ни на есть крепкого леса. От двери наверх вели ступеньки.

Утром Стюр велит Асдис одеться во все лучшее и запрещает ей предупреждать берсерков о том, что он замыслил. И прежде чем они закончили ставить ограду, она выходит из дома и идет кружным путем мимо берсерков. Лейкнир окликает ее и спрашивает, чего она хочет. Она не отвечает. Тогда Лейкнир сказал эту вису[7]:

[№ 1]

Липа льна, нелживо
Мне скажи, куда же
Путь торишь, прекрасна,
— по траве — как пава.
Ведь зимой из дому,
Вдаль досель не длила
Шаг, в узорной шали,
Дис дороги асов[8].

Тут они закончили. Стюр выходит им навстречу и благодарит их за работу красивыми словами, и теперь он говорит им, что баня для них готова, и что,— «они сегодня совершили такой подвиг, который всем по душе, и память о нем никогда не изгладится».

Халли сперва не хочет идти в баню и спрашивает, зайдет ли с ними кто-нибудь еще. Стюр отвечает, что трудно заставить людей зайти в баню вместе с такими молодцами, как они, и Лейкнир хочет сделать все по воле Стюра.

Вот они усаживаются внутрь, и тогда подпол закрывают и обкладывают камнями. Двери тоже закрывают и ставят перед ними камни потяжелее, а на ступеньки постилают скользкую воловью шкуру. Когда берсерки немного посидели в бане, Стюр велит принести самого горячего кипятку и залить в оконце. Теперь берсерки смекают, что не все в порядке. Они начинают буйствовать и ломают дверь подпола. Лейкнир провалился внутрь, а Халли выбрался наружу. А когда он добрался до ступенек, то поскользнулся и упал на шкуру, а Стюр уже стоит с занесенной секирой, и рубит его по шее, так что Халли простился с жизнью.

После этого убийства Стюр велит пригнать к дому **двух быков**-двухлеток и забивает их, ибо в те времена верили, что если так сделать, то мстить не будут. Обо всем этом стало известно, и **люди говорят об этом убийстве по-разному**. Вскоре Стюр выдал свою дочь за Снорри Годи, и его врагам стало еще тяжелее сладить с ним после того, как они породнились.

Глава V

Вот слава и могущество Стюра возросли так, что почти всем он стал внушать ужас. Если ему случалось убить людей, он никогда не платил виры, и большинство поступало по его воле, потому что никто не был перед ним правым. Многие могущественные люди, родичи и друзья, поддерживали его, и лишь немногие решались ему в чем-нибудь не подчиниться.

Одного человека звали Эйнар. Против него Стюр вел несколько тяжб и принудил судей присудить в свою пользу крупные пени. Человек этот владел Пахотными Островами в Широком Фьорде[9]: их Стюр объявил своей собственностью, и никто ему не перечил. Хозяин бежал со своего хутора и летом скрывался на разных островах Широкого Фьорда. Зимой он выехал на юг к Болотам, и Торхалли с Каменистой Гряды[10] и еще один бонд из Железной Ограды приютили его, и он жил у них попеременно всю зиму. А весной он собрался ехать на юг к Фьорду Городища, и при нем один или двое слуг и несколько вьючных лошадей.

Стюр разведал об этом и выехал из дома с несколькими людьми. Он выяснил, где Эйнар провел ночь, поехал туда вслед за ним и увидел тех перед собой на маленьком пригорке. Обнаружив погоню, те свернули с общей тропы. Но поскольку они ехали с поклажей, а Стюр — без, он быстро нагнал их. Человек этот отпустил тогда своих слуг в надежде, что Стюр поскачет за ними, но Стюр разобрался, где

Эйнар и поскакал именно за ним. Там, где они встретились, было топко, и ехать было опасно.

Стюр спрашивает, по чьей воле он решил покинуть свой хутор, и где он все это время жил. Тот отвечает, что всем ведомы могущество и крутой нрав Стюра и то, что многих он лишил жизни и за меньшие проступки. Стюр говорит, что об этом нужно было думать раньше, а сейчас у него достаточно причин, чтобы убить его, и это-то он и хочет ему сообщить.

Тот соскакивает с лошади и хочет бежать, а это было нелегко, ведь вокруг было болото: он вязнет в нем. К тому же преследователей было слишком много. Кончается их встреча тем, что Стюр убивает его, заваливает труп камнями, а после объявляет об убийстве.

Тогда же Стюр сказал вису, в которой он говорит, что убил вот уже тридцать три человека, за которых он не платил виры, и так вышло и в этот раз.

Глава VI

Теперь Стюр обвиняет обоих бондов, Торхалли и второго, в том, что они укрывали у себя его врага. Многие радели тогда о мирном исходе их тяжбы. Второй бонд отделался вирой, а с Торхалли Стюр потребовал большего, так как посчитал, что его вина серьезнее. Поладили на том, что Торхалли должен ставить Стюру угощение, когда тот захочет гостить у него, и на столько людей, сколько у того будет. Торхалли это обещает; он счел, что бороться со Стюром ему не под силу. Так проходит некоторое время, и Стюру кажется, что он подчинил себе всех, кого он оставил в живых.

Глава VII

Однажды осенью случилось так, что в горах пропало много овец, несмотря на то, что их искали дольше обычного. Люди приписывали пропажу скота объявленным вне закона, либо местным ворам, но чьих рук это дело, так и осталось невыясненным.

Стюр был тогда первым из хёвдингов округи, и он установил вместе с лучшими бондами, что каждый должен пользоваться одним тавром для своего скота и предъявить его своим соседям. Следующим летом вышло так, что Стюр должен был проезжать Каменистую Гряду. Там у хозяев был старый баран, который летом бродил по лугам и полям немеченный, так как он не ходил со стадом, но все время пасся возле хутора. Он часто проказничал с работницами и гадил в молоко. Его решили забить и угостить Стюра его мясом: баран был жирный. Это оказалось нетрудным, ведь баран был под рукой, и этим занялась хозяйка — ее звали Торгерд[11]. Как решили, так и совершили.

Приезжает Стюр и остается там на ночь; ему, как и следовало ожидать, оказывают хороший прием. Утром, прежде чем уезжать, они идут завтракать. Вот при-

носят мясо барана, а с ним и баранью голову, и когда они сидят за столом, один из людей Стюра берет голову в руки и говорит, что это — отменно жирная овца.

Стюр осматривает ее, вертит голову в руках и говорит:

— Голова на диво большая. Но может быть, другим, как и мне покажется, что нигде не видно тавра на ухе?

Все говорят, что это так и есть.

Стюр сказал:

— Слышал ли ты, Торхалли, что мы, хёвдинги округи, учредили закон, чтобы каждый имел свое тавро[12]? Ведь овца-то немеченная.

Торхалли говорит, что хорошо знает об этом, но добавляет, что овца эта весь свой век паслась возле дома, оттого люди и не позаботились пометить ее.

Стюр сказал, что все же ему придется позвать сюда своих соседей, чтобы заручиться их свидетельством.

Торхалли говорит, что никого звать не придется; овца эта — его законная собственность и паслась возле его дома у всех на виду.

Стюр говорит, что не подобает бонду столь явно пренебрегать словами хёвдинга, и что он порой не оставлял без последствий и меньшие проступки.

Тут входит Торгерд и говорит, что Стюр неправедно обвиняет своего бонда в воровстве и так воздает ему за радушный прием, в то время как его люди частенько позорно молчат перед ним. Она не сдерживает себя в речах. Стюр же отвечает мало, но приходит в гнев и говорит, что не позволит бонду нарушать закон безнаказанно, и так будет и в этот раз. Они расстаются, и оба крайне недовольны.

Теперь Торхалли думает о своем деле, и ему кажется, что **трудно ждать хорошего**, когда имеешь дело со Стюром. Родичи и зятья Торхалли жили во Фьорде Городища. Поздней осенью он едет на юг и просит совета у Клеппьярна, Иллуги Черного и у своего зятя Торстейна сына Гисли[13]. Они советуют ему выехать из округи и долее не терпеть самоуправства Стюра, ведь никто не знает, не вздумает ли тот еще и лишить его жизни, и зовут его к себе на юг, где он будет в безопасности. Договорились, что он переедет следующей весной. Этот совет пришелся Торхалли по душе и кажется ему очень разумным, и он не стал долго раздумывать, поехал к себе на запад, и всю зиму провел дома. Свой замысел он держал в тайне.

Весна была холодной и ветреной, и людям пришлось туго. Трава взошла поздно, и корма для лошадей не хватало. Торхалли решил не медлить со своими делами и прямо во время тинга, когда Стюр будет в пути, перебраться на юг. Стюру же удалось об этом разведать.

Вот Торхалли узнает, что Стюр уехал на тинг. Спустя два дня он выезжает в первую поездку. Он берет с собой девять вьючных лошадей и одного работника, по имени Ингъяльд, а в следующий раз думает перевезти все свое добро с женой и детьми.

Стюр подозревал о намерениях Торхалли и свернул в сторону. Он остановился у одного холма на южной окраине пустоши, потому что знал, что путь Торхал-

ли лежит там. Со Стюром было пять человек. Вот с запада из-за гор появляется Торхалли со своим работником. У работника зрение было острее, и он говорит, что на одном пригорке видит людей; он боится, что не все ладно, ведь это вполне может быть Стюр.

Торхалли говорит, что не боится этого. Когда они подъезжают немного ближе, Ингъяльд говорит, что это точно Стюр, и он наверняка замыслил дурное, если так далеко отъехал от своей дороги. Он говорит, что лучше всего для них повернуть вспять, ведь хотя лошади у них медленнее, может статься, им удастся добраться до хуторов и там, на западе, просить у людей подмоги.

Торхалли не хочет на это идти и говорит, что никогда не потеряет голову до такой степени, что бросится от людей наутек только от того, что их больше, и что нельзя зависеть от своих страхов. К тому же он не знает, чем он так провинился перед Стюром, за что его можно было лишить жизни. Ингъяльд все же хочет ехать назад; лошадь у него лучше, и он хочет набрать людей, ведь похоже, что помощь успеет, если их встреча со Стюром случится не так скоро.

Торхалли говорит, что тот может ехать, ведь если Стюр замыслил убийство, он скорее будет искать встречи с ним, а не с Ингъяльдом. Тогда Ингъяльд поворачивает вспять, а Торхалли погоняет лошадей по дороге и держится так, словно ничего не заметил. Когда те видят Торхалли, они вскакивают на своих лошадей и едут ему навстречу.

Вот они встречаются, и Торхалли по-дружески приветствует Стюра. Стюр спрашивает, по чьему наущению он предпринял все это, если, как по всему видно, он хочет уехать из своей округи.

Торхалли говорит, что решился на это по своей воле, так как подыскал себе лучшее место для жилья, и он говорит, что не рассчитывал встретить Стюра здесь.

Стюр говорит, что заранее знал, где они повстречают друг друга, и что эта их встреча — последняя.

Торхалли говорит, что не знает, в чем его вина, и почему он не может ехать, куда он хочет, и что он никак не ждал, что Стюр станет охотиться за его жизнью.

Стюр сказал, что пусть он припомнит, что ему было сказано в Каменистой Гряде на прощанье: он не даст ему оскорблять себя и нарушать закон, и теперь нет иного выхода, как защищаться.

Торхалли говорит, что и не собирался бежать. Тогда люди Стюра нападают на него, а сам Стюр в схватку не вмешивается. Торхалли защищается мужественно и наносит им множество ран, но при этом сильно устает, ведь он был уже пожилым человеком. Так продолжается некоторое время. Они наступают на него, но не могут одолеть, и изрядно выбиваются из сил. Тогда они зовут Стюра, чтобы он не сидел в стороне, но вставал и сам полез в пекло.

Тут Стюр вскакивает, и не успевают они обменяться многими ударами, как Стюр рубит Торхалли секирой по затылку и убивает его на месте. После этого он

спешно отъезжает и велит гнать всех лошадей к себе в Лавовую Пустошь. Сам он едет своей дорогой на тинг, и не говорит об убийстве ни слова.

Несколько позже, летом, обо всем этом узнали на Фьорде Городища, и родичам и друзьям Торхалли кажется, что дело их близко затрагивает. Осенью там говорят про это много и резко. А когда об этом услышал Стюр, он сказал вису, в которой были такие слова: **не все к дождю, что носится в воздухе**,— и таковы, должно быть, угрозы людей с Фьорда Городища.

Глава VIII

В то время в стране случились благие события, и люди оставили древнюю веру и приняли праведные обычаи. Многие знатные бонды построили тогда возле своих дворов церкви. Среди них был и Стюр, и он велел возвести церковь возле Лавовой Пустоши. В те времена люди верили, что тот, кто построит церковь, может забрать в небесное царство стольких людей, сколько его церковь вмещает.

Торхалли оставил после себя двоих детей — сына по имени Гест и дочь Аслауг. Они были еще молоды, когда был убит их отец. Поэтому тяжбы никто не возбуждал, и так прошло некоторое время. Гест был мал ростом и не силен с виду, и потому людям казалось, что вряд ли из него будет толк. В Каменистой Гряде поселился тогда бонд по имени Торлейк, он обязался принимать Стюра у себя. Гест воспитывался у него.

Спустя какое-то время случается так, что из-за выгона лошадей поссорились два бонда, живших на Фьорде Городища к югу от Белой Реки[14]. Один из них звался Халльдор: он жил на хуторе Переправа. Второго звали Хёскульд, он жил на соседнем хуторе. Лошади Халльдора часто убегали на земли Хёскульда и однажды, когда они нанесли там какой-то ущерб, Хёскульд пришел в бешенство, прискакал к дому Халльдора и стал поносить его. Еще немного, и Хёскульд убил бы этих лошадей, и они бы с Халльдором начали биться.

Стюр был большим другом Халльдора. Тот отдал дело на его суд, а Хёскульд с этим согласился. Халльдор посылает на запад известие Стюру, своему другу, и просит его уладить эту их распрю. Стюр говорит, что приедет, но просит ждать до тех пор, пока паводок не спадет и реки не покроются льдом. В начале зимы он выезжает из дома; с ним Торстейн, его сын, уже взрослый, и еще несколько человек. Как всегда по пути на юг, он останавливается на ночлег в Каменистой Гряде, и Торлейк его хорошо принимает. За едой он сказал Стюру:

— Люди считают, что ты из-за малых дел убил Торхалли: он достойно держал себя с тобой, и все знают, что то, в чем ты его обвинил, случилось из-за его простодушия, а не из злого умысла. Здесь сейчас его дети, которые смолоду стали сиротами. Было бы достойным хёвдинга делом утешить их чем-нибудь.

Стюр говорит, что хочет взглянуть на мальчика, и вот того привели к нему, и мальчик показался ему невзрачным с виду и неспособным на месть.

Стюр сказал:

— Никогда до сего дня не платил я виры за тех, кого убивал, а сейчас в первый раз это сделаю. Летом работницы сказали мне, что в стаде есть один шелудивый серый барашек, шерсть на нем больше не вырастет. Мне кажется справедливым, чтобы мальчик получил барашка как виру за отца, но большего он от меня не добьется.

Торлейк сказал:

— Это сказано дурно и недостойно хёвдинга, и я ждал от тебя других слов. Мало мальчику радости от таких обещаний.

Стюр велит ему замолчать и говорит, чтоб он не вздумал встревать в это дело: все останется так, как было сказано.

Затем Стюр едет оттуда на юг, но на хуторе ждут, что он вновь заночует там на пути домой. Он приезжает к Переправе к своему другу Халльдору, и улаживает их с Хёскульдом распрю без выплаты. Хёскульд отстается при своем, а Халльдор дарит Стюру на прощание доброго серого коня, из-за которого они с Хёскульдом больше всего спорили, и они расстались по-дружески. Стюр едет теперь к себе на запад.

Глава IX

Вот Гест сидит и думает как ему быть: был он мал ростом, но проворен. Он пас скот своего приемного отца. В тот день, когда Стюра ждали с юга, Гест пас овец и прилаживал рукоятку к секире. Тут он видит, что на рукоятку упало несколько капель крови. Тогда Гест сказал вису. Потом он идет домой, встречает на дворе свою сестру и рассказывает ей обо всем. Она говорит, что это, вернее всего, предвещает большие события, и ей хочется, чтоб удар пал на виновного. Он же сказал еще одну вису.

Пока они это говорят, на дворе появляются люди. Это Стюр и его спутники. Они провалились в реку Хит, а **у Стюра лошадь была подкована шипами**, и потому он не промок. День был морозным. Их заводят внутрь, стягивают с них штаны и башмаки и разводят огонь. Стюр сел у очага.

В тот день на хуторе варили бараньи головы, и на полу стояли котлы с отваром. Аслауг, сестра Геста, вешает на них штаны и придвигает котлы к стене. Горница была устроена так, что между стеной и перегородкой был проход, так что можно было зайти по нему людям за спину. В доме было две двери: одна выводила наружу, это была потайная дверь.

Спутники Стюра сказали, что тут, дескать, жалеют хвороста. Гест бежит наружу, собирает все древесные отбросы, которые находит, приносит полную охапку и бросает ее в огонь, а вслед за ней и вторую охапку. Тут в доме подымаются сильный дым и копоть. Тогда Гест забегает по проходу Стюру за спину и со всей силой рубит секирой ему голову возле правого уха, так что секира вошла по рукоят-

ну, и со словами «**Получай свое за серого барашка**» выбегает из дому через потайную дверь и запирает ее на засов.

Стюр упал прямо в огонь. Торстейн подбегает к нему и когда видит, что он зарублен насмерть и уже не дышит, то выбегает наружу, и все они бегут за Гестом. Гест бежит от них к реке Хит. Река промерзла у берегов, но струилась в теснине. Но поскольку Гест был ловок, он перебирается через реку. Спутники Стюра повернули обратно на пол-пути: им не захотелось ступать босыми ногами по льду. Торстейн же бежит до самой реки: на другом берегу стоит Гест и не дает ему выбраться. Видит Торстейн, что напротив него стоит враг и угрожает ему: он решил, что прыгать в реку опасно и повернул домой.

Пока они гнались за Гестом, хозяин на хуторе прикрыл тело Стюра до того, как явится Снорри и осмотрит его раны, как полагается по закону. Гест ускользнул у них из рук. Тогда как можно скорее послали сообщить Снорри. Он приехал, назвал свидетелей при ранах Стюра и укрыл тело. После этого он уезжает оттуда и вечером приезжает к бонду по имени Снорри, жившему в Кобыльем Холме. Он сказал, что приехал с покойником, и просил принять их. Хозяин оказал им посильную помощь. Труп перед этим волокли через Реку Морского Фьорда, и он весь вымок: поэтому развели огонь, чтобы высушить его. Снорри просил всех вести себя тихо этой ночью.

У бонда было две дочери. Одна из них звалась Гудрид, ей было шестнадцать лет, а другой — четырнадцать: обе они спали на одной постели. Когда уже наступила ночь, и все уснули, старшая стала беспокойно вертеться и дергаться всем телом. Ее сестра спрашивает, в чем дело.

Та говорит, что очень много слышала о Стюре Убийце, но никогда не видела его, пока он был жив, и вот ничего не хочется ей сильней, чем пойти взглянуть на него.

Сестра ее говорит, что нельзя говорить такие глупости, и нечего смотреть на мертвеца, который всем внушал ужас еще при жизни, и просит сестру прекратить эти речи. Немного погодя та вновь заводит эту же речь и ведет себя еще беспокойней, чем раньше. Она говорит, что больше никогда не будет такого удобного случая взглянуть на него, кроме как сейчас. Младшая сестра хочет замять разговор, как и раньше, но больше решает все же старшая. Тут обе встают с постели: старшая идет впереди, а младшая за ней следом.

Стюр был зашит в звериную шкуру, но днем труп волокли через реку, и от головы шкура отошла. Дрова уже выгорели, но угли еще тлели. Верх дома был освещен, но снизу было темно. Они бесшумно входят, встают там, где лежит Стюр, и пристально на него смотрят: старшая уже близка к припадку. Им показалось, что Стюр приподнялся в своей шкуре и сказал вису[15].

Снорри заметил, что кто-то на ногах. Он тотчас натягивает башмаки и идет в горницу, чтобы узнать, что тут происходит. Когда же девушка услышала вису, она истошно завопила и налетела на Снорри. Тут люди вскочили и прибежали дер-

жать ее, и она так безумствовала, что ее пришлось держать четверым. Она не переставая кричала всю ночь, а на рассвете умерла.

Снорри говорит бонду, что они скверно отблагодарили его за помощь, но не его вина, что случилось несчастье. Бонд отвечает, что Снорри здесь ни при чем, и всему виной дурость его дочки.

Снорри решает ехать как можно скорее и везет с собой труп. Тут поднимается сильная вьюга, и мороз крепчает. Когда день клонится к вечеру, лошади больше не могут тащить труп и злобно огрызаются. Труп сделался таким тяжелым[16], что они оставили его на песчаном холме возле какого-то заброшенного дома, принесли туда камни и засыпали его. После этого они едут домой, и больше об их поездке ничего не рассказывается.

Весной, когда снег стаял, Снорри едет за трупом, и в этот раз ничего не случилось. Тело похоронили в церкви на Лавовой Пустоши, которую велел построить сам Стюр[17]. А некоторое время спустя, когда церковь сгорела, его кости выкопали и перевезли на Святую Гору.

Глава X

Теперь об убийстве Стюра узнают повсюду, и многим кажется удивительным, что столь молодой человек как Гест, никого до того не убивший, решился напасть на такого грозного воина, каким Стюр был при жизни, и который всем внушал страх. Люди сочли, что это дело будет иметь большие последствия.

Теперь следует рассказать, что было с Гестом после того, как они с Торстейном расстались. Гест бежит по тропе на юг к Фьорду Городища и приходит к Песчаному Холму. Того, кто там жил, звали Халльдор, а жена его была близкой родственницей Геста[18].

Халльдор спрашивает, что привело его в их края. Гест излагает все про убийство Стюра и просит Халльдора о помощи. Халльдор приходит в сильный гнев и велит ему тотчас убраться с глаз долой и не ждать от него помощи, раз он совершил столь злосчастное дело, убив такого хёвдинга как Стюр. Хозяйка же держится с Гестом помягче. Гест негодует: он уверен, что Халльдор в самом деле думает, как говорит, но это оказалось далеко не так. Гесту тайно подводят коня, и теперь ему кажется, что дело пошло на лад, раз он уже сидит верхом.

Оттуда он скачет к Фьорду Городища так быстро, как только может. Пока он не перебрался на южный берег реки, он почти не ночует на хуторах. К вечеру он подъезжает к хутору Халльдора и стучится в дверь. Из дома выходит работник. Гест просит его вызвать Тордис, жену Халльдора: **она приходилась ему двоюродной сестрой**. Та выходит и сперва не узнает Геста. Гест говорит ей, кто он такой, и в какую беду он попал.

Она говорит, что поможет ему, но не знает, как на это посмотрит ее муж, ведь он был другом Стюра. Все же она попытается чего-нибудь от него добиться. На

ночь она постилает Гесту в каморке, так что никто, кроме нее и работника, об этом не знал.

Утром Тордис встает раньше Халльдора и ведет себя с ним как нельзя ласковей. Тот говорит, что за такими ласками наверняка что-то кроется, и она намерена что-нибудь попросить. Она говорит, что так и есть, и раз он сам завел об этом речь, она скажет ему напрямую, чего она хочет, и говорит, что родич ее Гест приехал и ищет его поддержки. Она говорит, что он убил Стюра, мстя за своего отца.

Халльдор распаляется и кричит, что если бы ему только удалось схватить его, не ушел бы живым тот, кто совершил столь мерзостное дело, убив виднейшего из хёвдингов и его друга.

В доме вдоль стен был оставлен проход, а над постелью висел полог. Гест стоит за пологом у изголовья Халльдора, слышит весь их разговор и произносит вису того смысла, что он готов сыграть с Халльдором в ту же игру, что со Стюром, и **обагрить обе щеки** его **в крови**.

Лошадь его стояла снаружи оседланная. Он тотчас вскакивает на нее и скачет к Иллуги Черному в Крутояр, приветствует его и говорит, что он за человек.

Иллуги спрашивает, какие дела привели его сюда.

Гест сказал вису.

Тогда Иллуги спросил Геста, насколько велика рана, которую он нанес Стюру.

Тогда Гест сказал[19]:

[№ 2]

Незачем увечья
врачевать — секира
расколола Стюру
весь шелома цоколь;
с кровника надбровий
негодяя годи —
зрел я — низвергалась
язвы рябь багряна[20].

Он просит у Иллуги защиты. Тот не отказывается, но говорит, что ему надо кормить стольких домочадцев, что он вряд ли сможет держать ради него такое множество народа, какое, похоже, понадобится, и сперва просит его поехать на Двор и поговорить с Торстейном сыном Гисли.

И вот Гест едет оттуда к Торстейну, приезжает к нему на склоне дня и стучится в дверь. К двери подходит какой-то работник. Гест просит его вызвать Торстейна. Торстейн выходит и спрашивает Геста об имени и о новостях.

Гест сказал вису того содержания, что он убил Стюра; после этого он просит у Торстейна защиты.

Торстейн говорит, что тяжело ему будет пойти против стольких видных людей, которые будут мстить убийце, и что от такого неудачливого человека, как Гест, у него будут одни беды. Все же он не говорит с ним враждебно.

Гест сказал вису, а за ней — еще одну.

Торстейн говорит, что висы Геста не доставляют ему удовольствия. Гест сказал еще. Торстейн просит его прекратить и говорит, что эту ночь Гест проведет у него.

Наутро он посылает Геста в Долину Дымов и просит Клеппьярна принять его. Клеппьярн говорит, что это, скорее, долг Торстейна, а он, мол, никогда не обязывался перед ним принимать разных смутьянов. Гест остается там на ночь, а потом едет обратно к Торстейну, и тогда тот хорошо его принял. Зимой он попеременно жил у Иллуги, Клеппьярна, или у Торстейна, но дольше всего — у Торстейна, и все они жили той зимой с большой оглядкой: у Торстейна редко бывало менее шестидесяти мужчин в ту зиму. И вот дело идет к весне.

Одного человека звали Тейт. О нем знали только дурное, и называли его Горным Тейтом, ибо он спал в горах **и жил, словно был диким зверем, а не человеком**. Клеппьярн был предводителем той округи. В то время ему пришло на ум объявить розыск Тейта и посадить его на цепь. Никто не знал, в чем тут дело, потому что прежде Клеппьярн никогда не разрешал трогать Тейта, даже тогда, когда его об этом настойчиво просили[21].

Теперь следует сказать о Снорри: он возбуждает тяжбу против людей из Фьорда Городища, а они стали заранее собирать войско на случай, если он приедет.

Снорри выезжает из дома вместе со своими людьми, но прежде он шлет сообщить друзьям, чтобы они присоединялись к нему, и когда все собрались вместе, они едут на юг к Фьорду Городища. Жители Фьорда разведали об его походе и поставили ополчение у каждого брода до самого моря, чтобы не дать ему перейти реку.

Снорри подъезжает к реке с запада у Конца Кургана; у него восемь сотен людей, а у жителей Фьорда — двенадцать. В то утро Гест, перед тем как выехать из дома, сказал вису[22]. Снорри подъезжает к реке и требует выдать убийцу. Те отвечают, что позаботились, чтобы ему не удалось заграбастать его. Из войска Снорри называют мужей воинственных, которые хотели биться[23], да и со стороны людей с юга были такие, кто считал нужным дать бой на другом берегу, но многие добрые люди приложили свои силы к тому, чтобы такое множество народу не сражалось между собой.

Обе стороны въезжают прямо в реку. А Снорри взобрался на островок посередине реки и сказал, что по закону полагается говорить оттуда, потому что место это равноудалено от враждующих. Он вызвал Геста на альтинг за убийство Стюра. Тогда из толпы людей с юга посыпались висы про Снорри, и большая часть их — от Геста[24].

Снорри сказал, что ему нет дела до его нахальства, и неудивительно, что он столь храбр, когда говорит из толпы: на сей раз им не удастся вывести его из себя. С этим он повернулся и уехал со своим войском на запад.

Теперь приближается время альтинга. В Китовом Фьорде в Восточной Четверти зимовал кормчий: имя его было Хельги. Летом он собирался в Норвегию. Хельги был большим другом Клеппьярна. Люди с Фьорда Городища решили отправить Геста к нему, чтоб он вывез Геста из страны.

В то время в Норвегии произошла смена правителей, и ярл Эйрик сын Хакона пришел на место Олава сына Трюггви: в его дружине был тогда Торстейн сын Халля с Побережья[25], он был другом Клеппьярна. Клеппьярн посылает ему известие, чтоб тот принял Геста, и шлет вместе с ним памятное кольцо на тот случай, если Торстейн не поверит Гесту на слово. Торстейн и Клеппьярн снабжают его **имуществом на дорогу, да и Тордис не подкачала**: она дарит Гесту золотое кольцо и три марки серебра. На восток его должен вести Горный Тейт, потому что ему там были известны все тропы. Во время альтинга они едут на восток через горы далеко от всех обитаемых мест, и потому их никто не замечает.

Гест приезжает к кормчему Хельги, излагает ему свое дело и передает слова Клеппьярна. Хельги его хорошо принимает и берет Тейта с собой. Хельги велит Гесту остерегаться кое-кого из корабельщиков и не говорить им, кто он такой, потому что среди них есть друзья Стюра. Гест это обещает, и так проходит некоторое время. А потом все вышло наружу, и вот как это случилось: однажды, когда Гест сидел на сундуке, он сказал вису, из которой можно было понять, что он — убийца Стюра[26].

№ 3

Гость протора Гейти
кончил полукровку
прорицаний тарчи
— ран капель кипела[27].

Едва до корабельщиков дошло, что к чему, они бросаются на Геста и хотят убить, так что Хельги пришлось внести за него выкуп, чтобы они не сделали ему ничего дурного. Больше ничего за время поездки не произошло. Они выходят в море, им выдается попутный ветер, и они приезжают в Норвегию. Ярл находился тогда в Трандхейме, и Торстейн был с ним. Хельги не дает Гесту никуда отлучаться и везет его прямо к Торстейну. Он приводит ему Геста и передает слова Клеппьярна. Торстейн отнесся к этому сдержанно, пока не увидел знаков. Затем он говорит, что Гесту нигде нельзя жить подолгу из-за друзей Стюра. После этого Хельги прощается с Гестом и едет прочь, и вместе с ним едет Тейт, и больше о нем в этой саге речь идти не будет.

Гест провел эту зиму у Торстейна, а весной Торстейн отослал его к одной знатной вдове, которая жила на севере во Фьордах, оттого ли, что люди заметили его повадки, или же из-за друзей Стюра, которые жили там почти что в каждом доме.

На альтинге тяжбе хода не дали[28]. **Покамест люди не знают твердо, что сталось с Гестом: поэтому в то лето из Исландии никто не выезжал мстить[29].**

Глава XI

Зимой стали говорить, что Гест не иначе как уехал из страны. Слух разнесся так широко, что в этом вполне уверились. Торстейн сын Стюра считал, что именно он должен мстить. Следующим летом он едет в Норвегию, везет с собой много серебра и зимой склоняет многих людей на свою сторону. Так ему удалось выведать, что Гест у вдовы. Весной он отправляется туда на север, и всего их на корабле семнадцать человек.

Хутор вдовы стоял в глубине фьорда. В тот день, когда Гест отправился на лодке удить рыбу, Торстейн и его товарищи поздно вечером вошли во фьорд, где жила вдова: места же были им сплошь незнакомые. Они правят прямо на подводный камень и корабль переворачивается вверх дном; им удается, однако, уцепиться за киль.

Гест был в лодке вместе другим человеком: он видит это. Они гребут к месту, где люди держатся на плаву. Гест спрашивает, хотят ли они, чтобы их спасли: он видел, что **самим им не выбраться**. Они с радостью соглашаются. Гест говорит, что сам распорядится, скольких ему брать за раз и везти на берег, и кого именно. Гест берет каждый раз не больше, чем двоих и рассчитывает все так, что Торстейна он берет последним. Тот сидит на одной скамье, а Гест на другой, и на нем меховой капюшон. Тут оба они признают друг друга.

Торстейн сказал, что теперь они встретились, и не так, как ему хотелось.

Гест сказал:

— С первого взгляда узнал я тебя: потому и устроил все так, чтоб спасти твоих людей прежде тебя. Я жду теперь, что ты в награду за свою жизнь не станешь отнимать мою.

Торстейну и его людям в этот вечер было не до мести: они очень нуждались в отдыхе после своего злоключения. Гест ведет их к вдове, и они устраиваются там на ночь. Но когда вдова узнает, зачем они сюда приехали, она сильно возмущается, что они из-за малых дел хотят лишить жизни ее человека и так воздают за добро злом. Поэтому она велит Гесту ехать той же ночью и посылает его к одному могущественному бонду в Раумарики, по имени Эйрик. Он был херсир по званию. К нему Гест и поехал. А Торстейн и его спутники встают поутру и ищут Геста, но нигде не находят. Вдова говорит им, что не судьба им, видно, стоять в головах над его трупом. Они едут домой не солоно хлебавши и думают, что поездка их прошла как нельзя хуже.

Некоторое время спустя Торстейн узнает, куда скрылся Гест. Тут же он едет в то место и приезжает туда ранним утром. Вышло так, что Гест пошел к воде умыться, и оба они стоят рядом. Гест не обращает на него никакого внимания, а Торстейн рубит его секирой и метит ему в грудь. Удар пришелся в бок. Гест слегка поранился, и рана была небольшая. Хозяин хочет тотчас схватить Торстейна и убить его. Гест просит его не делать этого, и говорит, что Торстейн вправе искать мести,—

— **а рана эта надолго меня не затруднит**.

И благодаря просьбам и заступничеству Геста Торстейна отпускают, и вторая поездка кажется ему вдвое позорнее первой. Приходится ему с этим смириться и ехать домой.

Гест видит, что ему нельзя оставаться в Норвегии из-за покушений Торстейна, и с приходом весны едет на юг в Миклагард и вступает там в варяжскую дружину. Он надеется, что будет там в большей безопасности. Торстейну об этом донесли, и тем же летом он едет в Миклагард. **В то время у варягов и норманнов**[30] **был обычай** днем устраивать игры и соревноваться в борьбе. Торстейн затесался в их толпу, а Гест не узнает его и не обращает на него никакого внимания.

Торстейн подходит бороться с ним и внезапно вытаскивает из под плаща тесак и **метит Гесту в голову**. Удар пришелся в плечо, **и это была пустяковая рана**. Подтверждается тут древнее речение, что **убивают лишь обреченного**, и Гест почти что не пострадал. Варяги подбегают к ним, и Торстейна едва не убили на месте, потому что у них был обычай казнить того, кто покусится на чужую жизнь во время игр, не иначе, как смертью. **Гест умоляет варягов** и отдает им половину своего имущества за жизнь Торстейна. Он рассказывает им весь ход дела и просит отпустить Торстейна. И некоторые другие вступились за него, чтобы ему сохранили жизнь, **и сделали это те, кто знал, что Торстейн из хорошего рода и были согласны замолвить за него слово по просьбе Геста**.

И вот Торстейн на свободе. Гест просит его оставить попытки убить его, ведь он и сам видит, что нет ему удачи. Слишком долго продолжается их распря, ведь и Стюр был убит им не без причины. Торстейн обещает это, но просит Геста больше никогда не появляться в Северных Странах, и Гест ему это обещал и сдержал свое слово. А так как Торстейн после всего этого совсем обнищал, Гест дает ему серебра на дорогу, и они мирно расстались.

Торстейн поехал в Норвегию и пробыл там следующую зиму. Летом он едет в Исландию, и родичам его кажется, что поездка его была несчастливой. А Гест никогда после этого не появлялся в Северных Странах и слыл у себя достойным человеком, каким и был. Не сообщается, были ли у него потомки. Торстейн поселился вслед за своим отцом на хуторе в Лавовой Пустоши и прожил там весь свой век. Вот проходит три зимы с тех пор, как Торстейн ездил мстить за отца, и больше о них с Гестом в этой саге идти речь не будет.

Теперь Снорри кажется, что дело приняло дурной оборот, если Торстейну не хватило удачи, чтобы отомстить за Стюра. Он думает, как ему лучше и безопасней отплатить родичам Геста, людям из Фьорда Городища, которые помогли Гесту ускользнуть. После того, как с гибели Стюра прошло много времени, они стали менее осторожны.

Случилось так, что летом к Островам подошло три корабля. Один из них был поврежден и для дальних плаваний в море непригоден: его купцы продали Торстейну сыну Гисли, и Снорри стало об этом известно. Когда торг был в самом разгаре, он шлет из Междуречья Обильной Долины двух людей к Островам, чтобы разведать о домашних делах Торстейна и прочих жителей Фьорда Городища. Одним из этих двоих был Кольскегг со Двора Ламби[31], и Снорри велит ему как можно меньше обращать на себя внимание, не говорить ни о ком дурно и самым тщательным образом прислушиваться ко всему, о чем будут говорить между собой. Те так и сделали. Они пробыли там два дня и сделали небольшие покупки. После этого они едут в Междуречье Обильной Долины так спешно, как только могут, и говорят Снорри, что Торстейн сын Гисли купил негодный корабль и собирается разобрать его в среду, а работники должны будут привезти лес на хутор в понедельник на третьей неделе, и в эти дни у Торстейна дома будет немного народа.

Снорри посылает сообщить своим родичам и друзьям[32], что **они должны будут собраться в тот день, когда до начала зимы останется шесть недель,и Снорри подаст знак в последний месяц лета**, а встретиться они должны будут у Лесных Ручьев в Долинах.

Глава XII

Рано утром Снорри садится завтракать, а лошади их стоят уже оседланные. У Снорри было три сына[33]; один звался Халльдор, другой — Гудлауг, он был старшим, а Торд был младшим; ему было девять лет, и он должен был ехать с ними. Гудлауг любил сидеть дома, и Снорри предоставлял ему самому решать, чем ему заниматься. Он не слишком любил работать. Был он благочестив, набожен и крепок в вере. Люди его любили. Он был несхож нравом со своими братьями, а они были большие насмешники и издевались над ним.

Снорри идет к церкви, которую велел построить у себя; солнце светит с востока. А когда он входит внутрь, то встречает Гудлауга: тот выходил из дверей, совершив по своему обычаю утреннюю молитву.

Снорри спрашивает, не хочет ли он ехать с ним мстить за своего деда. Гудлауг отвечает, что он думает, что было бы лучше, если б его помощь не понадобилась, и говорит, что никогда не чувствовал склонности к убийствам. Пусть, мол, решает его отец, а сам он предпочел бы остаться дома.

Снорри сказал:

— До сих пор я не вмешивался в твои дела, а впредь ты будешь отвечать за них сам. Мне будет лучше, если ты никуда не поедешь, и будешь предаваться своим занятиям.

Снорри рассказывал, что никогда ни у кого не видел такого выражения лица, как у своего сына Гудлауга в тот раз, когда встретил его у церкви. Тот стал красным как кровь, и вид у него был такой, словно рядом произошло что-то жуткое. Гудлауг через несколько лет поехал в Англию, и его отец дал ему серебра на дорогу. Там он вступил в монастырь, вел благочестивую жизнь, и до самой смерти слыл примерным монахом.

Снорри и его спутники выезжают из дома. Остальные, как было условлено, встречаются с ним в Долинах; затем все вместе едут по Крутому Склону на юг. Это было в субботу. Когда они спустились с гор, уже занялись сумерки. Они едут выше хуторов.

Тут Снорри сказал:

— Туман, по-моему, был бы кстати.

Затем они едут на юг по Побережью Белой Реки. **Тут местность застил туман**, **подул ветер с моря и началась изморось. Они соскакивают с лошадей и отпускают их попастись**, а затем еще некоторое время едут. Небо яснеет, и туман рассеивается: **они вглядываются в то, что происходит вокруг**. Дома вместе с Торстейном были только его сыновья, подпасок и женщина, смотревшая за скотом.

Затем они переправляются через реку, и когда они подошли к хутору Торстейна настолько, что можно было разглядеть скот возле дома, Снорри спрашивает, видят ли они других лошадей, кроме тех трех, что пасутся на выгоне. Они говорят, что других не видят. Тогда Снорри сказал, что на хуторе вряд ли много народа. Они едут к хутору, и в этот миг всходит солнце, и они видят, что следы, которые они протоптали за ночь, тянутся за ними с другого берега.

У дома Снорри и его люди соскакивают с коней. Он говорит одному из тех, кто был с ним, что тот должен забраться на правую стену горницы — ему донесли, что Торстейн ложится там — и рвать крышу и выдирать солому, подражая лошади. Тот человек так и делает.

Торстейн просыпается и зовет подпаска, говоря ему, что тот, наверное, слишком рано пригнал лошадей с вечера, так что пусть встает и гонит их прочь. Тот напрочь все отрицает и спит дальше. Торстейн опять слышит, что кто-то грызет крышу, и вновь зовет подпаска, но тот продолжает спать.

Тогда Торстейн встает, чтобы выяснить, в чем дело, и на нем лишь холщовые штаны. Когда он выходит из дверей, то озирается, ничего не замечает и хочет обойти вокруг дома. В это мгновение люди Снорри набрасываются на него, так что он не успел и рта раскрыть. Они разят его одного вчетвером, один из ударов пришелся в живот, и он сразу же умер.

Теперь Торварду кажется, что отец его долго не возвращается[34], и он выходит наружу. Оружия при нем нет, и его ждет тот же конец. Дома был и другой сын Торстейна; он звался Свейн, и было ему девять лет. Он заждался отца в доме, слышит снаружи какой-то шум и ничего не понимает. Он выходит из дверей, и в глазах его еще стоит сон.

Снорри сказал своему сыну Торду Кисе:

— **Видит ли кошка мышь[35]? Пусть молодой разит молодого.**

Торд, воспитанник Снорри[36], сказал:

— Не хватало еще, чтобы погиб столь юный ребенок, и оба мы с тобой умрем прежде.

Снорри говорит, что пусть будет по воле Торда, но он, мол, боится, что мальчик этот еще прорубит брешь в их роду.

С этим они покидают хутор, относят трупы на выгон, сваливают их там один на другой и спешат прочь. Со всем этим они управились быстро. На соседнем хуторе они объявляют об убийстве. Потом они отъезжают оттуда и едут вверх к Побережью Белой Реки. Там они соскакивают с лошадей, **отпускают их на выпас**, а сами ложатся в траву и дают лошадям и себе передышку. Спутникам Снорри кажется неразумным лежать в луговой траве вблизи от жилья. Снорри говорит, что вреда им не будет. Они лежат там до полудня и встречают какого-то пастуха. Снорри просит его передать людям из Фьорда Городища привет от Снорри Годии сказать, что теперь они вполне поквитались за старое. Затем они едут через горы на запад, и каждый возвращается к себе домой: им кажется, что поездка удалась.

Теперь следует сказать, что случается на хуторе Торстейна. Жена его приезжает с торга домой в то же воскресное утром, немного позже того, как Снорри и его люди уехали прочь, и надеется привезти мужу и сыновьям новые рубашки. С ней были две молоденькие дочки. Они подъезжают к ограде, сходят там с лошадей и она просит дочерей ждать ее здесь. Она идет к хутору и видит на дороге следы. А когда она замечает, кто там лежит, то поворачивает назад, и не говоря дочерям ни слова о том, что она застала дома, вскакивает в седло. Они спрашивают, отчего она столь спешно вернулась обратно. Она говорит, что новость не терпит долгих проволочек, как можно быстрее скачет к соседнему хутору, который называется Ключи, находит там своего родича, монаха по имени Эльдъярн, и рассказывает ему, что произошло.

Эльдъярн сразу же собирается в дорогу, берет с собой людей осмотреть трупы и посылает сообщить на соседний хутор, и весть эта сразу облетает весь Фьорд Городища. По горячим следам выезжают искать Снорри и ищут его к западу от Побережья Белой Реки, там, где, как все считали, он должен был проезжать, но не находят его. Им кажется, что дело обстоит хуже некуда, раз Снорри ушел у них из рук, особенно когда они узнают, что он весь день пролежал в зарослях возле хуто-

ра: теперь до них доходит, что Снорри обвел их вокруг пальца. После этого они учредили закон, что каждый обязан искать убийцу на своей земле, когда в округе случается убийство.

Вот наступает и проходит зима и приближается время альтинга, и люди из Фьорда Городища собираются добиваться возмездия: **еще не перевелись те, кто должен был вести это дело**. Тяжбы решались на альтинге. Нашлось много людей, родичей и друзей Клеппьярна, которые хотели ему помочь, а Снорри один держал ответ за своих людей и не скупился на виры. По тяжбе выносится такой приговор, что убийства Стюра и Торстейна приравниваются друг к другу, а за сыновей Торстейна полагается три сотни серебра, и Снорри сам заплатил виру за своих людей. Четверо из них должны были уехать из страны и находиться в изгнании три года. Снорри выплатил деньги на том же тинге, и его люди уехали в то же лето. На этом распря временно прекратилась.

Глава XIII

Жил человек по имени Гудмунд[37]. Хутор его звался Асбьёрнов Мыс и стоял на Озерном Мысу. Гудмунд в молодости был доблестным воином, но к тому времени, когда происходит эта сага, был уже стар. У него было трое сыновей[38]: старшего звали Халль, второго — Барди, третьего — Стейнгрим. Халль часто ездил по торговым делам, был толковым и очень достойным человеком. Вышло так, что в то время, о котором рассказывается здесь в саге, его корабль, как обычно, стоял в Норвегии, и было это следующим летом после убийства Торстейна.

В Бергене находились тогда сыновья Харека, и там они узнают про Кольскегга, который, как упоминалось ранее, ездил вместе со Снорри убивать Торстейна. Когда сыновья Харека узнали, что он в городе, они стали искать его, чтобы отомстить ему за убийство Торстейна: Кольскегг к тому же был зятем Снорри. Кольскеггу удалось скрыться, и они захватили его имущество, но не его самого. Все это случилось весной. Остался он без своего добра и ему нечем платить за провоз; он упрашивает взять его на борт, но никто не берет. Так он встречает Халля, просит его о помощи и жалуется на свою долю и злоключения[39]. Халль отдает ему свой корабль и кое-что из товара, и тот выходит в море и держит путь в Англию.

Халль ищет себе теперь корабль, но нигде не находит. Тогда он едет на север в Трандхейм и встречается с человеком по имени Торгильс: они раньше плавали вместе, но потом расстались. Халль просит Торгильса о провозе, но тот противится. Халль сказал, что он вправе был ждать от Торгильса большего, ведь уговаривались же они, когда плавали вместе, что **каждый из них протянет другому руку, если тот будет в нужде**. Торгильс соглашается взять его только при условии, что Халль купит себе половину корабля, и Халль так и делает.

Сыновья Харека узнают о том, что Халль помог Кольскеггу уехать, и про его уговор с Торгильсом. Видят они, что Кольскегг ушел у них из рук и решают отом-

стить Халлю. Люди Халля замешкались со сборами и поэтому упустили ветер: им пришлось стать у побережья Трандхейма возле острова, который называется Фольскн. Они стоят там несколько дней, поджидая попутный ветер. На этом острове проживал тогда мелкий бонд: это был неумный и жалкий человек. Ему принадлежал там отличный лес. Товарищи Торгильса поехали на остров и нарубили себе отборного леса. Бонду это пришлось не по душе, и он сильно брюзжал.

Сыновья Харека вызнали, что корабль Халля стоит возде острова. Они садятся в небольшую лодку и ввосьмером гребут от своего корабля к другой стороне острова. Они заговаривают с бондом и спрашивают, мирно ли ведут себя торговые люди, и сходит ли сам кормчий с корабля. Он сразу выкладывает им, что они ведут себя бестолково и очень вредят ему своими вырубками, а Халль запрещает им это делать, и потому он, мол, ему весьма по душе.

Они сделали вид, будто у них есть тайное дело к Халлю, и предлагают бонду сделку: они дают ему пол-марки серебра за то, чтобы он привел Халля к ним, и никого рядом не было. Бонд подумал, что это смахивает на предательство, да деньги кажутся ему больно хороши, и он берет их и обещает все устроить. После этого он едет к Халлю и расхваливает его благородство, тот ведь запрещает сводить его лес. Он, дескать, хочет отблагодарить его тем, что разрешит ему самому нарубить, сколько нужно, и там, где лес всего лучше.

Халль сперва отнесся к этому без охоты, но потом поддался на льстивые слова бонда и пошел за ним на ту поляну, где лес был всего лучше. Не простояли они там долго, как бонд покинул Халля, сказав, что у него неотложное дело, и оставил его одного. Едва бонд ушел, как сыновья Харека выскакивают из засады все вместе, набрасываются на Халля и тут же его убивают, так что он не успел сказать ни слова; к тому же он и не защищался. Убив его, они прячут тело, и, не мешкая, гребут прочь.

Товарищам Халля кажется, что он слишком долго не возвращается, и они спрашивают бонда, где тот с ним расстался, а бонд уверяет, что Халль ушел от него в лес. Они не верят бонду, хватают его и угрожают ему, так что он вынужден выложить все, как есть. Он показывает им, где они расстались. Они находят там Халля мертвым, прикрывают его труп камнями и сразу же вешают бонда.

Сыновьям Харека кажется, что они сильно преуспели с местью: они спешно плывут на юг вдоль берега и держат путь в Данию. В конце лета корабль их разбился у побережья Ютландии, и никому не удалось выбраться.

Глава XIV

Торгильс видит, что настичь убийц будет тяжело; он забирает все имущество Халля и смотрит за ним, а потом выходит в море, когда выдается попутный ветер. Летом они попадают под сильные встречные ветры, и плавание их — долгое и

трудное. Поздней осенью они пристают на Восточном Побережье в Оружейном Фьорде. Зимой Торгильс созывает своих товарищей и настойчиво убеждает их скрыть гибель Халля; Торгильс был человек мудрый и предусмотрительный.

Летом Торгильс едет на тинг и везет с собой добро Халля: никто пока не знал о случившемся. Гудмунд, отец Халля, был на тинге. Перед самым концом тинга Торгильс идет к Скале Закона и рассказывает все про убийство Халля, а товарищи его подтверждают сказанное им. Имущество Халля при нем, и он хочет его отдать.

Известие так удручает Гудмунда, что он тут же пошел в свою землянку и слег, и Барди держит речь за него.

Барди спрашивает Торгильса, почему он так долго это скрывал.

Торгильс отвечал, что он сразу понял, что дело это сулит неприятности, а с рассказом он не торопился потому, что здесь замешаны видные люди, и ему не хотелось, чтобы слухи распространились до того, как все услышат правдивый рассказ о случившемся.

Барди сказал, что Торгильс поступил с умом,—

— **и ты отлично вел себя во всем этом деле**.

Он предлагает ему самому взять то добро Халля, которое он привез с собой. А Торгильс отказывается напрочь, и не хочет брать ничего, говоря, что может статься, родичам Халля самим понадобиться его добро, чтоб покончить с делом. Барди хочет, чтоб он взял половину, и на этом они сошлись.

Когда Гудмунд вернулся с тинга домой, Турид, его жена, спрашивает, что нового слышно на тинге. Он горестно вздохнул и сказал вису о гибели их сына: она тоже отвечает ему висой. Горе так подкосило Гудмунда, что он прожил не больше месяца.

Той осенью однажды случилось так, что Барди сел на то место, на котором прежде всегда сидел Халль, когда бывал дома, потому что там сидел старший из братьев. Мать его входит в дом; как только она это видит, то дает ему крепкую оплеуху и велит тотчас слезть и не сметь садиться на место Халля, пока тот не отомщен. Барди говорит, что будет по ее воле.

Осенью все узнают, что Халль убит, а сыновья Харека утонули. Многим теперь кажется, что дело сильно осложнилось. Торгильс продал корабль своим спутникам и оставил поездки. Он взял себе хутор во Фьорде Городища, **Гислунги же затаили на него зло**[40]**.** Тогда он заводит с ними беседу и **говорит, что им не в чем его упрекнуть**. И дело это не пошло дальше.

Теперь следует повести речь о том, что Барди обдумывает, как добиться возмездия, и это представляется ему нелегким. Торарином звался человек, мудрый и дальновидный; он жил в Тальниковой Долине у Слиянья Ручьев. Он был приемным отцом Барди. Вот приближается время следующего альтинга. По пути на тинг Барди заезжает к своему приемному отцу Торарину и спрашивает его, как возбуждать эту тяжбу.

Торарин сказал:

— **Вам придется тщательно подбирать слова, и понадобится запастись терпением, потому что неясно, кого выбрать ответчиком: все они близкие родичи**.

Он советует Барди потребовать на альтинге виру с Харека за его сыновей, и даже если он не получит виры, он не должен давать себя подначивать, если хочет добиться успеха: тогда все отнесутся к нему благосклонно.

Барди поднимает на тинге требование об уплате. **Харек не мог ему отвечать**: он уже съехал со своего хутора и поручил все имущество своему брату Клеппьярну. Тот отвечает, что у него пока нет права распоряжаться имуществом, и поэтому заплатить он не может. Он перепоручает тяжбу своим родичам, и Барди не получает в этот раз никакого ответа и с тем уезжает домой.

Следующим летом Барди вновь просит совета у Торарина. Тот отвечает, что следует поступать так же, как прошлым летом, говорит, что надо набраться терпения, и, быть может, к третьему лету удастся решить, кому мстить, если все пройдет по его замыслу: **пока же в роду ответчика можно избрать слишком многих**[41]**.**

Барди так и делает, и перед концом тинга еще раз поднимает то же дело, и говорит так:

— Людям должно быть ведомо, что **с нами случилось большое несчастье**: сейчас уже доподлинно известно, как **моего брата Халля лишили жизни**. Прошлым летом мы просили у Харека, отца убивших, виры, и **не получили ни ответа, ни объяснений**: поэтому многие считают, что **вы обошлись с нами не по справедливости**. Теперь мы вновь обращаемся с той же просьбой, если вы разберетесь, кому из вас держать ответ.

Харека не было и близко — старость его подкосила, а те кто был на тинге, смотрели друг на друга, и все вышло так, как и прошлым летом. Но весь тинг хвалил выдержку, с которой Барди ведет тяжбу.

Жил человек по имени Гисли; он был сыном Торстейна[42]. Гисли долго ездил по торговым делам, был **очень надменен** и в речах несдержан. Той осенью он приезжает в Исландию, едет к своим родичам во Фьорд Городища и узнает об этой тяжбе.

На третье лето, прежде чем отправиться на тинг, Барди едет в Слиянье Ручьев и спрашивает Торарина, как теперь быть.

Торарин сказал, что придется снова требовать виру, но впредь ему этот совет уже не понадобится: приехал, по его словам, тот человек, которого он ждал, и это — Гисли,—

— **слыхал я про Гисли, что он за бранным словом в карман не лезет, спесив и нахален**. Есть у меня предчувствие, что он, во всяком случае, ответит тебе так, что дело продвинется.

Барди сказал, что у него не лежит душа к тому, чтобы еще раз требовать виру, но все так и будет, потому что советы Торарина, наверное, ему на пользу.

У Гислунгов был родич по имени Нарви[43]. Он был негодяй, каких мало, злобен нравом, очень силен, лжив, и был со всеми на ножах. Он ни с кем не мог ужиться, особенно со своими родичами. Нарви избивал людей, если не получал от них, что хотел, и отнимал у них, что мог. Он жил в разных местах, и нигде ему не нравилось. Торарин велел Барди найти этого человека, если он будет на тинге, и взять его с собой на север, это, мол, им кое-что даст.

Барди приезжает на тинг. Там был Гисли, и с ним много его родичей, людей из Фьорда Городища. Однажды в разгаре тинга Барди идет к Скале Закона и говорит:

— **Так обернулось**, что я дважды просил с этого места виру за убийство моего брата Халля — **к этому меня толкала нужда** — и оба раза моей просьбе уделяли мало внимания. Теперь у меня вновь появилась надежда получить ответ от такого человека, как ты, Гисли, и мне больше не придется пребывать в неведении. Большинство, наверное, согласится, что мы ведем нашу тяжбу без лишнего напора, и потому вам подобает дать надлежащий ответ.

Никто не отзывается быстрее Гисли: он говорит, опираясь на древко копья:

— Мы должны кое-что сказать тебе в ответ, **раз уж ты этого так добиваешься, и раз уж ты открыто просил об этом меня, хотя я, по-моему, изначально в этой тяжбе не замешан**. Прошлым летом я был в Англии в том месте, которое зовется Тувустейн[44]. Там я сидел на торге и стерег свое серебро: рядом со мной лежал кошель, и в нем было семь марок серебра. По торгу проезжали какие-то **смутьяны**, и одному из них **случилось повздорить со мной**: он подцепил копьем мой кошель и ускакал с ним прочь; с тех пор я его не вернул. Этот кошель я и предназначаю тебе в виде виры за брата: **кажется мне, что с ним обстоит точно так же**, как с этой тяжбой, **потому что то серебро неведомо где, а другого мы тебе не предложим**.

Эйд сын Скегги[45] сказал:

— **Предупреди великана, чтоб не сидел на костре голым задом**. Неумно и скверно, что **ссорятся столь видные люди как сейчас**.

Гисли отвечает:

— Вот и подтверждается речение «**рыщешь дальше, обрящешь рядом**»: с тебя одного из наших родичей станется поддержать тяжбу так, как все сейчас слышали, — и он начинает поносить Эйда.

Тогда Эйд сказал:

— **Не к лицу нам браниться с тобой**.

Люди очень хвалят речь Барди, и всем кажется, что ответ на столь разумное предложение был дурным.

Глава XV[46]

Хельгой звалась одна молодая вдова[47]. Она жила на западе в Долинах. К ней посватался человек по имени Грим[48]; он жил на севере в Островном Фьорде. Не-

веста была в родстве с Клеппьярном[49]. Грим был на альтинге, и там их обручили. Свадьба должна была состояться осенью, за полмесяца до начала зимы. Барди однажды зашел в землянку Клеппьярна, и они **условились о приданом невесты**. Там Барди увидел Нарви и вскоре заговорил с ним. Он приглашает его к себе на север, и Нарви приглашение принял.

Когда Барди возвращается с тинга, он заводит с Торарином беседу, рассказывает ему ход тяжбы, и ему кажется, что надеяться не на что.

Торарин сказал:

— Вот и вышло, как я хотел: **идет к развязке, и умные люди видят это не хуже нас**. Теперь не так сложно понять, кому мстить.

Барди просил его позаботиться о будущем.

Тем летом вместе с Барди на тинг ездил человек по имени Торд, бонд с Марова Двора[50] в Озерной Долине. У него были две лошади, сплошь белые, кроме ушей, а уши были черные. Эти лошади казались ему такой ценностью, что он не хотел менять их ни на каких других. **Для Торда было большим несчастьем, что лошади его внезапно исчезли**.

Нарви гостит в Слиянье Ручьев. Торарин принимает его с распростертыми объятиями, так что у Нарви дух взыграл.

Торольвом звался человек, он жил у Отбойного Ручья во Фьорде Городища. К тому времени, когда происходит эта сага, он был уже в весьма преклонном возрасте, но в молодости был большим удальцом. Он был женат: жили они с женой недружно, потому что каждый из них всегда хотел своего. **Жена его была в речах несдержана и большим умом не отличалась**.

У Торольва был добрый меч, он хранился в ларе с тех пор, как хозяин оставил бранные дела, и никто им не пользовался. Некоторое время спустя Торарин заговаривает с Нарви и спрашивает, дружит ли он со своими родичами. Тот отвечает, что они недолюбливают друг друга.

— **Не хочешь ли заключить со мной сделку?** — говорит Торарин,— рассказывали мне, что у твоего родича Торольва есть хороший меч, и если ты мне его достанешь, я подарю тебе отличных племенных лошадей.

Нарви охотно на это соглашается. Торарин вручает ему большой нож, который нужно отдать жене Торольва, чтобы залучить ее на свою сторону,—

— **мне рассказывали, что меч этот приносит победу**, и ты не скупись на ложь, какую сочтешь для себя подходящей, когда будешь просить оружие.

Нарви просил его на этот счет не беспокоиться: он уходит, довольный сделкой. После этого он спешно едет на юг через пустошь и к вечеру приезжает на Побережье Белой Реки к одному из своих родичей, который жил на хуторе Столбы. Он останавливается там на ночь и просит хозяина одолжить меч, и говорит, что некий норвежец в Секирной Долине на севере вызвал его на поединок из-за женщины, которой домогались оба, и что будто бы поединок через полмесяца, а

он нигде не может достать оружия. Он говорит как можно правдоподобней о местах своих ночлегов.

Тот отвечает, что все это явная ложь, и что Нарви не получит от него никакого оружия[51]. Нарви это крайне не по душе, и он спешит в низовья реки к Торольву, у которого был добрый меч[52], и говорит о своих ночевках так же, как в прошлый раз. На сей раз его хорошо приняли. Нарви просит Торольва одолжить ему оружие и говорит, что никогда не будет у него такой нужды в нем, как сейчас.

Торольв сказал, что лучше бы он не ввязывался, и неудивительно, что Нарви плохо ладит с людьми: пусть Нарви сам улаживает свои дела с женщинами, а он со своим мечом не расстанется. Тогда Нарви идет к его жене, излагает ей свое дело и дарит нож. Он взяла нож и подумала, что это хорошая вещь. Тут же она бежит к мужу и говорит с ним очень злобно. Она говорит, что это большой срам, когда не желают помочь родичу в нужде,—

—да и зачем старому пердуну такое хорошее оружие, когда ты на ногах-то едва стоишь?

Она говорит, что меч зря ржавеет на дне сундука и сейчас, наверное, не много-го стоит. Он отвечает, как и раньше, что ему не столь дорог Нарви, чтобы расставаться с мечом ради него, и **добавляет, что положиться на Нарви не решится ни один человек**.

Тогда она идет и открывает ларь, в котором лежит меч, вынимает его и вручает Нарви, а тот тотчас стремглав летит на север и отдает его Торарину. Торарин говорит, что Нарви отменно справился с поручением и просит его забрать лошадей и некоторое время побыть на севере, чтобы отдалить встречу со своими родичами. Нарви кажется, что дар хорош; он увозит своих лошадей прочь, и больше о нем в этой саге речь идти не будет.

Трое братьев Гислунгов должны были выкосить заливной луг у Белой Реки и отправиться на эту работу все вместе. Луг этот было принято выкашивать весь к известному времени после тинга.

В северных округах, Озерной и Тальниковой Долинах новостью сочли то, что после альтинга были отменены все сходки.

Летом в устье Мутной Реки пришел корабль: кормчий—его звали Эйнар[53]—держал на берегу коня. Одного человека звали Халльдор: он был мелким бондом и жил в Песках[54] на берегу Мутной Реки. Конь кормчего осенью пропал; он жалуется на это годи Хёскульду с Хёскульдова Двора: тот был человек добрый и справедливый. Далее рассказывается также о неком человеке, сыне Тордис Ведьмы с Ведьминой Горы[55], и больше о нем, нежели о ней.

[*конец рассказа Йона Оулафссона*]

…два дня[56]. Вот Халльдор хватился своего коня, ищет его и находит; ему кажется, что с конем дурно обращались. Он ищет встречи с

Торарином и, не поладив с ним, бьет его и наносит ему изрядные увечья: жизни они не угрожали, но были достаточно болезненны. Весть об этом вскоре доходит до Хёскульда с Эйливом, и они требуют виру за человека из своего годорда. Халльдор не идет им навстречу, и они не смогли договориться. Некоторое время все остается по-прежнему.

Глава XVI

Барди в то лето очень налегал на работу, и также его братья, и дела их идут быстрее, чем раньше[57], и подвигаются к концу. Вот прошло уже столько времени, что до конца лета остается семь недель. Тогда Барди едет в Слиянье Ручьев к Торарину, своему приемному отцу. Они часто подолгу беседовали наедине, и люди не знали, о чем именно.

— Скоро будет сходка,— говорит Торарин,— между Водостоком и Медвежачьим Озером в том месте, которое зовется Вечевые Пески, и я позаботился, чтобы перед тем других сходок не было. Ты должен будешь явиться туда и проверять настрой твоих друзей, ибо я надеюсь, что очень многим из тех, кто там будет, давно не терпится собраться вместе. Там должно быть людно. Надеюсь, что туда явится Халльдор, твой названный брат. Проси его быть твоим спутником и пособником, если у тебя есть желание выехать из округи мстить за своего брата.

Есть хутор, который называется Яр; это к северу от Медвежачьего Озера. Там живет женщина по имени Тордис; ее называют Удача, и она вдова. С ней живет человек по имени Одд. Это доблестный муж. Он не может похвастать богатством или знатностью рода, и все ж он человек прославленный. Его ты должен просить ехать с тобой: он дал обещание.

Местность вокруг зовется Болота; там стоит много дворов, и один из них называется Срединный Приют. Там живет человек по имени Торгисль, он двоюродный брат Одда Удачи. Он храбрый человек и хороший скальд. У него много скота, и он человек с именем. Проси его ехать с тобой.

Хутор называется У Кладовой Горы, он между Свиным Озером и Мутной Рекой — это на Взгорьях. Там живет человек по имени Эйрик, а по прозвищу — Тревога. Он скальд и человек заметный. Его ты должен упрашивать ехать с тобой.

В Длинной Долине есть хутор, который называется Двор Аудольва[58]. Там живет человек по имени Аудольв, муж достойный и уважаемый. Есть у него брат Торвальд, но в поход его не зовут. Он живет на том месте, которое называется Плоской Долиной; это к северу от Сви-

ного Озера. Есть два хутора с таким названием. Торвальд — сильнейший муж на севере страны. А в поход его не следует звать из-за дурного нрава.

Хутор называется У Свиного Озера, и там живет человек по имени Сумарлиди, а по прозвищу Ревун. Это богатый и славный человек. С ним дома сын его дочери. Его зовут Торльот Воспитанник Ревуна; он храбрый муж. Проси его быть твоим спутником.

Эйольвом зовется человек, и живет он у Асмундовой Скалы: это между Тальниковой Долиной и Озером. С ним тебе надо встретиться — и проси его ехать с тобой: он наш друг.

— Теперь надеюсь я,— говорит он,— что недолго придется ждать после того, как ты все это доложишь людям на сходке, разведаешь, что у них на уме и скажешь, что они будут свободны от обещания, если ты не заедешь за каждым из них в следующую субботу к тому времени, когда до начала зимы останется шесть недель,— и что ты не возьмешь с собой тех, кто к этому не готов, потому что мало проку от того, кто в себе не уверен.

Потому надо тебе залучить именно этих, а не других, что они близкие родственники. И сами они, и их родичи — люди с достатком, но лучше, чтоб ехали эти, потому что они храбрейшие воины из всех, кто живет в Тальниковой Долине и всех наших местах, да и легче всего уговорить тех, кто больше всего с нами дружен. Не все равно, кто с тобой: крепкие и стойкие мужи, или же неопытные юнцы, от которых не жди добра, если придется туго.

Сговорены ехать с тобой также твои домочадцы и соседи — твои кровные и зятья — Эйольв с Городища, твой зять: он храбрый муж и хороший воин.

Хутор называется Западный Водосток, что у Крачечного Болота. Там живут двое братьев: одного зовут Тородд, а другого Торгисль, они сыновья Хермунда и приходятся Барди двоюродными братьями. Добра у них вдоволь, а сами они люди воинственные и отважные; они сговорены ехать с тобой.

Сговорены и вы, трое братьев. Еще называют двух братьев, которые выросли у Барди дома. Одного из них зовут Олав, а другого Даг: они сыновья его тетки и выросли в доме Гудмунда; они сговорены ехать с тобой.

Еще называют двоих. Один человек зовется Грис, по прозвищу Грис Башка. Он вырос на Асбьёрновом Мысу. Он человек работящий и был у них управителем; он давно стал им другом. Второй зовется Тордом, а по прозвищу Песец. Он воспитанник Турид и Гудмунда.

Они взяли его маленьким ребенком, спасли от нищеты и вырастили. Он хваток и искусен во всем, и люди говорят, что он не даст никому спуску ни в словах, ни на деле. Родители Барди очень его любили и ставили его выше, чем ему полагалось; он сговорен ехать с тобой.

Здесь названы те люди, которые должны были ехать с Барди. После того, как они закончили таковую беседу, они расстаются.

Глава XVII

В среду Барди приезжает в Слиянье Ручьев и едет оттуда на сходку. А когда он приезжает туда, там уже очень много народа, и потеха идет на славу: люди хотели развлечься, потому что уже давно не встречались вместе. Ничего особого там не произошло, хоть люди и разговаривали друг с другом подолгу.

Вот названные братья, Халльдор и Барди, начинают беседу, и Барди спрашивает, не хочет ли тот как-нибудь осенью выехать вместе с ним из округи. Халльдор говорит, что:

— Мои слова вряд ли сочтут мужественными, если я признаюсь, что не готов ехать: теперь корабль мой снаряжен в путь, и я собираюсь плыть в оба конца. А пока я намерен, если выйдет так, как я хочу, предложить тебе помощь позднее — ведь очень похоже, что она тебе будет нелишней — ибо многие другие лучше подходят для того опасного путешествия, которое ты, по-моему, замышляешь.

Барди принимает все сказанное, как есть, и говорит, что Халльдор не перестал быть ему другом.

— Еще хочу попросить тебя об одном,— говорит Халльдор,— этим летом я поссорился с человеком по имени Торарин, и он пострадал от моих побоев. Сам он заслуживает мало внимания, но те люди, в чьем годорде он живет, потребовали с меня виру, и им-то, Эйольву с Хёскульдом, отказывать мне не подобает. Хочу я, чтобы ты уладил это дело за меня; самому мне это не к лицу, ведь прежде я отказывался от уплаты.

Барди тотчас идет к Хёскульду с Эйольвом и сразу заводит речь о деле Халльдора, и они назначают друг другу встречу, чтоб заключить мировую, за четыре недели до зимы на хуторе Торарина в Песках.

Вот Барди заговаривает с Оддом Удачи о том, не поедет ли тот с ним на юг к Фьорду Городища. Одд отвечает ему сразу,—

— и даже если бы сказал мне об этом на год, или на два раньше, то и тогда б я поехал.

Тогда Барди идет к Торгислю, двоюродному брату Одда, и заводит с ним тот же разговор. Тот отвечает:

— Люди будут говорить, что раньше ты молчал, когда не следовало, но я поеду, если ты этого хочешь.

Он встречает и Арнгрима, воспитанника Аудольва, и спрашивает, поедет ли он с ним. Тот отвечает:

— Я готов ехать, когда ты соберешься.

Такой же разговор он вел со всеми теми, кто назван был ранее, и все приняли его слова хорошо. И Барди сказал, что —

— Вы держали себя со мной, как пристало мужам. Теперь я намерен явиться к вам в ту субботу, от которой до зимы останется пять недель, а если не приду, то вы мне ничем не обязаны.

Потом все едут со сходки к себе домой. Вот встречаются Торарин и Барди, и Барди рассказывает своему приемному отцу, чем кончился их разговор с Халльдором. Торарин был этим доволен и сказал, что даже если Халльдор и не поедет, большого урона их делу не будет, —

— но у него еще будет случай выручить тебя. Я дал знак о походе без предварения именно затем, что хотел, чтобы весть о нем пришла во Фьорд Городища как можно позже.

Глава XVIII

Вот начинается шестая неделя и наступает пятница. После полудня с сенокоса возвращаются работники Барди, и они почти кончили собирать сено. Барди и его братья стояли на дворе, когда те вернулись домой, и они приветствовали их, как должно. Каждый из работников держит при себе косу или серп, а Торд Песец тащит за собой свое косовище.

Барди сказал:

— Вот тащится песец, влача за собой хвост.

— Это верно, — отвечает Торд, — что я тяну за собой хвост, но это доставляет мне немного хлопот. Сдается мне, однако, что твой хвост будет тянуться за тобой еще очень долго, покуда ты не отомстишь за своего брата Халля.

И Барди не мстил ему за эти слова. Люди садятся обедать. Братья быстро покончили с едой и тотчас встали из-за стола. Барди подходит к Торду Песцу и заводит с ним разговор. Он поручает ему работу, с которой тот должен управиться за вечер и за следующий день, субботу. У Асбьёрнова Мыса оставалось сорок стогов сена, и Барди сказал, что их нужно сложить в одно место и покончить с этим до вечера, —

— а утром ты поедешь на поиски барана по кличке Верткий, вожака нашего стада, потому что бараны ушли с общинного пастбища обратно на наше, — так он дал ему понять, что с этим бараном сладить

труднее, чем с прочими овцами, ибо он был проворнее,— утром же ты отыщешь в Долине Служанки пятилетнего вола, который принадлежит нам, и забьешь его, а днем отвезешь все мясо к Южному Городищу. Работы много, и если ты с ней не управишься, узнаешь по себе, кто из нас двоих раньше лишится своего хвоста.

Торд говорит в ответ, что знает цену его страшным угрозам, и они его не пугают. После этого вечером Барди с братьями уезжает в Слиянье Ручьев, и Барди с Торарином проводят вечер за беседой.

Глава XIX

Теперь следует рассказать о хлопотах Торда, и как они завершились. Он собрал все сено, какое еще оставалось у Тальникового Мыса. А когда он приезжает домой, оказывается, что пастух выгнал весь скот на пастбище, и Торд поехал на той же лошади, которая была у него вечером. Вот он находит баранье стадо, на которое ему было указано, но не может поймать барана до самого Стока Вод. Тут лошадь под ним пала. Тогда он берет другую и скачет в ту долину, куда лежит его путь. Он не делает привала ни днем, ни ночью. Ранним утром он приезжает на место, находит нужного вола, забивает его, разделывает и взваливает все на лошадь. После этого он поворачивает в обратный путь, приезжает домой, слезает с лошади и берет с собой баранье мясо. А когда он приходит обратно, одной ноги вола уже нет. Торд произнес нехорошие слова. Навстречу ему выходит тот, кто забрал мясо, и просит Торда не слишком вольничать в речах, если он не хочет, чтобы его прибили. После этого Торд берет остальное мясо и везет его к Южному Городищу, как ему было велено. Там мясо принимают Алов, сестра Барди и ее приемная мать: та тоже звалась Алов. Она была женщиной мудрой и вырастила Барди и других сыновей Гудмунда. Ее называли Кьяннок (Челюсть) и так различали двух женщин, у которых было одно имя[59]. Алов, приемная мать Барди, была очень мудра и умела заглядывать в будущее. Она очень благоволила к сыновьям Гудмунда. Она ведала многое и была воспитана в древних обычаях.

Глава XX

Теперь следует рассказать, о чем говорили отец с сыном, Торарин и Барди, прежде чем Барди уехал прочь: они беседовали о многом.

Вот что случилось утром в субботу: Барди нужно было выезжать за своими людьми, которые должны были ехать с ним. А когда он уже собрался в путь, к дому пригоняют двух белых лошадей, а уши у обеих

были черные. Эти лошади принадлежали Торду с Широкого Брода. Они убежали от него летом, во время тинга.

Тут Торарин сказал:

— Вот лошади Торда. Ты поедешь и отвезешь их ему, а вознаграждения ты требовать не должен: я сам все подстроил так, чтобы они убежали, и я же их укрывал; вряд ли можно счесть, что лошади были в работе. А велел я угнать этих лошадей затем, что мне казалось правдоподобней разыскивать их, а не каких-нибудь кляч, и летом я часто посылал людей на юг к Фьорду Городища, чтобы узнать, нет ли их там. Такой повод казался мне достойным внимания, и я надеюсь, что никто нас не заподозрил. Недавно я вновь послал человека на юг, и завтра он должен вернуться с новостями из южных окраин.

В это время у Устья Белой Реки был торг, и незадолго до этого туда пришли корабли.

Глава XXI

Теперь Барди уезжает оттуда и приезжает к Яру, где жила Тордис; снаружи стояла оседланная лошадь и рядом был прислонен щит. Они едут к дому по выгону, и копыта громко стучат по твердому полю. На дворе были мужчина и женщина, и она мыла мужчине голову. Это были Тордис и Одд, и она уже почти покончила со своим занятием, но пену смыть еще не успела. И как только Одд видит Барди, он вскакивает и смеясь приветствует его. Барди отозвался на приветствие; он просит женщину закончить свою работу и дать Одду умыться самому. Она так и делает. Потом Одд собирается и едет с Барди.

Теперь они переправляются через Мутную Реку, едут к Широкому Броду и приводят Торду его лошадей. Следует рассказать, что в это самое время Торгисль сын Ари поехал на север к Островному Фьорду, и на той же неделе на Поперечной Реке должна была быть свадьба, а через неделю его ждали обратно с севера.

Торд очень обрадовался своим лошадям и предлагает взамен других хороших коней. Барди говорит, что не хочет себе награды. Он сказал, что ее предлагают тому, кто сам взял лошадей, а еще он сказал, что пусть лошади останутся у Торда,—

— они,— говорит он,— понадобятся твоему другу позднее.

Барди скачет в Длинную Долину и едет полем до самого хутора Аудольва. Вот видят они, как со двора выезжает человек, и узнают своего спутника Арнгрима, который дал обещание; дальше он едет с ними. Теперь они едут через Мутную Реку на запад к Эйрику Тревоге, и

приезжают как раз тогда, когда скотине давали утренний корм. Они встречают пастуха и спрашивают, дома ли Эйрик. Тот отвечает, что он уехал на рассвете,—

—и мы не знаем точно, куда.

—А где, как тебе кажется, он может быть?—и им пришло на ум, что он ехать не хочет и скрылся. Но не подтвердилось то, что он решил скрыться. Видят они, как двое скачут со стороны Свиного Озера. С хутора было далеко видно, и они узнали Эйрика Тревогу и Торльота Воспитанника Ревуна. Они встречают их у реки, которая берет начало в Свином Озере и зовется Лососьей Рекой. Они радушно приветствуют друг друга и едут вместе, покуда не приезжают в Срединный Приют к Торгислю. Их приветствуют, как положено, и после этого все они долго едут по Ущельной Реке. Тут Барди сказал, что нужно послать людей к Асмундовой Скале встретить Эйольва сына Одда.

—Сюда скачет человек,—говорит он,—и при том быстро: похоже на то, что он выехал с хутора и едет вверх по реке. Надеюсь я—говорит он,—что это Эйольв; думаю я, что мы встретим его у брода, к которому сейчас подъезжаем, так что прибавим ходу.

Так они и сделали. Вот видят они, что у брода стоит человек, узнают Эйольва, подъезжают к нему, и они обмениваются приветствиями. После этого они едут дальше и приезжают на хутор, который называется У Ясеня: это в Тальниковой Долине. Тогда навстречу Барди и его спутникам выезжают трое в крашеных одеждах. Вскоре они встречаются с ними, а были это сыновья сестры Барди. Один из них звался Ламбкар, а другой—Хунн. А третий был из Озерной Долины. Все они прибыли в Тальниковую Долину с запада из-за моря. Гудбранд[60] же, их отец, и Гудрун, их мать, жили в Тальниковой Долине на хуторе, который с тех пор стал называться Двором Гудбранда. Радостной была встреча родичей, и Барди приветствует своих племянников. Они сообщают друг другу новости, и Барди рассказывает им, куда он замыслил ехать. Им было тогда восемнадцать лет, и одну зиму они успели провести за морем. Они были люди самой благородной наружности, сильные, умелые и уже успели себя показать, хотя лишь совсем недавно вышли из детского возраста. Они совещаются между собой и решают ехать с Барди, а спутник их поехал в Озерную Долину.

Барди скачет дальше, пока не приезжает в Слиянье Ручьев, и тогда он рассказывает своему приемному отцу, как обстоят дела.

—Теперь ты должен ехать к себе домой на Асбьёрнов Мыс, а завтра я приеду к тебе вместе с моим сыном Торбергом: оттуда я выйду проводить вас.

Глава XXII

Вот Барди и его спутники возвращаются домой; они проводят эту ночь у него. Утром Грис Башка подает им завтрак. Тогда был обычай ставить еду прямо на столы, а блюд не было. Там случилось так, что пропали три меры еды. Грис подошел и сказал об этом Барди.

— Поставь столы,— говорит тот,— и не говори никому.

Турид же не велела подавать еду ее сыновьям, и сказала, что сделает это сама. И Грис сдвигает столы и ставит на них еду. Тут входит Турид и выделяет каждому из братьев его долю — воловью ногу, порубленную натрое.

Стейнгрим тогда сказал:

— Круто порублено, мать: раньше не водилось за тобой обычая подавать на стол столь грубую пищу. Большое от тебя беспокойство; ты ведешь себя, будто помешанная.

Она отвечает:

— Нет здесь ничего странного, и не стоит тут удивляться, потому что злее был изрублен ваш брат Халль, но я не слыхала от вас, что вы не можете этого вынести.

После этого она велит подать им к мясу три камня. Они спрашивают, что это означает.

Она отвечает:

— Переварили вы, братья, то, что не лучше этих камней, ведь вы даже не пытались отомстить за такого человека, каким был ваш брат Халль. Вы совсем непохожи на ваших именитых предков — уж они бы не вынесли такого позора и поношений, какие терпите сейчас вы, выслушивая оскорбления от кого ни попало.

Она ходила от двери до двери, вся в бешенстве, и затем сказала вису:

[№ 4]

Барди, будь помянут,
бранью средь отборных
судей свар мерланга,
коли не окрасишь
клин земли налима
сукровицей вражьей
— слову люд да внемлет —
слыть тебе ублюдком[61].

Тогда они опрокидывают столы со всем, что на них было, идут к своим лошадям и тут же собираются в путь. Стояло воскресенье, и ос-

тавалось пять недель до зимы. Вот они вскакивают в седла и отъезжают от выгона. Тут братья видят, что Турид, их мать, взобралась на лошадь по кличке Тащи Плуг и захватила с собой своего слугу: имени его не называют, но рассказывают, что он был порядочный разиня.

Тогда Барди сказал:

— Не хватало того, чтоб она ехала с нами[62], и если мы не хотим этого допустить, нужно сейчас же найти случай от нее избавиться.

Тут он подзывает к себе своих домочадцев Олава и Дага.

— Сейчас вы поедете ей навстречу,— говорит Барди,— заговорите с ней почтительно и красиво и сделаете то, что я велю. Говорите, что хорошо, что она поехала с нами. Велите ее работнику охранять ее, как следует, и поддерживать ее со спины. Так вы будете ехать, пока не подъедете к Конскому Ручью; он вытекает из Западной Ложбины и впадает в Реку Тальниковой Долины. Оттуда ваш путь лежит прямо на север, и вы поедете по другому берегу. И тогда вы ослабите ей подпругу; пусть это сделает Даг и притворится при этом, будто он ее поправляет. Вы переправляетесь через ручей и даете ей упасть в воду, а вместе с ней и работнику. Лошадь же вы уводите с собой.

Вот они подъезжают к ней и почтительно ее приветствуют.

— Быстрей моих сыновей догадались вы поехать мне навстречу,— говорит она,— и уважить меня.

— Они просили нас сделать это,— говорят те.

Она говорит:

— Я собралась в путь потому, что хорошо знаю: когда доходит до больших дел, без понуканий никак не обойтись, и недостатка в них быть не должно.

Те уверяют ее, что им только прибавит славы то, что она едет с ними. Так они едут, пока не приезжают к Конскому Ручью.

Тогда Даг сказал:

— Скудоумен тот человек, который едет с тобой, Турид: не закрепил он твою подпругу, как следует. Большое несчастье, что у достойных женщин такие слуги.

— Тогда поправь подпругу сам,— говорит она,— а потом следуй за мною.

Тот берется за это и ослабляет подпругу у лошади старухи, и они с работником сваливаются в ручей, чего и следовало ждать. Ручей там был совсем неглубокий, и Турид выбирается на берег. А те едут прочь и уводят с собой лошадь. К вечеру она добирается со своим работником до дому, и была не рада тому, что поехала.

Глава XXIII

В это время Барди и его войско едут своей дорогой, пока не подъезжают близко к Городищу; тогда им навстречу выезжают двое, а были это Торарин Годи, приемный отец Барди, со своим сыном Торбергом. Они приветствуют друга друга, и Торарин с Барди сразу заводят такую речь:

— Отчего у тебя на коленях, отец,— говорит Барди,— лежит такой большой меч?

— А ты, столь памятливый и внимательный, раньше не видел у меня такого оружия? — спрашивает Торарин,— так и есть: раньше у меня его не было. А теперь мы с тобой поменяемся оружием, и я возьму себе то, которое при тебе,— и так они и сделали.

Тут Барди спросил, как этот меч к нему попал. Тот рассказывает со всеми подробностями, что произошло у них с Торви Кривдой, и как ему удалось добиться, чтобы тот привез ему оружие,

— А у Торберга, моего сына, есть второй меч, и он принадлежит Торбьёрну, а тот, что ты держишь — Торгауту. По-моему, они вполне заслужили, чтобы их же оружие пресекло их наглость и спесь; для того я и подстроил это дело, и тем самым ты расквитаешься с ними за поношение, которому они подвергли тебя и твоих родичей. Теперь я бы хотел, чтобы ты был мне послушен, и так долго, как мне кажется нужным.

Затем они въезжают на выгон у Городища, где жил Эйольв, зять братьев: когда Барди въехал во двор, у дверей уже стояли две взнузданные лошади. На одной из них была еда для братьев: она полагалась им на дорогу. Они догадались об этом, увидев свежее мясо, которое велел отвезти туда Барди.

Тут Эйольв садится на коня, и он уже готов тронуться в путь. В это время из дома выходит женщина. Она зовет Барди и просит его вернуться к дверям: у нее есть к нему дело. То была Алов, его сестра. Он попросил тогда всех ехать дальше и сказал, что долго не задержится.

Он подъезжает к двери и спрашивает, чего она хочет. Та просит его сойти с коня и проститься со своей приемной матерью. Он так и делает и заходит внутрь. Старуха лежала в постели и что-то говорила.

— Кто идет сюда? — спрашивает она.

Он отвечает:

— Здесь Барди. Чего ты хочешь от меня, мать?

— Зашел бы ты сюда,— говорит она,— вовремя ты явился. Сейчас я спала,— говорит она,— а ночью проснулась, чтобы приготовить вместе с твоей сестрой вам еду. Подойди ближе,— говорит она,— я хочу тебя обнять.

И Барди сделал, как она просила, потому что очень любил ее. Она касается его темени и обнимает его со всей силой.

Барди сказал:

— Что видится тебе, и чем, по-твоему, кончится, если ты теперь сжимаешь меня так крепко?

— Хорошее видится мне,— сказала она,— не случится, думаю я, такой беды, какую я сочла бы большой.

Барди был могуч и велик ростом: толста была его шея, и она протягивает руку к его шее, снимает с себя большое ожерелье из камней, надевает ему на шею и поправляет на нем плащ[63]. Барди носил на шее нож на перевязи; она оставляет нож там, где он был и просит его ехать с богом. Он едет тогда за своими спутниками. Она кричит ему вслед:

— Да исполнится то, чего я жду, и надеюсь я, что все так будет.

Глава XXIV

А он подъезжает к своему войску, и они едут своей дорогой. Торарин долго едет с ними и руководит их походом: ему кажется очень важным, чтобы все прошло по задуманному.

— Подыскал я вам ночлег,— говорит он,— в Скальной Долине, где вы и заночуете. Ньялем зовется бонд, который приютит вас на ночь. Рассказывают, что хозяин он не самый расторопный, а все ж добра у него вдоволь: поэтому я надеюсь, что он примет вас по моему указанию[64]. И еще: со мной сейчас человек, который ночью приехал с юга из Фьорда Городища. Его я посылал на той неделе для того, чтобы узнать новости из той округи, и он смог рассказать мне немало. Он рассказал, что Хермунд сын Иллуги должен будет в конце этой недели поехать с множеством людей из округи на торг. Тебе, наверно, известно, что братьям, сыновьям Торгаута, нужно за лето выкосить тот луг, что зовется Золотым Лугом. Работа у них спорится, и они должны закончить ее в эту среду, и в этот день они будут дома. Узнал я и то, что у Гислунгов вошло в обычай приговаривать «не Барди ли это приехал?», когда кто-нибудь поднимает шум или громкий вопль, и это они обращают в насмешку и глумление над вами, чтобы злее поносить вас. Рассказывают также, и это очень похоже на правду, что люди из их округи решили между собой, что если в округе случится что-либо, связанное с насилием над людьми, то все обязаны гнаться за убийцами, и так у них заведено с тех пор, как Снорри Годи и его люди, совершив убийство, легли спать рядом с хутором. А тот, кто не исполнит этого, должен будет уплатить три марки, и это касается каждого, кто живет в

годорде от Портовых Гор до Северной Реки, ведь туда входит большинство людей с Побережья и с Облачной Реки.

На следующий день вы покинете Ньяля и поедете не спеша. Заночуете вы в пустоши,— с тех пор она и получила свое имя и зовется Перепутьем — и вы должны выйти на две тропы, которые ведут от пустоши к югу и осмотреться, те ли это, о которых я говорю. Называется эта пустошь — Разлив; там много больших озер, и с северного края Разлива есть одно, в которое с суши вдается мыс. Он не широк, и в ряд там может стать не более девяти человек. По этому озеру проходит водораздел между нашими местами и пустошью; это место боя я предназначаю для вас. А другая тропа ведет к южному краю Разлива: мне бы не хотелось, чтобы вы ее занимали: там вам придется тяжелее, если понадобится принять бой. Там с суши в озеро вдается один мыс; на нем могут стать восемнадцать человек в один ряд, а к югу от него проходит водораздел между их округой и пустошью.

На третий день вы выходите к хижинам, которые выстроены по всей Кустарниковой Долине, но никого из людей там уже не будет: все это пастбища жителей Побережья, а они съехали со своих хижин еще накануне.

Надеюсь я, что вы попадете туда на склоне дня: пусть два человека из вашего войска спустятся с гор в ту округу, проедут по мосту через реку, а к хуторам подъезжают не иначе, как с южного берега. После этого вы должны подъехать к тому хутору, что зовется Двором Халльварда, спросить у бонда новости и справиться о тех лошадях, что сбежали из северной четверти. Вы будете расспрашивать и о торге. Оттуда вы увидите Золотой Луг, когда поедете вниз по реке, и вам будет видно, есть ли там те люди, которых вы ищете. Оттуда вы поедете к броду, и пусть бонд покажет вам путь. Потом вы вернетесь обратно на пустошь.

А в среду утром ты поедешь на мост, потому что оттуда тебе будет видно, что делается в округе, и ты поделишь свое войско на три части, так как всего вас восемнадцать; девятнадцатый должен остаться и стеречь лошадей. Пусть это будет Грис Башка, и лошади должны быть наготове, когда они вам понадобятся.

Шесть человек должны остаться на мосту: я сам решу, кого поставить, и как нужно поделить наших людей. Пусть это будут родичи, Торгисль из Срединного Приюта и Одд Удачи, Арнгрим, Эйрик Тревога, Торльот Воспитанник Ревуна и Эйольв с Асмундовой Скалы. Они должны остаться именно потому, что они самые сильные и умелые воины из всех, кто едет, и вам не подобает отказывать им в почете

и уважении. А на полпути пусть остановятся другие шесть: братья Тородд и Торгисль с Крачечного Болота, двоюродные братья Барди, и с ними третий, который заменил Халльдора[65]; там должны быть и сыновья твоей сестры, Ламбкар и Хунн, а шестым будет Эйольв, твой зять. Они будут тебе послушными и не такими своенравными, как те. Они должны сидеть там потому, что оттуда они заметят, как приближаются люди.

А вы шестеро поедете дальше, ты и твой брат Стейн, Стейнгрим, Олав, Даг и Торд: они будут тебе послушнее всего, и их вполне достаточно, чтобы справиться с теми, кто будет на лугу. Убив их, сразу отправляйтесь прочь, ибо погоня за вами не замедлит, и ее не придется ждать долго, если они увидят не больше шести человек: тогда у них не должно набраться много народа. И вот вы скачете как можно быстрее, пока не добираетесь до северной тропы, ибо тогда все ближайшие свидетели окажутся из северной четверти, что будет вам на суде большим подспорьем. Только есть у меня подозрение, что ты не успеешь добраться до нее из-за спеси тех, кто с тобой едет. На этом мы с тобой расстанемся, и да встретимся невредимыми.

Глава XXV

Вот Барди вечером приезжает к Ньялю со своим войском. Ньяль стоит на дворе и предлагает им всем ночлег, как друзьям. Они благодарят его, распрягают лошадей и усаживаются на обе скамьи. Ньяля с женой вечером в доме не было: они готовят гостям еду. А маленький их сынишка был дома и развлекал гостей. Барди спрашивает мальчика, нет ли у него какого-нибудь точила.

— Я знаю,— говорит мальчик,— что у моего отца есть точильный камень, но взять его не решаюсь.

— Я заключу с тобой сделку,— говорит Барди,— и отдам тебе за него нож на перевязи.

— Ладно,— говорит мальчишка,— почему же я должен отказываться?

Он ищет точильный камень, находит его и вручает Барди. Барди берет камень и снимает со своей шеи нож, и тогда-то ожерелье из камней, которое старуха надела ему на шею, немного съехало в сторону, и об этом зайдет речь дальше[66].

Вот они точат свое оружие. Теперь мальчику кажется, что он поступил хорошо, если у них есть то, что им было нужно. Они остаются там на ночь, и им оказывают хороший прием. На следующий день они выезжают; стоит хорошая погода, и они едут не спеша. Барди спрашивает Эйрика Тревогу, как, по его мнению, окончится их поход.

Тот отвечает:

[№ 5]

Верю — пересекши,
С севера всю пустошь,
Мы сыча насытим
сукровицы в сече.
Дорого дорога
Обойдется с юга,
Да не вздрогнет гордый
Пред грозой грядущей.[67]

Потом они ночуют на пустоши, а на третий день приезжают в Кустарниковую Долину, и было это на склоне дня. После этого они некоторое время дают лошадям попастись, а потом двое из них едут вниз в ту округу, как велел Торарин, и они не встречают там никого и все время едут горной дорогой, пока не подъезжают к мосту, а миновав его,— ко Двору Халльварда. Им было видно, что делается на Золотом Лугу, и они увидели мужчин в рубашках, которые косили луг. Им показалось, что все идет так, как им было сказано. Они сочли, что работы здесь хватит на весь следующий день: раньше им рассказывали в точности то же самое. После этого они встречают бонда, заводят с ним разговор и спрашивают, что нового. Никто из них не мог сказать другому ничего особенного, и они справились о лошадях, которые раньше сбежали, а теперь их повсюду разыскивают. Тот ответил, что никогда и не знал, где они, и добавил, что их придется искать еще долго. Они спросили, какие новости с торга. Бонд ответил, что точно не знает, что там за дела, но он не думает, что там происходит что-то особенное. Они просили его показать дорогу к броду, и он так и делает. На этом они расстаются. Они едут обратно к своим спутникам и рассказывают им, как обстоит дело. Оставшуюся часть ночи они спят.

Глава XXVI

Теперь следует рассказать о людях из другой округи, к которым теперь переходит сага[68]. Торбьёрн сын Бруни из Столбов встал рано утром. Он велит своему работнику вставать с ним вместе,—

— сегодня мы поедем в кузницу Торгаута и поработаем там.

Стояло раннее утро, и солнце еще не взошло. Он велел подать им завтрак. Хозяйка поставила для них на стол чан, но не рассказывается, что в нем было. Торбьёрн чувствует, что его не уважили; он берет чан

и бьет жену промеж лопаток. Она оборачивается, принимается поносить его на чем свет стоит, и они оба в гневе.

— Почему же ты не уносишь это? — говорит он, — ведь там нет ничего, кроме крови, и странно, что ты этого не замечаешь[69].

Она отвечает ему на это спокойно:

— Не принесла я ничего такого, что не было бы тебе кстати, но я не огорчаюсь тому, что пища кажется тебе кровью, ведь ты скоро попадешь в Хель, и видение предвещает твою смерть.

Торбьёрн сказал вису:

[№ 6]

Нашей Вёр достатка
Траур не пристанет —
Фольд бус лишь сгноить бы
Скальда, — коль я сгину.
Яблок Хель сулит мне
Пива подавала,
Да навряд осилит —
— дюже то негоже[70].

Тогда она выбегает, хватает сырную голову и бросает ее перед ним на стол. Он садится на скамью напротив и плачет.

Торбьёрн сказал другую вису:

[№ 7]

Мерина морского
конунга погонщик
Не подарит блага
Лжевдове плаксивой,
Ведь волчице шизой
Лишняя обуза —
Горевать о мертвом
Скул росой бирючьей[71].

— Что-то странное мерещится мне теперь: мне чудится, что обе торцовые стены обвалились, и еще вижу я, как со стороны пустоши с севера на наш дом рухнула жердь[72]. А сыр, который я ем, кажется мне на вкус вовсе не сыром, но сплошной землей.

Они опрокидывают столы, идут к своих лошадям, садятся на них и выезжают со двора.

Тут Торбьёрн сказал:

— Этой ночью я видел сон.

Работник спрашивает:

— Что же тебе снилось?

— Мне казалось, что я стою там, где не все ладно, и со мной меч, который я привык брать с собой,— но сейчас его со мной нет[73] — и он разломился надвое, когда я нанес им удар. Еще я будто бы сказал две висы, и обе запомнил:

[№ 8]

Вот для висы повод:
раз колол полено
у околиц тарчи —
лишь сошлись сеч свахи,
Фенрир шлема треснул
надвое, воитель,—
довелось изведать,
как оно бывает[74].

[№ 9]

Было бы не хило,
Ускоритель киля,
Кол не расколовши,
Уберечь мне череп;
Друг, угря угодья
разгрызать гораздый,
— им одним хранимы—
Кромок гром окормит[75].

Тогда же, пока они ехали, их запомнил и его спутник. Вдруг он поворачивается лицом к Торбьёрну.

— Да,— говорит тот,— а железо-то мы оставили дома, или же оно у нас выпало по дороге. Поезжай-ка обратно искать его, и если найдешь его на дороге, поезжай прямо в кузницу. А не найдешь, так возвращайся к своим обычным делам.

Потом они расстаются, и работник не находит железа. А Торбьёрн едет в кузницу к своему родичу Торгауту и застает его, когда тот садился завтракать. Они приветствуют друг друга и спрашивают, что нового. Никто не мог сообщить другому ничего особенного.

Еще следует сказать о том, что сыновья Торгаута давно уже встали и отправились косить на Золотой Луг. Они решили между собой, что было бы хорошо, если б за день его удалось выкосить весь. Они подходят к лугу и снимают с себя оружие и верхнюю одежду. Гисли отошел немного в сторону и огляделся, а его братья начали косить. Он остановился и сказал вису:

[№ 10]

Вижу, словно вьяве,
Как в лосином стойле
Свора слуг шишиги
Налетит на скальда.
Моди гуда меди
Не пребудет в мире,
Факельщиков шквала
Хлёкк копя уколы[76].

Он рассказывает им свой сон, о том, как ему снилось, что они стоят на Золотом Лугу и на них напало множество волков, и они яростно наседали на них,—

— и сон мой как будто оборвался на том, что я побежал вниз к нашему хутору[77].

Они взялись за косы, и вот уже некоторое время косят.

Глава XXVII

Вот Барди делит свое войско на три части, как ему наказал приемный отец, и об этом рассказывалось раньше. Теперь же он открывает им всем свой замысел. Они приободрились и решили, что есть надежда исполнить задуманное. Слова его они поняли как приказ, но не преминули сказать, что действуя так, больших дел не дождешься.

Тогда у Побережья Белой Реки была большая роща: в то время лес в стране еще рос. Последние шесть человек расположились у верхних отрогов леса и смотрели оттуда, что происходит на Золотом Лугу. Теперь Барди размышляет, сколько всего тех, кто косит: он уже не уверен, не баба ли третий, тот, что бел лицом,—

— или это и есть Гисли?

После этого они выходят из лесу один за другим, и сперва сыновьям Торгаута показалось, что прошел один человек. Тормод, который косил последним, тогда сказал:

— С той стороны идут люди.

— А мне кажется,— говорит Гисли,— что идет один человек.

А те шли быстро, но не бежали.

— Не так это,— сказал Кетиль Кувшинное Рыло,— там люди, и их немало,— и он остановился и посмотрел вдаль.

Кетиль сказал:

— Не Барди ли это? Очень похоже, что да. Я совсем не умею различать людей, если это не он, ведь так он был одет летом на тинге.

Братья Кетиль и Тормод глядели вдаль, а Гисли косил и сказал им:

— Вы ведете себя так, словно Барди этим летом сидел за каждым кустом, а он так и не появился.

Барди и его люди заранее решили, что на каждого из братьев нападут двое. Барди со Стейном должны были убить Кетиля Кувшинное Рыло: тот был очень силен. Даг и Олав должны были напасть на Гисли, а Стейнгрим и Торд — на Тормода, и вот они побежали к ним.

Тут Кетиль сказал:

— Теперь уже нельзя отрицать, что Барди приехал.

Они хотели схватить свое оружие, но никто из них не успел. Когда они видят, как обернулось дело, Кетиль и Гисли решают бежать домой через выгон, и Барди побежал за ними, и с ним трое его спутников. А Тормод бросился вниз к реке, и Торд со Стейнгримом побежали за ним. Они загоняют его в реку и забрасывают камнями с берега; ему удается переправиться через реку и спастись. А двое братьев подбежали к ограде выгона: Кетиль оказался проворнее и перепрыгнул через нее. А когда настал черед Гисли прыгать через ограду, то дерн под ней провалился, и Гисли поскользнулся. Тут подоспел Барди: он оказался самым быстрым, и он наносит ему удар мечом Торгаута и разрубает лицо почти пополам. Барди тут же поворачивается к своим спутникам и говорит им, что вот кровь и пролилась. Они отвечали, что это дело пустячное, и гордиться тут нечем. Он сказал, что все останется как есть,—

— и мы должны поворачивать обратно.

Он настоял на своем, и это им очень не по душе.

Кетиль втаскивает тело Гисли на двор и забрасывает его себе на спину. Он побежал домой к хутору, и они не видели по нему, что ноша тяжела.

Торгаут и Торбьёрн были в кузнице и ждали работника Торбьёрна, который поехал за железом. Тут Торгаут сказал:

— Однако какой там шум! Неужели приехал Барди?

В этот миг в кузницу вбежал Кетиль, и он отвечает:

— Твоему сыну Гисли довелось узнать, что Барди-таки приехал,— и он бросает мертвеца ему под ноги.

Барди спешит навстречу своим спутникам и говорит, что теперь можно считать, что они с Гислунгами квиты. Они сказали, что убитые друг другу не пара, и что случилось пустячное дело, если убит всего один человек, а они ехали сюда так долго. А когда все собираются вместе, то те, кто сидел у моста, сказали, что они бы точно не поехали, раз уже можно собираться в обратный путь, и большей мести за понесенный ими урон не будет. Они сказали, что Гисли и Халль не ровня друг другу, и всячески поносили Барди. Они сказали, что если б там были они, то уж этим бы дело не ограничилось.

Затем они идут к своим лошадям и говорят, что хотят завтракать. Барди просил их не терять времени на еду. Они сказали, что поститься не намерены,— и мы все-таки не можем понять, что гонит тебя обратно, ведь ты еще не совершил ничего такого, что покрыло бы тебя славой.

Барди сказал, что его не волнуют их речи. Затем они садятся завтракать.

Глава XXVIII

Теперь Торгаут, Торбьёрн и Кетиль заводят между собой разговор. Торгаут говорит, что дело зашло далеко,—

— и велико мое горе. Кажется мне, однако, что и месть должна быть не меньшей, и я хочу, чтобы никто отсюда не уезжал.

Те говорят в один голос, что такого никогда не случится. Женщины услыхали, о чем идет речь, и Кетиль послал их ко Двору Фроди и к Прибрежным Холмам сообщить о том, что случилось и сказать, чтобы каждый передавал своему соседу вплоть до Склона Поперечной Реки и Долины Северной Реки, чтобы он выезжал в погоню за убийцами, если не хочет осуждения и утраты имущества. Сами они выходят, садятся на лошадей и едут к Высокой Горе к Арни сыну Торгаута. К нему тогда приехал его тесть: это был Торарин со Склона Поперечной Реки, отец его жены Астрид. Оттуда они поехали впятером.

Теперь следует рассказать о Тормоде. Он бежит по южному берегу, пока не приходит к Кряжу. В то время южный берег был заселен мало. В тот день дома оставались немногие: хозяева отправились на торг, а домочадцы на работу. Эйд сидел дома и играл в шашки со своими сыновьями: один из них звался Иллуги, а другой — Эйстейн. Тормод рассказывает о том, что случилось. Тогда, и долгое время спустя, выше Бьёрнова Водопада был мост. Эйд ехать не захотел, но его сыновья схватили оружие и поехали.

Вот братья приезжают к Торгислю со Двора Рубаки. С ним дома был его сын Эйольв: тем летом он вернулся из Норвегии. Тормод едет

вверх по реке ко Двору Халлькеля. Он приезжает туда и рассказывает, что случилось. Тинд был в доме один[78], но в кузницу пришли мужчины с хуторов по соседству. Рядом жила женщина по имени Торфинна: ее называли Женщина-Скальд[79]. Она жила на Дворе Торварда. У нее был сын по имени Эйольв и брат по имени Танни, которого называли Крепкоруким: он очень выделялся своей силой, как и его племянник Эйольв. Оба были людьми отважными. Они-то и оказались в кузнице Тинда.

А в Крутояр никто не поехал потому, что Хермунд вместе со своими работниками уехал к кораблю. С Тиндом поехало четверо — пятым был Тормод — но это было уже ближе к вечеру.

Сыновья Эйда заезжают к Торгислю Рубаке: тот собрался быстро, и они выехали оттуда вшестером. С ним был также Эйольв, сын Торгисля, и еще четверо людей.

Глава XXIX

Теперь следует рассказать, что предприняли Барди и его люди. Барди едет первым, и несколько быстрее, чем они, так что между ними образовался разрыв, а те ехали довольно медленно и кричали ему, что он, верно, дрожит от страха. Тут они обнаруживают за собой погоню и видят войско немногим меньшее, чем они сами. Спутникам Барди становится весело на душе, и они радуются тому, что за время их похода произойдет нечто памятное.

Тут Барди сказал:

— Проедем чуть-чуть вперед, и очень вероятно, что это лишь подстегнет погоню.

Тогда Эйрик Тревога сказал вису:

[№ 11]

Строились отрядом,
алчные до сечи,
вняв увещеваньям
ратоборца Барди
от южан не бегать
с бурей вихря дротов —
— сведущ люд на пустошь
наступает с юга[80].

— Криво на сей раз излагаешь,— говорит Барди,— я велел каждому ехать во весь опор, пока мы не доберемся до той тропы, которую выбрал мой приемный отец, и там, на севере Разлива, мы примем бой.

Но все же Барди не удалось выйти к нужной тропе: его спутники объявили, что их и без того гнали слишком долго, довольно с них и того, что они дошли до южной окраины пустоши. Видит Барди, что уже ничего не изменишь, и тогда он поворачивает коня.

Он говорит своим, что жаждет избавиться от погони не больше, чем они, и они заключат уговор,—

— и пусть вина падет на того, кто его нарушит: никто сегодня вечером не должен бежать прочь, пока вы сами не сочтете, что иного пути нет, и вы заговорите об этом раньше меня. Упрашивать никто никого не станет: ни вы меня, ни я вас.

Вот теперь им легко на душе. Они оставляют лошадей позади себя на мысу и ставят там Гриса Башку стеречь их: он был человек мирный и к тому же немолодой.

Тут Эйрик сказал вису:

[№ 12]

Удержав державу,
рвется в бой дружина,
на рожон, желая
закалить ран жало.
Обождем — на юге
смерч мечей замечен —
— знать кольчуг кочевник
пустит кровь на пустошь[81].

В тот же день поехали и за Хермундом, и посланные нашли его, когда тот был уже на пути с Мыса Тингов домой. Он бросает весь свой скарб на месте и велит всем своим спутникам ехать в погоню. Он набирает еще народу и едет за ними вслед.

Глава XXX

Теперь встречаются люди с юга и Барди; те спешиваются. Барди выстроил свое войско поперек мыса.

— Не сходите теперь с этого места,— говорит Барди,— есть у меня подозрение, что сюда явятся еще многие.

Так они стояли строем, восемнадцать человек поперек мыса, и ждали, пока те нападут на них.

— И по всему видно, что вам доведется испытать здесь ваше оружие,— говорит Барди,— и было бы лучше занять северное озеро. Гово-

рю это не в поношение, а к тому, что сделай мы так, вести тяжбу впоследствии было бы легче. Но поддаваться страху не нужно.

Они стояли с обнаженным оружием: по правую руку Барди стоял Торберг, а по левую — Одд Удачи; далее стояли братья Барди. Теперь уже люди с юга не так в себе уверены, как раньше, ведь они против них оказалось большее войско, чем они могли ожидать. Предводителями у них были Торгаут, Торбьёрн и Кетиль.

Тут Торгаут сказал:

— Разумнее всего подождать подмоги. Они поступили умно, приехав в нашу округу в столь малом числе.

И они не идут дальше, и когда это увидели люди с севера, они думают, как им быть.

Торберг говорит так:

— Тут ли Кувшинное Рыло?

Тот отвечает, что он здесь.

— Знаком ли тебе меч, который я держу?

Тот сказал, что этого он знать не может,—

— а кто ты такой?

— Меня зовут Торберг, а меч этот дал мне твой родич Торви Кривда, и он нанесет тебе сегодня много ран, если я этого захочу. Чего же вы не нападаете? Вы, по-моему, сегодня потрудились усердно: и поездили, и побегали.

Тот отвечает:

— Может статься, это и есть мое оружие, да только когда мы сегодня расстанемся, ты уже не сможешь нас попрекать.

Тогда Торберг сказал:

— Если ты настоящий мужчина, зачем тебе ждать подмоги?

И тут Барди говорит:

— Какие новости у вас в округе?

— Те новости, которые ты, должно быть, считаешь хорошими,— убийство Гисли, моего брата.

Барди отвечает:

— Уж это нас не расстроит: я думаю, не стоит сомневаться, что это моих рук дело. Или, может быть, ты, Кетиль, и твой отец, считаете, что вам пока не за что мстить нам? Помнится мне, что совсем недавно ты прибежал домой, Кетиль, с ношей на спине, и спешил поднести ее своему отцу. Но коли не помнишь, вот тебе свидетель, этот самый меч,— и он делает взмах мечом в его сторону,— кажется тебе, Кетиль, что некому мстить,— так посмотри сюда, ведь на нем еще не высохла кровь,— и он снова взмахивает мечом.

Этого те вынести не смогли, и вот начинается битва. Торбьёрн подбегает к Барди и рубит его по шее так, что раздался громкий треск. Удар пришелся как раз по тому камню в ожерелье, который съехал в сторону в тот раз, когда Барди снял с шеи нож и отдал сыну Ньяля; кровь брызнула из-под завязок шлема, но меч не вонзился.

Тогда Торбьёрн сказал:

— Ты тролль, раз тебя не берет железо.

Затем они разошлись, и после первого мощного удара Торбьёрн обращается против Тородда, и они бьются друг с другом. Навстречу Барди выступил Кетиль, а Торгаут сходится с Торбергом. Там не было недостатка в мощных ударах и боевом запале. У людей с юга войско было меньше, и сражались они хуже.

Сперва следует рассказать о схватке Барди и Кетиля. Кетиль был человек могучий и бесстрашный. Они бьются очень долго. Кончается тем, что Барди поражает его в бок, и разрубает надвое, так что Кетиль пал. А после этого Барди бросается к Торгауту и наносит ему смертельную рану, так что оба они приняли смерть от своего же оружия.

Теперь надо рассказать о Торбьёрне и Тородде. Они сражаются в другом месте, и оба рубят друг друга без жалости, так что мощных ударов было вдоволь; и раны тоже были немалые. Вот одним ударом Тородд отрубает Торбьёрну ногу у подъема, но тот не перестает сражаться и направляет меч Тородду в живот, тот оседает, и внутренности вываливаются наружу.

Торбьёрн видит, что родичи его убиты, и он не отходит в сторону, невзирая на свое увечье. Тут навстречу Торбьёрну бросаются сыновья Гудбранда. Он сказал им:

— Поищите себе другое занятие: не водилось раньше за людьми молодыми обычая связываться с нами.

После этого он бросается к Барди и бьется с ним. Тут Барди сказал:

— Ты сам кажешься мне троллем, если можешь сражаться так без ноги, и это больше похоже на правду, чем то, что ты сказал про меня.

Тогда Торбьёрн говорит:

— Нет ведовства в том, что муж терпит свою рану и не раскисает до такой степени, что не защищается, пока может. Это и называют мужеством, и лучше бы ты оставил о себе добрую память и прославился таким образом, чем побеждал людей колдовством. И прежде чем я склонюсь в траву, вам придется признать, что я умел обращаться с оружием.

Там он пал от руки Барди и заслужил себе добрую славу. Битва долго еще не стихает, но в конце концов люди с юга обращаются в бегство. Еще рассказывают, будто в их рядах был человек по имени

Торльот, великий воин. Он жил у Столбов; некоторые говорят, что он был с Отбойного Ручья. Этот Торльот бился с Эйриком Тревогой, и прежде чем они сошлись, Эйрик сказал вису:

[№ 13]

Щит с щитом сшибить нам,
предстоит, воитель,
— не сулит затишья
бой с тобой, Отбойник.
Слышал: ты защиты
отродясь не ищешь,—
нешто брешут? проще
все шипом прощупать[82].

Они сражаются очень долго, и по рассказам, немного было людей столь отважных. Оба были высоки ростом, очень сильны, воинственны и бесстрашны. Вот Эйрик рубит Торльота мечом, и меч ломается надвое. Тогда он хватает острие и поражает им Торльота. Рана была велика, и тот пал.[83]

Глава XXXI

Теперь наступает передышка, но вот они видят, как едут шесть человек. Это Торгисль Рубака со своим сыном Эйольвом и сыновья Эйда. Они видят, что их людям выпала тяжкая доля, а многих уже нет в живых, и это их печалит.

Сыновья Гудбранда высмотрели себе Эйольва и просят Барди отпустить их, чтобы отомстить за себя и убить врага. А причина была такова, что зимой, когда все они были в Норвегии, Эйольв столкнул их с лестницы в выгребную яму, и они выбрались оттуда порядком запачканные; теперь они жаждут мести, и для этого проделали путь на юг под началом Барди.

Барди говорит им:

— Вы люди храбрые и достойные, и велика будет утрата, если вы погибнете. И хотя мы должны дать вам случай отличиться, я прошу вас обоих оставаться в строю.

Их это не утихомирило, и вот они бегут по мшистым камням навстречу Эйольву, и начинается бой.

Эйольв был могучий воин, искусный во всем, как и его отец. Сил у него в избытке, он побывал во многих сраженьях, и бой их долог и

жесток, и кончается он тем, что обе стороны лежат мертвые, так отчаянно и жестоко они бились.

Сыновья Эйда тоже сражаются стойко и выказывают отвагу и мужество; против них бьются Стейн со Стейнгримом. Тут все начинают биться друг с другом, не покладая рук, и сыновья Эйда пали и расстались с жизнью, ведь поблизости находился Барди.

Торгисль Рубака не щадит себя; ему кажется, что смерть сына — это большое горе. Торгисль был велик ростом и лучше других обучен владеть оружием. Он рубит обеими руками, и для него все равно — жизнь или Хель. В числе тех, кто сражался всего отважней, чаще других называют Торгисля, Эйрика и Тородда.

Торгисль рвется вперед без оглядки, и во всем Фьорде Городища не было никого, равного ему по отваге. Навстречу ему выступил Торгисль, брат Тородда, и они бьются друг с другом. Оба сражаются жестоко. Вот одним ударом Торгисль Рубака попадает тезке в лицо и обрубает нос от самых бровей донизу.

При этом он сказал:

— Вот ты и получил такую отметину, как тебе подобает: многие из вас еще получат подобные.

Торгисль отвечает:

— Отметина нехороша, но есть надежда, что у меня хватит храбрости снести ее, как положено мужу, а вы недолго будете этим хвастать,— и он поражает его и повергает наземь, так что тот стал неспособен к бою.

Тут наступает передышка, и люди перевязывают раны. Вот они видят, как едут четверо. Это были Тинд, Танни, Эйольв и Тормод, и когда они приезжают, то очень подстрекают своих к бою; они и сами были люди отважные. Битва начинается теперь в третий раз. Танни выступил против Барди, и там завязался бой что надо. Танни рубит часто и мощно, но и в этот раз, как и раньше, тяжело иметь дело с Барди, и кончается у них тем, что Танни пал от его руки.

Эйольв выступил против Одда, и они сходятся в схватке. Оба они были достойны друг друга. И вот Эйольв наносит Одду удар, и он приходится в щеку и в подбородок: это была большая рана.

Тут Эйольв сказал:

— Может статься, теперь вдове опротивеет целоваться с тобой.

Тот отвечает:

— Давно подурнело мое лицо, а теперь оно понесло немалый урон. Только ты, возможно, своей подружке об этом так и не расскажешь,— и он рубит Эйольва и наносит тому большую рану.

И в этот раз, как и раньше, Барди стоит рядом и добивает Эйольва.

Тормод сын Торгаута тоже был человек отважный и держался стойко. Против него выступил Эйольв с Городища и сильно ранил его. И хотя из людей с севера называют прежде всего этих, все они сражались стойко и доблестно, потому что войско у них был отборное. И когда пали те, кто был назван, битва прекращается. Тут Торберг сказал, что пора уходить: к этому времени пало восемь человек с юга и трое с севера[84].

Барди спрашивает Тородда, может ли тот ехать с ними. Тот говорит, что на это надежды нет, и просит их уезжать. Барди осматривает его рану. В это время они замечают, что с юга из леса показывается войско. Барди спрашивает, не хотят ли его люди подождать: они говорят, что хотят ехать, и так и поступают. Обратно их едет шестнадцать человек, и большинство из них ранены.

Глава XXXII

Теперь следует рассказать об Иллуги. Он приезжает на поле боя и видит, что случились большие события, и притом нерадостные. Иллуги спросил, сколько же всего их было, и Тинд отвечал ему двумя висами:

[№ 14]

Ясеней осьмнадцать
омута лучины,
да в придачу ясень
затевали свару
тетивы, а против
были все пятнадцать
прожигал заклада,
коих пало девять[85].

[№ 15]

Эйдова порода
в споре пала вскоре,
с Гудбранда сынами
сдобрив в брани почву;
после сбора тарчей
не пойдем на виру!
Преданную свиту
пеня ждет крупнее[86].

Потом Тинд подходит туда, где лежал Тородд, видит, что тот жив, и тотчас отрубает ему голову. Узнав об этом, Иллуги сказал Тинду, что тот поступил дурно, убив лучшего свидетеля битвы, и раз уж они бежали прочь от этого человека, они обязаны были дать ему пощаду. Он призывает хулу на голову Тинда.

Затем Иллуги едет в погоню с сотней людей, но тут на горы спускается густая мгла, и приходится поворачивать обратно. Он велит отвезти тела павших на юг. Многие их люди были ранены. А Гислунги — Арни, Фроди, Тормод и Торарин[87] — были ранены тяжело. Затем Иллуги отряжает людей сидеть возле павших, на тот случай, если северяне решатся поехать за телами своих людей. Для этого остаются шестьдесят человек: они разбивают шатер, сидят там и ждут, не приедут ли те в западню.

Барди же приезжает к Ньялю. Оттуда он едет в Слиянье Ручьев, и на нем та же одежда, что и прежде[88]. Вот Барди и Торарин встречаются, и Барди доверяется приемному отцу и говорит, что они намерены ехать за телами. Торарин говорит, что со столь малым отрядом они павших не выручат, и что буря и непогода все равно заставят их повернуть вспять: закон к тому же обязывал людей с юга похоронить тела. Все выходит так, как предсказал Торарин, и они не смогли проехать через горы и повернули обратно.

Теперь Барди держит путь на Асбьёрнов Мыс. Они едут по своей округе, и всем кажется, что едут женщины. Оставалось четыре недели до начала зимы, и весть об их походе еще не распространилась повсюду, так что подозрений ни у кого не возникло.

Потом Барди едет к тем хёвдингам, которые условились с ним о встрече перед тем, как он выехал на юг. С ним была также его жена Гудрун: она должна была встретиться со своим отцом и узнать, чем он может помочь Барди. Она встречает отца и излагает ему то, что ей поручено. Тот отнесся к этому холодно. Барди и его люди не снимали своих облачений, а весть о походе еще ни до кого не дошла.

Хёскульд и Эйлив долго ждали в условленном месте, и решили, что Барди уже не приедет. С ними было много народа, и вот они собрались в путь. Хёскульд просил еще раз оглядеться. Выходит Торд[89] и говорит, что видит странное зрелище: вроде бы едут женшины. Хёскульд говорит, что это, наверное, не так. Затем он выходит и видит, что это мужчины. Барди и его люди подъезжают к ним. Торд поджидает их. Навстречу выходят Хёскульд и Эйлив, и они начинают разговор: завязывается беседа.

Барди говорит:

— Не решишь ли ты это дело один?

Хёскульд отвечает:

— Я объявляю свое решение: я не стану взимать с тебя виру, но уважу своего человека сам. А за то, Барди, что ты проявил учтивость, мы дарим тебе две меры[90] китового мяса; а куда думают податься твои спутники?

Барди говорит:

— Мы хотим сидеть на Асбьёрновом Мысу с нашими людьми и со всеми, кто пожелает примкнуть к нам.

Барди благодарит его за помощь… Хёскульд уезжает к себе домой, а Барди со своими едет дальше, и теперь они рассказывают всем о том, что произошло. Тогда Торд с Широкого Брода и Торвальд[91] садятся на лошадей, едут им навстречу и приветствуют их.

— Барди,— сказал Торд,— видать не нужна была тебе моя помощь, раз ты не позвал меня с собой.

Тот отвечает:

— Я не знал, вправе ли я этого требовать. Но ты по-прежнему можешь крепко помочь нам.

— Я хочу подарить тебе вола и старую овцу[92].

Торвальд дарит ему двенадцать баранов, и они расстаются друзьями.

Поздно вечером Барди приезжает к Реке Тальниковой Долины к Бьёрну[93], и тот приветствует его, но не предлагает ночлега. Затем Барди заговаривает со своей женой Гудрун. Та говорит, что испытала все средства, но Бьёрн не хочет помогать Барди ради нее.

— Бьёрн,— говорит Барди,— что ты можешь дать нам в придачу вот к этому скоту, если мы примем к себе новых домочадцев?

Бьёрн сказал:

— Ты от меня не получишь ничего, потому что я никому ничем не обязан.

Затем люди пробуют уговорить Бьёрна, но ничего путного не выходит.

Барди сказал:

— Никому из нас хорошо не будет, но поплатятся те, кто ни в чем не виновен. Ты сам выбрал такой исход, который навлечет на тебя наибольший позор.

Затем он называет своих свидетелей и объявляет о разводе с Гудрун, дочерью Бьёрна,—

— и я нахожу достаточным основанием для развода то, что ты слишком низкий человек, чтоб я мог быть твоим зятем. Ты никогда не увидишь приданого Гудрун, и я никогда не протяну тебе руку.

Глава XXXIII

Вот они слышат сильный шум, и к реке подъезжает множество народа. Это Торгисль сын Ари вернулся с севера со своей свадьбы. С ним был Снорри Годи, и всего восемьдесят человек.

Тогда Барди сказал:

— Покроем голову плащами и въедем в толпу, но только по одиночке. Сейчас темно, и они ничего не разберут.

Барди надевает шлем с гребнем и едет туда, где был Снорри Годи. На переправе он заговаривает с ним и рассказывает ему новости. Затем они выезжают на другой берег.

Тут Снорри сказал:

— Торгисль,— говорит он,— здесь мы хотим устроить привал, отпустить лошадей и побеседовать перед тем, как разъедемся по домам.

Люди Барди ехали в общей толпе, и те ничего не распознали. Торгисль собирался вечером быть в Широком Жилье. И когда они присели, Снорри сказал:

— Рассказывали мне, Торгисль,— говорит он,— что ни один человек не говорит удачнее тебя клятвы о мире[94] и не завершает тяжбы.

— Немногого стоят такие слова,— говорит Торгисль.

— Нет,— говорит Снорри,— ты, верно, очень искусен, коли все твердят в один голос.

Торгисль говорит:

— Никто не утверждает, будто я произношу клятвы о мире лучше, чем прочие люди, но они во всем соответствуют закону.

Снорри говорит:

— Я хочу, чтобы ты дал мне это услышать.

Тот говорит:

— К чему это? Разве здесь есть враги?

Снорри говорит, что ничего про это не знает, но это никогда не лишнее—

— и сделай так, как я прошу, ибо есть у меня предчувствие.

Торгисль говорит, что будет по его слову. Потом он начал говорить:

— Вот начало нашей клятвы, и оно в том, что все равны перед богом. Мы должны быть также равны и друг перед другом и доверять другому за брагой и за брашном, на тинге и на торге, в кирке божьей и в конунговых палатах, и везде, где встречаются люди, мы должны вести себя так, как если между нами никогда не было распри. Мы будем делить клинок и кровавое мясо и все, что у нас будет, как сродники, а не как супостаты. А если распря случится между нами, то пусть звенят деньги, а не летят дроты, а если кто из нас нарушит слово сго-

вора и подымется на порукой укрытого, то влачить ему дней остаток, как волку повсюду, где люди вдаль волков отгоняют, рабы Христа в церковь ходят, язычники капище освящают, огонь вверх подымается, земля травой покрывается, сын зовет мать, ладья скользит по волнам, блестят щиты, свет солнца растапливает снег, финн бежит на лыжах, сосна ввысь тянется, ворон парит весенним днем, пусть ветер дует ему под оба крыла, небо вращается, мир заселяется, ветер веет, вода из озер вытекает в море, а селяне рожь сеют. Нет ему места в церквях и среди христиан, в доме Бога, и в доме бонда, и нет у него иного приюта, кроме Нифльхейма[95]. Да поручится каждый из нас перед другом за себя и своих потомков, рожденных и нерожденных, славных и бесславных, именитых или безвестных, и да встретит он веру и верность навеки, верность во всем и перед всеми, и пусть ее не убудет, пока живы люди и твари земные.

Теперь мы равны и сговорены, и встретимся ли на суше, или на стрежне, на струге или на снегу, в соленых волнах или в седле, у переправы или у пробоины в борте, на гребной скамье или на палубе, мы поможем друг другу в нужде, как сын отцу, или как отец сыну, во всем. Протянем же в знак дружбы друг другу руку, и останемся друг другу верны по воле Христа и по желанию всех, внимающих сейчас слову сговора. Тому милость Бога, кто будет верен, и гнев Бога тому, что порвет с нашим правым делом, и милость тому, кто верен. Закончено наше слово, и да будем равны перед богом.

Глава XXXIV

И когда Торгисль кончил возглашать мир, Снорри сказал:

— Хвала тебе, друг. Сказано превосходно, и ясно, что тот, кто отступит от клятвы — предатель: не ровен час, такой здесь найдется.

Тут Снорри рассказывает новости и говорит, что Барди и его спутники смешались в пути с людьми Торгисля. Среди тех было много друзей южан и их близких родичей. А сам Торгисль был прежде женат на Гриме дочери Халлькеля, сестре Иллуги Черного.

Тогда Торгисль сказал:

— Мы вполне можем теперь расстаться с тобой, Снорри.

Тот отвечает:

— Не так это, милый друг. Произошло вполне достаточно бед, и пора остановиться.

И Торгисль не захотел нарушать мир, который сам же провозгласил. Затем они расстаются. Снорри отъезжает с двадцатью людьми прочь и едет к Слиянью Ручьев; вместе с ним едут Барди и его люди.

Торарин их хорошо принимает, и всем теперь весело на душе. Вот они решили между собой, что… [*лист испорчен*].

…и девять старых[96] … на… прода… к Слиянью Ручьев… и ничего в ту зиму не произошло… людей… было его войско хорошо вооружено и крепко на диво.

Глава XXXV

Теперь следует рассказать о сынах Гильса[97] и об их родичах, что они сильно негодовали… велика была утрата… и полу… и подолгу гостят в Крутояре у Хермунда, ибо все они считали Иллуги своим предводителем… один к… тец…Барди… с севера к Высокой Горе…… себе… севе… слов… и… расст… Х. …… быть… …ся мог один огонь……… он…… ночью встречаться с людьми и говорит, что он хочет идти к Скале Закона в среду, в разгар тинга, и хочет привести с собой много народа. На тинге не было других важных тяжб, но эта была у всех на устах: гадали, чем она может кончиться и много говорили о Барди.

В среду, в разгар тинга, Барди идет с девятью сотнями людей к Скале Закона, и вот там собрались хёвдинги. Сразу стало очень тихо, и говорили совсем не столько, сколько обычно в таком многолюдном собрании. Рассказывают, что Барди берет слово.

Глава XXXVI

— И вот,— говорит он,— может статься, люди решат, что мне так и не надоело говорить отсюда, со Скалы Закона. Не то, чтобы я человек речистый, скорее, напротив, тяжкая нужда заставляет меня говорить часто. Я надеюсь, что большинству теперь известно, как протекала наша распря с теми людьми, которые на нас ополчились. Мы убеждены, что проявили очень большое терпение при таком горе, в которое нас ввергли, и мы получили в ответ хулу и насмешки от тех, кто, глумясь, отказывал нам в вире на наших родичей. А к этому еще надо добавить презрение родичей и свояков, да и вообще всех вокруг,— за то, что мы не слишком спешили с местью.

Но когда мы больше не могли рассчитывать на виру, то решились на месть и отправились в чужую округу с немногими людьми скорее из гордости, чем по расчету. Потом вышло так, что нам выпало больше удачи, и это было справедливо. Теперь, может статься, нам захотят ответить те, кто ранее не вмешивался в эту тяжбу. И мы не будем отвечать им словами того рода, которыми раньше встречали нас самих,

но доверимся суду людей мудрых и добропорядочных. Мы хотим завершить нашу тяжбу, передав ее из наших рук на суд тех, кто лучше всего ее разрешит и сможет погасить распрю.

Глава XXXVII

Тогда отвечает Тинд:

— Больше с тобой народу, чем возле Довановых Скал[98]. За чужой спиной ты держишься поуверенней.

Барди говорит:

— Помнится мне, что ты пришел на нашу встречу самым последним, да и не покрыл себя на ней славой.

Затем Барди обнажает меч, который при нем был.

— Он, должно быть, тебе знаком, ведь им владели твои родичи и часто брали его с собой в битву. Неудивительно, что на нем много зазубрин — они появлялись тогда, когда я убивал твоих родичей и друзей. [99] ...Тебя же я отхлестал рукояткой меча, потому что не знал, что еще с тобой делать.

Тогда встает старый человек: это был Эйд сын Скегги, и он сказал:

— Нам крайне не по душе, что люди отсюда поносят друг друга, кто бы это ни делал, наши или чужие. Ни к чему хорошему это не ведет, и часто случается зло. С этого места люди должны говорить только то, что служит примирению. Мы полагаем, что никому здесь не пришлось хуже и не довелось пережить большего горя, чем мне, и все же нам кажется, что с распрей пора кончать. Поэтому мы не сочувствуем тем, кто затевает здесь свару. Недалеко, как и прежде, до беды, если опять раздаются бранные речи.

Его очень хвалили за эти слова. Теперь ищут тех, кто лучше других подходит для заключения мировой. Из тех, кто больше всего ратовал за примирение, называют Снорри: в то время он был уже очень стар[100]. Еще называют Торгисля, друга Снорри: они были женаты на сестрах. Обе стороны договорились вести дело к внесению виры и подсчету павших, но родичи убитых оценивали свой урон дорого. Теперь мы не можем сказать больше того, что стали считать павших с каждой стороны, и Снорри с Гудмундом сыном Эйольва приняли дело у Барди, а Торгисль сын Ари и Иллуги — у людей с юга. Они обговаривают наилучший выход для всех.

Условились на том, что сыновей Эйда и сыновей Гудбранда следует приравнять друг к другу, также было с Тороддом сыном Хермунда и Торбьёрном: их сочли ровней. Но цену за Халля сына Гудмунда люди

с Фьорда Городища сочли непомерной: как только они узнали, чего требует Барди, они пошли на попятный и отказались мириться. А об исходе дела следует рассказать, что сыновей Торгаута, Кетиля и Гисли, приравняли к Халлю сыну Гудмунда. Всего же погибло девять человек с юга, и четверых северян приравняли к пяти Гислунгам: их род был далеко не столь знатен, и на меньшее родичи Барди соглашаться не хотели. Все это обговорили с обеими сторонами, чтобы учесть их мнение.

Оставалось четверо неоплаченных людей с юга: Торгисль Рубака, Эйольв, его сын, Танни Крепкорукий и его племянник Эйольв. Но Барди сказал, что он отнюдь не богач, равно как и его братья и родичи,—

— и мы не станем предлагать виру.

Снорри на это говорит:

— Однако разом избежать и виры, и изгнания здесь не удастся.

Барди отвечает, что он не будет возражать против того, чтобы люди покинули страну с правом вернуться, даже если уедут многие,— но есть один из нас, кто ехать не может[101]. Пусть за него будет внесена вира; впрочем, может статься, он сам выдвинет вам встречный иск. Грис, наш товарищ, пострадать не должен. Лошадиная Голова[102], что живет у Мыса Стад в Нагорном Фьорде — он взял его к себе — Грис его родич.

Кончается тем, что так и порешили: они уедут из страны, и их самих это вполне устраивает. Все сочли, что Барди только прибавляет почета, что он не торопится выкладывать виру, а им самим казалось, что слава их не уменьшится от того, что они уезжают, а распря быстрее угаснет. Люди мудрые полагали, что самолюбие южан будет скорее удовлетворено, если первое время их врагов не будет с ними рядом.

Из тех, кто был в Битве на Пустоши, должно было ехать четырнадцать человек: они должны были уехать на три года с правом вернуться на третье лето[104]. А за право выезда платить было не нужно, и это было оговорено при заключении мировой. И общее мнение было таким, что Барди и те, кто ему помогал, добились всего, чего только можно, в столь невыгодном деле, как это.

Глава XXXVIII

Теперь Барди отряжает людей в свою округу. Братья заранее продали свою землю и хутор на тот случай, если к этому понудит исход тяжбы, но объявлено об этом не было. Был человек по имени Тородд, по прозвищу Бочонок; его не любили. Он должен быть держать их хутор три года. Тородд был человек богатый и родич сыновей Гудмунда. Теперь решено объявить об их сделке.

Вот с моря к устью Мутной Реки подходит корабль: хозяином его был Халльдор, названный брат Барди. В то время люди приезжают с альтинга. Едва Халльдор узнает, что Барди должен уезжать, он велит снести груз на берег и ведет корабль по Стоку Вод прямо к дому Барди. Радостной была встреча.

— Родич,— говорит Халльдор,— ты был ко мне добр и часто меня выручал. Ты не рассердился даже тогда, когда я не поехал с тобой. Ранее я обещал тебе кое-какую помощь, и сейчас ты о ней услышишь: этот корабль с парусом и оснасткой я дарю тебе.

Барди благодарит его, и ему кажется, что Халльдор проявил великодушие. Затем он снаряжает корабль в путь, и с ним едет двадцать пять человек. Они несколько замешкались со сборами, вышли в море и находились в пути одиннадцать суток. И вот их корабль терпит крушение на севере возле Корабельного Мыса, и они теряют много добра; люди спаслись.

Гудмунд Старый был на Гальмаровом Побережье[105]: он узнает эти новости и спешит вернуться домой. А вечером Эйольв, его сын, сказал:

— Может статься, что это Барди, и он вздумает явиться сюда.

Многие стали говорить, что это весьма вероятно.

— Что ты думаешь делать,— говорит отцу Эйольв,— если именно его вынесло на берег?

Тот спрашивает:

— А что у тебя на уме?

Он, Эйольв, отвечает отцу:

— Пригласить их всех на зиму к нам: это было бы достойным такого человека, как ты.

Гудмунд отвечает:

— Помыслы твои велики. Но я не знаю, насколько это разумно.

Эйольв тогда говорит:

— Да будут благословенны твои уста: я могу поведать тебе, что Барди и его люди упустили попутный ветер и разбили корабль в щепы[106] возле Корабельного Мыса, так что большая часть их добра погибла. Тебе же это прибавит славы,— и он зажимает отцу рот.

Гудмунду это радости не прибавило, но он просил Эйольва поступать по своему усмотрению.

Глава XXXIX

Эйольв отправляется в путь и гонит навстречу Барди двадцать пять лошадей. Он встречает их на Побережье. Эйольв радушно приветствует их и просит их ехать вместе с ним и погостить у его отца. Они так и

делают, и зимой неизменно занимают одну из скамей целиком, а Гудмунд очень гостеприимен и ведет себя как великодушный и щедрый хозяин. Об этом узнают соседи. Эйнар сын Железного Скегги[107] навещает их и просит почаще бывать у него, и они этому рады. Вот где сказался совет Торарина брать с собой мужей богатых и видных.

Они посылают к себе на запад отдать распоряжения по хозяйству, и рассчитывают уехать летом.

Глава XL

Зимой случилось так, что кто-то спросил скальда Эйрика об их походе, и сколько людей погибло.

Он сказал вису:

[№ 16]

По пути, вершитель
посшибал немало —
трупами на тропах
люд полег все ладный
здесь; доселе Гисли,
участью настигнут,
— Красен обод треснул —
бит в был буче борзой[108].

Разговор продолжается, и вслед за этим спросили, сколько пало с каждой стороны.

Он сказал вису:

[№ 17]

По троим в отряде
отправляем тризны,
северянам, в сваре
сталь вращавшим в ранах;
С юга девять вьюгой
битвы погубило
яворов каленых
ворожбы Видура[109].

Тогда стали говорить, что южан пало не в пример больше[110], и тут Эйрик сказал вису:

[№ 18]

Сно́ров Стюр, да Снорри,
лезвий свод созвали:
волей стражей вьюги
строй южан низвержен.
Но была не меньше
брешь, где бил меч Барди;
— в гнете дротов быстро
гибли люди Гисли[111].

Глава XLI

Вот они, товарищи Барди, собирают свой скарб, и готовятся вывезти с собой много добра. Барди и его братья посылают сообщить, что хотят получить от Тородда землю обратно, а потом — продать ее: они сильно нуждались в деньгах. Тот не желает освобождать землю и хочет, чтоб все шло по прежнему уговору, и теперь они перед выбором: либо лишиться денег, либо убить его. Тогда Эйольв говорит, что выдаст им столько денег, сколько стоят их земли, а Тородд будет иметь дело с ним. Он обещает либо убить его тем же летом, либо согнать с земель и хозяйствовать там самому.

Барди покупает корабль, который стоял на севере у Обжитого Залива; они отплывают, и Эйольв проводил их с честью. Плавание их удачно, и они пристают на севере в Трандхейме в Торговом Месте; Барди велит вытащить корабль на берег и закрепить его.

В то время Норвегией правил конунг Олав Святой; он находился в городе. Барди и его спутники предстают перед конунгом и приветствуют его, как подобает,—

— и ныне дело обстоит так,— говорит Барди,— что мы хотели бы зимой быть твоими гостями.

Конунг на это отвечает так:

— Мы ведаем о тебе, Барди,— говорит он,— что ты из знатного рода, и сам человек видный. Вы люди храбрые, и оказались замешаны в большие дела: вам удалось поквитаться за обиду, хотя вы и терпели ее слишком долго. Однако же вы прибегли к древним поверьям и к тем обычаям, которые нам противны, и поскольку мы отринули все это от себя, мы не хотим принимать вас.

— Но мы хотим быть вам другом, Барди,— говорит он,— и вас ждет не рядовая судьба. Но все же, когда случаются подобные распри и прибегают к древним поверьям, возникает ненужный шум, потому что люди слишком привержены им и верят в их силу.

Тогда Барди сказал:

— Нет человека,— говорит он,— кого бы мне больше хотелось иметь своим другом, чем Вас, а Вашу оговорку мы оцениваем по достоинству[112].

Той зимой Барди оставался в городе и везде жил в почете. А весной он снаряжает корабль и плывет в Данию; там он проводит вторую зиму и пользуется уважением, но об этом подробно не рассказывается. После этого он ведет свой корабль в Исландию, и они пристают на севере страны. К этому времени они уже очень нуждались в деньгах.

Гудмунда уже не было в живых[113], а Эйольв выехал им навстречу и пригласил их к себе. Потом каждый возвращается в родные места, ведь все они были уже неподсудны[114]. Эйольв отдает братьям их вотчину обратно, и в этом его благородство проявилось еще сильнее, чем прежде. Ни один человек не оказал им большей поддержки, чем он.

Барди едет к своему свояку Гудбранду: тот был и богат, и знатен, но слыл скуповатым. А братья Барди поехали к своему зятю Эйольву. В это время их приемная мать уже умерла. Теперь Эйольв выкупает для братьев всю землю и расплачивается с Барди деньгами. Те живут вместе на отцовской вотчине, и они умерли от старости и прослыли людьми домовитыми, но не столь видными, сколь знатен был их род. Оба были женаты, и многие возводят свой род к ним.

Глава XLII

Барди едет на тинг на следующее лето после того, как провел в стране зиму. Там он посватался к одной женщине: то была Ауд, дочь Снорри Годи, и вот ее обручили с ним, а свадьба должна быть осенью в Обильной Долине у ее отца Снорри. Не сообщается, сколь велико было приданое, но похоже, что ее выдали замуж с честью. Ауд была гордой девушкой, и Снорри ее очень любил. Матерью Ауд была Турид, дочь Иллуги Рыжего.

Барди уезжает с тинга в Озерную Долину к своим зятьям; он вполне доволен своей поездкой, и все ценят его высоко. Все вышло так, как предвидели люди мудрые: обе стороны держались того уговора, к которому пришли раньше, и больше об их распре ничего не рассказывают.

Осенью Снорри, как было условлено, задает пир; съезжается множество народа, и свадьба удалась на славу, чего и следовало ожидать. Барди с женой остаются там на зиму. А весной они уезжают со всем своим имуществом, и Барди со Снорри расстаются добрыми друзьями.

Барди едет теперь на север в Озерную Долину и гостит у Гудбранда, своего зятя. Следующей зимой он собирается в путь, покупает себе

корабль и отплывает в Норвегию вместе со своей женой. По рассказам, плавание их было удачным. Они пристают на севере страны в Халогаланде и гостят зимой на острове Тьотта у Свейна сына Харека[115]. Люди видели, что Барди — человек значительный, и хозяин высоко ставил их обоих.

Глава XLIII

Однажды утром случилось, что Барди с женой были в горнице вдвоем, и Барди хотелось спать, а ей хотелось разбудить его, и вот она хватает подушечку и вроде бы в шутку бросает ему в лицо. Он отшвыривает подушку, и так повторяется несколько раз. И один раз он швыряет в нее подушкой, а руку не отпускает. Она приходит в ярость, подбирает камень и швыряет в него. А днем после питья Барди встает, называет своих свидетелей и объявляет о разводе с Ауд. Он говорит, что не желает терпеть унижений ни от нее, ни от кого-либо другого: не стоит тратить слов на то, что скреплено делом.

Вот уже разделено их имущество, и весной он уезжает оттуда прочь, и не прерывает свой путь, покуда не приезжает в Гардарики[116]. Там он вступил в дружину и ходил в битвы с Варягами. Все норманны ставили его высоко и очень любили. Всегда, когда надо оборонять державу конунга, он в его ополчении. Храбрость прославила его, и под началом Барди собралась большая дружина. И вот однажды, когда они плыли на стругах, охраняя державу своего конунга, на них напали враги. Начинается жестокая битва, и пало много людей конунга, так как пришлось сражаться с превосходящими силами, но прежде они совершили немало подвигов[117]. Там пал и Барди, покрыв себя доброй славой, и до самой смерти он сражался как настоящий воин.

Ауд же выдали замуж за другого знатного человека, сына Торира Собаки[118], по имени Сигурд, и от них пошел род людей с острова Бьяркей, очень знатные люди.

Здесь кончается эта сага.

Сага о Хромунде Хромом

I

Одного из тех, кто прибыл в страну вместе с Ингимундом Старым[1], звали Эйвинд Сорочник. Эйвинд занял Долину Смешанной Реки к западу от Нагорного Фьорда, а после смерти Ингимунда жить больше не пожелал и покончил с собой. Уже будучи стар, он прижил от наложницы сына по имени Хромунд. Этот Хромунд взял в жены Аудбьёрг дочь Мара, сына Ёрунда Шеи[2]. Она была дочерью наложницы.

Хромунд долго жил у Мара на Маровом Дворе. В битве с сыновьями Ингимунда за Спорный Пригорок[3] Хромунд убил Хёгни сына Ингимунда и был за это объявлен вне закона между Ледниковой Рекой в Нагорном Фьорде и Рекой Хрутова Фьорда[4]. В этой схватке Хромунд был ранен в ногу и охромел. С той поры его прозвали Хромундом Хромым. Хромунд купил Красивый Склон, что западнее Реки Хрутова Фьорда и поселился там. Он возвел вокруг хутора крепость[5] и слыл очень видным и влиятельным человеком.

Сына Хромунда звали Торбьёрн Гремушка; его матерью была Аудбьёрг. Торбьёрн женился на Гудрун дочери Торкеля с Кувшинной Отмели, который занял землю к югу от Кряжа Хрутова Фьорда. Их сыном был Торлейв, по прозвищу Воспитанник Хромунда. У Хромунда был еще сын по имени Халльстейн. Все родичи были сильны и высоки ростом.

Братом Гудрун, жены Торбьёрна, был Торир, сын Торкеля с Кувшинной Отмели; он жил поблизости на Песках. Его дочь Хельга была хороша собой, но своенравна.

II

Летом случилось такое событие, что к Столовой Косе во Хрутовом Фьорде пришел корабль. Кормчего звали Хельги Надувала, а его брата — Ёрунд. Всего на корабле было двенадцать человек[6]. Они были несговорчивы и злы на язык, и бонды с ними торговали мало, предпочитая ездить в соседние округи к другим кораблям. Народ прознал, что это — викинги и разбойники, и все добро на корабле нажито лихом.

И вот минуло лето, а люди к ним не приходят.

Тогда Хельги сказал:

— Ведите себя тихо и держитесь с народом приветливо — иначе не удастся остаться у бондов на зимовку, ибо сдается мне, что они весьма недоверчивы и умеют давать отпор. Я слыхал, что местный люд крепок и очень прижимист.

Прошло еще пол-месяца, но лишь троим удалось устроиться на зиму.

Тогда Хельги сказал:

— Люди не хотят принимать нас, и этого можно было ждать. Попытаемся взять их лестью.

Они так и поступили, но все равно им отказали.

Как-то раз Торир с Песков подъехал к кораблю и встретил Хельги. Хельги принял его лучше некуда и спросил, что он хочет купить.

Торир сказал, что ему нужно купить лес,—

— ибо постройки мои стоят в чистом поле.

Хельги говорит, что готов продать ему столько леса, сколько он хочет,

— и ты берешь нас всех на зиму.

Тот говорит, что на это пойти не готов,—

— Зато товара выложу взамен много. О вас все-таки идет дурная слава.

И он отказался принимать их.

Хельги сказал:

— Очень зол на нас местный люд. Но ты, бонд, не избегнешь поношений, даже если не возьмешь нас к себе.

Торир сказал, что беда норвежцев в том, что у них маловато друзей.

Хельги отвечает, что если Торир возьмет их, они готовы жить на свой кошт,—

— а иначе неизвестно, доедешь ли ты обратно до дому.

И когда дошло до таких речей, бонд Торир сказал:

— Раз уж вы так настойчиво домогаетесь, вы должны принести по законам нашей страны клятву за всех вас в том, что этой зимой не станете ущемлять ничьи права, равно как тягаться по закону со мной, моими домочадцами или соседями. Тогда кров я вам предоставлю, но кормиться будете сами.

Хельги сказал:

— Будь по твоему слову, бонд.

После этого они поехали к нему и ели и спали в отдельном помещении. Люди из округи не слишком хвалили Торира за этот поступок; им казалось, что он взял на себя слишком много.

Прошло немного времени, и стали замечать, что кормчий и хозяйская дочь часто оказываются вместе и усаживаются для разговоров, поцелуев да тисканий; все сочли, что хозяин это заслужил.

Торир сказал:

— Я бы хотел, Хельги, чтобы ты держал свое слово и избавил меня от сраму и поношений. Так что хватит беседовать с моей дочерью Хельгой: держись уговора, который дал мне.

Хельги отвечал, что их любви с Хельгой не так-то легко помешать,—

— а тебе, бонд, не будет никакого позора, если я посватаюсь к девушке по всем законам здешней страны и с таким закладом, какой придется тебе по душе.

И поскольку бонду показалось, что люди перед ним неуступчивые, и виры от них вряд ли дождешься, он решил выдать свою дочь Хельгу за Хельги Надувалу, и свадьбу сыграли в начале зимы. С тех пор норвежцы вели себя не столь скверно, если их не задирали.

III

Зимой случилось так, что у Хромунда пропало пять племенных лошадей; все они были изрядно откормлены. Было много догадок насчет того, что стряслось с лошадьми. Сыновья Хромунда полагали, что их съели, однако ничего об этом известно не было, а лошадей и след простыл[7].

Хромунд сказал:

— Рассказывали мне про этих норвежцев, что на столе у них бывает больше мяса, чем можно было ожидать, зная их торговлю. И во всем остальном о них идет дурная слава. Теперь у нас есть выбор: либо прекратить разговоры, и тогда не случится ничего плохого, либо настаивать на своем, и тогда будь что будет.

Сыновья сказали, что, конечно, лучше второе, и нельзя оставлять пропажу просто так.

Затем Хромунд встретился со Скегги из Среднего Фьорда[8], который в то время жил на Дворе Скегги в Среднем Фьорде и был хёвдингом всех этих мест, и допытывался у него, что тут можно предпринять.

Скегги отвечает:

— Мне доводилось слышать, что этих норвежцев просто так не пронять, и я обещаю вам полную поддержку.

Тогда Хромунд вернулся домой, а немного позже выехал с сыновьями к Пескам: всего их было десять человек. Кое-кто из норвежцев уже был на дворе; другие вышли навстречу, когда подъехали люди Хромунда. Длинных приветствий друг другу не было.

Затем Хромунд сказал:

— Случилось так, Хельги,— сказал он,— что у меня пропали лошади, и я убежден, что следы ведут к вам.

Хельги сказал:

— Так с нами доселе никто говорить не решался, и мы приложим все силы, чтоб расквитаться за враждебное слово.

Хромунд сказал:

— В обычае викингов наживать добро грабежом и насилием, но лишь воры утаивают его.

Хромунд справлялся у Торира, где тут правда, и что Ториру об этом деле известно. Торир же заявил, что не может ничего ни подтвердить, ни опровергнуть. Хромунд назвал это словами малодушия. После этого Хромунд велит своим спутникам вызвать всех норвежцев на тинг: он настоял на том, чтобы вызвать всех до одного поименно[9]. Начали произносить вызов; норвежцы были вне себя, порывались напасть и обещали отомстить, но в этот раз все ограниличилось словами. Затем они расстаются.

IV

Хромунд и его люди едут теперь домой.

А когда они пробыли дома недолгое время, Хромунд завел речь:

— Мы возьмем в дом еще троих и выправим нашу крепость — а то она совсем обветшала — и будем готовы к тому, что они в самом деле вздумают исполнить свои угрозы и выказать вражду, о которой объявили заранее.

Потом они передали все тяжбы в ведение Скегги из Среднего Фьорда, и тяжбы эти были вынесены на альтинг, и всех норвежцев объявили за кражу лошадей вне закона. Хромунд и его сыновья во время тинга сидели дома[10], норвежцы же приготовились съезжать с Песков и попрощались с Ториром по-доброму. Они собирались снарядить свой корабль в море, и путь их лежал через Красивый Склон. Хромунд и его сыновья стояли на дворе.

Хельги сказал:

— Ваша крепость окажется бесполезной и не защитит вас тогда, когда вы больше всего будете в этом нуждаться. И я еще посмотрю, как ты, Хромунд, и твои сыновья, будете валяться в крови.

Хромунд сказал:

— Мы не сомневаемся в вашем злонравии, но надеемся, что многие из вас подавятся своей кровью еще до того, как мы падем на землю.

На этом они расстались.

V

Однажды утром случилось так, что на крышу у дымохода уселся ворон и громко закаркал.

Хромунд в это время лежал в постели. Он проснулся и сказал вису:

[№ 1]

Кречет пота крючьев
Ран кричит в час утра
— Утомлен полетом,
Вещий алчет пищи.
Встарь, навстречу рати,
Обреченной в споре,
Коршун Гунн гнусавил
Суть посулов Тунда[11].

Затем он произнес еще одну[12]:

[№ 2]

Заморочен градом,
Чует мертвечину
С моря черноперый
Чибис навьей зыби;
С древа клятвы древле
Рвались воронята
Вниз, когда призывно
Ухнет выпь Кривого[13].

Немного позже встали работники; выходя, они не позаботились закрыть за собой дверь в крепость[14]. В то же самое утро явились норвежцы, числом двенадцать. Они появились вскоре после того, как ушли работники.

Хельги сказал:

— Все складывается удачно. Зайдем внутрь в крепость и припомним оскорбления словом и делом, и я бы хотел, чтобы от крепости им не было никакого толку.

Торбьёрн Гремушка проснулся от их голосов. Он тотчас вскочил, бросился к двери в горницу и выглянул в оконце, которое по древнему обычаю было вырезано в двери. Он понял, что это норвежцы, и что те вошли внутрь ограды; затем он вернулся назад.

Тут Хромунд сказал:

— Какие новости, родич?

Торбьёрн ответил:

— Я думаю, что норвежцы вошли в крепость, и не с миром, и хотят отомстить нам за слова, что мы о них говорили. Но я не знаю, как они попали сюда.

Хромунд вскочил и сказал:

— Встанем и прогоним этих мерзавцев: заслужим о себе добрую славу, если будем держаться мужественно.

Затем он стал побуждать сыновей и своего воспитанника Торлейва к бою: Торлейву было пятнадцать лет, он был велик ростом и собою виден. Он тоже собрался выходить из горницы, но женщины сказали, что он слишком молод для схватки и потому обречен, а Хромунд чересчур стар, чтобы держать оборону.

Тогда Хромунд сказал вису:

[№ 3]

Не вчера начертан
Смерти срок мне — к смерчу
Ильм снаряжен, смело
Впредь смотри, воитель.
Предрешен мой жребий —
Хмурить бровь не буду,
Коль в щите трепещет
Шест долин Хедина[15].

Затем все четверо, Хромунд Хромой, Торлейв, Торбьёрн Гремушка и Халльстейн, взяли свое оружие и подошли к торцовым дверям дома, а боковые двери подперли балкой.

Норвежцы вскочили на стены и напали на родичей Хромунда с редкой яростью, ибо Хельги был отличный воин, высок, смел и силен. Он вошел в раж, да и все остальные были люди суровые, и иметь с ними дело было плохо. Они сказали, что скоро Хромунда будет некому прикрывать, и они припомнят ему обвинение в воровстве. В ответ Хромунд сказал, что на их совести, кроме воровства, немало других черных дел,

— Вдобавок вы обманом проникли в крепость.

Хромунд и его люди защищались в основном щитами и поленьями, а не оружием, норвежцы же метали в них копья и швыряли камни и наседали что есть сил. А те стойко оборонялись, хотя их было лишь четверо. Они тоже бросали со стен большие камни и несмотря на то, что Хромунд был уже в возрасте, он рубил мощно и держался отменно. И вот, стараниями его сыновей и его воспитанника Торлейва, па-

ло шесть норвежцев, но в этой схватке пали сам Хромунд и юный Торлейв.

Оставшиеся в живых норвежцы кинулись из крепости вон[16], а Торбьёрн Гремушка побежал за ними, в одиночку преследуя всех шестерых. Но когда Торбьёрн хотел закрыть за собой дверь в крепость, Хельги метнул в него копье, и оно попало Торбьёрну в живот. Он вытащил копье сам и метнул его обратно в норвежцев, и оно попало в живот Ёрунду, брату Хельги. Как только тот упал наземь, Хельги подхватил его, поднял себе на спину и выбежал прочь из крепости вместе с оставшимися четырьмя уцелевшими товарищами.

Халльстейн бежал вслед за ними вплоть до ручья, что берет начало у Красивого Склона. Хельги хотел перепрыгнуть ручей, держа Ёрунда на спине, но оба берега в том месте были крутые, и ему не хватило сил, так что тело Ёрунда соскользнуло у него с плеч; тот к тому времени уже не дышал. Поэтому Хельги обернулся назад, и в этот миг подоспел Халльстейн и отрубил ему руку, а норвежцам удалось оторваться, ибо Халльстейн поразил тело Ёрунда и лишь тогда понял, что тот мертв; тем временем норвежцы ушли, и когда Халльстейн это увидел, то повернул вспять. Тут он убедился, что его отец и Торбьёрн Гремушка мертвы. Торлейв еще дышал; Халльстейн внес его в дом. Женщины спросили его, чем кончилось дело; он рассказал все как было.

Хельги и его люди в тот же день вышли в море, и все они потонули возле Лавинной Отмели.

Торлейв исцелился, жил с тех пор на Красивом Склоне и прослыл добрым бондом, а Халльстейн уехал из страны и явился к Олаву сыну Трюггви. Конунг убеждал его принять правую веру, и это оказалось нетрудно. После этого Халльстейн стал человеком конунга и с той поры неизменно следовал за ним; он проявил себя как отважный муж и надежный воин и был у Олава конунга в почете. Рассказывают, что он пал на Великом Змее после доблестной обороны и заслужил себе добрую славу[17].

На этом кончается то, что можно сказать о нем.

Сага о названных братьях

I

В дни конунга Олава Святого было много хёвдингов под его началом, не только в Норвегии, но и в других землях, на которые простиралась его власть, и Богу были угоднее всего те, кто был по душе конунгу[1].

В то время в Исландии в Ледовом Фьорде жил достойный хёвдинг по имени Вермунд[2]; был он сын Торгрима и брат Стюра Убийцы. Хутор его стоял на Озерном Фьорде. Вермунд был человек умный и пользовался доброй славой. Жену Вермунда звали Торбьёрг, по прозвищу Торбьёрг Толстая; она была дочь Олава Павлина. Торбьёрг была женщиной большого ума и властного нрава. Часто, когда Вермунд был в отлучке, дела округи решала она, и никто не считал себя внакладе, если за его тяжбу бралась Торбьёрг.

Однажды, когда Вермунда не было дома, случилось так, что в Ледовый Фьорд пришел Греттир сын Асмунда[3],— а он был тогда вне закона — и почти всюду, куда приходил, все отдавали ему то, на что он притязал. И хотя сам он, да и те, кто расставался с имуществом, называли это подарками, дары были таковы, что мало кто расстался бы с ними по-доброму, если бы им не мерещился тролль перед дверьми. Поэтому бонды ополчились, схватили Греттира, приговорили его к смерти, воздвигли виселицу и собрались его вешать.

Когда Торбьёрг узнает о том, что они затеяли, она едет с домочадцами на сходку, где Греттира приговорили к смерти; подоспела она, когда виселица была уже готова, а петля прилажена, и Греттир стоял под нею, так что когда люди увидели, что едет Торбьёрг, оставалось лишь вздернуть его.

Торбьёрг идет к ним и спрашивает, что здесь собираются предпринять. Бонды сказали, что у них на уме.

Она говорит:

— Негоже, по-моему, убивать Греттира, потому что он знатен родом и стяжал себе имя силой и многими подвигами. И хотя он не во всем человек удачливый, и многие с ним не в ладах, родичи сочтут его смерть потерей.

Они говорят:

— Мы считаем его достойным смерти: он и так вне закона, вдобавок уличен в грабеже.

Торбьёрг сказала:

— Раз уж решаю в здешних местах я, сегодня жизни его не лишат.

Они говорят:

— У тебя хватит власти, чтобы оставить Греттира в живых, справедливо это, или нет.

Тогда Торбьёрг велела развязать Греттира, даровала ему жизнь и сказала, что он волен ехать куда хочет.

Об этом событии Греттир сложил такой стих:

[№ 1]

Я бы и сам
в петлю готовую
очень скоро
голову сунул,
кабы не Торбьёрг,
умом несравненна,
оную скальду
не сберегла бы.

Из этого видно, какой недюжинной женщиной она была.

II

Жил человек по имени Хавар; он был сыном Клеппа. Он жил на хуторе, который называется Проталина[4]. Хавар был родом с юга, с Пашенного Мыса[5], но уехал оттуда из-за убийств, ибо человек он был высокомерный и неуживчивый и большой задира. Хавар был женат на женщине по имени Торельв: она происходила из Широкого Фьорда и была дочерью Альва из Долин, мужа знатного и прославленного. У Хавара и Торельв был сын по имени Торгейр. Он рано возмужал и стал велик ростом, силен и заносчив. С юных лет начал он прикрываться щитом и разить оружием.

Берси звался человек, что жил в Ледовом Фьорде: он жил на хуторе, который называется Болота[6]. Он был женат на женщине по имени Торгерд; их сын звался Тормод. Он уже смолоду был отважен и горд; был он среднего роста, черноволосый, и волосы были курчавые.

В это время на Дымных Холмах на Мысе Дымов жил Торгильс сын Ари: он был большой хёвдинг, мудрый и по нраву людям, могущественный и прямой. Брата Торгильса звали Иллуги, он был дружинни-

ком конунга Олава Святого. Иллуги много ездил по торговым делам и всегда проводил одну зиму с Олавом конунгом, а следующую — на Дымных Холмах; он привозил из Норвегии лес для церквей и жилья. Братья Торгильс и Иллуги были сыновьями Ари сына Мара[7], сына Атли, сына Ульва Косого, который занял Мыс Дымов, сына Хёгни Белого, сына Отрюгга, сына Облауда, сына Хьёрлейва конунга. Мать Торгильса и Иллуги звалась Торгерд; она была дочерью Альва из Долин. Матерью Альва была Торхильд, дочь Торстейна Рыжего, сына Олейва Белого, сына Ингъяльда, сына Фроди; матерью Ингъяльда была Тора, дочь Сигурда Змей в Глазу; матерью Сигурда была Аслауг, дочь Сигурда Убийцы Фафнира. Торгейр сын Хавара и Торгильс сын Ари были двоюродными братьями[8].

Торгейр и Тормод росли в Ледовом Фьорде, и между ними рано возникла дружба, ибо нрав их был во многом сходен. Рано свыклись они с мыслью — и это подтвердилось впоследствии,— что их будет жалить оружие, ибо они были готовы стоять на своем и не уступать ни в чем, с кем бы ни пришлось иметь дело. Больше думали они всегда о славе в жизни этого мира, чем о блаженстве радостей мира иного. Поэтому они дали обет, что тот из них, кто будет жить дольше, отомстит за другого, и принесли в этом клятву.

И хотя людей тогда называли христианами, все же в то время христианство было молодым и очень неладным, ибо много искр язычества тлело под ним и ложные обычаи были в ходу[9]. У знаменитых людей был обычай приносить обет отомстить за того, кто умрет раньше: надо было пройти под тремя пластами дерна, и в том состояла клятва. Действо же было таким, что из земли вырезали три длинных пласта дерна; концы их должны были оставаться в земле, а середина приподнята, чтобы можно было пройти под ними. Действо это и совершили Тормод с Торгейром, когда давали обеты.[10]

Тормод был несколько старше, но Торгейр был сильнее[11]. Они быстро вошли в силу и стали разъезжать по стране; друзей у них не было: многие считали, что они держат себя с людьми не на равной ноге. Отцы их, как и следовало ожидать, оказывали им поддержку и помощь; многие полагали, что нрав сыновей это не улучшает. Те же, кто счел себя пострадавшим от названных братьев, отправились к Вермунду и просили его избавить их от напастей.

Вермунд вызвал Хавара и Берси к себе и сказал им, что люди крайне раздражены их сыновьями:

— Ты, Хавар, человек из другой округи,— говорит он,— и занял здесь землю, ни у кого не спросясь. До сих пор мы не возражали про-

тив того, чтобы ты жил здесь, но сейчас я вижу, что от твоего сына Торгейра исходит беспокойство и смута. Мы хотим теперь, чтобы ты перенес хутор с пожитками подальше от Ледового Фьорда. А Берси и его сына мы не станем изгонять потому, что они живут на земле предков. Мы надеемся также, что с Тормодом будет меньше хлопот, если они с Торгейром расстанутся.

Хавар говорит:

— Ты вправе настоять, Вермунд, на том, чтобы мы покинули Ледовый Фьорд с нашим имуществом, но я не знаю, кому, кроме Торгейра, решать, где он хочет гостить.

После этой встречи Хавар перенес свой хутор на юг во Фьорд Городища и жил там, где сейчас Хаваровы Загоны[12]. Торгейр жил попеременно у отца, или на западе в Ледовом Фьорде у Тормода и был для многих опасным гостем, несмотря на юный возраст. Он подолгу гостил на Дымных Холмах у своего родича Торгисля, и тот благоволил к нему. Торгейр и Ари, сын Торгильса, смолоду были большими друзьями, и дружба эта продолжалась, пока живы были оба.

Жил человек по имени Ёдур[13]. Хутор его звался Ракушечный Склон. Ёдур был большой храбрец и хёвдинг; был он неуживчив, и многие от него натерпелись. Человек он был влиятельный и властный, и редко когда платил, если кого убивал.

Однажды зимой вышло так, что Ёдур и его работники поехали к Пашенному Мысу покупать муку. По пути Ёдур заехал к Хавару и просил одолжить ему лошадь до Мыса. Тот лошадь одолжил,

— И я хочу, чтобы ты оставил ее здесь, когда поедешь обратно, а дальше не вел.

Ёдур сказал, что все так и будет. Затем он поехал дальше на Мыс, купил муку, как и хотел, и, покончив со своими делами, поехал домой. И когда он ехал с моря по Мелководному Фьорду мимо хутора Хавара, спутники сказали, что надо спуститься к дому и оставить лошадь.

Ёдур говорит:

— Не желаю я делать из-за этого крюк: доведу лошадь под поклажей до дому и отошлю ее обратно, как только она станет не нужна.

Они говорят:

— Делай как хочешь, но Хавару никогда не нравилось, когда поступали ему наперекор.

— Придется ему с этим смириться,— говорит Ёдур.

Хавар видит, что мимо едут люди и узнает их. Он едет навстречу и приветствует их. Он сказал:

— Вы, конечно, оставите лошадь тут.

Ёдур говорит:

— Ты, конечно, одолжишь мне лошадь до Ракушечного Склона.

Хавар говорит:

— Я не хочу, чтобы лошадь шла дальше.

Ёдур говорит:

— И все же мы не отпустим ее, даже если ты не хочешь ее одолжить.

Хавар говорит:

— Будь что будет.

Он подбежал к лошади, сбросил вьюки на землю, взял лошадь под уздцы и повернул к дому.

Ёдур держал в руке рогатое копье[14]. Он бросается к Хавару и пронзает его копьем насквозь. От этой раны Хавар умер. Ёдур взял лошадь и повел с собой, и ехал своей дорогой, пока не прибыл домой.

Домочадцам Хавара показалось, что он сильно задерживается. Они стали искать его и нашли тело там, где он был убит. Они сочли, что его убийство — дело нешуточное.

Торгейр в это время был на западе в Ледовом Фьорде. Весть об убийстве Хавара быстро разнеслась по стране; когда же Торгейру сообщили об убийстве отца, он не изменился в лице, когда слушал рассказ. Не покраснел он, ибо гнев не бросился ему в кожу; не побледнел он, ибо ненависть не запала ему в грудь; не потемнел он, ибо его не обуяла открытая ярость[15] — он вообще не изменился в лице, когда слушал рассказ о случившемся, ибо сердце его не было подобно зобу птицы: оно не обливалось кровью, чтобы дрожать от страха, но было закалено вышним кузнецом мира до навысшей храбрости.

III

Рассказывают, что Торгейр не был большой охотник до женщин; волочиться за юбкой, говорил он, унижает его мощь. Смеялся он редко; неласков бывал он с людьми. Большого он был роста и мужественного вида, могучей силы. У Торгейра была широкая секира с очень длинным лезвием из заточенной стали; лезвие было тонким и острым, и секира накормила ужином многих[16]. Было у него и большое копье с опереньем: оно было с твердым острием и острыми краями; наконечник был длинным, а древко толстым. В то время в Исландии меч был у людей не в ходу[17].

И вот, когда Торгейр узнал об убийстве отца, он поехал к Дымным Холмам к Торгильсу и сказал ему, что хочет ехать на юг во Фьорд Городища повидаться с матерью. Он просил Торгильса помочь ему перебраться через Широкий Фьорд. Торгильс сделал, как он просил.

Затем Торгейр едет на юг к Фьорду Городища; где он ночевал, не упоминается. Тропы были проезжими: снега в это время не было, а все озера замерзли. Перейдя на южный берег Белой Реки, Торгейр свернул к Ракушечному Склону. Дул сильный теплый ветер и было темно из-за позднего часа и из-за ненастья.

Торгейр пришел на Ракушечный Склон поздно вечером, и когда он подошел к дому, двери были заперты на засов, и в покое все уже улеглись на полати.

Торгейр постучал в дверь. Ёдур сказал своим:

— Стучат в дверь. Пусть выйдет кто-нибудь из парней!

Тогда один из работников выглянул наружу. Он видит, что перед дверьми кто-то стоит с оружием, и спрашивает, что за человек пришел.

Тот отвечает:

— Имя мне Вигфус [т. е. «Жаждущий боя»].

Работник сказал:

— Ну так заходи, будет тебе ночлег.

Торгейр говорит:

— Не приемлю ночлег от рабов; скажи Ёдуру, чтобы вышел сам.

Работник идет в дом. Торгейр же стоял снаружи. Хозяин спросил работника, когда тот вошел в покои:

— Кто там подошел к дому?

Работник отвечает:

— Я уж подавно не могу знать, кто он, ведь, сдается мне, он не знает этого сам.

Ёдур говорит:

— А ночлег ты ему предложил?

Работник отвечает:

— Предлагал я.

Ёдур сказал:

— И что он ответил?

— Сказал, что не примет ночлег от рабов; просил выйти тебя.

Ёдур взял копье и надел на голову шлем. Он идет с двумя работниками к двери, видит стоящего перед дверьми человека и опускает копье. Наконечник он упирает в порог. Ёдур спросил пришельца об имени. А тот сказал:

— Меня зовут Торгейр.

Ёдур говорит:

— Который ты Торгейр?

— Сын Хавара.

Ёдур сказал:

— Что тебя привело?

Тот сказал:

— Не знаю, с чем отсюда уйду, но мне нужно знать, заплатите ли Вы какую-нибудь виру за то убийство, когда ты убил моего отца Хавара?

Ёдур сказал:

— Не знаю, слышал ли ты о том, что я убил многих и не платил виры.

— Об этом мне известно,— говорит Торгейр,— но как бы там ни было, за это убийство требовать виру надлежит мне, ибо мне нанесен тяжкий урон.

Ёдур говорит:

— Я о тебе, быть может, и сам думал. Но не заплачу я тебе, Торгейр, потому, что тогда другие сочтут, что им тоже причитается с меня вира.

Торгейр отвечает:

— Вам решать, какие предложить почести, а мы решим, как замыслили.

Вот они сказали друг другу эти слова. Торгейр стоял не слишком близко к дверям; копье у него было в правой руке, и острие обращено вперед, а секира — в левой. Ёдуру и его людям было мало что видно, так как свет был у них за спиной, Торгейр же видел стоявших в дверях получше. И вот, когда этого меньше всего ожидали, Торгейр подступил к дверям и поразил Ёдура копьем в живот, и тотчас пронзил насквозь, так что тот упал в дверях на руки своим спутникам.

Торгейр тут же уходит в ночную тьму, а работники Ёдура садятся у него в головах. Торгейру было пятнадцать лет, когда случилось это убийство[18], как сказал Тормод в поминальной драпе о Торгейре:

[№ 2]

Умервщлен сын Клёнга:
сим межу деяний
направитель днища
зарубил сурово.
За сиротство — руки
окропил в пятнадцать
лет наследник Хавра:
вождь взнуздал удачу.[19]

Торгейр шел ночью, пока не пришел ко Двору Хавара. Там он постучал в дверь, и к двери долго не подходили. Торельв окликнула работника и велела ему выйти. Работник просыпается, долго трет глаза и злобно ворчит, когда встает. Он сказал:

— Не знаю, что за нужда выходить, когда кто-то бродит ночью.

Торельв сказала:

— Ночью во тьме бродит лишь тот, у кого в этом нужда.

— Чего не знаю, того не знаю,— говорит работник, не спеша встает, идет к двери, видит в ночной тьме стоящего перед дверьми человека и, не приветствуя его, идет обратно к своей постели, ложится в нее и натягивает поверх себя одеяло.

Торгейр заходит, запирает за собой дверь и идет в покои.

Торельв промолвила:

— Что за человек пришел?

Работник отвечает:

— Не знаю, кто он, нет мне до этого дела.

Она сказала:

— Нелюбопытный ты человек.[20]

Затем она сказала служанке:

— Подымайся ты, иди в покои и узнай, что за человек вошел сюда.

Служанка встала и пошла в покои; она приподнимает створку и спрашивает, есть ли кто-нибудь. Ей отвечали:

— Вестимо, человек.

Она спрашивает, кто он.

Он отвечает.

— Торгейром зовут меня.

Она опускает створку и идет в горницу. Торельв молвила:

— Что за человек пришел?

Та отвечает:

— Думаю я, что пришел твой сын Торгейр.

Тут Торельв встает, зажигает свет, идет в покои и радушно приветствует сына. Она спрашивает новости.

Торгейр говорит:

— Вечером на Ракушечном Склоне пролилась кровь[21].

Торельв спрашивает:

— Кто виновник?

Торгейр отвечает:

— Не могу сказать, что не я.

Торельв говорит:

— Велика ли была рана?

Торгейр отвечает:

— Не думаю, что понадобится перевязывать рану, которую он получил: видел я по своему копью, что оно пронзило его насквозь, и он упал навзничь на руки своим спутникам.

Тогда Торельв молвила с радостным сердцем:

— Недетский это поступок, и да будут благословенны твои руки, сын мой. Но отчего же они, его спутники, не гнались за тобой?

Торгейр отвечает:

— Сперва у них были другие заботы, а вскоре они потеряли меня из виду во тьме.

Торельв говорит:

— Наверное, так оно и есть.

Потом перед Торгейром поставили ужин, и когда он насытился, Торельв сказала:

— Сдается мне, что тебе надо лечь спать, а в предутренний час подымайся, садись на коня и езжай на запад к Широкому Фьорду. Мои работники будут с тобой так долго, как ты захочешь. Утром сюда, должно быть, придут искать, и наших сил не достанет, чтоб уберечь тебя от толпы. Скоро вскроются озера, если продержится оттепель, и ехать тогда будет хуже. Ты уже совершил самое нужное дело. Передай Торгислю, моему родичу, чтоб он помог мне поселиться на западе подле себя. Земли свои здесь я продам: хочу перебраться на север на землю предков.

Торгейр сделал так, как советовала мать; лег спать и встал до утреннего часа. Затем он выехал, и о его пути не сообщается, пока он не прибыл на запад к Широкому Фьорду. Там он добыл себе корабль и поехал на нем к Мысу Дымов: тут он объявляет об убийстве Ёдура. Все, кто слышал рассказ о случившемся, сочли удивительным, что молодой человек в одиночку принес смерть столь суровому хёвдингу и столь великому воину, как Ёдур. И все же это неудивительно, ибо верховный кузнец мира создал и вложил в грудь Торгейра такое крепкое и твердое сердце, что Торгейр не знал страха, и был столь же неколебим во всех испытаниях, как и Бесстрашный Зверь[22]. А поскольку все хорошие вещи сделаны Богом, то и бесстрашие сделано Богом и вкладывается в грудь храбрым мужам, а вместе с ним — свобода решать, чего они хотят,— добра или зла, ибо Христос сделал христиан своими сыновьями, а не своими рабами, и он наделит этим каждого, кто того заслуживает.

Торгейр жил тогда попеременно на Дымных Холмах, либо на западе в Ледовом Фьорде. Весной после этих событий Торельв перебралась со всем своим хозяйством на запад к Дымным Холмам. Тем же летом была заключена мировая по тяжбе об убийстве Ёдура. Торгейр жил тогда подолгу у Берси. С Тормодом они ладили как нельзя лучше. Они достали себе небольшую ладью, и к ним на корабль нанялось еще семеро: летом они стали разъезжать по побережью, и их приезду не слишком радовались.

Ингольвом звался человек, что жил во Фьорде Ёкуля. Его называли Ингольв Палёный[23]. Хутор, на котором он жил, звался Палёный Двор. Торбрандом звался его сын; он был большой храбрец и неуживчив нравом. О нем шла дурная слава. И отец, и сын были люди самоуправные и не стеснялись отнимать чужое имущество угрозами или грабежом. Оба они входили в годорд Вермунда, и он благоволил к ним, ибо они все время делали ему богатые подарки. А поскольку их прикрывало имя Вермунда, им не так быстро отомстили за дерзость и притеснения.

Одну женщину звали Сигрфльод[24], она была вдова и жила во Фьордах Ёкуля.[25] Она была умна, и о ней шла добрая слава: многим ее советы шли впрок. Между хуторами Сигрфльод и Ингольва был фьорд, и она вдоволь натерпелась от Ингольва и от его сына.

Торгейр и Тормод собрались на север к Косе за морской поживой. И когда они были готовы, подул встречный ветер, и они не могли выйти из Фьордов; летом многие из их людей терпели из-за этого большие неудобства. А когда подошло к зиме, подул попутный ветер, и тогда они подняли парус и вышли из Ледового Фьорда в хорошую и тихую погоду. Корабль шел тихо из-за слабого ветра, и когда они были в пути какое-то время, небо стало затягиваться и затем закружила метель. Когда же они подошли к Фьордам Ёкуля, навстречу поднялся резкий холодный ветер со снежной вьюгой. Они больше не знали, где плывут: стало совсем темно из-за ночи и вьюги. Они развернули корабль по ветру и зачерпнули полный борт — все промокли насквозь, и одежда быстро промерзла. Сами Дщери Ран[26] испытывали мужей и раскрывали им свои объятия. Наконец, они достигли какого-то фьорда и продолжали плыть вглубь, а в устье фьорда были корабельные сараи и стоял корабль.

Они ставят там свой корабль и, привязав его, сходят на берег и ищут поблизости жилье, находят, наконец, маленький хутор и стучат в дверь. Наружу выходит мужчина: он приветствует их и просит заходить всех оказавшихся за дверьми в непогоду. Они идут в покои — а там горел свет — и занимают одну из скамей. Их приветствовали. Затем одна женщина спрашивает, кто предводитель вошедших. Ей ответили, что пришли Торгейр и Тормод,

— А кто спрашивает об этом? — сказали они.

Им было сказано, что спрашивала хозяйка дома Сигрфльод,—

— Слыхала я, как вас поминают,— говорит она,— а вот видеть вас раньше не довелось. Так что вы сегодня выгадали — милость погоды или милость друзей?

Они сказали:

— Многие скажут, что это вещи весьма схожие. Но все же важно, чьи эти слова.

Сигрфльод отвечает:

— Быть может, и так.

IV

Тут она велит заняться одеждой гостей: перед ними развели огонь, и лед на одежде их стаял. Затем перед ними поставили еду, а после — проводили в постель и хорошо уложили. Они быстро засыпают. Вьюга и мороз не унимались всю ночь. Враг ветвей[27] ночью отверз бездонную пасть и впился в землю злобной холодной хваткой. Утром, когда стало светать, вышли взглянуть на погоду; когда выходивший вернулся, Торгейр спрашивает, что за погода на дворе. Тот говорит, что такая же, как накануне.

Сигрфльод сказала:

— О погоде печься вам вовсе не нужно, ибо вы для нас желанные гости; не уезжайте отсюда, покуда не распогодится.

Торгейр отвечает:

— Спасибо тебе, хозяйка, за доброе предложение, но непогода нам нипочем: нет у нас ни жен, ни детей, ни скота, чтобы о них сокрушаться.

Ненастье пошло на убыль и заливы и фьорды схватило толстым льдом. Однажды Сигрфльод встала рано утром и выглянула наружу; она быстро возвращается, и Торгейр спрашивает, что за погода на дворе.

Она говорит:

— Сегодня хорошая погода, безветрено и спокойно.

Торгейр сказал:

— Тогда встаем, парни.

Сигрфльод сказала:

— Что замышляете?

Тормод отвечает:

— Поедем на север к Косе и разведаем, есть ли добыча, а корабль наш оставим здесь.

Сигрфльод сказала:

— Странные вы люди, хотите ехать к Косе за китами и не берете ближе добычи позавиднее.

Тормод сказал:

— Где же она?

Она говорит:

— По мне, так гораздо достойнее убить злодеев, которые грабят здешних людей, чем возиться с китами.

Тормод сказал:

— О ком это ты говоришь?

Она говорит:

— Об Ингольве с Торбрандом, от которых многие терпели урон и позор. Если бы вы их убили, вы отомстили бы вашим подвигом за многих разом, и за него вас бы вознаградили сторицей.

Тормод сказал:

— Не знаю, насколько добрый совет ты даешь нам сейчас, ведь эти люди — друзья Вермунда, и если они пострадают, это не сойдет с рук просто так.

Она сказала:

— Выходит ныне, что верно сказано: злых людей лучше знать понаслышке.[28] Вы мните себя большими удальцами, пугая плюгавых людишек, но сразу трусите, едва доходит до испытаний.

Тут Торгейр вскочил и сказал:

— Вставайте, парни, и отблагодарите хозяйку за кров и за угощение!

И тогда они встали и взяли оружие, и, как только были готовы, вышли и идут по льду через фьорд. К Паленому Двору они приходят до того, как люди встали.

Ингольв просыпается и слышит, что возле хутора ходят люди, их немало, и на них мерзлые башмаки. Торгейр и его люди идут к дверям и стучат. Тут просыпаются все, кто был в горнице, и быстро вскакивают. Отец с сыном всегда спали в одежде, так как у них было много врагов. Они держали при себе двух работников. Все они вооружаются, каждый берет в руку копье. Они идут к двери, отворяют ее и видят, что снаружи стоят восемь человек во всеоружии. Они спрашивают, кто предводитель отряда.

Торгейр назвал себя,

— и если вы слышали о Торгейре сыне Хавара, или Тормоде сыне Берси, то вы можете теперь их здесь видеть.

Торбранд отвечает:

— Конечно, мы слышали о Торгейре сыне Хавара и Тормоде сыне Берси, и редко хорошее. Однако что привело вас сюда?

Торгейр отвечает:

— Нас привела сюда нужда рубить рубежи и исправлять кривду. Мы хотим поставить вас перед выбором: либо вы отступаетесь здесь от всего имущества, которое неправедно нажили, и выкупаете тем свою

жизнь, либо вы защищаете его, как мужчины, насколько вам отпущено жизни.

Торбранд отвечает:

— Мы нажили имущество мужеством и отвагой, и за иную цену с ним не расстанемся. А еще я думаю, Торгейр, что прежде ты насладишься завтраком у меня на копье, чем этим имуществом.

Торгейр говорит:

— Мне снятся вещие сны, как мне положено по рождению, и мне снилось сплошь самое ладное о себе, и крайне неладное о тебе, и сбудется так, как мне снилось, и Хель, твоя хозяйка, раскроет тебе свои объятья, и так ты расстанешься со всем имуществом, ибо злой почин влечет злой конец.

V

Теперь, сказав все это, Торгейр и Тормод нападают на отца с сыном. Своим спутникам они запретили сражаться с Ингольвом и Торбрандом, так как хотели одолеть их сами. Торгейру и Тормоду было трудно видеть, что делается в дверях, так как еще не вполне рассвело, из дома же было видно получше, и стоявшим внутри было защищаться легче, нежели стоявшим снаружи нападать. Работники Ингольва то и дело совершают вылазки, нападая на спутников Торгейра. Кончилась эта встреча тем, что Торбранд пал от руки Торгейра, а Ингольв — от руки Тормода. Двое пали со стороны Торгейра. Работники Ингольва получили тяжелые раны, но потом пошли на поправку.

Вот что говорит об этом Тормод в поминальной драпе о Торгейре:

[№ 3]

Гибели Ингольва
сына сам свидетель:
спрут шатра на волнах
вздыблен был владыкой.
Ниц пред князем мачты
рысака бесстрашным
рухнул Торбранд — распря
прекратилась вскоре.[29]

Они, Торгейр и его люди, взяли двух лошадей и загрузили их до предела. Трех коров из тех, на которых было побольше мяса, они угнали с собой. Покончив с этим, они идут назад через фьорд. Сигр-

фльод стояла на дворе, когда они шли к дому. Она приветствует их и спрашивает, что нового: они говорят, что произошло.

Она сказала:

— Удачным был ваш поход: вы умело разделали кита и расквитались за обиды многих людей, их поношения и позор. А теперь я поеду в Озерный Фьорд к Вермунду и расскажу ему эти новости: вы же ждите меня дома.

Они пожелали ей счастливого пути. Она велела своим работникам ехать с ней. Те спустили на воду ее шестивесельную лодку: они идут вдоль Ледового Фьорда, не делая остановок и поздно вечером входят в Озерный Фьорд. Своим спутникам Сигрфльод сказала:

— Держите язык за зубами и помалкивайте о том, что случилось: предоставьте мне держать слово за всех.

Они сказали, что так и будет. Потом они идут к хутору и заводят беседу с людьми. Вермунд радушно их принимает и справляется о новостях. Они сделали вид, что им нечего рассказать, и им предоставили подобающий ночлег. Наутро Сигрфльод сказала, что поедет домой. Вермунд очень ее удерживал —

— Ты ведь здесь редкий гость,— сказал он,— и незачем уезжать так поспешно.

Она сказала:

— Не могу оставлять дом надолго, а сейчас подходящий ветер, и я бы хотела отплыть, не мешкая. Я хочу, чтобы ты, Вермунд, проводил меня до корабля.

Он же сказал:

— Что ж, пойдем.

Вот они идут к кораблю. Тут Сигрфльод сказала:

— Ты уже слышал об убийствах во Фьордах Ёкуля?

Вермунд говорит:

— Что еще за убийства?[30]

Она говорит:

— Торгейр сын Хавара и Тормод сын Берси убили отца с сыном, Ингольва с Торбрандом.

Вермунд сказал:

— Эти названные братья вовсе не знают меры, если они убивают наших людей наперекор нам, и мы бы не хотели, чтобы им удалось убить многих.

Она сказала:

— Следовало ожидать, что вы так на это посмотрите, а все ж многие скажут, что они убили их вовсе не наперекор вам: скорее, можно ре-

шить, что они совершили это убийство за вас. Кто же должен карать бесчинства, грабеж или разбой, если не вы, кого называют правителями округи? Кажется нам, что Торгейр и Тормод совершили то, что должны были сделать, либо приказать сделать вы сами, да и вы согласитесь со мной, если не будете видеть это дело в ложном свете. Приехала я к вам затем, чтобы купить мир для совершивших эти убийства, но вовсе не оттого, что виры заслуживают убитые, ибо они давно поставили свою жизнь и имущество вне закона. Мы, однако, видим свой долг в том, чтоб обратить дело к твоей славе: вот здесь у нас три сотни серебра, которое я дам тебе ради того, чтобы Торгейр и Тормод избежали преследования[31].

Тут она вынимает из-за пояса кошель и сыплет деньги Вермунду на колени. Серебро было хорошим. При виде подарка Вермунд уже не хмурил брови. Гнев его спал, и он обещает Торгейру и Тормоду какой-никакой мир. Однако он сказал, что не хочет, чтобы Торгейр жил подолгу у них в Ледовом Фьорде.

На этом они расстаются. Она едет домой на свой хутор и рассказывает Торгейру и его спутникам, как прошла встреча с Вермундом. Они благодарят ее за участие в деле и помощь. Зиму они проводят у нее. А когда наступает весна и погода смягчается, они спускают свой корабль на воду и снаряжают его. Когда они уже готовы к отплытию, они благодарят ее за гостеприимство и все благодеяния, которые она оказала им, отстаивая их с такой твердостью. Они расстаются друзьями. Торгейр и Тормод едут на север к Косе и проводят там лето. Им выпадает богатая добыча, и всякий отдает им, что они требуют: все боялись их, словно овцы львов, входящих в стадо.

Берси перенес хутор к Горячему Жилью в Горячей Долине, так как Вермунд не захотел терпеть подле себя вертеп Торгейра с Тормодом[32]. Осенью они выехали с Косы на юг в Ледовый Фьорд и нашли пристань по своему вкусу, поставили там корабль и укрепили его. Затем Тормод едет к своему отцу, а Торгейр собрался на юг на Мыс Дымов к своим родичам. Тут начинают разъезжаться их спутники, и каждый едет на свои земли. При расставании они договариваются, что встретятся у корабля, в начале весны, и еще раз поедут все вместе за добычей на север к косе. Договорившись, они расстаются, и каждый желает другим счастливого пути.

VI

Торкелем звался человек, что жил в Упряжной Долине[33]. Он был с достатком, да без достоинства, нрава был тихого и сердце имел трус-

ливое. Он был женат и более трех человек в доме у него не бывало: третьей была служанка.

Одного человека звали Бутральди. Жил он бобылем, был велик ростом, сил имел много, собой был безобразен, крут нравом, драчлив, вспыльчив и мстителен. Летом он нанимался и брал плату, а зимой ходил по стране сам-третей и жил на чужих хуторах по нескольку ночей кряду. Вермунду из Озерного Фьорда он приходился дальним родственником: поэтому ему не так быстро отплатили той монетой, какой он заслуживал. Как-то вечером Бутральди с двумя спутниками пришел на ночлег к Торкелю из Упряжной Долины, и хотя еды у Торкеля было в обрез, он не осмелился отказать им в ночлеге, и их проводили на полати и зажгли свет: они сидят там с оружием, а домочадцы поместились у очага. В это время в горах выпал снег и образовались заносы, в равнине же было почти бесснежно. Озера поднялись, ибо стоял мороз. Была вьюга.

Торкель пришел в покои, чтобы выспросить о том, что ему не терпелось узнать. Он спрашивает Бутральди, куда тот намерен ехать. Бутральди говорит, что поедет на юг через Широкий Фьорд. Торкелю показалось, что погода навряд ли даст ему назавтра проехать по пустоши. Тогда сердце его екнуло, ибо в нем встретились жадность и малодушие, а гости показались Торкелю дурными и сулящими несчастье. И в этот миг он слышит, что в дверь стучат, и легче ему не становится. Он выходит в сени, отпирает дверь и видит на дворе рослого человека с оружием.

Торкель спрашивает этого человека об имени. Тот назвал себя Торгейром. Торкель спрашивает, чей он сын. Тот говорит, что сын Хавара. Тогда Торкеля обуял ужас и сердце его задрожало. Затем Торкель сказал:

— Здесь Бутральди с двумя людьми, и я не знаю, какой мир он предложит тебе. Думаю я, что он затаил на тебя злобу, ведь он друг Вермунда, вашего недруга, а я не могу видеть человеческую кровь и, наверное, упаду в обморок, если вы станете биться.

Торгейр отвечает:

— От нашего прихода, хозяин, ущерба не будет.

И Торгейр заходит в дом и идет в покои[34]. Торкель и его старуха тоже идут в покои. Торкель берет стол и ставит его перед Бутральди. Он сказал:

— Коротка у стола колода,— говорит Торкель,— и ты, Торгейр, заходи сюда, и садись возле Бутральди.

Торгейр так и делает, идет напрямик и садится возле Бутральди. Об угощении говорится подробно. Было поставлено два блюда: на них были старый кусок реберного мяса и вдоволь старого сыра.

Бутральди наскоро осеняет еду, срезает мясо с ребер, жует и не расстается с ребрами, пока не обчищает их до конца.

Торгейр взял сыр и отрезал от него столько, сколько ему показалось нужным; сыр был твердым, и управиться с ним было нелегко. Никто из них не хотел делиться с другим ни ножом, ни куском еды. И хотя их трапеза была не слишком разнообразной, за другой едой они не вставали, ибо им казалось, что это умалит их мужество.

Затем поставили еду перед Торкелем и его старухой: они ужинают у очага. Временами они приходили в покои, либо поднимали створку и глядели оттуда очень несмелым взором. А когда гости насытились, Торкель с женой вошли в покои, и она убирает со стола, а Торкель взял слово:

— Хотел бы я, чтобы вы рассчитались со мной за ночлег, обещав не затевать свару на моем хуторе, ведь мне не миновать многих напастей, если вы станете здесь биться. Кажется мне, что Торгейру стоит лечь спать у очага подле нас, а Бутральди и его спутники пусть спят на полатях.

Так они и поступают и оставшуюся часть ночи спят. А когда рассвело, Бутральди быстро поднялся, и с ним Торкель. Торгейр тоже встал рано. Тогда в покоях зажгли свет, поставили стол и вынесли такую же еду, как и вечером. Затем Торгейр берется за ребрышки и срезает с них мясо, а Бутральди принимается в этот раз за сыр. Насытившись, Бутральди со своими спутниками уходит и идет вверх по долине, там, где проходит тропа.

Торгейр уходит несколько позже: он тоже идет вверх по долине. В этой долине с гор стекает река. Есть в верховьях Упряжной Долины крутой холм, по нему и проходит тропа. Этот холм был тогда занесен толстым слоем плотного снега.

Торгейр видит, где идут Бутральди и его люди. Он понимает, что им не миновать большого заноса на склоне холма, и пройти им будет непросто. Он переходит через реку и идет по другому берегу, те же пошли по склону холма, и теперь Торгейр возвращается на тропу.

Бутральди подошел к заносу и режет перед собой снег секирой. А Торгейр видит, где Бутральди, ведь сам он был уже на холме.

Тут Бутральди сказал:

— Неужто герой побежал?

Торгейр говорит:

— Не бежал я: другой дорогой я пошел затем, чтобы не резать перед собой сугробы, но теперь я от вас не побегу.

Торгейр стоит теперь на самой вершине, а Бутральди все режет сугроб. И когда тот прошел половину склона, Торгейр опустил древко

копья и выставил наконечник вперед, а секиру занес себе за плечи; он бежит вниз через сугроб прямо на Бутральди. Тот слышит свист, поднимает глаза и не успевает ничего увидеть: Торгейр рубит его прямо в грудь и разрубает до внутренностей. Бутральди падает навзничь. Торгейр же бежит через него дальше, пока не минует склон, да так стремительно, что спутники Бутральди отпрянули кто куда.

Об этом событии сложена такая виса:

[№ 4]

Надлежит ристанья
нам считать прилюдно:
— улетает серый
прочь орел — Бутральди
смолк. Но мельче славу
— трудно скрыть — ударом
обагритель древка
приобрел в народе[35].

Спутники Бутральди не решились мстить и напасть на Торгейра, так как им не хотелось обрести ночлег под его оружием. Они хлопочут возле тела Бутральди, а Торгейр поднимается на пустошь и идет, пока не приходит к Дымным Холмам. Его хорошо приняли, и он провел там зиму как желанный гость. Зима повсюду была суровой: пошел падеж скота и хозяйства стали хиреть. Многие подались на север к Косе за китами.

VII

Весной Торгейр выехал в Ледовый Фьорд к месту, где стоял их корабль. Туда явился и Тормод, и все их спутники. Как только выдался ветер, они плывут на север к Косе.

Торгильсом звался человек, живший у Слиянья Ручьев в Тальниковой Долине. Он был велик ростом и силен, искусно владел оружием и был хорошим хозяином. Он был родичем Асмунда Седоволосого, отца Греттира. Он приходился также родичем Торстейну сыну Кугги. Торгильс был сыном Мара.[36] Он тоже поехал к Косе и нашел со своими спутниками кита, которого вынесло на Общинные Земли[37].

Торгейру выпало немного поживы там, куда он приставал: не попадались ему ни киты, ни иная стоящая добыча. Вот он узнает, где Торгильс разделывает кита, и они с Тормодом едут туда; когда они прибыли, Торгейр сказал:

— Кита вы разделали на славу, и теперь лучше всего дать другим свою долю поживы: права у всех здесь равны.

Торгильс отвечает:

— Хорошо сказано. Пусть каждый возьмет, что разделал.

Торгейр [сказал]:

— Вы уже разделали изрядную часть кита: пусть она при вас и останется. Мы же хотим одного из двух: либо вы отходите от кита и берете себе то, что разделали, а мы — то, что еще не разделано, либо каждый берет по половине от разделанной и неразделанной части.

Торгильс отвечает:

— Отойти от кита мне нетрудно, но мы не расположены уступать вам разделанную часть просто так, пока кит еще наш.

Торгейр сказал:

— Тогда вы убедитесь на опыте, как долго он останется вашим.

Торгильс отвечает:

— Это тоже неплохо.

Теперь и те, и другие берутся за оружие и готовятся к битве. И когда они были готовы, Торгейр сказал:

— Лучше всего, Торгильс, чтобы мы сразились один на один, ибо ты в цвете лет, мощен и испытан в боях, а мне хочется испытать на тебе, кто я есть. Пусть другие не вмешиваются в нашу схватку.

Торгильс говорит:

— И мне это по душе.

Отряды их были почти равны. Вот начинается схватка, и они бьются. Торгейр и Торгильс рубят без передышки, ибо каждый из них ловко владел оружием, но так как из них двоих Торгейр был больше приспособлен для убийств, Торгильс пал от его руки. В той битве пали три товарища Торгильса; другие трое пали со стороны Торгейра. После битвы спутники Торгильса отплыли на север с большим уроном. Торгейр забрал всего кита, разделанного и неразделанного. За убийство Торгильса Торгейра объявили вне закона; на его осуждении настояли Торстейн сын Кугги и Асмунд Седоволосый[38].

Торгейр и Тормод оставались летом на Косе, и все их боялись так, что им жилось там вольготно, как лебеде на пашне.

Некоторые люди рассказывают, будто Торгейр сказал Тормоду в ту пору, когда их гордыня была всего больше:

— Знаешь ли ты двух других людей, равных нам по отваге и мужеству, и столь же твердых во всех испытаниях, как мы с тобой?

Тормод отвечает:

— Наверное, если поискать, то найдутся не меньшие удальцы, чем мы.

Торгейр сказал:

— Как думаешь, кто из нас одолеет другого, если мы сразимся между собой?

Тормод отвечает:

— Этого я не знаю. Но я знаю, что этот вопрос кладет конец нашему союзу и совместным походам, ибо мы не сможем долго быть вместе.

Торгейр говорит:

— Я говорил не всерьез, будто хочу сразиться с тобой насмерть.

Тормод сказал:

— Пришло на ум, когда сорвалось с языка, и наш союз мы расторгнем.

Они так и поступили, и Торгейр получает корабль, а Тормод — большую часть движимости: он едет в Горячее Жилье. А Торгейр провел лето на Косе и был для многих опасным гостем. Осенью он поставил корабль на берег на севере у Косы, укрепил его и распорядился об имуществе. Затем он поехал к Дымным Холмам к Торгильсу и провел зиму у него. В Драпе о Торгейре Тормод упоминает о размолвке между ними в таких строках:

[№ 5]

Сведал свет, что вдоволь
клеветы на долю
— вел меня советом
клен руля — досталось.
Лишь о лучшем в нашей
— лицезрел людской я
облик злобы — дружбе
вспомню без заминки[39].

VIII

В верховьях Северной Реки возле разлива стоял корабль: в то время там была удобная пристань. Торгильс и его брат Иллуги тайком купили для Торгейра место на этом корабле и велели приготовить ему товары.

Летом Торгильс и Иллуги не выехали к началу тинга, чтобы не проезжать Долины Широкого Фьорда, прежде чем Торстейн сын Кугги[40] не уедет на тинг, так как они хотели проводить Торгейра, которого Торстейн объявил вне закона.

Одного человека звали Скув, он жил в Собачьей Долине в Долинах. Скув был добрый бонд и человек доброжелательный. Сына Скува

звали Бьярни, он жил вместе с отцом. Пастуха Скува из Собачьей Долины также звали Скувом[41].

Вот люди выезжают на тинг, а Торгильс и Иллуги едут из Дымных Холмов на восток: они загодя отправили своих людей на тинг покрыть землянки. Ужинают они в Грязном Жилье, а ночью скачут на восток в Долины: завтракать они собираются в Собачьей Долине. На рассвете они останавливаются в Срединной Долине, напротив Густого Леса. Там они отпускают коней и спят.

У Торгейра был гнедой конь, красивый, рослый и хорошо объезженный. И когда солнце стояло уже довольно высоко[42], их спутники хотят собрать лошадей. Они встают и идут к лошадям: коня Торгейра на месте не было. Они отправились искать его, а вокруг были сплошные леса. Кончается тем, что коня не находят. Тогда они берут вьючного одра и распределяют вьюки по другим лошадям. Коня этого затем дают Торгейру.

Тут они завидели, как кто-то скачет на гнедом коне, послушном в седле, и гонит перед собой несколько овец от Овечьей Горы вдаль по песчаной отмели. Погоняет он овец быстро, так как конь у него был хороший. Торгейру показалось, что конь этот похож на его собственного. Он делает вид, будто не понимает, что к чему, но краем глаза следит за тем, куда скачет всадник; он видит, что тот гонит овец к хутору в Собачьей Долине.

Скуву причиталось несколько овец в Долине Лососьей Реки на западе; овцы убежали прочь, а Бьярни, сын Скува, поехал искать их, и это он взял коня Торгейра.

Теперь отряд едет к хутору в Собачьей Долине, и братья велят своим спутникам спешиться, не доезжая до двора, и не пускать лошадей на выгон. Сами же братья едут к дому, и с ними народу немного.

Торгейр подъехал к хлеву, туда где стоял его конь. Скув уже вернулся домой и загонял овец в стойло. Бьярни сидит на коне; к этому времени он уже загнал всех найденных им овец в хлев.

Торгейр спрашивает:

— Кто этот человек на коне?

— Его зовут Бьярни.

Торгейр говорит:

— Красивый у тебя конь, а кто же его хозяин?

Бьярни отвечает:

— Верно замечено, что конь красивый, только я не знаю, чей он.

Торгейр говорит:

— Зачем же ты взял его?

Бьярни отвечает:

— Затем, что мне было удобнее ехать, чем идти.

Торгейр сказал:

— Сдается мне, что тебе надо слезть с коня и отдать его в руки владельцу.[43]

Бьярни сказал:

— Мне осталось проехать совсем немного, ведь я не поеду дальше дверей дома.

Торгейр сказал:

— Я хочу, чтобы ты немедленно слез с коня.

Бьярни говорит:

— Коню не будет вреда, даже если я проедусь на нем до дома.

Торгейр сказал:

— Мне решать, уедешь ли ты в этот раз дальше.

Бьярни хочет повернуть коня к калитке и ехать к дому, но Торгейр поражает его копьем, и сразу насквозь, так что тот тут же упал с коня мертвый.

Пастух Скува видел, как Бьярни упал с коня. Он выбегает из дверей хлева, где запирал овец в стойло, хватает свою секиру и рубит Торгейра обеими руками. Торгейр выставил древко копья вперед и отвел удар от себя, сам же правой рукой ударил Скува секирой в голову и разрубил ему голову до плеч. Тот сразу же умер.

Спутники Торгейра спешно едут к дому и рассказывают новости хёвдингам. Те сочли, что это дурные новости, и так оно и было. Торгильс и Иллуги сразу же отряжают людей увезти Торгейра подальше, дабы он не попадался на глаза отцу, или родичам убитых. После этого они рассказывают Скуву, что произошло. Скув же не видел для себя большей чести, чем положиться на суд столь знатных людей, как братья, и принять от них виру за своих людей, тем более что убийца уже был объявлен вне закона. Обговорив это, они заключили мировую.[44]

Тормод упоминает об этих убийствах в Драпе о Торгейре:

[№ 6]

Хват с лихвою в схватке
отплатил за лихо
— рвал нутро наружу
вран — потомку Мара.
Враз, наездник зыбей
зверя предал вскоре
— шел стезею сечи —
смерти Скува с Бьярни[45].

Torгильс и Иллуги сделали привал на завтрак в Собачьей Долине, а после выехали на юг к Фьорду Городища и проводили Торгейра до корабля.

На корабль явился человек по имени Гаут сын Надувалы. Он приходился Торгильсу сыну Мара, которого убил Торгейр, близким родственником. Гаут был велик ростом и очень силен, неуживчив и крут нравом. Он уже условился с кормчим о провозе и ничего не знал о том, что Торгейр собирался отплыть на этом же корабле. Увидев Торгейра, Гаут переменился в лице, и всем показалось неладным, что они поплывут на одном корабле, ведь нрав обоих был всем известен[46]. Корабль был полностью снаряжен, а груз уложен: были там и товары Гаута.

И вот, когда Торгейр услышал ропот норвежцев насчет их соседства с Гаутом, он сказал:

— Я вполне могу плыть с Гаутом на одном корабле, как бы грозно он ни хмурил брови.

Но что бы ни говорил Торгейр об этом соседстве, почли за благо отвязать сундук Гаута[47] и вынести его товары на берег. После этого Гаут выехал на север страны.

Норвежцы ведут корабль вниз по реке к Тюленьим Пескам. Братья покидают округу не раньше, чем корабль вышел в открытое море. Затем они едут на тинг с множеством народа и заключают по поручению Торгейра мировую за убийство Торгильса сына Мара, и добиваются для него оправдания по закону.

Торгейра и его товарищей долго носило в море. Наконец, они видят впереди по штевню землю, и норвежцы узнают ее: это была Ирландия. Им показалось, что если их вынесет на берег, их навряд ли примут там с миром.

Торгейр сказал:

— Нам лучше всего защищаться и накормить пару людей ужином досыта, прежде чем нас убьют: тогда о нашей обороне будет, что рассказать.

Они бросают якорь поодаль от берега и вооружаются на тот случай, если придется вступить в битву. Тут они замечают на берегу толпу народа и множество копий, целый лес[48]. Но как бы длинны не были копья ирландцев, до корабля они все же долететь не могли. Поэтому Торгейр и его люди сохранили жизнь и имущество и ушли в море, как только выдался ветер.

Оттуда они направились в Англию и некоторое время провели там, и из стихов Тормода можно заключить, что Торгейр получал там от

хёвдингов богатые подарки. После этого он поплыл в Данию и жил там в таком почете, что датчане величали его почти как конунга, как явствует из стихов Тормода[49]. Потом он поплыл в Норвегию и явился туда, где был конунг Олав Святой; Торгейр идет к нему и приветствует конунга, как подобает. Конунг ответил на приветствие и спросил, кто он.

Он отвечает:

— Я исландец, и зовут меня Торгейр.

Конунг сказал:

— Не Торгейр ли сын Хавара?

Он отвечает:

— Он самый.

Конунг говорит:

— Я слышал, какая о тебе молва. Ты велик ростом и мужественного вида, но не во всем тебе суждена удача.

Конунг предложил Торгейру остаться при нем, и тогда Торгейр сделался дружинником Олава конунга. Конунг высоко ценил Торгейра, ибо тот всегда держался доблестно и проявил себя как отличный воин.

Торгейр привел торговый корабль на юг в Страну Вендов, а плавать туда в то время купцам из северных стран было опасно. Этот поход прославил его, ибо он получал там с каждого все, чего добивался.

Торгейр стал тогда ездить по торговым делам и всегда проводил одну зиму с Олавом конунгом в Норвегии, а следующую — в Исландии на Дымных Холмах. Корабль свой он всегда приводил во Фьорд Городища, и его люди держали его в Северной Реке у Разлива, а на зиму ставили на берег к западу от реки. Место это зовется теперь Торгейров Сарай — это южнее того холма, что зовется Кузнечным Холмом. Шесть раз снаряжал Торгейр свой корабль из Исландии, как говорит Тормод:

[№ 7]

Шестикратно выдру
вод отселе к суше
Гуннар храпа ветра
снаряжал в походы.
Разлучитель злата
достигал накала,
просмоленым — в море
управляя — кнёрром.[50]

IX

Теперь следует рассказать о Тормоде, чем он занимался, пока Торгейр ездил по торговым делам. Тормод, после того как они с Торгейром расторгли союз, поехал в Горячее Жилье к своему отцу Берси, и прожил с ним не один год. Ему долгое время было скучно, потому что там было мало народа.

Одну женщину звали Грима, она жила на хуторе, который называется Теснина. Грима была вдова, и женщина довольно зажиточная. О ней говорили, будто ей ведомо многое, и люди поговаривали, что она колдунья. А поскольку христианство было еще молодым и неладным, многим казалось большим искусством, когда человек сведущ в колдовстве. Дочь Гримы звали Тордис: она была пригожа и работяща и жила дома с матерью. Нрава она была надменного. Раб Гримы звался Кольбак. Он был велик ростом, силен и хорош собой, но при этом очень сурового нрава.

Тормод стал часто приходить в Теснину и подолгу беседовать с Тордис, дочерью Гримы, и от этого пошел слух, что он, наверное, одурачит ее. И когда до Гримы дошли эти речи, она вызвала Тормода на разговор и говорит ему так:

— Многие поговаривают, Тормод, будто ты дурачишь мою дочь Тордис, а мне совсем не по душе, что из-за тебя о ней идут сплетни. Дело вовсе не в том, что ты ей не пара; кое-кто уже сватался к ней, и не исключено, что этим людям померещится тролль за дверьми, если они проведают, что ты как-то замешан в ее дела. Если же ты захочешь посвататься к ней, я выдам девушку за тебя.

Тормод отвечает:

— Складно ложатся твои слова, и я, конечно, тебя уважу. Но хотя я не надеюсь найти себе жену лучше твоей дочери, моя душа пока не лежит к женитьбе, так что всему свое время.

Сказав это, они расстаются. Тормод едет домой и сидит дома до конца лета. А когда дело пошло к зиме, воду сковало льдом и стало удобно ходить; Теснинное Озеро тоже замерзло[51]. Тормоду было скучно, потому что в Горячем Жилье было мало развлечений. Он возобновляет тогда свои походы в Теснину к Тордис. Пошли вновь те же шашни, да те же пересуды, что раньше, о дружбе между Тордис и Тормодом. Тормод всегда ходил со щитом и мечом, когда шел в Теснину, так как у него были враги.

Грима еще раз завела беседу с Тормодом и говорит ему теперь, чтобы он прекратил навещать их,—

— и тем отвел,— говорит она,— поношения от моей дочери.

Тормод отвечает ей вежливо, но с посещениями все осталось, как и прежде.

Однажды, когда Тормод был в Теснине, Грима сказала Кольбаку:

— Я хочу послать тебя по хуторам с утком, на который надо намотать пряжу, когда та будет готова.

Кольбак собрался уходить, но тут Грима открыла один из своих сундуков и достала оттуда несколько клубков пряжи и большой тесак, древний, крепкий и острый, и дала его в руки Кольбаку, сказав так:

— Держи его и не ходи безоружный.

Кольбак тесак взял. Грима же намотала пряжу Кольбаку между одежд[52]. Она ощупала его всего руками, и также — его одежду. После этого Кольбак пошел своей дорогой.

Ветер стал крепчать и началась оттепель, и снег, который выпал, стал таять. Ближе к вечеру Тордис сказала Тормоду:

— Я бы хотела, чтобы ты пошел домой другой дорогой, чем обычно, и шел по берегу Теснинного Залива, а дальше — по склону до Горячего Жилья.[53]

Тормод отвечает:

— Что-то случилось, раз ты хочешь, чтобы я шел иначе?

Тордис сказала:

— Может статься, лед на заливе стал хуже с той поры, как стоит оттепель, и я бы хотела, чтобы с тобой в пути ничего не случилось.

Тормод сказал:

— Со льдом все в порядке.

Тордис сказала:

— Больше я просить тебя, Тормод, не стану, но думать о тебе буду хуже, если сейчас откажешь мне, в чем прошу.

Тормод видит, что Тордис кажется важным то, о чем она просит, и он обещает ей идти так, как она просила. Поздно вечером Тормод вышел из Теснины. И когда он недалеко отошел от дверей, ему приходит в голову, что не дело Тордис решать, какой дорогой ему идти. Он меняет свое намерение и идет прямым путем через залив по льду. На другом берегу стоял хлев, а перед хлевом был выгон.

Тормод вышел прямо к дверям хлева, и в этот миг Кольбак выбежал оттуда с занесенным тесаком и сразу же ударил Тормода; удар пришелся Тормоду в руку выше локтя, и это оказалась большая рана. Тормод бросает щит, подхватывает меч левой рукой и рубит Кольбака с обеих рук, не делая передышки, но меч не вонзался, ибо Кольбак был столь укреплен напевами Гримы, что оружие его не брало. Кольбак больше не поднимал руку на Тормода после первого удара. Он сказал:

— Ныне ты в моей власти, Тормод, но большего на сей раз не будет.

Затем Кольбак возвращается домой и рассказывает новости Гриме. Грима сочла, что Кольбак слишком мягко обошелся с Тормодом, и повела себя так, будто и не замышляла против его жизни.

Тормод разодрал свои холщовые штаны на куски и перевязал рану; он идет домой в Горячее Жилье. Работница Берси дожидалась его в покоях, и там горел свет, а остальные уже легли в постель. И когда Тормод вошел в покои, перед ним поставили стол и внесли еду. Кусок не шел Тормоду в горло. Служанка видит, что он весь в крови. Она выходит и говорит Берси, что Тормод пришел домой, и одежды его окровавлены.[54]

Берси поднялся и вышел в покои. Он приветствует Тормода и спрашивает о новостях. Тормод говорит о своей встрече с Кольбаком и об увечье, которое он получил. Берси сказал:

— Было ли так, что Кольбака не брало железо?

Тормод отвечает:

— Много раз рубил я его мечом, и от меча было толку, что от китового уса.

Берси сказал:

— Вот оно, бесовство Гримы.

Тормод сказал вису:

[№ 8]

Ропот Хрунд отбросив,
щит швырнул в сторонку,
с сиклинга напевом
совладав насилу.
Отомстит ли татю —
лихоимцу барки —
искуситель свечки
устья ран оружьем?[55]

Берси сказал:

— Вот именно. Связавшись с троллем, никогда не знаешь, как за позор поквитаться.

X

Затем Берси перевязывает рану Тормода; он был хороший лекарь. Наутро Берси выехал в Теснину с множеством народа. Когда он был еще в пути, Грима сказала своим работникам:

— Идите теперь в покои, занимайте нижнюю скамью и сидите там, покуда люди Берси будут на хуторе.

Они сделали так, как она велела, зашли в покои, заняли нижнюю скамью и сидели во всеоружии. Грима поместила Кольбака посреди скамьи и возложила руки ему на голову. Вот Берси и его люди приезжают на хутор и стучат в дверь. К дверям подошла Грима; она приветствует их.

Берси сказал:

— Мы полагаем, что ты мало заботишься о нашем здравии, а тебе следует знать, что мы не станем беречь твое.

Грима сказала:

— Твои выражения застают меня просто врасплох, ведь мы полагали, что ты — нам друг, так же как мы — тебе. Расскажете какие-нибудь новости?

Берси отвечает:

— Лишь те, которые тебе должны быть уже известны.

Грима отвечает:

— Мы не слыхали никаких свежих новостей, а что можете рассказать вы?

Берси сказал:

— Мы можем рассказать об увечье, которое твой раб Кольбак нанес моему сыну Тормоду.

Грима отвечает:

— Это важные и дурные новости, и еще хуже, если они подтвердятся, ведь я посылала Кольбака с утком по хуторам. Вчера вечером он не вернулся домой, и я догадываюсь, что он не посмел явиться ко мне, потому что знал, как я дружна с Тормодом. Я давно подозревала, что Кольбак возомнил себя хахалем Тордис, но сейчас он выказал великую дурь, если из-за ревности нанес рану столь видному мужу, как Тормод, и навлек тем на мою дочь дурную славу, причинив нам стыд и позор. Я обязана добиваться возмездия, насколько мне хватит сил.

Берси сказал:

— Многие говорят, Грима, что ты порой можешь говорить не то, что у тебя на уме, и жизнь еще покажет, как ты на все это смотришь.[56]

— Буду вам благодарна и рада, если зайдете в дом, обыщете наши помещения и снимите с нас подозрение, будто мы с Кольбаком были в сговоре, когда он совершал злодеяние.

Тогда Берси идет со своими спутниками в покои и занимает верхнюю скамью. Некоторое время он сидит там, но не видит Кольбака, который сидит напротив, ведь Грима накрыла того невидимым шле-

мом, чтобы люди не могли приметить его. Берси подымается и обыскивает хутор; Кольбака он не нашел. После этого он объявляет Кольбака виновником увечья, которое тот нанес Тормоду, и идет домой, не добившись большего. Рана Тормода заживала плохо, и он долго лежал и всю оставшуюся жизнь был левшой.

Кольбак провел зиму в Теснине, и Грима держала его в потайном месте. Весной против Кольбака была возбуждена тяжба, и на том же тинге его объявили вне закона.

Возле Брода[57] стоял корабль; им правил норвежец по имени Ингольв. Корабль был снаряжен в плавание еще к альтингу, но попутного ветра не было. Когда все уехали из округи на тинг, Грима завела с Кольбаком беседу и сказала так:

— Есть у меня предчувствие, что на тинге тебя объявят вне закона за увечье, которое ты нанес Тормоду. А поскольку наказание на тебя навлекла я, я и дам тебе свободу, и ты больше не будешь рабом. А еще подготовь тайно четырех лошадей, двух верховых и двух для поклажи, товаров и скарба, которые я дам тебе. Я хочу тайком проводить тебя до корабля, и если удастся, посадить на борт возле Брода.

Кольбак был рад обретенной свободе и подаркам Гримы. Ночью он все подготовил к уходу так, что никто о том не проведал. Они едут с Гримой по Мерцающей Пустоши к Фьорду Эрна, а оттуда по горным кряжам к Бардову Побережью, и ночью приезжают к Броду. Торговые люди в это время спали на корабле, а сам кормчий — в палатке на берегу. Грима развязывает полог палатки, а Кольбак следит за лошадьми. Она заходит внутрь и будит кормчего — ей было известно, как он выглядит. Ингольв приветствует ее и спрашивает, что нового. После этого Грима сказала:

— Привела меня сюда к вам нужда, и я хочу, чтобы вы взяли на борт человека, который приехал со мной.

Ингольв говорит:

— Кто этот человек?

Грима отвечает:

— Его зовут Кольбак.

Ингольв говорит:

— Не он ли нанес рану Тормоду сыну Берси?

— Грима говорит:

— Это его рук дело.

Ингольв сказал:

— Опасно, по-моему, брать на борт человека, которого этим летом должны объявить вне закона, да еще когда мстить будут столь суровые

люди, как сын с отцом, Тормод и Берси. Мы уже давно стоим здесь со снаряженным кораблем, и не исключено, что Берси успеет вернуться в свою округу раньше, чем мы поймаем попутный ветер, и тогда нам вряд ли удастся укрыть от них этого человека.

Грима видит, что Инголье не идет ей навстречу; тогда она достает из под плаща кошель и сыплет две сотни серебра кормчему на колени, говоря так:

— Это серебро я хочу дать тебе за провоз Кольбака и его защиту.

Инголье говорит:

— Серебро-то хорошо, да придется сполна расквитаться, если отец с сыном застигнут нас прежде, чем мы выйдем в море, а у нас на борту их супостат.

Тогда Грима говорит:

— Я вижу, на чем мы поладим. Ты берешь Кольбака и деньги, которые я тебе предложила, и увезешь его из Исландии и возьмешь его под защиту, если поймаешь ветер сегодня.

Инголье говорит:

— Пусть будет по-твоему.

После этого Инголье берет деньги, поднимается и провожает Кольбака с его товаром на корабль. А Грима осталась на берегу и стала поминать их в древней песне, которую заучила смолоду[58]. В этот миг утих встречный ветер, который перед этим долго держался. Тогда Инголье велел тащить мешки; они начинают спешно грузить все на борт, и к утру уже совсем готовы. А когда солнце было на юго-востоке, подул попутный ветер.

Инголье и Кольбак сходят на берег и желают Гриме счастливо оставаться. Она собирается в обратный путь и находит себе провожатых, и о ее пути не сообщается, кроме того, что она прибыла домой в Теснину, и это было еще до того, как люди вернулись с тинга домой.

Инголье подымается на корабль, когда Грима была в пути, и вслед за этим они развернули парус. Ветер им благоприятствовал: они были в пути недолгое время и достигли Норвегии. Затем Кольбак вступил в войско викингов и не давал никому спуску[59].

Тормод вернулся с тинга к себе домой в Горячее Жилье и жил с отцом несколько зим. Нам не доводилось слышать, чтобы Тормод когда-либо получил за свою рану почести большие, чем осуждение Кольбака.

XI

Тормоду все время было скучно, когда он жил дома с отцом. Летом после тинга он вызвался ехать вместе с отцовскими работниками; те

должны были забрать рыбу, которую Берси хранил у истоков фьорда в Сплавном Заливе[60]. Они спустили на воду небольшую ладью, которая принадлежала Берси. Поймав ветер, они плывут по Ледовому Заливу. Так они идут до Долины Эрна. Тут навстречу им поднялся встречный ветер; их сносит к суше. Они бросают якорь, а сами сходят на берег, ставят палатку и какое-то время сидят там, ибо попутного ветра все не было.

Катлой звалась женщина, что жила в Долине Эрна. Она была вдова; на ней ранее был женат человек по имени Глум. Дочь Катлы звалась Торбьёрг, она жила дома со своей матерью[61]. Торбьёрг была женщиной обходительной и не слишком красивой; волосы и брови у нее были черные — за это ее называли Черная Бровь. Взгляд у нее был умным, а цвет лица — свежим. Она была хорошо сложена, худощава и длинонога, но очень немалого роста.

Как-то раз случилось так, что Тормод вышел из палатки и поднялся к хутору; он заходит в горницу. Никого из мужчин там не не было, только женщины. Поэтому Катла приветствует вошедшего и спрашивает его об имени. Тормод назвал себя. Она спрашивает, чей он сын. Он говорит ей то, о чем она спрашивает.

Катла сказала:

— Я слышала, как говорят о тебе, но только сейчас случилось тебя увидеть.

Тормод провел там целый день, и женщины были ему рады. Временами он поглядывал на хозяйскую дочь, и она ему понравилась. Она тоже приглядывалась к нему, и он пришелся ей по душе. И вот Тормод провел там целый день и вернулся к себе в палатку поздно вечером. С той поры он начинает приходить к Катле, и однажды с его уст слетает несколько любовных вис[62], и женщинам, которые были там рядом, это понравилось.

Как-то раз Катла сказала:

— Есть ли у тебя, Тормод, какое-то дело на севере в Заливе, раз ты едешь с работниками отца?

Тормод отвечает:

— Нет у меня иного дела, кроме как развлечься, а дома мне было скучно.

— А что ты сочтешь для себя занятней: ехать с ними, или побыть здесь, пока они будут ездить за вяленой рыбой, и развлечься здесь же? У тебя есть возможность остаться, если ты этого пожелаешь, ибо ты нам в радость.

Тормод отвечает:

— Складно ложатся твои слова, и я, пожалуй, приму твое предложение, ибо мне приятно быть рядом с вами.

Затем Тормод идет к своим спутникам и говорит им, что останется здесь, пока они будут ездить на север в Залив за рыбой, но просит подняться за ним в долину, когда они поедут обратно,— тогда, по его словам, он взойдет с ними на корабль. Вот они расстаются; Тормод идет к хутору, а они едут по своим делам, как только выдался ветер.[63]

Тормод пробыл в Долине Эрна пол-месяца. Он сочиняет там хвалебную песнь о Торбьёрг Черная Бровь; он назвал ее Висами Черных Бровей[64]. И когда песнь была готова, он исполнил ее в присутствии многих людей.

Катла снимает с себя золотой перстень, большой и хороший, говоря так:

— Этот перстень я хочу дать тебе, Тормод, в награду за песню и в придачу к прозванию, ибо я нарекаю тебе имя, и ты будешь зваться Тормод Скальд Чернобровой.

Тормод поблагодарил ее за подарок. И вот за Тормодом закрепилось то имя, которое дала ему Катла. Работники Берси вернулись за Тормодом на обратном пути. Он поднимается тогда к ним на корабль и благодарит хозяйку за радушие, с каким его принимали. Катла сказала, чтобы Тормод не проходил мимо их двора, если путь его случится поблизости, и на этом они расстались.

Тормод едет к себе в Горячее Жилье и сидит дома до конца лета. А когда дело подошло к зиме, и воду сковало льдом, Тормод вспомнил о дружбе, которая была у него с Тордис, дочерью Гримы из Теснины. Тогда он выходит из дома и держит путь в Теснину. Грима встретила его с большой радостью, Тордис же держалась с ним сухо и смотрела на Тормода исподлобья, как часто делают женщины, когда им не все нравится в мужчинах. Тормод быстро это смекает, и в то же время он видит, что Тордис порой поднимает глаза и поглядывает в его сторону. Тормоду приходит на ум, что проще вытаскивать ту рыбу, которая сама стремится к крючку, и он напоминает ей о старой дружбе, которая между ними была.

Тордис сказала:

— Слыхала я, что ты нашел себе новую подругу и сочинил о ней хвалебную песнь.

Тормод отвечает:

— О какой это моей подруге говоришь ты, будто я сочинил о ней песнь?

Тордис отвечает:

— Это Торбьёрг из Долины Эрна на севере.

Тормод отвечает:

— Неправда, будто я сочинил песнь о Торбьёрг; правда же в том, что я сочинил хвалебную песнь о тебе, когда жил в Долине Эрна, ибо мне пришло в голову, как далеко Торбьёрг до твоей красоты да вежества. А теперь я пришел сюда и хочу сам исполнить тебе песнь.

Затем Тормод произнес Висы Черных Бровей и обратил те стихи, где было больше всего слов о Торбьёрг, в хвалу Тордис. Он дарит теперь песню Тордис ради полного примирения, ее милости и любви. И подобно тому, как тучка разгоняет мглу над морем, и ее сменяет яркий свет солнца при тихой погоде, так и песня изгнала все тревожные мысли и мрак из сердца Тордис, и она вновь обратила всю любовь своего сердца с горячей лаской на Тормода.

С тех пор Тормод постоянно приходит в Теснину, и его там радушно встречают. Так продолжается некоторое время, и вот однажды ночью случается такое событие, что когда Тормод был дома в Горячем Жилье, ему снится, будто к нему приходит Торбьёрг Черная Бровь и спрашивает его, бодрствует он, или спит. Он сказал, что бодрствует.

Она сказала:

— Это сон, но ты видишь лишь то, что случится в яви, словно ты бодрствуешь. Что теперь скажешь, не отдал ли ты другой женщине песню, которую сочинил обо мне?

Тормод отвечает:

— Это неправда:

Торбьёрг сказала:

— Ты взаправду отдал мою песнь Тордис, дочери Гримы, и исказил стихи, где было больше всего слов обо мне, ибо ты, жалкий человечишка, не решился сказать правду, о которой женщине ты сочинил песню. Ныне я отплачу тебе лихом за ложь[65], и у тебя откроется столь сильная и жестокая боль в глазах, что оба глаза выскочат у тебя из головы, если ты прилюдно не объявишь о своей подлости, что ты отнял у меня хвалебную песнь и отдал ее другой женщине. Тебе никогда не вернуть здоровья, если ты не выбросишь висы, которые обратил в хвалу Тордис, и не повторишь тех, которые изначально сочинил обо мне.

Торбьёрг показалась Тормоду разгневанной и зловещей; ему казалось, что он еще различает ее черты, когда она уходит прочь. Просыпается он от того, что у него так болят глаза, что он едва в силах сдерживать вопли. Оставшуюся часть ночи спать он не может.

Берси поднимается в свое обычное время. И когда все, кроме Тормода, встали, Берси подошел к Тормоду и спросил, не болен ли он, раз он не встает, как обычно.[66]

Тормод сказал вису:

[№ 9]

Дурно я задумал,
дав обручий деве
островных — явилась
дис суда — все висы.
Поделом мне пеня
Фрейи пряжек. Дюже
с Труд мне трудно сладить —
— впору впрямь мириться[67].

Берси сказал:

— Что привиделось тебе во сне?

Тормод рассказывает свой сон и весь ход дела с песней.

Берси сказал:

— Дорого обходятся тебе подруги: из-за одной получаешь увечья, от которых не оправишься до конца жизни, а теперь еще чуть-чуть, и оба глаза выскочат у тебя из головы. Мой совет тебе — вернуть песне тот лад, который был в самом начале и всегда посвящать песнь Торбьёрг Черная Бровь, раз сочинял ты о ней.[68]

Тормод говорит:

— Будет по твоей воле.

Затем Тормод принародно объявляет, как обстоит дело с песней, и снова отдает песню Торбьёрг при множестве свидетелей. Вскоре глазная боль у Тормода пошла на убыль, и он полностью исцелился от этой болезни.

Теперь мы сделаем передышку в саге о Тормоде Скальде Чернобровой и немного расскажем о Торгейре.

XII

Теперь следует рассказать о Торгейре сыне Хавара, дружиннике конунга Олава.

Однажды летом случилось так, что он привел свой корабль в Белую Реку и поплыл вверх к Северной Реке, а осенью вытащил корабль на сушу в месте, которое теперь называется Торгейров Сарай. Зимой он выехал к Дымным Холмам и провел зиму с родичами, распродавая свои товары. Ранней весной он выехал на юг во Фьорд Городища и стал готовить корабль в обратный путь. Незадолго до тинга он едет на запад к Дымным Холмам, где были сложены товары, которые он взял

в обмен на проданное им зимой. Торгейр перевез товары на Лесистое Побережье и достал лошадей. Оттуда он едет на юг к Фьорду Городища с одним спутником; тот ехал первым и держал вторую лошадь под уздцы. Торгейр ехал вслед за ним и гнал перед собой пару вьючных лошадей. Он ехал со щитом, и при нем были копье и секира, и вот они едут, как было описано.

На Белом Дворе[69] жил тогда человек по имени Снорри. Его называли Снорри Плюсна. Он был велик ростом и силен, нехорош собой, с виду злобен, вспыльчив и мстителен; его не любили. Сына Снорри звали Хельги. Он был еще молод годами, когда случились эти события. Главные постройки стояли в то время ниже по междуречью, чем сейчас, и хутор назывался Пески. К западу от дома на выгоне был большой хлев для ягнят, а теперь это место называется Снорриевы Загоны.

Торгейр и его спутник ехали там мимо двора. Спутник Торгейра проезжает мимо хутора, а вьючные лошади, которых гнал Торгейр, рванулись на выгон.

Снорри выходит из дверей в тот миг, когда Торгейр преследует лошадей и хочет увести их с выгона. Лошадям хотелось попастись, и когда Торгейр погнал одну из них, вторая остановилась. Снорри идет вперед с ругательствами и осыпает проклятиями лошадь, а вместе с ней и Торгейра; он бьет лошадь копьем и ранит ее.

Торгейру показалось, что еще немного, и Снорри убьет лошадь. Он соскакивает с коня, держа перед собой щит. Секиру вместе со щитом он держит в левой руке. В правой руке он держит копье и тут же нападает на Снорри. Тогда тот отступает по полю назад к хлеву и обороняется своим копьем.

Двое работников видели, что Снорри в гневе выбежал из дома, схватив копье. Каждый из них берет свою секиру и бежит Снорри на помощь. Торгейр обороняется от них с большой легкостью, и при этом успевает наступать с большим напором и силой, словно Бесстрашный Зверь.

Работники вскорости оказываются ранены, так как секиры у них были на коротких рукоятках; Торгейр же разил копьем часто и без промаха. Вместе со Снорри они забегают в хлев. Двери там были низкие и тесные, так что прорываться через дверь было трудно.

Торгейр прыгает на крышу и рвет ее. Тогда Снорри наносит удар копьем туда, где образовался разрыв. В этот миг Торгейр был ранен, но рана была невелика. Затем Торгейр отбрасывает копье и хватает секиру правой рукой.

Снорри теперь наступает на Торгейра, что есть духу, ведь крыша была уже содрана. А Торгейр обороняется щитом и секирой и все время стремится срубить копье Снорри с древка; кончается их схватка не прежде, чем Торгейру удается срубить копье Снорри с древка. И сразу вслед за этим Торгейр прыгает со щитом и секирой вниз через образовавшееся оконце и тут же рубит Снорри голову с такой силой, что раскалывает весь череп. От этой раны Снорри сразу же умер.

Затем Торгейр обращается против работников Снорри и искусно наступает на них, прикрываясь щитом и рубя секирой, привычной давать людям ночлег. Кончился их бой тем, что Торгейр убил обоих. После этого он выходит, садится на коня, едет к дверям и вызывает людей, говоря им, что Снорри Плюсна хочет с ними встретиться, и будет ждать их в хлеву. Затем он едет прочь навстречу своему спутнику. Пока они бились, тот увел вьючных лошадей с выгона. Теперь они едут к кораблю. Торгейр выводит корабль и ведет его к Тюленьим Пескам. Там он дожидается ветра и выходит в море.

Торгейр находится в пути недолгое время. Ветер ему благоприятствует, и он достигает Норвегии и немедля едет к Олаву конунгу, и конунг его хорошо принимает. Об этом событии Тормод упоминает в Драпе о Торгейре в такой висе:

[№ 10]

Кров сорвав, за кривду
Снорри Кривожила
увлажнитель жала
покарал жестоко.
Разъярен раздором,
умертвил Торгейр
там троих — правитель
сам поведал сагу[70].

Хельги, сын Снорри, долго жил на Белом Дворе. Он был непохож на отца и своих родичей ни нравом, ни внешностью. Он перенес постройки на то место, где сейчас стоит хутор. У Хельги было прозвище, и его называли Хельги Белым, ибо он был хорош собой, с красивыми волосами, и волосы были белокурыми. По нему назван хутор на Белом Дворе.

Хельги был хороший сосед и хозяин, и люди его любили. Он враждовал с Торстейном сыном Эгиля из-за Лугов Дымящейся Реки, ибо Торстейн хотел их купить, а Хельги не хотел продавать. Однажды зимой Хельги выехал со своими работниками на Луга Дымящейся Реки.

Он вез на волах свое сено на север обычным путем через болото. Торстейн со своими работниками поехал вслед за ними. Их встреча случилась на островках, которые лежат к югу от Белого Двора и называются Длинными Островками[71]. Там Торстейн и Хельги сразились друг с другом. В этой битве Хельги был сильно ранен. К их встрече подоспели добрые люди, которые знали о поездке и тех, и других. Их разняли, и помирились на том, что Торстейн купил луга, но заплатил Хельги виру за рану, по совету разумных людей.

XIII

Ториром звался человек, живший у Судоходной Реки во Фьорде Стейнгрима[72]. Он был неуживчив и большой задира, и его не любили. На торге во Фьорде Стейнгрима Торир повздорил с дружинником Олава конунга и нанес человеку конунга[73] большую рану. Это дело улажено не было. И когда конунг узнал эти новости, они ему не понравились. Однажды он сказал Торгейру сыну Хавара:

— Я хочу, Торгейр, чтобы ты отомстил за рану, которую мой дружинник получил в Исландии, чтобы исландцам было неповадно бить моих людей.

Торгейр отвечает:

— Сдается мне, что я отомщу за противодействие, которое оказали вам этим поступком.

Конунг сказал:

— Я поручил тебе это дело именно потому, что считаю тебя способным исполнить мою волю.

Торгейр отвечает:

— Я обязан вершить твою волю.

В начале лета Торгейр выводит свой корабль в Исландию. Ветер ему благоприятствует, и корабль пристает к Броду. Торгейр едет на запад к Дымным Холмам и принимается строить палаты. Веглагом звался человек, который строил палаты вместе с Торгейром[74], и они строили их каждый со своего конца. Палаты были перегорожены вдоль, а поперечных перегородок не было; стены их стояли вплоть до времени второго епископа Магнуса на Палатном Холме[75].

В начале зимы Торгейр выехал на север во Фьорд Стейнгрима к Судоходной Реке. С ним вместе выехал кузнец Веглаг. Они добрались до хутора поздно вечером и постучались в дверь. К двери подошла какая-то женщина, она приветствует их и спрашивает об имени. Торгейр говорит ей, как есть. Он спросил, дома ли бонд Торир[76]. Она говорит, что дома.

Торгейр сказал:

— Проси его выйти.

Она заходит в дом и говорит Ториру, что пришли люди,—

— которые хотят тебя видеть.

Он говорит:

— Кто эти люди?

Она отвечает:

— Я полагаю, что это Торгейр сын Хавара.

Торир поднялся на ноги. Он берет свое копье, выходит в дверь, упирает острие копья в порог и приветствует тех, кто пришел. Торгейр не ответил на его приветствие. Он сказал:

— Я приехал сюда затем, чтобы узнать, как ты хочешь почтить конунга Олава за урон, нанесенный его дружиннику.

Торир отвечает:

— Разве ты участник тяжбы?

Торгейр отвечает:

—Еще немного, и я им стану, ибо конунг поручил это дело мне.

Торир говорит:

— Возможно, он и поручил его тебе, но я, тем не менее, не слышу слов конунга, когда ты открываешь рот.

Торгейр отвечает:

— Верно, что ты не слышишь теперь его речь, но не исключено, что ты все-таки испытаешь на себе его власть.

И когда этого меньше всего можно было ожидать, Торгейр бьет Торира копьем. Удар пришелся тому прямо в грудь и поразил внутренности; Торир упал навзничь мертвый. Вскоре после этого Торгейр поворачивает со своим спутником обратно, и о его поездке не упоминается до того, как он возвращается домой на Дымные Холмы. Об этом событии Тормод сложил такую вису:

[№ 11]

Помню, как потомка
Торира прикончил,
Защищенный счастьем,
Воин щек вороньих.
Кормчий щек обшивки
отомстил с размахом
— насыщался коршун—
за обиды Одда[77].

В ту зиму на Дымных Холмах были большие кражи; у людей пропадали сокровища из ларцов, и дошло до того, что почти у каждого из ларца что-нибудь да пропало, каким-бы крепким замок ни был, и при этом замок оставался цел.

В ту зиму Иллуги сын Ари был дома в Холмах. Зимой после йоля братья собрали своих домочадцев. Затем Торгильс берет слово.

— Всем известно, что зимой здесь были большие пропажи; много вещей исчезло, несмотря на замки и запоры. Мы намерены провести обыск; сперва пусть обыщут наши с братом ларцы, а после — все остальные, и если не найдем того, что украдено у себя дома, поедем чинить обыск по другим хуторам.

Вот вышло так, что ларцы обыскали, и того, что искали, нет. У кузнеца Веглага был большой сундук, который еще не обыскивали. Торгильс сказал, чтобы Веглаг открыл сундук и дал людям взглянуть, что внутри. Тот говорит:

— Никогда меня не обыскивали, словно вора, и сундук я вам не открою.

Торгильс сказал:

— Затеяли не ради тебя одного: наши сундуки уже обыскали, и то, что годится для многих, сгодится тебе тоже.

Тогда Веглаг говорит:

— Может, вас всех и обыскивали, но свой сундук я вам все равно не открою.

Тогда Иллуги вскочил с места и схватил топорик. Он идет к сундуку со словами:

— Конунг поручил мне ключ, который подходит ко всем сундукам и замкам. Придется, верно, отворить замок им, раз ты не хочешь выдать мне ключ.

Веглаг видит, что если не открыть сундук, Иллуги разрубит его, и он выдает ключ. Затем Иллуги отпирает сундук и находит в нем множество ключей от всех замков, которые были на Дымных Холмах. Он находит там и много пропавших сокровищ. Тут люди уверились, что это Веглаг украл все то, что исчезло; его вынуждают сказать правду под пыткой. Он признается теперь во многих кражах и показывает людям места, где он попрятал украденное.

Тогда Иллуги сказал:

— Сдается мне, что Веглаг не достоин жизни, и мой совет — повесить его.

Торгейр сказал:

— Ты, наверное, не захочешь так просто покончить с твоим работником.

Иллуги отвечает:

— Негоже, по-моему, отпускать столь мерзкого вора.

Торгейр тогда говорит:

— Что бы вы тут ни считали верным, этот человек обойдется вам дорого, и жизни его не лишат, если от меня пока что-то зависит.

Иллуги сказал:

— Много сил кладешь ты ради воров, но от его поступков будет тебе одно зло. А твое слово не всегда будет ему защитой, даже если его сейчас не накажут. Пускай убирается с Мыса Дымов и никогда больше не появляется здесь.

Торгейр говорит:

— Это устроить можно.

Затем Торгейр провожает Веглага на запад к Горячему Жилью в Горячей Долине и уговаривает Берси с Тормодом взять Веглага на свой кошт до отплытия корабля,—

— и отвезите его к Броду до корабля,— и тогда, мол, он вывезет Веглага из Исландии.

Отец с сыном приняли Веглага ради Торгейра, и он жил зимой при Тормоде.

Торгейр уехал обратно к Дымным Холмам и провел зиму там. Весной он снарядил свой корабль. Веглаг явился к кораблю, и Торгейр его принял и вывез его из страны. Корабль пришел на Оркнейские острова. В то время Рёгнвальд сын Бруси [78] собрался в поход, ибо возле островов стояло множество викингов, которые грабили бондов и торговых людей, и Рёгнвальд хотел отомстить им за их злодеяния. Тогда Торгейр продает свой корабль и вступает в войско Рёгнвальда. Веглаг поехал дальше в Шотландию и сделался там знаменитым вором, и в конце концов его там убили.

Регнвальд высоко ставил Торгейра и его спутников, ибо Торгейр вел себя тем отважнее, чем тяжелее было в бою, как сказал о нем в стихах Тормод:

[№ 12]

Ньёрд трезвона лезвий
на настил лавины
с войском Рёгнвальда
в море стал совместно.
Жизнь врагов берег ли,
изощрен в сраженьях,
— ввек не смолкнет слава—
храбрый отпрыск Хавра?[79]

Торгейр прославился в походе своим мужеством и ратным искусством, а еще — удалью. Ярл прославился тем, что побеждал всякий раз, когда вступал в битву в то лето, и тем, что добился доброго мира для бондов и торговых людей.[80]

XIV

Поздней осенью Торгейр выехал в Норвегию и провел зиму у Олава конунга в большом почете. Олав конунг поблагодарил его за то, что он расквитался за обиду, которую Торир нанес конунгу.

Иллуги сын Ари той зимой был у Олава конунга. Весной Иллуги снарядил свой корабль в Исландию. Торгейр говорит Иллуги, что хочет поехать с ним. Иллуги же отвечает ему так:

— По-моему, тебе не стоит ехать в Исландию. Ты совершил большие дела в разных округах, и во многих местах быть тебе небезопасно. А здесь ты живешь в почете у конунга и в добром мире со всеми. Я ни за что не повезу тебя от мира к немирью, ибо в Исландии тебя не встретят с теми же почестями, какие здесь изо дня в день оказывает тебе конунг.

— Может статься,— говорит Торгейр,— что я все равно доберусь до Исландии, даже если ты меня с собой не возьмешь.

Вот Иллуги снаряжает корабль и выходит в море, как только выдался ветер. И когда он был уже в открытом море, Торгейр пришел к конунгу и попросил позволения уехать.

Олав конунг сказал:

— Сдается мне, что в Исландии ты не так удачлив, как с нами. А потому лучше для тебя, по-моему, быть тут, а не в Исландии, ибо здесь к тебе относятся лучше, чем там.

Торгейр очень наседал на конунга. И когда конунг видит, что для Торгейра крайне важно настоять на своем, конунг сказал:

— Ныне сбывается то, о чем я говорил, когда ты предстал перед нами впервые: не во всем тебе суждена удача. Теперь я могу обещать тебе поездку в Исландию, но если мы сейчас расстанемся, больше видеться нам не придется.

Торгейр отвечает:

— Спасибо вам за позволение ехать. Тем не менее я рассчитываю летом предстать перед вами.

Конунг сказал:

— Вполне может быть, что ты на это рассчитываешь, но сбыться этому не суждено.

На этом они расстаются. Торгейр условился о провозе с норвежцем по имени Ёкуль и выехал в Исландию вместе с ним. Их корабль пришел к Броду, и Торгейр отправился зимовать на Дымные Холмы.

Иллуги летом долго носило в море, и поздней осенью он привел свой корабль в Лавовую Заводь у Песцовой Равнины[81]. Там он вытащил корабль на берег и укрепил его: он нанимает людей стеречь корабль до весны. После этого он выехал с севера сухим путем и держал путь домой к Холмам. Гаут сын Надувалы, о котором рассказывалось раньше, явился к Иллуги и условился с ним о провозе на лето.

Однажды, когда Иллуги и его спутники отпустили коней на пастбище, к привалу подъехал всадник. На нем был белый плащ с башлыком. Этот человек назвал Иллуги по имени. Тот ответил на приветствие и спросил его, кто он.

Тот человек сказал:

— Меня зовут Хельги.

Иллуги говорит:

— Откуда ты родом, и где твой дом?

Хельги отвечает:

— Род мой берет начало в разных местах, и все же большей частью здесь на севере страны, а своего дома у меня нет нигде, и я пока не сподобился получить кошт на два полугодия[82]. Летом я всегда работаю по найму, и так было и в этот раз, и многие припоминают меня, когда слышат мое прозвище.

Иллуги сказал:

— Каково же оно?

Хельги отвечает:

— Меня называют Хельги Тюленьи Яйца.

Иллуги говорит:

— Нечасто упоминают такое прозвище, но однако я о тебе слышал[83].

Хельги сказал:

— Я пришел сюда по делу, и мне нужно знать, вывезешь ли ты меня летом из страны.

Иллуги сказал:

— Не замешан ли ты в какой распре, и есть ли у тебя деньги в залог?

Тот говорит:

— Ни в какой распре я не замешан, но денег у меня нет вовсе. Не исключено все же, что я окажусь для вас хорошим подспорьем, ибо работа из рук у меня не валится.

Иллуги сказал:

— Ты, что ли, большой умелец?

Тот говорит:

— Не то, чтобы я был удальцом, но ноги служат мне надежной опорой, и у меня крепкая грудь, так что никто не превзойдет меня в беге.

Иллуги сказал:

— Это на пользу трусливым.

Хельги сказал:

— Пока я не испытал, что значит испугаться по-настоящему. Но мне нужно знать, предоставишь ли ты мне место.

Иллуги сказал:

— Приходи ко мне весной, и будь при мне, пока я буду собирать свои товары, а потом уедешь вместе со мной из страны.

— Это условие мне по душе,— говорит Хельги.

Сказав это друг другу, они расстаются, и Иллуги едет на запад к Дымным Холмам и проводит зиму там.

XV

В Молодецкой Долине жили два брата; одного звали Кальв, а другого — Стейнольв[84]. Они были молоды годами и довольно зажиточны. О них шла добрая слава.

Тордис звалась женщина, которая жила в Долине Олава. Это была вдова, хорошая хозяйка и гостеприимная женщина. С ней вместе хозяйствовал ее сын, по имени Эйольв; это был видный муж, и о нем шла добрая слава.

Торгейром звался родич Тордис, который воспитывался у нее; он был очень могуч. У Торгейра было прозвище — его называли Торгейр Прорва — и прозвище это он получил за то, что когда ему доводилось распоряжаться имуществом, он всегда брал сверх меры.

Между названными братьями, Эйольвом и Торгейром, смолоду была большая дружба. Оба они были люди мощные и неспокойные, и долгое время между ними все было гладко. Но старуха, жившая у Тордис на иждивении, часто злобилась на них, глядя на их ухватки, а они тем пуще дразнили ее, чем больше она раздражалась. Однажды они затеяли на полу борьбу и очень разошлись; они все время падали на пол рядом со старухой, и накручивали ее пряжу себе на ноги. Тогда старуха сказала:

— Невелика честь портить мне пряжу и издеваться надо мной, но пророчество я вам напророчу: как ни велика теперь ваша дружба, конец ее будет злее некуда.

Они говорят:

— Очень уж непохожа ты на провидицу.

Старуха сказала:

— Что бы вам там ни казалось, сбудется так, как сейчас говорю.

Весной после того, как Иллуги и Торгейр провели зиму на Дымных Холмах, Торгейр попросил Иллуги перевезти его через Исландское Море. Иллуги сделал, как он просил. Кальв и Стейнольв из Молодецкой Долины условились с Иллуги о провозе.

И вот, когда весной люди выехали к кораблю, Иллуги сказал Торгейру:

— Я бы хотел, родич, чтобы ты поехал с моими людьми на север к кораблю, и вы снарядите корабль во время тинга. Мне же на тинге надо повидать моих друзей. С тинга я поеду на север; я бы хотел, чтобы корабль был полностью снаряжен, когда я приеду с юга.

Торгейр говорит, что все будет так, как он хочет. Затем Торгейр отправился на север к кораблю, а Иллуги собрался на тинг. Стейнольв, Кальв и Хельги Тюленьи Яйца выехали вместе с Торгейром; их товар был уже привезен. Торгильс сын Ари, его сын Ари и его брат Иллуги выехали во главе отряда из Широкого Фьорда на тинг. Когда же Торгейр прибыл на Север к Заводи, он поставил корабль на берег и снарядил его.

К кораблю приехал и Гаут сын Надувалы, и у него были свои провожатые отдельно от Торгейра. В этих местах было плохо с хворостом, и те, и другие — Торгейр со своими спутниками, а Гаут со своими — через день отправлялись искать хворост.

Однажды Торгейр отправился за хворостом, а Гаут остался дома. Кашевары Гаута развели под котлом огонь, но когда в котле закипело, кончился запас хвороста. Они сказали Гауту о своей незадаче.

Гаут идет к землянке Торгейра, берет сверху его копье, срубает наконечник и бросает его Торгейру в постель, а древко забирает с собой. Он также берет щит Торгейра и уносит с собой. Затем он идет к угольям. Он раскалывает щит и древко и разводит огонь под котлом; тогда еда хорошо сварилась.

Торгейр вернулся домой вечером. Вскоре он хватился своего оружия[85]. Он спрашивает, кто из парней унес прочь,

— щит мой и копье?

Гаут говорит:

— Я взял твой щит и древко копья, расколол в щепы и бросил под наш котел. А до этого еду было приготовить нельзя, ибо хворост у нас кончился, а есть сырое нам не хотелось.

А по Торгейру нельзя было понять, что поступок Гаута ему не понравился. На следующий день собирать хворост отправились Гаут и

его спутники. У кашеваров Торгейра было мало хвороста, и когда они должны были готовить еду, они пошли к Торгейру и сказали ему об этом. Он пошел к палатке Гаута и взял его копье и щит. Копье он срубил с древка, а щит расколол в щепы и бросил все это под котел. Тогда нужда в хворосте вышла, и они сварили себе пищу.

Гаут вернулся домой вечером и спросил, что слышно о его щите и древке копья.

Торгейр отвечает:

— Щит твой и древко копья я сегодня разбил в щепы и бросил под котел, ибо у ребят было мало хвороста.

Гаут говорит:

— Нелегко отучить тебя от привычки ущемлять нас.

Торгейр отвечает:

— Как подашь, так и отыграется[86].

Тогда Гаут ударил Торгейра, но тот выставил вперед секиру и отвел удар от себя, слегка поранив при этом ногу. Тут к ним подбежали люди, схватили их и стали держать.

Торгейр сказал:

— Не нужно держать меня, ибо я больше не стану распалять себя для смуты.

Затем их развели, и каждый отправился к своей палатке. После этого они поужинали и легли спать. Но когда люди заснули, Торгейр подымается и берет в руки секиру. Он идет к палатке, в которой спал Гаут, и развязывает полог, заходит внутрь, идет к постели Гаута и будит его. Гаут просыпается, он вскочил и хочет схватить оружие; и в этот миг Торгейр рубит Гаута и раскалывает до плеч. От этой раны Гаут умер.

Торгейр выходит прочь и идет к своей палатке. Спутники Гаута просыпаются от шума в тот миг, когда он был убит. Они позаботились о теле и прикрыли его.

Об этом событии Тормод сложил такую вису:

[№ 13]

В ответвленьях распри
Отдан воеводой
на закланье клятый
родич Надувалы.
Обречен был в муках
умирать задира,
— ждет исход похожий
всех, кто ищет лиха[87].

XVI

Вскоре после этого события Торгейр видит, как с моря в Заводь входит корабль. Корабль этот стал возле берега, и якорь бросили не близко от корабля Торгейра. Торгейр и его спутники сели в лодку и поехали к этому кораблю; он спрашивает, кто предводитель торговых людей. Ему сказали, что кораблем правит Торгрим сын Эйнара, по прозвищу Тролль, человек из Гренландии, и с ним другой человек, Торарин Дерзкий, сын Торвальда, исландец из Северной Четверти. Те спрашивают, кто правит тем кораблем, что стоит в Заводи. Им сказали, что корабль этот принадлежит Иллуги сыну Ари, а сейчас им правит Торгейр сын Хавара.

Торгейр спрашивает, сколько людей у них на корабле. Ему сказали, что на борту четыре десятка мужей. Тут Торгейр увидел, что если они между собой не поладят, разница в войске будет большой, ибо у Торгейра было не более трех десятков способных к бою мужчин[88].

Торгейр сказал:

— К вам обращаюсь я, предводители. Многие говорят, что и вы, и мы — люди не слишком покладистые и самоуправные. Ныне я хочу просить вас не обращать нашу удаль и мужество в дурь и смуту; кажется мне разумным во избежание зла заключить между собой мир.

Торгрим и Торарин приняли его слова хорошо, и вышло так, что мир был заключен, о чем говорит Тормод:

[№ 14]

В бой с отрядом большим
Светл умом, властитель,
Не вступил неравный,
укрепив поруку.
Доверял Торгейр
правде уговора,
но мужи те лживо
замышляли злое[89].

И вот, когда мир между ними был уже заключен, Торгейр поехал обратно к кораблю. Он свез тогда на корабль все имущество своих спутников и велел бросить якорь поодаль от берега. Все его люди были на корабле, ибо он не вполне доверял Торгриму с Торарином, несмотря на то, что они заключили между собой мир.

С берега к Торгриму подходят люди, и от них-то те узнают об убийстве Гаута сына Надувалы, которое ранее произошло там же в Заводи,

ибо Торгейр об этом убийстве им не сказал. И когда Торарин слышит эти новости, он заводит с Торгримом беседу наедине, говоря так:

— Не стал бы я заключать мир с Торгейром, если бы знал, что убит мой родич Гаут. Теперь я хочу знать от вас, могу ли я надеяться на вашу поддержку, если захочу мстить за Гаута.

Торгрим отвечает:

— В этом деле мы будем заодно, но с Торгейром, по-моему, справиться нелегко.

Торарин сказал:

— Мы как-нибудь вынесем на берег наши одеяния, льняные ткани и прочие ценности, и разложим их для просушки. Может статься, что кто-то из людей Торгейра отправится поглазеть на наши сокровища, и мы сможем сперва убить их, и тем уменьшить их войско.

Торгрим сказал:

— Давай попытаемся, если хочешь.

Торгрим и Торарин собирались ехать в Гренландию и всем владели сообща, как кораблем, так и поклажей: потому-то они и не несли на берег свое имущество.

Однажды в хорошую погоду Торарин и его люди вынесли на берег одеяния, лен и ценные вещи, и разложили их для просушки. В тот же день Кальв и Стейнольв, и всего двенадцать человек, сели в лодку и поехали за водой на берег. И когда они увидели на берегу товар, разложенный для просушки, три человека из их отряда побежали туда, где он лежал. Как только они подошли, их тут же убили. После этого Торарин и Торгрим напали со своим войском на людей Кальва. Кальва с Стейнольвом они схватили и посадили в оковы, а трех других убили возле заводи[90].

Хельги Тюленьи Яйца бросился наутек, но перед этим он успел нанести одному из людей Торарина смертельный удар. За ним гнались, но настичь не сумели. Хельги бежал по горам днем и ночью, и не делал привала до самых Полей Тинга. Он рассказал Торгислю и Иллуги о том, что приключилось в Лавовой Заводи к тому часу, когда он покинул ее.

XVII

После событий, о которых сейчас было рассказано, Торгрим и Торарин взяли баркас, на котором Кальв и его люди выезжали на берег, и отправились к своему кораблю. Торгейр находился у себя на корабле, и с ним было восемь человек. Они не знали о том, что случилось на берегу, так как между заводью и их кораблем был мысок. Торгейр ни

о чем не догадывается, пока Торарин и Торгрим не подводят торговый корабль и две лодки прямо к их кораблю. Все люди Торгрима были хорошо вооружены.

Торгейр и его люди хватают свое оружие и мужественно защищаются. Торгрим и Торарин подводят свой корабль к кораблю Торгейра и ставят его борт к борту. Тут начинается жестокая битва; тем удается быстро взойти на корабль Торгейра, и они не скупятся на могучие удары.

Торгейр все время рубил секирой с обеих рук, и они долго не могли достать его, ибо никому не хотелось найти кров под его секирой, и все же многих она не миновала. Люди Торгейра вскорости пали. Тогда он бросился на корму и защищался, стоя на помосте, ибо приходилось отбиваться от многих врагов сразу, как об этом сказал Тормод:

[№ 15]

Жестковыйный — сорок
сдерживая разом —
защищать решился
штевень лося тросов.
Череду увечий
дливши до предела,
рухнул сокрушитель
войск на кромку струга[90].

[№ 16]

Пращеносец щебня
мер руки не дрогнул,
облегчая чади
участь в лютой сече.
С севера про друга
весть пришла, что ныне
ровни нет Торгейру
меж вождей дружины[92].

Его оборону прославляли все, кто знал, как отважно он защищался, и все в один голос говорили о его смелости, что равных ему на памяти людей не было. Торгейр рубил часто и мощно, с большой силой и твердостью духа, и его дух был для него самого и щитом, и броней, и люди не знают другой подобной обороны. Всемогущ вложивший в грудь Торгейра столь твердое и бесстрашное сердце; и гордость его

тоже была не людской, и вложена в грудь не людьми, но верховным кузнецом мира.

И вот, поскольку люди Торгрима поняли, что нападать на Торгейра намного опаснее, чем трепать баб за вымя, дело подвигалось у них медленно, и Торгейр обошелся им дорого, ибо из слов Тормода следует, что прежде чем пасть, Торгейр принес смерть четырнадцати людям[93]. Однако в Драпе о Торгейре по именам названы двое из тех, кого он убил в этот раз.

Маром звался норвежец, который первым нанес Торгейру рану. Он ударил Торгейра в руку, и получив эту рану, Торгейр нанес Мару смертельный удар. Называют еще одного человека, которого Торгейр убил вслед за этим — Торира Норвежца: он пронзил Торгейра копьем, а Торгейр пошел на удар и затем нанес Ториру смертельную рану. Об этом событии Тормод сложил такие висы:

[№ 17]

Кашевару брашна
коршуна запруды
стылых тел — прознал я —
не случалось медлить
в буреломе стали.
Сгинул Мар, с ним Торир,
— их в речах искусный
муж сразил до срока[94].

[№ 18]

Умертвил в ристаньях
жертв меча тринадцать,
на веку, воитель,
вспять не повернувший.
О могучем князе
— стих немеет хилый —
— счет убийств окончен —
завершаю повесть[95].

И вот Торир пал, а копье стояло в теле Торгейра, но он еще был на ногах. И все же рубить ему оставалось недолго, ибо рядом стояли Торарин с Торгримом, и они поразили Торгейра, и тогда он упал и расстался с жизнью. Торарин Дерзкий отрубил Торгейру голову и забрал ее с собой.

Некоторые рассказывают, будто они разрубили Торгейру грудь, желая взглянуть, каково на вид сердце столь храброго человека, и люди рассказывают, что оно было очень маленькое. Некоторые почитают за правду, что в маленьком сердце меньше крови чем в большом, поскольку сердце, обливающееся кровью, считается признаком страха — недаром говорят, что сердце бьется в груди, ведь при этом и кровь в сердце, и само сердце приходят в движение.

XVIII

После этой битвы Торарин и Торгрим расторгли союз, ибо Торарин решил, что, одержав большую победу, он сможет прославиться в Исландии. От их союза Торгриму достался корабль, а Торарину — движимость. Торгрим привел корабль в Гренландию, и плавание его было удачным.

Торарин нанял лошадей и работников и выехал из Заводи на юг сам двенадцатый. Голову Торгейра он вез в мешке у стремени для прославления своей победы[96]. На выгонах они забавлялись так: доставали голову Торгейра из мешка, ставили ее на кочки и глумились над ней. Когда же они прибыли в Островной Фьорд, они сделали привал неподалеку от Корабельного Сарая. Они вновь достали голову Торгейра и поставили ее, по своему обычаю, на кочку. Тут голова показалась им устрашающей: глаза и рот открылись, а язык вывалился наружу. От этого зрелища их взяла оторопь, и им стало не по себе. Тогда они разрыли секирами землю рядом с головой и закопали ее, а сверху насыпали торф[97].

Жители Равнины очистили торговый корабль, свезли на берег тела павших на корабле и на суше, и похоронили их там же в Заводи; везти отпевать их они не захотели, ибо в те времена вблизи Заводи не было никаких церквей.

Кальва и Стенольва после битвы освободили от оков, и они расчищали побоище вместе с жителями Равнины. Они стерегли товары, которые оставались на корабле, пока не приехал Иллуги. Хотя христианство в этой стране в то время было еще молодым, обычая обирать убитых не было и тогда. Тем же летом Иллуги вышел в море на севере из Равнины.

Тормоду Скальду Чернобровой долгое время было нерадостно после гибели Торгейра; в то же лето он уехал из страны и вышел в море у Брода[98]. Эйольв из Долины Олава и его названный брат Торгейр Прорва вышли в море из Устья Гримовой Реки. Их корабль пришел на остров, который называется Лофот[99].

Тормод Скальд Чернобровой поехал к конунгу Олаву Святому. Тормод приветствовал конунга, а тот ответил на приветствие и спросил, что он за человек. Тормод говорит:

— Я исландец, и зовут меня Тормод, а имя моего отца — Берси.

Конунг сказал:

— Не тебя ли называют Тормодом Скальдом Чернобровой и ты ли побратим Торгейра сына Хавара?

— Да,— говорит Тормод,— я тот самый.

Конунг сказал:

— Имя станет тебе оплотом — добро пожаловать к нам. Тебе, конечно, нелишне знать, что я ущемлен убийством моего дружинника Торгейра. И я буду доволен, если за него отомстят.

Тогда Тормод произнес вису.

[№ 19]

Не утратит свита
— привечает каждым —
княжья кладезь воли
— словом слуг владыка.
Не радела сродня
для двора, но ровней
— чту труды иные —
встану среди гриди[100].

Конунг сказал:

— Однако твои стихи очень занятны[101].

После этого Тормод сделался дружинником Олава конунга.

В то же лето в Норвегию пришел корабль из Гренландии. Им управлял человек по имени Скув. Он был гренландец родом. Скув был известный купец и человек умный: о нем шла добрая слава. Он был другом Олава конунга и входил в его дружину. Скув прибыл в дружину и провел зиму у конунга. Той зимой в Норвегии были Иллуги сын Ари, Стейнольв с Кальвом, Эйольв и Торгейр Прорва.

Следующей весной, когда после смерти Торгейра сына Хавара прошел год, Торгильс сын Ари и Ари, его сын, возбудили против Торарина тяжбу об убийстве Торгейра и прочих людей, павших на месте боя, и вчинили иск за все те деяния, которые при этом произошли. На тинге по этим тяжбам была заключена мировая, и Торгильс определил по всем искам две сотни серебра, и их выплатили за убийство Торгейра там же на тинге; сотню, по решению Торгильса, получил

Гудмунд Могучий. Летом Торарин был убит в Островном Фьорде на сходке.

Тем же летом Кальв и Стейнольв выехали в Исландию. Они пристали у Брода на Бардовом Побережье и поехали к себе домой на хутор в Молодецкую Долину.

Эйольв и Торгейр Прорва купили в Норвегии корабль и повели его в Исландию, когда были вполне готовы. Они долго были в пути и поздней осенью вошли во Фьорд Городища. И когда они прибыли туда, они не сошлись в том, где приставать: Эйольв хотел вести корабль к Стремянному Фьорду, ибо туда дул ветер, а Торгейр Прорва хотел оставить корабль в дрейфе и выждать попутного ветра до Ледника, чтобы затем вести корабль к Мысу Завтрака. Тогда собрались у мачты и стали выяснять, кого на корабле больше: тех, кто хочет плыть по ветру, или тех, кто хочет положить корабль в дрейф. Но поскольку людям надоело быть в море, больше оказалось тех, кто хотел плыть по ветру. Названные братья были в таком гневе, что схватились за оружие, но их стерегли, и в этот раз ничего не произошло[102]. Пристали они в Стремянном Фьорде. Едва корабль коснулся берега, Торгейр Прорва сел на коня и поскакал прочь и ехал, пока не прибыл на запад в Молодецкую Долину. Там он остался на зиму у братьев Стейнольва и Кальва.

Эйольв оставался у корабля, а когда он отдал все распоряжения, то поехал домой к своей матери в Долину Олава, и зиму провел у нее на хуторе.

XIX

Старуха-ведунья, о которой говорилось ранее, зимой заболела и долго лежала. В ночь после вербного воскресенья она умерла. Тело ее отнесли на корабль и повезли к Мысу Дымов, так как рядом с Долиной Олава не было церкви ближе той, что стояла на Холмах.

Эйольв и его работники привезли тело старухи к церкви. И когда тело опустили в землю, погода ухудшилась и сделалась снежная буря и сильный мороз: весь фьорд покрылся льдом, так что подвести корабль к Долине было нельзя. Тогда Торгильс сказал Эйольву:

— Мне кажется, тебе не стоит ехать домой до конца пасхальной недели; потом я дам тебе людей отвести корабль, если будет возможно пробиться сквозь льды. Если же будет несудоходно, я одолжу тебе лошадь до дома. А работники твои могут уехать домой раньше, если в том есть нужда и если ты этого хочешь.

Эйольв отвечает:

— Это твое предложение я приму.

И вот работники Эйольва выехали домой и шли по берегу через Скрюченный Фьорд.

Эйольв оставался на Холмах, пока пасхальная неделя не пошла на убыль. На пятый день пасхальной недели Эйольв говорит Торгислю, что хочет ехать домой. Торгильс говорит, что будет по его воле. Затем Торгильс велит приготовить ему для поездки подкованную лошадь и предлагает провожатого, если Эйольву он нужен. Тот сказал, что хочет ехать один.

Вот он выезжает с Мыса Дымов на восток и скачет дальше через Медвежий Фьорд и Скрюченный Фьорд. Когда же он был на подходе к Молодецкой Долине, Кальв и Стейнольв стояли на дворе у одной из стен и вели беседу: внезапно они видят, как вдали по полю идут люди. Им показалось, что они узнают этих людей, и это вроде бы Торгейр сын Хавара и те девятеро, что пали вместе с ним на корабле; все они были в крови с ног до головы и шли по полю от хутора, а когда они подошли к речке, которая течет ниже двора, то исчезли[103]. От этого зрелища братьям стало жутко; они заходят внутрь и садятся у очага.

Энундом звался человек, который смотрел за скотом в Молодецкой Долине: он вышел из хлева в тот миг, когда братья зашли в дом. Энунд видит, как вдали по полю скачет человек на очень красивом коне; человек этот был опоясан мечом, в руке у него было копье, на голове шлем. И когда тот приблизился к хутору, он узнает этого человека, и это был Эйольв.

Энунд идет в покои, и там было мало народа. Там сидел Торгейр Прорва и несколько женщин. Энунд заводит речь:

— Сейчас мимо нашего двора скачет Эйольв.

Услыхав эти речи, Торгейр выбежал наружу и схватил копье. В это время Эйольв спустился к нижней кромке поля. Торгейр побежал вслед за ним. Но Эйольв ехал своей дорогой; он не видит, что за ним бежит человек. Он подъехал к Реке Молодецкой Долины[104]; река поднялась, и Эйольв стал осматриваться. Торгейр крикнул ему, чтобы он подождал его, если он не трус. Эйольв слышит крик, озирается, и видит, как бежит Торгейр.

Эйольв соскакивает с коня и бежит навстречу ему. А когда они встречаются, каждый из них пронзает другого насквозь, и они падают одновременно. Теперь сбылось то, что старуха им предсказала.

Братья пошли в покои, когда с них спало нашедшее на них бессилие.

— Где Торгейр? — говорят они.

Им сказали, что он вышел и схватил копье, когда пастух Энунд сказал о том, что едет Эйольв. Братья спешно вышли и пошли через двор

к реке; Эйольв с Торгейром были тогда при смерти, но еще дышали. Братья сидели у них в головах, пока те не испустили дух, а затем отвезли их тела в церковь.

XX

Когда Тормод Скальд Чернобровой провел одну зиму с Олавом конунгом, Скув стал снаряжать свой корабль в Гренландию. Тогда Тормод идет к конунгу. Он сказал:

— Я бы хотел, конунг, чтобы ты позволил мне этим летом поехать со Скувом в Гренландию.

Конунг сказал:

— Что за дело у тебя в Гренландии: собираешься мстить за Торгейра, твоего названного брата?

Тормод отвечает:

— Не знаю, что из этого выйдет.

Конунг сказал:

— Я не стану запрещать тебе ехать, ибо убежден, что знаю, чего ты хочешь.

На этом они прекращают разговор. Тормод условился со Скувом о провозе, и когда они были почти готовы, они идут предстать перед конунгом и благодарят его за расположение, которое он им выказал. Конунг пожелал им удачного пути. На прощанье конунг дал Тормоду запястье из золота и меч.

Скув и его люди всходят на корабль. И когда они уже на борту, к причалу идет человек. На нем широкая шляпа, он велик ростом, широк в плечах и толст; лица его они разглядеть не могли[105]. Этот человек назвал Скува по имени. Скув ответил на приветствие и спросил, как его имя. Тот говорит, что его зовут Гест. Скув сказал:

— Откуда ты родом?

Гест сказал:

— Род мой берет начало в разных местах. У меня же к тебе есть дело, и мне нужно знать, захочешь ли ты взять меня этим летом в Гренландию.

Скув говорит:

— Ты мне незнаком, и я опрошу товарищей, не против ли они, чтоб я взял тебя.

Гест сказал:

— А я полагал, что на корабле решает кормчий, а не те, кто сидят на веслах. Что до меня, то я, вероятней всего, со своей долей работы справлюсь, так что твоим товарищам работать за меня не придется.

Их разговор кончается тем, что Скув обещал взять его.

Гест поднимается в город и немного погодя возвращается с такой большой и тяжелой ношей, что ее трудно было поднять даже вдвоем. Гест занял место на корме в последнем ряду. Он мало общался с другими людьми и мало брал на себя. Затем Скув вышел в море. Они поймали свежий ветер и корабль стало захлестывать. Чем тяжелей приходилось, тем больше прока было от Геста. По его ухваткам многим казалось, что силы у него явно хватит и на двоих. У Тормода с Гестом сразу не заладилось, всякий раз, когда они оказывались вместе[106].

Однажды случилось так, что Тормод и Гест должны были вдвоем вычерпывать воду из трюма. В то время воду на кораблях вычерпывали бадьей, а желоба для откачки не было[107]. И вот Тормод стоял внизу у киля и наполнял бадьи, а Гест принимал их на палубе и выливал за борт. Тормод не отличался силой и часто поднимал бадьи невысоко. Гест сказал ему, чтобы он поднимал выше. Тормод не говорит в ответ ничего, но делает точно так же, как раньше. И когда этого меньше всего ожидали, Гест роняет на Тормода бадью, полную морской воды. Тот промокает насквозь, выскакивает из трюма и хватает оружие. Гест тоже берет свое, и они хотят биться друг с другом.

Скув сказал:

— Негоже затевать в море распрю на торговых судах, ибо от этого происходит много вреда, и кораблям, на которых плывут враги, редко сопутствует удача. Сейчас мы хотим просить вас обоих условиться между собой о мире на то время, покуда вы в море на корабле.

Так и поступили. Корабль долго носило в море, и волны были большими. Однажды во время бури у них на корабле ломается рея. Парус тут же вынесло за борт. Парус хватают и тянут к себе на палубу, и хватка Геста была при этом самой крепкой.

Скув знал, что люди, которые выехали с ним из Гренландии, не слишком сноровисты, но он видел в море, что Тормод и Гест искусно ладят многие вещи. Тогда Скув сказал Тормоду:

— Не хочешь ли скрепить концы нашей реи?

Тормод отвечает:

— Нет у меня сноровки. Проси Геста починить рею: он столь силен, что сможет, наверное, сдавить оба конца вместе.

Тогда Скув пошел к Гесту и просил его выправить рею. Гест отвечает:

— Нет у меня сноровки. Скажи, чтобы ее чинил Тормод, ибо он столь речист, что сможет, наверно, срифмовать оба конца так, что они сядут намертво. Но ради нужды я возьмусь тесать одни конец реи, а Тормод пусть тешет другой.

Теперь обоим дали по секире, и каждый тешет свою половину. Гест временами искоса поглядывает на Тормода. Когда же тот закончил свою половину, он садится на свое место, а Гест тешет ту, которая ему поручена, несколько дольше. А когда обе части были готовы, он складывает их вместе, и ни одну из частей не пришлось тесать заново. Тогда Гест скрепил рею. После этого они закрепили парус на рее и поплыли дальше.

Поздней осенью они достигли Гренландии. Корабль пришел во Фьорд Эйрика. В то время предводителем во Фьорде Эйрика был Торкель сын Лейва[108]. Торкель был большим хёвдингом и могущественным человеком; о нем шла добрая слава. Он был большим другом святого конунга Олава. Вскоре после того, как корабль коснулся берега, Торкель приехал к нему и купил у кормчего и его товарищей то, что ему было нужно. Скув дал Торкелю знать, что на корабле находится дружинник Олава конунга по имени Тормод; он сказал Торкелю, что конунг посылает Тормода ему для покровительства и защиты на случай, если они тому понадобятся. И вот, после таких слов Скува, Тормод поехал зимовать на Крутой Склон.

Скув держал хутор на Столбовом Мысу; это напротив Крутого Склона на другом берегу Фьорда Эйрика[109]. Со Скувом жил человек по имени Бьярни, это был умный муж, и о нем шла добрая слава; он умел многое и был хороший кузнец. Бьярни надзирал за их хутором, когда Скув ходил в плавания. Они владели имуществом сообща и хорошо ладили.

Гест поехал зимовать во Фьорд Эйрика на хутор, который называется Залив[110]. Там жил человек по имени Торгрим[111].

XXI

Торгрим Тролль, сын Эйнара, жил во Фьорде Эйнара на Акульем Мысу[112]. Торгрим держал многолюдный годорд и был большим хёвдингом, могущественным и властным. Нрава он был самого отважного. С Торгримом вместе жила его сестра, по имени Тордис; на ней ранее был женат человек по имени Хамунд. Сыновья Тордис, числом четыре, проживали у Торгрима. Одного сына Тордис и Хамунда звали Бёдвар, другого — Фальгейр, третьего — Торкель, четвертого — Торд. Все они были большие удальцы и люди отважные. Другую сестру Торгрима Тролля звали Торунн. Она жила во Фьорде Эйнара на хуторе, который называется Длинный Мыс[113]. У нее был сын по имени Льот: он был велик ростом. Все родичи Торгрима были заносчивы и держались с людьми не на равной ноге.

На хуторе, который зовется Скала, жила женщина по имени Сигрид. Хозяйство Сигрид было хорошим и приносило прибыль. Сына Сигрид звали Сигурд; он смотрел за хутором вместе с матерью. Сигурд был человек отважный, но не заносчивый; он не искал чужой дружбы, и о нем шла добрая слава.

Лодином звался раб, который смотрел за хутором на Крутом Склоне; он был хороший работник. Он дружил с женщиной по имени Сигрид. Ее отрядили прислуживать Тормоду. На Крутом Склоне была горенка, которая стояла поодаль от общих построек; в горенке спал сам Торкель и его домочадцы. В горенке из ночи в ночь горел свет, когда прочие люди уже спали. И вот Лодину показалось, что Сигрид чересчур задерживается по вечерам в горенке; ему показалось, что она не так внимательна к нему как раньше, и ему приходит на ум стишок, который сложили про ветреных женщин[114].

[№ 20]

На крутящемся круге
слепили их сердце,
в грудь юлу им вложили[115].

Он завел с Сигрид беседу и сказал, что не хочет, чтоб она по вечерам подолгу гостила в горенке. Она отвечает так, как ей заблагорассудилось.

Однажды вечером, когда Торкель с Тормодом, и вместе с ними Сигрид, собирались идти из дома в горенку, Лодин схватил Сигрид и удерживал ее, а она вырывалась у него из рук. Когда же это видит Тормод, он берет Сигрид за руку и хочет вырвать ее из рук Лодина, но это не очень-то получалось.

Торкель наблюдает за их сварой. Он говорит Лодину:

— Дай Сигрид пройти, куда она хочет. Нет ничего зазорного в том, что по вечерам она гостит в горенке: я присмотрю за тем, чтоб ни тебе, ни ей при этом не было срама, а ты следи за ней в другое время.

XXII

Ближе к йолю Торкель велит наварить пива, ибо он хочет устроить пир и прославить свое имя, ведь в те времена пиры в Гренландии были редкостью. Торкель пригласил на пир своих друзей, и во время йоля там было людно. Скув со Столбового Мыса и Бьярни прибыли на пир. На время йоля туда свезли столовую утварь, кувшины и одежду. И вот люди пили весь йоль с большим весельем и радостью. После йоля стали собираться в обратный путь. Лодин раздавал всем одежду,

мечи и варежки, которые были сданы ему на хранение. Он также спустил на воду корабль Скува и Бьярни. Работники вынесли на берег кувшины и одежду.

На Лодине была куртка из тюленьей кожи, и такие же штаны.

Тут Лодин входит в покои с тремя людьми. В это время там не было никого, кроме Тормода и Бьярни. Тормод лежал на скамье у переднего столба. И вот, когда они вошли в покои, Лодин схватил Тормода за ноги, стащил его вниз на пол и поволок в сени. Тут вскакивает Бьярни; он хватает Лодина поперек туловища, подымает его и с силой швыряет на пол, осыпая ругательствами тех, кто волок Тормода. Он велел им тотчас отпустить его, и они так и делают. Тогда Тормод встает и говорит Бьярни:

— Нас, исландцев, такими приемами не удивишь, ибо мы часто применяем их сами в играх со шкурой[116].

Те выходят и ведут себя как ни в чем не бывало. Когда Скув и его люди были вполне готовы к отплытию, Торкель и его домочадцы идут к кораблю. Барка Скува стояла у берега и перед ней были положены сходни. Бьярни стоял возле барки и ждал Скува, а тот разговаривал с Торкелем. Лодин был неподалеку от корабля: он уже роздал людям всю одежду. Тормод находился поблизости. И когда этого меньше всего ожидали, Тормод выхватывает из под накидки секиру и рубит Лодину голову, так что тот сразу упал на землю мертвым.

Торкель слышит шум, оглядывается и видит, что убит Лодин. Тогда он говорит своим людям, чтобы они подошли и убили Тормода, но им было страшно. Бьярни сказал, чтобы Тормод шел на корабль. Тот так и сделал. Бьярни шел вслед за ним, а за ними Скув. Когда все они взошли на борт, они убирают сходни.

Торкель подбивает своих идти на приступ и хочет биться со Скувом и Бьярни, если те не выдадут Тормода.

Тогда Скув сказал:

— Поспешно ты решаешь это дело, бонд Торкель, если ты готов убить Тормода, твоего домочадца, и при том — дружинника и скальда конунга Олава. Этот человек обойдется вам дорого, если Олав конунг узнает, что вы велели убить Тормода вопреки тому, что сам конунг послал его под твою защиту. Сдается нам, что здесь, как это нередко бывает, гнев мешает узреть суть. Мы хотим предложить вам теперь виру за убийство, которое совершил Тормод, и за урон, который вам этим убийством причинен.

И вот, после таких слов Скува, Торкель успокоился. Многие приложили свои силы, чтобы они заключили мировую. Скув передал Торке-

лю право вынести решение в деле об убийстве Лодина. После этого Тормод отправился зимовать на Столбовой Мыс.

XXIII

Эгилем звался работник Скува и Бьярни. Был он силен и велик ростом, безобразен, неловок и глуп. У него было прозвище, и называли его Эгиль Дурачина.

Тормод долгое время был невесел. Они же, Бьярни и Скув, спросили у Тормода, не могут ли они чем-то разрешить его молчание.

Тормод отвечает:

— Я бы хотел, чтобы вы дали мне провожатого, который бы следовал за мной всюду, куда я захочу пойти[117].

Они сказали, что так и будет и просили его самого выбрать того из их работников, который ему по душе.

Тормод отвечает:

— Эгиль Дурачина силен и велик ростом, его я и выбираю. А ума у него, верно, ровно столько, чтобы делать то, что ему приказано.

Они сказали, что так и будет. Люди, однако, удивлялись, зачем он выбрал Эгиля. Бьярни сделал Тормоду широкую секиру по указанию Тормода: она была закалена вся от обуха до лезвия, а наварки на ней не было[118]. Секира была очень острой.

Летом после этих событий люди выехали на тинг к Дворам, что во Фьорде Эйнара[119]. Жители Фьорда Эйрика уже покрыли свои землянки, а места жителей Фьорда Эйнара были поодаль, и их разделял мысок.

И вот, когда большинство уже покрыло землянки, Торгрима еще не было. Немного позже показался его корабль; он был богато украшен, и у тех, кто был на борту, не было недостатка ни в отваге, ни в убранстве. Высокомерие Торгрима было так велико, что с ним едва решались заговаривать.

Жители Гренландии в ту пору часто держали на борту орудия для промысла. И вот, когда корабль Торгрима пристал к берегу, многие пришли посмотреть на убранство и оружие людей Торгрима. Тормод стоял поблизости и взял в руки гарпун, который они бросили на берег; он разглядывает его. Но человек Торгрима берет у него гарпун со словами:

— Отвали от гарпуна, парень,— говорит он,— ведь проку от того, что ты держишь, тебе не будет: ты, по-моему, вообще не умеешь метать гарпун.

Тормод отвечает так:

— Неясно, вонзишь ли ты лучше, чем я[120].
— Можешь не сомневаться,— сказал тот.
Тогда Тормод произнес эту вису:

[№ 21]

Мнит: «метнет он круче» —
Бальдр щита кичливый.
Заливает лихо
Хлыщ бревна уключин.
Помню, мощный духом,
Доверял владыка,
балуя нас златом,
в битве край передний[121].

Затем Тормод идет на тинг к месту Торгрима. Торгрим велит покрыть свою землянку с большой пышностью и богато убрать ее[122].

Однажды в хорошую погоду случилось так, что из землянки Скува и Бьярни ушли все, кроме Тормода: он лежал на своем месте и спал. На себя он накинул плащ, покрытый мехом с обеих сторон: с лица плащ был черным, а с изнанки белым. И вот, проспав какое-то время, Тормод просыпается и видит, что все ушли. Это его удивило, ибо когда он заснул, в землянке было много народа. И в этот миг в землянку вбегает Эгиль со словами:

— Слишком далеко ты от большой забавы.

Тормод спросил:

— Откуда ты пришел, и что сейчас за забава?

Эгиль отвечает:

— Я был у землянки Торгрима сына Эйнара, и там сейчас большая часть тинга.

Тормод сказал:

— Чем они развлекаются?

Эгиль сказал:

— Торгрим рассказывает там сагу[123].

Тормод сказал:

— О ком же та сага, которую он рассказывает?

Эгиль отвечает:

— О ком эта сага, я точно не знаю, но знаю, что он рассказывает ее хорошо и занятно; ему вынесли стул, и Торгрим сидит возле своей землянки, а люди сидят вокруг и слушают сагу.

Тормод сказал:

— Ты, наверно, сможешь назвать по имени кого-нибудь из тех, о ком идет речь в этой саге, раз ты так ее хвалишь.

Эгиль сказал:

— В этой саге был великий воин, некто Торгейр, и мне кажется, что наш Торгрим тоже участвовал в саге, и, как следовало ожидать, держался отлично. Я бы хотел, чтобы ты пошел туда и послушал рассказ.

— Это можно,— сказал Тормод.

Он поднимается, накидывает на себя плащ и выворачивает его черной стороной наружу. Он берет свою секиру, надевает на голову шляпу и идет к землянке Торгрима вместе с Эгилем. У стены землянки они останавливаются и прислушиваются, но оттуда нельзя было ясно слышать то, что там говорилось. Погода сперва была ясной и ярко светило солнце, но когда Тормод подошел к землянке, погода стала портиться. Тормод то глядел вверх на небо, то переводил взгляд на землю себе под ноги.

Эгиль сказал:

— Чего ради ты ведешь себя так?

Тормод отвечает:

— Такой вид у земли и неба перед разломом.

Эгиль сказал:

— А в чем опасны разломы?[124]

Тормод отвечает:

— Разлом всегда сулит большие события. Вполне может быть, что скоро ты услышишь, как трещит земля; тогда спасайся как можешь, беги со всех ног в нашу землянку и прячься там.

Пока они разговаривают, начинается гроза с сильнейшим ливнем. Все бегут прочь, и каждый в свою землянку, ведь дождя никто не ждал. Некоторые кинулись в землянку Торгрима, и в дверях образовалась страшная давка. Торгрим остался сидеть на стуле и ждал, когда в дверях станет посвободнее. Тут Тормод сказал Эгилю:

— Подожди здесь, а я схожу к землянке и узнаю, что там происходит. Но если услышишь треск разверзшейся земли, беги со всех ног в нашу землянку.

Тормод подходит теперь к землянке туда, где сидит Торгрим. Он сказал:

— Что за сагу ты рассказывал перед этим?

Торгрим отвечает:

— В двух словах смысл этой саги не передашь. А как твое имя?

Тот отвечает:

— Меня зовут Отрюгг [т. е. «Ненадежный»][125].

— Чей же ты сын? — сказал Торгрим.

— Я сын Тортрюгга [т. е. «Коварного»].

Тогда Торгрим хотел подняться со стула. Но Тормод рубит ему секирой голову и раскраивает до плеч; затем он прячет секиру себе под плащ, подхватывает Торгрима за плечи и зовет:

— Бегите сюда, напали на Торгрима.

Многие выбегают на его зов и видят рану. Они спрашивают у Тормода, что он знает о напавшем на Торгрима. Тормод отвечает:

— Только что я его здесь видел. Но когда случилось увечье, я бросился подхватить Торгрима; затем я уже не видел, куда побежал напавший. Пусть теперь кто-нибудь сядет поддержать Торгрима, а другие пусть ищут того, кто напал на него.

Затем те уселись за плечами Торгрима, а Тормод ушел прочь. Он идет вдоль по берегу к ближнему мысу. Там он выворачивает плащ и надевает его белой стороной наружу[126].

Когда Тормод убил Торгрима, Эгиль услыхал треск от разлома и побежал прочь в землянку Скува. Бегущего заметили и решили, что он-то и есть виновник увечья Торгрима. Увидев за собой толпу вооруженных людей, Эгиль здорово перепугался. Когда его схватили, все тело его дрожало от страха. Но когда люди признали Эгиля, они поняли, что он не убивал Торгрима. Тогда страх сошел с него, словно жар с железа[127].

Те идут теперь по землянкам и ищут убийцу, но не находят его. Они идут дальше по берегу и подходят к мысу, вдающемуся в море. Там они встречают человека в белом плаще и спрашивают его об имени. Он назвался Вигфусом [т. е. «Жаждущим Боя»]. Они спросили, куда он держит путь. Он отвечает:

— Я ищу того, кто напал на Торгрима[128].

Шли они навстречу друг другу, и при том быстро. Вскоре они потеряли друг друга из виду.

Скув и Бьярни хватились Тормода, и им показалось вполне вероятным, что он-то и есть виновник увечья, ведь Скув слышал в Норвегии речи конунга о мести за Торгейра сына Хавара. Когда основная толпа схлынула, Скув и Бьярни тайком от всех сели в лодку и положили туда запас еды. Они гребут прямо к мысу, где, по рассказам, видели человека в белом плаще, который назвал себя Вигфусом. Когда же они подошли к мысу, они увидели, где находится Тормод. Тогда они гребут к берегу и говорят Тормоду, чтобы он шел к ним на корабль. Тот так и сделал. Они спрашивают, не он ли напал на Торгрима. Он ска-

зал, что это так. Они спросили его, как все приключилось, и насколько велика рана.

Тут Тормод сказал вису:

[№ 23[129]]

Попирал неправых
в прах левша — примеры
на слуху — хоть удаль
оскудела в сече.
Не горжусь вотще я
славой жизнелова,
Коль не пробил Ньёрду
жерди череп черный[130].

— Вполне может быть,— говорит Тормод,— что удар вышел несильным, ведь били левой рукой. Но больше я бить не стал, так как думал, что первого удара хватит с лихвой.

Тогда Скув сказал:

— Удача была с тобой, раз они не признали тебя, когда ты сел за спиной Торгрима, и потом, когда они встретили тебя на мысу.

Тогда Тормод сказал вису:

[№ 24]

Отличим в толпе я
Очертаньем речи.
Смоль кудрей курчавых
Не признали чудом.
Ускользнул, ведь ссужен
Тюру срок обширней
танца льдин, а трутни
терний к тленью ближе[131].

— Приметный я человек,— говорит Тормод,— смуглый, курчавый и заикаюсь[132]. Но мне не было суждено умереть в этот раз, вполне может быть, что я ускользнул не зря, и до меня в траву склонится еще кто-нибудь из родичей Торгрима.

Тут Бьярни сказал:

— Пора бы тебе оставить мысли о мести за Торгейра, и ты вполне освободил свои руки.

Тогда Тормод сказал вису:

[№ 26]

Не делил с другими
месть — насытил птицу,
Бальдра лога волка,
распластав на вече.
Укротивши Тролля,
замышляет черный
за друзей Торгейра
павших месть обширней[133].

— Кажется мне,— говорит Бьярни,— что тебе больше не надо мстить за Торгейра, и ты уже совершил великое дело; ты, чужестранец и одиночка, убил второго по могуществу хёвдинга во всей Гренландии, и теперь неизвестно, как ты сумеешь выбраться, ведь родичи Торгрима воинственны и суровы.

Скув и Бьярни везут теперь Тормода во Фьорд Эйрика и отводят его в пещеру, которая ныне зовется Пещерой Тормода. Пещера эта — в прибрежных скалах на том берегу, что напротив Столбового Мыса[134]. И выше, и ниже — скалы, и все подходы к пещере опасны.

Скув и Бьярни сказали Тормоду:

— Оставайся здесь в пещере, а мы навестим тебя, когда кончится тинг.

На тинге заметили, что Тормода нет на месте; тогда поняли, что это он убил Торгрима. Бёдвар и Фальгейр начали против Тормода тяжбу, и за это убийство его объявили вне закона. Когда тинг закончился, люди поехали по домам. Скув и Бьярни приехали к Тормоду и привезли еду и прочие вещи, которых ему не хватало. Они сказали Тормоду, что он осужден и что ему надо оставаться в пещере, а иначе ему нигде не будет покоя, если люди узнают, где он.

Перед входом в пещеру был большой выступ, поросший травой, и в случае нужды здоровый человек мог с опасностью для себя спрыгнуть со скалы на этот выступ.

Тормоду было скучно в пещере, потому что там было мало развлечений. Однажды в хорошую погоду Тормод решается выйти. Он берет с собой свою секиру и поднимается вверх по скале. Когда он еще не успел далеко отойти, на дороге ему встречается человек. Человек этот был велик ростом, и лучше было не иметь его своим спутником; был он безобразен, и вид его был нехорош. На нем был тулуп, сшитый из множества тряпок, многослойный как овечий желудок, а на голове — шляпа такой же выделки; вся она кишела гнидами.

Тормод спрашивает этого человека об имени. Тот отвечает:

— Меня зовутOdди.

Тормод спрашивает:

— Что ты за человек, Odди?

Тот отвечает:

— Я бродяга и хожу, где укажут[135], а прозвище мое — Одди Вшивец. Человек я непритязательный, врать не люблю, кое в чем сведущ, и добрые люди мне всегда помогают. А как твое имя?

Тормод отвечает:

— Меня зовут Торрад [т. е. «Трудный Замысел»].

Одди спросил:

— Что ты за человек, Торрад?

Тот отвечает:

— Я купец; не хочешь ли ты, Одди, заключить со мной сделку?

Одди говорит:

— Я мало что могу выставить взамен; что же хочешь купить ты?

— Я хочу купить твою верхнюю одежду.

Одди отвечает:

— Тебе не следует надо мной насмехаться.

Тормод говорит:

— Это не шутка. Я дам тебе плащ, который на мне, а ты дашь мне взамен свой тулуп и пойдешь с моим поручением на Столбовый Мыс; приходи туда вечером и скажи Скуву с Бьярни, что днем встретил человека, который назвал себя Торрадом и поменялся с тобой верхней одеждой. Других поручений я тебе не даю. Если исполнишь это — плащ твой.

Одди говорит:

— На тот берег просто так не пробраться — для этого нужен корабль. Но все же я попытаюсь вечером прийти на Столбовой Мыс.

И вот они меняются одеяниями. Одди берет синий плащ, а Тормод получает тулуп и надевает его на себя. Затем Тормод пошел к Фьорду Эйнара. Там он встречает пастуха Тордис с Акульего Мыса.

Тормод спросил, дома ли сыновья Тордис. Пастух отвечает:

— Бёдвара нет дома, братья же его этой ночью были дома, но сейчас они в море и ловят рыбу.

Тормод отвечает:

— Так, наверно, и есть.

Пастух подумал, что перед ним Одди Вшивец. Затем Тормод с пастухом расстаются, и Тормод идет к корабельным сараям Тордис и устраивается там. И когда стало смеркаться, Тормод увидел, что братья

гребут к берегу. Торкель сидел на носу, Торд посередине, Фальгейр на корме.

Вот корабль касается берега, и Торкель встает; он перелез через штевень и хочет подтянуть корабль к себе. В это время Тормод выходит из сарая; братья были уверены, что перед ними Одди Вшивец. Тут Тормод бросается на Торкеля и рубит ему голову с обеих рук так, что раскалывает Торкелю череп; тот сразу же умер. Затем Тормод поворачивает вспять и сбрасывает тулуп наземь. Торд и Фальгейр бегут вслед за ним. Тормод бежит быстро и держит путь к прибрежным скалам над своей пещерой, и ему удается первым спрыгнуть на выступ перед входом в пещеру. А когда Тормод уже был внизу, за ним прыгает Торд; при приземлении он сгибает колени и наклоняет туловище вперед. Тут Тормод рубит его между лопаток с такой силой, что секира села по рукоятку. И прежде чем он успел вытащить секиру из раны, на выступ спрыгнул Фальгейр и тотчас ударил Тормода. Удар пришелся тому между лопаток, и это была большая рана. Тогда Тормод скользнул Фальгейру под руки, ибо он оказался без оружия.

Тормод чувствует, что у него меньше сил, чем у Фальгейра. Он понимает, что его дело не слишком хорошо, он лишился оружия и сильно ранен. Он обращает тогда свои мысли к Олаву конунгу в надежде, что удача конунга поможет ему выдюжить. Тут секира выскальзывает у Фальгейра из рук и падает со скалы в море. Теперь Тормоду кажется, что дело его чуть лучше, раз оба они лишились своего оружия. И вслед за этим оба они падают вниз со скалы в море. Теперь они пытаются утопить друг друга, и то один, то другой оказываются внизу; Тормод чувствует, что ослабел от большой раны и потери крови.

Но поскольку Тормоду не было суждено умереть в этот раз, бечева на штанах Фальгейра лопнула[136]; тогда Тормод стащил с него штаны и перехватил ему ноги. После этого Фальгейру стало тяжело держаться на плаву; он то и дело погружается в пучину и каждый раз хлебает сверх меры. Затем всплывают его ягодицы и плечи, а перед самой смертью из воды появилось лицо; рот и глаза были открыты, и со стороны это выглядело так, как будто человек ухмыляется. Кончилось у них тем, что Фальгейр утонул. К этому времени Тормод совсем обессилел. Он выбрался на какую-то шхеру, заполз там на камень и лег. Он уже не надеялся, что ему удастся выжить, ибо он был очень утомлен и тяжело ранен, а до берега было далеко[137].

Теперь следует рассказать об Одди Вшивце. Он пошел, как обещал Тормоду, и рассказал Скуву и Бьярни, что днем ему случилось встретить на дороге человека, который назвал себя Торрадом, поменялся с

ним верхней одеждой и велел ему прийти на Столбовой Мыс и рассказать Скуву с Бьярни об их встрече и обмене одеждами.

Скув и Бьярни признали плащ и поняли, что Тормод посылает к ним Одди Вшивца с известием, что он собрался совершать большие дела. Вечером они тайком взяли лодку и ночью поплыли к другому берегу. А когда они приближаются к пещере, на одной шхере они замечают что-то живое и спрашивают друг друга, не тюлень ли это. Тогда они гребут к шхере, поднимаются на нее, видят лежащего на камне человека и узнают в нем Тормода. Они спрашивают его о новостях, а он рассказывает им о том, что произошло ночью.

Скув сказал:

— В самом деле не зря ускользнул ты на тинге в Дворах, если за один вечер убил троих витязей знатного рода.

Тормод сказал:

— До того, как вы пришли сюда, я думал, что окончу жизнь здесь на шхере. А теперь мне кажется вполне вероятным, что я излечусь и тогда вновь окажется, что ускользнул я не зря.

Они расспрашивают его о поединке с Фальгейром. Тут Тормод сказал вису:

[№ 27]

Я еще плескался,
вдруг всплывает гузно,
— дылда сдох постыдно —
лишь очко зияло.
Зрел я богохульство
Улля вьюги лезвий
— лупится да лыбится
на меня верзила[138].

Скув и Бьярни положили Тормода на полотнище и отнесли на корабль, ибо сам он идти не мог. Потом они забрали из пещеры его одежду и скарб, так как им показалось, что оставаться там он больше не сможет. После этого они идут на веслах вглубь фьорда.

В устье Фьорда Эйрика у подножия ледников жил человек по имени Гамли. Он был беден и не держал в доме прислуги. Гамли был бывалый охотник. Он был женат, и жена его звалась Грима; это была женщина сурового нрава, искусная во всем. Она была хорошей врачеей и ведала древние обычаи. Кроме Гримы и Гамли, никого в доме не было. Гамли и Грима редко встречались с другими людьми, и люди редко их навещали.[139]

Скув и Бьярни пристали к берегу недалеко от хутора Гамли. Скув поднимается к дому, а Бьярни сидит возле Тормода. Хозяева хорошо встретили Скува и предложили ему свою помощь.

— У нас с собой раненый, и я бы хотел, чтобы вы его вылечили.

Грима говорит:

— Кто же он?

Скув отвечает:

— Ранен Тормод, скальд и дружинник Олава конунга.

— Кто нанес ему раны? — говорит она.

Скув рассказывает ей о том, что произошло.

— Случилось большое событие, и человек этот навлек на себя тяжкие невзгоды; трудно решиться принять того, кого осудили родичи Торгрима, тем паче, что он совершил столь великие подвиги, уже будучи вне закона.

Скув сказал:

— Я по справедливости заплачу тебе, если из-за него против тебя начнут тяжбу, а его содержание не будет тебе в убыток.

На этом они прекращают разговор, и Грима берется принять Тормода; тогда его относят наверх к хутору, и Грима промывает ему раны и перевязывает их. Тормоду тут же немного полегчало. Скув и Бьярни уезжают домой на Столбовой Мыс.

Новости эти всем показались большими, но правда о случившемся стала известна не скоро, ибо когда отыскалось тело Фальгейра, многие уверились, что Тормод тоже там утонул. Раны Тормода заживали плохо, и он лежал двенадцать месяцев. Когда исполнился год после этих событий, Тормод мог ходить между покоями и очагом, и раны его еще не вполне затянулись.

Следующей весной случилось так, что Тордис с Акульего Мыса стала громко стонать во сне, и люди решили, что ее нужно разбудить. Но Бёдвар, ее сын, сказал:

— Дайте моей матери досмотреть сон, ибо не исключено, что сейчас старая видит то, что ей нужно знать.

И ее не будят. Проснувшись, она тяжело дышит.

Бёдвар, ее сын, сказал:

— Ты тяжко стонала во сне, мать. Что же тебе привиделось?

Тордис отвечает:

— Этой ночью я много носилась на посохе, и мне открылись вещи, которых я раньше не знала[140].

Бёдвар сказал:

— Что же именно?

Тордис отвечает:

— Тормод, убийца моих сыновей, а твоих братьев, жив и гостит у Гамли с Гримой на отшибе Фьорда Эйрика. Я хочу сейчас же ехать к ним, схватить Тормода и отплатить ему лютой смертью за то горе, которое он нам причинил. Мы заедем на Крутой Склон и попросим Торкеля ехать с нами, ибо он будет сердиться, если с Гамли и Гримой поступят дурно, ведь Торкель очень благоволит к ним.

Бёдвар говорит, что готов выехать, когда она хочет. И они встают посреди ночи и берут свой баркас, и на борту у них пятнадцать человек. Они гребут к Фьорду Эйрика. В это время года ночью там уже можно видеть дорогу.

Рассказывают, что когда Тордис со своими спутниками была уже в пути, Грима стала тяжко стонать во сне. Тормод сказал Гамли, чтобы тот разбудил ее.

Гамли отвечал:

— Грима не велит будить ее, ибо во сне она обычно видит то, что ей кажется важным.

На этом они прекращают разговор, и вскоре после этого Грима просыпается. Тогда Гамли сказал:

— Тяжко стонала ты во сне, Грима. Что же тебе привиделось?

Грима отвечает:

— То, что я теперь знаю, что Тордис с Акульего Мыса выехала с пятнадцатью работниками из дома и держит путь сюда к нам, ибо через ее бесовство ей открылось, что Тормод гостит у нас, и она замышляет убить его. Поэтому хочу, чтобы ты сегодня не выезжал на охоту и оставался дома, ибо даже если считать, что вас, мужчин, в доме двое — это не слишком много против пятнадцати человек. К тому же Тормод пока что не может держать оружие. Однако я не стану посылать вас на ледники, и вы останетесь дома.

Тордис ехала всю ночь, пока не прибыла на Крутой Склон. Торкель радушно ее встречает и предлагает им всем зайти в покои.

Тордис говорит:

— Дело обстоит так, что я намерена ехать к Гамли и Гриме, людям твоего годорда, ибо до меня дошли точные вести, что там живет наш супостат Тормод, о котором многие думают, будто он утонул. Я бы хотела, чтобы ты поехал сейчас с нами и помог нам добиться своего по закону. Если ты внимаешь нашим речам, тебе доподлинно известно, какое у нас дело к Гамли и Гриме.

Торкель отвечает:

— Непохоже на то, что Грима станет укрывать твоего супостата, но я поеду, раз вы этого хотите.

Затем Тордис и ее спутники завтракают. Торкель же собирает людей, так как он не желал зависеть от Тордис и Бёдвара в случае, если они не столкуются. Когда все насытились, Торкель поднимается на свой корабль сам двадцатый, и те, и другие пускаются в путь.

У Гримы, жены Гамли, был большой стул, на спинке которого был вырезан Тор: это был большой истукан. Утром Грима сказала:

— Теперь я укажу вам работу на день. Свой стул я выставлю посреди покоев. Я бы хотела, Тормод, чтобы ты сидел там, когда в дом придут. Я не хочу, чтобы ты вставал со стула, пока Тордис на хуторе. Даже если тебе покажется, что рядом что-то происходит, или что к тебе идет враг, все равно не трогайся с места, ибо если тебе суждено умереть, прятаться по углам бесполезно.

Пусть Гамли поставит котел и варит тюленя: бросай в огонь мусор и устрой так, чтобы дом наполнился дымом. Я сяду в дверях и буду мотать пряжу и встречать приходящих.

И вот, все исполнено так, как велела Грима. Когда корабли Торкеля и Тордис показались у берега, Тормод садится на стул. Гамли уже поставил котел и бросил мусор в огонь; тут дом наполнился густым дымом. От этого стало так темно, что ничего нельзя было разглядеть. Грима сидела у порога и мотала пряжу; она говорила себе под нос что-то такое, чего другие не могли разобрать.

Вот корабли касаются берега, и люди поднимаются к хутору; первым идет Торкель. Грима приветствует его и предлагает ему зайти.

Торкель сказал:

— С нами приехала Тордис с Акульего Мыса, и она почитает за правду, что ее супостат Тормод у вас. Мы хотим, чтобы ты выдала Тормода, если знаешь, где он, и ты берешь на себя слишком много, если держишь у себя того, кого Тордис и ее сын Бёдвар объявили вне закона.

Грима отвечает:

— Мне странно, что Тордис думает обо мне, будто я, сидя с одним человеком в доме, стану держать у себя супостата столь могущественных людей, как мать с сыном с с Акульего Мыса.

— Это и в самом деле странно, но все же мы хотим обыскать твои помещения.

Грима сказала:

— Ты мог обыскать мой хутор, даже если б не взял с собой столько народа. Мне всегда по душе, когда ты входишь в мой дом, но эти наглецы из Фьорда Эйнара мне противны, и мне не по душе, что они оскверняют мое жилье.

Торкель сказал:

— Мы с Тордис зайдем в дом вдвоем и обыщем его.

Они так и делают — идут внутрь и обыскивают дом; это не заняло много времени, так как хутор был маленький. Они открывают дверь и покои, но там стоял плотный дым, и они ничего особого не заметили. Весь дом был полон дыма, и они пробыли внутри, пожалуй, меньше, чем могли бы, если б не дым. Затем они выходят, и после этого обыскали двор.

Тут Тордис сказала:

— Из-за дыма я не могла ясно видеть, что к чему в покоях. Сейчас мы поднимемся на стену, снимем задвижки, выпустим дым и посмотрим, нет ли в покоях чего особенного.

Теперь Бёдвар и Тордис взбираются на стену и снимают задвижки; тогда дым выходит наружу. Тут стало видно все покои; они замечают и стул Гримы, стоящий посреди пола. Они видели, что на спинке стула вырезан Тор со своим молотом, но они не увидели Тормода. Бёдвар и Тордис слезают со стены и идут к дверям.

Тут Тордис сказала:

— Грима все еще не оставила древнюю веру, раз на спинке ее стула вырезан истукан Тора.

Грима отвечает:

— Я редко хожу в церковь слушать речи ученых людей, ибо церковь от меня далеко, а дома мало народу. И ныне, когда я гляжу на деревянный истукан Тора, мне первым делом приходит на ум, что в моих силах сломать и сжечь его, как только я захочу. Насколько же выше тот, кто создал землю и небо и все видимые и невидимые вещи; он дает всему жизнь, и никто не в силах его превозмочь[141].

Тордис отвечает:

— Не исключено, что ты так и думаешь, однако я полагаю, что мы бы заставили тебя сказать больше, если бы поблизости не стоял Торкель со своими людьми, ибо есть у меня чувство, что ты все-таки знаешь, где Тормод.

Грима отвечает:

— Все идет по речению: «часто сбивается тот, кто гадает», а еще, что «кто не обречен, тот чем-нибудь да прикрыт». А тебе надо пожелать, чтобы святые хранители не позволяли сидящей в тебе вражьей силе подбивать тебя на дурные дела так часто, как ты этого хочешь. Удивительно, как люди этого порой не замечают, но вовсе неудивительно, что Враг не верит правде, когда ее допытывается.

Сказав это друг другу, они расстаются. Торкель едет домой на Крутой Склон. Тордис тоже едет домой.

Скув и Бьярни ездят тайком к Гамли и Гриме, привозят им вещи, которых тем не хватало, и с лихвой возмещают им содержание Тормода.

XXIV

Когда Тормод исцелился от ран, которые нанес ему Фальгейр, Скув и Бьярни привезли его на Столбовой Мыс и тайком держали у себя в сарае. Там Тормод провел третью зиму.

Той же зимой Скув и Бьярни продали хутор на Столбовом Мысу и прочие свои земли, вкупе со всем скотом; они собрались уезжать из Гренландии. Ранней весной они снарядили свой корабль и спустили его на воду. Тут Тормоду захотелось выйти из сарая: он сказал, что у него неотложное дело в одном фьорде на севере. Затем он достает себе лодку. Эгиль Дурачина вызывается ехать с ним; Эгиль садится на весла, а Тормод правит. Эгиль был хороший гребец и умел плавать.

Погода была ясной и хорошей, светило солнце и почти не было ветра. Они гребут на север к Фьорду Эйнара и идут вдоль по фьорду. Как только они вошли во фьорд, Тормод забеспокоился и помрачнел и стал то и дело наклонять корабль.

Эгиль сказал:

— Откуда у тебя такие глупые ухватки? Ты ведешь себя, как безумный: неужели ты хочешь опрокинуть наш корабль вверх дном?

Тормод отвечает:

— Не по себе мне.

Эгиль сказал:

— Из-за твоих выкрутасов я совсем не могу грести, и если ты хочешь, чтобы мы оба остались в лодке, не веди себя по-зверски.

Но что бы ни говорил на этот счет Эгиль, кончается тем, что Тормод переворачивает суднов верх дном. Тормод выбирается из под днища и тут же делает другой нырок, а за ним — третий, и так — до самого берега. Секира была при нем.

Эгиль выныривает возле берега и залезает на киль: там он переводит дыхание, озирается и ищет глазами Тормода, но нигде его не находит. Тогда Эгиль переворачивает лодку как надо и вслед за этим садится на весла; он гребет прочь из фьорда и идет на веслах до самого Столбового Мыса; там он рассказывает Скуву и Бьярни всю правду о своей поездке и добавляет, что, по его мнению, Тормод погиб. Им это событие показалось странным: они решили, что все это не случайно, и заподозрили, что Тормод жив.

Теперь следует рассказать, чем занимался Тормод после того, как вышел на берег. Сперва он выжал свою одежду, а затем тронулся в

путь и шел, пока не пришел к Скале на хутор Сигрид. Это было на склоне дня. Тормод постучал в дверь, и наружу выходит какая-то женщина; она приветствует его и идет обратно в покои.

Тормод идет вслед за ней и садится на заднюю скамью с краю. Сигрид начала беседу и сказала:

— Кто это пришел?

Он отвечает:

— Меня зовут Освивр [т. е. «Беспокойный»][142].

Сигрид сказала:

— Каждый таков, каково его имя. Хочет ли Освивр остаться здесь на ночь?

Он отвечает и говорит ей, что хочет.

Утром Сигрид завела с ним беседу и спросила, что позвало его в дорогу.

Тормод сказал:

— Вчера я не зря назвался Освивром.

Она отвечает:

— Я сразу признала тебя, хоть раньше и не видела, и ты — Тормод Скальд Чернобровой.

Он отвечает:

— Бесполезно темнить, ибо ты верно распознала того, кого назвала. Что до меня, то я собираюсь на Длинный Мыс к Тордис дочери Эйнара и хочу встретиться с ее сыном Льотом: оба они часто вели обо мне мерзкие речи[143].

Сигрид сказала:

— Тогда мой сын Сигурд пойдет вместе с тобой; Льот и Торунн с давних пор обходились с нами круто.

Тормод сказал:

— По-моему, Сигурду не стоит идти со мной, ведь если между нами и Льотом что-нибудь приключится, вы не сможете удержать свой хутор.

— Я охотно поступлюсь хутором, — сказала Сигрид, — ради того, чтобы осрамить Льота.

И вот Сигурд идет с Тормодом на Длинный Мыс к Торунн. Там они стучат в дверь, и наружу выходит какая-то женщина и приветствует их.

Сигурд спросил, дома ли Льот. Та отвечает:

— Он в покоях.

Сигурд сказал:

— Проси его выйти.

Служанка заходит внутрь и говорит Льоту, что его просят выйти.

Тот отвечает:

— Кто просит?

— Сигурд со Скалы,— говорит она,— и с ним другой человек, которого я не признала.

— Каков на вид тот, кого ты не признала?

Она отвечает:

— Черноволосый и смуглый.

Льот сказал:

— Похож он, по твоему рассказу, на Тормода, нашего супостата.

Затем Льот идет в сени вместе с женщинами, которые были в доме. Льот берет в руку копье и выходит в двери; он признает Тормода и тут же бьет его копьем в живот.

Тормод отбил удар своей секирой и отвел копье вниз; удар пришелся в ногу ниже колена, и это была большая рана. Ударив Тормода, Льот наклоняется вперед, и в этот миг Сигурд рубит Льота между лопаток и сильно ранит его. Льот бросился назад в сени. Тормод ударил вдогонку, и удар пришелся Льоту в бедро и распорол ногу от бедра до голени; секира же вонзилась в порог. Льот упал в дверях; женщины выскочили вперед и захлопнули за ним дверь. Тогда Тормод и Сигурд повернули обратно.

Тормод говорит Сигурду, чтобы тот шел домой к Скале,

— и расскажи новости своей матери, а я позабочусь о себе сам,— говорит Тормод.

Тут они расстаются. Сигурд идет домой к Скале и рассказывает своей матери о том, что произошло.

Сигрид сказала:

— Мой тебе совет — ехать к Скуву и добиваться, чтоб он взял тебя к себе. Скажи ему, что я хочу продать свою землю и уехать с ним из Гренландии.

Теперь Сигурд едет к Скуву и излагает то, что ему было поручено. Скув принимает Сигурда и продает землю Сигрид; хутор ее он разбирает и свозит имущество к кораблю.

Тормод перевязывает свою рану и спускается на берег к корабельному сараю Торунн; он видит, что корабль уже спустили на воду и догадывается, что это, должно быть, работники Торунн вывели его во фьорд. Тогда Тормод пошел к морю и устроил себе лежанку в куче водорослей; там он лежит весь день[144].

А когда стало вечереть, Тормод слышит шум весел и догадывается, что работники Торунн вышли на берег. Они говорят так:

— Утром будет вёдро, а нам выходить во фьорд. Не будем на ночь запирать наш корабль в сарае, и пусть он остается в заводи на плаву.

Они так и делают, и затем идут домой. В это время было уже темно.

И вот, когда работники ушли домой, Тормод поднимается и идет к месту, где качался на волнах корабль; он отвязывает канаты, садится на весла и гребет от берега, рассчитывая попасть на хутор в Заливе.

В тот же вечер на Акульем Мысу Тордис ложится спать; во сне она тяжко стонет. Проснувшись, она сказала:

— Где мой сын Бёдвар?

Тот отвечает:

— Я здесь, мать. Чего ты хочешь?

Она отвечает:

— Я хочу, чтобы мы вышли во фьорд, ибо там есть пожива.

Бёдвар ответил:

— Что это за пожива?

Тордис сказала:

— Тормод, наш супостат, плывет по фьорду один, и мы должны пересечь ему путь.

С Тордис выехало пятеро работников. И вот ночью они идут на веслах по фьорду.

Тормод слышит шум весел и людскую речь, и ему приходит на ум, что это Тордис с работниками вышла во фьорд. Ему кажется, что если его обнаружат, участь его будет не слишком завидной.

Неподалеку от Тормода был маленький островок. Он был невысок, и во время прилива островок заливало, но в промежутках волны его не захлестывали. Вот что предпринял Тормод: он перевернул свой корабль, а сам добрался до островка вплавь. Весь островок был покрыт клочьями водорослей. Тормод роет себе яму между двух камней и кладет поверх водоросли.

Тордис и ее люди ночью плывут по фьорду и видят на поверхности воды что-то черное. Что это, они не знают, гребут ближе и видят, что на волнах качается перевернутый корабль, и весла остались в уключинах.

Тогда работники Тордис говорят:

— Здесь Тормод, должно быть, наскочил на камень и, вернее всего, утонул.

Тордис говорит:

— Нет, Тормод не утонул здесь. Скорее, он проведал о том, что мы выехали и сам перевернул свой корабль, чтоб убедить нас в том, что он мертв. Сам он, должно быть, приплыл на островок, и где-то там

спрятался. Так что пристанем к островку и обыщем его. Прощупайте весь островок наконечниками копий более одного раза.

Они сделали по ее слову, но Тормода не нашли. Им показалось, что надежды найти его на островке нет.

Тордис сказала:

— Думаю я, что он тут, хоть вы его и не видите. Если теперь Тормод слышит мои слова, пусть он ответит мне, если у него сердца мужа, а не мерина.

Тормод слышал, что сказала Тордис и хотел ответить ей, но не смог, потому что рот ему — как ему самому показалось — словно закрыли ладонью[145].

После этого Тордис и ее люди уезжают прочь с чем приехали и уводят с собой тот корабль, на котором приплыл туда Тормод.

И вот, когда они уехали, Тормод поднимается из водорослей. Он бросается в воду и плывет к берегу тем путем, который ему показался кратчайшим. По пути он вылезает на ближние шхеры и делает там передышки. И вот, когда до берега оставалось недалеко, Тормод выбрался на какую-то шхеру; он изнемог так, что уже не мог никуда двинуться.

В ту же ночь Грим Бонд из Залива[146] видел сон, будто к нему явился человек. Он был хорош собой и важен, среднего роста, приземист и широкоплеч. Этот человек спросил Грима, бодрствует он, или спит.

Тот отвечает:

— Я-то не сплю, а вот ты кто такой?

Человек из сна говорит:

— Я конунг Олав сын Харальда, и у меня есть к тебе дело: я хочу, чтобы ты поехал за Тормодом, моим дружинником и скальдом, и выручил его из беды, ибо он лежит на одной шхере неподалеку от берега и не может оттуда выбраться. А для того, чтобы ты знал, что все, открывшееся тебе,— правда, я укажу тебе, что тот чужеземец, который остался у тебя зимовать и назвал себя Гестом,— так вот, его имя — Стейнар, по прозвищу — Хельгин Стейнар. Он родом исландец и поехал в Гренландию для того, чтобы отомстить за Торгейра сына Хавара[147]. Но хотя Стейнар большой удалец и человек отважный, все же ему не суждено отомстить за Торгейра и пусть его отвага найдет себе другое применение.

И вот, когда конунг Олав это сказал, Грим просыпается. Он будит Геста и велит ему подниматься. Тот так и делает, берет свое оружие и выходит к Гриму. Они сели, и Грим сказал:

— Как, ты говоришь, твое имя?

Гест говорит:

— Ты что, не помнишь, Грим, что я говорил об этом раньше?

Грим ответил:

— Конечно, я помню, как ты назвал себя, но спрашиваю я о том, зовут ли тебя так, как ты назвался.

Гест отвечает:

— Почему бы нет?

Грим сказал:

— Потому, что твое имя Стейнар, и в твоей стране тебя называют Хельгин Стейнар.

Гест сказал:

— Кто тебе это сказал?

Грим ответил:

— Олав конунг.

Гест сказал:

— Когда ж ты встретил этого Олава конунга?

Тут Грим рассказал ему свой сон.

Гест отвечает:

— То, что во сне касается меня,— правда.

Затем Стейнар и Грим поехали искать Тормода и нашли его там, где указал Олав конунг. Они отвезли Тормода к себе в залив, держали его у себя в потайном месте и лечили его. А когда Тормод исцелился от ран, которые ему нанес Льот, Стейнар везет Тормода к их кораблю. Скува тогда на корабле не было. Затем Стейнар съехал с хутора на Заливе и перебрался на корабль. Тормод поступил так же.

Скув задержался до самого конца тинга. На тинге Бёдвар сын Тордис объявил Сигурда сына Сигрид вне закона за раны, нанесенные Льоту. После тинга Скув собрался выходить в море. И в то утро, когда Скув собирался отплыть, Тормод и Гест без спроса Скува сели в лодку и отплыли прочь. Они зашли во Фьорд Эйнара и поплыли к хутору Торунн. Тут они увидели корабль, а на нем четырех людей; они вышли во фьорд за рыбой. Они признали среди этих четверых Льота сына Торунн. Тормод и Стейнар тотчас подходят к нему и вступают с ним в бой. Кончается их встреча тем, что Льот пал, и с ним те трое, что были на его корабле. Затем Тормод со Стейнаром едут обратно к кораблю, и Скув уже был готов к отплытию. Тут Тормод и Скув всходят на корабль. А Стейнар остался на берегу; он едет затем на Крутой Склон к Торкелю.

Скув и Бьярни выходят в море. Ветер им благоприятствует, и плавание их удачно; они достигают Норвегии. И как только корабль коснулся берега, они разделили свое имущество: к Бьярни отошел корабль, а Скув получил свою долю деньгами.

Бьярни держит путь в Данию и идет оттуда на юг в Рим в обитель святого Петра апостола с Павлом апостолом; по пути в Рим Бьярни умер.

Сигрид и ее сын Сигурд купили в Норвегии земли и жили там до конца своих дней.

Скув и Тормод поехали к конунгу и оставались с ним до самой смерти. Конунг сперва не жаловал Тормода. К конунгу явился человек, назвавшийся Гримом; он был исландец родом[148]. Грим говорил, что отомстил за Торгейра сына Хавара прежде Тормода. Конунг оказал Гриму почести и одарил его. Тормод же знал, что Грим замешан в гнусном деле и злодейски умертвил человека в Исландии.

И Тормод подошел к конунгу и сказал вису:

[№ 28]

Наградили Грима
— едок стих недаром —
не в пример щедрее,
чем меня, без нужды.
Справил пса работу
лиходей ретивый,
я ж умножил славу
и свою, и княжью[149].

Конунг сказал:

— Думаешь, Тормод, что покрыл себя в Гренландии большей славой, чем Грим в Исландии?

Тормод отвечает:

— Это дело решенное.

Олав конунг сказал:

— Что же славного совершил ты в Гренландии?

Тормод отвечал:

[№ 29]

Ствол, сразил я Тролля
— наземь грянул нравный —
ливня стрел, но Лодин
был повержен прежде.
Торкель сгинул твердый,
Умер Торд четвертый,
Пал в черед последний
Фальгейр достохвальный[150].

Олав конунг сказал:[151]

— Ты наубивал в Гренландии похлеще иного рыбака. Ведь рыбаки говорят, что откупились от рыбы, если они вытащат одну рыбу для себя, другую за лодку, третью — за крючок, четвертую — за брод. На этом ты не остановился; зачем убил стольких людей?

Тормод ответил:

— Мне не понравились, что они сравнили меня с кобылой, ибо они уподобили меня кобыле и говорили, будто у меня с людьми так, как у нее с жеребцом.

Конунг сказал:

— Вполне понятно, что такое сравнение тебе не понравились; однако ж и ты совершил немало.

Тут Тормод сказал вису:

[№ 30]

Я тавро срамное
Выжегши сутяжным
Сукодеям брани,
Шуганул гренландцев;
Ой ли боебоги
Бурь мечей залечат
Кольца на закорках
Мыса, аль солгал я[152].

— Так, наверное, и есть,— говорит конунг,— не скоро зарастет то тавро, которое ты на них выжег.

И Тормод жил у Олава конунга в почете и прославился как муж редкой отваги, надежный во всех испытаниях.

Тормод уехал из страны вместе с Олавом конунгом и разделил вместе с ним все невзгоды изгнания. И вернулся в Норвегию он с ним же, ибо ему казалось, что лучше умереть вместе с конунгом, нежели пережить его.

А когда конунг подошел в Трандхейме к долине, которая называется Верадаль, и узнал, что трёнды обложили его, он в шутку спросил Тормода:

— Что бы ты сейчас предпринял, если б был предводителем нашего войска?

Тогда Тормод сказал вису:

[№ 31]

Хижины сожжем мы
Те, что обнаружим
Хвербьёрга южнее,
за державу княжью.
Будь по мне, так вспомнил
всякий трёнд бы юга
от угла уголья
с головой угарной[153].

Олав конунг сказал:

— Не исключено, что удастся сделать как ты говоришь. Но мы примем иное решение и не станем жечь нашу собственную землю[154]. Однако мы подозреваем, что ты бы и сам не поступил так, как сказал.

В день битвы при Стикластадире[155] Олав конунг позвал Тормода и велел ему развлечь войско. А тот произнес Древние Речи Бьярки[156].

[№ 32]

День народился,
Кочет хлопочет,
Слугам сычужным
Пора за работу,
Не спите, вставайте
Споспешники свеев,
Конунга Адильса
Други все главны:

[№ 33]

Хар Крепкий Хваткой,
Хрольв Луком Меткий,—
Люд родовитый,
Спины не казавший;
Не браги пригубить,
Не с бабой шептаться
Я вас побуждаю,
А баловать Хильд[157].

Конунг сказал:

— Песнь избрана верно ввиду тех событий, что произойдут здесь сегодня, и я называю эту песнь Навострением Воинов[158].

Рассказывают, что днем перед битвой Тормод был довольно мрачен. Конунг увидел это и сказал:

— Отчего ты все время молчишь, Тормод?

Тот отвечает:

— Оттого, государь, что я не уверен, пойдем ли мы вечером оба в один приют[159]. Если ты мне теперь обещаешь, что мы оба пойдем одной дорогой, я вновь буду весел.

Олав конунг сказал:

— Не знаю, насколько мои речи могут помочь делу, но если что-нибудь здесь зависит от меня, вечером ты пойдешь туда же, куда и я.

Тогда Тормод обрадовался и сказал вису:

[№ 34]

Назревает, грозен,
— страх отринь, дружина —
Ати дождь. Над войском
Век ножей маячит.
Вдаль уйти, иль сдобрить
Брани стан — награды
Нет другой, правитель
дива струй пролива[160].

Конунг ответил:

— Так, наверное, и будет, как ты говоришь, скальд, и те люди, которые пришли сюда, либо спасутся, либо падут.

Тогда Тормод сказал вису:

[№ 35]

Оскудела скальдов
череда — когда же
ждать? — с провидцем веча
я навек пребуду.
С мудрым ратоборцем
рад бы обретаться —
— выложим по борту
щит на лыжу лужи[161].

Олав конунг сказал:

— Сигхвата скальда хочешь ты теперь опорочить, а делать это тебе не надо, ибо Сигхват предпочел бы быть здесь, если бы знал, как у нас тут жарко. И вполне может быть, что он еще принесет нам великую пользу[162].

Тормод отвечает:

— Так оно, возможно, и есть, но все же я полагаю, что строй возле стяга был бы совсем худым, если б так поступали многие.

Рассказывают, что в битве при Стикластадире, где пал Олав конунг, Тормод выделялся тем, что бился без щита и брони, и это придало ему славы. Он рубил широкой секирой с обеих рук и прошел через строй врага; никому из тех, кто встретился ему на пути, не хотелось искать под его секирой ночлега. Люди говорят, что когда битва уже была кончена, Тормод не был ранен. Это удручило его, и он сказал:

— Думаю я, что уж не попаду вечером в тот же приют, что и конунг, а жизнь теперь для меня хуже смерти.

И в тот миг, когда Тормод это сказал, в него вонзилась стрела и пришлась в грудь, и Тормод не знал, откуда она была пущена. Рана обрадовала его, ибо он понял, что она принесет ему смерть. Он идет к амбару, где было много раненых воинов конунга. Какая-то женщина грела в котле воду для промывки ран. Тормод подходит к загородке и опирается на нее.

Женщина сказала Тормоду:

— Ты из людей конунга, или из войска бондов?

Тормод сказал вису:

[№ 36]

Видел всяк, шли скопом
средь полей с Алейвом.
Язв не счесть, вестимо,
— в пре секир несть мира.
Скальд изведал градин
хлад, блестит слюдою
щит мой, и лишь шуйцей
меч вздымать могу я[163].

Женщина сказала:

— Если ты ранен, почему не даешь перевязать себе раны?

Тормод отвечает:

— У меня лишь те раны, что не требуют перевязки.

Женщина сказала:

— Кто из людей конунга бился сегодня всего лучше?

Тормод говорит:

[№ 37]

Яр, добавил Харальд
жар полей с Алейвом.
Двигся в стрёме стали
С Хрингом Даг на тинге.
Пред полком на пажить
Княжича, ступили,
— пил глухарь густую
брагу ран — четыре[164].

Тогда женщина еще раз спросила Тормода:

— Как бился сам конунг?

Тормод сказал вису:

[№ 38]

Встык при Стикластаде
Нудил люд владыка,
Щедр душой, на дышло
крови ток направив.
Защищался в тряске
трутней Тротта каждый;
Непреложно — вождь наш
не берегся в буре[165].

В амбаре было много тяжелораненных, и там стоял громкий стон, какой часто сопутствует глубоким ранам. И вот, когда Тормод произнес эти висы, в амбар вошел человек из войска бондов. Услыхав, как громко отдаются стоны раненых, он сказал:

— Неудивительно, что конунгу не удалась битва против бондов, раз его сопровождали столь малодушные люди как эти, ибо о тех, кто в амбаре, по-моему, вполне можно сказать, что они вообще не могут сносить свои раны без вопля.

Тормод говорит:

— Значит, ты считаешь, что людям, которые собрались здесь, не хватает выдержки?

Тот отвечает:

— Я убежден, что здесь собралось вместе много людей нестойких.

Тормод сказал:

— Может статься, что в амбаре в самом деле есть человек, которому недостает мужества, и тебе моя рана вряд ли покажется тяжкой.

Бонд подходит к Тормоду и хочет осмотреть его рану. Тормод же взмахнул секирой и нанес бонду большую рану. Тот закричал от боли и громко застонал.

Тогда Тормод сказал:

— Я так и знал, что здесь найдется малодушный. Скверно ты поступаешь — меряешь чужое мужество, когда сам малодушен. Здесь у многих тяжелые раны, и никто не стонет по своей воле, и не вина этих людей, что раны их отдаются так громко. А ты стонешь и причитаешь, получив одну маленькую рану.

Тормод говорил все это, стоя возле загородки в амбаре. А когда их беседа закончилась, женщина, гревшая воду, сказала Тормоду:

— Отчего ты так бледен, парень, на тебе нет лица, как на трупе; почему же ты не даешь перевязать себе рану?

Тормод сказал вису:

[№ 40[166]]

Лик погас, но близок
Ласок час Костлявой.
Встрял зубец, стреножа
Рвоту ран, заржавлен.
Променял ли Меньи
мел остатний — метки
Датских стрел да бури
Дня — [саднят мне дюже][167].

И сказав это, он умер, стоя возле загородки, и упал на землю мертвый[168].

Харальд сын Сигурда закончил вису, которую произнес Тормод, вот что он добавил:

— «саднят мне дюже» — скальд, должно быть, хотел сказать: «метки бури дня саднят».

Этим, как было рассказано, завершилась жизнь Тормода Скальда Чернобровой. И здесь мы завершаем рассказ, который можем поведать о Тормоде, воине святого конунга Олава.

О Тормоде

I

Тормод Скальд Чернобровой был человек очень гордый, искусный во всем и хороший скальд; росту был среднего, смелости необычайной. После гибели своего названного брата Торгейра Тормод долго не находил себе места. В то же лето, когда погиб Торгейр, Тормод вышел в море на западе возле Брода, и о его пути не рассказывается, покуда он не объявился в Дании.

В то время Данией правил Кнут Могучий. Ему сказали, что Тормод очень выделяется как отвагой и удалью, так и умением скальда. Конунг посылает за Тормодом и велит ему предстать перед ним.

Тормод спешно собирается и идет в палаты; он подходит к конунгу и учтиво приветствует его. Конунг радушно встречает Тормода и тотчас приглашает к себе,

— О тебе идет молва,— говорит конунг,— что ты вполне подходишь для того, чтобы стать дружинником конунга и служить знатным людям.

Тормод отвечает:

— Это мне, государь, не с руки; не готов я сесть на место столь видных скальдов, какие были у вас до меня, да и нет у меня навыка сочинять о хёвдингах, подобных Вам.

Конунг сказал:

— Мы хотим, чтобы ты остался у нас.

Тормод тогда отвечает:

— Вряд ли нам это сподручно, государь: люди мы неспокойные, и вполне возможно, не сумеем сдержаться. А мне не по душе попадать из-за своего нрава в немилость, ибо порой я не силах поступать поперек своей воли. А еще не гневайтесь, коли скажу: кое-кто поговаривает, будто тем, кто гостил у Вас, выпало немного удачи.

Конунг сказал:

— Был у нас Торарин Славослов[1].

Тормод отвечает:

— Правда Ваша, государь, а все ж было время, когда всем казалось, что Торарину не снести головы. Я ведь, может статься, окажусь много худшим скальдом, чем Торарин.

Конунг сказал:

— Долго приходится убеждать тебя, Тормод, но иногда нужно быть настойчивым. Нетрудно понять, что мы очень хотим, чтобы ты служил нам.

— Господь отблагодарит вас, государь,— говорит Тормод,— служить вам — почет немалый, а все ж положено знать и свою меру.

— Я вновь употреблю свою волю,— говорит конунг,— и ты, несмотря ни на что, поедешь ко мне; будешь получать от меня те же почести, что Торарин,— марку золота.

— Государь,— сказал Тормод,— если мы примем это условие, нам понадобится твоя поддержка и помощь, ведь я, как уже говорил вам, человек очень беспокойный.

Тут Тормод дает согласие, идет в дружину Кнута конунга и некоторое время живет в почете вместе с дружинниками[2]. Тормод часто развлекает конунга. И рассказывают, что он развлекал его лучше всех и часто слагал висы о том, что случалось вокруг. Конунг его привечал, но до большего, на что рассчитывал Тормод, дело все не доходит. Так проходит лето.

II

Зимой, как рассказывают, в дружину приезжает человек по имени Харек[3]. Был он, говорят, злодей и великий викинг, но при этом друг Кнута конунга: Харек всегда привозил ему большую добычу и много сокровищ, и конунг высоко его ставил.

Рассказывают, что конунг спрашивает Харека, было ли лето удачным, а тот говорит, что нет, потерял он, мол, того, кто стоял на носу его корабля,—

— и я хочу Вас просить, государь, чтобы вы дали мне другого бойца на его место. А прежний был человек не простой — он за словом в карман не лез, когда надо было держать ответ — как бранью, так и хвалой.

Конунг, поразмыслив, говорит, что приглашает Харека к себе, если тот согласен: а свои походы пусть он оставит, и конунгу кажется подобающим, чтобы так было. Но Харек отвечает, что хочет приняться за прежнее. Зиму Харек проводит с конунгом. С Тормодом он был приветлив и искал его дружбы. Харек часто заводил с конунгом речь о бойце, дабы конунг его подыскал, но конунг с ответом не спешил.

У Тормода не было завистников, как это часто бывает с теми, кто в дружине недавно, и о ком идет добрая слава. И вот Харек говорит конунгу, что он выбирает себе в спутники Тормода. Конунг не возражал,

если сам Тормод не против, и вот спрашивают у Тормода, а тот не слишком-то рад предложению. Наконец, сам конунг заводит беседу с Тормодом и говорит, что хочет, чтобы Тормод ехал с Хареком.

Тормод отвечает:

— Более всего по душе мне быть, государь, с Вами, а этот Харек мне совсем неизвестен.

Тогда конунг приказывает Тормоду и говорит, что он лишит его своей милости, если Тормод все лето будет ему перечить. Тормод отвечает:

— Я больше бы хотел, государь, быть при Вас, но раз Вы настаиваете, отпираться не буду. Но хочу поставить условие: коли поплыву с Хареком, буду решать сам, где приставать, и когда отчаливать.

Конунг это обещает, и решили, что все будет так, как он просит. Вот подходит час, когда Харек с Тормодом должны покинуть дружину, и Тормод не получает из рук конунга обещанных, как ему казалось, даров. Оба они, конунг и Тормод, стоят теперь рядом. Тут Тормоду кажется уместным как-то напомнить об этом конунгу, и тогда он сказал такую вису:

[№ 1]

Славослову, кладезь
полоза отмерил,
мне ж макрели марку
посулил, и только.
С тех пор морокуем:
подаваться в море,
иль, моритель мрази,
почестей нам чаять?[4]

Конунг тотчас стаскивает с руки золотое запястье ценой в пол-марки и дает его Тормоду.

— Хвала Вам, государь,— говорит Тормод,— а все ж не пеняй нам за наше тщеславие, если я еще немного добавлю. Вы говорили, государь, что мне причитается с вас дар в марку золота.

Конунг отвечает:

— Так оно и есть, как ты говоришь, скальд, и медлить с этим не стоит.

Тут конунг снимает другое запястье и дает его Тормоду. И когда тот принял оба запястья, он сказал эту вису:

[№ 2]

Пусть всяк зрит, терзаем
завистью — запястья
ряжены в обручья
с княжьего подворья.
Гложет благодарность,
глад орла глушивший,
за болот уголья —
— млад владеет златом[5].

На этом они с Кнутом конунгом расстаются.

III

Тормод выходит теперь в море вместе с Хареком и стоит на носу его корабля. Летом они много плавают, и от Тормода была большая подмога, как в речах, так и в бою, и товарищи его очень ценят.

Рассказывают, будто в конце лета они однажды бросили якорь в заливе возле какого-то острова, и было это поздно вечером. Они видят, что мимо них проносится несколько кораблей, и во главе их идет дракон: это был внушительный корабль. Когда же дракон шел мимо корабля, на котором находился Тормод, один человек на драконе крикнул:

— Немедля прочь из заводи конунга! — говорит он.

Они хотят тут же убрать шатер и выйти из заводи, но когда это видит Тормод, он велит им не трогаться с места,

— Вспомните-ка,— говорит он,— наш уговор, что такие дела буду решать я.

Они же, его товарищи, отвечают ему, и просят его не гневаться впустую,

— ты ведь пока что можешь разрешить все к нашему благу, и пусть так и будет.

Дракон стремительно скользит вперед и приближается к кораблю товарищей Тормода, и людям на драконе кажется, что те не очень-то спешат освободить заводь[6].

Рассказывают, что воин на носу дракона встает, обнажает меч и рубит Тормода, а тот, не желая оставаться в долгу, рубит его в свой черед, и вышло так, что тот воин умер, а Тормод не пострадал.

Тормод тотчас прыгает со своего корабля на дракон, и держит перед собой щит; он бежит вдоль борта к помосту на корме[7]. Тогда на

драконе кликнули клич; все быстро узнают о случившемся. Тормода тут же схватили, а викинги немедля отплыли прочь, не заботясь о том, что станется с Тормодом.

Драконом правит Олав конунг, и вот ему говорят о том, что произошло, и что убийца схвачен, и конунг велит убить его, говоря, что тот сам навлек на себя свою участь.

И вот Финн сын Арни[8] слышит, что сказал конунг. Он подходит к человеку, который убил воина на носу, и хочет знать, кто он. Когда они встретились, Финн сказал:

— Как тебе хватило дерзости, парень, решиться прыгнуть на корабль конунга после того, что ты совершил?

Тормод отвечает:

— Я сделал это потому,— говорит он,— что готов рискнуть жизнью ради того, чтобы попасть под власть конунга.

Финн сын Арни тут же передает все епископу Сигурду, и просит епископа замолвить вместе с ним слово и добиться пощады для этого человека. Им обоим кажется, что тот вел себя мужественно от начала до конца, и вот они просят конунга помиловать его, и не жалеют ради этого слов.

Конунг спросил, чего ради он, совершив столь тяжкую провинность, отдался под его власть, раз уж он уже был на другом корабле. Услыхав эти слова, Тормод отвечает конунгу такой висой:

[№ 3]

Я любым уделом
удручен не буду:
одари им вдоволь,
удалой владыка!
С мудрым ратоборцем
рад бы обретаться —
— выложим по борту
щит на лыжу лужи[9].

— Да,— сказал конунг,— своим поступком ты явно показал, что не станешь держаться за жизнь, если тебе удастся попасть, куда ты хочешь[10]. Однако я полагаю, что ты попадешь туда, куда тебе предназначено. А как твое имя?

Тормод назвал себя,—

— и я названный брат Торгейра сына Хавара.

Конунг сказал:

— Тебе суждено больше удачи, чем Торгейру, и все же мне ясно, что ты склонен попадать в переделки, ведь ты, по-моему, совсем еще молод[11]. Сколько же всего убийств совершил ты?

Тут Тормод сказал вису:

[№ 4]

Шесть — как есть уместно —
месть — ненастья стали
вестников не стало —
я ль ховался в схватках?
Отаскал немало
олухов за лохмы
лихоимцам — прихоть, —
мне ж поди под тридцать[12]

Конунг сказал:

— Надо позаботиться о том, чтобы тебе не пришлось ждать еще тридцать лет. Однако смерть таких людей — это потеря, ибо ты — большой скальд.

Тормод отвечает:

— Сколько я еще проживу, ныне зависит во многом от Вас, но я надеюсь на снисхождение ради Торгейра сына Хавара, твоего друга и моего названного брата. Уехал я из Исландии прежде всего потому, что знал, что ты, верно, захочешь отомстить за своего дружинника и друга Торгейра сына Хавара. А я доподлинно знаю, что я — первый, кому положено мстить за Торгейра с Вашего ведома.

Конунг сказал:

— Раз уж мы повстречались, голову ты сохранишь. Я бы хотел, чтобы ты подыскал себе место где-нибудь вдали от меня.

Тормод отвечает:

— Жизнь просто так многого для меня не стоит, ведь Норвегии я не знаю, а к другим конунгам идти не хочу. Сделай одно из двух: прими меня к себе, или вели убить.

И вот, по ходатайству епископа, Финна и прочих людей, а еще потому, что Тормод понравился конунгу, конунг сказал:

— Встань, Тормод. Отныне будешь расплачиваться своей службой за того, кого убил. Такой человек, как ты, вполне подходит для того, чтобы ездить по моим поручениям.[13]

Тут Тормод сказал вису:

[№ 5]

Не утратит свита
— привечает каждым —
княжья кладезь воли
— словом слуг владыка.
Не радела сродня
для двора, но ровней
— чту труды иные —
встану среди гриди[14].

Конунг отвечает:

— Твои стихи очень занятны, и я думаю, что ты все-таки человек удачливый[15].

Тормод остался с конунгом, и тот относился к нему тем лучше, чем дольше Тормод находился при нем, ибо конунг понял, что Тормод — муж редкой отваги и никому не дает спуску.

О Торарине Дерзком

Жил человек по имени Торарин, по прозвищу Дерзкий. Жил он на Столбовой Усадьбе в Островном Фьорде и слыл человеком заносчивым и решительным. Отцом Торарина был тот Торд, который часто упоминается в саге о жителях Осинового Склона, а мать звали Хильд; она была дочерью Гаута сына Армода. Торарин был известным купцом.

Как-то раз Торарин привел свой корабль из плавания в Лавовую Заводь: он рассчитывал добыть себе лес для жилья. В это самое время в Заводи стоял корабль Торгейра сына Хавара, а тем летом Торгейра объявили вне закона за убийство Торгильса, родича Греттира сына Асмунда, и за скрытое убийство Торира с Корабельного Сарая. Торарин созвал своих людей и сказал:

— Случилось так, что здесь оказались те люди, которые многим ведомы своими бесчинствами; кое-кто потерял из-за них своих родичей, и теперь стоит решиться на месть. А сам Торгейр худший из людей.

После этого они приготовились к захвату кнёрра. Одного из спутников Торарина звали Мар, а другого Торир.

Когда Торгейр понял, к чему идет, он призвал своих людей обороняться и проявить мужество. Затем завязалась жестокая битва; нападавших было сорок человек, а защищавшихся гораздо меньше. Торгейр оборонял штевень и держался стойко. Когда ряды защитников поредели, натиск на штевень возрос. В этой схватке Торгейр сразил Мара с Ториром. и еще двоих человек, и пал сам. Всего он убил XIIII человек[1]. Торарин убил семерых и отрубил Торгейру голову; он увез ее к себе домой в Островной Фьорд и засолил.

Об этих событиях узнали повсюду. Многие превозносили это деяние и почитали его верхом смелости. Но Эйольв сын Гудмунда с Подмаренничных Полей в свой черед сказал, что редко случалось такое, чтобы дружинники конунга Олава оставались неотомщенными,

— и вовсе неясно, долго ли эти люди будут хвастать победой. К тому же мне говорили: что Торгейру пришлось сражаться с превосходящими силами. Правда, народ не любил Торгейра; однако ж он был мил конунгу.

Эйольв, как и его отец Гудмунд, был дружинником конунга Олава.

Когда люди собрались на альтинг, Торарин велел достать голову и сказал, что они возьмут ее с собой и предъявят в подтверждение совершенного. Торарин подошел к Скале Закона, когда там собралось очень много народа. Он взял слово:

— Всем тут, наверное, ведомо о тех событиях, которые случились прошлой осенью, когда Торгейр сын Хавара лишился жизни. Здесь присутствуют люди, которые должны были мстить ему и которые давали за его голову деньги. Я думаю, что ради них нужно предъявить свидетельство того, что я с этим делом справился. И я считаю себя владельцем тех денег, которые люди выложили за его голову. А если кто-нибудь сомневается в моем рассказе, может теперь взглянуть на нее,—

— и он поднял голову и показал ее.

Тогда Эйольв сын Гудмунда сказал:

— Я полагаю, что о смерть Торгейра — очень большая потеря, ибо, если я правильно понимаю — а нам это известно доподлинно — конунг Олав высоко ценил Торгейра сына Хавара, и тот был его дружинником. А ты, Торарин, слишком много взял на себя. Велика мощь владыки и много путей у конунга[2].

На этом они расстаются, и Торарин увез голову Торгейра обратно на север. Вернувшись в Островной Фьорд, Торарин сказал:

— Убийство Торгейра дольше сохранится в памяти людей, если мы положим его голову в курган возле Угловой Пристани.

Так и поступили.

Когда корабли пришли из Исландии в Норвегию, вести о гибели Торгейра и его товарищей дошли до конунга Олава. Конунг спросил, чьих рук это дело. Корабельщики рассказали, что сделал это Торарин Дерзкий, и что он усугубил убийство тем, что зимой положил голову в соль, а следующим летом привез на альтинг. От этих вестей конунг пришел в сильный гнев и сказал:

— Людей убивают часто. Но не доводилось слышать, чтобы убийцы так поступали[3]. И мы, конечно, желали бы, чтоб сделано это было руками обреченного[4].

В это самое время Тормод Скальд Чернобровой отправился в Гренландию убивать Торгрима Тролля и мстить за Торгейра сына Хавара. Он также сочинил поминальную драпу, которая подтверждает все эти события.

Конунг вызвал к себе человека по имени Сигурд; тот собирался плыть в Исландию. Конунг сказал Сигурду:

— Когда будешь в Исландии, поезжай к моему дружиннику и другу Эйольву сыну Гудмунда и вручи ему эти деньги. Здесь восемь марок весового серебра[5]. Я хочу передать ему эти деньги, и вместе с ними мою дружбу[6]. А взамен я хочу, чтобы Эйольв распорядился убить Торарина Дерзкого.

Сигурд взял деньги и отбыл своей дорогой; он вышел в море и привел корабль в Островной Фьорд. Вскоре устроили торжище и завязалась торговля.

Эйольв подъехал к кораблю и встретился с кормчим. Они условились о зимовке и о покупках, и Эйольв пригласил кормчего к себе; остальные устроились на зиму в Островном Фьорде. Когда Сигурд прибыл домой на Подмаренничные Поля, он излагает Эйольву послание конунга и выкладывает деньги.

— А взамен он хочет, чтобы ты умертвил Торарина Дерзкого за убийство Торгейра сына Хавара.

Эйольв поблагодарил конунга за дары и за дружбу.

— А с наказом, который он мне шлет, я рассчитываю справиться при помощи удачи конунга.

Осенью, когда люди отправились на разъездные тинги, Эйольв выехал вместе со своей свитой. Торарин Дерзкий тоже выехал с большой свитой. Вместе с ним ехал его раб по имени Грейп [«Хват»], большой и сильный[7]. Днем всадники двигались быстро, и раб пронесся на коне мимо Торарина, забрызгав того грязью. Торарин сказал:

— Будь ты проклят, мерзейший из рабов[8], вести себя со мной так! — и он бьет его по спине рукоятью меча.

Раб же повернулся и спросил, не хочет ли Торарин предложить какую-нибудь виру[9] ....

Пряди о названных Братьях

I

Торгейр и Тормод остались на лето на Косе[1], и все очень боялись их. Осенью они выехали к Дымным Холмам к Торгильсу сыну Ари и перезимовали у него. Весной с юга приехал *Иллуги Черный[2] сын Ари и с ним три десятка людей. Его радушно приняли. Иллуги рассказал своему родичу Торгейру, что уже договорился о том, что его вывезут из страны; корабль стоит на юге в Хрутовом Фьорде напротив Разлива, и для Торгейра куплено место. Затем Торгильс и Иллуги распорядились отвезти пожитки Торгейра на судно, но сами выезжать вслед не спешили и ждали, пока Торстейн сын Кугги[3] не уедет на альтинг. Поэтому первую половину альтинга они сидели дома на Дымных Холмах.

Как только Торгильс и Иллуги узнали, что Торстейн уже выехал на альтинг, они тронулись в путь с шестью десятками людей. Названные братья Торгейр и Тормод были с ними. Вот все едут, разбившись по несколько человек. Названные Братья подъезжают к реке, которая зовется Стремнина — она течет во Фьорде Гильса[4],— и тут Торгейр сказал:

— Как думаешь, есть ли где-нибудь двое других названных братьев, которые были бы нам ровней по доблести и отваге?

Тормод отвечает:

— Наверное, найдутся, если далеко поискать.

Торгейр сказал:

— А я думаю, что в Исландии других таких нет. Как ты думаешь, кто из нас двоих победит, если мы померимся силой?

— Этого я не знаю,— говорит Тормод,— но знаю другое: этот вопрос кладет конец нашему союзу и совместным походам.

В этот миг Торгейр проезжал реку вброд в том месте, что у подножия утеса. Шел снег, и конь почти плыл под ним; перейдя брод, он спешился. Тут он заметил, что Тормод повернул своего коня вспять[5]. Торгейр крикнул, чтобы Тормод подъезжал к утесу.

Тормод отвечает:

— Нынче мы впервые расстаемся друг с другом; поезжай и будь удачлив!

После этого Тормод поехал обратно по Фьорду Гильса и не делал передышки, покуда не прибыл в Горячее Жилье к своему отцу Берси.

Расставшись с Тормодом, Торгейр сел верхом и поехал вслед за своими; когда он прибыл на Грязное Жилье, люди Торгильса уже уехали в Свиную Долину. Торгейр ехал в большой спешке.

На Маровом Болоте жил человек по имени Хленни; у него был работник по имени Торви, по прозвищу Посох. Этот Торви спустился с хутора к реке за вязанкой хвороста; собрав хворост, он взвалил ношу себе на спину. В это время Торгейр ехал по другому берегу. Поравнявшись с Торви, Торгейр окликнул его и спросил об имени, но Торви этого не услышал, потому что звуки речи потонули в треске хвороста; Торгейр же хотел узнать про свой отряд и окликнул Торви еще несколько раз, но тот ничего не слышал. Вскоре Торгейру надоело кричать и он разгневался: у него и прежде было тяжело на душе. Он переправляется через реку и пронзает Торви копьем. Тот сразу же умер. Место, где это случилось, с тех пор называется Посошным Ручьем[6].

Торгейр ехал своей дорогой, пока не нагнал Иллуги с Торгильсом южнее Узкого Пролива. Он рассказывает им про убийство Торви. Они сочли известие дурным.

II

Торгейр отъехал немного вперед[7] и проезжал Крутую Гору[8] с юга; в этот час люди стояли там на дворе. Пастух уже пригнал скотину домой, стоял на выгоне, опершись на свой посох, и беседовал с другими людьми. Посох был коротким, а человек уставшим; стоял он поэтому ссутулившись, выгнув спину и вытянув шею. Увидев это, Торгейр занес секиру и с размаху опустил на шею. Секира была острой, и голова отлетела от туловища и далеко укатилась. Затем Торгейр поехал дальше, а у стоявших на выгоне опустились руки. Вскоре после этого хутор проезжали братья Торгисль и Иллуги[9]; им рассказали новости, и они сочли случившееся неподобающим. Рассказывают, что братья заплатили за это убийство виру от имени Торгейра. Потом они едут навстречу ему. Он приветствует их. Они спросили, ради чего Торгейр совершил это убийство, и чем этот человек не угодил ему.

Торгейр отвечает:

— Ничем он меня не обидел, но я взаправду не смог удержаться, раз он встал так удобно для удара.

— Из этого видно,— сказал Торгисль,— что руки не доведут тебя до добра. Однако мы заплатили виру за это убийство.

Затем все вместе едут к кораблю.

III

Следующей весной[10] случилось так, что Торгейр и Тормод выехали на север к Косе: они дошли до самого Углового Мыса. Однажды они отправились на скалы собирать дягиль[11] и на отроге, который с тех пор зовется Торгейровым, срезали много крупных стеблей. Тормод должен был вынести их наверх, а Торгейр остался внизу. Тут под его ногами осыпалась почва; спасло его то, что удалось зацепиться за стебель одного из растений. Торгейр повис на нем — а иначе бы он упал в пропасть: до земли было шестьдесят саженей, а под ногами прибрежные камни. Он не мог сам подняться наверх и остался висеть; звать Тормода на подмогу он ни в коем случае не желал, даже если бы пришлось упасть и разбиться насмерть, что было весьма вероятно. Тормод ждал его на вершине скалы — он полагал, что Торгейр сам поднимется к нему; когда же ему показалось, что Торгейр задерживается дольше положенного, он спустился на скальный уступ, окликнул Торгейра и спросил, чего ради тот не приходит и набрал ли он дягиля вдосталь. Торгейр отвечает ровным голосом, без тени тревоги:

— С меня будет довольно, когда оборвется тот, за который я держусь.

Тут Тормод заподозрил, что Торгейру самому не выбраться; он спускается на отрог и видит, что тот вот-вот сорвется. Тормод подхватывает его и вытаскивает наверх; к этому времени дягиль уже весь изогнулся. Затем они отправляются за поживой на побережье.

По этому случаю можно понять, что Торгейр был бесстрашен и не боялся смерти, а сила, удаль и боевая сноровка были при нем, как и подобает мужчине. Люди рассказывают, что однажды зимой на Дымных Холмах[12] гостили сразу трое — Торгейр, Тормод и Греттир Силач сын Асмунда, и силы Греттира и названных братьев были примерно равны, когда те были вместе. Рассказывают также, что Торгисля как-то спросили у Скалы Закона на альтинге[13], есть ли во всей Исландии люди храбрей его зимних гостей, которые вообще чужды страха, и Торгисль сказал, что это не совсем так:

— Ибо Греттир боится темноты[14], а Тормод боится Бога[15], — а вот Торгейр, по его словам, не боится ничего на свете и остается невозмутим в самый опасный миг.

После этого Торгейр с Тормодом поехали обратно на юг с той поживой, какую им удалось собрать. Торгейр вернулся на Холмы Дымов, а Тормод — к себе в Горячее Жилье. Летом Торгейр снарядил свой корабль к отплытию.

Сага о сыновьях Дроплауг

I

Жил человек по имени Кетиль, по прозвищу Гром. Он жил на Подворье в Обвальной Долине. Называют человека по имени Атли; это был брат Кетиля. Его называли Атли Каша. Братья владели хутором сообща и были людьми с достатком. Они постоянно ездили в другие страны по торговым делам и скопили немало добра. Братья Кетиль и Атли были сыновьями Тидранди[1].

Однажды весной Кетиль снарядил свой корабль — а корабль держал он на побережье Китового Фьорда — и затем они вышли в море. Они долго были в пути, к осени достигли Конунгахеллы[2] и вытащили там корабль на сушу. Затем Кетиль купил лошадей и выехал с двенадцатью людьми на восток в Ямталанд[3] к человеку по имени Вэторм. Тот был большим хёвдингом, и они с Кетилем были друзьями. Отцом Вэторма был Рёгнвальд, сын Кетиля Раумарикского[4]. У Вэторма было трое братьев. Одного звали Грим, другого — Гутторм, третьего — Ормар. Все они были великими воинами и зиму проводили вместе с Вэтормом, а лето в походе. Кетиль и его люди остались там на зиму.

На хуторе у Вэторма были были две странные женщины. Одна делала все, что поручали; другая сидела за шитьем — она была старше. А молодая справлялась с любой работой хорошо, но люди вокруг нее враждебно молчали. Она часто плакала. Кетиль обратил на это внимание.

Как-то раз, вскоре после приезда Кетиля, случилось так, что молодая женщина пошла к реке полоскать белье, а затем вымыла голову, и волосы были густые и очень красивые.

Кетиль знал, где она. Он подошел к ней и спросил:

— Кто ты такая? — сказал он.

— Меня зовут Арнейд,— говорит она.

Кетиль спросил:

— Какого ты рода?

Она говорит:

— Тебя это вряд ли касается.

Он очень допытывался и просил ее рассказать о себе.

Тогда она заплакала и сказала:

— Моего отца звали Асбьёрн, по прозвищу Отблеск Шхеры. Он правил Южными Островами[5] и после гибели Трюггви[6] был на островах ярлом. Затем туда приплыл Вэторм со всеми своими братьями[7] на восемнадцати кораблях. Ночью они подошли к хутору моего отца и сожгли его в доме, и с ним всех мужчин, а женщины вышли. Потом они увезли нас с матерью — ее зовут Сигрид[8],— а всех прочих продали в рабство. Теперь на Островах заправляет Гутторм.

На этом они расстаются, а на следующий день Кетиль сказал Вэторму:

—Не продашь ли мне Арнейд?

Вэторм говорит:

— Ради нашей дружбы ты получишь ее за полсотни серебра[9].

Затем Кетиль заплатил за кошт Арнейд, чтобы она не работала[10], и Вэторм обязался содержать ее наравне с прочими спутниками Кетиля.

Следующим летом вернулись домой братья Вэторма, Грим и Ормар. В этот раз они воевали в Швеции. У каждого из них был большой торговый корабль, и оба были загружены добычей. Зиму братья провели с Вэтормом, а весной они снаряжают корабли в Исландию и собираются плыть туда вместе с Кетилем.

И когда они стояли в заливе, Арнейд попросилась на берег и сказала Кетилю, что хочет вместе со второй женщиной — та тоже была на их корабле — набрать себе ягод. Он позволил, но просил не отходить далеко. Вот они сходят на берег и направляются к склону холма. Тут пошел сильный дождь.

Арнейд молвила:

— Иди на корабль и скажи Кетилю, чтобы он пришел, ибо мне нездоровится.

Ее спутница так и сделала, и Кетиль пришел к Арнейд один.

Она приветствует его и говорит:

— Здесь я нашла угли.

Они разрыли песок и нашли сундук, полный серебра. После этого они пошли к кораблю. Тут Кетиль предложил Арнейд отвезти ее с этим имуществом к родичам, но она предпочла плыть с ним.

Затем Кетиль с братьями вышли в море и пути их разошлись. Кетиль привел свой корабль в Китовый Фьорд и вытащил его на берег, а сам поехал к себе на Подворье. Пол-месяца спустя в Китовый Фьорд приплыл Ормар, и Кетиль пригласил его к себе, а корабль вытащили на берег.

В то же лето Грим привел свой корабль к Песчаному Берегу в заводь, которая называется Корабельный Пролив; зиму он провел у че-

ловека по имени Торкель. Следующей весной Грим занял землю, которая с той поры называется Гримов Мыс, и жил возле Чуланной Горы до самой смерти.

II

Теперь следует сказать о том, что Кетиль Гром покупает себе землю к западу от озера, которое зовется Плес[11]. Его хутор звался Двор Арнейд, и там он с тех пор жил. На весеннем тинге Кетиль покупает землю для Ормара. Хутор того звался Двор Ормара. Это немного дальше от озера, и Ормар жил там до старости. Затем Кетиль покупает себе годорд: он выложил за него серебром[12]. Еще раньше Кетиль и его брат Атли Каша разделили свое имущество. Атли покупает землю к востоку от Плеса выше Халльормова Двора — теперь это место называют Заливом Атли; он жил там до старости. Теперь на этом месте овечьи загоны.

После этого Кетиль справляет свадьбу с Арнейд, ибо она была очень видной женщиной. У них был сын по имен Тидранди. Он был высок ростом и хорош собой. Кетилю не было суждено долгой жизни, и Тидранди наследовал имущество и годорд после своего отца.

Жил человек по имени Хавар. Он был сыном того Берси, которого называли Берси Умник[13]. Хавар жил у Равнинного Мыса. Была у него жена и двое детей. Сын звался Берси, а дочь — Ингвильд. Она слыла лучшей невестой в округе. К ней и посватался Тидранди, и ее выдали за него.

Жил человек по имени Эгиль. Он занял весь Северный Фьорд и поставил хутор в том месте, которое называется Мыс. Его называли Эгилем Рыжим; он был сын Гутторма. Эгиль был женат, и у него была единственная дочь по имени Ингибьёрг[14]. К ней посватался Берси, сын Хавара, и она была за него выдана. Приданым ее стала земля возле Мыса.

У Тидранди и Ингвильд было много детей. Одного их сына звали Кетиль, а другого — Торвальд. Дочь их звалась Йорейд, она была выдана за Халля с Побережья[15]. Другую их дочь звали Халлькатла. На ней женился Гейтир сын Лютинга[16] из Крестового Залива в Оружейном Фьорде. Третья дочь звалась Гроа, она жила в той же округе выше у Эйвиндовой Реки. Сына ее звали Бард.

Когда Кетиль и Торвальд были уже взрослыми, их отец Тидранди заболел и умер. Они наследовали имущество отца, но владеть им сообща долее не пожелали. Торвальд был велик ростом, немногословен, решителен и властен. Кетиль был надежной опорой людям и участво-

вал во многих тяжбах. Братья разделили имущество между собой, и к Торвальду отошел Двор Арнейд, а Кетиль получил годорд, переселился в Залив Ньёрда и прослыл большим хёвдингом[17].

Торгримом звался человек, что жил в Ледниковой Долине в Ущельях[18]. У него с женой была единственная дочь по имени Дроплауг[19]. Девушка она была красивая, и работа у нее спорилась. Торвальд посватался к Дроплауг и получил ее в жены. У них было двое сыновей. Старшего звали Хельги, а младшего — Грим. Между ними был год разницы. Торвальд умер, не дожив до старости, Дроплауг же с сыновьями осталась жить на Дворе Арнейд.

Хельги был высок ростом, красив, силен, заносчив и весел. Хозяйство было ему не по нутру. Он был искуснейший воин. Грим был высок ростом, очень силен, спокоен и молчалив. Он был весьма домовит. Братья упражняли себя в различных искусствах и превосходили других юношей во всем, так что никого нельзя было поставить с ними вровень.

III

Берси звался человек, что жил на Дворе Берси. Он был сыном Эцура. Сына Берси звали Хольмстейн. Он жил на Нижней Лесной Равнине. Его женой была Аслауг дочь Торира, сестра Храфнкеля Годи.

Халльстейном звался человек, что жил на Северной Лесной Равнине и был прозван Халльстейн из Широких Долин. Это был богатый и уважаемый человек. Его жену звали Торгерд. У них было три сына — Торд, Торкель и Эйндриди.

На Дворе Храфнкеля жил человек по имени Торгейр.

На Оддовом Дворе выше Козлиной Реки[20] жил Хельги сын Асбьёрна. Он был годи. Женат он был на Дроплауг, дочери Берси Умника. У них было много детей.

Жил человек по имени Храфнкель, он приходился Хельги сыну Асбьёрна двоюродным братом[21]. Храфнкель жил на Козлиной Реке. Он был молод. У него был общий годорд с Хельги сыном Асбьёрна, но годордом ведал Хельги.

А человек по имени Ан, по прозвищу Шут, жил на Дворе Гуннлауга выше Узкого Мыса.

Эцуром звался человек, что жил у подножия Кряжа к западу от озера. Он был зятем Хельги сына Асбьёрна. Хьярранди звался человек, что жил у Рыбачьей Реки к востоку от озера дальше на Равнинах. Он был женат на дочери Хельги сына Асбьёрна, ее звали Торкатла[22]. По рассказам, Эцур был человек умный и очень влиятельный.

Бьёрном звался человек, что жил у Болот к западу от Долины Козьей Реки. Его называли Бьёрн Белый. Он был женат на третьей дочери Хельги сына Асбьёрна.

В то время был обычай привозить еду тем женщинам, которые не вставали с постели. И вот случилось так, что Дроплауг отправилась на Двор Берси проведать свою мать Ингибьёрг. С ней поехало двое рабов. Они взяли пару волов и запрягли сани. Дроплауг осталась там на ночь, так как следующей ночью на Ормовом Дворе должны были угощать. Было это вскоре после начала весеннего тинга.

Потом они поехали домой по льду озера, и когда они миновали Халльормов Двор, рабы пересели в сани, ибо волы знали дорогу оттуда к дому. И когда они ехали по заливчику южнее Оддова Двора, оба вола провалились в прорубь, и все трое утонули; с тех пор это место зовется Невольничьим Заливом. Пастух Хельги рассказал о том, что случилось, ему одному, а тот велел обо всем помалкивать. Затем Хельги уехал на тинг. Там он продал Оддов Двор и купил Узкий Мыс. Он перенес жилье туда; ему казалось, что так он скорее отвлечется от кончины Дроплауг. Немного погодя Хельги сын Асбьёрна посватался к Тордис Медный Грош, сестре Бьярни сына Шип-Хельги[23], и она была за него выдана.

Ториром звался человек, что жил на Комарином Мысу в долинах к востоку от озера. Торир был человек большого ума; он был женат. На него работал человек по имени Торгрим, по прозвищу Сыч.

Жил человек по имени Торфинн. Летом он нанимался за плату, а зимой не работал и ходил со своим товаром. Однажды осенью он гостил на Комарином Мысу у Торира и сидел вместе с работниками Торира у огня. Они завели беседу о том, какие из женщин их округи виднее всего. Сошлись на том, что Дроплауг со Двора Арнейд — первая среди женщин.

Тогда Торгрим говорит:

— Все может быть, раз она смогла одурачить мужа.

Все говорят:

— Никогда не слышали такой сплетни.

И в этот миг подошел бонд Торир и велел им сейчас же замолчать.

Проходит ночь, и Торфинн едет прочь. Он приехал на Двор Арнейд и пересказывает Дроплауг весь разговор работников Торира. Она сперва не подала виду, разве что стала молчалива. Как-то утром Хельги спросил мать, что с ней.

Она рассказывает братьям злую сплетню, которую пустил о ней Торгрим Сыч,—

— а от вас едва ли стоит ждать мести за оскорбление, даже если оно нанесено мне.

Они сделали вид, что пропустили ее слова мимо ушей. Хельги было тогда тринадцать лет, а Гриму — двенадцать.

Вскоре они собрались в дорогу и объявили, что поедут к Эйвиндовой Реке навестить Гроа. Они прошли по льду и пробыли ночь на хуторе. А рано утром они встали. Гроа спрашивает, куда они собрались.

Они говорят:

— Ловить куропаток[24].

Они пришли к Комариному Мысу, встретили какую-то женщину и справились о хозяине. Та сказала, что он, и еще семь человек поехали к морю.

— Что делают работники? — сказал Хельги.

Та говорит:

— Торгрим Сыч и Асмунд отправились за сеном на остров неподалеку.

Затем они вышли со двора, прошли под кряжем, где начинается Ручей Железного Борта, и перешли к ним на остров. Асмунд сгребал сено. Он видел, как шли братья и узнал их. Они выпрягли из саней лошадь, и Торгрим решил ускакать к хутору. И когда он уже был готов прыгнуть лошади на спину, Хельги метнул в него копье и пронзил насквозь. Торгрим тут же упал на землю мертвый. Асмунд поехал на кляче к хутору: он был не на шутку напуган.

Братья отправились в путь и пришли назад к Эйвиндовой Реке. Гроа спрашивает, что они наловили.

Хельги говорит:

— Мы добыли сыча.

— Хоть вам и кажется, — говорит она, — что его убийство — это пустяки, все же Торир — муж видный. Отправляйтесь-ка лучше домой на Двор Арнейд.

Они так и сделали и держали дома много народа.

IV

Торир вернулся домой к вечеру. Узнав о случившемся, он сказал, что брать дела на себя не станет, ибо Торгрим был вольноотпущенником Хельги сына Асбьёрна. Затем Торир поехал к Хельги сыну Асбьёрна и рассказал ему об убийстве, —

— и я заявляю, что дело вести должен ты.

Хельги говорит, что это верно. После этого Торир уехал домой.

Однажды Дроплауг сказала сыновьям:

— Хочу послать вас в Крестовый Залив в Оружейный Фьорд к Гейтиру[25].

Они вышли из дому и отправились на запад по пустоши. Когда же они оставили позади четверть пути, поднялась вьюга, и они не знали, где идут, пока не наткнулись на стену какого-то дома и не обошли его посолонь[26]. Так они нашли дверь, и Хельги понял, что перед ними капище Берси Умника. Они повернули обратно и пришли на Двор Арнейд, когда оставалась треть ночи.

Вьюга держалась полмесяца, и всем казалось, что это непомерно долго. А Берси Умник сказал, что так долго вьюга держалась именно потому, что сыновья Дроплауг обошли его капище посолонь, а еще потому, что не они объявили об убийстве Сыча, как положено по закону. Потом Берси выехал к братьям, и тогда они объявили об убийстве, и после этого уехали на север в Крестовый залив к Гейтиру.

Весной Торкель сын Гейтира, Грим и Хельги выехали в Речную Долину на тинг Вороньего Ручья. Там они встретились с Хельги сыном Асбьёрна и заключили мировую по убийству Торгрима, и Торкель выплатил виру. Но Хельги сыну Дроплауг пришлось не по душе, что за убийство Сыча легла вира, и он счел, что злословие не отомщено.

Братья Хельги и Грим жили в Крестовом Заливе, и Хельги изучал законы у Торкеля. Хельги брал на себя многие тяжбы против людей Хельги сына Асбьёрна и вел их как истец. Братья подолгу жили и у своей матери.

Эйндриди, сын Халльстейна, ранее уехал из страны; его захватили в Ирландии в плен и держали в оковах. Об этом узнали его братья Торкель и Торд. Они отправились в путь, вызволили его и затем поплыли в Исландию[27]. Жена Халльстейна к тому времени умерла, и он посватался к Дроплауг и получил ее, но Хельги сказал, что сделано это без его ведома. Затем Дроплауг переехала на Лесные Равнины на хутор Халльстейна.

Братья, Хельги и Грим, отправились с двенадцатью людьми в Междуречье к бонду по имени Ингъяльд; он сыном Нидгеста. У Ингъяльда была дочь по имени Хельга. К ней и посватался Грим, и она была за него выдана. Затем Ингъяльд продал свою землю и купил половину Двора Арнейд и жил там вместе со своим зятем Гримом, а Хельги сын Дроплауг был попеременно то в Крестовом Заливе, то с Гримом.

Храфнкель потребовал у своего родича Хельги сына Асбьёрна годорд назад, но ничего не добился. Тогда Храфнкель выехал к Хольмстейну с Лесных Равнин и попросил у него поддержки[28].

Хольмстейн говорит:

— Мне не подобает выступать против Хельги сына Асбьёрна, ибо он был мужем моей сестры. Но я посоветую тебе просить помощи у Хельги сына Дроплауг. Сам же я скажу людям своего годорда, чтобы они поддержали тебя.

Затем Храфнкель поехал к Хельги сыну Дроплауг и попросил у него поддержки.

Хельги говорит:

— По-моему, если Хольмстейн женат на твоей сестре, ему надо больше ценить родство с тобой, чем иное родство, оставшееся в прошлом.

Тут Храфнкель просит Хельги помочь ему. На это Хельги сказал:

— Мой совет тебе — приехать на этой неделе на Двор Гуннлауга к Ану Шуту и всячески расхваливать хозяина.

А между Аном и Хельги сыном Асбьёрна была большая дружба, ибо Ан преподнес тому много ценных подарков,—

— спроси Ана, каких почестей он, по его разумению, добился от Хельги. Расхваливай Хельги каждым твоим словом; коли Ан воспримет это хорошо, спроси его, назначали ли его когда-нибудь судьей от годорда Хельги сына Асбьёрна. Если он ответит, что еще не сподобился, скажи, что надо бы подарить Хельги сыну Асбьёрна своего жеребца, чтобы удостоиться чести решать тяжбы.

На этом они расстаются, и вскоре Храфнкель встречается с Аном и ведет с ним беседу так, как указал Хельги. Ан сказал, что попробует. Затем Храфнкель уехал домой. Весной люди собрались на тинг. Тогда Хельги сын Асбьёрна назначил Ана судьей, но это должно было остаться в тайне, ибо Ан перед этим подарил Хельги сыну Асбьёрна жеребца и шесть кобылиц.

Когда же Ана посадили на место судьи, Хельги сын Асбьёрна велел ему надвинуть войлочную шляпу на голову и просил говорить поменьше. Затем к местам для судей подошли Храфнкель и сыновья Дроплауг, и с ними множество народа. Тогда Хельги сын Дроплауг подошел к судьям туда, где сидел Ан Шут. Хельги приподнял шляпу рукояткой меча, сбил ее наземь и спросил, кто здесь сидит. Ан говорит свое имя.

Хельги сказал:

— Кто назвал тебя судьей от своего годорда?

Тот говорит:

— Это сделал Хельги сын Асбьёрна.

Тогда Хельги сын Дроплауг велел Храфнкелю назвать своих свидетелей и лишить Хельги сына Асбьёрна годорда и объявил все тяжбы Хельги утратившими силу, поскольку он посадил Ана Шута судьей[29].

Тут сделался шум и приготовились биться, но вышел Хольмстейн и предложил мировую. Порешили на том, что Храфнкель должен ведать годордом столько же лет, сколько до этого ведал Хельги, а затем им обоим ведать годордом вместе. При этом Хельги должен был поддерживать Храфнкеля на всех тингах, сходках, и везде, где тому потребуется помощь.

Хельги сын Дроплауг сказал Храфнкелю:

— По-моему, теперь я помог тебе.

Тот сказал, что это действительно так. И вот люди едут с тинга домой.

V

Зимой был большой недород и падеж скота. Торгейр, бонд со Двора Храфнкеля, потерял много скота. Одного человека звали Торд, он жил на Песках Гейрольва к западу от Долины Обвальной Реки. Торд воспитывал ребенка Хельги сына Асбьёрна, и скота у него было вдоволь.[30] Торгейр поехал туда и купил у него пять десятков молочных овец, расплатившись товарами. Проку от этого скота не было, ибо он пропал.

Осенью Торгейр сам отправился искать скот и нашел восемнадцать своих овец в загоне на Песках Гейрольва, и они были выдоены. Он спрашивает у работниц, кто об этом распорядился, а те отвечали, что так велел Торд. Тогда он пошел к Торду и просил его возместить ущерб, предложив хорошие условия: либо отдать такое же число двухлетних кладеных баранов, либо кормить маток всю зиму. Но тот сказал, что не хочет ни того, ни другого, и что мало, мол, ему толку от того, что он воспитывает ребенка Хельги сына Асбьёрна, если он еще должен тут что-то платить [31]. После этого Торгейр поехал к Хельги сыну Асбьёрна и рассказал ему, что к чему.

Тот говорит:

— Я хочу, чтобы Торд возместил тебе ущерб. Передай ему мое слово, и правда на твоей стороне.

Торгейр встретился с Тордом, но ничего не получил. Затем он поехал к Хельги сыну Дроплауг и просил его принять тяжбу,—

— и я хочу, чтобы тебе отошло все, что по нему причитается.

На этих условиях Хельги тяжбу принял.

Весной Хельги сын Дроплауг выехал на Пески Гейрольва и вызвал Торда на альтинг за укрывательство чужих овец и кражу молока. Затем тяжбу вынесли на тинг, и у Хельги сына Дроплауг и Торкеля сына Гейтира было очень много народа. На их стороне был также Кетиль

из Залива Ньёрда. У Хельги сына Асбьёрна не было достаточно людей, чтобы отвести их иск. Им предложили помириться, но Хельги сын Дроплауг был согласен только на свой суд, и сошлись на том, и Хельги сын Дроплауг назначил виру в столько коров, сколько овец выдоил Торд[32]. На этом они расстались, и все сочли, что тяжба удалась Хельги сыну Дроплауг на славу.

VI

Свейнунгом[33] звался человек, что жил во Фьорде Городища у Переправы. Он был сыном Торира. Это был большой, сильный и умный человек. Он был другом Хельги сына Дроплауг. В ту зиму Хельги сын Дроплауг подолгу бывал во Фьорде Городища у Свейнунга.

На Сенном Болоте во Фьорде Городища жил человек по имени Торстейн. Его жену звали Тордис; она приходилась Хельги сыну Дроплауг родственницей.

Бьёрном звался человек, что жил во Фьорде Городища на Хитром Мысу. Он был женат, но находил время не только для жены. Торстейн воспитывал ребенка Хельги сына Асбьёрна. Бьёрн часто ездил к Сенному Болоту беседовать с Тордис, женой Торстейна. Тот был уже глубоким стариком, и ее выдали за него ради денег. Однако Торстейн был еще бодр.

Однажды Торстейн завел беседу с Хельги сыном Дроплауг и просил его попробовать убедить Бьёрна не ходить к Тордис. Хельги не хотел за это браться, но все-таки обещал что-нибудь предпринять.

Как-то раз Бьёрн ночью пришел к Сенному Болоту, а Хельги со Свейнунгом вышли ему навстречу.

Тут Хельги сказал:

— Я бы хотел, Бьёрн, чтобы ты больше не приходил к Тордис; не к чести тебе срамить старика. Сделай как я прошу, и я в другой раз помогу тебе.

Бьёрн ничего не ответил и пошел своей дорогой.

В другой раз Хельги встретил Бьёрна, когда тот шел с Сенного Болота домой, и просил его по доброму больше не ходить к Тордис. Бьёрн отвечал, что привычку не переломишь. Уже пошли слухи, будто Тордис беременна, и новость разнеслась по округе.

Хельги ранее принял у Торстейна тяжбу об этом: он потребовал у Бьёрна виру, но тот сказал, что не заплатит, и отчета никому давать не станет. После этого Хельги нанес Бьёрну смертельный удар и объявил, что за Бьёрна не положено виры, ибо он убит по законному праву[34].

Следующей ночью Хельги, Свейнунг, и еще двое выехали на ближний островок, что напротив берега, и отвезли Бьёрна туда. Там они прикрыли труп, и с тех пор это место называется Бьёрнов Островок.

Послали людей к Хельги сыну Асбьёрна на Узкий Мыс, ибо жена Бьёрна рассчитывала добиться возмездия с его помощью.

Следующей весной после убийства Хельги сын Асбьёрна выехал во Фьорд Городища возбудить тяжбу и не нашел тела Бьёрна. После этого Хельги сын Асбьёрна вызвал Хельги сына Дроплауг за то, что тот растерзал мертвеца, сбросил его в море и не прикрыл землей[35]. Хельги вынес тяжбу на тинг и потребовал объявления вне закона[36].

Хельги сын Дроплауг вынес на альтинг тяжбу о прелюбодеянии[37]. И вот обе тяжбы слушаются в суде альтинга. В конце своей речи Хельги сын Асбьёрна предложил выставить отводы[38]. Тогда к судьям подошел Хельги сын Дроплауг с множеством народа. Он назвал своих свидетелей в том, что вся тяжба Хельги сына Асбьёрна утратила силу и назвал трех человек, которые видели, как Бьёрн был прикрыт землей[39]. Затем Свейнунг и еще двое принесли на жертвенном кольце[40] клятву в том, что они видели, что Бьёрн был прикрыт землей. Тут вся тяжба Хельги сына Асбьёрна утратила силу. Тогда Хельги сын Дроплауг хотел объявить Бьёрна вне закона[41], но Хельги сын Асбьёрна предложил виру, и ее должен был назвать Хельги сын Дроплауг. Он же присудил себе сто эйриров[42], как было принято в то время, и на этом расстались.

VII

Несколько лет спустя Хельги сын Дроплауг приехал с осеннего тинга на Нижние Лесные Равнины к своему отчиму Халльстейну и к своей матери Дроплауг. Он не был там с той поры, как его мать вышла замуж.

Дроплауг сказала своему мужу Халльстейну, чтобы он пригласил Хельги к ним на зиму.

Тот говорит:

— Не по душе мне это. Лучше я подарю ему волов или лошадей.

Но по ее наущению он пригласил Хельги остаться на зиму, и тот приглашение принял.

У Халльстейна был раб по имени Торгильс. Полмесяца спустя однажды утром случилось так, что Хельги, Дроплауг и Торгильс, раб Халльстейна, долго беседовали, и никто не знал, о чем они говорили. Той зимой Торгильс смотрел за овцами в загоне к югу от хутора: он был хороший работник. Туда принесли много сена.

Как-то раз Торгильс пришел к Халльстейну и попросил его пойти осмотреть своих овец и сено. Тот пошел, зашел в амбар и заглянул в окошко. Тут Торгильс ударил Халльстейна секирой Хельги сына Дроплауг, и второго удара не понадобилось.

Хельги спустился с хутора за своими лошадьми и увидел, что Халльстейн убит. Хельги тотчас убил раба. Он пошел к дому и рассказал своей матери о том, что произошло. Она в это время сидела с женщинами у очага.

Вскоре от домочадцев с Лесных Равнин распространилось, что Хельги, Дроплауг и Торгильс долго разговаривали за день до того, как был убит Халльстейн, и об убийстве пошла дурная слава.

Тяжбу берет на себя Хельги сын Асбьёрна. Он вызывает Хельги с Дроплауг за умысел против против жизни Халльстейна и выносит тяжбу на альтинг. О деле Хельги сына Дроплауг шла дурная слава, и никто не захотел поддержать его, кроме Торкеля сына Гейтира и Кетиля сына Тидранди.

А когда люди выехали на альтинг, Дроплауг взяла товары, принадлежавшие ей с Халльстейном, и вместе с трехлетним сыном, которого звали Херьольв, села на корабль в Медвежьем Фьорде. Они отплыли из страны и достигли Овечьих Островов. Там она купила землю и жила на ней до старости, и больше о ней в этой саге речи не будет.

VIII

Хельги сын Асбьёрна вел эту тяжбу потому, что сыновей Халльстейна не было в стране. На тинге у Хельги сына Асбьёрна было очень много народа. Пробовали заключить мировую между тезками, и иного пути, кроме как предоставить решение самому Хельги сыну Асбьёрна, не нашлось. Постановили, что за убийство Халльстейна ляжет вира в двенадцать сотен и пять коров, а Хельги сын Дроплауг уедет из страны на три года и может провести в доме ночь перед выездом. Если же он не уедет, то будет считаться вне закона, и Хельги сын Асбьёрна вправе убить его между Пустошью Жирного Озера и Прибрежной Пустошью.

Хельги сын Дроплауг не пытался выехать из страны. Тогда Грим, его брат, съехал со своего хутора и присоединился к Хельги. Зиму они проводили в Крестовом Заливе у Торкеля. Братья ездили на все тинги и сходки в округе, словно Хельги и не был вне закона.

Вслед за этим в Китовый Фьорд приплыли сыновья Халльстейна, Торд и Торкель: Эйндриди к тому времени, когда они попали в Ир-

ландию, уже умер. Они подарили Хельги сыну Асбьёрна лес для горницы, и тем отблагодарили его за тяжбу об убийстве их отца. Горница эта и поныне стоит на Узком Мысу.

На Среднем Дворе в Северном Фьорде жил Торгрим Кожаная Шапка. Его жену звали Раннвейг Разлом. Она была сестрой Тордис, жены Торстейна, и приходилась Хельги сыну Дроплауг родственницей. Весной на Нагорном Тинге она попросила своего родича Хельги приехать к ним с Кожаной Шапкой к разделу имущества, и вышло так, что Хельги ей это обещал[43].

Несколькими годами раньше тезкам случилось встретиться на осеннем тинге на Мысу Тингов[44]. Хельги сын Дроплауг должен был тогда выносить приговор и обмолвился: люди очень смеялись, а Хельги сын Асбьёрна улыбнулся.

Хельги сын Дроплауг заметил это и сказал:

— Храфнкель дышит тебе, Хельги, в затылок.

— Это мне не помеха,— сказал Хельги сын Асбьёрна,— а тебе надо знать, что нам предстоит встреча там, откуда одному из нас не уйти живым.

Хельги сын Асбьёрна сказал:

— Не боюсь я твоих угроз, сколь они ни ужасны, ибо я надеюсь накрыть камнями твой труп при той встрече[45].

На этом давешний разговор закончился.

IX

Следующей весной Флоси со Свиной Горы[46] послал сообщить Торкелю сыну Гейтира, чтобы тот собирал людей на севере и выезжал к нему. Флоси хотел объявить вне закона Арнора сына Эрнольва, брата Халльдора из Леса. Этого человека Флоси ранее велел убить[47].

Торкель собрал людей, и их было три десятка. Он просил Хельги сына Дроплауг ехать с ним.

Хельги сказал:

— Я, конечно, должен, ехать с вами в поход, и сам бы хотел этого. Но я болен и останусь дома.

Торкель спросил Грима, не хочет ли тот поехать, но Грим сказал, что не оставит Хельги больного. После этого Торкель с тремя десятками людей выехал на юг к Свиной Горе. Оттуда они поехали на запад к Лесу, и у них было сто человек.

Немного погодя Хельги завел беседу со своим братом Гримом и сказал ему, что хочет поехать к своей родственнице Раннвейг и разде-

лить их имущество с Торгримом Кожаная Шапка. С ними поехали Торкель, Гуннстейн с Дальнего Крестового Залива и двое домочадцев. Всего их было шестеро.

Вот они едут по пустоши на восток и приезжают к Торкелю со Двора Торви. Его дочерью была Това, по прозвищу Ночное Солнце. Она была подругой Хельги сына Дроплауг. Там они заночевали, и Хельги с Товой долго беседовали. Предчувствие говорило ей, что из этой поездки он не вернется[48]. Она вышла на дорогу проводить их и была в слезах. Хельги расстегнул пояс с дорогим кинжалом и отдал ей. После этого Хельги и Това расстались, и они поехали к хутору, который называется Водоворот. Там к ним присоединился человек по имени Хельги[49]. Их стало теперь семеро. Они приехали к Эйвиндовой Реке к Гроа. Там их радушно приняли.

Торбьёрном звался человек, он был работником Гроа. Он умел ладить оружие. Хельги сын Дроплауг просил его выправить меч, пока он ездит по фьордам. Торбьёрн дал Хельги другой меч.

Оттуда они отправились в Северный Фьорд к Торстейну, шурину Хельги. Тот был женат на Тордис, сестре Раннвейг, жены Торгрима Кожаная Шапка.

В тот день, когда Хельги сидел у них за столом, приехал Торкель, брат Торарина из Овечьего Фьорда[50], и с ним еще один человек; они ехали с моря по пустоши. Они остались на ночь, и Хельги с Торкелем долго беседовали и договорились дружить.

Хельги сказал Торкелю:

— Куда держишь путь?

Тот говорит:

— Дальше на Мыс к Бьёрну. Зимой он продал для меня лен. Я буду у него три ночи.

Тогда Хельги сказал:

— Я бы хотел, чтобы мы поднялись вместе на гору.

Торкель сказал, что поднимется с радостью. Затем все вместе едут к Среднему Двору. Оттуда Торкель поехал дальше на Мыс. На Среднем Дворе Хельги постучал в дверь, и к дверям подошла Раннвейг.

Хельги спросил ее:

— Хочешь сейчас раздела между тобой и Кожаной Шапкой?

— Очень хочу,— сказала она.

Затем она назвала свидетелей и объявила о разводе с Торгримом Кожаная Шапка. Она взяла всю одежду Торгрима и бросила в выгребную яму. После этого они уехали, ибо Хельги рассчитывал потребовать ее имущество позже. Они едут в Долину Заносов завтракать.

И когда они отъехали прочь, Торгрим вскочил, схватил суконное одеяло и повязал вокруг себя, потому что никакой одежды не было. Он побежал к Капищу. Там жил Торарин Навозный Жук. Это был видный муж.

Торарин сказал:

— Отчего ты так рано на ногах, Торгрим, и так легко одет?

Тот отвечает и говорит, что у него увели жену,—

— и я хочу просить у тебя в этом деле поддержки.

Торарин говорит:

— Сперва я тебе дам одежду: ее-то сейчас больше всего и не хватает.

Затем они сели завтракать.

Тут Торарин сказал:

— Я советую тебе найти Хельги сына Асбьёрна и упрашивать его принять твою тяжбу. И если будет, как я предполагаю, и ты ничего не добьешься, спроси его, когда он намерен исполнить обещанное на осеннем тинге на Мысу Тингов. А если он и тогда не откликнется, то смотри сам, но все же скажи Хельги сыну Асбьёрна, что Хельги сын Дроплауг поедет через три ночи поедет обратно через горы, и с ним будет шесть человек. Поезжай к Хельги вечером и приходи поздно, ибо он каждый вечер сам запирает двери на Узком Мысу.

Они расстались, И Торгрим поехал своей дорогой и в тот же вечер прибыл на Узкий Мыс. Хельги сидел у очага. Торгрим тотчас приступил к делу и рассказал Хельги о своей беде, но не получил от Хельги ответа.

Тогда Торгрим сказал:

— Сильно ж тебя прижали, если ты перестал защищать своих людей на тингах и иных людных местах от оскорблений Хельги сына Дроплауг, и я могу быть тому примером. Когда ж ты рассчитываешь устроить ему встречу, с которой, как ты обещал ему на Полях Тинга, один из вас не уйдет живым? Или будешь дожидаться от него новых поношений?

Хельги сын Асбьёрна сказал:

— Твои ли это слова?

Тот говорит:

— Мне посоветовал Торарин Навозный Жук.

Тогда Хельги сказал:

— Ты, Торгрим, поедешь через перевал к Болотам к Бьёрну Белому. Проси его завтра быть здесь к полудню. Затем ты поедешь по Жилой Равнине назад: заезжай на Лесные Равнины к сыновьям Халльстейна. Проси их быть здесь, если они хотят отомстить за отца. Затем

езжай к западу от озера и поднимись на Кряж к Эцуру и проси его быть здесь, а сам следуй за ним.

Тот сразу же выехал. Днем на Узкий Мыс явились те, за кем посылал Хельги. У Хельги гостило двое норвежцев. Одного звали Сигурд Стервятник, а другого — Энунд. И вот они выехали к Крутому Мысу, и их всего было шестнадцать.

Хельги просил Хьярранди и его брата Кари ехать с ними.

Хьярранди говорит:

— Я поехал бы и пораньше.

И вот их восемнадцать, и они поднялись в Эйвиндову Долину к Кнутову Выгону и сели в засаду ждать Хельги сына Дроплауг.

Игулем звался человек, что жил в Эйвиндовой Долине у Прибрежной Горы. Его сына звали Торд. Они должны были следить за тем, как едет Хельги сын Дроплауг, ибо с их хутора лучше видны дороги, нежели с того места, где сидели Хельги и его люди.

X

Теперь следует рассказать, что Torкель приезжает в Долину Заносов проводить Хельги сына Дроплауг. Там они заночевали. Ночью Хельги сильно стонал во сне, и его трижды будили.

Торкель спрашивает, что ему снилось.

Хельги говорит:

— Не буду рассказывать.

Затем они одеваются. Хельги просил Торстейна позаботиться о Раннвейг,

— Можешь, если охота, отвезти ее к моему брату Гриму на хутор.

Рано утром они миновали Долину Заносов и едут вдевятером вверх по пустоши. И когда все холмы у них остались позади, Хельги сделал привал, ибо ему стало тяжко. Он положил себе под голову плащ. Затем он почесал щеку, потер подбородок[51] и сказал вот что:

— Обычно все еще чешется, пока солнце стоит высоко. Или у тебя, Торкель, больше нет прежней охоты услышать мой ночной сон?

Тот говорит:

— Не убыло мое желание с той поры.

— Мне казалось,— говорит Хельги,— будто мы едем той же дорогой, что теперь, и поднялись в Эйвиндову Долину к Телячьему Пригорку. Потом навстречу нам выбежало восемнадцать, а может быть, двадцать волков, и один был намного крупнее прочих. Мы хотели занять пригорок, но не успели. А они сразу напали на нас, и один разорвал мне щеку и раздробил челюсть, но тут меня разбудили[52].

Торкель сказал, что больше нет сомнений,—

— И враги устроят тебе засаду. Это, верно, Хельги сын Асбьёрна и люди из его округи, а большинству здешних терпеть твою дерзость стало невмоготу. Но мы с тобой договорились дружить, и я хочу, чтобы ты ехал ко мне на хутор и какое-то время побыл у меня.

Хельги отвечает:

— Я поеду как задумал.

Они едут дальше по Эйвиндовой Долине и приезжают на двор Тордис. Она была старуха, уродливая и зловещая. Хельги собирался спросить у нее новости, но тут кто-то скатал в руке снежок, запустил Тордис в щеку и больно ушиб ее.

Тордис сказала:

— Чтоб вас всех взяли вражьи силы!

Тогда Хельги сказал:

— Не было бы беды, кабы не пришла с моего двора: глупо бить женщин.

И Хельги ничего не узнал там. Едут они теперь прочь и поднимаются в Реке Соколиного Ущелья. Тут Торкель вызвался проводить Хельги до Эйвиндовой Реки.

— Не нужно,— сказал Хельги.

Тут они расстаются, но едва Торкель поднялся на соседний холм, он поворачивает вспять и едет обратно к Хельги. Тот встретил его как нельзя лучше и сказал, что Торкель поступил как подлинный друг.

Вот они подъезжают к Пескам Телячьего Брода. Теперь они видят, что навстречу им бегут восемнадцать человек. Хельги сын Дроплауг и его люди хотели добраться до пригорка, но не успели. Тогда они свернули с тропы и стали выше с краю Ущелья Песчаной Реки. Там был бугорок, и у его подножия лежали сугробы, а ныне все окрестные холмы поросли кустарником, а на том месте, где они бились, стоит знак из камней.

Тут Хельги спросил своего брата Грима, хочет ли он стрелять в Хельги сына Асбьёрна выше пояса, или ниже, и Грим выбрал стрелять выше.

— Не хочешь ты моему тезке смерти,— сказал Хельги,— ибо там, куда попаду я, щит ему не поможет.

И они выстрелили в Хельги сына Асбьёрна оба разом, и Грим пробил ему щит, но Хельги не был ранен. Хельги же, сын Дроплауг, выстрелил ему в коленную чашку, и стрела скользнула вниз по ноге, разломилась в ней и застряла у подъема, и Хельги сын Асбьёрна сразу стал непригоден к бою. Тогда Бьёрн Белый подхватил его под руки, и никто из них в этот день не сражался.

Эцур с Кряжа отошел в сторону, объявил, что не нападет на Хельги сына Дроплауг, и стал в стороне.

Торд Стервятник [53] был лазутчиком Хельги сына Асбьёрна. Днем ему пришлось лежать на льду реки, и его одежда промерзла. Он решил, что у него есть причины враждовать с Хельги сыном Дроплауг и бросился на него вверх по склону. И когда Торд попал в снежный занос, Хельги сын Дроплауг метнул в него копье, и оно прошло между ног и пробило мошонку, и Торд упал навзничь, а копье застряло в заносе. Так он целый день и висел там.

После этого Хельги сын Асбьёрна стал подстрекать своих зятьев идти вперед и призвал Хьярранди, и тогда Хьярранди с Кари напали на Хельги сына Дроплауг, а сыновья Халльстейна вместе с еще одним человеком напали на Грима. А на Торкеля Черного Скальда напали двое норвежцев, причем Сигурд был третьим по силе воином в войске Хельги сына Асбьёрна. Там пал Торкель Черный Скальд, но перед этим он убил второго норвежца и тяжело ранил Сигурда, ибо Торкель был лучшим воином в своем войске после Хельги и Грима.

Теперь идет жестокая схватка, и вот, когда Хьярранди с Кари напали на Хельги сына Дроплауг, Хельги Тощий с Водоворота выбежал навстречу Кари. Они сразились, и Кари пал, а Хельги был тяжело ранен.

Хьярранди вовсю наступал на Хельги сына Дроплауг, и рубил часто и мощно. Хельги же рубил не хуже и не реже, но меч, который при нем был, никуда не годился.

Тут Хельги сказал Хьярранди:

— Был бы ты и вовсе неплох, если бы получил в жены законную дочь Хельги сына Асбьёрна[54].

— Напрасные речи. Обе они равно близки Хельги,— и Хьярранди после таких слов пошел вперед с удвоенной силой.

Щит Хельги сына Дроплауг был совсем изрублен, и он увидел, что так дело не пойдет. Тогда Хельги показал свое боевое искусство и отбросил щитом меч Хьярранди вверх, а сам переложил свой меч в левую руку и ударил им Хьярранди. Удар пришелся в бедро, но меч кость не взял, а распорол ногу до колена; Хьярранди сразу стал непригоден к бою. И в тот миг, когда Хельги отвел щит, Хьярранди нанес ему удар, и меч отскочил Хельги в лицо, пришелся в челюсть и снес нижнюю губу.

Тут Хельги сказал:

— Никогда не был смазлив, да и ты красоты не добавил.

Затем он поднял руку, заправил бороду в рот и закусил ее, а Хьярранди осел и опустился на землю.

Люди полагают, что встреча Хельги и Хьярранди была бы короче, если бы при Хельги был его меч, и если бы ему не приходилось обороняться от многих разом, и все же Хьярранди был большой храбрец.

Тут Хельги увидел, что Грим, его брат, пал, а все из нападавших мертвы, Грим же смертельно ранен. Тогда Хельги взял меч, которым бился Грим, и сказал:

— Пал ныне тот, кого я считал лучшим. И мой тезка не захочет, чтобы мы на этом расстались.

И Хельги бросился с бугра вниз туда, где сидел Хельги сын Асбьёрна: все отпрянули со склона, и никто не захотел дожидаться Хельги.

— Там ты стоишь, Эцур,— сказал Хельги,— и я не остерегаюсь тебя, ибо ты окропил меня водой.

Эцуру пришлось быстро принимать решение, ибо теперь от него зависела жизнь одного из тезок. И выбор Эцура был таков, что он поразил Хельги сына Дроплауг копьем, и оно пронзило того насквозь.

Хельги пошел на копье и сказал Эцуру:

— Тут ты меня предал.

Эцур увидел, что Хельги обратился против него и может достать его мечом. Тогда он отпихнул от себя копье с телом, и древко ткнулось в землю, а Эцур освободился.

Увидев, что он не достанет Эцура, Хельги сказал:

— Я опоздал, но и ты был проворен.

Потом он осел в снег. Так окончилась жизнь Хельги сына Дроплауг. Пять человек нашли свою смерть в войске Хельги сына Асбьёрна, а все остальные были ранены, кроме Бьёрна Белого и Эцура. Вместе с Хельги сыном Дроплауг пали Торкель Черный Скальд, спутник Торкеля, а также норвежец, который выехал из дому вместе с Хельги сыном Дроплауг, а еще Грим, брат Хельги.

XI

Хельги сын Асбьёрна поехал прочь с места битвы, и его поддерживали со спины. Хьярранди ехал сам, а Кари принесли на щитах домой к Крутому Мысу и насыпали там ему курган. Вот они приезжают на Крутой Мыс. Их спросили о новостях, и они рассказали все как было.

Кто-то спросил:

— Выделялся ли сегодня Хельги сын Дроплауг?

Сигурд Стервятник говорит:

— Если бы все люди Хельги сына Дроплауг были ему под стать, никто бы из нас не вернулся назад.

Хельги Тощий приехал к Эйвиндовой Реке и рассказал Гроа о том, что случилось. Он был очень изранен.

Она сказала тогда своему сыну Барду:

— Возьми верховых и вьючных лошадей — мы поедем за Гримом и Хельги.

Они поехали и нашли павших, и братьев с Торкелем погрузили на сани. Раненые ехали верхом, а прочих похоронили на месте. Вот они едут в обратный путь, и Гроа больше всего следила за санями, на которых везли Грима. Она велела везти его с оглядкой. Они возвращаются на хутор и кладут тела вне дома в сарае.

Гроа сказала:

— Теперь мы с моим сыном Бардом останемся на ночь при мертвых, а вы займитесь теми, кто жив, и окажите им помощь.

Но когда все уснули, Гроа пошла по льду озера к Вдовьей Горе. Там жила Альвгерд Врачея. Гроа просила ее ехать с ней и рассказала ей о том, что случилось. Они приехали к Эйвиндовой Реке, и Грим был жив. Альвгерд перевязала его раны и увезла к себе. Наутро для Грима был готов курган — его насыпали южнее двора на Эйвиндовой Реке — и Бард с человеком, в котором они были больше всего уверены, что он будет молчать о том, что Грим жив, отнесли туда тела Хельги и Торкеля и похоронили их там.

Зимой Грим лежит зимой в ранах, как и Хельги сын Асбьёрна. Тут пошел слух, будто Грим выжил, и один подтверждал, а другой называл ложью. Начало тому положили домочадцы Гроа.

Когда Хельги стало известно, что Грим встал на ноги, он велел сделать на Узком Мысу спальню с засовом[55]. После этого Грим выехал на север в Крестовый залив к Торкелю сыну Гейтира, и там его хорошо приняли.

XII

Потом Хельги сын Асбьёрна купил ниже по течению землю, которая называется Пески, а Узкий Мыс продал. Ему казалось, что он будет в большей безопасности, если по соседству будут жить люди из его годорда. Он и здесь велел сделать себе спальню с засовом.

Тордис, его жена, спросила, на что ему земля, сплошь поросшая лесом от самого жилья, где путников не разглядишь, даже когда они под боком.

Тут Хельги сказал вису:

[№ 1]

Поступь супостатов
Чую в чаще леса.
— Притаясь во мраке,
Зрак мерцает злобно.
Заждались с заточкой
жажды Хильд холопы
ходки Мейти — мерно
Вереск лью медвяный[56].

Грим жил в Крестовом Заливе несколько лет. Он был мрачен и никогда не смеялся с тех пор, как погиб Хельги.

Торкелю предстояло поездка в Островной Фьорд мирить людей из своего годорда, и он уехал, а Грим остался дома хлопотать по хозяйству.

Несколько ночей спустя Грим собрался в путь и объявил, что должен взыскать недоимку с человека по имени Торгрим: тот жил на Стадных Лугах в Ледниковой Долине.

— Уже ясно,— сказал Грим,— что платить он не хочет.

Йорунн, жена Торкеля — она была дочерью Эйнара с Поперечной Реки — на это сказала:

— Сиди дома; я сама взыщу с него долг.

— Тебе он не заплатит,— сказал Грим.

Он взял с собой еду и уехал. С ним поехали его названные братья Глум и Торкель Журавль[57]. Они держали путь к западу от озера, покуда не подошли к Извилистой Реке. Затем Грим с Торкелем Журавлем переправились через реку и пришли к хутору, который называется Переправа и стоит к западу от Плеса. Там они зашли в хлев и взяли кирку и лопату, а после отправились дальше к Оддмарову Ручью, что течет западнее Песчаного Леса. У ручья они вырыли себе землянку, а всю землю сбросили в ручей. Им нужно было убежище на случай нужды.

XIII

В день, когда они были у ручья, люди поехали домой с Тинга Ягнячьего Мыса, и в Песках у Хельги сына Асбьёрна было много народа.

На Дворе Хроллауга жил человек по имени Кетильорм. Он приехал к Хельги с тремя десятками людей, и с ним были зятья Хельги, Бьёрн и Хьярранди.

В тот же вечер Грим и его названные братья вышли из землянки, отправились к Пескам и вошли в двери хлева. А оттуда был ход к глав-

ным постройкам. В хлеву они остановились и стали наблюдать за тем, что происходит на хуторе.

Вечером Хельги сын Асбьёрна сказал жене:

— Где думаешь положить Кетильорма с женой?

Она говорит:

— Я приготовила для них хорошую постель на полатях.

Хельги говорит:

— Они лягут в нашей постели, ибо они встают из-за нас всякий раз, когда мы проходим мимо.

Тордис говорит:

— Не всегда ты бываешь осторожен. На месте Грима я бы искала с тобой встречи, когда вокруг гости и у тебя полно хлопот.

Он говорит:

— Меня часто попрекают тем, что я осторожен не в меру.

Как он сказал, так и постлали.

Тут Грим сказал Торкелю:

— Зайди внутрь и разведай, можно ли достать меч, который точил Торбьёрн, и которым бился Хельги, мой брат.

Торкель зашел в дом и вернулся с мечом.

Чуть позже Грим сказал:

— Сходи и узнай, где будут спать Хельги с женой.

Торкель недолго отсутствовал и, вернувшись, сказал Гриму, что они спят на полатях с краю за пологом, и что они не отгорожены створкой.

Одного человека звали Арнор: он был слеп. Он был домочадцем Хельги сына Асбьёрна и отличался огромной силой. Его место на полатях было напротив Хельги.

Тут Грим сказал Торкелю:

— Тебе поручаю я войти и поразить Хельги, ибо ты — первый после меня, кому должно мстить за моего брата Хельги.

— Это правда,— сказал Торкель.

Тогда Грим вручил ему меч, и они направились к входу в жилье.

Торкель останавливается и говорит Гриму:

— Не хочу, чтоб ты думал, будто я не решаюсь напасть на Хельги, и все же мне странно: ведь ты говорил, что не доверишь месть за брата никому, кроме самого себя.

— Говорил потому, что не верилось мне, что на моем веку отомстят за смерть Хельги, моего брата.

Тогда Торкель хотел войти, но Грим взял его за руку и сказал:

— Ты хороший человек, Торкель, но у меня нет уверенности, что ты поразишь Хельги так глубоко, как мне бы хотелось, и пусть будет, как ты сказал: я не доверю месть за брата никому, кроме себя.

Затем Грим принял меч и сказал:

— Ты, Торкель, будешь стоять в дверях — тебе я доверяю больше всего и знаю, что ты не дрогнешь. А Глум пусть обрушит балку за дверью.

Но до того как войти, Грим взял в руку чурбан. На нем были холщовые штаны и рубашка, а башмаков не было. Он вошел в дом и увидел, что перед ходом в хлев стоит поленница. Глум еще вечером заплел всей скотине в хлеву хвосты вместе[58]. Затем Грим зашел за полог, где спали Хельги и Тордис, и положил свою ношу перед собой. Потом он подошел к постели и сдернул с Хельги покрывало.

Тот пробудился и сказал:

— Ты меня коснулась, Тордис. Отчего твоя рука так холодна[59]?

— Не касалась тебя я,— говорит она — Очень ты неосторожен. Боюсь, быть беде.

После этого оба заснули. Тогда Грим подошел к Хельги и отвел руку Тордис, которую та положила на мужа.

Грим сказал:

— Проснись Хельги, ты свое отоспал!

Вслед за этим Грим ударил Хельги мечом и пронзил насквозь.

Хельги сказал:

— Подымайтесь парни, убийца разит меня!

Тогда Грим взял колоду, которую он поставил перед собой, и швырнул. Она попала в поленницу, и та развалилась. Люди бегут к очагу: они думают, что убийца прыгнул туда, откуда раздался грохот. Грим же вышел той же дверью, что и вошел. Тут кто-то подхватил Грима и поднял себе на грудь: это был Арнодд[60]:

Он крикнул:

— Эй вы, сюда, я держу негодяя!

Тогда Грим сказал:

— Будь ты проклят за свой захват и пусти меня — я шел мстить за Хельги![61]

Тогда Арнодд ощупал его другой рукой и понял, что тот бос и в холщовом белье. После этого он отпустил Грима, сказав:

— Отпустил, ибо не знаю, что лучше.

Грим бросился к дверям и вышел наружу. Торкель закрывает за ним дверь, а Глум подпирает ее балкой. Они идут к своей землянке и сидят там в укрытии.

Оставшиеся на хуторе размышляют теперь, что предпринять, и решают выставить стражу у каждого брода, а также сидеть у моста через Ледниковую Реку. Хьярранди, Кетильорм и родичи Хельги выходят на розыск и ищут. Вот большинство ушедших на поиски уже вернулось, и Хельги был еще жив. Он спросил, пришли ли Бьёрн с Хьярранди.

— Я здесь,— сказал Бьёрн.

— Так и есть,— сказал Хельги,— Хьярранди вновь оказался самым преданным.

И Хельги умер.

Когда светает, Грим и его спутники выходят из землянки и идут вдоль озера на запад к Крутому Мысу. Там он увидели палатку. Грим подошел к палатке и сказал:

— Чего ради вы притаились возле своего корабля?

Владельца корабля звали Торлак. Он провожал норвежцев до моря. Торлак одолжил Гриму лодку. Они пересели в нее. Грим поплыл дальше и пересек озеро. Затем они вышли в море и дошли до Ледниковой Реки. Дальше Грим отплыл вместе с Торкелем, а Глум поехал по суше. Так они добрались до Крестового залива, и Торкель к этому времени еще не вернулся. Их спросили о новостях. Они сказали, что говорить не о чем.

На следующий день Грим играл в шашки с норвежцем, и на стол налетел мальчишка Торкеля с Йорунн и опрокинул доску. Норвежец пихнул мальчика, а тот в ответ пукнул. Грим выругался и засмеялся.

Тут к нему подошла Йорунн; она сказала:

— Не произошло ли чего за время твоей поездки, раз ты способен смеяться? Расскажешь какие-нибудь новости?

Тогда Грим сказал вису:

[№ 2]

Скалились сквалыжны
Скалы сот глумливо,
Уязвленна Грима
Горе с юга вызнав.
Начинает нынче,
Ньёрд быка пучины,
С гор окрест Разлива
Бора выть иначе[62].

— Неужто ты сейчас отомстил,— сказала Йорунн,— за смерть Хельги, твоего брата?

И Грим сказал вису:

[№ 3]

За потерю брата
Отобрал сторицей,
— В склоке слов гадючьих
Преуспев, я весел.
Рьяну впору Бьярни
— меч взял радость врана,
мертв растратчик мыта —
ныне месть за тестя[63].

— Недаром, видно, говорят,— сказала Йорунн,— что без мужа — как без головы. Это бы ничего, что Торкель в отъезде, да ведь Бьёрн, зять Хельги сына Асбьёрна, живет отсюда — рукой подать.

После этого Грима и названных братьев держали в потайном месте, пока не вернулся Торкель. Вот домой приезжает Торкель; он пошел к Гриму, расспросил о случившемся, и справлялся, как Хельги был убит. Грим рассказал, как было и сказал висы[64]:

[№ 4]

Ньёрду жерди в ногу
Впился волк шелома.
— влекся меч, отмечен,
дланью Хельги в сече.
Через миг, могутный
Тролль протока трупов
Пробежал путь жизни,
в грудь войдя герою[65].

[№ 5]

Сведал люд, что сладил
— пел на поле брани
песнь булат — с мужами
Хельги в схватке лихо.
Уложил с увечьем
брат троих на тропы
— в сваре Скёгуль строг был
ворона ходатай[66].

[№ 6]

На заре снаружи
Пролежал погонщик
Судна суток восемь,
После встав на подвиг.
Заклинатель клиньев
Закалил умело
Чурку ран багряну
В теле клена клада[67].

Потом Торкель выехал на тинг. А Грим жил в палатке на той горе к югу от Крестового залива, что зовется Снежной Горой.

XIV

Храфнкель Годи, двоюродный брат Хельги сына Асбьёрна, возбудил против Грима тяжбу об убийстве. Торкель сын Гейтира предлагал за Грима виру, но Храфнкель брать ее не захотел, и Грима объявили вне закона. Теперь люди едут с тинга домой.

В то лето в Крестовый Залив пришел корабль, принадлежащий норвежцам. Кормчий и трое его спутников остановились у Торкеля. К осени Грим перенес свое жилище вниз на скальный уступ. И выше, и ниже палатки большие глыбы, и место это находится на рубеже, за которым трава не растет. С тех пор оно зовется Урочищем Грима.

Норвежцы приехали в Крестовый Залив на игры проведать кормчего.

Тут кто-то из них сказал:

— Я уверен, что вижу палатку высоко на горе, если только это не серый камень. Все же я думаю, что это палатка.

Торкель говорит:

— Очень острое у тебя зрение. Это камень, и мы его называем Шатер.

На этом они прекратили разговор.

Ночью Торкель пришел к Гриму и его спутникам и сказал:

— Вскоре люди поднимутся в горы искать овец, и я хочу, что вы ехали к себе домой на Двор Арнейд. Ингъяльд, твой тесть, человек умный: он сможет охранять тебя как надо. Но если ему это окажется не под силу, возвращайтесь ко мне.

Вот Грим с названными братьями прибыл к Ингъяльду, и они засели в Пещере, которая теперь зовется Пещерой Грима.

Ингъяльд сказал своему пастуху:

— Если пропадет несколько овец, не придавай этому значения.

Позже одна из служанок сказала Ингъяльду:

— Наш ручей такой мутный, что из него вообще нельзя пить.

— Это оттого, что его запрудило,— сказал он,— но я уже начал его расчищать.

А на самом деле Грим сделал себе землянку, и устье ручья было возле самого ложа его жены, а землю сбросили в ручей. Грим спал там по ночам

В Заливе Ньёрда жил Торкель Мудрейший. Он приложил много трудов, чтобы узнать, как обстоит дело. Он приходился Гриму близким родственником[68]. Храфнкель Годи дал ему сотню серебра, чтобы тот выведал, где скрывается Грим. Мало кто дружил с Торкелем.

Затем Торкель проехал горным путем по округам восточнее озера и спустился оттуда в долины, что лежат западнее озера. Вот он прибыл на Двор Арнейд.

У Грима был шестилетний сын. Торкель встретил мальчика и спросил:

— Ты Гримов сын?

— Да,— сказал мальчик.

Торкель сказал:

— А где живет твой отец?

— Не знаю, а если б знал, не сказал.

Вечером кто-то из женщин сказал:

— Так где же Убежище Грима, что-то я его не нахожу?

Торкель задал вопрос:

— Что означает «Убежище Грима»?

Тут вошел Ингъяльд и сказал:

— Козла нашего кличут Гримом и держат в загоне.

Торкель понял, что Грим тут, поехал прочь и доложил Храфнкелю, что к чему.

Весной Ингъяльд и Торкель Журавль выехали на юг к морю через ледники. Они спустились к Угловому Фьорду. Там у берега стоял корабль. Ингъяльд договорился о месте для Грима и всех его близких, а также для Торкеля Журавля, и заплатил кормчему, чтобы тот об этом молчал.

Затем Ингъяльд вернулся домой и вскоре привез Грима с семьей на корабль, и люди об этом не узнали. Ингъяльд был возле корабля, пока они не вышли в море. Затем он поехал домой. Храфнкелю стало известно, что Ингъяльд укрывал Грима, и он наложил на него пеню в три марки серебра.

Корабль Грима пришел в Согн. Тогда Торкель корабельщик сказал Гриму:

— Еда у меня для тебя найдется, но не в моей власти защитить тебя от Гуннара Норвежца[69] и всех остальных, кто ищет твоей смерти.

Затем Торкель покупает для Грима и его спутников лошадей и дает им провожатого в Упплёнд. Расстаются они по-дружески.

Грим с женой едут в Упплёнд и приезжают к человеку по имени Финнгейр. Он был молод и денег имел вдоволь. Сестра Финнгейра звалась Сигрид. Она была хороша собой и умна. Грим с женой остались там ночевать.

Финнгейр сказал Гриму:

— Куда держишь путь?

Грим же рассказал ему весь ход событий, как был.

— Оставайся у нас пол-месяца, если не против.

А когда этот срок вышел, Финнгейр сказал:

— Поезжай, Грим, на хутор, которым ранее владел мой брат. И если хочешь тут задержаться, смотри за хозяйством так, словно оно твое.

Грим это предложение принял.

XV

Некий викинг звался Гаус, и плохо было иметь с ним дело. Он и еще трое разъезжали вместе и причиняли людям множество бед. Железо их не брало. Гаус пробыл в Упплёнде несколько лет и согнал двух бондов с хуторов, а сам сел на их место. После этого Гаус посватался к Сигрид, сестре Финнгейра, но она не захотела идти за него. Тогда Гаус вызвал Финнгейра на поединок[70].

Финнгейр говорит:

— Не стал бы я медлить, будь я четырьмя годами постарше. Но лучше уж биться с тобой, чем просто отдать тебе сестру.

Финнгейр предлагал деньги за поединок с Гаусом и обещал выдать сестру за того, кто убьет его, но никто не захотел взять это на себя.

Грим сопровождал Финнгейра на поединок и вызвался биться вместо него. Вот приходят Гаус и его спутники, и тогда Финнгейр выложил шесть марок за откуп от поединка.

— Забираю эти деньги,— сказал Грим.

У Грима было два меча, ибо Гаус умел затуплять лезвия[71]. Грим все время рубил с обеих рук. Он взмахнул левой рукой, а правой ударил Гауса и отрубил ему ногу выше колена. Тут Гаус пал, но в этот миг он успел зацепить Грима мечом и попал в ногу; кость не была задета. Затем викинги убрались восвояси, а Грим забрал серебро и стяжал себе

этим подвигом добрую славу. Финнгейр отдал Гриму хутор, за которым тот надзирал, со всем имуществом, землями и скотом.

Рана Грима не заживала, и нога распухла. Однажды вечером к ним пришла женщина, которая назвалась лекаркой. Он предложила перевязать рану, и вышло так, что она перевязала ее, а затем скрылась. Вскоре на ноге Грима появился огонь вплоть до самого живота. Тогда послали за священником, и Грим был соборован[72] и после этого умер. А женщина эта была Гевьюн Ведунья[73]: ранее она была наложницей Гауса.

Зима подошла к концу, и весной Финнгейр купил для Хельги корабль, и она выехала в Исландию со всем своим имуществом. С ней вместе поехал и Торкель Журавль. Они вошли в Китовый Фьорд. Ингъяльд выехал навстречу дочери и привез ее домой на Двор Арнейд, и там она с тех пор жила. Хельга подарила половину корабля Торкелю, а половину продала норвежцам. Торкель уехал из страны следующей весной, и на этом кончается то, что можно сказать о нем.

Тордис, которая раньше была замужем за Хельги сыном Асбьёрна, была выдана замуж за Хёскульда, сына Торгейра Годи Светлого Озера[74]. Хёскульд захватил того Глума, который был вместе с Гримом сыном Дроплауг при убийстве Хельги сына Асбьёрна, и они с Тордис велели убить его.

После смерти Ингъяльда Хельги жила на Дворе Арнейд вместе с Торвальдом, ее сыном от Грима. У Торвальда был сын по имени Ингъяльд. Его сыном был Торвальд, и он рассказал эту сагу[75]. Хельги сын Дроплауг погиб зиму спустя после того, как священник Тангбранд прибыл в Исландию[76].

Сага о Торстейне Белом

I

Жил человек по имени Эльвир Белый[1]. Он был сыном Освальда, сына Хрольва Пешехода[2], сына Бычьего Торира. Эльвир был лендрманном и жил в Норвегии в долине Наумудаль. Ему пришлось бежать в Ирьяр от притеснений ярла Хакона[3]; там он умер. После него остался единственный сын по имени Торстейн, по прозвищу Торстейн Белый. Сразу после смерти отца он выехал в Исландию со всем имуществом и привел корабль в Оружейный Фьорд. К этому времени вся земля в стране была уже занята[4].

В то пору в Оружейном Фьорде у Капища жил человек по имени Стейнбьёрн, по прозвищу Крепыш; ему принадлежала вся земля между Оружейным Фьордом и Рекой Западной Долины, а досталась она ему от Эйвинда[5], дяди по матери. Стейнбьёрн жил на широкую ногу.

Когда Торстейн узнал, что все уже занято, он отправился к Стейнбьёрну, купил у него часть земли и поставил хутор на Загонных Полях. За несколько лет он успел нажить себе богатство и уважение. Не прошло много времени, с тех пор как Торстейн поселился на хуторе, как он замыслил жениться, посватался к Ингибьёрг, дочери Хродгейра Белого сына Храфна, и получил ее в жены. Она принесла ему пятерых детей. Одного их сына звали Энунд, второго Торд, третьего Torгильс. Дочерей его звали Торбьёрг и Тора. Торгильс подавал очень большие надежды. Вскорости Торстейн нажил большое богатство.

Стейнбьёрну Крепышу стало не хватать средств; он отправился к Торстейну и попросил ссуды. Торстейн охотно ссужал ему деньги, и так шло до тех пор, пока Стейнбьёрн совсем не издержался и стало неясно, сможет ли он устоять. Торстейну показалось, что от Стейнбьёрна больше нельзя ждать исправных выплат, и теперь он требует вернуть долг; кончается тем, что Стейнбьёрн отдает Торстейну землю у Капища в виде отступного. Затем Торстейн перевозит свой хутор к Капищу, покупает себе годорд[6] и становится местным хёвдингом. Его любили больше прочих людей.

Когда Торстейн уже прожил у Капища много лет, случилось так, что Ингибьёрг слегла от болезни и умерла. Для Торстейна это было тяжелой утратой. Однако же он продолжал по-прежнему держать хутор.

II

Одного человека звали Торир, он был сын того Атли[7], который занял Залив Атли к востоку от Озера. Ныне там овечьи загоны. Торир был женат. Его жена звалась Асвёр; она была дочерью Брюньольва Старого. У Торира и Асвёр было двое детей — сын по имени Эйнар и дочь Асвёр. Эйнар был человек решительный; ростом он особо не вышел, но был горазд пошуметь, и его не слишком любили. Асвёр была очень красивой девушкой, и всем по нраву.

В это время с Торстейном Белым случилась такая беда, что он заболел глазами и совсем потерял зрение. Он счел, что больше не может управляться с хозяйством, позвал Торгильса и попросил его взять распоряжения на себя[8]. Торгильс сказал, что ему положено помогать отцу, и он сделает все, что в его силах. Отец говорит, что Торгильсу не худо б жениться и советует свататься к Асвёр дочери Торира. Так и вышло, и Асвёр переехала на хутор мужа, и молодые полюбили друг друга. У них было двое детей; сын по имени Хельги и дочь Гудрун. Торгильсу к этому времени было около двадцати лет.

III

Жил человек по имени Храни, по прозвищу Золотая Шапка. Он был воспитателем Торгильса и родичем Асвёр. Храни был домочадцем на хуторе у Капища; нраву он был беспокойного и слыл человеком злобным. Жил человек по имени Торкель, по прозвищу Задирала. Торкель был силен и велик ростом; он тоже был домочадцем хозяев Капища и приходился им родичем. Жил человек по имени Торбьёрн. Он жил в Заливе Свейнунга — это место находится на полпути из Песцовой Низины к Чертополохову Фьорду. Торбьёрн был крепкий муж и человек ровный; он и Торстейн Белый хорошо ладили. Называют еще человека по имени Торфинн. Он жил в Долине Хневиля на Дворе Скегги; был у него и второй хутор[9]. Жену Торфинна звали Торгерд. У них было три сына. Одного их сына звали Торстейн — у него было прозвище Красивый,— другого Эйнар[10], третьего Торкель. Все трое подавали надежды, но Торстейн все же выделялся своими достоинствами. Он был уже взрослым к тому времени, когда начинается эта сага.

Жил человек по имени Краки; хутор его стоял в месте, которое называется Ручей Краки. Краки был человек с достатком; он был женат, и жена его звалась Гудрун. У них была единственная дочь по имени Хельга; она была очень красивой девушкой и слыла лучшей невестой во всей Речной Долине.

Рассказывают, что Торстейн Красивый попросил у отца товаров на дорогу и сказал, что хочет выехать из страны. Торфинн говорит, что так тому и быть, и выделяет сыну столько, сколько тот назвал. Несколько лет Торстейн провел в плаваниях, и они удачны; вот уже он обзавелся добрым именем и деньгами, и каждый раз, перед тем как покинуть страну, он оставляет часть выручки отцу и тем, кто живет в нужде. И как-то раз, когда Торстейн приехал на зиму в Исландию, Эйнар сын Торира заводит со своим отцом беседу, просит помочь ему товаром и говорит, что намерен побрататься с Торстейном и заключить с ним союз[11]. Торстейн сказал, что не откажет Эйнару и готов продать половину корабля —

— но есть у меня опасение — говорит он, — что союз будет не самым удачным из-за необходительности Эйнара.

Они заключают союз и выходят в море. Торстейн делает все, чтобы умножить славу Эйнара и оказывает товарищу уважение, но все равно получилось так, что люди ставили Торстейна выше Эйнара, так как он был человек доброжелательный и ровный. Некоторое время все идет гладко.

IV

Рассказывают, что как-то зимой, когда побратимы были в Исландии, Торфинн заводит с Торстейном беседу и спрашивает, что тот намерен предпринять летом. Торстейн говорит, что собирается в плавание. Торфинн говорит, что ему больше по душе, чтобы тот остался вместе с ним дома смотреть за хутором. Торстейн отвечает, что к этому у него не лежит душа, но что отец, конечно, вправе взять из запасов столько, сколько захочет: у Торстейна скопилось за время плаваний большое богатство. Торфинн говорит, что подыскал сыну невесту и предлагает свататься к Хельге дочери Краки. Торстейн отвечает, что это ему не по чину, ведь девушка-то единственная наследница Краки. Торфинн говорит, что они с Хельгой ровня друг другу, как по роду, так и по воспитанию. Вот они приезжают к Краки и заводят с ним речь о сватовстве. Краки отнесся к этому благосклонно. Затем то же самое изложили Хельге, и препятствий с ее стороны не обнаружилось. Там же при свидетелях их обручили[12]. Торстейн сперва хотел сходить в плавание, а свадьбу должны были сыграть по его возвращении.

Вот Торстейн с Эйнаром уезжают, и в море Торстейн заболевает болезнью, которая называется *цынга*[13], и впадает в немощь. Товарищи с подачи Эйнара стали над ним потешаться. Прибыв в Норвегию, они снимают себе помещение и перестают замечать Торстейна; он лежит

больной всю зиму. Эйнар издевался над ним и пустил о нем хулительные стишки. Весной Эйнар идет к Торстейну и требует раздела имущества — корабль, мол, нужен ему целиком, а Торстейн вряд ли осилит морской переезд. Торстейн ответил, что Эйнар выказал свой подлинный нрав, и все вышло в точности, как он предполагал. Они поступают с имуществом так; Эйнар выбирает, а Торстейн делит, лежа в постели.

Эйнар получил корабль и летом привел его в Исландию. Его расспрашивали о новостях, а он сказал, что не может рассказать точно; Торстейн, по его словам, еще не умер, однако же был в таком виде, что немудрено, коли он не вернется. Затем Эйнар отправился к отцу и при каждом удобном случае продолжал хулить Торстейна. Весной в Китовый Фьорд пришел корабль. Эйнар выехал туда и дал норвежцу-кормчему деньги, чтобы тот объявил Торстейна мертвым; кормчий и его спутники так и поступили. Эйнар вернулся домой, объявил о кончине Торстейна и добавил от себя, что тот умер позорной смертью.

V

Теперь Эйнар просит отца поддержать его сватовство к Хельге дочери Краки. Торир сказал, что все так и будет. Они выезжают из дому, приезжают к Краки и сватаются к Хельги от имени Эйнара. Краки отвечал, что хочет сперва разузнать о смерти Торстейна поточнее, но выдаст девушку за Эйнара, когда это будет известно наверняка. Торир сказал, что негоже медлить с помолвкой Эйнара, если девушку до этого обручили с Торстейном в два счета. Краки не дал связать себя обещаниями. Отец с сыном едут назад с чем приехали, а немного погодя Эйнар едет на север к Капищу, рассказывает Торгильсу о своем сватовстве и говорит, что ему отказали.

Храни стоял поблизости. Он ответил:

— Ни к чему тебе, Эйнар, знатные родичи, коли ты сейчас не получишь девушку в жены! — и он сказал, что Эйнару мало проку от дружбы с Торгильсом, раз тот пропускает поношение, которое устроили его шурину.

Торгильс отвечает:

— Я думаю, что Краки поступил мудро; я бы и сам вел себя так же, будь я на его месте.

Эйнару пришлось признать, что доводы Краки не лишены оснований. Но Храни вовсю подстрекал Торгильса выехать с Эйнаром. Торгильс сказал, что у него не лежит душа к этой поездке, хотя женитьбу Эйнара устроить можно. Все же они выехали и встретились с Краки, но получили тот же ответ, что раньше.

Тогда Торгильс сказал:

— Весьма возможно, что ты выдашь дочь замуж по своему усмотрению. Но тебе все равно не удастся уладить это, избежав распри.

Краки сказал:

— Я не буду этим рисковать.

Затем он обручает дочь с Эйнаром и вскоре устраивает свадьбу у себя на дому. Краки оговорил, что не отвечает за нарушение уговора с Торстейном.

VI

Теперь следует рассказать о Торстейне; ему полегчало. Следующим летом он снарядил корабль в Исландию, привел его в Китовый Фьорд; было это уже после свадьбы Эйнара. Торстейн собирался оставить плавания и жениться на Хельге; еще в пути он условился с норвежцами, что продаст им корабль. По приезде в Исландию он узнал, что уговор нарушен и Хельга выдана замуж. Тогда он поехал к отцу; сделку с кораблем они решили не отменять. Торстейн не подавал виду, что случившееся его задевает. Зимой он купил корабль, который стоял на берегу Сплавного Залива, и снарядил его в плавание. Братья Торстейна собрались плыть вместе с ним, но замешкались со сборами — им еще предстояло собрать недоимки с соседей по округе. Норвежцы недовольно ворчали, что коли ждать этих самых Торстейновых братьев, недолго и упустить ветер.

Тогда Торстейн сказал:

— Я съеду с нашего корабля братьям навстречу и попрошу их поторопиться, а вы ждите меня, пока не истекут семь ночей.

Торстейн выехал из Сплавного Залива и поехал по Секирному Фьорду; проехав Подмаренничную Пустошь, он спустился в Оружейный Фьорд и поехал дальше на юг по Пустоши Маслянистого Озера, миновал мост через Ледниковую Реку, проехал Пустошь Речной Долины, переправился через Плес и ехал вверх по течению, пока рано утром не прибыл к Заливу Атли. Торир и его домочадцы уехали в Сплавную Равнину валить лес. Эйнар был дома; он еще не встал с постели, когда Торстейн подъехал к дверям. На дворе стояла женщина по имени Оск. Она спросила, как зовут гостя.

Торстейн отвечает:

— Меня зовут Сигурд, я приехал отдать Эйнару долг и хочу вернуть его из рук в руки. Зайди разбуди Эйнара и скажи, чтобы он вышел.

У Торстейна в руке было копье, а на голове шерстяная шапка.

Женщина разбудила Эйнара, и он спросил, кто пришел. Та сказала, что он назвал себя Сигурдом. Тогда Эйнар встал, надел башмаки и плащ и вышел. А когда он вышел, то увидел, что на дворе стоит Торстейн; Эйнар слегка смутился.

Торстейн сказал:

— Я приехал сюда затем, чтобы знать, какую виру ты заплатишь мне за то, что в море издевался над моей болезнью и поднял меня вместе со своими товарищами на смех. И долго ждать я не стану.

Эйнар сказал:

— Сперва попроси у всех, кто смеялся над тобой. Я заплачу тебе тогда, когда заплатят другие.

Торстейн отвечает:

— Я не настолько обнищал, чтобы обходить всех, но намерен взыскать пеню с тебя.

Эйнар говорит, что платить не будет, поворачивается спиной и идет назад к себе в каморку. Торстейн просил его подождать и не спешить так к Хельге в постель. Эйнар не отозвался на его слова. Тогда Торстейн поднял копье и пронзил Эйнара насквозь, так что тот упал в каморку мертвый. Торстейн просил служанку позаботиться о теле.

Обратно Торстейн едет той же дорогой, что и приехал. Он скачет по кряжу на запад и держит путь к хижине Торбьёрна — она стояла между Песцовой Низиной и Ормовой Рекой. Торстейн справился у Торбьёрна, проезжали ли здесь его братья, но Торбьёрн сказал, что их еще не было. Торстейн рассказал ему о том, что случилось и просил передать братьям, чтобы они поторапливались. Сам он скачет к своему кораблю.

Служанка послала за Ториром и велела сообщить ему об убийстве его сына Эйнара. Торир, не мешкая, собрался в путь и выехал на север к Оружейному Фьорду вместе с двумя работниками. Они взяли лодку, переправились через Плес и добрались до хутора. Торир рассказал жителям Капища, что Эйнар убит. Торгильс ответил, что у него было дурное предчувствие уже тогда, когда Эйнар сватался к Хельге. Все просили Торгильса скакать вслед. Тогда он велел седлать лошадей. Храни всячески распалял Торгильса и сказал, что тот станет посмешищем, если погоня по его вине сорвется. Торир по совету Торгильса повернул домой, а его работники присоединилсь к Торгильсу. Они скачут всемером.

VII

Братья Торгильса подъезжают к хижине[14] Торбьёрна на следующее утро после того, как уехал Торстейн. Они завтракают, а затем ложатся

и спят. Торбьёрн отговаривал их как мог, ведь он уже поведал им про убийство Эйнара и передал послание Торстейна: Торбьёрн дружил и с теми, и с другими. Вскоре подоспел Торгильс и шестеро его спутников. Торбьёрн разбудил братьев и сказал им, что отряд Торгильса на подходе. Они уже не могли никуда бежать. Торбьёрн посоветовал им выкопать в сенях хижины глубокую яму[15] — «а сам я стану в дверях». Они так и сделали.

Торгильс со своими людьми идет к хутору. Увидев на привале взмыленных лошадей со следами от упряжи, он уверился, что братья внутри.

— Я знаю — говорит Торгильс,— что они тут.

Торбьёрн отвечает:

— Ты очень наблюдателен, но братьев, о которых ты говоришь, тут нет. А лошадей я велел пригнать из лесу, и мы только что сняли с них седла. Эти лошади принадлежат мне: сейчас их только что вывели из зимнего стойла, а давеча отгоняли с прибрежных пастбищ в Залив Свейнунга для строительства дома.

Торгильс сказал, что в это трудно поверить:

— И отойди от дверей; мы хотим обыскать жилище.

Торбьёрн сказал, что этого не допустит:

— тем более, что вы ни во что мое слово не ставите.

Храни сказал:

— Убьем его, если он не уйдет из дверей!

Торгильс отвечает:

— Это моему отцу не понравится.

Тогда Торкель Задирала предложил зайти сзади, забраться на стену и вытащить хозяина из сеней наружу. Торгильс просил его приступать, и Торкель устроил так, что Торбьёрна оттащили от дверей именно тем способом, о котором говорилось. Затем его связали. После этого они вошли в сени и стали совещаться, кому из них спускаться первым.

Когда Торгильс это увидел, то сказал:

— Какие из нас храбрецы, коли мы не смеем зайти внутрь!

И Торгильс прыгает вниз. Торбьёрн потом рассказывал, что пытался задержать его разговором, но тот ничего не слушал[16]. Торгильс держал щит над головой: он бросается в бой и прыгает в яму: там внизу братья его и убили. Затем спутники Торгильса сорвали крышу и обложили их со всех сторон. Храни Золотая Шапка забрался на стену, чтобы лучше видеть, что творится в яме. Тут его ранили копьем в руку. Братья защищались смело и отважно, но в конце концов пали, покрыв себя доброй славой. При этом пали также оба работника Торира, и

еще третий человек — Торгильс сын Торстейна; ему было тогда тридцать лет[17].

После сражения Торбьёрна освободили. Он отвез все товары братьев к кораблю и сообщил Торстейну о случившемся. Торстейн сказал, что Торбьёрн поступил хорошо, и они расстались друзьями. Летом Торстейн вышел в море и не возвращался пять зим. Он примкнул к вождям и прослыл доблестным мужем[18].

Храни Золотая Шапка прибыл к Капищу и сказал Торстейну Белому, что сыновья Торфинна мертвы, но погибло двое работников Торира.

Торстейн спросил:

— А где мой сын Торгильс?

Храни отвечает:

— Он тоже погиб.

Торстейн сказал:

— Жалкий рассказчик! От тебя с твоими советами одни только беды.

Летом против Торстейна сына Торфинна возбудили тяжбу, и за убийство Эйнара его объявили вне закона. Шип-Хельги было три года, когда погиб его отец Торгильс; для своего возраста это был многообещающий мальчик.

Торстейн сын Торфинна прибыл в Исландию через пять зим и привел корабль в Средний Фьорд. Он сразу же сел на коня и выехал на север к Капищу сам пятый. Шип-Хельги было тогда восемь лет. Когда гости явились, он играл на дворе возле амбара; увидев их, он предложил всем зайти в дом. Торстейн спросил, от чьего имени он приглашает. Мальчик ответил, что владеет здесь всем наравне со своим дедушкой. После этого Торстейн сын Торфинна и его люди зашли внутрь.

Торстейн Белый учуял купеческий дух и спросил, кто пришел. Торстейн сын Торфинна сказал все как было. Торстейн Белый молвил:

— Неужто мое горе кажется тебе слишком малым, раз ты явился сюда в мой дом глумиться над слепым стариком?

Торстейн сын Торфинна отвечает:

— Я пришел совсем не за этим: хочу предложить тебе разрешить тяжбу о смерти Торгильса, твоего сына. У меня хватит средств дать за него такую виру, равной которой доселе никто не платил.

Торстейн Белый сказал, что не желает мерить жизнь своего сына Торгильса кошельком.

Торстейн сын Торфинна, по прозвищу Торстейн Красивый, вскакивает со своего места и кладет голову на колени Торстейну Белому, своему тезке.

Тут Торстейн Белый говорит:

— Я не хочу, чтобы твоя голова отделилась от шеи. Место ушам там, где они растут. Я завершаю нашу тяжбу миром на том условии, что ты переедешь со всем твоим скарбом на хутор в Капище и будешь смотреть за хозяйством. Пробудешь ты здесь столько, сколько я захочу, а свой корабль продашь.

И Торстейн Красивый согласился на мировую на этих условиях.

Когда он и его спутники выходили из горницы, маленький Хельги сын Торгильса играл с золоченным копьем Торстейна Красивого, которое тот оставил у двери перед тем, как зайти в дом. Торстейн Красивый сказал Хельги:

— Хочешь получить копье от меня в дар?

Хельги идет советоваться со своим приемным отцом Торстейном Белым, можно ли ему принимать копье от Торстейна Красивого. Торстейн Белый отвечает ему, что, конечно, можно, и надо отблагодарить за него как положено.

В тот раз Торстейн Красивый провел у Капища одну ночь. Он выехал к своему кораблю и продал его, а затем перебрался со всем имуществом в Оружейный Фьорд в Капище. Торстейн Красивый сильно умножил движимость Торстейна Белого, своего тезки. Когда он пробыл там какое-то время, Торстейн Белый пожелал, чтобы его тезка Торстейн посватался к Хельге дочери Краки, и тот так и сделал. Торстейн Белый выехал вместе с ним, и сватовство было удачным; оно пришлось по сердцу и самому Краки. Хельга отправилась в Капище к Торстейну Красивому, так как Торстейн Белый хотел сыграть свадьбу у себя: он чувствовал себя уже слишком дряхлым, чтобы разъезжать по пирам. Так и решили. Свадьба прошла на славу, и супруги полюбили друг друга. Восемь лет жил Торстейн Красивый у своего тезки на хуторе Капище и был ему во всех делах вместо сына. А когда этот срок минул, Торстейн Белый сказал своему тезке:

— Мне было с тобой хорошо. Я убедился, что ты отличный хозяин и очень достойный человек: ты всегда держал себя, как положено мужу. Теперь я хочу, чтобы ты, твой отец и твой тесть Краки нашли себе иное пристанище и выехали из страны вместе со всем добром, которое у вас есть, потому что я вижу, что Хельги, мой родич, начинает глядеть на тебя исподлобья. Сейчас ему восемнадцать лет[19]. По всему видно, что жить мне осталось недолго, а Хельги, мой родич, растет большим заводилой, и смирять свой нрав вряд ли станет. Последуй же моему совету и не слишком медли с отъездом.

Торстейн Красивый сказал, что так и будет. Торстейн купил для своих домочадцев два корабля и выехал из страны. С ним вместе от-

плыли его отец Торфинн и его тесть Краки. Они пристали на севере Норвегии, а следующим летом выехали в Халогаланд и обосновались там всем семейством. Торстейн Красивый жил там до самой смерти и прослыл очень достойным человеком.

VIII

Хельги воспитывался на хуторе своего приемного отца Торстейна Белого. Он вырос большим и сильным; был он хорош собой, решителен и вспыльчив. Уже смолоду у него были большие помыслы. В детстве он был немногословен; возмужав, стал неуступчив и мстителен. Он был сообразителен и находчив[20].

Однажды днем случилось так, что когда коровы паслись во дворе на привязи, к хутору у Капища подошел чужой бык; он был большой и мощный. У Торстейна с Хельги в хозяйстве тоже был злобный большой бык. Хельги стоял во дворе и видел, как быки сдвинули лбы и стали бодаться, и хуторской бык оказался слабее чужака[21]. Когда Хельги это видит, он идет в дом, находит большие шипы для обуви и нацепляет их своему быку на лоб. После этого быки вновь сошлись в схватке, и в конце концов хуторской бык забодал чужака до смерти[22]: шипы вошли тому в мозг. Все сочли то, что предпринял Хельги, очень хитрым приемом. Отсюда и пошло его прозвище, а прозвали его Шип-Хельги: в прежние времена считалось, что два имени сулят больше удачи. Люди тогда верили, что человек проживет дольше, если у него есть еще одно имя[23].

По поведению Хельги быстро стало ясно, что ему суждено стать большим хёвдингом и повелевать людьми. Торстейн Белый прожил еще один год с той поры, как они с Торстейном Красивым расстались[24]: он прослыл очень значительным человеком.

Гейтир из Крестового Залива был женат на Халлькатле, дочери Тидранди Старого, сына Кетиля Грома… Гейтира и Халлькатлы[25]. Между Гейтиром и Шип-Хельги вначале была большая дружба, но затем пошла на убыль и обернулась заклятой враждой, о чем рассказывается в Саге о Людях из Оружейного Фьорда, а здесь Сага о Торстейне Белом заканчивается.

Сага о Гуннаре Убийце Тидранди

Глава 1

Жил человек по имени Кетиль, а по прозвищу Гром[1]. Он был сыном Тидранди и жил в Заливе Ньёрда. Жену его звали Торгерд. Их сыновья звались Торкель и Эйольв[2]. У них на воспитании находился юноша по имени Тидранди; он был сыном Гейтира и слыл самым многообещающим из всех молодых людей на Восточных Фьордах.

Жил человек по имени Бьёрн; он был сыном Корека[3] и жил в Обвальной Долине. Это был добрый бонд[4]. Были у него и братья.

Рассказывают, что однажды летом условились о конском бое. Один конь принадлежал Кетилю, бонду из Залива Ньёрда, а другой — Бьёрну, сыну Корека. Было многолюдно, и потеха удалась[5]. Там был и Тидранди сын Гейтира. Бой кончился тем, что конь Бьёрна победил.

После этого Бьёрн обратился к Тидранди и сказал:

— Я хочу стать твоим другом и дарю тебе коня, которым владел сегодня[6].

Тидранди поблагодарил его за подарок,—

— и ты, конечно, получишь в ответ мою дружбу.

Тогда Бьёрн сказал, что добился, чего хотел.

На сходке был человек по имени Торир; его называли Ездок в Англию. Он тоже условился о дружбе с Тидранди. Торир приехал в Исландию летом раньше и жил у Шип-Хельги[7] — тот был его большим другом.

Той осенью, как рассказывают, к Бьёрну сыну Корека и его братьям пришел наниматься человек. Он назвался Асбьёрном Кувалдой. Был он большого роста, приметный, сильный, черноволосый, с длинной шеей и смотрел исподлобья. Его спросили, откуда он родом. Он сказал, что с юга и что ранее он работал на Асгрима сына Ладейного Грима.

— Хотел бы наняться теперь на работу[8],— говорит он.— Если люди ищут себе хорошего работника, они не пройдут мимо меня.

Они сказали, что им как раз нужен умелый работник. Так он стал работать за плату на сыновей Корека. Его сноровка и рвение нравились им тем больше, чем дольше он у них жил. Он жил у них некото-

рое время, почти три года, и скопил себе себе имущество, и тогда он пожелал уйти и просил братьев выделить ему место для жилья. Они сказали, что ему, наверное, лучше работать по найму, а не сидеть на земле[9], но он отвечал, что в советах не нуждается. После этого они выделили ему место для жилья рядом с собой, и он жил при этом во многом на их деньги, а долги его росли, ибо он был неплатежеспособен.

Тогда Бьёрн сказал ему:

— Я так и подозревал, что хозяйство не принесет тебе выгоды, и я хочу, чтобы ты вернулся к нам и отработал свой долг.

Тот отвечал, что у него пока мало навыка ходить за хутором и просил, чтобы все осталось по-прежнему, и так и было. Он покупал много того, что считал желанным, и когда Торир Ездок в Англию приехал к ним в округу, Асбьёрн явился к нему и сказал, что хочет купить у него товаров[10].

Торир говорит:

— Разве ты не бедняк?

Асбьёрн сказал:

— Я не богач, но быстро наживаю добро сноровкой и трудолюбием.

Торир сказал, что продаст ему товары, и когда Торир встречается с Шип-Хельги, тот спросил о его сделках, и Торир сказал, как было.

— Ты продал человеку, который мне неприятен и охоч на всякие мерзости.

Осенью Торир поехал за недоимками, встретил Асбьёрна Кувалду и спросил о долге. Тот сказал, что не знает, надо ли добавлять при таком большом задатке, и Торир ничего не получил от него, а всего больше потеряли на нем сыновья Корека.

И когда Асбьёрн увидел, что не сможет сидеть спокойно, он бросил свой хутор, пришел в Залив Ньёрда к Кетилю и просил его о защите.

— Я прийдусь тебе впору, ибо я хороший работник, а сам ты — человек деятельный; от сыновей же Корека я видел мало хорошего.

Кетиль сказал, что не расположен принимать его, и что о его поступках идет дурная слава.

— Суди по своему опыту, хозяин,— говорит тот.

— Вряд ли разумно наживать из-за тебя врагов,— говорит Кетиль.

— Большой беды от того не будет,— говорит Асбьёрн.

Вышло так, что Кетиль принял его. И когда об этом узнают сыновья Корека, они едут к Кетилю в Залив Ньёрда, и говорят, что не получили с Асбьёрна законных долгов, и сказали, что потеряли на нем много добра.

Кетиль сказал, что они, наверное, правы,—

— Но платить за него я не желаю[11].

Тидранди был тогда в Заливе Ньёрда, и он замолвил слово, чтобы его приемный отец Кетиль заплатил что-нибудь за Асбьёрна.

Кетиль отвечает:

— Платить за него я не буду, но, пожалуй, позволю им с немногими людьми вызвать его на тинг[12].

— Странное, отец, ты принял решение; зная твою горячность, трудно ждать, что все пройдет гладко.

Кетиль отвечает:

— Очень уж ты радеешь об их деле, и, должно быть, своего коня отработаешь.

Тидранди сказал, что заботился прежде всего о благе самого Кетиля. На этом они едут прочь, а Тидранди уехал затем на север в Крестовый Залив и летом явился на сходку. Сыновья Корека договорились, что поедут в залив Ньёрда вызывать Асбьёрна, когда Тидранди поедет туда на угощение к родичам. Им казалось, что тогда их дела пойдут лучше.

Глава 2

В то же лето в Широкий Залив — это между Обжитым Заливом и Фьордом Городища — пришел корабль, и кормчих было двое: один звался Гуннар, а другой — Тормод. Люди покупали у них, и купцы решили остаться на зиму. Кетиль выехал к кораблю и пригласил кормчих к себе. Они отправились зимовать к нему. Гуннар был муж что надо — большой, сильный и собой очень видный.

Тидранди же летом приехал к сыновьям Корека. Они встретили его как нельзя лучше. Там он провел ночь. Они вызвались проводить его и сделать для него все, что понадобится. Он был этому рад. Тогда они сказали, что хотят поехать с ним в Залив Ньёрда вызвать Асбьёрна. Тидранди позволил им это.

Старый Корек сказал:

— Нехорошее у меня предчувствие перед этой поездкой, и вы, мои сыновья, ставите под удар доброго мужа, связавшись со столь необузданным человеком, как Кетиль, а еще — с негодяем.

Братьев, сыновей Корека, было трое: Бьёрн, Торфинн и Халльдор. Вместе с Тидранди поехал Торир Ездок в Англию и еще двое, которых не называют, а всего их было семеро. Вот они едут, пока не въезжают в лес[13], что рядом с Заливом Ньёрда; здесь они сошли с коней и стали в шутку бросать друг в друга прутьями.

Тут Тидранди сказал:

— Боюсь, мой приемный отец сочтет, что нас чересчур много, и рассердится.

Все это видел Асбьёрн Кувалда, ибо он был неподалеку и копал торф на болоте. Асбьёрн заметил людей и понял, кто это такие и с чем приехали. Тогда он бросает свои орудия и что есть духу бежит к дому. Кто-то из братьев метнул в него кол и попал Асбьёрну в живот. Шагу тот не убавил. Тидранди сказал, что дело их не улучшилось.

Асбьёрн вбежал в дом и кинулся к очагу; он был напуган. Кетиль же грелся у огня и спросил, чего ради он бежит столь стремительно.

Тот отвечает:

— Скверных людей лучше знать понаслышке. Тебя называют большим храбрецом, а ты не мстишь за меня, когда копье стоит в моем теле.

А Тидранди и его люди задержались, ведь они не могли ехать прямым путем по болоту. Тидранди сказал, что может себе представить, как Асбьёрн описал встречу с ними. Кетиль грелся у огня; он не ощутил жара и нашел это странным[14].

Асбьёрн просил его отомстить за него, если он настоящий мужчина, и Кетиль пришел в бешенство и сказал:

— Редко кому приходилось понукать меня к бою.

Кетиль выбегает из дома и хватает большое копье. А Тидранди и все его люди были уже на дворе. Тидранди просил всех остерегаться его приемного отца. Кетиль сразу подскочил к Бьёрну сыну Корека и пронзил его копьем насквозь, ибо тот оказался к нему всего ближе. И когда это видит Торир Ездок в Англию, он подбегает к Кетилю и рубит его прямо в грудь, и это была смертельная рана. Там пал и Торир Ездок в Англию от рук домочадцев Кетиля.

Глава 3

Тьодгейром звался человек, а другой — Торир Круг. Они были домочадцами Кетиля и пали в схватке. А Тидранди и его товарищи, те, кто остались живы, собрались ехать прочь по тропинке к югу от хутора, и всего их было пятеро. В дом вбежала работница и сказала об этом Гуннару с Тормодом, они же ни о чем не подозревали, так быстро все произошло.

Она сказала:

— Странные вы люди: сидите здесь, когда на дворе убит хозяин и с ним другие люди, и от таких, как вы, напрасно ждать толку.

Гуннар сказал, что она берет на себя лишнее, и в этом нет нужды,

— а кто из этих людей нанес наибольший урон?

— Этот самый Тидранди,— говорит она, поганая баба,— коли убьешь его, будет кое-какая месть за нашего бонда.

Гуннар метнул в них копье, и оно попало Тидранди в спину и пронзило его насквозь. Это был его конец, и он упал с коня мертвый. Но Торгерд, вдова Кетиля, и ее сыновья осудили убийство и назвали его большим несчастьем. Гуннар сказал, что теперь ничего не изменишь. Они отвечали, что здесь надо ждать крепкой мести с преследованием, и отказали норвежцам от дома. Торгерд сказала, что им нигде не будет покоя. Немного позже норвежцы исчезли, и никто не знал, что с ними сталось. Все горевали о случившемся, ибо Тидранди очень любили, и он был человек выдающийся. Весть о случившемся доходит теперь до всех мест.

Вскоре в Залив Ньёрда прибыл Торкель сын Гейтира[15] с несколькими людьми, дабы найти норвежцев и их имущество; он сказал, что нужно искать обоих и мстить им за злодеяния. Торгерд тоже сказала, что это необходимо, и что она, мол, уже выгнала норвежцев из дома. С этим Торкель и его люди уехали к себе домой.

Наступает зима, и Торкель сын Гейтира уверился в подозрении, что Гуннар, которого позже прозвали Убийца Тидранди, и его товарищ Тормод находятся в потайном месте у сыновей Кетиля, братьев Торкеля и Эйольва.

Зимой Торкель сын Гейтира завел беседу со своим домочадцем по имени Торд и сказал так:

— Я надумал отправить тебя на юг в Залив Ньёрда сказать братьям, что одна их лошадь отбилась от табуна.

Торд отвечает:

— Я отправлюсь туда лишь с тем известием, от которого братьям не будет вреда. Умысла против их жизни быть не должно.

Торд спускается в Залив Ньёрда и говорит братьям про лошадь. Они поблагодарили его за радушие к ним. На этом они расстались.

Немного позже братья Торкель и Эйольв, сыновья Кетиля, выехали к сеновалу, где было принято держать лошадей. Был снегопад без ветра, и было пасмурно. И когда братья были у двора, к ним подошли пятеро. Это был Торкель сын Гейтира и его люди. Они схватили братьев и связали их обоих. Торкель велел им рассказывать про норвежцев и сказал, что знает, будто те у них. Они отпирались и утверждали, что ничего не знают. Тогда Торкель развел их порознь.

У Торкеля сына Кетиля был плащ с капюшоном. Торкель велел забить на дворе теленка и обрызгать телячьей кровью плащ Торкеля сына Кетиля и его самого. Затем Торкель вновь сдернул с него плащ

и, обратившись к Эйольву, велел ему говорить про норвежцев, не то тот будет убит, как его брат, и что на плаще как раз его кровь.

Эйольв отвечает:

— Всяк охоч до своей жизни, и лучше уж я скажу про них, чем меня убьют. Они в нашем хлеву, где мы держим коз, и мы с братом все время носили им туда зимой еду, когда ходили к лошадям.

И как только Эйольв это сказал, привели Торкеля сына Кетиля, и он был невредим.

Тогда Эйольв сказал:

— Коварством взял ты нас, Торкель сын Гейтира,— сказал он,— но я бы хотел когда-нибудь рассказать тебе, Торкель, такую новость, чтобы ты пережил не меньше моего, когда объявил мне о смерти брата.

Глава 4

Торкель сын Гейтира велел тогда связать братьям руки и ноги, и они лежали там возле сеновала. Торкель сын Гейтира и его люди отправились к хлеву.

Гуннар завел речь:

— Беспокойные сны приходили ко мне ночью, друг мой Тормод,— говорит он,— и я бы хотел, чтобы мы сейчас вышли и поднялись в горы, ибо враг не заставит себя долго ждать.

Затем они вышли, и был густой снегопад. Тут они видят людей, и очень близко от хутора. Они побежали прочь в хлопьях снега. Торкель сын Гейтира метнул копье, и оно попало Тормоду в живот и положило конец его пути, и Тормод просил Гуннара думать о себе и спасаться. Гуннар сказал, что не привык убегать от своих товарищей.

— Вижу я, товарищ, как стоит во мне копье, и смерть моя близка.

Гуннар увидел, что рана Тормода смертельна и бросился прочь. Метель улеглась. Когда же Торкель подошел к Тормоду, он тут же добил его, что несколько замедлило их путь, так как пришлось прикрывать мертвеца[16]. Гуннар пришел на хутор, что стоит во Фьорде Городища и зовется Переправа. Там жил человек по имени Свейнки[17], он был большой храбрец и нравом неуступчив.

Гуннар сказал:

— Скоро мне понадобится кое-какая помощь, хозяин, ибо сюда идет Торкель сын Гейтира с четырьмя людьми и хочет лишить меня жизни и уже убил моего товарища.

Тот отвечает:

— Не часто мы встречались до этого, сейчас же твое дело плохо, хоть ты и выказал ранее свое мужество, отомстив за своего хозяина, а

нашего друга. Наша помощь будет тебе теперь слабой опорой, но подобные люди пощады не знают, так что сперва зайди в дом.

И тот так и сделал.

Затем Свейнки опрокинул на него кучу торфа, который лежал в сенях перед дверью, и вслед за этим к хутору подошли Торкель и его люди и встретили Свейнки на дворе. Торкель спросил, приходил ли Гуннар: он по всему чуял, что тот здесь. Некоторые рассказывают еще, что в этом походе вместе с Торкелем, своим родичем, был Хельги сын Дроплауг, но мы не знаем, так ли это[18].

— Мы хотим от тебя,— сказал Торкель,— чтобы ты выдал его нам, и расстанемся по-хорошему.

Свейнки сказал, что Гуннар здесь вряд ли отыщется, разве только он забежал в дом.

— Но хотя сейчас в вашей власти искать его там, раньше меня насильно не обыскивали[19].

После этого Торкель и его люди зашли в дом. Тогда Свейнки сказал тому, кто остался стеречь выход, здесь это был один из спутников Торкеля:

— Я встану тут, чтобы этот человек не выбрался, если он в доме, а ты иди в покои.

И вот тот бросился внутрь, а Свейнки просил Гуннара подыматься, сам же заложил дверь балкой[20].

Свейнки сказал Гуннару:

— Сейчас надо идти к берегу — там я держу свой корабль.

Они так и сделали. Там лежал корабль, это был маленький баркас, и он был поставлен вверх дном для смоления.

— Придется тебе лезть под корабль, и времени на раздумья нет.

Свейнки гнал при этом к морю ягнят, чтобы нельзя было понять по следам, что шли двое. Гуннар залез под корабль.

Глава 5

Теперь следует рассказать о Торкеле и его людях. Они вышли из покоев, оказались заперты и выбрались наружу не скоро. И когда они выходят, Свейнки пригнал ягнят обратно к дому и был уже на дворе.

Торкель сказал:

— С нами ты поступаешь не по-дружески, но как же ты поступил с Гуннаром?

— О Гуннаре я вам ничего не могу сказать,— говорит Свейнки,— но не исключено, что я отвечаю хитростью на насилие.

— Сходим-ка к морю,— сказал Торкель.

— Это можно,— говорит Свейнки.

Затем они подошли к кораблю, что лежал там вверх дном.

Тут Торкель сказал:

— Вот хорошее укрытие под кораблем.

Свейнки сказал:

— За тем и держу там корабельные снасти; почему бы кому-нибудь из вас самому не полезть под корабль и не обыскать еще и его? Или полезу я, коли не решаетесь вы.

Затем он залез внутрь. Тогда Торкель просунул туда копье, наткнулся на что-то живое, и попал Гуннару в бедро.

Когда Свейнки видит это, он вытаскивает нож, втыкает себе в бедро и развертывает его, прежде чем вылезти, так, словно был ранен копьем. По выходе он сказал:

— Не думаю, что вы в этот раз берегли меня: надеюсь, что этим дело не кончится, и мы еще поквитаемся.

Торкель сказал:

— Я не хотел причинять тебе вред, но не всегда получается как задумано.

Затем Торкель и его люди пошли на хутор и еще раз обыскали его и после этого уехали.

Свейнки тогда сказал Гуннару:

— Придется нам подыскивать себе новое место и прибегнуть к иным уловкам — можем попасть в еще худшую заваруху.

Затем он привел его в амбар, спрятал его в стоге и заправил сено так тщательно, как мог. Тут Торкель снова вернулся и двинулся в этот раз прямо к амбару.

Свейнки спросил, что это их носит,—

— коли вам нечем заняться, кроме обысков.

Торкель сказал, что не знает точно, как их провел Свейнки, но что ему не хочется убивать того на месте, пока вина не доказана[21].

Свейнки отвечает:

— С вас станется убить меня, но это сочтут поспешным убийством невинного человека. Я же буду пытаться отдать свою жизнь за жизнь, прежде чем склонюсь в траву.

На этом они расстались и те уехали.

Тогда Свейнки сказал:

— Придется вновь пробираться отсюда к морю по овечьей тропе.

И когда они спускались к морю, Свейнки сказал:

— Здесь против берега есть остров — до него трудно доплыть даже целому и невредимому, а сейчас это для тебя еще большее испытание.

Я бы хотел, чтоб ты туда переправился, если чувствуешь себя в силах: уж придется тебе явить свою мощь. А я навещу тебя сразу, как станет безопасно.

Гуннар сказал, что тот поступает хорошо,—

— пусть даже мне не удастся вполне отблагодарить тебя за помощь. А сейчас попробуем перебраться на остров, и я бы пошел на это, даже если б остров был бы подальше.

И Гуннар бросается в море в полном вооружении; он доплыл удачно, но сильно окоченел. Потом он ложится на землю, зарывается в кучу водорослей и спасается тем от холода.

А когда Свейнки уверился, что Торкеля нет поблизости, он привел свой корабль на остров, нашел там Гуннара и сказал, что теперь самое время немного помочь ему. Гуннар очень обессилел и едва мог ходить. Свейнки привез его к себе домой, и тот был у него несколько дней и отдыхал.

Тогда Свейнки сказал:

— Долго оставаться здесь ты не сможешь, ибо я не так твердо стою на ногах, чтоб держать тебя у себя, и поэтому я хотел бы послать тебя к Хельги сыну Асбьёрна[22], моему другу, и приходи к нему ночью; ты подойдешь к северной двери дома, где спит Хельги, ибо в обычае тех, кто ищет у Хельги защиты, стучать в эту дверь. Тогда он подойдет к двери сам — так бывало не раз.

Затем Свейнки вывел Гуннара на дорогу и рассказал, как ему нужно идти, и на этом они расстались. Гуннар шел, пока не пришел на Узкий Мыс. Хельги жил тогда там. Гуннар постучал в северную дверь дома, где спал Хельги.

Хельги проснулся и сказал:

— Кров нужен тому, кто стучит там.

Хельги выходит наружу сам, и они приветствовали друг друга. Гуннар излагает весь ход дела и передает слова и знаки Свейнки в подтверждение сказанному.

Хельги отвечает:

— Не лишен опоры тот, кому помогает Свейнки. Вообще-то мне нельзя принимать тебя, да и не лежат к тому наши помыслы, но я многим обязан Свейнки, так что заходи в мой сарай.

Гуннар провел там всю зиму, и к нему относились хорошо.

Глава 6

Следующей весной Хельги сыну Асбьёрна предстояло выехать из дому к морю, и он сказал Тордис, своей жене[23]:

— Вышло так,— говорит Хельги, что ныне вся наша дружба[24] зависит от того, насколько ты будешь верна мне в деле Гуннара, пока я буду в отъезде.

Она сказала, что, не испытав, не узнаешь. Затем Хельги уехал.

Однажды вечером, как рассказывают, к дому на Узком Мысу скачут двенадцать человек. Тордис, хозяйка дома, выходит на двор. Это приехал Бьярни сын Шип-Хельги, брат Тордис. Она предлагает всем зайти в дом.

— Предложено впору,— говорит Бьярни,— но вышло так, что мы явились сюда искать Гуннара Убийцу Тидранди, который убил нашего родича и названного брата. Рассказывают мне, будто он здесь в сарае, и мы взломаем сарай, если ты не захочешь открыть его.

Тордис отвечает:

— Такие речи, брат, тебе не к лицу, хотя ты волен поступать по-своему. И все же, родич, останься на ночь; это будет по-родственному. А Тидранди был мне столь дорог, что, по-моему, чем скорее за него отомстят, тем лучше; оттого и Хельги, мой муж, остерегался меня зимой, ведь он знал, что я желаю Гуннару смерти; покончим с этим до твоего отъезда.

Бьярни и его люди сошли с коней и остались на ночь. Тордис посылает двух людей по хуторам и созывает народ к себе. К утру туда явилось тридцать человек, ее соседи и друзья Хельги. Утром Бьярни подымается одетый и говорит, что хочет, чтобы его сестра выдала Гуннара.

Тордис отвечает:

— Не знаю, брат, зачем тебе нужно так поступать со своей сестрой и нападать на нее в ее доме; ты настолько меня не любишь, что требуешь силой отдать тебе под нож человека, которого муж отдал под мою защиту. Пусть многое другое сойдет тебе лучше, чем это, и Гуннара ты на сей раз не получишь, разве только пойдешь здесь на все.

Бьярни отвечает.

— Нас ловко провели, а у тебя, сестра, на уме совсем не то, что на языке.

Бьярни уезжает, с чем приехал. Тордис идет теперь к тому сараю, где был Гуннар, открывает его и спрашивает, по душе ли ему сдаться на милость Бьярни. Гуннар отвечает ей и говорит, что если бы ее муж Хельги был дома, такой выбор бы не стоял.

Тордис отвечает:

— Не стоит и теперь.

Гуннар поблагодарил ее. И вот Хельги явился домой, и ему рассказали, как все было.

Хельги отвечает:

— Знал я, что у меня хорошая жена, и хорошо, что добрая кровь в ней сказалась.

Гуннар оставался летом у Хельги; в то же лето его осудили на тинге[25], и Торкель сын Гейтира объявил его вне закона. А немного позже произошла встреча Хельги сына Асбьёрна и Грима сына Дроплауг, и Хельги был убит, и тогда Тордис сказала, что отошлет Гуннара на запад к Святой Горе к Гудрун дочери Освивра под ее кров и защиту, и радушно простилась с ним, и Гуннар приехал на запад к тому времени, когда Гудрун была помолвлена с Торкелем сыном Эйольва.

В то лето, когда Гуннар уехал к Святой Горе, Торкель сын Гейтира поехал к морю в Залив Ньёрда изымать имущество Гуннара. Братья Торкель и Эйольв, сыновья Кетиля, выезжают ему навстречу с несколькими людьми.

Когда они встретились, Эйольв сказал Торкелю сыну Гейтира:

— Ты, верно, рассчитываешь забрать имущество Гуннара.

— Таков замысел, говорит Торкель.

— Отличное это имущество, и его много,— говорит Эйольв,— но хочу сообщить тебе, что все оно вывезено из Исландии, а ты не получишь с него ни пеннинга.

Торкель понимает, что это, скорее всего, правда, и на этом они расстаются.

Глава 7

Теперь следует рассказать о Торкеле сыне Эйольва, что он едет на свою свадьбу к Святой Горе, и там собралось много народа. А вечером, когда люди моют руки, Гуннар Убийца Тидранди держит воду перед гостями и Торкелем сыном Эйольва, и на голове у него широкая шляпа. Торкелю кажется, что он узнал этого человека, и он спрашивает его об имени. Тот назвал себя так, как ему вздумалось, а не так, как его звали.

Торкель посылает за Гудрун дочерью Освивра; он требует, чтобы Гуннар Убийца Тидранди уехал прочь, и под одной кровлей им нет места[26].

И когда Гудрун слышит такие речи, она говорит, что ей нипочем, даже если она не получит в мужья этого Торкеля сына Эйольва, и пусть он уезжает туда, откуда приехал,—

— и ради него я не отдам под нож человека, которого хочу держать у себя.

Там был Снорри Годи, друг Гудрун, и вместе у них было сто человек. Торкель счел за благо вести себя тихо. После этого Торкель и Гудрун поженились.

А Гудрун дочь Освивра проводила Гуннара Убийцу Тидранди из страны с помощью Снорри Годи и богато одарила его[27]. Гуннар уехал из страны и никогда больше не возвращался в Исландию. Он послал богатые подарки Гудрун дочери Освивра, а Свейнки послал сообщить, чтобы тот выезжал к нему со всем своим имуществом, и тот так и сделал, а Гуннар принял его как нельзя лучше и отвел ему хороший хутор, и Свейнки жил в Норвегии до конца своих дней.

На этом кончается Сага о Гуннаре Убийце Тидранди.

О Тидранди и Торхалле

I

Одного человека звали Торхалль; он был норвежец и прибыл в Исландию в дни ярла Хакона. Он занял землю у Устья Кислого Ручья и жил на Освященной Земле. Торхалль был человек мудрый и ясно видел будущее; его называли Торхалль Ведун. В то время Торхалль жил на Освященной Земле, а Халль с Побережья жил в Лебедином Фьорде у Капища, и между ними была большая дружба. Халль гостил на Освященной Земле всякий раз, когда ехал летом на тинг. Торхалль же часто ездил на пирушки на восток к Халлю и подолгу жил у него.

Старшего сына Халля звали Тидранди. Он был красивый юноша и подавал очень большие надежды. Халль любил его больше прочих своих сыновей. Когда Тидранди вышел из детского возраста, он сразу стал разъезжать по другим странам. Куда бы он ни приезжал, о нем была наилучшая слава, ибо он был человек незаурядный, обходительный и вежливый с каждым от мала до велика.

Однажды летом Халль пригласил своего друга Торхалля заехать к нему на восток, когда тот поедет с тинга домой. Немного позже Торхалль выехал на восток, и Халль встретил его, как обычно, с большим радушием. Торхалль остался там на все лето, и Халль просил его не уезжать, пока не устроят осеннего угощения.

В то же лето Тидранди привел свой корабль в Медвежий Фьорд. Он поехал домой к отцу, и все любовались им, как и раньше, и превозносили его достоинства, но Торхалль Ведун неизменно молчал всякий раз, когда люди хвалили Тидранди.

Тогда Халль спросил, отчего он так поступает,—

— ведь твое слово много для меня значит.

Торхалль отвечает:

— Не то, чтобы мне не нравилась в нем или в тебе какая-то черта, и вовсе не потому, что я меньше других ценю его красоту и достоинства; скорее дело в том, что его и так хвалят многие. У Тидранди и в правду много достойных черт, хотя сам он скромен. Быть может, он не проживет долго, и тогда тебе будет тяжко лишиться столь способного сына, даже если б все не расхваливали его наперебой.

II

Когда лето подошло к концу, Торхалль сделался мрачен. Халль спросил его, к чему это.

Тот говорит:

— Не лежит у меня душа к угощению: есть у меня предчувствие, что осенью на пиру убьют ведуна.

— Это я берусь объяснить,— сказал хозяин,— есть у меня двенадцатилетний бык, которого я зову Ведуном, ибо он умнее прочей скотины. Его-то и убьют к осеннему пиру, и пусть тебя это не тревожит, ибо я надеюсь, что это мое угощение, как все другие, послужит людям на славу.

Торхалль отвечал:

— Я сказал вовсе не потому, что боюсь за свою жизнь: есть у меня много худшие и ужасные предчувствия, которые я пока скрою.

Халль сказал:

— Это еще не причина, чтобы отменять пир.

Торхалль отвечает:

— Речи тут не помогут, ибо все сбудется, как предназначено.

Угощение устроили поздней осенью. Пришло мало гостей, потому что дул сильный ветер и было много хлопот по хозяйству.

Когда вечером гости уселись за столы, Торхалль сказал:

— Я бы хотел просить всех внять моему совету и не выходить этой ночью на двор, ибо если пренебречь этим, случится большая беда. И если будут какие знаки, либо призывы, пусть никто не обращает на них внимания. А если кто откликнется, несчастий не оберешься.

Халль просил всех последовать словам Торхалля и держать их в уме,—

— ибо они всегда сбываются,— а лучше всего перевязывать по живому.

Гостей обхаживал Тидранди. Он, как всегда, был приветлив и вежлив. Когда же люди пошли спать, Тидранди указал каждому из гостей его место, а сам лег на полатях поближе к сеням. А когда большинство людей уснуло, в дверь постучали, и никто не подал виду, что слышал. Так продолжалось три раза.

Тут Тидранди вскочил и сказал:

— Стыд и срам, что люди притворяются спящими, а ведь это, наверняка, пришли званые гости.

Он взял в руки меч и вышел; никого не было видно. Тогда ему пришло в голову, что кто-то из гостей, должно быть, заранее подъехал к хутору, а затем поехал обратно за теми, кто выехал позже. Он пошел к роще; тут он услышал, как скачут по полю с севера. Он увидел, что это

девять женщин: все были в черных одеждах и держали в руке обнаженный меч. Он услышал также, как скачут по полю с юга. Это тоже были девять женщин, все в белых одеждах и на белых конях. Тогда Тидранди хотел повернуть обратно и рассказать о видении людям. Но к нему подоспели первые женщины,— те, что в черных одеждах,— и напали на него, а он защищался хорошо и мужественно.

III

Торхалль проснулся гораздо позже; он спросил, спит ли Тидранди, и ему не ответили. Тогда Торхалль сказал, что должно быть, уже проспали.

Затем вышли на двор. Была луна и стоял мороз. Они нашли Тидранди лежащим в ранах и внесли его в дом. И когда люди заговорили с ним, рассказывает он им все, что с ним приключилось. В то же утро на рассвете он скончался, и его положили в курган по древнему обычаю язычников. Затем стали выяснять, кто в округе выезжал из дома, и люди так ничего и не узнали о каких-либо врагах Тидранди.

Халль спросил Торхалля, что может означать это ужасное событие.

Торхалль отвечает:

— Не знаю наверняка, но думаю все же, что женщины эти были ни кто иные, как духи-двойники ваших родичей. Я догадываясь, что здесь случится смена веры, и сюда в страну придет лучший обычай. Я полагаю, что те ваши дисы[1], которые были привержены прежней вере, знали о смене обычая заранее, как и о том, что вы, родичи, отвергнете их. И вот они не пожелали расстаться, не взяв с вас на прощание дань. Они, должно быть, выбрали себе Тидранди, а лучшие дисы[2] хотели его защитить и не смогли.

И вот это событие, как и сказал Торхалль, а также многие другие подобные вещи предвещали радостное время, которое вскоре пришло: Всемогущий Бог окинул милостивым взором людей, заселивших Исландию, и через своих посланников избавил этот народ от долгого рабства у Врага и затем привел своих возлюбленных сынов к совместному обладанию вечным наследством, как он обещал всем тем, кто хочет служить ему при помощи добрых дел.

Но и не в меньшей степени показал Враг рода человеческого в подобных делах, и во многих других, о которых дошли рассказы, сколь неохотно он выпускает свою добычу. Под этим следует понимать — тот народ, который он все это время держал в плену в путах своих проклятых идолов,— когда он подобными наскоками вымещал свою неистовую ярость на тех, над кем он ранее имел власть; уж он-то знал, что вскоре его посрамят и заставят расстаться с награбленным.

А Халлю было так тяжело смириться со смертью Тидранди, своего сына, что жизнь у Капища стала ему в тягость: перенес он свой хутор к Купальной Реке.

Однажды, когда Торхалль Ведун гостил на Купальной Реке у Халля, случилось так, что Халль лежал у себя в каморке, а Торхалль — на постели напротив, и в каморке было окошко. Как-то утром, когда оба не спали, Торхалль улыбнулся.

Халль сказал:

— Почему ты улыбаешься?

Торхалль отвечает:

— Я улыбаюсь потому, что вскрывается каждый холм, и каждая тварь, большая и малая, готовится в путь и складывает свои пожитки.

И вскоре произошли события, о которых надо теперь рассказать*.

* [Тангбранд прибыл в Исландию и возвестил христианство.]

Сон Торстейна сына Халля с Побережья

Этот сон видел Торстейн, сын Халля с Побережья, на востоке на хуторе Свиная Гора[1], перед тем, как был убит там.

Три женщины явились к нему[2] и сказали:

— Проснись, о Торстейн,— сказали они,— Гилли, твой раб, хочет предать тебя за то, что ты велел оскопить его[3], и это не ложь. Вели же убить его,— сказали они[4].

Потом та, которая шла впереди, сказала эту вису и была удручена горем:

[№ 1]

Мечет кость несчастья
Вкось жена честная,
Свищет весть зловещу
Войску меченосцев.
Отравляет гриди
Радость Герд секиры.
Суженой Хедина
Не уймется стужа,
Не уймется стужа[5].

Тут Торстейн проснулся и велел искать раба, и его не нашли. На следующую ночь Торстейн опять заснул. Тогда к нему явились женщины из сна с той же вестью, и впереди шла та, которая раньше была второй, и так сказала шедшая впереди:

[№ 2]

Шел вперед к свершенью
Мастер приговора.
Суд богов неласков —
заглушить вражду бы
до того, как Бальдра
благ ларца поглотит
Двалина удавки
давняя подруга,
давняя подруга[6] —

—и близок твой час, Торстейн!

Торстейн проснулся; искали раба, и не нашли его. Те же события случились на третью ночь, и они пришли вновь, и были на этот раз все в слезах. Та шла впереди, которая раньше была последней.

Она же сказала:

— Куда нам идти после твоего дня, Торстейн? — сказала она.— Куда податься нам после того, как пробьет твой час?

Он отвечает:

— К Магнусу, моему сыну[7],— сказал он.

— Недолго сможем мы при нем быть, сказала она и произнесла затем вису:

[№ 3]

Ран глубоких гостья,
Резвая секира,
Взгромоздясь на гребень,
Труп вождя венчает.
На высоком своде
Для души пропавшей
Серп небес сияет.
Канул в мглу провала,
Канул в мглу провала[8] —
— твой век, Торстейн!

После этого Торстейн и Ингвильд, его жена[9], велели искать Гилли, но его нигде не было. Затем сделалась буря, и хозяин не хотел, чтобы они уезжали в такую плохую погоду.

И на следующую ночь раб Гилли вошел в потайную дверь, когда люди спали; он держал в руке большой нож[10]. Торстейн же спал так, что положил руку себе на голову. Гилли поразил Торстейна ножом в горло, а тот вскочил и схватил меч, но тут же упал на спину мертвый. Раб же побежал в кухню и защищался там, стоя в углу, ибо домочадцы Торстейна преследовали его. Затем они накинули одежду на его оружие. Тогда он отбросил нож и сказал:

— Вышел ныне срок моей жизни.

Тогда Ингвильд сказала:

— Кто подбил тебя на это злодеяние?

Он отвечает:

— Ничей другой это замысел, кроме как мой.

Тогда на живот Гилли поставили таз с горячими угольями.

Тут Гилли сказал:

—Хватит меня мучить, или я, Ингвильд, молвлю то слово, которое будет вам вечным проклятьем и не престанет в вашем роду.

Тогда Ингвильд отпихнула таз, но живот Гилли лопнул от жара. Затем его отнесли во двор и похоронили в сугробе, и еще сейчас можно видеть это место.

Этот Гилли был сыном Ятгуда, сына Гилли, сына Бьядака, сына Кьярваля Старого[11], конунга Ирландии, который долго там царствовал.

Саги о недавних временах

Саги о Посошниках

1. Хакон сын Сверрира избран конунгом

После того, как весной умер конунг Сверрир, летом Хакон, его сын, был избран конунгом на Эйратинге на севере в Трандхейме[1]. На этом сошлись все хёвдинги, которые прежде служили его отцу конунгу Сверриру. Незадолго перед тем умер Сигурд Повелитель, сын конунга Сверрира[2]. После него остался сын по имени Гутхорм.

В то время, когда конунг Сверрир осаждал крепость в Тунберге, о чем было написано ранее, жители Упплёнда дали Инги[3] звание конунга. Когда же Инги узнал, что Сверрир покинул Вик, он спустился из Упплёнда в Вик и находился там до тех пор, пока не проведал о кончине конунга Сверрира. Тогда Посошники решили сесть на корабли и собрали большое войско. Они рассчитывали плыть на север в Берген. Попутного ветра пришлось ждать довольно долго.

Когда весть о Посошниках дошла до Бергена, там находился Сигурд Конунгов Родич, сын сестры конунга Сверрира. Его мать звали Хельга; она была дочерью конунга Сигурда. Сведав про Посошников, Сигурд собрал множество крупных судов и вывел их в море; у него было большое войско. Он встретил Посошников южнее Ядара, согнал на берег и захватил все их корабли со всем добром. Сам Инги бежал на восток в Вик, а оттуда — в Упплёнд, и на лето стал в горах у озера Мьёрс. Здесь его предали свои же люди. Одного человека звали Гуннар Вьюк; его Инги раньше сажал вблизи себя и делал ему много добра. Этот бонд убил Инги на Святом Острове на озере Мьёрс[4]. После этого войско рассеялось, и те, за кем были большие дела, бежали из страны, кто в Данию, а кто и подальше.

Королева Маргрет, которая ранее была за конунгом Сверриром, после его смерти уехала на восток в Гаутланд и увезла с собой Кристин, их с конунгом дочь, а сверх того — многие сокровища конунга. Весну она также провела в Гаутланде.

В то же лето конунг Хакон выехал на восток в Вик и долго там находился. Он отправил всем епископам, которые были с конунгом Сверриром в распре, послания, дабы они явились к нему и помирились с ним, как повелел конунг Сверрир перед своей кончиной. Он также послал за своей сестрой Кристин, и ее забрали против воли

королевы[5]. Летом епископы вернулись к своим престолам и сделались друзьями конунга. Осенью конунг Хакон отплыл в Берген и пробыл там всю зиму. Всему народу он пришелся по нраву.

Той осенью из Исландии приплыл Гудмунд сын Ари[6], которого избрали епископом Севера страны. Конунг принял его как нельзя лучше. Новый епископ пробыл с ним некоторое время. С тех пор он всегда был большим другом конунга.

Эйнар Священник[7] был женат на сестре конунга Хакона, одной из дочерей конунга Сверрира; он был наместником на юге в Рогаланде. Он был большим хёвдингом. Конунг Хакон ставил его выше других. С Берестяниками были и многие другие хёвдинги: Хакон Шальной[8], Петр Истребитель[9], Сигурд Конунгов Родич[10], Хроар Конунгов Родич, Эйвинд Священников Зять[11] и многие другие видные люди, выделявшиеся как происхождением, так и собственной славой.

2. Про Эрлинга Каменная Стена

Эрлингом Каменная Стена звался человек, которого называли сыном конунга Магнуса сына Эрлинга. Он попал в плен в Стране Вендов[11А] и содержался под стражей. Одну вендку звали Маргрет. Вот как она вызволила его оттуда: они с Эрлингом разодрали одежду на части и связали из нее канат. Эрлинг выбрался через окошко на каменную стену, а оттуда по привязи вниз, но до земли привязь не доставала, и тогда он упал и повредил себе бедро. Но поскольку ночь была темной, он спасся и впоследствии объявился в Дании[12]. С тех пор его называли Эрлинг Каменная Стена.

В то лето, когда конунг Хакон был в Вике, Эрлинг Каменная Стена приплыл в Сканэйяр и открыл норвежцам свое происхождение. Тут же вызвались люди следовать за ним, но он сказал, что не хочет подымать войска против конунга Хакона или чинить смуту, пока тот правит Норвегией. Затем Эрлинг отплыл в Копенгаген и пробыл там зиму.

3. Кончина конунга Хакона сына Сверрира

Осенью конунг Хакон выехал в Берген и пробыл там зиму, а летом отправился на восток в Вик, но осенью вернулся в Берген и приготовился зимовать. Той же осенью Эрлинг припыл в Сканэйяр, и тогда же с востока из Гаутланда в Берген приехала королева Маргрет и осталась на зиму, и ладили они с конунгом Хаконом довольно худо.

Зимой во время йоля[12А] конунг Хакон заболел, и сразу настолько тяжело, что члены его отнялись. Тогда он велел отнести себя в крепость и некоторое время лежал там, а потом умер. Его похоронили в Церкви

Христа; над его могилой очень горевали, ибо его любили больше прочих людей. Был он веселого нрава и щедр, величав и воспитан в лучших обычаях, отважен и в ратных делах удачлив. Он всегда был для Берестяников надежной опорой, о чем написано ранее.

Королеву Маргрет обвиняли в том, что она велела одному человеку отравить питье конунга. Берестяники схватили этого человека и обвинили его, а он отрекался и предложил испытать его очищением[13], и вышло так, что перед испытанием он постился и нес железо достойно и отважно. Но когда железо убрали, рука оказалась сильно обгоревшей. После этого его отвели к Бергенскому Заливу и там утопили.

4. Гутхорм сын Сигурда избран конунгом

В то же лето Берестяники избрали себе конунгом Гутхорма сына Сигурда Повелителя. Он был еще ребенком, а во главе войска стояли Хакон Шальной, сын сестры конунга Сверрира, и Петр Истребитель, сын другой сестры конунга Сверрира. Его женой в то время была Ингибьёрг, дочь конунга Магнуса. Вот кто еще был с ними: Сигурд Конунгов Родич, Эйвинд Священников Зять, Хроар Конунгов Родич и много иных именитых людей.

Когда же об этом узнали те, кто прежде был с Посошниками, они сочли, что от Берестяников ждать добра не приходится, и уехали из страны в Данию. Торлейв Ножны и сыновья Энунда Сходни, Одд Зуб и Арнбьёрн Тролль, явились к Эрлингу Каменная Стена в Копенгаген. Там у них собралось войско. К ним примкнули многие из прежних Посошников. Затем они направили послание своим друзьям в Вик и назначили им встречу у Алаборга в канун поста. Туда явились из Норвегии Хрейдар Посланник[14], Сёльви сын Дис, Филиппус из Вегины[15]. У них было большое войско и много людей, и когда они приплыли в Вик, весь народ подчинился им, и они поплыли на запад к Осло. Там находился в то время епископ Никулас[16]. Эрлинг просил епископа дать ему подтвердить свое происхождение, но епископ устраивать очищение в Осло не захотел. Тогда пришли многие из предводителей войска и поддержали Эрлинга. Кончилось тем, что епископ позволил Эрлингу нести железо в Борге[17], если он того хочет. Эрлинг отправился в Борг и начал поститься. Епископ подъехал, когда тот уже был готов взять железо. Тут епископ сказал, что нести не нужно,—

— езжай в Тунберг и неси железо там, ибо туда явится конунг датчан, а он должен видеть испытание.

Тогда Эрлинг выехал в Тунберг и стал дожидаться конунга датчан. Епископ Никулас и конунг датчан договорились, что конунг поедет

в Норвегию и возьмет с собой Филиппуса сына Симуна, сына Кари, племянника конунга Инги сына Харальда и родича епископа Никуласа[18].

И вот весной в канун Ботольвова Дня[18А] Вальдамар Конунг Датчан прибыл в Тунберг на более чем трехстах кораблях; он плыл с миром. Тогда Эрлинг еще раз постился перед испытанием и нес железо храбро и достойно. Было это на глазах епископа с конунгом, а когда пришло время освобождать руку, конунг датчан выстроил вокруг церкви вооруженных людей, и не очисться Эрлинг, его участь легко было предвидеть. Весь день Эрлинг находился при конунге датчан. Конунг дал ему тридцать пять кораблей со всей оснасткой. Наутро был созван Хаугатинг, но еще до тинга епископ Никулас поддержкой друзей и собственным могуществом добился того, чтобы его родич Филиппус был избран ярлом. Епископ обещал положить за них все свои силы. Тогда же Эрлинга избрали конунгом. После этого он дал Филиппусу звание ярла. Затем конунг датчан уехал к себе на юг в Данию.

Было много таких, кто примкнул к Эрлингу и принес ему присягу. Теперь к Эрлингу примкнули Арнбьёрн сын Йона[19], сына Гаута, и Хельги сын Биргира, Асбьёрн Набалдашник[20], Гюрд сын Бентейна, Гутхорм Мутовка, Орм Длинный, Торд Ворот[21], Бенедикт из Гуманеса, Симун Корова[22], Кольбьёрн Рыжий[23], Гюрд Косой; у них набралось много народа, и все как на подбор. В канун Иванова Дня они созвали Боргартинг. Там Эрлинг был избран конунгом, а Филиппус — ярлом. Затем они вернулись обратно в Тунберг. Все Берестяники бежали из Вика на север в Трандхейм, а некоторые — в Берген. Те Берестяники, которые прежде сидели в Бергене, бежали оттуда на север, едва до них дошли вести о том, что в Вике стоит датское войско.

Тем же летом в Трандхейме умер конунг Гутхорм. Тогда Берестяники созвали Эйратинг. На нем были архиепископ Торир[24] и все умнейшие люди Трёндалега. На тинге говорили об избрании конунга. Хакон Шальной перед этим женился на фру Кристин[25] вопреки советам архиепископа. Большинство бондов желало избрать Хакона[26], но архиепископ был против. Еще называли Сигурда Конунгова Родича, сына дочери конунга Сигурда сына Харальда, а также Петра Истребителя, сына сестры конунга Сверрира.

Инги звался сын Сесилии Конунговой Дочери; он был брат Хакона Шального и сын Барда сына Гутхорма. Инги был тогда в Торговом Месте[27], и поскольку он был трёнд родом, весь народ желал его в конунги. Была на то и воля архиепископа, ибо Инги ранее воспитывался у него. И Инги избрали конунгом. Но поскольку он был юноша и пол-

ки водить не обучен[28], а надо было ждать больших смут, воины советовали Инги дать Хакону звание ярла, что и было сделано.

В канун Дня Олава[28а] Эрлинг вышел из Тунберга со всем своим войском, и они поплыли на тридцати пяти кораблях вдоль побережья на север. Они взимали военный побор и все конунговы подати и шли довольно медленно. Когда же они подошли к Бергену, в городской крепости сидели Берестяники Дагфинн[29], Торгрим из Льянеса[30] и Торир Ловчила, и с ними почти две сотни людей.

Посошники вошли в город и устремились наверх к крепости, и некоторое время они перестреливались из луков. Тут Эрлинг Каменная Стена сказал своим:

— Не стреляйте в них, ведь все они — наши люди.

Ночевали Посошники на кораблях,— некоторые из них стояли на якоре, а другие у Моста Монахов,— а днем всегда находились в городе. Всякий раз они поднимались к крепости, и обе стороны перестреливались из луков. Многие были ранены, но убитых было мало.

Однажды днем конунг Эрлинг и его люди прошли на гребных судах от острова Хольм до Епископского Моста; там они пристали и поднялись к Церкви Креста. Когда Берестяники это увидели, они выходят им навстречу и теснят их столь яростно, что Посошники обращаются в бегство. Эрлинг и часть людей попрыгали в воду, а другая часть пала. Некоторым удалось добраться до кораблей, и добравшись, они спросили Эрлинга, по-прежнему ли это их люди. Конунг сказал, что это так и есть.

Немного позже Посошники отплыли из города на север, ставя наместников по округам, и плыли вдоль побережья до Ругсунда. Там они стояли три недели. Тогда же епископ Никулас собрал свои подати[31], и у них скопилось много денег. Тут к ним примкнули бонд Лодин из Лейкины и Никулас сын Ботольва[32] со своим братом Кёрлунгом, Эйндриди Цапля, Кальв с Хорнины. В это время они узнают, что Берестяники избрали себе конунга и ярла и собираются плыть с большим войском на юг. Тогда Посошники поворачивают назад в Берген и ставят свои корабли в Лососьем Заливе.

При епископе был тогда один гебридец, который умел делать метательные орудия, и он говорил, что порушил перед этим множество крепостей,—

— и коли не порушу эту,— сказал он,— заложите меня самого в орудие и метните в крепость.

Затем к крепости подвезли бревна и начали строить орудие. Эту пору прозвали орудийной осенью.

В это время в город пришла весть, что у Ставафьорда показались паруса Берестяников, и что те держат путь на юг. Кормчих созвали на сходку и стали справляться, какое решение людям больше всего по душе. Конунг хотел, чтобы они остались и сразились с Берестяниками.

Епископ отвечал:

— Если ты, конунг, хочешь сразиться здесь с Берестяниками, тебе не понадобится впоследствии печься о тех, кто сейчас за тобой следует. Мой совет собраться как можно скорее, поднять наши паруса и плыть на восток в Вик. Там и будем биться с Берестяниками, если они за нами последуют.

Этот совет был принят. Епископ тотчас велел убрать шатер на своем корабле и вышел из залива в море, а за ним каждый, кто в тот миг был готов. Они плыли днем и ночью, пока не прибыли в Тунберг. Затем епископ уехал в Осло.

Берестяники вошли в Берген чуть позже того, как Посошники двинулись в путь. У них было большое войско и крупные суда; они сочли, что в предверии зимы угнаться за Посошниками будет трудно. Некоторое время они пробыли в Бергене, а после вернулись обратно на север в Трандхейм и провели зиму там, а Посошники — в Вике. В Упплёнде были и те, и другие.

5. Перечень Мужей

В Упплёнде из Берестяников были Ульв Петух, Харальд Пика[33], Гудлейк Кадушка Жира и много иных предводителей. А из Посошников были Торальди сын Ауги, Гудлейк Увёртка[34], в Хрингарики — Бенедикт из Гуманеса, в Вальдресе — Йон Прислужник. Зимой они убили Нарви Копье, и с ним множество народа, но некоторым удалось спастись и бежать в Согн. И Берестяники, и Посошники нередко нападали друг на друга или устраивали засады; с обеих сторон были убитые.

Весной после пасхи Эрлинг отрядил свои весельные ладьи и все легкие суда. Над ними были Арнбьёрн сын Йона, Никулас сын Ботольва, Лодин Окольничий[35], Гюрд сын Бентейна, Атли Служанка. У них было восемнадцать кораблей; они собирались идти в Берген и шли быстро. Но когда они подшли к Фьольбюрье, до них дошли вести, что Эйнар Конунгов Зять сидит в Ставангре и ничего не проведал об их походе. Тогда они повернули туда и днем прошли на парусах мимо Ядара, а к середине дня подошли к городу. Когда же до Эйнара дошла весть об их походе, он был на заключении мировой. Он не рассчитывал, что до них доберутся так скоро, а когда Эйнар и его люди

увидели корабли, они побежали в церковь Свитхуна и в церковную звонницу.

Посошники взломали церковь и предложили Эйнару пощаду. Затем они зашли внутрь; тогда Эйнар принес на мощах Свитхуна клятву никогда не быть против конунга Эрлинга. После этого его вывели наружу. Предводители хотели оставить ему жизнь, но воины решили по-своему и убили его. Было убито еще четверо из тех, кого вытащили из церкви; около пятидесяти человек получило пощаду. Посошники захватили там большие деньги с военных поборов, которые Эйнар ранее собрал с Рогаланда. Затем Посошники вернулись обратно в Тунберг.

6. Про Берестяников и Посошников

Берестяники потребовали ополчения со всего севера страны и весной выехали на юг в Берген с очень большим войском, а затем двинулись на восток в Вик. Петр Истребитель забрал себе наместничество, на котором прежде сидел Эйнар, и посадил там Ани, сына своей сестры, с Торкелем Драконом. Сам же Петр поехал с конунгом на восток.

Посошники были в Тунберге: корабли их были снаряжены, и они собирались идти на север. Но когда дошли вести о Берестяниках, они собрались на совет. Епископ Никулас сказал, что биться с таким полчищем нельзя, и нет иного выхода, как отплыть в Данию. Было решено поднять паруса и плыть юг в Халланд; некоторое время они стоят в Виске.

Берестяники вошли в Тунберг и созвали там Хаугатинг. На нем Инги был избран конунгом, а Хакон ярлом. Они снова подчинили Вик себе и посадили наместников. Потом они отправились в Борг и созвали Боргартинг. Там Инги также был избран конунгом, а Хакон — ярлом. Затем они вернулись в Тунберг.

А когда об этом узнают Посошники, они держат совет. Ярл Филиппус отплыл с севера в Вик, и с ним Арнбьёрн, Филиппус из Вегины, Хрейдар, Никулас сын Ботольва, Атли Служанка, Хельги Кишка; у них было двадцать кораблей. Конунг с частью войска остался. Епископ Никулас уехал на юг в Копенгаген.

Посошники плыли на север во всю мочь и рассчитывали нагрянуть внезапно, но когда они вошли в Хавстейнсунд, им стало известно, что на восточном берегу Берестяников нет, и они дожидаются наступления ночи, чтобы пересечь фьорд. В это время с юга у Траума показался большой торговый корабль, и он сразу ушел из пролива и поплыл к городу. Тут стражники стали скликать войско. Торговый корабль ми-

нует пролив и плывет поперек фьорда. Посошники смекнули, что весть о них успеет дойти до Тунберга; они налегают на весла и гребут вслед. Корабль уже шел мимо мыса Бримстейн; когда Посошники убедились, что нагнать его не удастся, они повернули назад в Хавстейнсунд. Затем они отвели все войско в Лимафьорд и летом долго находились в Алаборге. Туда прибыл и епископ Никулас. Потом они отплыли из Конунгахеллы на север к Аугусунду, и сошли там на берег, а корабли вместе с Арнбьёрном Троллем, Лодином Окольничим и почти двумя сотнями людей отослали обратно на юг в Халланд. Те плыли на юг до Ницы и вытащили там корабли на берег. Туда прибыл тогда же и епископ Никулас: он сошел с Книжной Торбы на землю и поехал на запад в Вик посуху. С ним отправились многие Посошники, но некоторые добирались туда на мелких судах. Осенью они встретились в Борге. Все свои корабли они отвели в горы в озеро Мьёрс, а оттуда — еще дальше на север в Хейдмёрк. На подходе к Малому Хамару убили Одда Зуба; это сделал Гудлейк Кадушка Жира. Он выбежал из лесу сам четвертый, а потом скрылся обратно в лесу.

Посошники взяли путь на север через горы, спустились в Уппдаль, далее в Оркадаль и ехали оттуда до Торгового Места. Несколько отрядов Посошников выехало из Упплёнда и спустилось в Хардангр. Вот кто из предводителей был там: Сёрквир Олух, Симун Вол[36], Эрлинг Короткая Шея, Халли Наковальня, Эгмунд Дубовая Роща. У них было тридцать человек. Они убили Эрлинга Берестяника и его сына. Тут они проведали, что Торкель Дракон и его люди находятся неподалеку и отправились искать их. А Торкель и с ним двадцать пять человек плыли на весельной ладье[37]; они пристали напротив Эгвальдснеса и разбили шатер. Посошники пристали возле Бэ и пошли берегом. Сперва они сняли стражников, а затем обрушили шатер. Там пал Торкель и вся его челядь. Те Посошники, которые достигли Торгового Места, не встретили сопротивления и оставались некоторое время в городе. Затем они созвали Эйратинг, и к ним пришло мало народа. Там Эрлинг был избран конунгом, а Филиппус — ярлом. Были посажены наместники, и им досталось мало денег с этих мест.

Узнав о том, что Посошники выехали на север через горы, Берестяники разделили свое войско. Конунг Инги со своим войском поехал на север, а ярл Хакон поехал на юг со своим и застал тех, кто стерег корабли в Нице, врасплох. При этом пало почти тридцать человек Посошников, а все остальные бежали в горы. Там пал Арнбьёрн Тролль. Ярл Хакон захватил там все их суда и даже Книжную Торбу, корабль епископа Никуласа. Некоторые корабли они сожгли, а другие забрали

с собой. К осени Берестяники снова вернулись в Вик; ярл выехал на север в Берген, а конунг Инги отплыл в Трандхейм.

Посошники отрядили Асбьёрна Набалдашника и Торальди Кожаное Кольцо с двумя ладьями на юг в Мёр за вестями. Те увидели, как Берестяники идут мимо Стима; тогда они повернули на север. Увидав их, Берестяники устремились в погоню и гнали их весь день. Часть Берестяников зашла в Тингваллар. Там находился Гутхорм Мутовка; он был наместник. Берестяники настигли его на берегу. Гутхорм пал со своими людьми.

Поздно вечером Асбьёрн Набалдашник пристал со своими людьми у Сольскеля. Ночью к ним подошли Берестяники, согнали их на берег и обложили остров. Утром они обыскали его и почти всех убили. Асбьёрну с несколькими людьми удалось спастись. Потом Берестяники двинулись в путь и севернее Агданеса захватили ладью Посошников, и после этого вошли в город. Посошники тотчас бежали из города по мосту в горы на восток в Эйстридаль через хребет Сканэйярфьялль, и не делали привала, пока не прибыли в Осло, а некоторые из них засели на Большом Острове. Конунг Инги той зимой был в Торговом Месте, а ярл Хакон — в Бергене.

Ранее осенью, когда Посошников застигли в Нице, они бежали на север через Халланд, и путь их был труден. Поздно вечером они подошли к Льодхусу. Там с двумя ладьями стояли Берестяники. Это были люди Халльварда Нагорного Жеребца. Они ничего не подозревали, пока Посошники не подошли к ним и не перебили их почти всех. Посошники захватили корабли и поднялись на них вверх по реке до водопада Наустдальфорс. Там они вытащили корабли на берег и сожгли их, а после поехали в Маркир и далее на север в Упплёнд и встретили своего конунга у озера Мьёрс. Хальвард Нагорный Жеребец спасся, так как он был на берегу в городе.

7. Про наместников

Сразу после йоля наместники выехали в свои округа[38]. Филиппус из Вегины был наместником в Борге. Он велел построить две весельные ладьи, Асбьёрн Набалдашник одну, Торальди сын Ауги одну, Орм Длинный в Одинсэйе одну, Торстейн Вор одну, Йон Королева две ладьи у Эльва, Гудольв из Блаккастадира[39] и Гуннар сын Асы[40] две, Хрейдар две[41], ярл Филиппус две, Торд Ворот[42] одну, Хундольв Жар и Гунни Длинный две ладьи в Скидани, Гюрд сын Бентейна одну. Всего было построено двадцать две ладьи. А конунг набрал на них войско.

Они поплыли на юг к Конунгахелле через Вик и пришли туда примерно к середине поста, а после повернули на север в Тунберг. На третий день второй недели весть о постройке судов дошла до Берестяников. В страстную пятницу Посошники вышли из города, на второй день пасхи прибыли в Гриндхольмсунд, в субботу приплыли в Портюрью, в воскресенье — в Эсьюнесьяр. Там собралось все их войско. Конунг говорит, что хочет идти на север. Перед этим они отрядили за вестями несколько ладей; предводителями на них были Симун Корова сын Рагнара и Арнтор Метель из Бьяргсхейма. Этот замысел пришелся по душе не всем.

На третий день конунг двинулся оттуда в Рандарсунд, но ехать не захотели и остались в Эсьюнесьяр Орм Длинный, Рагнар сын Гамаля, Гуннар сын Асы, Бенедикт из Гуманеса с четырьмя кораблями. Они проведали, что Торгильс Шелудивый Пёс собрал в долине Хвинисдаль большие деньги с военного побора. Утром они отплыли туда и вскоре прибыли к острову Хит; там они узнали, что Торгильс и его люди отправились за побором дальше на север. Тогда они поплыли вслед за ним и на подходе к Фокстейнар увидали паруса грузовых судов. Когда люди на грузовых судах увидели их ладьи, они свернули в залив Рёкуваг и бежали там на берег, а Посошники захватили деньги и к вечеру явились в Эйкундасунд.

8. Убит Йон Королева

В ту пору, когда Посошники строили ладьи, Йон Королева был наместником на востоке у Эльва. Он разъезжал со своей свитой по пирам. Он явился к бонду по имени Транд. У того была красивая жена. Йон вызвал их обоих для беседы на чердак. Хозяйка пошла первой, и едва она зашла, Йон повернулся к бонду и вытолкал его наружу, а дверь запер. А когда бонд об этом рассказал, Йон пригрозил ему тяжбой за клевету и велел схватить его и отвести к себе на корабль, привязав к хвосту лошади. Бонд откупился пол-маркой золота и был тому рад.

Семью ночами позже Йон был на пиру в месте, которое называется Форсала. Рано утром он пошел в церковь вместе с другим человеком, а Транд и с ним семеро лежали в засаде неподалеку и видели как он идет. Тут они бросились к церкви. Йон побежал к клиросу. Транд метнул в Йона копье и ранил его. Тогда Йон выбежал через клирос из церкви, а Транд за ним; в поле они убили его. Транд отрубил ему голову. Тело Йона отвезли в Конунгахеллу и похоронили там возле Монастыря, а Транд после этого отправился к Берестяникам.

Гуннбьёрн, брат Йона[43] и Сёльви сын Дис мстили за него и убили девять человек, а семерым отрубили по ноге.

9. Про Посошников

Посошники некоторое время стояли в Эйкундасунде, а на пятый день отплыли оттуда на север в Хвитингсэйяр, минуя Ядар. Вечером они подошли к Кармсунду; было так темно, что основная часть войска отстала и не могла найти дорогу. Многие суда углубились в Фюлинсфьорд и достигли Кармсунда лишь к ночи. Затем они двинулись на север в Сиггьярваг; там они созвали кормчих на сходку и говорили о том, идти ли им на Берген, или плыть дальше на север. Они вызнали тогда, что ярл Хакон в городе и еще о них не проведал: поэтому большинство склонялось к тому, чтобы идти на него. Хрейдар Посланник возражал им и хотел, чтобы они обратились против конунга, и так было решено. Днем они пристали в Скалавике. Тут они отрядили две ладьи в Гравдаль, и те схватили там двух мельников и привезли их к войску. Они рассказали, что вести уже дошли до ярла, и все горожане стоят на дворе Церкви Христа во всеоружии. Тогда опять стали совещаться, что делать. Конунг хотел идти на город, но Хрейдар этого не допустил, а его совет был самым весомым. Затем были подняты паруса, и они отплыли от Вёлунеса, миновали Фенхринг и поплыли привычным путем на север. В заливе Викингаваг им повстречалось три грузовых судна[44]. На них плыли Берестяники; они убили там несколько человек, а прочие бежали на остров.

В понедельник вечером Посошники пристали в Скутусунде, поднялись к хутору и справились о новостях, сказав что они Берестяники. Бонд рассказал, что днем ему случилось везти посыльных с письмом для конунга Инги, и сказал, где их можно ждать ночью. Посошники тотчас поехали и убили посыльных, а письмо привезли конунгу Эрлингу. Было в нем то, что ярл Хакон слал привет своему брату конунгу Инги и просил его держать в уме, что Посошники двинулись на север,

— и я не знаю,— говорит он,— пойдут ли они на вас, ибо войско у них небольшое. Бояться их не надо.

На третий день они входят на веслах в Ангр на севере. Был встречный ветер, так что навстречу им вынесло грузовые суда на зарифленных парусах. Посошники выведали, что в Боргунде собран большой побор, и там построен сорокавесельник. В среду подул резкий ветер с севера; они двинулись в путь, но все суда, кроме четырех ладей ярла Филиппуса, отнесло назад, так что в Боргунд они пришли лишь к ночи. Там они убили восемнадцать человек, захватив весь побор, а длинное судно сожгли.

На пятый день конунг подошел на веслах к острову Иксней, и они сделали там привал на ночь. В этот время до них дошли вести с севера из Торгового Места, что конунг Инги выдает свою сестру Сигрид[45] за Торгрима с Льянеса, и свадьбе быть в пятницу, а также о том, что Берестяники построили в Раумсдале длинное судно[46]. Тогда они отрядили туда Филиппуса из Вегины с Тордом Воротом на двух ладьях. Все войско пошло дальше к Люнгверу. А Филиппус и его люди вечером прибыли в Веэйяр и заняли дальний залив. Берестяники держали в ближнем заливе гребную ладью. Посошники нашли на ней немного народа, но взяли большой побор, а длинное судно сожгли. Они сделали там привал на ночь. В пятницу вечером подул сильный попутный ветер. Тогда Посошники подняли паруса и ночью отплыли на север. Они задержались там на день потому, что не могли до рассвета обыскать хутор. А сидел в нем Йон Смурной со своей челядью.

Вот войско вошло в Свеггьядарсунд: ветер усилился и разыгралась буря. Днем они стали в Веддэй. Там они собрались и стали держать совет.

Тут Арнбьёрн сын Йона, а также Хрейдар, сказали, что разумно подождать войска, ведь две ладьи их задержались во Фьордах, а Филиппус и его люди еще не вернулись.

— По мне, так лучше — сказал конунг — иметь четырнадцать ладей в городе ночью, чем вполовину больше утром.

Тогда они спешат на свои места, разворачивают паруса и плывут на север, и вечером проходят мыс Агданес; все уже было готово для нападения.

Тут Лодин Окольничий выступил и сказал, чтобы люди шли вперед, не страшась, а причаливать, мол, надо с моря у Отмели напротив Торговой Палаты и что —

— лучше сейчас пасть со славой, чем долее скитаться по стране. К тому же более чем вероятно, что если мы дрогнем и побежим, гнать нас будут не только Берестяники, но и горожане. Однако может статься, что у них нет о нас вестей, и они лежат мертвецки пьяные, ведь похоже на то, что многие не жалели себе меда с вином, чтоб упиться допьяна. Свита конунга и его стяг пойдут по западной улице, ярл же и Арнбьёрн — по северной. Арнтор Метель и Симун Вол со своими людьми — у них был общий корабль — подойдут к реке, чтобы не пропустить тех, кто бросится вплавь.

Тут были подняты паруса, и они вошли вглубь фьорда, к чему все и шло. Ночь была темной.

10. О посылке писем

Ярл Хакон велел составить три письма в Бергене, и все на один лад. Одно письмо захватили Посошники, о чем написано ранее, но другое дошло до конунга; третье запоздало. В субботу вечером письмо пришло к конунгу Инги, и он прочел его и показал хёвдингам, и вечером решили скликать все войско с оружием к Торговой Палате. Но когда об этом узнал Торгрим, он попросил конунга не портить угощения и сказал, что сам позаботится о ночной страже в городе и отрядит туда своих челядинцев. Он прибавил, что не думает, будто Посошники решатся напасть на город при таком множестве народа, какое там было. Конунг был сильно пьян, как и все войско. Поэтому вскоре решили не скликать его к условленному месту. Сидели допоздна, а те, кого нарядили в стражу — челядинцы Сигвальди Селянина — объявили, что они не хуже прочих, чтоб не спать ночью, и напились до бесчувствия. Стражи выставлено не было, и обхода никто не делал. Конунг спал на дворе Сигурда Клятвы.

11. Про Посошников. Битва в городе

Посошники вошли во фьорд ночью и прошли вдоль берега мимо Фладки к кряжу Гауларасс. У Илы они свернули паруса и приготовились к битве. Тут налетел снежный вихрь и настала кромешная тьма. Затем они разделились. Арнтор со своими людьми прошел на веслах до реки, но когда они вошли в устье, Арнтор не захотел сходить на берег, а Симун с частью людей хотел сойти, но решал все же Арнтор.

Другой отряд пристал у Отмели; они соскочили на берег, едва корабли ткнулись в землю, побежали наверх в город, как им было указано, и протрубили боевой клич. В городе же стояла мертвая тишина. Тут Посошники с воплем и шумом побежали вверх по улице, ломая постройки. Убитых при этом не было. Добравшись до Церкви Христа, они устремились обратно через окрестное поле. Тут были убиты те, кто бросился в бегство. Затем Посошники еще раз побежали по улице вверх. В этот раз пало много людей. Торд Брат Фингейра[47] был убит первым: он пал перед своим двором. На дальней улице им повстречалось четверо во главе с Торгримом с Льянеса; трое из них пали. Но когда Посошники перебежали через них, Торгрим поднялся; он был тяжело ранен.

Конунг Инги спал возле своей наложницы, и подле него было мало людей. Когда в первый раз донесся боевой вопль, женщины разбудили его, и он с трудом пробудился и промолвил, как в неразумии:

— Чего? Чего?

— Государь, — говорят те, — в город вошли враги.

Тогда он вскочил и бросился к дверям и услышал снаружи шум. Он залез на крышу и лежал, пока Посошники бегали по двору, а когда на улице поутихло, он спрыгнул и побежал к мосту, а оттуда — дальше к реке. Там на якоре стоял какой-то корабль, и он бросился к нему, ухватился за канат и решил взобраться по нему на борт. Тут холщовые штаны конунга лопнули и повисли вдоль каната.

На корабле был какой-то человек, и он сказал:

— Не держи канат, парень, а лучше иди своей дорогой.

Конунг промолчал. Купец же схватил багор и бросил в него, так что конунг отпустил канат. Тут конунг упал в воду. В это время в реку бросилось множество народа, кто раньше конунга, а кто позже. Конунг перебрался через реку и взошел на небольшой холм. Там он упал и больше идти не мог. Он страдал как от холода, так и от изнеможения.

Тут он увидел, как поднимается Ивар Любимец Женщин, и он сказал ему:

— Ивар,— говорит он,— помоги мне.

Ивар отвечает:

— Сперва я намерен помочь самому себе.

И он отошел прочь.

Немного позже из реки вышло несколько человек, и во главе их был Рейдульв Брат Барда[48]. Он подошел к конунгу и сказал:

— Вы ли здесь, государь?

Тот отвечал:

— Так называли меня вчера.

Рейдульв сказал:

— Таков ты по-прежнему, и таким будешь, пока живы мы оба.

Он снял с себя накидку, обернул в нее конунга, подхватил его и понес по полю, взвалив себе на плечи. Так они шли до Скусаса. Там конунг получил тягловую лошадь с санями и одежду, в чем они очень нуждались, ведь у Рейдульва до этого, кроме штанов и рубашки, ничего не было. Рейдульв вез конунга до Стринда.

Сигвальди Селянин и с ним восемь человек защищались на чердаке дома Сигурда Желудя, и все там пали. Бергсвейн Длинный, знаменосец конунга Инги, был убит, но когда Посошники от него отошли, какие-то женщины вытащили стяг из-за его ремня и спрятали. Кольбейн Носильщик с пятью людьми пал у Церкви Грегориуса. Эйвинд Стрелок пал в Полях с семью людьми. Кольбейн Кудельный Нос[49] пал на северной улице с четырьмя людьми. Халльвард Нагорный Жеребец пал с двумя людьми у Церкви Креста. Йон Кособокий защищался в одиночку и был убит у себя на чердаке ниже Торга.

Берестяники собрали в Полях сорок человек. Во главе их были Сигурд Косой[50], Эрнольв Плюсна, Торгильс Чулок, Торфинн Трубач. Они убили в Рядах Посошника по имени Стюр, а на улице — еще одного, исландца по имени Кольскегг. Затем Берестяники бросились к воротам дома, где обложили Сигвальди. Весь двор был заполнен Посошниками. Гудольв из Блаккастадира выступил навстречу Берестяникам и, выставив перед собой щит, нанес удар мечом. Удар пришелся Эрнольву в лоб ниже шишака. Тут Берестяники обратились в бегство, и большинство укрылось в Церкви Христа. Эрнольв бросился в реку и его тело нашли на другом берегу.

Какие-то женщины сказали Посошникам, будто конунг Инги в Церкви Марии. Те побежали туда и срубили порог. Тут церковь отворилась. В ней было двое наместников, Олав из Льяренда и Ивар Драный, и всего девять человек. Олава застрелили в глаз прямо в церкви, и все они были убиты. В Церкви Олава был Бьяльви Полушубок с двенадцатью людьми; все они были убиты. В Церкви Андреса был Бард Бутуз с четырьмя людьми. Барда зарубили; он отважно защищался. Троих его спутников убили, а четвертому отрубили руку.

В воскресенье, когда рассвело, Посошники разделили войско и поделили между собой город для разграбления. Один отряд был у конунга, второй у ярла Филиппуса, третий у Арнбьёрна с Гудольвом, у Хрейдара с Филиппусом — четвертый. Торд и Филиппус со своими людьми подошли к городу утром с южной стороны. Тогда был разграблен весь город. При этом обнаружилось множество спрятавшихся, и почти все были убиты. Было также захвачено большое богатство. Во вторник были поделены корабли, которые они пожелали увести с собой. Конунг взял себе Золотую Грудь, а ярл — Гостевую Ложку, Арнбьёрн — Колпак, Хрейдар — Лебедя, Филиппус — Грозный Ствол[51]. Гудольв из Блаккастадира тоже взял себе большой корабль. Чесотку, Лохань и еще один корабль они сожгли, как и несколько весельных ладей.

На ночь Посошники становились в море напротив Борга, а днем они снаряжали корабли. В среду вечером добычу собрали в Торговых Палатах, а в четверг, пятницу и субботу был дележ. Там было три сотни кольчуг с поножами. Это было большое богатство, так что каждый получил не менее трех или четырех марок.

12. Про конунга Инги

Конунг Инги выехал в Стринд, а оттуда дальней дорогой в долину Гаулардаль. К нему присоединялись воины, которым удалось спастись, а также бонды. У него набралось тогда более двадцати сотен лю-

дей. Затем он выехал к городу. Во вторник вечером Посошники вышли в море у Хольма и в среду достигли Агданеса. Они увели с собой отряд горожан, всех, кого они смогли набрать, и поплыли вдоль побережья на юг. Тогда же созывали ополчение и забирали каждого, кто попадался.

Ярл Хакон на юге тотчас собрался в путь, как только узнал новости и поплыл на север мимо Стада. Он наскочил на камень и разбил корабль; при этом погибло пятнадцать человек. Другие корабли подошли к ним и подобрали людей из воды. Когда же ярл достиг Стима, он поднял паруса и поплыл напрямую. Войско Посошников стояло тогда у Маркархольма, но когда они увидели паруса, они отошли на север и выстроились за проливом Лангэйярсунд.

Ярл занял Свеггьядарсунд. Тут они увидели корабли Посошников и решили, что им не хватает войска, чтобы биться с ними. Они пошли на веслах по фьорду на север и плыли до самого Хамрарсунда, а Посошники шли вслед за ними. Тогда Берестяники выстроились в море у острова Эдей. В это время ветер подул с запада. Берестяники подняли паруса, а Посошники отошли назад. Ярл отплыл на север, а Посошники — на юг в Берген. В крепости сидели тогда Свертинг с Ториром Ловчилой, Ивар Брызгун, Эйрик Макси. Днем Посошники были в городе, а по ночам спали на кораблях. У них было очень большое войско.

Орм Длинный прибыл в Берген с востока вместе с Маргрет Конунговой Дочерью, женой Филиппуса из Вегины; немного позже ему вверили дружину и челядь Бенедикта из Гуманеса. Тот к тому времени тоже вернулся с востока. Они поднялись со своей челядью на Яр и выставили там стражу, но когда сидевшие в крепости это увидели, они выскочили и набросились на них, и Посошники обратились в бегство. Там пал Орм Длинный. Часто на склоне дня случалось, что Посошники спьяну забирались наверх к крепости. Некоторых при этим ранили, а иных забивали и до смерти.

13. Про ярла Хакона

Через пять недель ярл Хакон стал собираться на юг, но прежде в Торговом Месте построили большие суда. Ярл выехал сразу, как был готов; у него было пять длинных судов и тринадцать весельных ладей. Но когда он прибыл в Хиндэйяр у Стада, он оставил там все крупные суда и отобрал себе храбрейшую часть войска. Андреса Засранца с крупными судами ярл отослал обратно в Трандхейм, а сам пошел с ладьями на юг.

В Мьядмарсунде стояли две ладьи Посошников. Правили ими Мартейн Содди и Кольбейн Толстый Уд. Ярл и его люди подошли на вес-

лах к Согнсьё. Тогда Посошники отплыли на юг. Берестяники преследовали их вовсю. В Кейлустрауме Кольбейн наскочил на камень. Люди ярла захватили их ладью и почти всех перебили. Мартейн и его люди вечером донесли вести до города.

Ярл пристал к Высокому Острову. Ночью они зашли в Арнарфьорд, свезли все снасти в лес и спрятали их, поставив стражу. Затем они двинулись на юг через гору и следующей ночью подошли к Бергену.

Посошники отдали своим людям все распоряжения. Конунг был в верхней части города на дворе Церкви Марии. Наверху у Копра, где не хватало домов, поставили заграждения. За ними стояло множество воинов. Ярл с Филиппусом из Вегины выстроились с большим войском перед Церковью Никуласа.

Утром обе стороны переговаривались. Посошники предлагали Берестяникам спускаться с горы. Те отвечали, что в городе их ждет завтрак, и они-таки спустятся. У Посошников было более двух тысяч отлично вооруженных людей, а у Берестяников — шестьсот человек. У них было два знамени. С одним наступал Петр Истребитель: он выступил вниз и обратился против ярла. Ярл Хакон шел сверху от Копра. Как только войско вторглось в город, ярл Филиппус тотчас бежал вниз по улице. Ярл Хакон и его люди сломали заграждения; тут Посошники обратились в бегство.

Посошники ранее захватили в Торговом Месте Торфинна Трубача и трубу Будящую Дух, которая прежде принадлежала конунгу Сверриру. Конунг Эрлинг велел Торфинну Трубачу трубить, как только ярл Хакон войдет в город. Торфинн не извлек из трубы ни звука, и клича не получилось. Берестяники наступали уже возле самого двора. Им не оказывали сопротивления. Тут каждый побежал пуще другого, и когда Эрлинг показался у Церкви Марии, Торфинн Трубач сказал ему:

— Государь,— сказал он,— бежим внутрь в церковь.

Конунг промолчал и внутрь не зашел. Торфинн, и с ним многие Берестяники, бросились в церковь. А когда ярл показался на дворе, Берестяники выбежали из церкви ему навстречу. Тут Торфинн затрубил в Будящую Дух с такой силой, что каменные стены зазвенели. Теперь бегущие кинулись к Церкви Христа, а оттуда к Большому Двору. У ворот образовалась страшная давка, и люди полегли там друг на друге. Там было большое побоище. Ярлу удалось выбраться наверх и уйти к мосту; он был сильно ранен. Перед Церковью Лавранца пали Торд Ворот и Бенедикт из Гуманеса, Гунни Длинный. Тогда Берестяники решили добить раненых. Но кто-то из них сказал:

— Не будим рубить,— сказал он,— среди них наши.

Тогда решили не рубить.

Тут те из Посошников, кто мог, вскочили на ноги, и многим удалось спастись, но многие пали. Потом Посошники побежали к кораблям, а Берестяники — на пристань. Они ухватились за канаты и потащили корабли на себя, а Посошники отбивались. Тут с обеих сторон в ход пошло любое оружие, какое было под рукой. Посошники обрубили канаты и отчалили. Они вытащили многих своих из воды и сразу вышли в море, а некоторые подошли к Мосту Монахов и подобрали бежавших из города. После этого Посошники поплыли на север вдоль берега и зашли в Арнарфьорд, а Берестяники, которых ярл оставил там стеречь корабли, тотчас бежали в лес, едва увидели их паруса; перед этим они испортили корабли. Посошники вытащили корабли на берег и выправили их. Часть их пошла в лес искать снасти, и почти все они нашлись. Ночью они, не мешкая, отплыли на север. Во главе отряда был Филиппус из Вегины.

А те из Берестяников, которые должны были плыть с большими судами на север, не захотели идти мимо Стада на веслах, остановились в Сильде и, отправив за вестями на юг в Ульвасунд шестивесельную лодку, стали ждать попутного ветра. Когда же на лодке увидели, что с юга плывет войско, они отплыли на север и сказали своим, что с юга на веслах идет тринадцать ладей, и признали в них те, что ярл брал с собой. Они поднимают шатры и заходят вглубь фьорда. Тут они видят, что ладьи преследуют их, и что штевни не прикрыты щитами. Они понимают, что это враги, и гребут дальше к Мольдафьорду. Ладьи гонят их во всю мочь, и когда Берестяники пристают, они бегут на берег; кое-кто прыгнул в воду. Посошники набросились на них. Там пал Андрес Засранец, и с ним почти две сотни людей. Посошники захватили и корабли, и все, что на них было. Им выпала большая добыча. Затем Посошники вернулись на юг и застали своего конунга в заливе Викингаваг.

14. Про ярла Хакона

Ярл Хакон сразу выехал из Бергена, как только узнал, что Посошники повернули на север. Ярл поднялся в Боргарскард, спустился оттуда в Острарфьорд, поднялся в Вёр и поехал на север горным путем через Раудафьялль и через долину Лерадаль в Согне. Путь его лежал через Вальдрес и Гудбрансдаль на север. Перевалив через хребет Дофрафьялль, он прибыл в Трандхейм и встретил там конунга Инги.

Посошники отправились в Берген и некоторое время пробыли там. Ярл Филиппус с большими судами отплыл на восток, а у конунга оста-

лись сорокавесельники и множество более мелких судов. Потом он отплыл на север к Стиму и стал в проливе Фрекэйярсунд. Он выслал ладьи в Северный Мёр и созвал ополчения со всех людей и весей, и отобрал столько, сколько ему было нужно. Он взял тогда подати со всей страны. После этого он отплыл назад и прошел северный Саудунгссунд, через который, как была молва, не удавалось пройти ни одному конунгу[52]. Потом он поплыл к Тунбергу и прибыл туда незадолго до йоля. После йоля ярл Филиппус отплыл с сорокавесельниками и многими мелкими судами на север и прибыл в Берген.

Конунг Эрлинг велел тогда строить длинное судно, Хрейдар — другое, Филиппус — третье. Они были много больше тех, которые прежде делали в Норвегии[53]. На них было два ряда весел между бортами и палубой. Шатер покрывал двадцать пять скамей. На каждой полускамье помещалось восемь человек. Самые рослые из стоявших в нижнем ряду на поперечине могли достать края палубы широкой секирой.

Вскоре после йоля конунг Эрлинг заболел и умер. Смерть его некоторое время скрывали. Тело конунга сперва семь ночей держали в потайном месте. Затем тело отвезли в Церковь Олава, и оно находилось там. Тогда послали ладью на север за ярлом. Предводителем на ней был Олав сын Торы[54]. Он встретил ярла в Бергене и сообщил ему новости. А народу объявили, что ярла хочет видеть Конунг Датчан.

Ярл прибыл в Тунберг во время поста. Тут было объявлено о кончине конунга. Затем тело погребли в Церкви Олава. Конунга положили у церковной стены к северу от алтаря. После этого ярл Филиппус принял власть на себя и собрал войско, и во время поста оно находилось в Тунберге.

Эрлинг Каменная Стена оставил после себя двух сыновей, Магнуса и Сигурда. Сигурду было в то время четыре года, и Эрлинг ранее признал его своим сыном[55]. Магнусу было тогда восемь лет, и Эрлинг устраивал испытание о том, кто его отец. После этого его называли сыном Эрлинга. Ярл сказал, что есть надежда на хорошего конунга, раз остались сыновья Эрлинга. Войску это понравилось.

Епископ Никулас и ярл Филиппус все время слали друг другу письма. Епископ также тайно встречался с бондами и все больше — с самыми могущественными — и подолгу говорил с ними. Спустя пол-месяца после пасхи Посошники двинулись всем войском в Борг. Они взяли с собой сыновей Каменной Стены. Тогда же был созван Боргартинг. Туда прибыл епископ Никулас. Тинг был на дворе Церкви Марии. Епископ находился в церкви, и вместе с ним были самые могущественные

бонды, за которыми было основное слово. Он держал перед ними речь в церкви, и они вполне сговорились насчет избрания конунга.

На тинге речь держал Хрейдар. Он сказал, что нужно выбрать себе предводителя.

— Нам в этом деле выпал добрый удел, ибо с нами два сына Эрлинга Каменная Стена. Изберем того, кто будет угоден войску.

Люди хвалили эти слова.

Ответа бонды сразу не дали, так как самые могущественные из них, от кого зависело больше всего, находились в церкви. Тогда послали за ними в церковь, и они пришли на тинг. Один из их взял тогда слово и сказал так:

— Верно,— сказал он,— что у нас крайняя нужда в том, чтобы предводитель был избран нами совместно. Мы, бонды, уже приняли наше решение. Наше мнение, что в таком деле не стоит связываться с детьми. Сдается нам, что нужно избрать того, кто и умом наделен, и привычен как к делам ратным, так и к вольностям бондов. Хотим иметь того конунга, который будет нас защищать. И вот, все здесь сложилось удачно, ибо мы почитаем за добро иметь такого хёвдинга, как ярл, сын сестры конунга Инги сына Харальда, лучшего конунга на памяти людей. Он испытан в добрых обычаях. Дадим имя конунга ему, коли согласны вы.

Лодин Окольничий ответил:

— Вам, бондам, решать, кого избрать конунгом, но воины хотят все же, чтобы конунгом избрали одного из сыновей Эрлинга, любого из них, кто понравится людям больше.

Воины зашумели и сказали, что так и есть.

— Если вы не хотите — говорят бонды,— того конунга, какого хотим мы, не примем никого и не будем платить подати никому из вас.

И когда дело обернулось так, воины увидели, что пойти на это не могут, ведь коли войско рассеется, пощады от Берестяников ждать не придется. Тогда все согласились предоставить решение бондам. Эрленд из Хусабэ с Хеггины[56] дал Филиппусу звание конунга. Затем встал другой бонд и присудил военный побор, весло и упряжь[57]. После этого разошлись по кораблям. Наутро Посошники отплыли обратно в Тунберг. Они отрядили тогда шестнадцать ладей на север. Во главе их были Арнбьёрн сын Йона, Эйндриди Цапля, Никулас сын Ботольва, Арнтор Метель, Гюрд сын Бентейна.

В это время умер Филиппус из Вегины. Он слег во время морового поветрия. К нему пришла болезнь, и он лежал недолгое время, и его погребли у церкви Олава.

15. Про Берестяников и Посошников

Той же весной Берестяники собрались на юг и вывели с собой большие суда, которые по их приказу построили в Торговом Месте. Среди них три имели более тридцати скамей, и многие имели по двадцать. Они собрали очень большое войско и отплыли на юг в Берген. За вестями на юг отрядили четырнадцать ладей. Во главе их были Торстейн Затейник и Свейн Брюква, а конунг и ярл с большими судами вышли позднее и стали у Хвитингсэйяр.

Посошники плыли с востока к Сельэйяр. Тут они узнали, что Торгильс Шелудивый Пес находится в Веггьяр в Сокне и уже собрал военный побор. В это время дул слабый северный ветер. Утром с восходом солнца они двинулись на север. Все корабли должны были собраться в Хитрар. Они прибыли туда до полудня, но Арнтор продолжал идти на север. А когда Арнтор показался у устья реки, Берестяники выплыли оттуда им навстречу на двух ладьях и устремились на них. Тогда Арнтор повернул прочь и поднял парус. Берестяники же отплыли на север к Хадюру.

Посошники зашли в Сокн и стали в реке всем войском. Три ладьи они послали за вестями на север, и когда те прибыли в Сельваг, они вызнали, что в Эйкиндасунде стоит двенадцать ладей Берестяников. Тогда Посошники идут на север к Хадюру. Тут они видят, что навстречу идут Берестяники на четырнадцати ладьях. Они поворачивают назад, а Берестяники гонят их. Те, кто стоял на вахте, видели, куда плывут Посошники.

Тут Арнбьёрн выходит со своими людьми из реки. Он выставил при этом свое знамя, и когда Берестяники это увидели, они подумали, что перед ними основные силы Посошников; они поворачивают вспять и идут на север, а Посошники гонят их. Вот Берестяники заворачивают к берегу Свавувика и бегут на землю, а Посошники — за ними и продолжают гнать их. С Берестяниками было множество ополченцев. С их стороны пало много людей. Там пали Свейн Брюква и Эрленд Воровской Витязь, а кое-кто получил пощаду. Посошники забрали все корабли и тотчас повернули обратно на восток. Им донесли, что войско Берестяников стоит в Хвитингсэйяр.

Посошники плыли на восток к Тунбергу днем и ночью, а Берестяники поехали на север и застали конунга с большими судами в Хвитингсэйяр.

16. Про Посошников, покинувших корабли

Чуть позже Посошники на востоке снаряжают весельные ладьи и выводят тридцать пять судов в море. Во главе их были Никулас из

Листи, Эрлинг Пемза, Орм Стольник. Кнёр Замотанная Голова вел ладью Арнбьёрна. Когда они прибыли в Хельгасунд, туда уже дошли вести с севера. Им сказали, что Берестяники отплыли на юг и миновали Ядар. Никулас хотел плыть на восток, а Орм ему возражал. Весь день до вечера они прождали на месте. Ночью они подняли паруса, двинулись на восток и утром пристали в Портюрье. Стояла кромешная тьма, и они ничего не видели, пока паруса Берестяников не показались перед заливом. Тут Посошники решились быстро, убрали шатры и отплыли из залива на восток. Затем они подняли паруса, взяли путь на Аур и зашли в тамошний фьорд. Берестяники к тому времени уже миновали фьорд и шли на восток. Тогда Посошники поплыли за ними и пристали в Ставерне.

Берестяники шли по проливу под парусом, а три ладьи Посошников шли перед ними. Бьёргольв Челн, Эйрик Банщик, Берг и Скэринг донесли вести до конунга. Тот тотчас велел скликать все войско на берегу у Кургана. Он спросил тогда, какое решение они желают принять, взойти ли на корабли и биться с Берестяниками, или же ждать их в городе, и сказал, что придется сразиться с превосходящими силами,—

— и есть еще одно — уйти в горы; это, я думаю, для нас лучше всего.

Тогда отвечал Арнбьёрн сын Йона:

— Взойдем на большие суда и будем защищаться как можно отважней, и тогда им придется туго, хоть наше войско и меньше.

Этот совет пришелся людям по душе. Тут же пошли к кораблям. Был заполнен и большой корабль, который ранее велел сделать Филиппус; он был больше прочих. Арнбьёрн со своими людьми стоял на носу, а свита конунга на корме.

Берестяники пристали у мыса Хроссанес и вооружились, а когда были готовы, налегли на весла, но едва они подошли на расстояние выстрела, как Посошники бежали наверх в горы к кряжу Фродаас; последними бежали те, кто стоял на носу. Из всего их войска в городе погиб один человек по имени Торбьёрн Кривой. Он был ополченец.

Берестяники захватили все корабли и сверх того — много добычи, ибо Посошники бежали впопыхах. Некоторое время Берестяники оставались в городе.

Ранее, до того как Берестяники выехали из Бергена, было решено, что в крепости будет сидеть Дагфинн. Он просил две сотни воинов. Люди сказали, что ему нет нужды сидеть там с таким множеством народа. Тогда вызвался Свертинг держать крепость с сотней людей[58]. Решили, что с ним останутся Ивар Жучок[59] и Эрленд Ножны со своими людьми.

Посошники, сидевшие на весельных ладьях, пристали на севере к берегу. Они вызнали, что с севера на двух ладьях плывут Берестяники Олав сын Йорунда и Олав Жирное Брюхо. У них было наместничество в Западном Агдире. Посошники настигли их и согнали одного из них на берег в Трюмлинге, а другого — напротив Флюстраргавля, и почти всех убили. Никулас из Листи даровал пощаду обоим Олавам, но когда об этом узнали воины, они напали на них и убили. Затем Посошники поплыли на север и, подойдя к Ядару, встретили там судно для плаваний в Англию[60] и ограбили его, взяв большую добычу. Еще один корабль они захватили в Кёрмте: это тоже было судно для плаваний в Англию. Потом они поплыли на север к Бергену. Им сказали, что в крепости мало народа. Они подошли к городу с юга и разделили войско. Часть вошла в Тёлувик, а часть пристала у крепости, после этого и те, и другие подошли к стенам. Берестяники вышли навстречу им и выстроились перед стенами. Тут Посошники напали на них. Схватка длилась недолго. Берестяники оставили внешние укрепления и укрылись в главной крепости. Посошники взобрались на внешнюю стену и сломали ее; когда же они увидели, что совладать с главной крепостью так просто не удастся, они сожгли внешние стены и поставили за укреплениями своих людей. У Берестяников в крепости было мало питья. Посошники следили, чтобы они не могли выбраться наружу. Теперь какое-то время и те, и другие сидят на месте.

Конунг Филиппус с войском, которое согнали на берег в Тунберге, проехал Упплёнд по горной тропе и спустился в Согн. Там они узнали, что их люди в Бергене осаждают крепость. Тогда они перебрались на суда и поплыли на юг. Когда Берестяникам стало не хватать питья, они запросили пощады и обязались сдать крепость[61]. Конунг Филиппус даровал им пощаду и то имущество, которым каждый владел в крепости, а то, что принадлежало конунгу, должно было отойти войску. А когда крепость была сдана и люди вышли наружу, каждый принес клятву, что не вынес больше того, чем владел. В крепости находились Кристин, дочь конунга Сверрира, и Скули, брат конунга Инги[62]. Была там и Маргрет, жена Дагфинна, и Гудрид, жена Торстейна Домовой Мыс[63] с Гудрид, дочерью Йона. Всего там было сорок женщин.

Посошники взяли крепость и нашли в ней много припасов, но мало иной добычи. Конунг прибыл еще в понедельник. Во вторник Берестяники вышли из крепости, в среду ее обыскали, а в четверг подожгли. В пятницу вечером ее принялись ломать; на это ушла вся суббота. Тут им донесли, что с востока плывет ярл Хакон. Поэтому в воскресенье они отошли из города в залив Флорувагар.

Берестяники сожгли в Тунберге все большие суда, построенные Посошниками, а также Гостевую Ложку и Лебедя. Золотую Грудь с прочими большими судами они оставили себе. Когда же они узнали, что Посошники двинулись на север, они разделились. Конунг с самыми большими судами остался в Тунберге, а ярл с сорокавесельниками и мелкими судами отплыл на север. В это время дул северный ветер. Посошники посчитали, что для ярла он будет встречным и на следующий день Посошники вернулись в город, чтобы ломать крепость. Они решили тогда созвать все население города, чтобы ломать крепость. Во вторник они отошли из города на юг в залив Сундсваг.

В среду ветер переменился и подул с юга. Тогда ярл поплыл на север, а когда он подошел к Хардсэ, Посошники увидели его и пошли на веслах ему навстречу. Ярл подумал, что Посошники хотят биться, и свернул паруса, но когда Посошники подошли на расстояние выстрела, они развернулись и пошли поперек фьорда. Берестяники налегли на весла и их ладьям почти удалось настичь противника, но длинные суда поотстали. Увидев это, Посошники развернулись и попытались захватить ладьи, а те отошли назад к длинным судам. Вечером Посошники добрались до пролива Сальбьярнарсунд. Когда Берестяники увидели, что погоня сорвалась, они взяли путь на Берген. По прибытии были сказаны суровые слова тем, кто перед этим сдал крепость; это было названо самовольством. Дагфинн очень подбивал отстроить крепость заново. Приняли решение день за днем созывать горожан возводить крепостную стену.

Теперь ярлу приходит на ум, что конунг может счесть, что у него слишком мало войска на востоке в Вике. Тогда он собирается плыть на юг, но, выходя в море, оставляет Петра Истребителя с Дагфинном стеречь крепость.

17. Про конунга Инги и Посошников

Конунг Инги выехал из Тунберга в Осло, и у него было четыре больших корабля: Грозный Ствол, Золотая Грудь и два других. Некоторое время он оставался в городе.

Посошникам выдался попутный ветер на юг, и на подходе к Трюмлингу они узнали, что конунг Инги в Осло; они заходят в залив, становятся между островами Ормэй и Ярлсэй и рассчитывают подстеречь конунга. Потом они плывут вперед к островам Хевудэйяр. В это время дня люди сидели в харчевнях. Тут в городе затрубили. Тогда Берестяники кинулись к своим кораблям, вышли в море и бросили якоря. Посошники же подступили к ним и обрубили канаты. Ветер был сильным.

Тут большие суда понесло на берег к Фрюсье, где они увязли в глине. Корабль конунга стоял поодаль. Посошники теперь наступают, не щадя сил. Тут с обеих сторон в ход пошло любое оружие, какое было под рукой.

Конунг Филиппус поставил свою ладью ближе всего. Берестяники уцепили ее багром и притянули к себе. Тогда конунг прыгнул за борт со всеми людьми. При этом погибло семь или восемь человек. Конунга вытащили из воды свои люди. Затем Посошники отошли к городу, взяли там пять грузовых судов и, заполнив их берестой и соломой, подожгли и погнали во фьорд на корабли Берестяников. Берестяники сбили пламя палками, а горящие суда вынесло дальше на отмель. Когда Посошники увидели, что дело подвигается туго, они отступили к городу, а к вечеру стали близ Хевудэйяр. Тут ветер утих, и когда начался прилив, суда Берестяников снялись с места. Они подошли к городу и ночью бросили якоря.

Утром Посошники замыслили ехать в Тунберг, взять там торговые корабли и приспособить их к бою против Берестяников, чтобы не терпеть лишений из-за низких бортов. Они забрали там два крупных торговых корабля и семь судов для плаваний на Восток, и подготовили их к бою, прорезав отверстия для весел и надставив палубу. Затем они загрузили их камнями и вывели во фьорд. Берестяники в это время плыли вдоль фьорда, а Посошники шли навстречу им с моря, но когда Берестяники подошли на расстояние выстрела, они развернулись поперек фьорда и вскоре оторвались от Посошников. Посошникам пришлось опять пересаживаться на свои ладьи, Берестяники же взяли путь к Твимускаги, прошли Несьяр и пристали в Марфьорде; там они бросили якоря, а Посошники причалили к пристани. У Берестяников было мало воды. Утром они снялись с места. Они крикнули Посошникам, чтобы отродье Жирного Кари освобождало проход кораблю конунга. Тогда Посошники отошли от пристани и выстроились носами к мысу. Берестяники же отошли обратно на восток и пристали напротив Ставерны. Там они сделали привал на ночь и снова бросили якоря. Посошники последовали за ними, и все повторилось заново.

Утром и те, и другие были на суше. Тут они видят, как со стороны Гренмара с запада плывут корабли, числом не менее тридцати. Среди Посошников тут же пошел ропот, так как они подозревали, что это ярл. Берестяники говорили им:

— За чем же дело стало, Посошники? Видите, как кое-кто плывет? Станем рядом без лишней суеты, веселей будет!

Посошникам было не до перебранки: они подняли свои паруса и отплыли в море на восток, минуя Фольд. У Астисхольма они пристали

и несколько ночей кряду стояли там. А были то паруса грузовых судов, шедших в Тунберг. Ярл прибыл с севера немногими днями позже. Он встретил конунга, и оба поплыли со всем войском к Тунбергу, и осенью оставались там.

Посошники решили двинуться на север в Агдир и рано утром они подняли паруса, а к вечеру достигли Трюмлинга, где встретили множество грузовых судов, плывших с севера. Они узнали, что ярл уже прошел на восток, а Петр Истребитель с Дагфинном в Бергене и возводят там крепость. Дагфинн отдавал постройке крепости все силы, ибо он к тому времени стал наместником Хёрдаланда, а Петр не вникал ни во что; все время он проводил в городе у Церкви Йона, так как там была его жена Ингибьерг Конунгова Дочь. Ярлу Хакону не хотелось вмешиваться в постройку крепости.

Посошники шли на север и изрядно спешили. Они пристали в Эльдэйярсунде, вечером вышли оттуда в море и подошли к городу до рассвета. Сойдя с кораблей, они побежали по улице вверх, а некоторые поднялись на холмы.

Дагфинн со своей свитой был в крепости, и они заметили Посошников лишь тогда, как те вошли в город. Тут протрубили боевой клич. Те из Берестяников, кто был в городе, попытались пробиться к крепости, но опоздали. Посошники выступили им навстречу; при этом погибло одиннадцать человек. Петр бежал из города вместе со своей свитой, едва раздался клич.

Посошники обложили крепость и стали ждать рассвета. Когда рассвело, они пошли на приступ. Дагфинну они предложили пощаду, но он сказал, что она ему не нужна, и вот началась жестокая битва. Берестяники защищались достойно и мужественно, но у них не хватало людей, и впереди стояли одни и те же. А Посошники все время менялись, когда уставали. Затем Посошники поднесли к стенам огонь. Тут Берестяники стали сильно страдать от дыма и от изнеможения. Все были к тому же сильно изранены. Всего их осталось двадцать пять мужчин. Дагфинн просил для них пощады. Посошники же сказали, что она нужна им не больше, чем утром. Затем Посошники достали в городе церковную лестницу, приставили к крепости и поднялись на стену. Тогда Дагфинн велел спустить вниз по канату маленького Хакона, сына конунга Хакона[64] и просил даровать жизнь ему, а вместе с ним велел отправить меч, который он посылал своему зятю Гюрду Косому. Гюрд принял и мальчика, и меч.

— Иди к конунгу,— сказал Дагфинн,— и узнай, будет ли нам пощада.

Гюрд так и сделал. Он просил конунга пощадить Дагфинна и поручился при этом всеми своими владениями, что тот не будет сражаться против них. Тут подошел Арнбьёрн сын Йона и поддержал Гюрда. Тогда конунг велел скликать домашний тинг и сказал, что пощадой ведают Посошники. Все возражали. Гюрд тем не менее настаивал.

— Иди же,— сказал ему конунг,— и проси Дагфинна идти сюда одного, он получит пощаду.

Гюрд передал это Дагфинну. Тот ответил:

— Мне не нужна пощада, если мы не получим ее все.

Гюрд передает это конунгу. Тогда конунг просил воинов даровать им пощаду и сказал, что нет славы в том, чтобы убивать кучку людей, при том сильно израненных. После этого им даровали пощаду. Они должны были выйти наружу без оружия и с непокрытыми головами. Лишь на Дагфинне был стальной шишак. Они спустились оттуда на двор епископа и принесли там клятвы на верность конунгу. На следующий день была разрушена вся крепость вплоть до последнего камня.

Посошники оставались в городе пол-месяца. Оттуда они отплыли на север в Трандхейм. Там Филиппус был избран конунгом на Эйратинге. В это время в Трандхейме стояли такие сильные морозы, что они выехали оттуда на юг сухим путем уже в начале зимы. Тогда же послали ладьи на юг за вестями. Во главе их были Бьёргольв Челн, Биргир из Стенгир, Брюньольв Нос.

Они узнали, что Петр Истребитель в Ставангре. Посошники пристали у Мостра и выведали, что Петр не ночует в городе, но днем сидит там. Они идут тогда на веслах к Хервиле; тут их застиг встречный ветер, и они стояли четыре ночи. Потом они прошли на веслах поперек фьорда к острову Вадэй ближе Бокна, но дальше Утстейна, затем прошли Фьорбюрьясунду и стали в ближнем заливе.

Петр Истребитель отправился в часовню и слушал заутреню вместе со своей свитой. Была столь густая метель, что они ни о чем не подозревали вплоть до того, как Посошники сошли с кораблей. Это Берестяники заметили и сказали Петру. Он тотчас выбежал из церкви со всеми своими людьми и бросился из города наутек. Петр был очень проворен. Посошники бежали за ними и убили одиннадцать человек. К Петру подступили так близко, что он сбросил плащ и ремень. Ремень Посошники не нашли, а плащ принесли в город. Конунгова Дочь считала, что Петра, верно, уж нет в живых, пока ей не рассказали, как было дело.

Посошники заночевали в городе, а затем выехали в Берген.

18. Про конунга и ярла

Конунг и ярл Хакон выехали с востока из Вика и прибыли на север незадолго до йоля. Они долго стояли в Сельяэйяр. До Посошников дошли вести, что Берестяники заняли Кармсунд; тогда они отплыли из города, сделали привал на ночь в Бардарсунде, а днем отплыли в Хвисвик. Тут ветер подул с южной стороны. Тогда Берестяники тронулись в путь и дошли до пролива Эльдэйярсунд. Там им сообщили, что Посошники стоят у берега возле Сторда. Тогда ярл пошел на легких весельных судах на юг. Вечером он пристал у мыса Титольвснес. Там ему стало известно, что Посошники еще не вышли в море.

Ночью Посошники двинулись на юг — они думали, что все войско Берестяников по-прежнему в Эльдэйярсунде. Ночью они подходят к Титольвснесу. Первым шел Арнбьёрн с четырьмя ладьями.

Тут дозорный Берестяников их заметил и громко крикнул:

— По местам,— говорит он — на нас идет враг!

Посошников это удивило, ведь они полагали, что Берестяников поблизости нет. Они повели тогда свои ладьи вдоль берега. Теперь они различают на берегу огни и корабли в свете огней, и сбавляют ход. Тут Бьергольв Челн крикнул сидевшим на берегу:

— Что это за войско? — сказал он.

Берестяники трудились вовсю, снимали шатры, клали настил и не отвечали. Тогда Бьёргольв крикнул второй раз, и третий. Тут кто-то отозвался:

— Не шуми, не шуми ты так, парень,— сказал он,— сейчас все узнаешь.

Уверившись, что перед ними Берестяники, Посошники налегают на весла и гребут в море. В это время у входа в залив появилось и все их войско. Берестяники гребут им вослед, и велят играть в трубы.

Посошники гребли, что есть мочи. Было так темно, что они не различали друг друга, хотя почти все корабли шли рядом. Посошники гребли вдоль берега, выстроившись друг за другом, а Берестяники держались по фьорду. Затем они разошлись. Берестяники не знали, куда делись Посошники.

Петр Истребитель примкнул к войску в Эйкундасунде; под его началом была ладья. Он наскочил на корабль Хрейдара Посланника. Тогда один человек с корабля Петра закричал:

— Какого дьявола вы так вяло гребете перед нами всю ночь?

И он берет камень и запускает им в того, кто сидит на носу корабля Хрейдара. Тогда кто-то на корабле Хрейдара сказал:

— Ну-ка, прибавим ходу!

Они гребут из последних сил. Петр и его люди их не признали[65].

Хрейдар и Хельги сын Биргира подошли к Мостру. Арнтор Метель повернул обратно на север и зашел в Текнафьорд, и там они бегут на берег.

Берестяники зашли в залив и дождались рассвета. Утром Берестяники настигли у острова Вадильсэй Арнбьёрна, брата Сёрквира Олуха. Там пал Арнбьёрн с четырьмя людьми. Далее Берестяники плыли своей дорогой на север к Бергену. Войско Посошников утром достигло Хаугасунда.

В это время на север к конунгу явились гонцы с письмом от епископа Никуласа. Конунг велел огласить письмо. В нем говорилось, что Берестяники и Посошники должны помириться, и что никто из них не должен чинить другому вреда. Было это перед самым йолем. На время йоля Посошники посадили свое войско в Агдире. Оттуда они плывут в Тунберг и проводят там зиму.

Ранее летом епископ Никулас ездил на север в Трандхейм на встречу с архиепископом Ториром. Они сошлись в том, что должны приложить все силы, чтобы Берестяники с Посошниками помирились. Потом епископ Никулас уехал обратно на восток. Тут все начинают слать друг другу письма.

Весной епископ Никулас выехал в Тунберг для встречи с Филиппусом. Они долго беседовали наедине.

Конунг тогда сказал:

— Владыко епископ,— говорит он,— с какими условиями мира едете вы?

Епископ отвечал:

— Государь,— говорит он,— начать с того, что вас, хёвдингов,— трое. Каждый должен иметь свою часть страны. Вы, государь, получите Вик с Упплёндом, а это совсем не то, что Трандхейм. Там сейчас голод и недород, а здесь хорошие урожаи. Мы с архиепископом думаем, что вам надо взять в жены Кристин, дочь конунга Сверрира, ведь она происходит из лучшего рода в Норвегии. Может статься, у вас от нее будет сын[65А]. Тогда люди, возможно, будут низкого мнения о роде Барда сына Гутхорма да лагмана Фольквида. Нам долгое время было тяжело совладать с Берестяниками. Но если вы захотите сперва уступить в этом, не исключено, что следующий раз они уступят и больше.

Конунг счел это приемлемым. Епископ едет теперь с надежными провожатыми на север в Берген. Он завел беседу с конунгом Инги и ярлом Хаконом, изложил им все сказанное и сказал так:

— Наш родич Филиппус хочет ныне по моим уговорам оставить всю вражду к вам. Он был бы рад породниться с вами, если вам будет

угодно выдать за него Кристин, дочь конунга Сверрира. Тогда он сможет стать для вас, государь, могучей опорой в любых делах.

Конунг и ярл были немногословны и сказали, что мировой не получится, если Инги не будет конунгом всей страны. Епископ вел речь весьма гибко и понемногу довел до них, что к чему. Они сошлись в том, что Филиппус должен получить девушку, если на то будет ее воля, и иметь столько земли, сколько было у ярла Эйрика, брата конунга Сверрира, и такое звание, какое конунг Инги захочет ему дать.

Берестяникам показалось, что епископ соглашается на все с большей охотой, чем они. Под конец все это огласили на тингах. Речь там держал епископ Никулас. Берестяники встретили его довольно недружелюбными выкриками и требовали, чтобы этот мерзавец замолк; они говорили, что он, как и раньше, замышляет обман. Епископ не вступал с ними в свару. К этому времени с севера явился и архиепископ Торир. Он тоже очень радел о заключении мира. Кончилось тем, что сходку определили в Хвитингсэйяр. Туда должны были явиться обе стороны, а также архиепископ с епископом Никуласом. Встреча произошла в начале осени. Берестяники пристали у острова Хвитингсэй, а Посошники — у острова Наутэй. Затем стали ездить гонцы, а потом они встретились и сами. Берестяников было намного больше. Епископы держали свои речи и рассказали, как мировая была задумана. Случилось так, как это часто бывает, что обеим сторонам их слова показались слишком обязывающими. Берестяники потребовали тогда, чтобы Филиппус имел земли не больше, чем от Роггьярбита на севере и до Свинасунда на юге. Он должен был также сложить с себя звание конунга и иметь то звание, которое конунг Инги пожелает ему дать. Этот мир был скреплен клятвами, а насчет человекоубийств и имущества, попавшего в чужие руки, решили, что никто не вправе мстить другому или требовать с него виры. Сперва клятву о мире принесли хёвдинги, конунг Инги с ярлом Хаконом и Филиппус, затем лендрманны и наместники, по две дюжины с каждой стороны. Тинг кончился тем, что был провозглашен мир и обязательства верности[66]. Их произнес Гуннар Волосатый Зад[67]. На следующий день Филиппус обручился с Кристин Конунговой Дочерью.

Тут в обеих войсках стали роптать те, кто был неимущ, но при этом имел звание. Тогда было решено, что весной они отправятся в поход к Гебридским Островам наживать себе добро, и ехать собрались люди с обеих сторон. Тогда же договорились между собой и Петр Истребитель с Хрейдаром Посланником; тот к тому времени женился на Маргрет, дочери конунга Магнуса. Они собирались плыть в Иерусалим, а

пока расстались. Посошники отплыли на восток, а Берестяники — в Берген. Посошники по-прежнему продолжали называть Филиппуса конунгом.

Весной Филиппус отрядил две ладьи на север за Кристин Конунговой Дочерью. Во главе их были Эйстейн сын Хрои[68], Амунди Щетина[69], Грунди Казначей[70]. Конунгова Дочь отплыла на восток в Вик. Филиппус справил свадьбу в Осло. Туда прибыла с востока из Гаутланда и королева Маргрет, которая ранее была замужем за конунгом Сверриром. Она была дочерью конунга Эйрика Святого. Она же была и матерью Кристин[71].

Тем летом в викингский поход на Гебридские острова отправились Тормод Дристун, Тормод Жеребячья Кость, Оспак Гебридец[72]. Эти были из Берестяников, а из Посошников были Эйрик сын Този с другим Эйриком[73], Эрленд Смола, Берг Пасть, Никулас Гилли. У них было двенадцать кораблей[74]. Следующей зимой из страны уехали Петр Истребитель и Хрейдар; у них было два корабля, и никто из них более не возвращался[75].

19. Гибель Стюркара

В ту зиму, когда умер Эрлинг Каменная Стена, Посошники выехали на восток в Вик, и это было незадолго до йоля. А те из них, у кого было неотложные дела, задержались. Сёрквир Олух зашел в Хардангр. Оттуда он отплыл на юг на маленькой ладье, и с ним было двенадцать человек.

В то время лен в Рогаланде держал Стюркар Штопальная Игла. Он узнал о походе Сёрквира и выехал, чтоб искать с ним встречи. Они увидели друг друга у Бардхольма. Стюркар налег на весла и гнал ладью Сёрквира на юг до пролива Кармсунд. Начало смеркаться. Стюркар пристал в Бэ; там они поставили корабль на берег и пошли спать на хутор. Они легли в покоях.

Сёрквир и его люди повернули обратно и стали искать их. Они пристали в Бэ, признали на берегу корабль Стюркара и затем пошли к хутору. Сперва в покои зашел сам Сёрквир. Он схватил две пики, выбежал с ними наружу и просил своих нападать — людей, мол, хватает. Затем они взяли сани и подтащили их к дверям.

Стюркар и его люди вскочили и схватили оружие. Они думали, что снаружи много народа. Поэтому никто не пытался сделать вылазку. Они поставили перед оконцем стол, и несколько человек выбралось по нему наружу.

Посошники сорвали крышу и забросали тех, кто был в покоях, камнями. Потом они взяли бересту, подожгли ее и сбросили через оконце, так что в покоях стало светло. Некоторые были при этом ранены, а многие погибли. Там пал Стюркар, и всего семнадцать человек. Сёрквир был ранен. Девятерым они даровали пощаду.

20. Про кузнеца и Одина

В ту самую зиму перед летним примирением в Несьяр[76] проживал один кузнец. Было это после рождества: однажды вечером туда явился всадник и просил бонда о ночлеге, а еще — снарядить в дорогу коня. Бонд сказал, что это вполне посильно. Они встали задолго до рассвета и пошли в кузню.

Бонд спросил:

— Где ты был прошлой ночью?

— В Медальдале,— сказал гость. Это далеко на севере в Теламёрке.

Кузнец сказал:

— Быть того не может: ты, верно, отъявленный лжец.

Потом он начал ковать, и получалось как-то не так.

— Никогда прежде не знал я подобной ковки,— сказал он.

Гость сказал:

— Куй как придется,— и получилось больше подков, чем бонд хотел сделать, но когда подковы вынесли наружу, оказалось, что коню, вроде бы, ровно столько и нужно[77]. Затем они подковали коня.

Тогда гость сказал:

— Неученый ты человек,— говорит он,— и неумный. Почему ни о чем не спрашиваешь?

Кузнец сказал:

— Что ты за человек, откуда прибыл и куда держишь путь?

Тот отвечал:

— Я прибыл с севера страны и долго пробыл в Норвегии, а теперь собираюсь на восток в Швецию; долго был я на кораблях, но теперь придется привыкать к лошадям.

Кузнец сказал:

— Где думаешь быть вечером?

— На востоке в Спармёрке,— говорит тот.

— Это уж точно неправда,— говорит бонд,— туда ведь не доскачешь и за семь дней.

Тут гость вскочил на коня. Бонд сказал:

— Кто ты?

Тот ответил:

— Слышал ли ты об Одине?

— Слыхал, как поминают такого,— говорит бонд.

— Здесь ты можешь теперь его видеть,— говорит гость,— а коли не веришь тому, что сказал тебе, глянь-ка, как я перемахну на коне через крышу.

Конь прянул. Тут он дал коню шпоры и погнал его вперед. Конь перемахнул через крышу и исчез; высота столба была семь локтей, и бонд с тех пор больше не видел своего гостя[78]. Четырьмя ночами позже близ Лейнар бились конунг Эйрик с Сёрквиром конунгом.

Этот рассказ поведал ярлу Филиппусу сам кузнец тем же летом в Тунсберге[79], а ярл рассказал нам, которые это слышали. Хутор называется Пислар, а бонда, который делал подковы, звали Торд Заливала[80].

Сага о Курином Торире

«Сага о Курином Торире» принадлежит к циклу саг Боргарфьорда. Наиболее древняя ее рукопись — фрагмент пергамента AM 162 G — относится к XV в. Полный текст саги известен лишь по бумажным спискам XVI—XVIII вв.: расхождения между ними сравнительно невелики и носят частный характер. Большинство списков сделаны с ныне утраченного кодекса, известного под именем Vatnshyrna, именно с той части компиляции, которая попала в руки Педера Ресена и сгорела в Королевской Библиотеке в Копенгагене во время пожара 1728 г. Лучшими являются списки, сделанные рукой Аусгейра Йоунссона — AM 501 4to, 175 F fol; они относятся к XVII в. Вторая группа списков восходит к другой редакции саги, текст которой был ближе к фрагменту AM 162 G, нежели к редакции саги Vatnshyrna; наиболее важные из списков этой группы — 165, 486 — датируются XVII в.

Центральное событие саги — сожжение Кетиля Сони произошло, согласно анналам, в 962 г., лишь анналы с Плоского Острова датируют его 963 г. Тородд сын Одда уезжает из страны в следующем, 963 г., а Одд из Междуречья умирает в 965 г. Тяжба Куриного Торира повлекла за собой правовую реформу — после обсуждения тяжбы на альтинге в 963 г. было принято решение об учреждении судов четвертей — т. н. «законы Торда Ревуна» (Gellislög), о чем сообщает историк Ари Мудрый в пятой главе «Книги об Исландцах». Однако в отличие от историков, упоминающих Куриного Торира ради изменений в законодательстве, которые вызвала его тяжба, рассказчика саги интересовал прежде всего сам ход распри: поэтому он избрал в качестве главного героя не поджигателей и не жертву, а предводителя всего Боргарфьорда Одда из Междуречья.

Датировка саги представляет собой интересную филологическую проблему, многократно обсуждавшуюся в научной литературе: при этом реконструкция протографа и устной саги не всегда разграничивались в должной мере. Лучшие работы о саге принадлежат Конраду Мауреру, Бьёртну Магнусу Ольсену и Андреасу Хойслеру.— [K. Maurer. Über die Hœnsa-Þóris saga. München, 1871; B. M. Ólsen. Landnáma og Hœnsa-Þóris saga / Aarbøger for norsk oldkundighed, 1905, 63—80]. Еще в XIX в. были обнаружены текстуальные совпадения между сагой и «Книгой об Исландцах», а также между сагой и различными редакциями «Книги о Заселении Земли». Маурер и Ольсен подробно разобрали расхождения версий «Книги о Заселении Земли» — Melabók, Sturlubók, Hauksbók с текстом саги. Им удалось установить, что лагман Стурла Тордарсон (умер 1284 г.), автор редакции Sturlubók, правил более раннюю редакцию Melabók под влиянием текста «Саги о Курином Торире», которым располагал к моменту записи собственной версии Книги. При этом Стурла опирался также на аббата Стюрмира Карасона (умер 1245 г.), соста-

вившего свою редакцию Книги: версия Стюрмира должна была учитывать историю Куриного Торира. Тем временем, юридический казус, описываемый в саге, стал актуальным в связи с реформой законодательства в 1281 г.: принятие нового закона об изъятии излишков сена вызвало серьезные волнения среди исландских бондов. Симпатии рассказчика саги целиком на стороне нового закона: герой саги Кетиль Соня оказывается жертвой несовершенного законодательства, позволявшего его злому соседу Ториру добиваться его изгнания. Высказывалось мнение, что данный прецедент, запечатленный в родовой саге, послужил дополнительным доводом в пользу правовой реформы, тем более что инициатор новшества, лагман Йон Эйнарссон, был хорошо знаком со Стурлой и вполне мог слышать сагу от него.

Так или иначе, практически несомненно, что по крайней мере в период с 1250 по 1270 гг. «Сага о Курином Торире» уже существовала в *письменной* форме. Этот вывод в настоящее время никем не оспаривается. Гораздо сложнее решить вопрос об истоках саги и о преемственности традиции. Дело в том. что сага содержит массу неточностей и неправдоподобных деталей. Конфликт Торира с Кетилем описан необъективно: Торир представлен преувеличенно мерзким, а Кетиль сусально добрым. Рассказчик стремится показать, что по отношению к людям вроде Торира продразверстка вполне оправдана; тем самым сага вступает в противоречие с традиционным правосознанием исландцев, осуждавшим Кетиля в качестве грабителя и агрессора. Непонятна и неправдоподобна жестокость поджигателей, не позволившим выйти никому из домочадцев Кетиля.

По сей день твердо не установлено и имя главной жертвы: все источники утверждают, что сожгли *Кетиля Соню*, но Ари Мудрый (ум. около 1135 г.) называет жертву *Торкелем сыном Кетиля Сони*. Ари пользовался у современников и потомков непререкаемым авторитетом, поэтому полезно выяснить, что заставило их отклониться от его версии. Большинство комментаторов полагает, что сага опирается на устную традицию, а Стурла Тордарсон — на сагу. Маурер и Ольсен пришли к выводу, что автор саги плохо знал генеалогии и спутал двух тезок — потомка Скаллагрима *Кетиля Соню сына Гейра Богатого с Озера Сони* (именно так строится генеалогия персонажа в саге) и *Кетиля Соню из Эрнольвовой Долины* (там стоял хутор персонажа). Сожгли Кетиля из Эрнольвовой Долины; вероятно, именно этим объясняется тот факт, что жители Болот (Эгиль Скаллагримссон и его сын Торстейн) стояли от тяжбы в стороне, чего они не могли бы себе позволить, если бы погибший был их родичем. С другой стороны, ученые исландцы — в XII в. Ари Мудрый, в XIII в. Стурла Тордарсон — якобы видели нестыковку в устной традиции и стремились преодолеть ее путем различных конъектур — замены имен собственных и изменения генеалогий, что внесло дополнительную путаницу.

Все первые комментаторы объясняли расхождения между текстом саги и ученой традицией, воплощенной в книге Ари и в редакциях «Книги о Заселении Земли» тем, что рассказчик следует преданиям Боргарфьорда. Правда, Финнюр Йоунссон, требовавший от родовой саги полной исторической достоверности, допускал, что бытовые погрешности в доступном нам тексте объясняются тем, что он был переработан писцом из другой округи. Андреас Хойслер считал сагу яр-

ким проявлением коллективного творчества и устного эпического сознания. Конфликт Одда с пришлым хёвдингом Тордом Ревуном, вероятно, был смоделирован по типу позднейших распрей Стюра Убийцы и Снорри Годи с жителями Боргарфьорда (см. «Сагу о Битве на Пустоши») или распрей эпохи Стурлунгов.

В то же время, Сигюрдюр Нордаль и его исландские последователи решительно высказываются в пользу книжного происхождения памятника: произвольность интерпретаций рассказчика они предлагают объяснять тем, что он не мог или не хотел обуздать полет своей фантазии. По мнению Нордаля, автором саги вполне мог быть и местный житель. Небрежности и ошибки в этом случае объясняются увлеченностью рассказом, а не незнанием местных условий, хотя малонаселенные районы кое-где описаны неверно. Например, рассказчик в гл. VIII заставляет Торвальда и его людей скакать мимо вереницы хуторов на их пути от Северного Междуречья к Эрнольвовой Долине; на самом деле расстояние между этими хуторами всего сорок минут езды и пять километров по прямой, и между ними нет никаких других поселений. Замечания Нордаля и его школы были полезны для критического чтения саги, однако представление о ее тексте как продукте художественного вымысла ученого исландца не выдерживает критики, поскольку язык данной саги лишен примет книжного стиля и имеет специфически разговорную интонацию. Каковы бы ни были размеры индивидуального вклада последнего переписчика, он следовал выработанными его предшественниками канонам рассказа. Таким образом, единственный аргумент, который остается у сторонников книжного происхождения памятника, сводится к тому, что «Сага о Курином Торире» — произведение тенденциозное. Однако сила данной саги как раз в том, что она выходит за рамки заложенной в ней идеологической и юридической пропаганды. Коротко остановимся в этой связи на двух моментах.

Конфликт Куриного Торира с Кетилем Соней воплощает дилемму: право для всех, или закон для богатых? Сага явно на стороне бонда Кетиля, а Торир — человек безродный и неудачливый — воплощает зло, которое проникло в благополучное общество потомственных землевладельцев. Такие как Торир — смесь Терсита с Шейлоком — не имеют права голоса в древнеисландской литературе, но рассказчик саги не может безусловно оправдать и двойную мораль: *непорядка быть не должно* — заявляет традиция устами Торвальда сына Торда (гл. VI).

Еще примечательней фигура Одда из Междуречья. Одд — истинный герой саги, он, по мысли рассказчика, больше соответствует эталону предводителя, нежели одолевший его человек с запада Торд Ревун. При этом Одд самовластен и жесток; как гласит его вводная характеристика, он не был jafnaðarmaðr т. е. *покладистым человеком* (данное слово имеет в оригинале несравненно более богатый спектр значений и означает буквально «тот, кто признает других себе ровней и обходится с ними по справедливости»; именно слово jafnaðarmaðr было использовано для передачи политического термина «социалист» в современном исландском языке). Казалось бы, такое выражение, заявленное в самом начале саги, задает устойчиво негативное отношение к Одду. Против ожидания, развитие саги развенчивает такой стереотип: сыновья Одда, стремящиеся утвердиться в образе *хороших парней* (все цитируемые ниже клише взяты из текста самой саги, ср. góðr

drengr в гл. XVI) и *заступников* обиженных, обнаруживают свою полную несостоятельность, а их стремление вмешиваться в дела округи и *поступать по справедливости* (ср. подначку Куриного Торира в гл. VI) приводит к самым печальным последствиям. В свете данного контраста слова Одда, обращенные к его сыну Тородду — «*и дурно же мы тебя воспитали!*», звучат в последней главе как суровый приговор и воплощают драму всего семейства: наследники оказались негодными, власть над округой ускользает из рода, старый хёвдинг ощущает свою обреченность.

Если исходить из того, что сага записана в Боргарфьорде, то наиболее вероятным местом записи следует признать его культурный центр хутор Рейкхольт (Reykholt), когда-то принадлежавший Одду, а впоследствии — Снорри Стурлусону: именно там Снорри погиб от рук своих врагов в 1241 г.

Первое критическое издание текста саги было осуществлено Йоуном Сигюрдссоном: Jón Sigurðsson. Íslendinga sögur II, København, 1847. Авторитетным является также издание Хойслера: Heusler A. Zwei Isländer-geschichten. Berlin, 1897 (2. Aufl. 1913). Сага переводилась на датский, немецкий, английский и новонорвежский языки. На русский язык переводится впервые. Перевод сделан с издания: Íslensk Fornrit, III, 1938.

Примечания

[1] *Одд сын Энунда Широкобородого, сына Ульвара*; в редакции Melabók Энунд Широкобородый, отец Одда из Междуречья, назван сыном *Одда из Крамы*, первопоселенца.

[2] *У Одда и Йорунн было две дочери.* И это неточно: «Книга о Заселении Земли» сообщает о третьей дочери — *Халльгерд*, причем подробно рассказывает об обстоятельствах ее смерти (S 152 = H 122; 190—196).

[3] *Йофрид* — согласно редакции Melabók дочерей Одда звали *Оддфрид* и Турид; имя *Йофрид* носила дочь другого персонажа сага — Гуннара сына Хлив, видимо, поэтому рассказчик спутал их.

[4] *Торви сын Вальбранда* упоминается во многих родовых сагах; он был побратимом Одда и был женат на его сестре (а не дочери) *Тородде*, а *Турид*, дочь Одда, была замужем за Свартхёвди сыном Бьёрна Золотоноши, братом годи Гримкеля, отца Хёрда, главного героя «Саги о Хёрде». Нынешний хутор с названием Широкое Жилье принадлежал Торви, а место, где стоял хутор Одда было впоследствии известно под названием *Древнее Широкое Жилье*.

[5] *Эрнольв* — первопоселенец. *Эрнольвова долина* расположена далеко в горах в верхнем течении реки Хвитау. Указание, будто в Эрнольвовой Долине *было много дворов* неправдоподобно; согласно «Саге о Битве на Пустоши» летние хижины бондов, живших к северу от реки Хвитау, стояли в другой долине — *Кустарниковой*.

[6] *Торкель Бахрома* — хёвдинг, известный своей хитростью и коварством; «Сага о людях из Лососьей Долины», (гл. X, XVIII). Его отец Бьёрн Рыжий (или *Ржавый*) назван так потому, что «первым из исландцев стал добывать железо из болотной

руды», ср. «Книгу о Заселении Земли» (Н 47). В то же время «Сага об Эгиле» отдает в этом вопросе приоритет Скаллагриму, отцу Эгиля.

[7] *Разведение домашней птицы на продажу* было для средневековой Исландии редкостью. Поведение Торира, продававшего птицу в соседних округах рассказчик расценивает как спекуляцию.

[8] *…просит дать ему ребенка на воспитание…* Было принято отдавать на воспитание ребенка богатым или прославленным людям низшего звания в обмен на покровительство и защиту.

[9] *Мы запрещаем всем вести с вами торг* — древнеисландское законодательство предоставляло окружным хёвдингам право определять предельную цену на обычные продукты импорта, такие как мука, лен, лес, воск, смола; желающий купить товар дороже установленной цены обязан был заплатить пошлину в 12 марок сукна; запрет распространялся на покупателей (kaupbann), но не на продавцов (sölubann); в 1215 г., когда Торвальд Гицурарсон и Сэмунд из Одди попытались установить подобный запрет, произошли крупные столкновения между жителями Одди и купцами из Бергена.

[10] *Мыс* — имеется в виду мыс Акранес на побережье Боргарфьорда.

[10A] *Торри* — месяц традиционного исландского лунного календаря. Всего насчитывается шесть зимних месяцев; месяц торри является четвертым из них. Он начинается в середине января и кончается в середине февраля.

[10B] *Гои* — месяц традиционного исландского лунного календаря. Месяц гои является пятым зимним месяцем. Он начинается в середине февраля и кончается в середине марта.

[10C] *Эйнмануд* — месяц традиционного исландского лунного календаря, шестой и последний зимний месяц. Он начинается в середине марта и кончается в середине апреля.

[11] *Стог* (*скирда*) — традиционная мера сена; *скирдовый луг* равнялся 120 х 120 саженей, т. е. 5,1 гектара или 15 суточным нормам выкоса (dagsláttur).

[12] *Мы все равно заберем сено, хоть ты и запрещаешь нам это* — поведение Кетиля Сони противозаконно и квалифицируется «Серым Гусем» как *красный грабеж* (rauðarán); такое преступление давало повод к объявлению вне закона.

[13] *…чтобы ты добился изгнания по суду или права вынести приговор* — Хотя Торир декларирует здесь готовность заключить мировую с правом вынести решение по своему иску, из дальнейшего изложения следует, что на самом деле он стремится только к изгнанию своих врагов.

[14] За *откуп от изгнания* полагалось платить пеню в три марки; в оригинале здесь употреблен редкий термин lögmálstaðr, который употребляется помимо данной саги только в одном из положений «Серого Гуся». Если ответчик отказывался или не желал платить за откуп немедленно, причиталась дополнительная судебная пошлина (álög) в двенадцать эйриров или более.

[15] *В доме сгорели все до единого…* Жестокость поджигателей ничем не мотивирована; даже в эпоху Стурлунгов в Исландии было принято выпускать женщин и детей из дома врага.

[16] Фраза *Торбьёрн — человек не простой, и может находиться во многих местах сразу* указывает, что у воспитателя Херстейна была репутация колдуна — это впечатление поддерживается прозвищем Торбьёрна — Stígandi, букв. «быстро рыщущий»: исландцы верили, что человек, успевающий по хозяйству больше своих соседей, заключил союз с альвами или лешими: подобные рассказы широко распространены и в других областях Скандинавии вплоть до нашего времени.

[17] *Они добираются до Широкого Жилья* — Расстояние между Эрнольвовой Долиной и хутором Одда слишком велико, чтобы поездка в оба конца могла уложиться в одно утро, если не принимать в расчет связь Торбьёрна с нечистой силой.

[18] *Затем он объезжает дом по ходу солнца с пылающей головней* — Одд воспроизводит ритуал первопоселенца, устанавливающего свое право на землю; *движение по ходу солнца* было прерогативой богов и связывалось с магическим действом; в быту было принято обходить святилище *против солнца* — ср. «Сагу о сыновьях Дроплауг».

[19] Заставляя Торбьёрна Рысака с Херстейном появиться у Торкеля Бахромы *тем же утром*, рассказчик саги забывает, что расстояние между Кривым Ущельем, где жил Торкель Бахрома и Эрнольвовой Долиной составляет 22 километра.

[20] *Херстейн нуждается в твоих мудрых советах* — комментаторы установили, что обращение за помощью к Торкелю Бахроме вызвано не только мудростью этого хёвдинга, но и его родственными связями. Гудрид дочь Торстейна Черного, жена Торкеля Бахромы, и Торунн дочь Гуннара сына Хлив были правнучками хёвдинга Торстейна Рыжего; внуком и потомком последнего по прямой линии был также глава рода Торд Ревун сын Олава Фейлана: Херстейну и его воспитателю помощь Торкеля Бахромы нужна для того, чтобы привлечь Торда Ревуна на свою сторону. По-видимому, рассказчик саги нетвердо знал генеалогии персонажей, в связи с чем он выдумал историю о внезапном сватовстве к дочери Гуннара — из всей ситуации естественно сделать вывод, что к моменту сожжения Кетиля Сони его сын Херстейн уже был женат (либо помолвлен) на дочери Гуннара.

[21] *Гуннар сын Хлив* упоминается во многих сагах. Генеалогия Гуннара неизвестна, но его родство с хёвдингами из Широкого Фьорда показывает, что он должен был быть знатным человеком. Обозначение по матери (*Хлив* — женское имя) обычно означало, что отец человека рано умер.

[22] Дочь Гуннара, к которой сватается Херстейн, на самом деле звали *Торунн*.

[23] *Торкель сказал, что не хочет принимать ночлег от рабов* — знатные гости были вправе рассчитывать, что хозяин выйдет им навстречу.

[24] *Они сидят на плаще Гуннара* — известный по многим сагам мотив шантажа хозяина; так поступают, например, Халльбьёрн Сильный и Бьярни в «Саге о Ньяле», гл. CXXXVIII; Торкель и Торстейн в «Саге о людях из Лососьей Долины», гл. LXXV.

[25] *Торд Ревун сын Олава Фейлана* — могущественный хёвдинг из Широкого Фьорда. Прозвище Торда является хейти быка (реже — петуха), при этом тотем Торда — бык — изображен на государственном гербе Исландии. Основу для легенды дает «Сага о Харальде Серая Шкура», где рассказывается о том, как датский король Харальд Синезубый послал в Исландию колдуна; тот принял образ кита и отправился на разведку, однако высадиться в обитаемых местах ему не удалось, поскольку *духи страны* (landvættir) угрожали ему, принимая образ различных чудовищ. В Широком Фьорде — вотчине Торда Ревуна — навстречу посланнику враждебной державы вышел огромный бык, который громко ревел. Согласно указаниям королевских саг, это и был сам Торд Ревун.

Духов страны древние исландцы воспринимали вполне серьезно: в языческом законодательстве была статья, предписывающая на подходе к острову снимать со штевней кораблей головы драконов и зверей с разинутой пастью — дабы не смутить духов-покровителей страны («Книга о Заселении Земли» — гл. 268 — H 268: 313).

[26] Рассказ о том, как Торд Ревун *ездил в непогоду взыскивать виру с двумя спутниками* неправдоподобен; хёвдинги вроде Торда редко выезжали из дому без нескольких десятков своих домочадцев и клиентов.

[27] *девушку обручили* ... Из изложения саги получается, что Турид дочь Гуннара обручали *дважды* — заочно в доме ее отца и вторично в ее присутствии на хуторе Торда Ревуна: это явная фантазия рассказчика — других свидетельств такой практики нет.

[28] *Зваными гостями* (*fyrirboðsmenn*) назывались гости невесты: их число не лимитировалась и зависело лишь от хозяина хутора, где игралась свадьба; число гостей жениха (*boðsmenn*) было ограничено.

[29] *Он поставил ногу на камень* — Ритуал *обета* (heitstrenging) требовал, чтобы говорящий произносил текст, стоя на возвышении.

[30] *Чего же ты, Торд, сидишь и не говоришь ничего?* Торда подстрекают дать обет изгнать Одда из страны, что явно неоправданно, поскольку тот не совершил ничего противозаконного и даже имел формальные основания как окружной хёвдинг объявить место пепелища своей собственностью; скорее всего, диалог Гуннара с Тордом понадобился рассказчику для того, чтобы воочию показать, что сдержанный Торд в меньшей степени соответствует эталону хёвдинга, нежели Одд.

[31] *вызывают Арнгрима Годи с Куриным Ториром на тинг Мыса Тингов*... корректура издателей; в рукописи стоит ошибочное *вызывают на тинг Мыса Тора*; древнее место тинга жителей Фьорда Городища находилось у излучины реки Хвитау возле хутора *Тингснес* (*т. е.* Мыс Тингов); само место тинга также называлось *подножием Соколиной Горы* и *Вечевым Пригорком* (*Тингсхоль*).

Утверждение, что Куриного Торира вызывали на тинг в *Северном Междуречье* — на совести рассказчика; поскольку Торир был бондом, его должны вызывать на его хуторе Озеро Хельги.

[32] *Куриный Торир с дюжиной людей исчез из округи*...; Ари Мудрый упоминает в пятой главе своей «Книги об Исландцах» о том, что «Ториру вскоре отомстили»,

но ничего не говорит о том, что с ним были убиты и другие люди; из самой саги также неясно, кто мог разделить судьбу Торира; работников у него на хуторе мало, чинить иск вместе с ним едет лишь его родич Видфари и маленький Хельги (гл. VII).

[33] Здесь и далее в саге упоминается ряд пунктов по течению реки Хвитау (Белой Реки):

Столбовой Островок — песчаная отмель между рекой Хвитау и ее притоком рекой Нордюрау (Северной Рекой); к XIII в. течение реки смыло косу.

Островной Брод расположен в нижнем течении реки Хвитау между хуторами Haugar и Sólheimstunga.

Теснина Рабов находится чуть севернее хутора на Мысе Тингов.

[34] *голос его был подобен бычьему реву*… здесь обыгрывается прозвище Торда Ревуна (см. выше примечание к главе XI)

[35] *Херстейн был болен, и ехать на тинг не мог*… Образ действий Торда Ревуна доказывает, что Херстейн передал ему свою тяжбу еще до поездки в Боргарфьорд.

[36] *А тинг был тогда у подножья Великаньей Горы*… Эта фраза саги остается для исследователей загадкой, поскольку все источники утверждают, что альтинг испокон веков проводился возле озера Эльфусвахтн. Высказывались взаимоисключающие мнения: альтинг якобы действительно созывался у подножья Великаньей Горы (undir Ármannsfell), но спустя короткое время был перенесен из-за какого-то стихийного бедствия (землетрясения, лавины и т.п.). Другие комментаторы думают, что у подножья Великаньей Горы собирался не альтинг, а тинг Южной Четверти; однако тинги четвертей были учреждены именно после тяжбы о сожжении Кетиля (963 г.).

[37] *Торд и его люди обороняют от них место тинга, и тут же завязывается битва.* Подобная ситуация являлась для Исландии нетипичной: похожий случай имел место лишь в 1121 г., когда хёвдинг Хавлиди сын Мара пытался помешать своему врагу Торгильсу сыну Одда попасть на альтинг.

[38] Во многих списках саги глава завершается речью Торда Ревуна, текст которой взят из «Книги об Исландцах» Ари Мудрого.

[39] *Эрнольв* — вымышленный персонаж; его имя взято из названия долины, где стоял хутор Кетиля Сони.

[40] *Херстейн сам отрубил Куриному Ториру голову* …в нескольких списках эта фраза завершается так: *и перед смертью тот пердел.* Есть основания считать, что эти слова были в протографе, поскольку в оригинале употреблена редкая глагольная форма (feis), которая в XV—XVIII вв. не встречается.

[41] *Он был лучший лучник из всех, так что рядом с ним можно поставить лишь Гуннара с Конца Склона.* В одном из списков «Саги о Гуннлауге» (AM 18) Гуннар сын Хлив назван одним из трех лучших воинов Исландии, наряду с Гуннаром с Конца Склона (см. «Сагу о Ньяле») и Стейнтором с Песчаного Берега (см. «Сагу о Людях с Песчаного Берега»).

[42] *мои служанки* — традиционная метафора для стрел.

[43] *Столбовые Междуречья* расположены между рекой Хвитау и Рекой Долины Дымов.

[44] Обычай *хоронить стоя* был широко распространен в языческую эпоху; считалось, что тем самым покойник сохраняет контроль за своей территорией.

Прядь о Снэбьёрне Борове

Прядь о Снэбьёрне Борове и Халльгерд сохранилась только в составе «Книги о Заселении Земли». Характер расположения материала в данном произведении неразрывно связан с генеалогиями первопоселенцев и с памятными событиями, приуроченными к строго определенной местности. Это обстоятельство предполагает сжатость изложения, устранение речевых ситуаций и вводных характеристик. Текст начального эпизода пряди в двух главных редакциях «Книги» — «Книге Стурлы» и «Книге Хаука» — слегка рознится: более поздняя редакция Хаука является несколько более пространной. Это подтверждает предположение, что история Снэбьёрна имелась уже в редакции Стюрмира Карасона (ум. 1245 г.), которой воспользовались как Хаук Эрлендссон, так и Стурла Тордарсон. Стурла сильнее переработал текст: он полностью устранил прямую речь и придал ряду предложений эмфатическую интонацию. Однако жанр общинной хроники налагает свой отпечаток и на стиль Хаука: упоминание о гибели героев предваряет у него подробный рассказ о событиях. Заключительный эпизод «Пряди» в обеих редакциях совпадает дословно.

Прядь восходит к родовым преданиям Боргарфьорда. Предметом повествования послужило чрезвычайное событие — убийство знатной женщины ее мужем и последовавшая распря, стоившая жизни ряду знатных исландцев. По набору персонажей и по месту действия прядь ближе всего к «Саге о Курином Торире», однако по содержанию она с ней не связана: как может убедиться читатель, эта сага вообще не упоминает о существовании Халльгерд дочери Одда.

Памятник содержит две висы: неясно, были ли они присочинены при редактировании текста в «Книге о Заселении Земли», или бытовали в устной традиции. Неизвестно также, записывалась ли прядь вообще до составления «Книги Стюрмира».

На русский язык Прядь переводится впервые. Переводчик следовал в основном тексту Стурлы, но в двух местах, где он недостаточно ясен, восполнил его по параллельному тексту «Хауковой книги».

Примечания

[1] *Эйвинд Норвежец* — викингский вождь, захвативший земли в Ирландии. Его дети считались в Исландии одними из наиболее знатных первопоселенцев.

[2] *Кьяльвёр*, мать Снэбьёрна Борова и *Торлауг* (по другой версии — *Гейрлауг*), мать Одда из Междуречья были дочерьми первопоселенца Тормода Старого, сына Бреси.

[3] О *Халльгерд Длинноногой*, дочери Хёскульда из Долин, подробно рассказывается в «Саге о Ньяле».

[4] *Лофн* — одна из богинь. *Лофн во льне*, т. е. *Лофн льна* — ЖЕНЩИНА, здесь — Халльгерд дочь Одда, жена Халльбьёрна. Упоминание нарядной, льняной женской одежды является в скальдической поэзии конвенциональным знаком опасности. *Липа плата* (платка) — ЖЕНЩИНА, т. е. опять-таки, Халльгерд. Она же названа невестой, что, в данном случае, следует понимать просто как хейти. *Кровля духа* — ГРУДЬ.

[5] *Тогда он выхватил меч и отсек ей голову* — убийство женщины, тем более — жены, было из ряда вон выходящим событием. За убийство виновного в таком преступлении вира не полагалась.

[6] Топоним *Халльбьёрнова Оборона* локализуется на пересечении двух горных Дорог — по Холодной Долине и вдоль Воловьего Хребта. Халльбьёрн и его спутники ехали мимо горы Ок.

[7] *Гримова Река*, откуда Снэбьёрн отплывает на север, находится в Боргарфьорде.

[8] *Эйнар со Столбовых Холмов, сын Тейта* — союзник Одда из Междуречья.

[9] *Виса, услышанная Стюрбьёрном во сне*, сложена не обычным скальдическим размером дроттквётт, а эпическим размером форнюрдислаг. *Стужа и невидаль всяка* — скорее всего, какие-то погодные явления в экстремальных полярных условиях, ср. далее в тексте «Пряди» сообщение о сильном морозе и снегопаде. Для Исландии, вопреки внутренней форме топонима — «Ледяная страна» — ни то, ни другое нехарактерно.

[10] *Гуннбьёрновы островки* были обнаружены Гуннбьёрном, сыном Ульва Вороны, около 933 г. Корабль Гуннбьёрна отнесло на северо-запад (см. «Сагу об Эйрике Рыжем» II, 194). Островки точно не идентифицированы, однако несомненно, что речь идет об одном из небольших архипелагов, лежащих к северо-востоку от Angmagsalik в Гренландии. Сведения о географическом открытии сохранялись в северо-западной Исландии в течении X века и послужили одним из стимулов плавания Эйрика Рыжего в Гренландию. Сам топоним *Гуннбьёрновы островки* употреблялся в Исландии вплоть до XVII в.

Память об открытии Гуннбьёрна сохранялась не только среди его потомков, но и в местностях по обеим берегам Широкого Фьорда, т. е. в Озерном Фьорде, на побережье Бардарстрёнд и на полуострове Снайфедльснес. Сыновья Гуннбьёрна поселились на Западных Фьордах.

Комментаторы установили, что в плавание со Снэбьёрном отправились люди, которые благодаря своим родственным связям должны были знать маршрут. Сам Снэбьёрн был родом с Западных Фьордов, а упоминающийся ниже *Торгейр* (по другой версии — *Торстейн*) *Рыжий* был братом Йорунн, жены Торарина Корни, сына Гримкеля, современника Гуннбьёрна: Гримкель занял землю на полуострове Снайфедльснес.

[11] Упоминание о том, что спутники Снэбьёрна обнаружили на островках *курган* подтверждает, что они попали именно в те места, куда ранее приплывали скандинавы.

[12] *Торкель Бахрома* — хёвдинг из Боргарфьорда. О нем см. «Сагу о Курином Торире» и «Сагу о людях из Лососьей Долины».

[13] *Свейнунг … поехал окольным путем.* Наемный убийца делает крюк более ста километров, дабы запутать следы и усыпить бдительность соседей: из Боргарфьорда он едет к озеру Вестюрхоуп, т. е. по дороге в *Северную* Четверть, затем он прибывает на северную оконечность *Западных Фьордов* (на хутор *Скалы*), и лишь оттуда отправляется на побережье Бардастрёнд, где живет его жертва.

[14] *Хермунд с* (*Крачечных*) *Болот* — это Хермунд сын Сёльмунда, брат Гудмунда сына Сёльмунда, отца Барди, главного героя «Саги о Битве на Пустоши». Он упоминается в гл. XVI данной саги.

[15] *Олав со Скал* упоминается в XI гл. «Саги о Греттире» и в гл. LIX «Саги о людях с Песчаного Берега».

[16] *Гест* — имеется в виду *Гест сын Оддлейва* — исландец века саг, известный своей мудростью и коварством. Он упоминается в ряде родовых саг — «Саге о Гисли», «Саге о Хаварде», «Саге о людях из Лососьей Долины». Гест жил на побережье Бардарстрёнд.

[17] *Торбьёрн Сильный* и *Тородд с Мыса Тингов*, воспитатель Снэбьёрна, из других источников неизвестны.

Сага о Битве на Пустоши

«Сага о Битве на Пустоши» считается наиболее ранней из записанных в Исландии родовых саг[1]. В то же время она пришла к современному читателю в сильно искаженном виде. Судьба саги является одним из наиболее ярких свидетельств переплетения устной и письменной культуры, филологических усилий и готовности продолжить эпическую традицию.

Главное событие саги — *Битва* (víg), или, как предпочел бы сформулировать современный читатель — *Побоище* на Пустоши Перепутье, произошло, согласно анналам, в 1014 г. и явилось кульминацией многолетней распри между жителями Боргарфьорда и хёвдингами запада страны. Как полагает большинство исследователей, сага об этой распре была создана в скриптории монастыря Тингэйрар в западной Исландии — крупнейшем центре записи саг в период с 1170 по 1200 гг. Древнейшая дошедшая до нас рукопись — фрагмент 184 to (1-я рука); протограф, по мнению Сигюрдюра Нордаля и Эйнара Оулавюра Свейнссона, мог быть записан около 1200 г., вскоре после составления первых королевских саг.

Если в XIII—XV вв. сохранение саги всецело зависело от писцов и от читателей саг, то в XVII—XVIII вв. в ее судьбу вмешались собиратели рукописей и филологи. Рукопись, содержащая «Сагу о Битве на Пустоши» в конце XVII в. попала

---

[1] Ср., однако, ревизию этого положения в недавней работе Бьяртни Гвюднасона: *Bjarni Guðnason*. Túlkun Heiðarvígusögu. // Studia Islandica, Reykjavík, 1993.

в руки агента шведских собирателей древностей Йоуна Эггертссона[2] и была вывезена в Швецию в 1683 г., поэтому Ауртни Магнуссон, состоявший на датской службе, долго не мог получить к ней доступа. Наконец, в 1725 г. шведы переслали Ауртни из Стокгольма первую часть саги, и он поручил своему писцу Йоуну Оулафссону переписать ее: ни Ауртни, ни Йоун ранее сагу не читали, поэтому они не представляли себе реального объема памятника. В 1728 г. рукопись вместе со списком Йоуна сгорела во время пожара в Королевской Библиотеке Копенгагена. Тем самым, Йоун Оулафссон из Грюннавика[3], делавший список на рубеже 1727—1728 гг., оказался единственным человеком, который имел представление о саге. Спустя полтора года он восстановил текст по памяти, особо отметив слова и фразы, которые ему удалось запомнить буквально: в нашем издании они выделены полужирным шрифтом.

Какое-то время считалось, что древний текст утрачен безвозвратно, однако спустя полвека обнаружилось продолжение саги, которое шведы не успели выслать Ауртни. Эта часть — рукопись 184 to — представляет собой антологию саг, записанную разными почерками, наиболее ранний из которых датируется серединой XIII в. Первый почерк продолжается 8 листов и содержит главы с XV (окончание) по XXXII. 9-й лист записан новым почерком. Конец саги записан третьим почерком и занимает три листа: судя по палеографии, второй и третий писцы могли жить примерно в одно и то же время. Непосредственно после «Саги о Битве на Пустоши» начинается текст «Саги о Гуннлауге», записанный тем же почерком. Кроме того, компиляция 184 to содержит еще две саги — «Сагу о Хрольве сыне Гаутрека» и «Сагу об Олаве сыне Трюггве» монаха Одда Сноррасона, каждая из них записана своим писцом; списки датируются 1400 г. и 1300 г. соответственно.

Обилие почерков в рукописи 184 to свидетельствует о том, что пергамент быстро пришел в негодность, что потребовало частичной переписи текста; при этом сравнительно лучше сохранившиеся листы оставляли. Между 2-м и 3-м почерками в тексте «Саги о Битве на Пустоши» оказалась лакуна, дававшая комментаторам повод для разных спекуляций. В 1951 г. в Исландии был обнаружен лист, содержащий главы XXXIV (конец) — XXXVII (начало); лист этот выпал из рукописи еще в XVII в. и не был вывезен в Швецию. Почерк совпал со вторым почерком в рукописи 184 to: таким образом, сага, наконец, обрела относительно цельный вид.

Главная филологическая проблема, которую ставит перед комментаторами «Сага о Битве на Пустоши», состоит в отделении догадок Йоуна Оулафсона, в чьей передаче мы имеем первую часть текста, от оригинальной концепции саги. Исландские ученые подробно разобрали фактические ошибки Йоуна — часть из них отмечается ниже. Анализ «Пересказа» показывает, что Йоун действовал одно-

---

[2] В романе Х. К. Лакснесса «Исландский колокол» он выведен под именем *Йоуна Мартейнссона*.

[3] В романе «Исландский колокол» он назван *Гринвицензисом*.

временно как филолог и как рассказчик. С одной стороны, он считал себя обязанным сохранить для потомков максимум второстепенных деталей, в том числе там, где ситуация была ему не вполне ясна. Неудивительно, что его пересказ длиннее оригинала (занимавшего 8 листов) на четверть. С другой стороны, Йоун не знал второй половины саги, плохо ориентировался в местности и в генеалогиях героев (см. его собственные слова в обращении к читателю), поэтому он упустил из виду информацию, роль которой не мог оценить: большая часть искажений приходится на начало и на конец рассказа. Некоторые домыслы Йоуна принадлежат тому же типу, что и конъектуры писцов древнейшей эпохи: он переделывал имена персонажей, которые нетвердо помнил, по образцу уже встречавшихся в саге, присочинял мотивировки поступков сообразно своему видению ситуации и т.п.

Бесспорной заслугой Йоуна является то, что он сумел воссоздать канву текста при помощи традиционных для саг повествовательных клише. Язык Йоуна носит компромиссный характер; он далек от разговорного языка своей эпохи, но кое в чем отклоняется и от стандартов классического древнеисландского синтаксиса. Плюсы и минусы текста Йоуна вытекают из того, что, вопреки самоназванию, это не «пересказ», а самостоятельная версия саги, созданная в позднюю эпоху при неблагоприятных условиях. Приходится сожалеть, что Йоун менял прямую речь на косвенную, но, вместе с тем, достойно уважения то, что он сумел сохранить много ярких реплик и формульных выражений оригинала. Русский переводчик не стремился педалировать различия между стилем Йоуна и древней частью саги, хотя и не счел себя готовым продолжить саговую традицию и выступить в роли цензора.

Действие саги охватывает значительный промежуток времени, а ее основные события выстраиваются на основе анналов и других исторических источников так:

Родился Стюр Убийца сын Торгрима — около 940 г.
Убийство Торхалли незадолго до принятия христианства — ранее 1000 г.
Убийство Стюра — 1007 г.
Убийство Торстейна Гисласона — 1008 г.
Убийство Халля Гудмундссона — 1011 г.
Битва на Пустоши — 1014 г.
Тяжба Барди на альтинге — 1015 г.
Барди гостит на севере страны у Гудмунда Могучего — зима 1015—1016 гг.
Барди посещает конунга Олава Святого в Норвегии — 1016 г.
Барди в проводит две зимы в Норвегии и Дании — 1016—1018 гг.
Возвращение Барди в Исландию — лето 1018 г.
Женитьба Барди на Ауд — 1019 г.
Барди гостит у Харека на острове Тьотта — 1021—1022 гг.
Барди едет в Гардарики — 1022 г.
Гибель Барди — около 1025 г.

Данная датировка слегка расходится с показаниями саги, поскольку хронология рассказчика сдвинута на несколько лет вперед: так, из изложения следует, что Снорри Годи убил Торстейна сына Гисли лишь после того, как понял, что попытка отомстить непосредственному убийце Стюра провалилась — в действительно-

сти поездка Торстейна Стюрссона в Норвегию и в Константинополь и поход Снорри в Боргарфьорд, скорее всего, случились одновременно.

«Сагу о Битве на Пустоши» издавна причисляли к наиболее древним и архаичным родовым сагам. Сигюрдюр Нордаль полагал, что сага проста и безыскусна. Напротив, Бьяртни Гвюднасон, автор недавней монографии о данной саге, пришел в выводу, что она вышла из под пера ученого и сухого книжника. Однако мнение о «простоте» или «сложности» стиля, не подкрепленное синтаксическим анализом, отражает лишь поворот филологической моды, а не свойство самого памятника. Изучение древней части саги показывает, что развертывание текста связано с выделением крупных периодов речи. Незаконченность предложений предопределяется при этом законами устного рассказа, а не индивидуальными пристрастиями писца и его навыками. Тем самым, лингвистический анализ свидетельствует, с учетом сделанной оговорки, в пользу традиционного положения о близости текста саги к устной традиции. В то же время данный вывод не дает комментатору абсолютной датировки памятника. Поскольку древнейший фрагмент рукописи относится к середине XIII в., простор для разночтений сравнительно невелик. По мнению Нордаля, подходящие условия для записи саги сложились в монастыре Тингэйрар к 1200 г.; Гвюднасон полагает, что сага была записана около 1260 г., вскоре после «Саги о Людях из Лососьей Долины», но ранее «Саги о Людях с Песчаного Берега».

«Сага о Битве на Пустоши» складывается из двух относительно независимых частей, посвященных двум этапам развития распри. Сквозным мотивом в них является вражда жителей Боргарфьорда и жителей Западной Исландии. В этой распре рассказчик следит прежде всего за хёвдингами запада страны: главным героем первой части может быть признан Стюр сын Торгрима, а главным героем второй части — Барди сын Гудмунда. Оба персонажа носили прозвище *Убийца* (Víga-Styrr, Víga-Barði), однако они описаны почти как антиподы. Если для Стюра, деспота и садиста, убийство — радикальный способ унизить и подавить своих соседей, то Барди — фигура трагическая: убивать людей его заставляют обязательства родовой мести: имена Барди и Стюра появляются вместе только в самом конце саги, и то — в скальдической висе. При этом рассказчик подчеркивает, что по своему характеру Барди человек мирный, и свалившееся на него бремя ему ненавистно. Неслучайно сочетание *Барди Убийца* не встречается в саге ни разу: оно известно только по другим текстам. Волею судьбы взяв на себя роль главы рода и мстителя, Барди несет ее с честью. Обретя славу, он вынужден потратить все свое состояние и продать землю; в мирной жизни места для него больше нет, он навсегда покидает Исландию, а затем и Норвегию, становится предводителем варяжской дружины русского князя и гибнет в битве. Между тем все те, кто ранее подстрекал Барди на месть — мать, братья, домочадцы, соседи — мирно доживают свой век на исландских хуторах и не оставляют следа в памяти людей. Наградой же главному герою оказывается данная сага.

Умонастроение рассказчика оказалось созвучно мыслям современного комментатора Бьяртни Гвюднасона, по мнению которого сага развенчивает языческую мораль вообще: в качестве аргумента приводится диалог Барди с конунгом Ола-

вом Святым (гл. XLI), где конунг отказывается принять Барди на службу, ссылаясь на приверженность последнего к «древним нравам» (forneskja). Однако сколь ни лестно для миролюбивых исландских филологов уподобление рассказчикам саг, оно, скорее всего, является иллюзией. «Сага о Битве на Пустоши» чужда нравоучительности, а противопоставление Барди как героя ординарным людям из его окружения полностью укладывается в рамки традиционных, т. е. языческих ценностей. К тому же фигура Олава Святого не является для рассказчика данной саги решающим авторитетом: ответная реплика Барди выглядит скорее дерзкой, нежели покорной; во всяком случае, приходится признать, что Барди гостил именно у врагов Олава — конунга Кнута в Дании, у Харека с острова Тьотта и Торира Собаки с острова Бьяркей в Норвегии (Торир и Харек были в альянсе с датским конунгом, о чем сообщает Снорри Стурлусон в «Круге Земном»).

Рукопись древней части саги содержит пятнадцать скальдических вис: кроме того, Йоун Оулафссон опознал две знакомые ему висы в первой части памятника. В утраченной части саги было и много других стихов; Йоун их запомнить не смог, но указал, в каких ситуациях они произносились, и каков был их общий смысл. Кое-где он приводит также отдельные слова из этих вис.

Скальдические стихи вложены в уста большому числу персонажей саги. Комментаторы сомневаются в аутентичности всех или большинства вис, но расходятся в том, где и когда они были сочинены. Нордаль относит стихи двух более или менее известных скальдов (Тинда Халлькелльсона и Эйрика Тревоги) к местной традиции, а стихи Торбьёрна Брунасона и прочих эпизодических персонажей — Гисли Торгаутссона, матери Барди Турид, по его мнению, присочинены позднее в монастыре Тингэйрар в период записи саги. Такой подход игнорирует поэтику вис. На наш взгляд, не только стихи Тинда, но и «вещие» висы Торбъёрна (возможно, также виса Гисли) могли передаваться в местной традиции Боргарфьорда: они весьма архаичны и нарушают привычные шаблоны. Разумеется, это не означает, что они были сложены именно данными лицами, однако предположение о том, что существовала традиция роковых вис, и что данные висы были рано соотнесены с содержанием «Саги о Битве на Пустоши», остается вероятным. Висы Эйрика — скальда, участвовавшего в походе Барди — носят иной характер: они более фактографичны и, по-видимому, имеют иную локализацию — окрестности Хунафьорда. Последняя из вис Эйрика приводится также в 4-м грамматическом трактате.

«Сага о Битве на Пустоши» несколько раз издавалась. Первое авторитетное издание было подготовлено Кр. Колундом: Íslendingasögur I. Kr. Kålund. København, 1904. Она переводилась на английский и немецкий языки. На русский язык сага переводится впервые. Перевод сделан с издания Íslensk Fornrit, III, 1938 и сверен с изданием Íslendingasögur, I—III. Reykjavík, 1987, Svart á Hvítu.

Примечания

[1] «Пересказ утраченной мембраны пергамента, содержавшей фрагмент истории Стюра, начат в Копенгагене в 1729 г., завершен же и снабжен комментарием относительно содержания истории в 1730 г. Пр(ивет) чит(ателю)» (*лат.*).

[1А] Перед словами ...*Атли стоял в сенях* стоит помета Йоуна Оулафссона: «так начинался фрагмент». Кто такой Атли, установить невозможно, так как первый лист саги был давно утрачен и недоступен уже Йоуну Оулафссону.

[2] Действие начальных глав саги развертывается на полуострове Снайфельстрёнд на западе Исландии.

[3] Характеристика хёвдинга *Стюра Убийцы* (ок. 935—1007 гг.) и эпизоды его биографии содержит «Сага о Людях с Песчаного Берега» (гл. XII, XVIII), второй главный источник сведений об этой одиозной личности.

Подлинное имя Стюра было Арнгрим: он был сыном годи Торгрима сына Кьяллака. Прозвище *Стюр* (т. е. «Раздор») он получил за агрессивный характер, и оно быстро вытеснило его личное имя, что видно из того факта, что за Стюром закрепилось новое прозвище Убийца (Víga-Styrr).

[4] *что Стюр убил этого самого человека, и что того звали Тормодом или что-то вроде того*. Здесь Йоун оставляет примечание «возможно, тот был рабом Атли», но вскоре противоречит себе — «...а может быть его звали Торбьёрном, и это тот самый человек, которого «Книга о Заселении Земли» называет братом Клеппьярна...». Об этом *Клеппьярне* рассказывается ниже (ср. гл. VII).

[5] Говоря, что Вермунд Тощий *жил в Ледовом Фьорде*, рассказчик саги ошибается: в действительности Вермунд жил неподалеку от Стюра на вотчине предков в Бьярнархёбне. В Западные Фьорды, (к которым относится Ледяной Фьорд) Вермунд перебрался позже, женившись на Торбьёрг Толстой (см. «Сагу о Греттире», гл. LII). Поскольку Йоун в специальном примечании оговорил, что в рукописи местожительство Вермунда Тощего было обозначено именно так, а не в соответствии с указаниями «Саги о Людях с Песчаного Берега», приходится считать, что ошибка была уже в протографе.

[6] В «Саге о Людях с Песчаного Берега» говорится, что берсерки Халли и Лейкнир были шведами; там же сказано, что Вермунд выпросил их у ярла именно для защиты от своего брата Стюра.

[7] Йоун опознал в висе № 1 известную ему по «Саге о Людях с Песчаного Берега» вису берсерка, и указал, что в той саге она приписывалась не Лейкниру, а Халли.

[8] *Липа льна* — кеннинг ЖЕНЩИНЫ, здесь — Асдис, дочь Стюра. Упоминание о появлении женщины в нарядной, льняной одежде часто служит конвенциональным сигналом опасности. *Дис равнины асов* — двойной кеннинг ЖЕНЩИНЫ, в котором зашифровано имя *Асдис*, поскольку равнина асов — это горный кряж, который по исландски называется Áss (Ас).

[9] ...*Пашенные Острова в Широком Фьорде*; в Брейдафьорде несколько островов с таким названием; неясно, какие именно имеет в виду сага.

[10] ...*Торхалли с Каменистой Гряды* — во всех других источниках данное лицо именуется *Торхаллем*.

[11] ...*этим занялась хозяйка, ее звали Торгерд*; здесь Йоун оставил помету «п.(о) м.(оему)». Скорее всего, он все-таки запамятовал: жену Торхалли звали *Тордис*.

[12] Из слов Йоуна Оулафссона не вполне ясно, по какому праву Стюр придирается к Торхалли: тот жил слишком далеко от Стюра, чтобы входить в его годорд. Возможно, Стюр установил закон о тавре для скота не только у себя в округе, но на тинге в Торснесе; тогда он имеет право надзирать за его исполнением во всех округах между Долинами и Фьордом Городища.

[13] *…и просит совета… у своего зятя Торстейна сына Гисли* — несмотря на то, что Йоун Оулафссон оговорил в примечании, что не уверен, что в саге вообще точные сведения о родстве Торхалли с хёвдингами из Фьорда Городища, вероятно, он их просто проглядел: по другим источникам получается, что жена Торхалли Тордис была сестрой Торстейна Гисласона.

[14] *…поссорились два бонда, живших к югу от Белой Реки* — явная ошибка Йоуна, вызванная тем, что он плохо знал местность: по логике саги бонды могли жить лишь *к западу* от реки Хвитау.

[15] *…им показалось, что Стюр приподнялся и сказал вису* — сами стихи Йоун не запомнил, но оставил подробное разъяснение: «эта была очень резкая (stirð) дротткветтная виса, весьма в духе рассказов о привидениях. Она была совсем не похожа на ту, которую рассказывают в наше время: *Исчез красивый цвет* ⟨Horfinn er fagur farvi⟩ и т. д., хотя начало у нее было в том же духе, однако там было слово *краска* (litr), а не *цвет*. Далее были слова *в савана дом* или вроде того, и он не предлагает ей поцеловать его, но говорит, что вскоре *она будет жить вместе с ним в приюте жителей праха*, или вроде того — таковы были последние слова висы». *Виса о привидениях*, которую имеет в виду Йоун, известна из исландских сказок — см. Jón Árnason, Íslenskar Þjóðsögur, I, 242.

[16] Труп становится тяжелым, согласно поверьям древних исландцев, в том случае, если покойник при жизни был злодеем, либо умер при исключительных обстоятельствах. В дальнейшем такой покойник может проявлять агрессивность, выходить из могилы (обычно по ночам) и изводить живущих. Примеры подобного имеются в саговой литературе в изобилии. Так что соседи Стюра, несомненно, легко отделались (ср. фразу младшей девушки о том, что покойник всем внушал ужас *еще при жизни*). Можно думать, что минимальные жертвы при похоронах Стюра, по мнению рассказчика саги, объясняются тем, что Стюр успел принять христианство и даже выстроил церковь, как положено хёвдингу.

[17] Исландские анналы датируют убийство Стюра 1008 г., но по хронологии самой саги его следует отнести, скорее, к 1007 г.

[18] *…жена его приходилась Гесту близкой родственницей* — здесь Йоун оставил помету: «может быть, она была сестрой отца Геста».

[19] Виса (Тор)Геста Торхалльсона [в саге — № 2] была известна Йоуну Оулафссону по рукописи, принадлежавшей пастору Магнусу Оулафссону с хутора Лейваус, и являвшейся списком одной из рукописей «Младшей Эдды» — Codex Wormianus.

[20] *Цоколь шелома* — кеннинг ГОЛОВЫ. *Багряна рябь язвы* — КРОВЬ. Стюр назван *кровником негодяя годи* потому, что он был шурином *Снорри Годи*. Слово *негодяй* никоим образом не является поэтизмом — оно выражает личную оценку

Снорри Годи Гестом. Возможно, несколько ироническое отношение рассказчика к висам Геста, объясняется тем, что они слишком открыты и изобилуют непоэтическими выражениями (ср.чуть ниже слова Торстейна сына Гисли о том, что «он не получает удовольствия от стихов Геста»).

[21] Бродягам, рабам и умалишенным хёвдинги были вправе ограничивать свободу передвижения, поскольку соседи не приветствовали появление таких лиц у себя. Поэтому удивление окружающих должен был, скорее, вызвать тот факт, что окружной хёвдинг Клеппьярн ранее отказывался ограничивать полоумного Тейта, а не то, что он однажды решился посадить его на цепь.

[22] *В то утро Гест, перед тем как выехать из дома, сказал вису* — помета Йоуна: «если не две».

[23] *…Из войска Снорри называют мужей воинственных, которые хотели биться* — предводители этого похода названы поименно в «Саге о людях с Песчаного Берега».

[24] *…Тогда из толпы людей с юга посыпались висы про Снорри, и большая часть их — от Геста* — примечание Йоуна Оулафссона гласит: «*две из них точно приводились в саге, и в одной из них* [*Гест*] *называет Снорри трусливым* (*blauðan*) *и что «рыжебородый годи приехал с запада, низко нахлобучив шляпу»*».

[25] *ярл Эйрик сын Хакона пришел на место Олава сына Трюггви*: *в его дружине был тогда Торстейн сын Халля с Побережья* — Йоун не был уверен, правильно ли он запомнил имя исландского дружинника, его примечание гласит: «*кажется так, а не сын Эйда сына Скегги*». Сын этого Эйда *Эйстейн Эйдссон* действительно упоминается далее в древней части саги (гл. XXVIII), и его кандидатура лучше подходит по хронологическим соображениям. С другой стороны, Торстейн сын Халля — более известная личность, так что в протографе вполне могло стоять и его имя.

[26] *…Гест сказал вису того смысла, что убийца Стюра — это он*; первый хельминг этой висы Йоун опознал по тому же источнику — «Эдде с хутора Лейваус».

[27] *Гость протора Гейти* — кеннинг, в котором зашифровано полное имя скальда — Торгест. Слово *гость* звучит по древнеисландски как Гест; *Гейти* (*Гейтир*) — морской конунг, а *протор Гейти* — МОРЕ. *Гость моря* — Торгест. Переводчик выбрал такой эквивалент, из которого вычленяется имя бога *Тора*, покровителя мореплавателей. Таким образом, *Гость протора Гейти* = Торгест. *Полукровка прорицаний тарчи* — нестандартный двойной кеннинг МУЖА. *Тарча* — синоним щита, *прорицания тарчи* — кеннинг БИТВЫ, *Полукровка* (в подлиннике — полувеликан) *битвы* — МУЖ, в данном случае, Стюр, убитый Торгестом. *Капель ран* — КРОВЬ.

[28] *…На альтинге тяжбе хода не дали* — в «Саге о Людях с Песчаного Берега» сказано конкретнее «*…Торстейн Гисласон дал отвод тяжбе Снорри*».

[29] *…поэтому в то лето из Исландии никто не выезжал мстить* — эти слова саги Йоун запомнил дословно, поэтому они отражают не его догадку, но исконную концепцию саги. В действительности экспедиции Торстейна Стюрссона в Норвегию и Миклагард и поход Снорри Годи в Боргарфьорд случились почти одновременно [см. Íslenskt Fornrit III, CXXV].

[30] Формула «*варяги и норманны*» служит ценным свидетельством того, что это две категории наемников различались в Константинополе начала XI в.

[31] Хутор *Двор Ламби* стоял в Лососьей Долине. Об отце *Кольскегга* со двора Ламби *Ламби сыне Торбьёрна* много рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины»

[32] В «Саге о Людях с Песчаного Берега» (Eyrb, 154) говорится, что в поход со Снорри ездило 15 человек, но по именам названо лишь четверо хёвдингов.

[33] *…У Снорри было трое сыновей* — Дети Снорри перечислены в «Житии Снорри Годи», поэтому легко установить, что рассказ Йоуна Оулафссона небезупречен. У Снорри было *трое* сыновей по имени *Торд*, и все они носили прозвище *Киса* (Kausi). Именно так звали старшего сына Снорри от Асдис дочери Стюра: в момент похода (1009—1012) он был уже взрослым. Двое других были сыновьями от наложниц, и именно один из них мальчиком ездил в поход вместе с отцом. Вторым по старшинству был упоминаемый в тексте *Гудлауг Монах*. *Халльдор* был одиннадцатым (и самым знаменитым) из детей Снорри; о нем сохранилась особая прядь — см. «О Халльдоре сыне Снорри».

[34] *…Торвард заждался своего отца*. В «Саге о Людях с Песчаного Берега» и в «Книге о Заселении Земли» убитый людьми Снорри сын Торстейна Гисласона назван *Гуннаром*. Об убийстве второго сына Торстейна эти источники не сообщают.

[35] — *видит ли кошка мышь?* — игра слов; маленького сына Снорри зовут *Торд Киса*.

[36] *Торд, воспитанник Снорри* — это Торд Кот (Þórðr Köttr), сын Гудрун, о котором рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины» (Laxd LXXXVIII).

[37] Отцом главного героя саги был *Гудмунд сын Сёльмунда*: его хутор *Асбьёрнов Мыс*, вопреки тому, что говорит Йоун Оулафссон, входил в годорд Тальниковой Долины.

[38] *…У Гудмунда было трое сыновей* — здесь Йоун запамятовал: у Гудмунда сына Сёльмунда было четыре сына, и четвертого звали *Стейн* (см. гл. XVI). Скорее всего, в древнем тексте сообщались и имена жены Гудмунда (*Турид дочь Олава Павлина*) и его дочерей *Алов* (гл. XIX) и *Гудрун* (гл. XXI).

[39] *Кольскегг со Двора Ламби* не случайно обращается за помощью именно к Халлю сына Гудмунда: они были не только соседями, но и родичами. Неясно, оговаривалось ли это в саге.

[40] *Гислунги* — род из Фьорда Городища, потомки первопоселенца Торгаута со Двора Торгаута: «*у него было два сына, оба звались Гисли*» («Книга о Заселении Земли», гл. 93). Сыном одного из них был враг Снорри Торстейн Гисласон, а сыном другого — Торгаут младший, впоследствии павший от руки Барди.

[41] Фраза *пока же в роду ответчика можно избрать слишком многих* — означает, что мстить можно любому из родичей ответчика на равных основаниях, что нежелательно, поскольку убийство того, кто не был прямым участником распри, будет сочтено немотивированным.

[42] …*Жил человек по имени Гисли*; *он был сыном Торстейна*; — это место пересказа Йоуна Оулафссона дало повод к большой дискуссии. Дело в том, что хотя в древней части саги Гисли назван *сыном Торгаута* (гл. XXIV), его отождествление с персонажем «Саги о Греттире» *Гисли сыном Торстейна* (Grett, LIX) лучше ложится в канву саги: вызывающее поведение Гисли легче понять именно в том случае, если он был сыном того Торстейна, которого убил Снорри Годи.

[43] *Нарви* — Йоун запомнил, что отрицательный персонаж имел нетипичное, характерное, имя (в «Старшей Эдде» имя Нарви носит один из сыновей Локи), но все-таки исказил его: в основной части саги то же лицо названо *Торви Кривдой*.

[44] *Тувустейн* — какой английский город имеется в виду, установить невозможно: топонимов скандинавского происхождения на -stein > -ston вообще крайне мало, ср. Sherston < *Skorsteinn (в графстве Уилтшир).

[45] *Эйд сын Скегги с хутора Кряж* — знатный человек, известный своим миролюбием; его отцом был хёвдинг *Скегги из Среднего Фьорда*, упоминаемый, в частности, в «Саге о Хромунде Хромом».

[46] В последней главе пересказа Йона Оулафссона резко возрастает количество неточностей и ошибок, что удивления не вызывает: вторая часть саги была Йоуна недоступна, поэтому он не мог оценить переписываемую информацию в надлежащем контексте. Кое-где, однако, ошибки Йоуна накладываются на погрешности изложения в древнем тексте, поэтому смысл саги оказывается сильно затемнен.

[47] …*Одну молодую вдову звали Хельга* — комментаторы установили, что речь идет о *Хельге, дочери Эйнара с Поперечной Реки*. Генеалогия, вне сомнения, содержалась в первоначальном тексте, но Йоун Оулафссон ее пропустил, решив, что Хельга жила на *западе в Долинах*. В действительности Хельга жила на *востоке* страны вместе со своим мужем Льотом сыном Халля, и лишь после его гибели на альтинге временно переехала в *Междуречье Обильной Долины* к своей сестре Халльфрид, тогдашней жене Снорри Годи.

[48] Из дальнейшего изложения выясняется, что человек, который посватался к Хельге дочери Эйнара — хёвдинг *Торгильс сын Ари*: в *Грима* под пером Йоуна Оулафссона он превратился явно потому, что первым браком был женат на *Гриме*, сестре Иллуги Черного.

[49] Указание, что невеста «*была в родстве с Клеппьярном*» тоже на совести Йоуна; он не мог объяснить, почему помолвка произошла в землянке Клеппьярна. В действительности родственными узами с хёвдингами из Городищенского Фьорда был связан жених, *Торгильс сын Ари* (по своей первой жене), а не невеста.

[50] *Торд бонд с Марова Двора* упоминается во второй части саги; Йоун Оулафссон правильно запомнил описание его лошадей, но все-таки исказил название хутора; в главе XX сообщается правильное имя: *Торд с Широкого Брода*.

[51] Согласно Йоуну Оулафссону, посланец Торарина должен выманить два хороших меча на хуторах *Столбы* и *Отбойный Ручей*. Йоун утверждает, что успеха Нарви (т. е. Торви Кривде) удалось добиться лишь на втором хуторе. Это явная

ошибка: из слов Торарина в гл. XXIII явствует, что Торви привез оба меча. Там же хозяевами мечей названы *Торбьёрн сын Бруни со Столбов* и *Торгаут, отец Гисли*.

[52] *Отбойный Ручей* (Slœggjulœkur) во Фьорде Городища упоминается также и во второй части саги, но там хозяин хутора назван не Торольвом, а Торльотом (гл. XXXII): неясно, которая часть саги дает верные сведения.

[53] *...летом в устье Мутной Реки пришел корабль*; *у кормчего, по имени Эйнар, был конь...* — здесь Йоун перепутал имена тех людей, которые были названы в саге впервые. Кормчий носил, как явствует из следующей страницы, имя *Халльдор*, а бонда, которому кормчий нанес побои, звали *Торарин*.

[54] Хутор Торарина Йоун назвал *Скалой* (í Kleifum): это говорит о том, что он руководствовался прежде всего зрительной памятью, так как правильное название отличается лишь одной буквой — во второй части саги хутор назван Песчаниками (í Klífum).

[55] *Тордис Ведьма* — эпизодический персонаж нескольких родовых саг Северной Четверти. Ее имя, скорее всего, просто присутствовало в генеалогии кого-то из участников распри кормчего с бондом. Высказывалось мнение, что ссылку на Тордис умышленно вставили в текст родовой саги в связи с тем, что ее потомки оформили около 1200 г. дарственную монастырю в Тингэйрар на свои владения. Поэтому клирики из монастыря, записывавшие сагу, должны были благожелательно относиться к роду Тордис.

[56] Со слов...*два дня. Вот Халльдор* начинается древний текст саги.

[57] Начальная фраза главы ⟨*Барди в то лето очень налегал на работу*⟩ явно возвращает читателя к какой-то информации, которая содержалась где-то в утраченной части саги, но для современного читателя остается загадкой, поскольку Йон Оулафссон ее пропустил и оставил без внимания.

[58] Из дальнейшего изложения выясняется, что при перечислении спутников Барди выпало имя одного из них; указав на хутор *Двор Аудольва*, рассказчик забыл назвать ополченца с этого хутора — *Арнгрима Воспитанника Аудольва*.

[59] Прозвище *Кьяннок* — ирландского происхождения и значит «челюсть»; упоминание о том, что прозвище старухи употреблялось для того, чтобы различать их с хозяйкой хутора, исторически достоверно: известно немало случаев, когда даже братья или сестры носили одно имя.

[60] *Гудбранд*, зять Барди, отождествим с сыном персонажа «Саги о людях из Озерного Фьорда» Гудбрандом сыном Торстейна со Двора Гудбранда; в таком случае слова рассказчика [*они*] *жили в Тальниковой Долине* следует признать искажением первоначального *жили в Озерной Долине*.

[61] *Судьи свар мерланга* — ЛЮДИ. *Мерланг* — морская рыба из семейства тресковых. В висе это слово используется как хейти МЕЧА, поэтому *свара мерланга* — это БИТВА, а Судьи Битвы — ЛЮДИ. Второй кеннинг висы — *клин земли налима* — тоже «рыбный»; *налим* — хейти МЕЧА, *земля налима* ЩИТ, поэтому *клин щита* — это, опять-таки, МЕЧ.

[62] В семье Барди уже был прецедент участия женщины в кровавой мести: Торгерд дочь Эгиля, мать Турид и бабка Барди, сопровождала своих сыновей, когда они поехали убивать Болли сына Торлейка. В данной экспедиции, как рассказывается в «Саге о Людях из Лососьей Долины», гл. LV, принимал участие и сам Барди — ему было тогда восемнадцать лет.

[63] Действия приемной матери Барди, помимо выражения любви к своему воспитаннику, имеют ритуальный смысл: накладывая руки на Барди, старуха произносит оберег. Именно это враги позже поставят Барди в вину — ср. слова Торбьёрна в гл. XXX и отказ конунга принять Барди в дружину — гл. XLI. Неясно, как относится к этим упрекам рассказчик саги — во всяком случае, он подчеркивает, что Барди зашел к няньке только по ее просьбе.

[64] Имеется в виду, что Торарин поддерживает Ньяля материально, а тот является его лазутчиком.

[65] *Человек, который заменил Халльдора* — это Торберг, сын самого Торарина.

[66] О том, что ожерелье *съехало в сторону*, когда Барди надел на шею нож с перевязью, рассказчик саги упоминает с умыслом: ему важно подчеркнуть, что каменное ожерелье спасло Барди в битве не благодаря непосредственной помощи его приемной матери.

[67] *Сыч сукровицы* — ВОРОН.

[68] *Теперь следует рассказать о людях из другой округи, к которым теперь переходит сага* — временное смещение фокуса внимания с отряда Барди на дела людей из Фьорда Городища едва ли объясняется необходимостью сообщить о них необходимые в дальнейшем сведения. Данная глава саги почти не содержит действия, зато представляет значительный интерес благодаря древним висам и картинам пророческих видений.

[69] *Корыто, полное крови* в кошмаре Торбьёрна — явный атрибут великанши или норны; его следует воспринимать скорее гиперболически, чем буквально: поэтому сообщение саги о том, что хозяйка якобы подала на стол корыто, недостоверно.

[70] *Вёр и Фольд — богини. Вёр достатка* и *Фольд бус* — кеннинги ЖЕНЩИНЫ, в данном случае они относятся к жене Торбъёрна, она же названа далее *подавалой пива*.Все эти кеннинги стандартны, в отличие от выражения *Яблоки Хель*, т. е. плоды смерти, которое не имеет аналогов в скальдической поэзии. Метафора образована по аналогии с *яблоками Идунн*, т. е. плодами жизни.

[71] *Погонщик мерина морского конунга* — двойной кеннинг МУЖА. *Мерин морского конунга* — КОРАБЛЬ, а *погонщик корабля* — МУЖ, здесь — сам Торбьёрн. *Шизой волчицей* скальд называет свою жену, которая, по его мнению, способна плакать лишь *волчьими слезами*, букв. *росой бирючьих скул* (нестандартный кеннинг СЛЕЗЫ). Вообще, первые две висы Торбьёрна Брунасона содержат ряд уникальных выражений, лежащих за пределами обычных скальдических штампов (*яблоки Хель, волчица пасмурного цвета, тяжелые волчьи слезы*). Эти выражения, однако, имеют параллели в некоторых рунических надписях, что дает основание предполагать, что мы имеем дело с остатками ритуальной экспрессивной лексики.

[72] *Видение рухнувшего хутора* также предвещает смерть тому, кому оно открывается. Аналогичный мотив есть в эддических «Речах Атли» (Am, 26) и в «Саге о Ньяле» (гл. CXXVII), но там он более обоснован, поскольку враги вскоре сожгут Ньяля в его доме, в то время как Торбьёрн погибнет в бою.

[73] Надежного меча при Торбьёрне нет потому, что у него его обманом выпросил Торви Кривда.

[74] *Полено*, которое колет Торбьёрн сын Бруни во сне, это МЕЧ, он же назван *Фенриром* (волком) *шлема*. *Свахи сеч* — кеннинг ОРУЖИЯ. *Околица тарчи* — кеннинг ЩИТА.

[75] *Ускоритель киля* — кеннинг МУЖА, он обращен к слушателю висы. *Угодья угря* (т. е. меча) — ЩИТ, *гром кромок* — БИТВА, *друг, разгрызающий угодья угря и кол* — опять-таки, МЕЧ.

[76] Виса, приписываемая Гисли Торстейнссону, выдержана в том же темном стиле, что и висы Торбьёрна Брунасона. Не все ее слова в подлиннике понятны до конца.

Лосиное стойло — судя по контексту — горное пастбище. *Шишига* — ведьма, великанша, а *слуги шишиги* — ВОЛКИ (волк считается *конем* великанши). *Моди* — один из асов (сын Тора). *Моди гуда меди* — двойной кеннинг МУЖА; *гуд меди* — БИТВА, *Моди битвы* — МУЖ, здесь — Гисли сын Торгаута. *Факельщики шквала Хлёкк* — воины (тройной кеннинг), здесь — враги Гисли. *Хлёкк* — валькирия, шквал Хлёкк — БИТВА, факел битвы — МЕЧ, а факельщик — тот, кто пользуется мечом в битве.

[77] *Сон Гисли* с мотивом нападения волков имеет точные параллели в исландской литературе, например, в «Саге о сыновьях Дроплауг» — Хельги сын Дроплауг видит сон перед своей гибелью в битве в Эйвиндовой Долине (998 г.) и в «Саге об исландцах» — Стурла Сигхватсон видит роковой сон перед битвой при Эрлюгсстадире (1238 г.).

[78] *Тинд был дома один* — имеется в виду известный скальд Тинд сын Халлькеля, младший брат хёвдинга Иллуги Черного. Тинд родился около 960 г.

[79] Прозвище *Женщина-Скальд* (skáldkona) обычно давалось не за сочинение стихов (хотя это в условиях массового владения скальдическим ремеслом не исключалось — ср. выше вису, приписываемую Турид, матери Барди), а за желчный характер и резкость в речах.

[80] *Ратоборец* — хейти Вождя, в данном случае оно относится к Барди сыну Гудмунда. *Буря вихря дротов* — БИТВА.

[81] *Держава* — здесь хейти ЗЕМЛИ; скальд Эйрик имеет в виду, что отряд Барди (*дружина*) прекратил отступление, спешился и занял оборону. *Жало ран* — МЕЧ. *Смерч мечей* — БИТВА. *Кочевник кольчуг* — МЕЧ.

[82] *Отбойник* — прозвище Торльота. *Шип* — МЕЧ.

[83] *Торльот с Отбойного Ручья*, согласно «Книге о Заселении земли», гл. 97, пал в Битве на Пустоши, что подтверждает и сага в главе XXXVII, но в описании битвы эта информация не содержится. Разнобой может быть вызван либо порчей текста, либо тем, что часть раненых умерла позже.

[84] По рассказу самой саги о заключении мировой получается, что *Торгисль Рубака* и *Эйольв сын Торфинны* умерли от полученных ран, но из описания самой битвы это не следует.

[85] *Ясень омута лучины* — МУЖ. *Лучина*, в данном случае — хейти МЕЧА, *омут лучины* — БИТВА, а *ясень битв* — МУЖ. *Свара тетивы* — БИТВА. *Прожигала заклада* — это МУЖ, поскольку заклад — это ЗОЛОТО, а воин должен раздаривать, т. е. *прожигать* богатство.

[86] *Эйдова порода* — сыновья Эйда. *Тарчи* — щиты. После поражения Тинд настроен воинственно и мечтает о мести — более *крупной пене*, чем *вира*.

[87] *Гислунги*, *Арни*, *Фроди*, *Тормод и Торарин*; неизвестно, кто такой *Фроди*; *Торарин* упоминался ранее в главе XXVIII: там он был назван тестем Арни сына Торгаута.

[88] *...на них та же одежда, что прежде* — Барди и его спутники едут в женской одежде для маскировки. Указание об этом явно содержалось в предшествующей части первоначальной редакции саги, но было пропущено либо Йоуном Оулафссоном, либо писцом XIII—XIV вв.

[89] *...Выходит Торд...*; Неясно, кого сага имеет в виду. Владельца хутора в Песчаниках, согласно главе XVII, зовут *Торарин*. Возможно, порча текста связана с контаминацией имен Торарина и упоминаемого ниже *Торда с Широкого Брода*, друга Барди.

[90] Две *весовых меры* составляют десять пудов.

[91] *Торвальд с Плоской Долины* — это тот человек, которого решено было не брать в поход из-за его плохого характера (см. главу XVI). *Арнгрим Воспитанник Аудольва*, брата Торвальда, ездил вместе с Барди.

[92] *— Я хочу подарить тебе вола и старую овцу* — эта реплика принадлежит Торду. Торвальд, как человек более зажиточный, дарит Барди гораздо больше скота.

[93] *Бьёрн*, тесть Барди, и *Гудрун*, жена Барди, ранее не упоминались. Скорее всего, их имена содержались в экспозиции саги, но Йоун Оулафссон не обратил на это внимания.

[94] *клятва о мире* — ритуальный текст из аллитерированных формул; его произносили при заключении мировой или по окончании смуты в стране. Перечень аллитерированных формул внутри клятвы составляет описание мира; такой прием нужен для того, чтобы провозгласить обязательную силу и всеобщность клятвы для всех членов общины во всех мыслимых ситуациях.

[95] *Нифльхейм* или *Нифльхель* — приют мертвых, царство Хель.

[96] Со слов *и девять старых* начинается поврежденный лист, содержащий конец главы XXXIV, главы XXXV и XXXVI и начало главы XXXVII, чудом обнаруженный в 1951 г. Он был вырезан из рукописи еще до того, как ее вывезли из Исландии в Швецию в 1683 г. Лакуны оказались сравнительно небольшими, однако воссоздать связный текст не везде возможно. Мы предпочли передать не только отдельные слова, но и части слов, там где они восстанавливаются с высокой степенью вероятности.

[97] *сыны Гильса* = Гислунги: формы *Гильс* и *Гисль* являются фонетическими вариантами.

[98] *Довановы Скалы* — этот топоним неизвестен: из контекста, однако, ясно, что он относится к месту битвы на Пустоши.

[99] В этом месте рукописи небольшая лакуна.

[100] *Снорри ...был уже очень стар* — на самом деле Снорри Годи было в то время около 50 лет. Эта и другие подобные фразы говорят не столько об иной оценке возраста в средние века, сколько о том, что реальная хронология событий у рассказчика саги несколько сдвинута.

[101] *Но есть один, кто ехать не может* — неясно, кого именно Барди имеет в виду среди своих спутников: возможно, это Торгисль сын Хермунда, которому в битве нанесли тяжелое увечье.

[102] *Торд Лошадиная Голова с мыса Стад* — отец первооткрывателя Америки Торфинна Карлсефни, героя «Саги о Гренландцах».

[104] *иметь право приезда на третье лето*; различалось *полное* т. е. пожизненное и *трехгодичное* изгнание, предполагавшее право приезда. Кроме того, за право изгнанника выехать было принято платить дополнительно. Обычно это право не распространялось на объявленных вне закона: покинуть страну они могли лишь нелегально. Иногда устанавливались и дополнительные ограничения, такие как предельные сроки выезда и количества имущества, подлежащего вывозу.

[105] *Гудмунд Старый был на Гальмаровом побережье*; эта фраза, скорее всего, говорит о порче текста, поскольку из дальнейшего изложения становится ясно, что на побережье выезжал не сам Гудмунд, а его сын Эйольв.

[106] *разбили корабль в щепы* — в исландских законах была специальная оговорка о снятии ответственности в том случае, когда присужденный к изгнанию из округи или из страны не мог покинуть запретную для него территорию из-за неблагоприятного ветра, или же его выносило обратно на берег.

[107] *Упоминание Эйнара сына Железного Скегги*, хёвдинга середины XI в., в рассказе о событиях 1018 г. является явным анахронизмом. Скорее всего, в событиях саги принимал участие его дед *Эйнар с Поперечной Реки*, брат Гудмунда Могучего, и имена родичей были спутаны.

[108] *Вершитель* — Барди сын Гудмунда. *Красен обод* — крашеный щит. *Буча* — хейти битвы.

[109] *Видур* — одно из имен Одина, *ворожба Видура* — БИТВА, *яворы ворожбы Видура* — ЛЮДИ, в данном случае, жители Городищенского Фьорда.

[110] В подлиннике висы Эйрика говорится *одиннадцать павших*: названное число погибших в Битве на Пустоши не соответствует тому, что говорилось раньше в прозаическом тексте.

[111] *Свод лезвий* — БИТВА. *Стражи вьюги* — ЛЮДИ, здесь — Стюр и Снорри Годи. *Гнёт дротов* — Битва. Последний хельминг висы Эйрика приводится в 4-м грамматическом трактате.

[112] — *а вашу оговорку мы оцениваем по достоинству* — эта реплика Барди скорее дерзкая, чем смиренная: хваля лишь последние слова конунга, Барди дает понять, что уязвлен отказом принять его в дружину.

[113] На самом деле *Гудмунд Могучий* пережил Барди и умер в 1031 г. Роль его сына Эйольва Хромого в поддержке Барди, несомненно, преувеличена. Рассказчик саги, судя по всему, относится к Гудмунду без особой симпатии и противопоставляет нерешительность Гудмунда великодушию его сына.

[114] *все они были уже непосудны* — согласно самой саге, Барди и его спутники провели за пределами страны только два года из положенных трех. Возможно, им зачли и первую зиму, которую они провели у Гудмунда. Вероятнее всего, покровители Барди возбуждали специальное дело об его амнистии, о чем, однако, сага умалчивает. Такая процедура называлась sýkna, т. е. «оправдание», «откуп».

[115] *Харек с острова Тьотта* — один из врагов Олава Святого. Отцом Харека был известный скальд Эйвинд Погубитель Скальдов: все семейство было связано с Исландией давними дружескими связями (см. «Сагу об Эгиле». гл. XX) и покровительствовало знатным исландцам. Тот факт, что Барди остановился на острове Тьотта, отчетливо показывает, что он не был в лагере друзей конунга. В 1021—22 гг. на своей усадьбе на Тьотте должен был жить сам Харек, его сын Свейн в других источниках не упоминается. Скорее всего, рассказчик был убежден, что события саги произошли несколько позже, чем в действительности, и заменял имена хёвдингов 1020-х гг. именами их сыновей.

[116] *Гардарики* («страна городов») — скандинавское название Руси.

[117] Русские летописи не позволяют точно установить, в какой именно битве пал Барди. Это должно было случиться около 1025 г.

[118] *Торир Собака с острова Бьяркэй в Халогаланде* — враг конунга Олава Святого, нанес конунгу смертельную рану в битве при Стикластадире.

Сага о Хромунде Хромом

Почти во всех изданиях памятник причисляется к «Прядям об Исландцах», а не к сагам, однако это тот случай, когда граница между жанрами древнеисландской прозы условна.

В отличие от большинства прядей, представляющих собой вставные новеллы в сагах о норвежских конунгах, приуроченные к апокрифическим персонажам, рассказ о Хромунде Хромом никак не связан с историей Норвегии (если не считать упоминаемой в конце памятника поездки Халльстейна к конунгу Олаву Трюггвасону), и по своему содержанию примыкает к кругу родовых саг, в первую очередь к «Саге о Людях из Озерной Долины».

Сага или «Прядь» о Хромунде дошла до нас в составе «Книги с Плоского Острова». Памятник опирается на устную традицию — местные предания Западной Исландии, скальдические стихи, генеалогии и топонимику. Этот факт почти не

нуждается в доказательстве, поскольку следы более ранней редакции пряди обнаруживаются не в королевских сагах, а в «Книге о Заселении Земли», в разделе, повествующем о памятных событиях, произошедших в Хрутовом и Среднем Фьордах (S 168 = H 137; с. 201—209). Действие пряди разворачивается в конце X в.

По всей видимости, выход пряди за рамки узко локального предания и литературная обработка ее текста произошли в процессе оформления цикла вис, приписываемых Хромунду и его семейству. В ранней редакции стихов больше, причем их произносят все члены рода, кроме юного Торлейва. Уцелевший в битве сын Хромунда Халльстейн (в Книге о Заселении земли он назван *Хастейном*) произносит пять заключительных вис: все они были опущены рассказчиком «Книги с Плоского Острова». Возможно, именно этим задается стремительный темп повествования, целиком сосредоточенного на основной распре и не отвлекающегося на второстепенные детали. Второму рассказчику удалось при помощи весьма экономных средств представить конфликт бонда Хромунда с нечистыми на руку соседями как неумолимый закон жизни общества: слова, сказанные одним из персонажей — «*...бонды в стране крепки и умеют давать отпор*» могли бы послужить квинтэссенцией всего памятника. Достигнутая в конечной версии строгость изложения делает текст «Пряди о Хромунде Хромом» замечательным образцом повествовательного мастерства.

Как и ряд других саговых текстов, «Прядь о Хромунде» показывает, что в спорной ситуации общество принимает сторону бонда, а не пришлых людей или выходцев из низов. Знаменательно вложенное в уста заглавного героя рассуждение о наличии выбора — предпочесть спокойную жизнь и примириться с пропажей, либо пойти на риск и отстаивать свое достоинство — альтернатива мнимая для человека героической эпохи, но вполне реальная и мучительная для исландца эпохи записи саги о Хромунде. Данный аспект придает тексту этическую проблематичность: антиподом главному герою служит его сосед бонд Торир, малодушно уступивший викингам и в силу этого навлекший несчастье на всю округу. Вывод рассказчика: справедливость не торжествует сама собой — ее нужно добиваться и, более того, заслужить. Бросается в глаза объективированная манера изложения: рассказчик не питает никаких симпатий к викингам, но и не берется утверждать, что обвинение в краже было справедливым и не ставит последней точки над «i» (*...у них на столе было больше мяса, чем можно было ожидать*). Точно также, мотив предательства работников, обозначенный в реплике Хромунда в гл. IV, никак в дальнейшем не комментируется.

Неизвестно, имел ли Хромунд сын Эйвинда прижизненную славу скальда, однако умение сочинять стихи входило в набор «искусств» (íþróttir), которыми полагалось владеть мужу. Поэтому свидетельство о том, что герой произнес ряд вис накануне своей смерти, в историческом плане вполне достоверно, тем более, что поведение Хромунда является воплощением героической морали.

Перевод сделан по изданию: Íslendingasögur, I—III. Reykjavík, 1987, Svart á Hvítu и сверен с изданием Íslensk fornrit, VIII.

Примечания

[1] *Ингимунд Старый* — первопоселенец, герой «Саги о людях из Озерного Долины». В той же саге упоминается факт самоубийства ряда старых товарищей Ингимунда. Возможно, они были связаны со своим патроном каким-то обетом.

[2] *Ёрунд Шея* — знатный хёвдинг из северной Исландии.

[3] *О схватке на Спорном Пригорке* подробно рассказывается в «Саге о людях из Озерной Долины». Свое называние Пригорок получил именно после данной распри.

[4] *Объявление вне закона* могло ограничиваться территорией одной округи; такая мера, заставлявшая убийцу отселяться от потерпевшей стороны, особенно часто практиковалась в первые века заселения Исландии.

[5] *Он возвёл вокруг хутора крепость*; древнеисландские крепости (virki) представляли собой редуты с рвом и стеной из необработанного камня (реже — с валом и насыпью). Подобные сооружения упоминаются во многих сагах; их возводили люди, имевшие основание опасаться мести соседей, а также разбойники. Остатки нескольких крепостей сохранились до настоящего времени.

[6] *Всего на корабле было двенадцать человек*. Обычно экипаж судна викингов был гораздо больше. В одной из редакций «Книги о Заселении Земли» (т. н. *Книга Торда*) данная ситуация комментируется так: *викингов было на борту двенадцать свободнорожденных человек, не считая слуг.*

[7] *Кража скота* сама по себе является одним из гнуснейших преступлений в крестьянском обществе, но подозрение, что *лошадей съели* в эпоху записи «Саги о Хромунде» получает дополнительную подоплеку и намекает читателю на то, что это данное преступление особенно характерно для язычества.

[8] *Скегги из Среднего Фьорда* — патрон Хромунда, окружной хёвдинг.

[9] *вызвать всех до одного поимённо* — Решительная и недружелюбная мера, при том, что вина Хельги и его людей все еще не доказана.

[10] *Тяжбы эти были вынесены на альтинг и всех норвежцев объявили за кражу лошадей вне закона. Хромунд и его сыновья во время тинга сидели дома…* «Книга о Заселении Земли» в этом месте менее определенна: по-видимому, из ранней редакции «Саги о Хромунде» можно было сделать вывод о том, что норвежцы напали на Хромунда, не дожидаясь вердикта альтинга.

[11] *Кречет пота крючьев ран* — ВОРОН (тройной кеннинг). *Крюк ран* — МЕЧ, *пот меча* — КРОВЬ, *кречет крови* — ВОРОН; ворон далее назван *вещим*. *Гунн* — валькирия; *коршун Гунн* — ВОРОН. *Тунд* — одно из имен Одина; *посулы Тунда*, которые возвещает ворон — пророчество смерти.

[12] *Хромунд в это время лежал в постели. Он проснулся и сказал вису…* Норвежский исследователь Бьярне Фидьестоль указал, что первые две висы Хромунда однотипны. По его мнению, в устной традиции произошло расщепление одной висы на две. Фидьестоль отмечает, что в «Саге о Хаварде Хромом» хельминги двух разных вис скомпонованы вместе и делает вывод, что речь идет о двух параллельных

традициях, одна из которых сохранила обе висы, а другая — нет. Хаварду висы приписывались потому, что его имя созвучно имени Хромунда; при этом оба скальда имели прозвище *Хромой* [Fidjestøl 1981, 62—63].

Неясно, так ли это. В «Книге о Заселении Земли» эпизод гибели Хромунда описан так же, как в Пряди о нем, но вторая виса вложена в уста сыну Хромунда Торбьёрну Гремушке. В таком случае мы имеем дело с перекличкой вис, при этом обе висы произносятся именно теми, кому суждено вскоре умереть, так что они оказываются пророческими. Далее приводится шесть вис, приписываемых Хастейну (Халльстейну) Хромундарсону. Если эти висы действительно сочинены им, они могут быть остатками флокка; они могли послужить основным источником информации о гибели Хромунда, а три апокрифические первые висы в таком случае подтверждают тот факт, что флокк Хастейна передавался в устной традиции с прозаическими комментариями.

[13] *Чибис навьей зыби* — двойной кеннинг ВОРОНА. *Зыбь нави* — волны крови павших (*навь* — мертвецы). *Чибис* — разновидность чайки, поэтому скальд говорит, что чибис *чует мертвечину с моря*; в то же время, кеннинг *чибис* КРОВИ и эпитет *чернoперый* не оставляют сомнений, что речь идет о вороне. *Кривой* — Один (он отдал свой глаз Мимиру за доступ к источнику мудрости); *выпь Кривого* — ворон. Неясно, что за дерево названо в оригинале *древом клятвы*; вероятно, это дуб, священное дерево древних германцев. Но возможно, этот эпитет добавлен просто для экспрессивности.

[14] *Немного позже встали работники; выходя, они не позаботились закрыть за собой дверь в крепость*. Приводимая далее реплика Хромунда указывает на то, что он подозревает работников в предательстве.

[15] *Ильм* — валькирия. *Смерч Ильм* — БИТВА. *Хедин* — одно из имен Одина; *шест долин Хедина* — двойной кеннинг МЕЧА, поскольку *долина Хедина* — это ЩИТ, а *шест щита* — МЕЧ.

[16] *…оставшиеся в живых норвежцы кинулись из крепости вон* — ср. висы Халльстейна в Книге о Заселении Земли. Остается, впрочем, неясным, к какому моменту они приурочены — к ситуации битвы, или к завершающему распрю эпизоду кораблекрушения.

[17] *Рассказывают, что он пал на Великом Змее после доблестной обороны*. В некоторых редакциях «Саги об Олаве сыне Трюггви» Халльстейн в самом деле упоминается в числе защитников Змея, но в других версиях той же саги назван некий *Хавстейн*.

Сага о названных Братьях

«Сага о Названных Братьях» принадлежит к числу наиболее значительных произведений в жанре родовой саги; ей посвящена огромная научная литература, а содержание саги продолжает волновать современных читателей и вдохновлять их на новые интерпретации: одним из полемических толкований «Саги о Назван-

ных Братьев» является роман Халльдора Килиана Лакснесса «Герпла»[4], который может рассматриваться в качестве последней версии саги.

Действие саги разворачивается в разных местах Исландии, а также в Гренландии и Норвегии, но эпическая традиция, лежащая в основе рассказа о Названных Братьях Торгейре и Тормоде, локализуется в области, уроженцами которой были Торгейр и Тормод — Западных Фьордах. Гренландский эпизод саги тоже вполне мог бытовать в преданиях этих мест, поскольку наиболее интенсивная связь между Исландией и ее колонией поддерживалась именно через Западные Фьорды. Вторым главным источником рассказа послужили стихи главного героя саги — Тормода Берсасона (998—1030 гг.). Тормод был одним из наиболее известных скальдов своего поколения; в то же время его посмертная репутация основана не только на поэтическом мастерстве, но и на героической биографии: Тормод был дружинником Олава Святого и погиб с конунгом в битве при Стикластадире: тем самым рассказ о Тормоде, особенно последний этап его биографии, органично вплетается в королевские саги об Олаве Святом.

В саге приводится около 40 вис Тормода, часть из них (15 вис) взята из Поминальной Драпы о Торгейре, которая послужила одним из главных источников первой части саги. Гренландский эпизод отражается в цикле вис Тормода, равно как и Стикластадирский эпизод, где Тормод оказывается самым авторитетным скальдом в окружении конунга. Кроме того, в саге сообщается и о других стихах Тормода, которые до наших дней не дошли. Еще три висы Тормода обнаруживаются в «Пряди о Тормоде», сообщающей о его пребывании в Дании у конунга Кнута Могучего: однако об этом эпизоде сага умалчивает.

Стиль саги несет отчетливый отпечаток индивидуальности автора: отклонения от обычных стереотипов родовых саг (комментарии рассказчика и оценки излагаемых событий, скальдические метафоры и ученые выражения) настолько значительны, что на их основе пытались вычислить время создания памятника. Сигурдур Нордаль считал, что гетерогенность изложения, смешение черт «ученого» и «народного» стилей объясняется ранним временем записи (около 1200 г.), когда манера родовых саг не вполне сформировалась. Напротив, Йоунас Кристьяунссон связывает иностилевые влияния с тем, что сага вообще не записывалась до самого конца XIII в., т. е. эпохи записи дошедших до нас версий[5].

Сага сохранилась в четырех разных редакциях: в «Мёдрувелльской книге» (*M*), в «Хауковой Книге» (*H*), в «Книге с Плоского Острова» (*F*), и в редакции *R* (AM 142 fol, AM 556 a, 4to). Определенной самостоятельностью обладает также поздний список саги в рукописи Bergsbók (*B*), который, как показал Й. Кристьяунссон, непосредственно не сводим ни к одной из четырех главных версий. Единственной редакцией, дающей полный текст саги, является редакция «Книги с Плоского Острова» (Gl. Kgl saml 1005 fol.); редакция R (AM 142 fol, AM 556 a, 4to) является списком с ныне утраченного пергамента. Редакция «Мёдрувёлльской

---

[4] *Laxness, Halldór Kiljan*. Gerpla. Reykjavík, Helgafell, 1952.

[5] *Jónas Kristjánson*. 1972, Um Fóstbræðrasögu.

Книги» (*M*) содержит более половины саги от начала до слов ...heldr stózk allt в гл. XVIII, а текст версии «Хауковой Книги» (*H*) начинается с середины гл. XI со слова ...kenningarnafn «прозвище».

Редакция «Книги с Плоского Острова» (*F*) содержит наибольшее количество «клауз», т. е. отступлений от основной сюжетной линии саги. Клаузы выдержаны в книжном стиле и несут отпечаток энциклопедической учености; многие из них представлены и в других версиях. Кроме этого, редакция «Книги с Плоского Острова» включает несколько дополнительных стихотворных вставок (начальные строфы «Речей Бьярки», стишок об испуге Эгиля, апокрифические висы № 25 и № 39) и ряд весьма своеобразных «прядей» о Торгейре и Тормоде, которых в составе других версий нет — о Торви Посохе, об убийстве пастуха, о собирании дягиля, об управителе Каре — а также рассказ о встрече Тормода с Дагом сыном Хринга. Эти пряди носят характер памятных анекдотов о названных братьях; достоверность их неясна, однако несомненно, что все они бытовали в местной традиции. Наличие подобных вставок как будто свидетельствует о более позднем времени создания *F*. В то же время, диалог и характеристики в данной редакции кое-где выписаны более тщательно. Поэтому отдельные ученые (С. Нордаль, Й. Кристьяунссон) думают, что клаузы присутствовали с самого начала. Вместе с тем Нордаль считает сагу древней, а Кристьяунссон отказывается признавать, что она могла быть записана задолго до составления версии Хаука. На фоне остальных версий редакция *H* производит впечатление сухого конспекта; большинство комментаторов придерживается мнения, что она возникла в результате сокращения первоначальной версии, близкой по объему *FMR*. С другой стороны, Клаус фон Зее, посвятивший толкованию «Саги о Названных Братьях» несколько работ, полагает, что компактная версия Хауковой Книги ближе к протографу, а пряди о побратимах и все вставки, замедляющие ход повествования, были добавлены позднее — «...Nicht *H* ist aus *MFR* gekürzt, sondern *MFR* aus *H* erweitert»[6].

Столь же различными являются и оценки среды, в которой возникла сага. П. Мойленграхт Сёренсен полагает, что сага в существенных чертах опирается на устную традицию[7]. К. фон Зее отвергает теорию «свободной прозы» и подчеркивает роль авторской концепции, но считает нужным подчеркнуть непритязательность последней — сага якобы возникает как рассказ о событиях «жизни двух весьма грубых парней»; внесение христианских мотивировок, с его точки зрения, знаменует собой процесс обработки саги создателями последующих версий. Рудольф Зимек считает всю сагу продуктом творчества ученого моралиста, рассматривающего в конце XIII в. деяния Торгейра и Тормода сквозь призму идей Св. Августина, и последовательно развенчивающего героев XI в. и общество, в котором они

[6] *Von See*, *Klaus*. Die Überlieferung der Fóstbræðra Saga // Edda, Saga, Skaldendichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters. Heidelberg 1981, S. 456.

[7] *Meulengracht Sørensen*, *Preben* Mundtlig tradition i Fóstbræðra saga // Sagnaþing helguð Jónasi Kristjánssyni, Reykjavík, 1994, p. 581—591.

жили. С точки зрения Зимека, слова рассказчика о «молодом и неладном христианстве» звучат серьезным осуждением языческой морали, в духе которой были воспитаны Торгейр и Тормод[8]. Напротив, Хельга Кресс полагает, что о хитрых колдуньях, идолах Тора и тому подобных вещах упоминается просто потому, что аудитория находила это забавным. Подобные детали, наряду с упоминанием о спадающих в бою штанах, соблазненных девицах и т.п., исследовательница причисляет к комическим, предлагая трактовку в духе Бахтина: «Сага о Названных Братьях», по ее мнению, возникла и бытовала в рамках крестьянской смеховой культуры[9]. Мойленграхт Сёренсен обнаруживает в тех же эпизодах глубокие ритуальные корни, обыгрывание табуированных выражений и жанровую стилизацию поносных стихов — *нида*[10].

Представляется, что полемический тупик, к которому пришла дискуссия, во многом объясняется прямолинейным отождествлением двух стилевых слоев саги с ярлыками «язычество» и «христианство». Вне зависимости от превратностей эволюции дошедшего до нас текста *Саги о Названных Братьях*, энциклопедические вставки в тексте саги разумно признать не аномалией, а скорее нормой. Нарративная форма саги строится на селекции материала и предполагает отсев нерелевантной информации. Уже поэтому все то, что выходит за рамки эмпирической связи событий, требует иного стиля (или даже особого малого жанра, «текста в тексте»). С другой стороны, не стоит забывать, что в контексте исландской культуры XIII—XIV вв. возможность выразить помещаемую во вставки информацию энциклопедического плана вне широкого нарративного контекста была весьма ограничена (по крайней мере, на исландском языке). Короткие справки по географии, мировой истории, богословию, медицине встраиваются в саговые памятники потому, что рядовой рассказчик саги вряд ли был в состоянии развернуть их в самоценный текст типа трактата.

Не менее деликатный подход требуется при реконструкции симпатий и антипатий рассказчика по отношению к своим героям. Современные комментаторы склонны подходить к этому вопросу догматически; нередко используются те же критерии, с помощью которых в сагах оценивается поведение первых христиан в Исландии (resp первых епископов и т. д.): «Хельги Тощий был плохим христианином, так как он перед выходом в море приносил жертву Тору». Мотивировки подобного рода не чужды и клаузулам «Саги о Названных Братьях»: так, в главе II, говоря о том, что Торгейр и Тормод заключили обряд побратимства, рассказчик называет христианство в эту эпоху (около 1010 г., т. е. десять лет спустя крещения!) «молодым и очень неладным». Представляется, что в подобных формулировках вообще отсутствует элемент моральной оценки, если отвлечься от конста-

[8] *Simek Rudolf*. 1990. Ein Saga-Anti-Held. Über die ethischen Vorstellungen in der «Fóstbræðra saga» // Philologica Germanica 11; Helden und Heldensage. Otto Geschwantler zum 60. Geburstag. Fassbaender, Wien, S. 395—409.

[9] *Kress*, *Helga* 1987. Bróklindi Falgeirs.// Skírnir, 16, 1987, p. 272 —286.

[10] *Meulengracht Sørensen*, *Preben*. The unmanly man. Odense 1983, p. 71—74.

тации самоочевидного факта, что 1) христианство «лучше» язычества (с позиций христианина!) 2) обряд побратимства несовместим с христианством. Примерно так же можно оценить и тираду о тщете идолопоклонства, вкладываемую в уста колдунье Гриме, эффективно помогающей главному герою в Гренландии (гл. XXIII); усматривать здесь борьбу с культом Тора столь же нелепо, сколь видеть в этом пассаже умышленную профанацию высоких материй. Об обряде побратимства и о колдовстве Гримы упоминается потому, что подобные вещи обладают своей духовной ценностью независимо от их идеологической квалификации и, по мнению рассказчика, сохраняют интерес для аудитории.

Не могут служить подтверждением установки на развенчание Названных Братьев и некоторые негероические обстоятельства совершаемых ими убийств: было бы трудно ожидать от поведения скандинавского воина точного следования рыцарскому кодексу. Отсутствие ретуши и явно неправдоподобных деталей, скорее всего, свидетельствует о том, что рассказчик саги следует рано сложившейся устной традиции и не считает нужным отступать от нее.

На датировку «Саги о Названных Братьях» сильно повлияли капризы филологической моды. Сигюрдюр Нордаль в соответствие со своей концепцией относил создание протографа памятника в начальному этапу записи саг, когда канон родовой саги еще не сформировался. Поскольку «Сага об Эгиля», принадлежащая в наиболее совершенным произведениям жанра, была записана уже в 1220 гг., Нордаль отнес «Сагу о Названных Братьях» к периоду 1200—1210 гг. В трудах Йоунаса Кристьяунссона «Сага об Эгиле» признается вообще первой из записанных родовых саг, а протограф «Саги о Названных Братьях» датируется последними десятилетиями XIII в., так как в этот период в Исландию проникают произведения куртуазного жанра, отзвуки стиля которых усматриваются во вставках (*klausur*) «Саги о Названных Братьях». И Нордаль, и Кристьяунссон игнорируют этап устного бытования саги. Более основательной и глубокой представляется концепция П. Мойленграхта Сёренсена, который видит связь письменного текста саги с устной традицией именно в том обстоятельстве, что ученый рассказчик не осознавал своей зависимости от устоявшейся системы повествовательных стереотипов[11]. Развивая эту мысль, можно было бы сказать, что элементы ученой латинской и традиционной исландской культуры образовали в сознании рассказчика «Саги о Названных Братьях» органичный сплав. Неслучайно знаменитое credo автора саги — «ведь Христос сделал людей своими сыновьями, а не своими рабами!» так напоминает речи, вложенные в уста персонажей героических песен «Старшей Эдды». К слову, текст саги содержит значительное число эддических аллюзий и даже прямых цитат, которые подробно комментируются ниже в примечаниях. Остается пожалеть, что рассказчик саги не был большим стилистом. Вместе с тем, размах его личности и готовность продолжить устную традицию позволили ему сберечь для нас драгоценную память о последних днях героической эпохи.

---

[11] *Meulengracht Sørensen, Preben* Mundtlig tradition i Fóstbræðra…, p. 590.

Приверженцы теории «книжной прозы», как их оппоненты[12], обычно признавали аутентичность стихов главного героя саги Тормода Берсасона[13]. В то же время раздавались голоса о том, что подлинность 40 вис, приписываемых Тормоду в саге и в «Пряди» о нем, невозможно проверить. Обычно такая позитивистская установка оказывается по отношению к скальдической поэзии вполне правомерной, но в данном случае скептики не учитывают благоприятного обстоятельства — в составе саги сохранились не только висы на случай (*lausavísur*), но и большая часть поминальной Драпы о Торгейре, что позволяет на основе связного текста драпы установить устойчивые мотивы и характерные приемы скальда и проследить их в других стихах, связываемых с именем Тормода. Такая задача была намечена, но не решена в монографии Йоунаса Кристьяунссона[14]; некоторые ошибочные аргументы Й. Кристьяунссона были опровергнуты его оппонентом Бьяртни Гвюднасоном[15], который высказал мнение, что Драпа о Торгейре якобы является «крайне безличным» произведением, не позволяющим судить об индивидуальности автора; на сто лет раньше то же самое утверждал Гвюдбрандюр Вигфуссон[16]. Однако подобная квалификация целиком лежит на совести критиков, которые проглядели существенные ключевые мотивы и выразительные средства, являющиеся частью композиционного замысла Тормода, направленного на возвеличивание своего павшего друга; подробно этот вопрос рассматривается в нашем комментарии к висам Тормода, который приводится ниже. Кроме того, многие висы толкуются в прозаическом тексте саги неверно или неточно, что косвенно подтверждает их древность. Небольшое число вис (главным образом, в Стикластадирском эпизоде), могут быть апокрифическими, что также отмечается в нашем комментарии. Для основной массы вис, напротив, имеются доказательства, что по крайней мере к концу XI в. они прочно связывались с именем Тормода.

Наш анализ приводит к выводу, что Тормод был скорее традиционалистом, чем новатором. Знаменательно большое количество эддических аллюзий в его поэзии. Правда, остается неясным, какой вид имели в начале XI в. песни «Эдды», известные нам по рукописи Codex Regius. По-видимому, здесь правомерно ставить вопрос не о цитации как таковой, но о том, что скальды поколения Тормода

---

[12] Ср., например работу: *Henry Kratz*. The «Fóstbræðrasaga» and the Oral Tradition // Scandinavian Studies 27 1955, S. 121—136.

[13] См., например исследования К. Х. Гертнера и Финнюра Йоунссона: *Gärtner, Kurt Hugo*. 1907. Zur Fóstbræðra. I. Teil, Die Visur. Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur XXXII, 1907 (Halle a.S. 1907). *Finnur Jónsson*. Þormóðr Kolbrunarskáld // Acta philologica Scandinavica VII, 1932—1933.

[14] *Jónas Kristjánson*. 1972, Um Fóstbræðrasögu, p. 97—143.

[15] *Bjarni Guðnason* 1972. Andmælaræða við doktorsvörn Jónasar Kristjánssonar 9. Desember 1972 // Skírnir 1972, p. 253 —267.

[16] *Guðbrandur Vígfússon*. Um tímatal í Íslendinga sögum í fornöld. Safn til sögu Íslands I, Kh. 1856. *Guðbrandur Vígfússon*. Origines Islandicae, II. Ed. Guðbrandur Vígfússon and F. York Powell. Oxford, 1905, p. 674.

были знатоками и носителями эпической поэзии. В этом плане вызывающий споры эпизод саги, где Тормод перед битвой при Стикластадире исполняет датское героическое сказание *Древние Речи Бьярки*, не выглядит антиисторичным. Даже если вслед за К. фон Зее допустить, что данный эпизод является боевой легендой[17], приходится признать, что к моменту распространения легенды (фон Зее датирует ее концом XII в.; по крайней мере столько же вероятно отнесение ее ко второй половине XI в.) обстоятельства произнесения героической песни скальдом воспринимались как вполне естественные. Тем самым, восстанавливается преемственность если не ранней и новой версий *Речей Бьярки*, то литературной среды, в которой бытовали эпические сказания и стихи скальдов; напомним, что ученый рассказчик «Саги о Названных Братьях» тоже охотно цитирует «Эдду», особенно «Речи Высокого».

Из всего изложенного вытекает три основных вывода:

1) Письменный текст протографа «Саги о Названных Братьях», к которому восходят версии *H M F R B*, следует рано сложившейся устной традиции, возникшей вокруг стихов Тормода.

2) Расхождения дошедших до нас версий *H M F R B* в большой степени обусловлены не только практикой сокращения и дополнения текста при оформлении компиляций, в составе которых сохранились данные версии саги, но и тем, что редакторы компиляций, как и автор протографа, ориентировались на альтернативный источник информации — устную саговую традицию и циклы скальдических стихов.

3) Традиционная датировка протографа саги первой половиной XIII в. попрежнему остается наиболее вероятной, однако оценка саги как архаичной определяется не столько абсолютным временем записи, сколько сохранением устного субстрата в течение всего того периода, когда возникали ее различные версии.

Более специальный характер имеет вопрос о филиации версий саги. Наиболее резко очерчены различия между краткой версией *H* и пространными версиями *MFR*. К сожалению, прямые лингвистические аргументы в пользу большей древности *H* либо *MFR* отсутствуют[18], а доводы филологического порядка зависят от априорных концепций эволюции текста саги, что во многом лишает их доказательной силы. Например, К. фон Зее доказывает первичность *H* тем, что при упо-

---

[17] *Von See, Klaus*. Hastings, Stiklastaðir und Langemarck // Edda, Saga, Skaldendichtung…. S. 259 — 271. *Von See, Klaus*. Huskarla hvöt // ibid., S. 272 —282.

[18] Неубедительна попытка С. Т. Янссона, который доказывал первичность пространной редакции *MFR* наличием в ней архаических, по его мнению, слов и выражений kenningarnafn, spretta tjaldskörum, eiðr e-s stendr fyrir þeim.

Попытка Я. М. С. Кройзен [J. M. C. Kroesen. Over de compositis der Fostbroedra saga, Leiden, 1962] выделить два хронологических пласта в синтаксисе саги и отделить зерна (синтаксис протографа) от плевелов (элементы книжного стиля) заслуживает еще меньшего доверия, так как она основывается на ложной презумпции об аморфности устного синтаксиса.

минании убийц Торгейра побратимов *Торгрима Тролля* и *Торарина Дерзкого* *H* неизменно ставит на первое место Торгрима, а *MFR* — Торарина. Это наблюдение поучительно тем, что оно обнажает зависимость, на первый взгляд, второстепенных деталей от общей концепции саги: Торгриму в ней посвящено больше места, поэтому рассказчик версии *H*, называет его первым, как главу боевого союза. Однако мнение о том, что такой порядок упоминания восходит к протографу, а не является позднейшей конъектурой редактора *H*, зиждется лишь на недоказуемом мнении, что традиция, связанная с Торарином, возникла позже, чем традиция связанная с Торгримом. Едва ли лучше другой аргумент фон Зее: диалог *Иллуги* с *Хельги Тюленьи Яйца* в гл. 14 *MFR* (в *H* прямая речь в этом месте отсутствует) якобы построен по образцу более пространной беседы Геста со Скувом в гл. 20. Но параллелизм эпизодов является обычным свойством саговой техники. Кроме того, родовитый исландец Гест, скрывающий свое имя, более важный персонаж, чем бойкий работник с тюленьими гениталиями; поэтому и ему уделено больше внимания; рассказчику *H* было труднее опустить эпизод с Хельги, чем с Гестом.

«Сага о Названных Братьях» имеет характерную для ряда больших родовых саг свободную композицию: линии, прослеживающих события жизни Торгейра и Тормода, чередуются между собой. Повествование постоянно перемежается отступлениями и вставными эпизодами; больше всего их в редакции *F*, которая точнее всего соответствует приведенной выше композиционной формуле. К тому же в редакции *F* (и *R*) речевые ситуации с прямой речью, оформлены наиболее тщательно, в то время как *M* (в *H*) диалог часто оказывается невразумительным, что может объясняться пропуском реплик и переводом прямой речи в косвенную редакторами «Мёдрувелльской» и «Хауковой» книг. Таким образом, редакция «Книги с Плоского острова» парадоксальным образом оказывается ближе всего как к книжной культуре (наличие энциклопедических вставок, влияние королевских саг об Олаве Святом), так и к устной саговой традиции (наличие «прядей» о названных братьях и хорошо оформленные диалогические ситуации).

Хронология саги выстраивается при помощи анналов и данных других саг так:

Родился Торгейр сын Хавара — 995 г.

Родился Тормод Скальд Чернобровой — 998 г.

Убийство Ёдура на Ракушечном Склоне — 1010 г.

Убийство Ингольва и Торбранда — 1011 г.

Убийство Бутральди — 1012 г.

Убийство Торгильса сына Мака — 1013 г.

Осуждение Торгейра и его отъезд — 1014 г.

Пребывание Торгейра и Тормода с Греттиром на Дымных Холмах у Торгильса — 1017 г.

Гибель Торгейра сына Хавара — весна 1024 г.

Убийство Торарина Дерзкого — осень 1025 г.

Тормод отправляется в Гренландию — 1025 г.

Тормод убивает Торгрима Тролля — 1026 г.

Тормод скрывается в Гренландии — до весны 1028 г.

Тормод возвращается к Олаву Святому — 1028 г.

Тормод сопровождает Олава в изгнании и находится при нем в Новгороде — 1028 — 1230 гг.

Битва при Стикластадире. Гибель Тормода — 28. июля 1030 г.

Сага многократно издавалась. Первое издание было предпринято издательством Тиле (Thiele) в Копенгагене в 1822 г; редактор — Гюннлёйгюр Оддсон — следовал позднему списку AM 141, fol. Затем последовало издание Ф. Магнуссона (1838). Первое критическое издание двух версий *H* и *F* было осуществлено Конрадом Гисласоном в 1852 г. Текст версии *F* был впервые издан в составе «Книги с Плоского Острова» в 1862 г. в Кристиании[19]. Первое комментированное издание версии *H* вышло (в составе «Хауковой Книги») в Копенгагене в 1892—1896 гг. (редакторы Финнюр Йоунссон и Эйрикюр Йоунссон)[20]. Наконец, первое популярное издание саги для чтения вышло в Рейкьявике в 1899 г. в рамках серии «Исландские саги» (Íslendinga sögur, 26). Редактор тома — Валдимар Аусмюндарсон — избрал в качестве основы редакцию М, а начиная с момента, где она обрывается, следовал редакции *H*; пряди из редакции *F* были помещены в приложениях. Подобным образом поступало и большинство последующих редакторов.

«Сага о Названных Братьях» давно переведена на большинство западноевропейских языков: английский, датский и немецкий переводы появились еще в прошлом веке. На русский язык сага переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: Íslensk Fornrit, VI. Vestfirðingasögur. Reykjavík, 1943. Útg. Björn K. Þorólfsson og Guðni Jónsson.

Примечания

[1] *В дни конунга Олава Святого было много хёвдингов…* Зачин саги преследует две основные цели — ввести тему удачи конунга Олава Святого и связать удачу конунга с его христианской миссией.

[2] *Вермунд Тощий и Торбъёрг Толстая, дочъ Олава Павлина* — хёвдинг Западных Фьордов и его жена.

Привязка рассказа о могуществе Вермунда и его жены Торбьёрг к последующим эпизодам саги весьма условна. Вермунд выступает как враг Торгейра и Тормода, а его жена не упоминается далее вовсе. Пути Греттира и Названных Братьев пересеклись позднее (см. «Прядь о собирании Дягиля»).

[3] *Греттир сын Асмунда* — главный герой «Саги о Греттире». Первая виса, приписываемая Греттиру, есть также в саге о нем. Там же приводится весь эпизод захвата Греттира бондами (гл. LII). Не вполне понятно, какая сага здесь заимствует

---

19 Ср. также более позднее исландское издание, вышедшее с предисловием С. Нордаля: Flateyjarbók I—IV, Reykjavík, 1944—1945.

20 Hauksbók udgiven efter de arnamagnaeanske haandskrifter No 371.544 og 675 4to samt forskellige papirshaandskrifter af Det kongelige Nordiske Oldskrift-selskab. København, Thiles Bogtrykkeri, 1892—1996. (Finnur Jonsson. I—CXXXIX).

материал. Сам эпизод с Греттиром и Торбьёрг Толстой есть только в редакциях *M* и *R*.

[4] *Проталина* — ныне хутор называется Kelda. Он расположен в глубине Озерного Фьорда — вотчины исландских хёвдингов. Рядом стоит хутор Вермунда.

[5] *Хавар был родом с юга, с Пашенного Мыса.* — *Пашенный мыс* (Акранес) расположен на северном берегу Китового Фьорда. Отец Торгейра, Хавар Эйнарссон, жил на земле своего предка Тормода Старого, и лишь затем перебрался на Западные Фьорды. Текст «Книги о Заселении Земли» гласит:

Тормод Старый и Кетиль, сыновья Бреси, приплыли в Исландию из Ирландии и заняли весь Акранес от Форельей Реки до Кальмановой Реки. Они были ирландцами. Кальман, по которому названа эта река, тоже был ирландцем; он был родом с Катанеса… Дочь Тормода Старого звали Гейрлауг, она была матерью Одда из Междуречья. (H 21)

[6] *Берси звался человек, что жил в Ледовом Фьорде: он жил на хуторе, который называется Болота.* Рассказчик саги ошибается, помещая Берси на хутор Болота (Tyrdilmyri — R; Dyrdilmyri). Согласно гл. V, Берси жил на земле своих предков в *Горячей Долине* и сменил место жительства по указанию Вермунда. Более вероятно, что он отселился от Вермунда и перебрался на хутор Болота позднее.

В то же время некий хутор *Хаваровы Загоны* действительно стоит рядом с хутором *Болота* — оба они расположены на северном берегу крупнейшего из Западных Фьордов — Ледового. Вотчина Берси, отца Тормода, на южном берегу того же фьорда.

Родословные главных героев полностью в саге не приводятся. В «Книге о Заселении Земли» они выглядит так:

1) *Тормод сын Берси*, сына Халльдора, сына Гуннбьёрна, сына Ульва Вороны. Гуннстейн и Халльдор, сыновья Гуннбьёрна, прибыли в Исландию на склоне века Заселения Страны и заняли Фьорд Скатов, Долину Длинной Реки и Залив Огрсвик (Теснинный Залив) вплоть до Узкого Фьорда.

2) *Торгейр сын Хавара*, сына Эйнара, сына Клеппа, сына Ёрунда Крещеного, сына Кетиля сына Бреси. Торельв, мать Торгейра, была дочерью Альва из Долин, сына Эйстейна Пердуна. Брата Альва звали Торд, он был отцом Кольбейна, отца скальда Торда (Land 162, 171).

[7] *Братья Торгильс и Иллуги были сыновьями Ари сына Мара.* Родословная сыновей Ари приводится также в «Саге о Ньяле» и в «Саге о Греттире» (Nj 100, Land 162, 171, Grett 27). В «Саге о Ньяле» упоминается и третий брат — *Гудлейв сын Ари*, спутник миссионера Тангбранда.

[8] *Торгейр и Торгильс сын Ари были двоюродными братьями…* Торгерд, мать Ари, и Торельв, мать Торгейра, были сестрами. В то же время Торгильс был значительно старше Торгейра.

[9] *Ибо много искр язычества тлело под ним и ложные обычаи были в ходу* — термин *ложные обычаи* следует понимать просто как собирательное обозначение язычества.

[10] *Обряд побратимства* описан еще в двух родовых сагах — «Саге о Гисли», гл. 6 и «Саге о Людях из Лососьей Долины». Описание «Саги о Гисли» наиболее досто-

верно этнографически. Обращает на себя внимание, что рассказчик «Саги о Названных Братьях» называет обряд *действом*.

[11] *Тормод был несколько старше, но Торгейр был сильнее*. Здесь рассказчик ошибается: на самом деле старше был Торгейр — он родился около 995 г., а его побратим на три года позже.

[12] Топоним *Хаваров Двор* обнаруживается в окрестностях Реки Глиняной Долины (Leirársveit) в начале Боргарфьорда.

[13] *Жил человек по имени Ёдур*. Редакция F добавляет... *он был сыном Клёнга*. Ёдур назван *сыном Клёнга* и в висе Тормода.

[14] *Рогатое копьё* — описание этого оружия см. в «Саге о Греттире».

[15] Слова *Не покраснел он* вводят медицинскую глоссу. Сдержанность Торгейра — черта мужественной решимости. Рассказчик счел нужным вставить рассуждение о происхождении аффектов: оно соответствует европейским представлениям того времени.

[16] *...секира накормила ужином многих...* Данное выражение является результатом контаминации: рассказчик путает две метафоры убийства — 1) кормить *ворона* пищей (ужином, завтраком и т. д.); 2) уготовить *человеку ночлег*.

[17] *В то время в Исландии меч был у людей не в ходу...* Это утверждение рассказчика идет вразрез с описаниями большинства родовых саг. Возможно, оно является реакцией на разницу норвежского и исландского вооружения в конце XIII. Мечи, изготовленные в местных кузницах, были ненадежны, поэтому высоко ценились древние и импортные клинки. Рядовые бонды и их челядь предпочитали секиру и пику. В то же время меч был неизменной частью вооружения норвежских дружинников, в том числе, исландцев, на службе норвежских королей.

[18] *Торгейру было пятнадцать лет, когда случилось это убийство...* Виса Тормода, где сообщается о первом подвиге пятнадцатилетнего Торгейра, явно перекликается с «Первой Песней о Хельги Убийце Хундинга»; эддический герой тоже совершает свой первый подвиг в пятнадцать лет, и это также — месть за отца.

[19] *Сын Клёнга* — Ёдур, убийца Хавара, отца Торгейра. Слова *межа деяний* указывают на то, что убийство Ёдура — первый подвиг Торгейра. *Направитель днища*, т. е. водитель корабля — кеннинг МУЖА, в данном случае он относится к Торгейру. В «Драпе о Торгейре» «корабельные» кеннинги имеют величальную функцию и используются в эпизодах, где герой совершает особо выдающиеся или похвальные деяния. Выражение *вождь внуздал удачу* (в оригинале употреблен кеннинг Торгейра) вводит тему *удачи* или *судьбы*: подвиги Торгейра возможны потому, что удача ему благоприятствует, и он сам вершит чужие судьбы.

Отца Торгейра звали *Хавар*, нормальная форма род.п. должна звучать *Хавара*, появление стиха *наследник Хавра* объясняется требованием размера — в оригинале Тормод употребляет форму на слог длиннее нормальной, в то время как переводчик сократил ее на слог.

[20] — *Нелюбопытный ты человек...* Образ действия работников, пренебрегающих речевым этикетом, противопоставляется поведению героя, соблюдающего его даже тогда, когда он отправляется на убийство или находится в опасности.

[21] — *Вечером на Ракушечном Склоне пролилась кровь*… Здесь F, R предлагают более полный вариант диалога:

Торгейр говорит:

— *Вечером на Ракушечном Склоне пролилась кровь.*

Торельв спрашивает:

— *Кто был в этом замешан?*

Торгейр отвечает:

— *Пострадал Ёдур.*

Она говорит:

— *Потеря невелика. А кто напал на него?*

Торгейр говорит:

— *Не могу сказать, что не я.*

[22] *Бесстрашный* (букв.— *неробкий*) *Зверь* — Лев (куртуазная фразеология).

[23] *Ингольв Палёный* и его сын *Торбранд* из других источников неизвестны.

[24] Женское имя *Сигрфльод* редкое. Внутренняя форма его под стать валькирии Sigr-fljóð, т. е. «Жена Победы», «Победоносная».

[25] *Фьорды Ёкуля* — группа фьордов на Северной оконечности Четверти Западных Фьордов. Хутор *Палёный Двор*, где жили Ингольв и его сын Торбранд лежит к северу от самого южного из них — *Фьорда Храфна*.

[26] *Дщери Ран* — устойчивая метафора моря (собственно, волн моря). *Ран* — морская богиня, жена морского великана Эгира.

[27] *Враг ветвей*, букв. «*Пёс ольхи*» — скальдическая (ученая) перифраза. По существу, это кеннинг *ветра*.

[28] …*злых людей лучше знать понаслышке* — та же сентенция встречается в «Саге о Курином Торире», гл. 6, где она вложена в уста заглавному персонажу.

[29] *Сын Ингольва* — Торбранд. *Спрут шатра* — корабль. Корабельный шатер (палатку) разбивали над палубой во время стоянки. Выражение *гибели Ингольва сына сам свидетель* подчеркивает, что Тормод сам сражался в той схватке, где пал Торбранд. *Бесстрашный князь мачты рысака* — Торгейр (двойной кеннинг); *рысак мачты* — КОРАБЛЬ, а *князь*, т. е. *правитель корабля* — МУЖ. Упоминание корабля в описании схватки имеет символическое значение, поскольку Ингольв с Торбрандом были убиты на суше. Однако убийство разбойников — благо, поэтому Тормод употребляет в висе «корабельные» кеннинги.

[30] Диалог Сигрфльод с Вермундом изложен в F, R более связно:

Сигрфльод велела своим работникам спустить корабль на воду, а сама вызвала Вермунда на разговор; они начинают беседу.

…*Убиты Торбранд с Ингольвом и еще двое людей.*

Вермунд спрашивает:

— *Кто же убил их?*

Сигрфльод отвечает…

[31] *Три сотни серебра* были довольно значительной суммой. Сотня серебра — обычная вира за свободного человека. По исландским мерам, *сотня* равняется 120

эйрирам т. н. *бледного* (качественного) серебра или 4 *эйрирам сукна*, т. е. отрезу в 24 локтя, или 32 *стоимостям коровы*. Некачественное (*плавленое*) серебро было вдвое дешевле бледного.

[32] *Берси перенес хутор к Горячему Жилью в Горячей Долине, так как Вермунд не захотел терпеть подле себя вертеп Торгейра с Тормодом.*

[33] *Торкель из Упряжной Долины* упоминается также в «Саге о Греттире», гл. XLII.

[34] После слов *Торгейр заходит в дом* редакции *FR* добавляют два предложения:

Он занимает другую скамью напротив Бутральди. Друг с другом они не говорят и сидят во всеоружии.

[35] *Ристанья* — поединки, единоборства. Фраза *надлежит ристанья нам считать прилюдно* впервые в «Драпе о Торгейре» вводит тему перечня жертв Торгейра, павших в единоборствах с ним. *Обагритель древка* — МУЖ, здесь — Торгейр.

[36] Торгильс был *сыном Мара* — редакции *F, R* передают имя отца Торгильса как *Маг*(*Мак*). Такой же вариант представлен и в «Саге о Греттире».

[37] *Общинные земли* (almenningar) — это побережье Хорнстрандир (или просто *Коса*) лежат на северной оконечности Западных Фьордов. В этих местах Гольфстрим выносит на берег древесину и туши китов. Согласно древнеисландскому законодательству, коса Хорнсттрандир считалась общей собственностью; каждый был вправе искать себе добычу на побережье. Такое положение часто приводило к конфликтам, о чем рассказывается в ряде саг, в том числе — в «Саге о Греттире» и «Саге о Людях с Песчаного Берега».

[38] *Асмунд Седоволосый* — отец Греттира. В «Саге о Греттире» тоже рассказывается об убийстве Торгильса сына Мара (гл. XXV—XXVII), но ничего не говорится о жертвах со стороны названных братьев. С другой стороны, «Сага о Греттире» сообщает, что трое товарищей Торгильса пало от руки Тормода.

[39] *Клён руля* т. е. предводитель корабля — кеннинг МУЖА, относящийся к Торгейру. Фраза *вёл меня советом клён руля* означает, что Тормод был под защитой Торгейра, пользовался его расположением. Выражения *лицезрел людской я облик злобы* и *вдоволь клеветы досталось* указывают на то, что врагам удалось поссорить Торгейра с Тормодом, науськивая их друг на друга. Однако в прозаическом тексте саги об этом прямо не сказано.

[40] *Торстейн сын Торкеля Кугги* — хёвдинг Брейдафьорда, двоюродный брат Торкеля сына Эйольва. О нем рассказывается в «Саге о людях из Лаксдаля», «Саге о Греттире» и «Саге о Бьёрне».

[41] *Пастуха Скува из Собачьей Долины тоже звали Скув…* В редакциях *F R* имя пастуха передано как *Скум*. Интродукция бонда Скува в этих редакциях завершается сообщением:

Торгисль и Иллуги обычно останавливались на ночлег у Скува в Собачьей Долине, когда ехали на тинг F R

[42] *Когда солнце стояло уже довольно высоко…* В саге употребляется слово rísmál, которое буквально значит «время, когда встают». Оно приходится на 6 часов утра.

[43] «Серый Гусь» (I b, 61) предусматривает достаточно серьезное наказание *за поездку на чужом коне*. Уже за то, что Бьярни *вскочил* на коня Торгейра, с него полагалась 6 эйриров, за то, что *тронулся с места* — 3 марки. Если же он успел проехать на нем мимо трех хуторов, либо пересек границу округи, либо пересек водораздел между округами, против него мог быть возбужден иск об изгнании. Разумеется, это не давало Торгейру основания творить самосуд на ним.

[44] Сообщение о мировой предваряется в *F R* фразой:

И хотя Скуву было тяжело примириться с потерей, он не видел для себя большей чести, чем отдать дело братьям на мировую F R

[45] *Хват* — синоним (хейти) МУЖА, здесь он относится к Торгейру. *Сын Мара* — Торгильс. *Наездник зверя зыбей* — двойной кеннинг МУЖА. *Зверь зыбей* — корабль, а *наездник корабля* — МУЖ, в данном случае — Торгейр.

[46] Вместо: *Он* [*Гаут*] *переменился в лице по приходе Торгейра* редакция *F* дает:

Он дурно воспринял приход Торгейра. Норвежцы быстро смекнули, что Гауту крайне не по душе, что Торгейр едет с ним на корабле. F

[47] *Отвязали сундук Гаута* … На скандинавских судах того времени не было специальных банок для гребцов; матросы сидели на своих сундуках.

[48] Метафора *много копий, словно лес* считается вкраплением книжного стиля.

[49] Стихи о пребывании Торгейра в Англии и в Дании входили с состав Драпы о Торгейре. Неясно, сколько вис Тормод посвятил этим эпизодам.

[50] *Выдра вод* — корабль. *Гуннар храпа ветра* — МУЖ (двойной кеннинг). *Храп ветра* — БИТВА, но вместе с тем и морская буря, встречающая Торгейра на пути к чужим странам. *Гуннар* (морской конунг) *бури* — МУЖ, т. е. Торгейр. *Разлучитель злата* — МУЖ, т. е., опять-таки, Торгейр. *Кнёрр* — торговое судно для морских плаваний. Выражение *достигал накала* означает, что Торгейр сталкивался с серьезной опасностью при морских переходах, но с честью выходил из положения.

[51] *Теснинное Озеро тоже замерзло*; *Теснинное Озеро* невелико. Основная тропа между хуторами Тормода и девицы Тордис, вопреки рассказчику саги, не пролегает через озера: разделяющий их горный кряж крут и довольно высок.

[52] Наматывание *пряжи* является частью колдовского ритуала — в этой связи фраза Гримы о том, что она хочет *«послать Кольбака по хуторам за пряжей»* должна восприниматься как своего рода каламбур. В то же время обматывание тела Кольбака пряжей преследует и утилитарную цель — противостоять ударам Тормода.

[53] Рассказчик саги полагает, что Тордис советует ему *сменить тропу* потому, что хочет оградить его от опасности, а Тормод самовольно меняет маршрут. Это недоразумение — по-видимому, рассказчик плохо знал географию округи. В действительности Тормод идет именно тем путем, который указан в реплике Тордис.

[54] Возвращение раненого Тормода домой после свидания напоминает аналогичный эпизод с Бьёрном Бойцом из Широкого Залива в «Саге о Людях с Песчаного Берега», гл. XXIX.

[55] *Хрунд* — великанша или валькирия, а *ропот* (недовольные речи) *Хрунд* — это БИТВА. *Сиклинг* — легендарный конунг (эпический синоним), *напев сиклинга* —

БИТВА. Оба кеннинга БИТВЫ, таким образом, связаны с метафорой действий оружия как «речи» или «песни». *Тать* — здесь: наемный убийца, т. е., в данном случае, Кольбак. *Лихоимец барки* — своеобразный «корабельный» кеннинг, также относящийся к Кольбаку: он обманом или разбоем присвоил себе «корабль», т. е. вступил в бой не по правилам, выскочив из засады. *Искуситель свечки устья ран* — тройной кеннинг МУЖА; *устье ран* — поток КРОВИ, *свечка устья ран* — МЕЧ (как бы защигающий кровь), *искуситель меча* — МУЖ, в данном случае, сам Тормод.

[56] В редакциях *F R* Грима отвечает на обвинение Берси «ты можешь говорить так, что… *не разберешь, что у тебя на уме*» иронической репликой:

Грима отвечает:

— *Каждый может сказать не то, что на уме, если захочет F R*

[57] *Брод* (*Вадиль*, ныне Вадатль) — одна из главных пристаней на Бардовом Побережье.

[58] «Песнь» Гримы, которую она бормочет, стоя на берегу,— это колдовское заклинание. Возможно, исландцы XIII в. еще могли угадать за клише *песнь, заученная в молодости* и конкретный жанр текста.

[59] *Он вступил в войско викингов…* Редакция *F* уточняет, что Кольбак вначале *покинул Норвегию*, а потом *вступил в войско викингов*.

[60] *Сплавной Залив* (Булунгарвик) расположен близ устья Ледового Фьорда.

[61] *Торбьёрг* и ее мать *Катла* упоминаются в «Книге о Заселении Земли».

[62] *Любовные висы* (мансёнг) — скальдический жанр, преследовавшийся по закону наравне с нидом. В «Сером Гусе» есть параграф, гласящий: *если кто-либо сочинит мансёнг о женщине, то за это подлежит изгнанию*. Однако столь суровое наказание, по всей видимости, применялось в том случае, когда мансёнг сочинялся против воли объекта: вряд ли женщины всегда были недовольны сочинением стихов о них.

[63] Спутники Тормода не могли застрять в Долине Эрна на пол-месяца *из-за непогоды* (путь от Горячего Жилья до Долины Эрна занимает максимум один день).

[64] *Висы Черных Бровей* до нас не дошли. Исландский филолог Бьяртни Эйнарссон недавно предположил, что рассказ о наречении прозвища Тормода является легендой; по его мнению, прозвище характеризует внешность самого скальда (Тормод был брюнетом), а не внешность его дамы. Б. Эйнарссон предлагает переводить его как «Тормод Черная Бровь», однако такое толкование не вполне состоятельно лингвистически.

[65] *Ныне я отплачу тебе лихом за ложь* — Цитата из «Речей Высокого» (Háv 42, 45).

Беседа Тормода с представшей ему во сне Торбьёрг в редакциях *F*, *R* изложена более подробно. Там Торбьёрг говорит скальду:

Я-то точно знаю, что ты не держишься уговора, который мы дали друг другу.

[66] Разговор Тормода с Берси в *F*, *R* продолжается так:

…Тормод сказал, что у него сильно болят глаза.

Берси отвечает:

— *Нельзя считать здоровым того, у кого неладно с глазами. F, R*

[67] *Дева островных обручий* — двойной кеннинг ЖЕНЩИНЫ, в котором зашифровано имя Тордис из Залива, дочери Гримы. *Обручье островов* — кеннинг МОРЯ, а *дева* (*дис*) *моря* — это Тордис из Залива, поскольку слово залив является поэтическим синонимом МОРЯ. Зато *дис суда*, явившаяся Тормоду во сне — это Торбъёрг Черная Бровь, она же названа *Фрейей* (богиней) *пряжек* и *Труд* (богиней), с которой *трудно сладить*. Выражение *дис суда* подчеркивает исходящую от Торбьёрг угрозу.

[68] Любопытно, что Торбьёрг (а вслед за ней и отец Тормода) требует от него не сочинения новой песни о Торбьёрг, а восстановления прежней и уничтожения вставок, адресованных Тордис. Очевидно, поэма о женщине должна была быть достаточно безличной, чтобы можно было безнаказанно (для формы стиха, а не для здоровья поэта!) *обратить куплеты*, сохранив общий строй.

[69] *Белый Двор* стоит выше по Междуречью Реки Длинной Долины и Форельей Реки.

[70] *Увлажнитель жала* (лезвия) — МУЖ, т. е. Торгейр.

[71] *Длинные островки* в междуречье реки Хвитау (*Белой*) ныне представляют собой песчаную отмель. Скорее всего, раньше там росла трава и рассказчик мог считать эти кусочки суши островками.

[72] *Судоходная Река* и *Фьорд Стейнгрима* расположены на западной оконечности полуострова Западных Фьордов.

[73] Рассказчик *М* не может назвать пострадавшего дружинника по имени, а рассказчик *Н* присваивает ему имя *Торфинн*. И то, и другое свидетельствует о невнимательном чтении висы Тормода, где дружинник назван *Оддом*.

[74] Имя мастера-клептомана *Веглаг* почти наверняка является по происхождению прозвищем. Его интерпретация зависит от количества гласных и согласных в корне. Возможны варианты а) «низенький» или «низменный» (чтение с долгим гласным) — б) «укладчик стен», «плотник» (чтение с двойным согласным). Оба варианты оправдываются контекстом

[75] Упоминание о *палатах* в Скаульхольте хронологически привязано в разных версиях к времени службы разных епископов. Данное место имеет важное значение для датировки протографа и отдельных версий. Большинство версий (*MFR*) ссылается на *второго епископа Магнуса* (т. е. *Магнуса Гицурарсона*, *1216—1237 гг.*). Время *первого* епископа Магнуса в Скаульхольте (Магнуса Эйнарссона) — это 1134—1148 гг.

Редакция «Хауковой Книги» ссылается на второго епископа *Арни* (*Арни Хельгасона*), 1304—1320 гг. Первый епископ Арни — это известный *Арни со Стада*, *сын Торлака* — 1269—1298 гг. Такая датировка является невероятной: постройки XI в. не могли простоять так долго. В то же время она достаточно явно показывает, что рассказчик «Хауковой Книги» стремился дать ясный ориентир своей аудитории и сознательно изменил имя епископа.

[76] Обидчика *Одда* рассказчик саги называет *Ториром*; это тоже свидетельство его невнимательности: в тексте висы жертва Торгейра названа *сыном Торира*.

[77] *Воин щек вороньих* — двойной «корабельный» кеннинг МУЖА, относящийся к Торгейру. *Ворон* — хейти корабля, а *щека ворона* — борт, обшивка корабля. Любопытно, что во втором хельминге той же висы кеннинг со словом щека повторяется с небольшой вариацией в виде *кормчий щек обшивки*, что переводчик счел нужным отразить в русском тексте. *Потомок Торира* — жертва Торгейра, человек с Судоходной реки, нанесший увечья дружиннику Олава конунга. Последний назван в висе *Оддом*.

[78] *Корабль пришел на Оркнейские острова… ярл Рёгнвальд*. Неясно, к какому ярлу попал Торгейр. Оркнейский ярл *Рёгнвальд сын Бруси* родился не ранее 1011 г., т. е. был еще ребенком. Однако походы, как правило, связывались с именем конунга или ярла, даже если он участвовал в них номинально. Другая возможность — подразумевается ярл Западного Гаутланда *Рёгнвальд сын Ульва*, союзник Олава Святого.

[79] *Ньёрд* — один из асов. *Ньёрд трезвона лезвий* — двойной кеннинг МУЖА, относящийся к Торгейру; *трезвон лезвий* — БИТВА, *Ньёрд битвы* — МУЖ. *Настил лавины (волн)* — КОРАБЛЬ. *Отпрыск Хавра* — Торгейр (см. примечание к висе № 2).

[80] В конце гл. XIII в. в редакции *F* помещена прядь *о собирании дягиля*. В нашем издании она приводится вместе с другими прядями о Названных Братьях.

[81] *Лавовая Заводь у Песцовой Равнины* — полуостров Мельрахкасьехта на Северо-Востоке Исландии.

[82] *Кошт на два полугодия* — формула найма. Обычно батраки старались устроиться на год; хозяин должен был кормить их и защищать их права. Фраза Хельги «*я пока не сподобился получить кошт на два полугодия. Летом я всегда работаю по найму, и так было и в этот раз*» является бравадой: Хельги не желает связывать себя контрактом и показывает, что он человек независимый, хотя и бедный.

[83] *Многие припоминают меня, когда слышат мое прозвище … Хельги Тюленьи Яйца…* Несмотря на то, что прозвище Хельги действительно встречается нечасто, оно зафиксировано (по отношению к другим людям) еще несколько раз.

[84] Жители *Молодецкой Долины* — *Кальв*, *Стейнольв*, *Торгейр Прорва и Эйольв* — из других источников неизвестны. *Молодецкая Долина* лежит у Фьорда Гильса в начале Широкого Фьорда.

[85] Вместо фразы «*Вскоре он хватился своего оружия. Он спрашивает, кто из парней унес прочь,— щит мой и копьё?*» (*M*) «Книга с Плоского Острова» и *R* дает чтение: *Он находит копье без древка на своей постели*; *а щита и след простыл F R*.

[86] *Как подашь, так и отыграется* — поговорка. Вскоре ее смысл можно будет применить к самому Торгейру; убив Гаута, он навлекает на себя собственную гибель.

[87] *Клятый родич Надувалы* — Гаут, он же далее назван *задирой*, т. е. агрессором. *Воевода* — сам Торгейр; Тормод подчеркивает, что и у Гаута, и у Торгейра были свои отряды.

[88] У Торгейра было *два десятка* способных к бою мужчин (*F*, *R*, *H*). В этом месте *M* указывает другую цифру: *три десятка*. Далее, в главе XIX, однако, говорится:

«*те девятеро, что пали с Торгейром на судне*. Оставшиеся десять человек отплыли на баркасе с Кальвом и Стейнольвом, о чем говорится ниже. Тем самым, сведения *F*, *R*, *H* выглядят достоверней.

[89] *Светл умом, властитель* — в висе № 14 необычным представляется то, что Тормод специально прославляет *ум* Торгейра, заключившего перемирие с Торгримом и Торарином, то время как в действительности это решение оказалось для него роковым. *Порука* и *правда уговора* — стандартные юридические термины. Торгейр, вопреки тому, что рассказчик говорит об его осторожности, верит в силу заключенного договора, но протовник его нарушает.

[90] *Они убили трех человек у заводи… Заводью* сага в данном случае называет внутреннюю часть залива, отгороженную от судоходной части песчаной отмелью, т. е. *косой* или *мыском*.

[90] *Жестковыйный* — поэтический синоним (хейти) МУЖА, характеризующий Торгейра. *Лось тросов* (такелажа) — кеннинг КОРАБЛЯ. *Сокрушитель войск* — Торгейр.

[92] *Пращеносец щебня мер руки* — двойной кеннинг МУЖА, относящийся к Торгейру. *Щебень мер руки* — ЗОЛОТО, а *пращеносец золотого щебня* — МУЖ, щедро раздаривающий золото. *Чадь* — синоним дружины, челяди: Тормод подчеркивает, что Торгейр оказывал безнадежное сопротивление не только ради себя, но и ради собственных воинов.

[93] *…Из слов Тормода следует, что Торгейр убил 14 человек, прежде чем пал…* Это недоразумение: в действительности Тормод говорит в 18 висе, что Торгейр убил на своем веку *тринадцать человек*. Рассказчик же ошибочно отнес эту цифру к последнему бою Торгейра; на самом деле, Торгейр убил там двоих — поименно названных *Мара и Торира*.

Ту же ошибку повторяет рассказчик «Пряди о Торарине»; цифра «14» вместо «13», видимо, возникла из-за того, что писец не разобрался в написании «XIII» и добавил лишнюю палочку.

[94] *Кашевар брашна коршуна запруды стылых тел* — четверной кеннинг МУЖА. *Запруда стылых тел* — КРОВЬ, *потоки крови павших*, *коршун крови* — ВОРОН, *брашно ворона* — ТРУПЫ, *кашевар брашна коршуна крови* — МУЖ, убивающий врагов и обеспечивающий ворона пищей. *Бурелом стали* — БИТВА. Выражение *муж, в речах искусный* применительно к угрюмому и неразговорчивому Торгейру вызывает удивление. По-видимому, Тормод под *речами Торгейра* имеет в виду его *дела*, т. е. подвиги.

[95] *Жертвы меча* — павшие насильственной смертью. Фраза *счет убийств окончен* завершает тему перечня убийств, совершенных Торгейром на своем веку. Выражение *стих немеет хилый* по отношению к собственным стихам явно перекликается с обозначением Торгейра «*искусный в речах*» в предыдущей висе. Тем самым, скальд выражает следующий смысл: мои бледные речи иссякают, они ничто по сравнению со свершениями павшего героя. Мотив параллелизма слова и дела венчает апофеоз Торгейра в «Драпе».

[96] О том, что Торарин *засолил голову* Торгейра, более подробно рассказывается в «Пряди о Тораине», где подчеркивается, что этот поступок вызвал единодушное осуждение. Об обстоятельствах захоронения головы Торгейра в «Пряди» говорится иначе: там Торарин обосновывает захоронение близи торговой пристани тем, что выбор такого людного места прославит их подвиг.

[97] Топонимы *насыпь Торгейра* и *насыпь Гаута* обнаруживаются в Северной Исландии неподалеку от Лавовой Заводи, т. е. не там, где указывает рассказчик саги.

[98] *Тормоду было нерадостно… он выехал из страны.* Мотивировки отъезда Тормода из Исландии изложены в саге крайне невразумительно, что следует объяснять порчей текста. Тормоду надлежало мстить за убийство Торгейра, и проще всего было сделать это, обратившись против того из убийц, кто остался в Исландии — Торарина Дерзкого. Однако Торарин был убит уже осенью 1025 г., что, судя по всему, произошло без участия Тормода — см. «Прядь о Торарине». Поэтому Тормоду пришлось искать встречи со вторым из убийц — Торгримом Троллем, который уехал к себе в Гренландию. Тем не менее Тормод отправляется не прямо в Гренландию, а в Норвегию, где вступает в дружину Олава Святого и заручается его санкцией на убийство Торгрима.

Не исключено, однако, что Тормода в момент убийства Торгейра вообще не было в Исландии: такое предположение помогает понять задержку с местью. Хотя «Прядь о Тормоде» утверждает, что он выехал в Данию с целью отправиться оттуда совершать месть, но был задержан Кнутом Могучим, не исключено, что известие о гибели побратима застало Тормода уже в Дании. Сага же вообще обходит молчанием пребывание Тормода в Дании. Далее, в гл. 24, конунг Олав выражает недовольство тем, что Тормод был нерасторопен с местью: Тормод оправдывается в висах 28—30.

[99] *Корабль пришел на остров, который называется Лофот.* В редакции *R* писец в этом месте вначале написал название соседнего острова *Офотен*, но затем перечеркнул его.

[100] В данной висе Тормод как бы предлагает конунгу Олаву заключить контракт с ним, при этом оговариваются обязанности сторон: свита конунга обязана сохранять присутствие духа, т. е. *не утратить кладезь воли*, в то время как сам конунг должен *привечать* свиту *каждым своим словом*. Самого себя скальд рекомендует как человека, чьи родичи не утруждали себя службой вождям, однако вполне этого достойны по своему образу жизни. Неясно, на что намекает вставное предложение *чту труды иные*: какие *свои труды* имеет в виду Тормод — активное участие в распрях, искусство скальда, хлопоты бонда.

[101] *Виса № 19* и ответная реплика конунга Олава *«твои стихи очень занятны»* приводятся также в «Пряди о Тормоде». Там виса тоже появляется в сцене первого знакомства Тормода с Олавом.

[102] Рассказ о вражде и гибели побратимов Эйольва и Торгейра Прорвы, по существу носит характер «пряди», прерывающей непрерывное развитие основной сюжетной линии. Данная прядь, вне всяких сомнений, восходит к местным пре-

даниям Западных Фьордов. Гибель Торгейра и побратимов из Молодецкой Долины слабо связаны между собой, если не считать того факта, что они лично знали друг друга. Вместе с тем, обращает на себя характерный для саг символический параллелизм: Торгейр Прорва является тезкой Торгейра сына Хавара, побратимы Эйольв и Торгейр Прорва ссорятся внешне столь же немотивированно, как и Тормод с Торгейром сыном Хавара. Печальный финал, к которому пришла дружба Эйольв и Торгейра Прорвы, как бы является ответом на вопрос, что могло бы получиться, если бы обращенное к Тормоду предложение Торгейра сына Хавара сразиться между собой осуществилось на практике.

[103] *Привидения Торгейра сына Хавара и его товарищей* не случайно являются именно Кальву со Стейнольвом, поскольку последние пострадали в том же эпизоде, где пал Торгейр.

[104] *Река*, которая течет возле хутора в Молодецкой Долине, носит название *Река землянок* (Búðará).

[105] В одной из редакций для описания внешности незнакомца используется редкое слово skolbrúnn «со сросшимися темными бровями», известное по описании внешности Эгиля в «Саге об Эгиле сыне Скаллагрима».

[106] Со слов «*у Тормода с Гестом сразу не* заладилось» начинается текст саги в «Хауковой Книги».

[107] Описание трюма корабля Скува, видимо, свидетельствует о том, что на скандинавских судах того времени не было специального устройства для откачки воды — помпы или желоба: во всяком случае, Тормод и Гест были вынуждены вычерпывать ее вручную — *бадьей*.

[108] *Торкель сын Лейва Счастливого* сына Эйрика Рыжего жил на хуторе *Крутой Склон* (гренл. Kagsiarsuk) во Фьорде, носившем имя его отца Эйрика.

[109] *Столбовой Мыс* (дрисл. Stokkanes соответствует гренл. Kiagtut), хутор Скува и Бьярни, тоже расположен во *Фьорде Эйрика* (на языке гренландских эскимосов Igaliko — фьорд).

[110] Хутор *Залив* находится в глубине Фьорда Эйнара.

[111] Далее сага назовет хозяина этого хутора просто *Гримом*.

[112] Враг Тормода Торгрим Тролль живет во фьорде, носившем имя его отца *Эйнара* (на языке гренландских эскимосов — Tunugdliarfik). Этот фьорд расположен к северу от Эйрикова. Эйнар был спутником Эйрика Рыжего.

[113] Топонимы Langanes «Длинный Мыс» и Löngunes «Акулий Мыс» (в подлиннике — «Мыс морских щук»), как предполагают комментаторы, первоначально относились к одному и тому же хутору.

[114] «*Стишок о ветреных женщинах*», который в подходящий момент пришел на ум Лодину — это 84. строфа «Речей Высокого». Начало этой строфы выглядит так:

Речам девиц доверять никто не должен
и тому, что говорит женщина

[115] «*Крутящийся круг*», на котором, по мнению автора «Речей Высокого» слеплено женское сердце,— это гончарный круг.

[116] *Игра со шкурой* состояла в том, что четверо перебрасывали сырую шкуру, а пятый пытался ее перехватить. Реплика Тормода является каламбуром, поскольку раб носит характерное имя Лодин, т. е. «*Мохнатый*», «*Меховой*». Данное имя подстать великану или зверю. Это впечатление усиливает ремарка *была куртка из тюленьей кожи, и такие же штаны*: Тормод тем самым угрожает разобраться со шкурой, т. е. поквитаться со своим врагом.

[117] *— Я бы хотел, чтобы вы дали мне провожатого, который бы следовал за мной всюду, куда я захочу пойти.* Данные слова Тормода являются близкой парафразой строфы 47 «Речей Высокого»:

Молод был древле, брёл одиноко,
блуждал без дороги.
стал богачом я, товарища встретив,
муж мужу отрада.

[118] *Секиру* могли держать и одной, и двумя руками. Тормоду, правая рука которого была покалечена, требовалась небольшая секира для левой руки. Он заказывает себе лезвие из сплошного материала, без стальной *наварки*. Секиры такого типа были менее прочными.

[119] *Тинг в Дворах, что во Фьорде Эйнара*… дрисл. Garðar = гренл. Igaliko — древнейшее место собраний поселенцев; позже там находилась кафедра епископа Гренландии.

[120] *Неясно, вонзишь ли ты лучше, чем я* …… Слова Тормода, как и в предыдущем эпизоде, имеют двойной смысл — он имеет в виду задуманное им убийство.

[121] Бальдр — один из асов. *Кичливый Бальдр щита* — хвастливый челядинец Торгрима Тролля., он же назван *хлыщом бревна уключин* (двойной кеннинг МУЖА): *бревно уключин* есть гребное судно, а *хлыщ корабля* — мореплаватель. *Владыка, мощный духом* — конунг Олав, патрон Тормода. В *переднем краю* строя вокруг конунга стояли дружинники.

[122] *Торгрим велит…богато убрать …землянку*. Несколько странный синтаксис этой фразы дает основание предполагать порчу текста; по-видимому, писец пропустил в этом месте несколько фраз.

[123] *Торгрим рассказывает там сагу*. Перед нами уникальное описание ситуации, когда сагу о недавних событиях рассказывают на тинге.

[124] *А чем опасны Разломы?* В арктическом климате мерзлая земля может трескаться, образуя глубокие расщелины в почве.

[125] Тормод неизменно выбирает себе многозначительные псевдонимы *Вигфус* «Жаждущий боя/убийств», *Тортрюгг* «Ненадежный», затем *Торрад* «Трудный замысел». Все эти обозначения засвидетельствованы и как личные имена; избирая их себе в качестве псевдонимов, Тормод воскрешает их внутреннюю форму.

[126] *Смена плаща* важна не просто для маскировки, она имеет символическое значение. Убийства сыновей Тордис Тормод также совершает, обменявшись плащами с бродягой Одди Вшивцем. Не исключено, что мотив переодеваний Тормода в саге перекликается с метаморфозами Одина, который также принимает раз-

ные обличья ради достижения своих целей (Ср. миф о Суттунге, в котором Один превращается в змею и орла). Симпоматично, что друзья Тормода, узнав от Одди о том, что Тормод поменялся с ним одеждой, сразу понимают, что он собрался совершать убийства.

[127] *Тогда страх сошел с него, словно жар с железа.* В *FR* эпизод с бегством Эгиля Дурачины изложен более подробно. Там же содержатся энциклопедическая *клауза* о анатомии человека, анонимный стишок об испуге Эгиля (№ 22) и апокрифическая виса (№ 25)

[128] *...они встречают человека в белом плаще... Он отвечает*: *Я ищу того, кто напал на Торгрима.* Даже когда герой говорит, будто ищет «человека, напавшего на Торгрима», остается возможность поиска смысла, при котором его утверждение не будет ложью. Родичи Торгрима ищут *того, кто был в черном плаще*: перевернув плащ белой стороной наружи, Тормод в некоторой степени стал другим человеком. Его идентификация происходит далее, когда он признается друзьям в содеянном, произнося цикл вис.

[129] Виса № 22 (анонимный стишок об испуге Эгиля Дурачины) приводится в тексте параллельной редакции F. Поскольку мы приводим текст висы № 22 во второй части книги в разделе о скальдических стихах, мы сохраняем нумерацию вис саги.

[130] *Ньёрд* — один из асов. *Ньёрд жерди* — МУЖ, здесь Торгрим Тролль. Жизнелов (ловец жизней) — кеннинг МУЖА (Тормод имеет в виду себя). Обращает на себя внимание настойчивое употребление эпитета *черный* в висах №№ 23, 24, 26: и сам Тормод, и, по-видимому, его жертва Торгрим Тролль были брюнетами.

[131] *Тюр* — один из асов. *Тюр танца льдин* — двойной кеннинг МУЖА; *танец льдин* — БИТВА, а *Тюр битвы* — МУЖ, т. е. сам Тормод. *Трутни терний*, которые *ближе к тленью* — враги Тормода, которым тот факт, что Тормод ускользнул, не сулит ничего хорошего.

[132] *Приметный я человек... смуглый, курчавый и заикаюсь.* Описание Тормода похоже на описания двух других знаменитых скальдов. Внешность его (смуглый и черноволосый, курчавые волосы) напоминает описание Кормака, героя «Саги о Кормаке сыне Эгмунда», а свидетельство, что скальд *заикается*, когда не говорит стихами, совпадает с характеристикой современника Тормода Сигхвата Тордарсона.

[133] *Бальдр лога волка* — МУЖ, в данном случае,— Торгрим Тролль. *Черный* — сам Тормод.

[134] Локализации *Пещеры Тормода* во фьорде Эйнара противоречит топоним *Фальгейров Залив*, который обнаруживается во Фьорде Эйрика. Однако сага утверждает, что Тормод убил Фальгейра возле своего убежища.

[135] *Я бродяга и хожу, где укажут.* Бродягам и рабам окружные хёвдинги могли ограничивать свободу передвижения.

[136] *...Бечева на штанах Фальгейра лопнула...* Как ни уникальны обстоятельства смерти Фальгейра, параллели к ним обнаруживаются в «Книге о Заселении Зем-

ли». В 63. главе «Хауковой Книги» рассказывается о том, как некто Эйнар из Лона был убит своим соседом Эйнаром с хутора Лаугабрекка после того, как в бою бечева на его штанах лопнула — подхватив штаны, он получил смертельный удар.

[137] Топоним *Фальгейров Залив* упоминается в *Римах о Скальд-Хельги IV, 33*; локализуется он не в Эйнаровом, а во Фьорде Эйрика вблизи Крутого Склона.

[138] *Виса 27* принадлежит особому жанру хулительных стихов (*ниду*), отсюда гротескное описание смерти Фальгейра (*дылда сдох постыдно/лишь очко зияло*), которое рассказчик предпочел понять буквально. В соответствии с законами жанра Тормод инкриминирует Фальгейру то, что тот либо педераст, либо настолько глуп, что позволил убить себя так, что такое подозрение возникло. В висе 29, где Тормод поваляется своими подвигами, Фальгейр уже назван «героем Гренландцев».

Вероятно, к тому же циклу гренландского нида принадлежит и 30 виса саги. Мотивы, побудившие Тормода на месть сыновьям Тордис, не вполне ясны: ведь он уже отомстил за смерть названного брата. Разгадка, возможно, кроется в приглушенном в *H* и более откровенным в *FR* намеке на то, что враги Тормода пустили о нем позорный слух (после убийства Торгрима Тролля Тормод прятался вне досягаемости) — ср. далее эпизод на шхере, когда Тордис провоцирует Тормода отозваться и подать голос, *если он мужчина, а не мерин*.

[139] Эпизод с *Гамли и Гримой* производит впечатление мифологической аллюзии. За малоимущими гренландскими охотниками, живущими вдали от людей «на отшибе», угадываются прототипические Старик и Старуха, Один и Фригг. Напомним, что в начале эддических «Речей Гримнира» рассказывается миф о Одине и Фригг, которые в образе старика и старухи сидят в пещере на краю земли и воспитывают попавших к ним отпрысков конунга. Имя Гамли и значит «старик».

[140] Тордис *носится во сне на посохе* потому, что она колдунья. Сцена камлания Тордис перекликается с другими эпизодами саги, где также участвуют колдуньи. Обращает на себя внимание параллелизм двух ситуаций, где колдунья носит имя *Грима* (что означает «Ночь», «Зловещая»). Грима, мать Тордис, любовницы Тормода в Исландии, спасает от преследования Кольбака, врага Тормода, а Грима из Гренландии спасает уже самого Тормода.

[141] Тирада против *идолов и Тора*, вложенная в уста старой колдунье, выглядит пародийной, однако вряд ли связана с осуждением колдовства или профанацией христианства — скорее рассказчику нужно оправдать наличие эпизода, который он почерпнул у своих предшественником и который он не пожелал опустить.

[142] Последний гренландский псевдоним Тормода — *Освивр* — означает «Беспокойный». Это значение обыгрывается в ответной реплике Сигрид — «*каждый таков, как его имя*».

[143] *Встретиться с ее сыном Льотом… они часто вели обо мне мерзкие речи*. В подлиннике здесь каламбур, поскольку имя Льот по своей внутренней форме означает «некрасивый», «мерзкий».

[144] После эпизода с покушением на Льота в редакциях FR помещается прядь, рассказывающая о том, как Тормод ранил *Кара*, управителя Тордис.

[145] *Хотел ответить, но рот словно зажали ладонью* — в словах колдуньи Тордис заключена провокация. Рассказчик считает нужным подчеркнуть, что Тормод не отозвался на призыв выдать себя не из-за трусости, но благодаря покровительству свыше.

[146] Хозяин Геста в Гренландии бонд Грим из Залива ранее в гл. XX был назван *Торгримом*.

[147] *Хельгин Стейнар* имел основания мстить за смерть Торгейра сына Хавара, поскольку был его троюродным братом; Стейнар был сыном Торарина, сына Ингъяльда с острова Хергильсэй, героя «Саги о Гисли». Сестра Ингъяльда Торкатла была матерью Ари, отца Торгисля. Известна и мать Стейнара — ее звали *Торгерд*, она была дочерью скальда Глума сына Гейри. Стейнар и сам был скальдом; отрывок его из висы приводится в «Младшей Эдды», раздел «Язык Поэзии», № 59. Виса повествует о любовных переживаниях, что вполне гармонирует с прозвищем Стейнара, указывающем на то, что он жил с некой женщиной по имени *Хельга*. Ср. аналогично построенные прозвища *Одд Удачи* в «Саги о Битве на Пустоши» и *Торд Золотой Асы* в одноименной пряди.)

[148] Этот *Грим* почти наверняка — то же лицо, что наемный убийца раб *Грейп* из «Пряди о Торарине».

[149] *Пса работа* — работа наемного убийцы, который назван в висе *ретивым лиходеем*. Слова *едок стих недаром* надо понимать как предостережение конунгу о том, что обиженный скальд может сложить о нем стих и менее лицеприятно.

[150] *Ствол ливня стрел* — кеннинг, обращенный к конунгу Олаву.

[151] В редакциях *FR* Тормод добавляет к своему послужному списку также убийство *Льота*. Однако это убийство, судя по всему, не учтено в висе № 4 из «Пряди о Тормоде».

[152] В соответствии с жанром *нида*, к которому относится данная виса. Тормод утверждает, что выжег своим врагам *срамное тавро* на *закорках мыса*, т. е. на *заду*. *Сутяжные сукодеи брани* — гренландские враги Тормода. *Брань* и *юридические пререкания* сами по себе служат стандартным элементом кеннингов битвы, но в контексте нида эти слова приобретают особое звучание. *Сукодей брани* — тот, кто начинает распрю и ведет себя не лучшим образом.

[153] *Хвербьёрг* — топоним в Трёнделаге. Южнее него жили т. н. *внутренние* трёнды, в то время как *внешние* или *северные* трёнды жили на побережье.

[154] *31. виса* саги с призывом *сжечь дотла дома трёндов* известна по многим королевским сагам. Отголоски ее неожиданно обнаруживаются в речи вождя Посошников епископа Никуласа Арнарсона при штурме г. Нидарос в 1198 г., где епископ призывает своих сторонников заставить трёндов собирать холодные угли своих жилищ. Данный пассаж, как показал Л. Хольм-Ульсен, может быть прямой цитатой из висы Тормода.

[155] Рассказчик версии *R* сообщает, что Тормод непосредственно перед битвой при Стикластадире по приказу конунга Олава убил его врага *Хрута из Виггьяр*.

Однако во всех сагах об Олаве Святом убийство Хрута приписывается другому исландскому скальду — Гицуру.

[156] Последние висы Тормода являются частью рано сложившейся традиции о Стикластадирской битве. Одним из наиболее интересных моментов здесь представляет свидетельство «Саги о Названных Братьях» и саг об Олаве Святом, что Тормод перед битвой исполнил эпическую песнь *Речи Бьярки*. Две строфы этой песни, обычно признаваемые начальными (ср. однако сомнения Х. Шнейдера и К. фон Зее) приводятся в редакции *F*.

Полный текст *Древние Речи Бьярки* сохранился только в латинском переводе Саксона Грамматика (XIII в.). Песнь о нападении на Лейре и гибель Хрольва содержится также в исландской «Саге о Хрольве Жердинке», относящейся к числу «саг о древних временах» — т. н. «Речи Жердинки». По своим жанровым признакам эта песнь является поздней (сложилась не ранее XII_2 в.). Сообщение королевских саг (и «Саги о Названных Братьях»), о том что Тормод исполнил *Речи Бьярки* в 1030 г. перед битвой при Стикластадире обычно считается доказательством того, что сказание о гибели Хрольва к этому времени уже проникло из Дании в Норвегию. Фигура скальда, исполняющего чужеземное сказание, с чисто исторической (не филологической!) точки зрения, особых нареканий не вызывает, поскольку скальды и, в частности, Тормод, путешествовали от одного двора скандинавских правителей к другому.

[157] *Адильс* — легендарный шведский конунг из рода Инглингов. О нем и о его враге, легендарном датском конунге Хрольве Жердинке см. «Сагу об Инглингах» и «Младшую Эдду». Берсерки, которых призывает проснуться поэт, по происхождению шведы, поэтому они названы *споспешниками свеев*. Однако в момент битвы они сражаются на стороне Хрольва. Всего их двенадцать, но по именам в первых двух строфах «Речей Бьярки» названы лишь двое — *Хрольв Луком Меткий* (другой вариант перевода прозвища — *Хрольв Стрелец*) и *Хар Крепкий Хваткой* (другой вариант перевода прозвища — *Хар Крепкорукий*). Начальные строфы произносятся от имени неназванного в тексте *Хьялти*, который далее настойчиво призывает своего названного брата и главного богатыря Хрольва Жердинки *Бёдвара Бьярки* вступить в бой и помочь товарищам.

Выражение *сычужные слуги* вызвало в скандинавской филологии бурную полемику, поскольку этимология соответствующего слова остается неясной: скорее всего, поэт сравнивает дружинников конунга с батраками или невольниками, которым надо подыматься и выполнять грязную работу. Возможно также, что выражение *слуги сычуга* намекает на то, что дружинникам негоже набивать себе брюхо и отлынивать от битвы. т. е. *баловать Хильд*. *Хильд* — валькирия, ее имя можно понимать просто как олицетворение битвы.

[158] Битва при Хлейдре, о которой рассказывается в «Речах Бьярки», завершается гибелью Хрольва Жердинке и его дружинников, так что выбор Тормода действительно знаменателен. Выражение *Навострение воинов* (*húskarlahvöt*), которое употребляет по отношению к «Речам Бьярки» в саге конунг Олав, также вызвало

большую дискуссию: часть комментаторов сомневается в исторической достоверности данного обозначения.

[159] *...пойдём ли мы вечером оба в один приют.* Современные комментаторы твердо знают, куда попал Тормод, поскольку они знают, что конунг, беатифицированный католической церковью, попал в Рай. Между тем бросается в глаза подчеркнутая осторожность рассказчика в выборе выражений: Тормод явно стремится не только попасть в Рай, но и *пасть в битве*: как павший в сражении он с равным успехом мог рассчитывать на место в Вальхалле.

[160] *Ати* — морской конунг. *Дождь Ати* — БИТВА. *Правитель дива струй пролива* — двойной кеннинг, относящийся к конунгу Олаву; *диво* (морское чудовище) *струй пролива* — КОРАБЛЬ, *правитель корабля* — ВОЖДЬ. Мотив *века ножей*, появляющийся в *34 висе* саги, представляет собой эсхатологическую аллюзию («Прорицание вельвы», строфа 45). Скальд отождествляет с мировой катастрофой роковые испытания для себя, своего конунга и своих товарищей. Данная строка является ударным местом, «солью» всей висы. Не случайно, в «Легендарной Саге об Олаве Святом» и в «Круге Земном» данная виса появляется в контексте, когда скальды Олава — Гицур, Торфинн Рот и Тормод — решают перед битвой произнести запоминающиеся тексты, чтобы они остались в памяти людей. При этом виса Тормода во всех версиях саги заключает серию, как наиболее значительная и эпичная из трех.

[161] Произносимая Тормодом *35 виса* саги направлена против конкурента — скальда Сигхвата, который предпочел устраниться и отправиться в паломничество в Рим. *Провидец веча* — конунг Олав. *Лыжа лужи* — корабль.

Хельминги 34. и 35. вис скомпонованы по-разному в разных редакциях Саг об Олаве. Фраза *встанем рано на* [корабль] вызвала недоумение комментаторов, поскольку битва при Стикластадире происходит на суше. Поэтому предполагали, что второй хельминг взят из висы, произнесенной в другом контексте, например из третьей висы «Пряди о Тормоде» (ÞÞ 3), где действие происходит на корабле. Однако не исключено, что кеннинг КОРАБЛЯ выполняет здесь идеализирующую функцию и продолжает тему смерти в бою — **морской переход как роковое испытание.** Ср. в этой связи древнескандинавский обычай помещать корабль в курган вождя.

[162] *Сигхват ... еще принесет нам великую пользу* — имеется в виду — своими молитвами.

[163] *Пря* (распря) *секир* — это БИТВА, и *Хлад градин* — это тоже БИТВА.

[164] *37. виса* известна из двух редакций «Саги о Названных Братьях», а также из 3-го и 4-го Грамматических трактатов. Можно предположить, что стимулом для записи послужила простота висы (в ней всего два элементарных кеннинга), сообщающей личные имена открытым текстом: Олав Белый Скальд в 3-м Грамматическом приводит последнюю строку висы Даг и Хринг на тинге в качестве примера «многосоюзия» (параллель к et Terentius et Cicero!), не упоминая, впрочем, имени Тормода. Однако набор этих имен наводит на подозрения о вторичности висы.

1) Конунгу Харальду сыну Сигурда в 1030 г. было 15 лет, и весьма странно ожидать от участника битвы дифирамбов в его адрес, тем более что Харальд не был убит, и бежал.

2) Даг сын Хринга явно мифическая фигура, возникшая, как предполагают в результате неправильного прочтения кеннинга «натиск (буря) Дня» висы Тормода № 40. Следствием недоразумения является прозаический комментарий о человеке по имени Даг и о его «натиске» в Сагах об Олаве и в редакции «Саги о Названных Братьях» по Книге с Плоского Острова.

3) Клаус фон Зее указал, что имена Даг и Хринг служат эддическими аллюзиями, связывающими конкретную историческую битву с легендарными. Похожую функцию имя Хринга играет в висе Эгиля, посвященной Битве при Брунанбурге; правда, комментаторы сомневаются в подлинности и этой висы. В любом случае употребление имен Дага и Хринга в одном ряду с именами Олава и Харальда не стыкуется с прозаическим комментарием о роли Дага и переводит вису из разряда исторического свидетельства в разряд эпических стилизаций. Именно этим естественно объяснять отсутствие данной висы в «Круге Земном» и ее наличие в пособиях по поэтике, какими во многом являются 3-й и 4-й Грамматические Трактаты.

[165] *Тротт* — одно из имен Одина. *Трутень Тротта* — МУЖ, *тряска трутней Тротта* — БИТВА.

[166] Виса № 39 приводится в параллельной редакции. Ср. разбор подлинника во второй части книги, посвященной скальдическим стихам.

[167] Последняя, *40. виса* саги служит апофеозом Тормода. Изюминка висы состоит в игре смыслами и мифологическими аллюзиями.

Рвота ран — КРОВЬ. *Менья* — великанша, которая вместе со своей сестрой *Феньей* мелет судьбы, ср. эддическую «Песнь о Гротти». *Остатний мел* (помол), который *променял* Тормод — это последние мгновения жизни, которые ему осталось прожить.

Костлявая, чьи *ласки близки* Тормоду — это *Хель*, которая заключает мертвых в объятья (ср. хотя бы слова Торгейра в «Саге о Названных братьях», гл. IV). Тормод принадлежит ей по праву, так как он стоит на пороге смерти.

Буря Дня — первоначально кеннинг БИТВЫ. Именно этот смысл и имеет в виду Тормод, так как *следы* БИТВЫ — это РАНЫ. Позже, однако, сочетание «Буря Дага» было переосмыслено как имя собственное — Буря, т. е. натиск человека по имени Даг. В этой связи королевские саги рассказывают о неком шведском конунге Даге сыне Хринга, якобы сражавшемся на стороне Олава в битве при Стикластадире. К. фон Зее, однако, полагает, что Даг сын Хринга — фантом, возникший как раз из стихов Тормода, где говорится о следах «бури дня», т. е. по исландски «Дагсхрид». Если это так, что стихи висы 37, где упоминается 4 конунга — Олав, Харальд, Хринг и Даг не могут принадлежать Тормоду и были присочинены позднее, когда возникла версия о Даге сыне Хринга. Тем не менее, виса № 37 приводится в 3-м и в 4-м грамматических трактатах в качестве учебного примера, что говорит о ее древности. Таким образом, неправильное понимание, отражением которого служит виса № 37, возникло достаточно рано, возможно уже в XI в.

[168] Отдельную проблему составляет вопрос о том, сколько вис сказал Тормод перед смертью. Во всех сагах об Олаве Святом. а также в Книге с Плоского Острова, приводится виса № 39, которая содержит обращение к слушательнице и кеннинг женщины *липа соколиной земли* т. е. *липа* РУКИ. Очевидно, он и послужил основой для конъектуры со «Скёгуль насеста ястреба». Кроме того, скальд в висе № 39 говорит в первом хельминге, что «мало кто становится красив от ран», эти слова, возможно, послужили основой для 4-й строки 40-й висы «мало кто думает о мне раненом». Композиция обеих вис почти однотипна: первые строчки строятся как ответ на вопрос, почему «ты так бледен», а уточнение ответа — «я получил тяжкие раны, железо язвило крепко» приходится на второй хельминг. Поэтому Снорри в «Круге Земном» позволил себе поменять висы 39 и 40 местами, сохранив сцену с лекаркой. Заключительной висой при этом становится № 39. «Сага о Названных Братьях», однако, строится как рассказ о Тормоде, а не об Олаве, поэтому из двух вис рассказчик на последнее место поставил более выигрышную, связанную с легендой об угадывании последнего слова. Эта легенда завершает не только сцену, но и всю сагу.

Рассказчик саги в Книге с Плоского Острова стремился согласовать свой текст с текстом известных ему королевских саг и сохранил обе висы, при том в редакциях, совпадающими с редакциями королевских саг. Рассказчик саги в Хауковой Книге мог просто выбросить вису № 39, так как она была слишком похожа на финальную и замедляла темп повествования. Наиболее вероятно, что в XI в. с именем Тормода уже связывались обе висы, однако не существовало точных рассказов о том, при каких обстоятельствах он их произнес.

Прядь о Тормоде

«Прядь о Тормоде» сохранилась в составе «Старшей» (*Elzta saga*), «Легендарной» (*Helgisaga*) саг об Олаве Святом, а также в «Книге с Плоского Острова» (*1005 fol*). Ее основное содержание — легендарная история знакомства Тормода с Олавом Святым, а также пребывание Тормода в Дании при дворе Кнута Могучего.

Поведение Тормода в пряди вполне соответствует образу гордого и независимого человека, который рисует «Сага о Названных Братьях». В то же время биография Тормода излагается в «Пряди» иначе, чем в саге. В частности, в саге ничего не говорится о поездке Тормода в Данию.

Прядь содержит пять дротткветтных вис, две из которых представлены в «Саге о Названных Братьях». Особенно интересны две начальные висы, где скальд выражает недовольство скупостью конунга и требует положенную награду. Древность вис не вызывает сомнений. Не исключено, что они восходят к ранним версиям «Саги о Названных Братьях». Другая возможность состоит в том, что висы бытовали в устной скальдической традиции, связанной с именем Тормода; на основе этой традиции в начале XIII в. мог возникнуть и прозаический текст пряди (такая датировка вытекает из времени создания «Легендарной Саги об Олаве»),

которая затем была частично согласована с получившей широкую известность «Сагой о Названных Братьях».

На русский язык памятник переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: Íslensk Fornrit, VI. Vestfirðingasögur. Reykjavík, 1943. Útg. Björn K. Þorólfsson og Guðni Jónsson).

Примечания

[1] *Торарин Славослов* — исландский скальд родом с Западных Фьордов, известен как скальд Кнута Могучего. По смерти Олава Святого в. 1030 г, Торарин, однако сочинил флокк и о нем. В исландских источниках рассказывается о том, что ранее, когда Торарин сочинил о Кнуте флокк, а не драпу, конунг сильно разгневался, и Торарину пришлось срочно переделывать свое произведение в драпу, которая получила название «Выкуп Головы». Этот эпизод, несомненно, и имеет в виду Тормод, когда напоминает Кнуту о том, что Торарин мог *лишиться головы* при его дворе.

[2] *Тут Тормод дает согласие, идет в дружину Кнута конунга…* В перечне скальдов Кнута, тем не менее, Тормод не значится.

[3] Имя *Харек* не датское, а скорее норвежское. Бросается в глаза, что отрицательный персонаж носит то же имя, что и *Харек с острова Тьотта*, один из главных врагов Олава Святого, и вместе с тем, союзник Кнута Могучего.

[4] *Полоз* — вид змей. *Кладезь полоза* — ЗОЛОТО. *Марка* — мера веса и денежная мера, поэтому *марка макрели* — это тоже ЗОЛОТО. *Макрель* (морская рыба), как и полоз, служат хейти мифологического ЗМЕЯ или ДРАКОНА, который является хранителем золота, лежит на нем. *Моритель мрази* — кеннинг КОНУНГА, в данном случае, Кнута Могучего; *мразью* в висе называются преступники, изгои общества, а функция конунга — защищать страну, искореняя, т. е. *моря* преступников.

[5] *Глад орла глушивший* — КОНУНГ, т. е. в данном случае, Кнут Могучий; убивая врагов, конунг обеспечивает орла пищей. *Уголья болот* — ЗОЛОТО.

[6] Скандинавский обычай *освобождать пристань* связан с признанием социального превосходства того, кому уступают. Соответственно, конфликты, о которых идет речь в саговой литературе, связаны с ситуациями, когда стороны равны по статусу (ср. инцидент между конунгами Магнусом Добрым и Харальдом Суровым, описанный в «Круге Земном»), или не желают уступать, не выяснив с кем имеют дело. Именно так и ведет себя Тормод в «Пряди», который еще не убедился, что перед ним действительно сам конунг, в то время как его товарищи попросту не хотят связываться с явно превосходящими силами.

[7] *Тормод бежит вдоль борта к помосту на корме судна* На скандинавских кораблях было принято делать возвышение у обоих штевней; с высокого места было легче защищаться. Можно вспомнить эпизод смерти Торгейра сына Хавара в «Саге о Названных Братьях», который обороняется, стоя на корме своего судна.

[8] *Финн сын Арни* — сподвижник Олава Святого. Впоследствии получил звание ярла.

[9] *Ратоборец* — здесь: конунг Олав. *Лыжа лужи* — это кеннинг КОРАБЛЯ. При выступлении в поход было принято вывешивать *по борту* корабля щиты гребцов. Неясно, имеет ли эта деталь бытовое, или символическое значение.

[10] «*Своим поступком ты явно показал, что не станешь держаться за жизнь, если тебе удастся попасть, куда ты хочешь*» — этими словами конунга Олава завершается текст пряди в «Старшей» и «Легендарной» сагах, которые добавляют еще одну фразу «*и он берет Тормода к себе*» (имеется в виду — принимает к себе на службу).

[11] *Ведь ты, по-моему, совсем еще молод* Утверждение о том, что Тормод кажется «*молодым*» звучит странно, поскольку в висе, непосредственно отвечающей на данную реплику конунга, скальд говорит, что ему исполнилось тридцать лет. Тормод родился около 998 г., к моменту Битвы при Стикластадире ему было 32 года — примерно столько же, сколько самому конунгу.

[12] *Шесть вестников ненастья стали не стало*…т. е. не стало шести людей, убитых Тормодом, который *не ховался в схватках*, т. е. не избегал столновений. *Вестник ненастья стали* — МУЖ (двойной кеннинг); *ненастье стали* — БИТВА, *вестник битвы* — МУЖ. Число людей, погибших от руки Тормода и упомянутых в «Саге о Названных Братьях», значительно превышает шесть, поэтому остается неясным, в какой период сочинена виса, если она вообще правильно асоциируется с его именем.

[13] *Такой человек, как ты, вполне подходит для того, чтобы ездить по моим поручениям*. Данная формулировка соответствует положению *гостя* конунга. В «Саге о Названных Братьях», однако, недвусмысленно сказано, что Тормод, как и его названный брат Торгейр, был дружинником Олава Святого.

[14] В данной висе Тормод как бы предлагает конунгу Олаву заключить контракт с ним, при этом оговариваются обязанности сторон: свита конунга обязана сохранять присутствие духа, т. е. *не утратить кладезь воли*, в то время как сам конунг должен *привечать* свиту *каждым своим словом*. Самого себя скальд рекомендует как человека, чьи родичи не утруждали себя службой вождям, однако вполне этого достойны по своему образу жизни. Неясно, какие именно *свои труды* имеет в виду Тормод: активное участие в распрях, искусство скальда, хлопоты бонда?

[15] Последняя виса «Пряди» известна также по «Саге о Названных Братьях». Там она также приводится в сцене первого очного знакомства Тормода с конунгом Олавом. Фраза конунга *твои стихи очень занятны*, скорее всего призвана подчеркнуть сложный синтаксис висы в оригинале (в переводе он несколько сглажен): до того, как произнесено последнее слово каждого четверостишия, смысл того, что хочет сказать скальд, остается для слушателя загадкой.

О Тораринe Дерзком

«Прядь о Тораринe Дерзком» содержится в одной из редакций (рукопись AM 162 C fol.) «Саги о людях со Светлого Озера». Конец пряди не сохранился. Перевод сделан по изданию: Íslensk Fornrit, X. Bindi. Reykjavík, 1940.

Прядь повествует о событиях, о которых рассказывается в «Саге о Названных Братьях», однако в отличие от саги, она опирается не на традицию Западных Фьордов, а на местные предания Островного Фьорда. Этим объясняется то, что в пряди выпячивается роль уроженцев этих мест, а упоминания самих названных братьев — Торгейра и Тормода, равно как и их покровителя Торгильса сына Ари скудны и грешат неточностями. Вместе с тем рассказчик «Пряди о Торарине» был знаком с «Сагой о Названных Братьях»; лучше всего это видно из того, что он повторяет ошибку рассказчика саги о числе жертв Торгейра. Можно полагать, что «Прядь о Торарине» была записана в середине XIII в.

Примечания

[1] *…всего он убил четырнадцать человек* — явная описка вместо «XIII», прокравшаяся в текст «Пряди» из «Саги о Названных Братьях». В свою очередь, цифра «13» в прозаическом тексте саги возникла в результате недоразумения: в действительности, в стихах Тормода сказано, что Торгейр убил 13 человек за свою жизнь, а в последней схватке — двоих, именно — Мара с Ториром.

[2] *…велика мощь владыки* — по-видимому, сентенция, клише.

[3] *…но не доводилось слышать, чтобы убийцы так поступали* — тем не менее, в сагах содержатся указания, что головы врагов клали в соль, ср. «Сагу о Греттире», гл. LXXXIV.

[4] *и мы бы, конечно, хотели, чтобы это было сделано руками обреченного* — данная реплика конунга выполняет двойную нагрузку: во-первых, она служит указанием для его подчиненных, во-вторых, является речевым действием — проклятьем, адресованным Торарину.

[5] Пять марок *весового серебра* были относительно небольшой суммой. Предлагая её за голову Торарина Дерзкого богатому человеку — Эйольву Хромому — конунг Олав дает понять, что главным мотивом Эйольва должна быть не корысть, а обязательства перед конунгом. С другой стороны, снабжая Эйольва деньгами, конунг проявляет к нему уважение, ведь Эйольву для выполнения поручения предстоит нанять убийцу.

[6] *…и вместе с ними мою дружбу* — эта фраза конунга Олава означает, что, поручая своему дружиннику Эйольву убить врага, конунг вручает ему для этого свою удачу. Именно так это и понимает сам Эйольв, когда он отвечает посланнику конунга, что намерен управиться при помощи *«удачи конунга»*.

[7] *Грейп* — то же лицо, которое в «Саге о Названных Братьях» названо *Гримом*. (Догадка Бенедихта Свейнссона — IF VI, 257). Либо здесь произошла порча текста, либо *Грейп* является не именем, а прозвищем.

[8] Ругательство *мерзейший из рабов* по отношению к Грейпу, видимо, было оправдано: скорее всего, он был наемным убийцей. Выражение *Пса работа*, которое Тормод употребляет, говоря о деяниях Грейпа в Исландии в висе № 28 «Саги о Названных Братьях», недвусмысленно указывает, что помимо убийства Торарина Дерзкого, за Гримом-Грейпом числилось еще что-то.

[9] Конец пряди допускает два варианта — либо раб стакнулся с Эйольвом после ссоры с хозяином, либо нарочно вызвал Торарина на ссору, будучи подкуплен заранее.

Пряди о названных Братьях

Три пряди о Названных братьях Торгейре и Тормоде — об убийстве Торви Посоха, об убийстве пастуха и о собирании дягиля — сохранились только в составе пространной версии «Саги о Названных Братьях», представленной в «Книге с Плоского Острова» (*F*). В других редакциях «Саги о Названных Братьях» нет ни самих прядей, ни упоминания об эпизодах, которым они посвящены. Остается неясным, были ли пряди в протографе саги. В то же время их связь с устной традицией представляется бесспорной: в двух случаях рассказ подкрепляется ссылкой на топонимы, известные в тех округах, где развертывается действие. Историческая достоверность сообщаемого не может быть твердо установлена. В «Драпе о Торгейре» Тормод не упоминает об убийствах Торви Посоха и пастуха с Крутой Горы, о которых рассказывается в первых двух прядях. Вместе с тем, эти убийства внешне немотивированы, а их жертвы — люди низкого звания; таким образом, данные эпизоды даже с натяжкой не могут быть причислены к подвигам, которые стоит перечислять в поминальной драпе. Гораздо более интересно то обстоятельство, что данные пряди отражают массовые представления исландцев XI—XIII вв. о характере главных героев саги. Даже если знаменитый эпизод с собиранием дягиля (третья прядь) является легендой, он наилучшим образом иллюстрирует образ Торгейра сына Хавара.

Особую проблему составляет соотношение между прядями и другими саговыми текстами. В третьей пряди упоминается о пребывании Названных Братьев вместе с Греттиром сыном Асмунда; об этом эпизоде более подробно рассказывается в поздно записанной «Саге о Греттире» (гл. L—LI). Большинство комментаторов полагает, что «Книга с Плоского Острова» пересказывает здесь эту сагу. Однако не менее вероятно, что «Сага о Греттире» предлагает здесь литературную обработку если не письменного текста ранней версии «Саги о Названных Братьях», то устного предания, послужившего источником пряди. Так или иначе, между «Сагой о Греттире» и «Сагой о Названных Братьях» в редакции «Книги с Плоского Острова» (*F*) обнаруживается определенный параллелизм. Так, «Сага о Греттире» упоминает о том, что Торгейр убил Торви Посоха (гл. XXVII), из версий «Саги о Названных Братьях» об этом сообщает только *F* (см. первую прядь).

Пряди переводятся на русский язык впервые. Перевод сделан по изданию Íslensk Fornrit VI и сверен с изданием.

Кроме данных трех эпизодов, в редакции *F* есть еще один отсутствующий в других версиях эпизод, который можно считать прядью — рассказ о схватке Тормода с управителем Каром в Гренландии. Однако он не обладает достаточной композиционной цельностью, чтобы его можно было извлечь из контекста связного повествования.

Примечания

[1] *Торгейр и Тормод остались на лето на Косе* — действие данного эпизода начинается летом 1013 г., после убийства Торгисля сына Мара, о котором рассказывалось в саге раньше.

[2] *Иллуги Черный* — описка рассказчика. Из контекста ясно, что имеется в виду родной брат Торгисля сына Ари и двоюродный брат самого Торгейра *Иллуги сын Ари*.

[3] *Торстейн сын Кугги* — хёвдинг из Брейдафьорда, в 1013 г. вел тяжбу по убийству Торгисля сына Мара и добился объявления Торгейра вне закона. Об этом рассказывается как в «Саге о Названных Братьях» (гл. 7), так и в «Саге о Греттире» — гл. 27.

[4] *...подъезжают к реке, которая зовется Стремнина...* Комментаторы установили, что реки с таким названием нет. Рядом с бродом, по которому переправляется Торгейр, есть утес под названием Стремнина (Drífandi). Скорее всего, название Стремнина (Drífandi) в древнюю эпоху относилось именно к реке, и лишь впоследствии было перенесено на соседний утес.

[5] *Тормод повернул своего коня вспять.* Указание, что ссора между побратимами произошла посередине реки, имеет символическое значение. Читатель может сам убедиться, что весь эпизод ссоры изложен значительно более эмоционально, но в то же время, и менее конкретно, чем в тексте основной редакции «Саги о Названных Братьях» (*M*).

[6] Топоним *Посошный Ручей* действительно локализуется в данной округе, неподалеку от хутора на Маровом Болоте.

[7] Вторая прядь является непосредственным продолжением эпизода с убийствами, совершаемыми Торгейром по пути к кораблю. Рассказчик прослеживает путь героя от хутора Дымных Холмов до Разлива в Медвежачьем Фьорде, где стоит корабль, на котором ему предстоит отплыть. Вначале Торгейр проезжает Фьорд Гильса, где, согласно первой пряди, происходит его размолвка с Тормодом, затем спускается на юг в Долины, где сначала убивает Торви Посоха (первая прядь), затем убивает Бьярни и Скува в Собачьей Долине (об этом рассказывается в основном тексте саги), затем поворачивает на восток к озеру Разлив и на подходе к месту назначения убивает пастуха (вторая прядь).

[8] Хутор *Крутая Гора* находится в Долине Северной Реки. В устье этой реки, согласно саге, была устроена корабельная пристань, к которой спешил Торгейр.

[9] *Торгейр отъехал немного вперед... Затем хутор проезжали братья Торгильс и Иллуги* Внимательный читатель обратит внимание, что первое убийство на пути к кораблю Торгейр совершает, отстав от своего отряда, Скува с Бьярни он убивает, когда едет вровень со всеми, а в сцене последнего убийства он уже едет впереди отряда.

[10] Действие третьей пряди приурочено к эпизоду, когда Торгейр и Тормод вновь встречаются после размолвки, и Торгейр просит Тормода позаботиться о

кузнеце Веглаге: эпизод приблизительно локализуется 1020 г. Место действия — то же, что в начале первой пряди — т. н. *Общинные земли* или *Коса. Угловой Мыс* расположен на северо-восточной оконечности четверти Западных Фьордов.

[11] *Дягиль* (*Angelica archangelica*) ценился, по-видимому, как лекарственное растение. Неясно, зачем героям понадобилось собирать его на обрывистых скалах Углового Мыса. В настоящее время дягиль в этом месте не растет.

[12] *Однажды зимой на Дымных Холмах гостили Торгейр, Тормод и Греттир Силач сын Асмунда*… Об этом эпизоде рассказывается в «Саге о Греттире»: если он вообще имел место, то должен был случиться раньше — в 1016—1017 гг.

[13] *Торгисля как-то спросили у Скалы Закона на альтинге* — в версии «Саги о Греттире» Торгисля расспрашивает законоговоритель Скафти.

[14] *Греттир боится темноты* — в «Саге о Греттире» этот мотив играет важную композиционную роль: после схватки с привидением Греттира мучают ночные кошмары, и он не может оставаться ночью один.

[15] *Тормод боится бога*… Данная черта, пожалуй, мотивирована только тем, что Тормоду посчастливилось пасть в битве вместе с конунгом Олавом Святым, дружинником которого он был. Поведение Тормода в саге не дает никаких оснований подозревать его в религиозном рвении.

Сага о сыновьях Дроплауг

Полный текст «Саги о сыновьях Дроплауг» сохранился в составе «Мёдрувёлльской Книги», записанной в середине XIV в. Эта редакция лежит в основе всех изданий саги, и наш перевод сделан с нее. Кроме того, сохранился фрагмент AM 162 C fol., содержащий конец 3-й и всю 4-ю главу. Лист был сильно поврежден; тем не менее текст был успешно прочитан и издан Кр. Колундом в журнале Arkiv for Nordisk Filologi за 1886 г. Литературные достоинства мёдрувелльской редакции (M) и фрагмента AM 162 C fol., и их относительная древность оценивались по разному.

Еще в 1847 г. К. Гисласон высказал мнение, что текст фрагмента ближе к протографу саги. Кр. Колунд, напротив, полагал, что редакция M архаичнее и проще, в то время как стиль фрагмента (по его мнению, более зрелый) несет черты позднейшей литературной обработки. Впоследствии были замечены дословные совпадения между текстом фрагмента и 278-й главой редакцией «Книги о Заселении Земли», составленной лагманом Стурлой Тордарсоном, что подтвердило правоту К. Гисласона: записывая в 1279—1280 гг. раздел о Восточной Исландии, Стурла должен был иметь перед глазами текст «Саги о сыновьях Дроплауг». Как справедливо подчеркивает редактор тома в издании Íslensk Fornrit, Йоун Йоуханнессон, M представляет собой сокращенную и ретушированную версию более раннего текста, близкого или идентичного тому, которым располагал Стурла в конце XIII в.: Й. Йоуханнессон приводит многочисленные примеры того, как рассказчик M стремился преодолеть монотонность версии своего предшественника, уст-

раняя синтаксические и лексические повторы и убирая второстепенную информацию. Если судить по дошедшему до нас фрагменту, текст, с которым ему пришлось работать, не отличался особой изысканностью и был не везде ясен. Тем не менее плод литературной правки оказался небезупречен, и недовольство Кр. Колунда можно понять: переводя периоды речи своего предшественника в гладкие фразы, рассказчик М, человек из другой округи, не стесняясь, менял прямую речь на косвенную и выбрасывал лишние (с его точки зрения) детали, а кое-где и целые эпизоды, смысл которых был для него темен. Тем самым он нарушил ритм сагового повествования и кое-где превратил сагу в сухой пересказ, в котором поступки и речи героев выглядят немотивированными.

Если сопоставление и датировка версий «Саги о сыновьях Дроплауг» — в основном проблема техническая, то вопрос об устном субстрате саги носит принципиальный характер. «Сага о сыновьях Дроплауг» уникальна на фоне родовых саг тем, что она сообщает имя своего рассказчика — в последней главе говорится, что сагу поведал правнук Грима Дроплаугарсона, некто Торвальд Ингъяльдссон. Ссылка на источник информации, разумеется, не означает, что Торвальд *записал* сагу: уровень грамотности исландцев в середине XII в. делает это крайне маловероятным. Тем не менее важно, была ли сага Торвальда развернутым эпическим повествованием, или, как думает большинство исландских исследователей, *жизнеописанием* (ævi), т. е. перечнем основных деяний героя, с указанием его потомков и предков: несколько подобных текстов дошло до нас. Вопрос этот вряд ли можно считать решенным и по сей день. Независимо от того, насколько полно устная сага отразилась в рассказе Торвальда, преемственность традиции подтверждается существованием коротких текстов, («Сага о Гуннаре», «Прядь о Быке-Крестоносце»), композиция которых понятна лишь в том случае, если они служат дополнением к саге о распре сыновей Дроплауг с Хельги сыном Асбьёрна, равно как и стихами ранее упоминавшего Хаука сына Вальдис, посвятившего этой распре три строфы.

С учетом сказанного об историческом тождестве текста, установить абсолютную хронологию «Саги о сыновьях Дроплауг» при помощи историко-филологических методов представляется невозможным. Авторы недавнего трехтомного издания саг Svart á Hvítu, вышедшего в 1987 г. в Исландии, останавливаются на 1279—1280 гг., т. е. на времени, начиная с которого прослеживается протограф, искаженный редактором М. Тем не менее такая датировка ничуть не лучше той, которую предлагает сама сага, ссылаясь на то, что около 1135 г. ее поведал прямой потомок Грима. Косвенные соображения — соотношение с «Сагой о Гуннаре Убийце Тидранди», записанной в середине XIII в., побуждают считать, что текст сопоставимого объема с дошедшей до нас версией, мог быть записан ранее — в первой половине XIII в.

Шесть дротткветтных вис, сохранившихся в составе «Саги о сыновьях Дроплауг», производят впечатление инородной вставки; тем не менее доказано, что они, во всяком случае, не принадлежат последнему переписчику саги, поскольку прозаический комментарий плохо согласуется с содержанием вис. Для некоторых вис обнаружены конкретные прототипы — например, датируемая 1187 г. виса скальда

Блакка в «Саге о Сверрире». Скорее всего, добавление скальдических стихов было одним из следствий литературной переработки с целью приблизить «Сагу о сыновьях Дроплауг» к стандартам классических саг Западной Четверти.

Примечания

[1] *они были сыновьями Тидранди* — отца братьев Кетиля и Атли звали *Торир Тидранди, т. е. Торир Глухарь.*

[2] *Конунгахелла* — город в Вике (Норвегия). Действие саги начинается в районе 930 года, когда Исландия была уже частично заселена.

[3] *Ямталанд* (совр. Ёмтланд) — область на границе Швеции и Норвегии. Была заселена норвежскими колонистами. Из Конунгахеллы, где высадился Кетиль, в Ямталанд можно проехать лишь посуху, однако сага не лжет, говоря о том, что братья хозяина могли *«приплыть домой»*. Они, в самом деле, могли зайти в Тронхеймсфьорд: оттуда недалеко до горных долин Ямталанда.

[4] *Кетиль Раумарикский* — предок нескольких видных первопоселенцев. Он упоминается, в «Саге о Людях из Озерной Долины», в «Саге о Людях с Песчаного Берега» и в «Книге о Заселении Земли».

[5] *Южные Острова* — это Гебридские Острова, а *Овечьи Острова* — это Фарёрские Острова.

[6] *...после гибели Трюггви.* Трюггви, вероятно,— Сигтрюгг сын Харальда Прекрасноволосого. Рассказы о его гибели не сохранились, но, по-видимому, они были достаточно известны во времена рассказчика. Не исключено, что дата гибели Трюггви была внесена в анналы либо в какие-то ученые трактаты.

[7] *...туда приплыл Вэторм со всеми своими братьями. Вэторм Рёгнвальдссон* известен по Книге о Заселении Земли, но имена его родичей в разных текстах варьируют; Книга о Заселении Земли называет в числе участников похода на Гебриды *сына* Вэторма *Хольмфаста Вэтормссона* и его племянника *Грима*. *Арнейд*, дочь гебридского ярла, досталась Хольмфасту, а жена ярла — Гриму. *Готтхорм* и *Ормар* из других источников неизвестны.

[8] *вместе с моей матерью — ее зовут Сигрид*; есть основания полагать, что рассказчик ошибается; согласно Книге о Заселении Земли вдову гебридского ярла звали *Алов дочь Торда Гагача*. Характерное имя *Сигрид*, как думают комментаторы, заимствовано из какой-то «лживой», т. е. романтической саги — неслучайно тем же именем названа сестра апокрифического *Финнгейра*, с которым Гриму сыну Дроплауг предстоит встретиться в Норвегии.

[9] *Ради нашей дружбы ты получишь ее за пол-сотни серебра.* Полсотни серебра за рабыню — дорогая цена. Вира за свободного человека в Исландии составляла сотню.

[10] *Затем Кетиль заплатил за кошт Арнейд, чтобы она не работала* — в «Книге о Заселении Земли», гл. 278, эпизод излагается чуть иначе: *Кетиль Гром заплатил за Арнейд вдвое дороже первоначальной цены Вэторма.*

[11] *к западу от озера, которое зовется Плёс* — имеется в виду озеро Лагарфльоут. Далее сага будет называть его просто *озером*, а соответствующая долина называется далее *Речной Долиной* (Fljótsdalshérað).

[12] *Кетиль покупает годорд...* Утверждение о *продаже* годорда другому лицу само по себе не является невероятным; такая практика, по-видимому, существовала в Исландии XI—XII вв. Однако в данном случае есть основания предполагать, что рассказчик модернизировал ситуацию — до 930 г. института годордов вообще не было; таким образом, Кетиль, скорее всего, *получил* годорд, а не выкупил его.

[13] *Берси Умник.* В саге упоминаются двое жителей округи с таким именем, и рассказчик мог решить, что это одно лицо. На самом деле *Берси сын Эцура и Берси сын Эвара* (*Хавара*) — разные люди, хотя и родственники (двоюродные братья).

[14] *Эгиль был женат, и у него была единственная дочь по имени Ингибьёрг.* По-видимому, это домысел рассказчика: в генеалогиях упоминается также сын данного Эгиля, по имени Олав. Возможно, слово *единственная* было добавлено переписчиком с цель внести большее разнообразие в генеалогические перечни.

[15] *О Халле с Побережья* больше всего рассказывается в «Саге о Ньяле», а также в «Пряди о Тидранди».

[16] *Гейтир сын Лютинга* — герой «Саги о Людях из Оружейного Фьорда».

[17] *к Торвальду отошел Двор Арнейд, а Кетиль получил годорд* — младший сын нередко оставался жить на хуторе отца, так как к моменту вступления в наследство старший сын уже мог отделиться. Компенсацией за переезд старшему сыну, Кетилю, служит звание годи.

[18] Отец Дроплауг в пряди о Быке-Крестоносце назван не *Торгримом*, а просто *Гримом*.

[19] Женское имя *Дроплауг* является редким. Сохранилось свидетельство о том, что именем Дроплауг могли называть секиру.

[20] Топонимы *Оддов Двор*, *Крестовый Залив* и редкие имена *Дроплауг* и *Гейтир* дали повод для выдержанной в духе легенды «Пряди о Быке-Крестоносце».

[21] *Храфнкель сын Торира* и *Хельги сын Асбьёрна* — внуки Храфнкеля Годи Фрейра, главного героя одноименной саги. По «Саге о сыновьях Дроплауг» получается, что Храфнкель был моложе, несмотря на то, что его отец Торир был старше Асбьёрна, отца Хельги. Власть годи также перешла к Хельги. Видимо, поэтому в одном из списков Храфнкель младший назван не двоюродным братом, а племянником Хельги сына Асбьёрна: по представлению рассказчика, между ними должна была быть заметная разница в возрасте.

[22] Далее в саге сообщается, что Торкатла, жена Хьярранди, была незаконной дочерью Хельги сына Асбьёрна. Очевидно, Хьярранди был менее родовитым человеком, чем Эцур с Кряжа и Бьёрн Белый, которые были женаты на законных дочерях Хельги сына Асбьёрна.

[23] О *Бьярни сыне Шип-Хельги* и его сестре *Тордис* рассказывается также в «Саге о Гуннаре Убийце Тидранди».

[24] *…ловить куропаток* — Рассказчик «Саги о Людях из Речной Долины», представляющей собой позднюю компиляцию, предпочел понять эту реплику Хельги буквально и описал, как ловко сыновья Дроплауг ловили куропаток.

[25] *хочу послать вас в Крестовый Залив к Гейтиру* — явный анахронизм: в Крестовом Заливе тогда должен быть жить не Гейтир (ум. 987 г.), а его сын *Торкель*.

[26] *и обошли его посолонь* — по языческим поверьям, движение по ходу солнца было враждебно богам, и Берси, как владелец капища, ставит это сыновьям Дроплауг на вид. «Сага о Людях из Речной Долины» приписывает Хельги сознательное пренебрежение языческим ритуалом, о чем едва ли может идти речь: напротив, подчеркивается, что мальчики опознали капище, лишь обойдя его. Любопытно, что рассказчик этой саги называет Берси Умника «воспитателем Хельги». Из текста самой «Саги о сыновьях Дроплауг» это никак нельзя вывести.

[27] *вызволили его и затем поплыли в Исландию* — дальше, однако, говорится что Эйндриди сын Халльстейна уже умер к тому времени, когда его братья достигли Ирландии.

[28] *Хольмстейн* — это сын *Берси сына Эцура*, который ранее был назван Берси Умником. Хольмстейн имеет причины враждовать с Хельги сыном Асбьёрна, так как Хельги после смерти своей первой жены Дроплауг, сестры Хольмстейна, спешно переехал в другую округу и быстро женился снова.

[29] *и объявил все тяжбы Хельги утратившими силу, поскольку он посадил Ана Шута судьей*. Взяточничество и подкуп судьи были тяжкими преступлениями, поэтому получение взятки было формальным основанием для отрешения Хельги от годорда. Дополнительным мотивом могла служить некомпетентность Ана в законах и репутация несолидного человека — ср. его прозвище *Шут*.

[30] *Торд воспитывал ребенка Хельги сына Асбьёрна и скота у него было вдоволь*. Современный читатель может понять эту фразу так, что скота у Торда было много, потому что Хельги поддерживал Торда, нянчившего его ребенка, материально. На самом деле связь здесь обратная: богатым люди низкого происхождения хёвдинги охотно отдавали детей на воспитание, иногда — при условии, что они завещают свое имущество воспитаннику, ср. «Сагу о Курином Торире», гл. II и «Сагу о Людях из Лососьей долины», гл. XVI. У скандинавов считалось, что тот, кто воспитывает чужого ребенка, признает себя менее знатным, чем отец ребенка, ср. рассказ об отправке в Англию маленького Хакона, сына Харальда Прекрасноволосого — «Сага о Харальде Прекрасноволосом», гл. XXXVIII и «Сагу о Людях из Лососьей Долины», гл. XXVII.

[31] *мало, мол, ему толку от того, что он воспитывает ребенка Хельги сына Асбьёрна, если он еще должен тут что-то платить* — Наглость Торда объясняется верой в могущество его патрона, Хельги сына Асбъёрна: Торд искренне убежден, что союз с Хельги ставит его выше законного права.

[32] *Цена коровы* — крупная мера, соответствующая 72 *законным* либо 96 *дерюжным* эйрирам. Эйрир — денежная мера, равная отрезу материи в шесть локтей;. Вира, которую должен был выплатить Торд, составляла 486 эйриров.

[33] *Свейнунг сын Торира с Переправы* — то же лицо, что *Свейнки* из «Саги о Гуннаре Убийце Тидранди».

[34] Формулировка *Убит по законному праву* (veginn um sanna sök) предполагает, что вина убитого уже доказана. Здесь против Бьёрна только выдвинут иск, однако Хельги важно сразу объявить, что убитый ранее сам поставил себя вне закона. Основанием для такого поведения Хельги служит то, что Бьёрн, будучи застигнутым на месте преступления, отказался платить виру.

[35] *Надругательство над мертвецом* — одно из тягчайших преступлений, соответственно, ложное обвинение в надругательстве само дает повод для иска.

[36] *Объявление вне закона*, т. е. полное поражение гражданских прав, было бессрочным и не допускало выезда из страны. Изгнание из страны предполагало обретение всех прав по истечении срока. Кроме того, приговор мог включать запрещение жить либо проезжать по определенной территории, где ответчик считается вне закона (за исключением тех случаев, когда ответчик оказывается в запретной зоне не по своей воле — отнесен морем, застигнут бурей и т.п.).

[37] *Тяжба о прелюбодеянии* обращена против уже убитого Бьёрна, причем ее возбуждает убивший его Хельги сын Дроплауг.

[38] Подробнее всего судебная процедура описывается в «Саге о Ньяле» в гл. CXLI—CXLV, а также в «Саге о Союзниках». Сперва стороны и суд должны изучить правомерность возбуждения тяжбы (выслушать *отводы*), и лишь затем иск рассматривался по существу.

[39] Не исключено, что Хельги сын Дроплауг и Свейнунг нарочно отвезли труп Бьёрна на островок, где тело легко может быть смыто морем, чтобы подстроить Хельги сыну Асбьёрна ловушку.

[40] *кольцо жертвенника* — клятву приносили, кладя руку на посвященное богам кольцо; такая клятва называлась *кольцевой* (baugeiðr)

[41] *хотел объявить Бьёрна вне закона* — перед нами редкий случай, когда истец стремится объявить вне закона покойника.

[42] *Сто эйриров* — см. выше примечание 32.

[43] *Раннвейг* обратилась к Хельги сыну Дроплауг за помощью для того, чтобы он и его спутники были свидетелями объявления развода, и чтобы ее муж Торгрим не смог этому помешать.

[44] *Мыс Тингов* — типовое для Исландии название. Тот Мыс Тингов, о котором идет речь в тексте, расположен на побережье неподалеку от устья реки Лагарфльоут; развалины землянок сохранились до нашего времени.

[45] *я надеюсь накрыть камнями твой труп при той встрече* — тело убитого должно было быть накрыто землей и камнями сразу же, ср. примечание к гл. 7. Таким образом, угроза Хельги сына Дроплауга является юридически ненаказуемой.

[46] *Флоси со Свиной Горы, сын Торда* — исландский хёвдинг, один из главных героев «Саги о Ньяле». Дело об объявлении ранее убитого лица вне закона аналогично случаю с убийством Бьёрна.

[47] Согласно исландским анналам *Арнор сын Эрнольва из Леса* был убит Флоси и его братьями в 997 г.

[48] На пути к Раннвейг Хельги сын Дроплауг оказывается вынужден ехать именно через те места, где он был объявлен вне закона.

[49] *Хельги с Водоворота* сага позже назовет *Хельги Тощим*.

[50] *Торкеля, брата Торарина с Овечьего Фьорда*, сага далее называет *Торкелем Черным Скальдом*.

[51] *затем он почесал щеку* — зуд, который испытывает Хельги, служит предвестником раны.

[52] Сон Хельги сына Дроплауг имеет многочисленные литературные параллели. Ближайшие из них — сон Гисли сына Торгаута в «Саге о Битве на Пустоши» и сон Стурлы сына Сигхвата перед битвой при Эрлюгстадире в «Саге об Исландцах», написанной Стурлой Тордарсоном.

[53] *Торд Стервятник*. По-видимому, рассказчик ошибается. Прозвищем Стервятник ранее был наделен не лазутчик Торд сын Игуля, а норвежец Сигурд.

[54] *Хьярранди* был женат на побочной дочери Хельги сына Асбьёрна. Об этом сообщалось в первоначальной версии саги, однако позднейший редактор выбросил упоминание об этом из начальных глав.

[55] *Постель с засовом*, т. е. каморка с отдельным входом, упоминается во многих сагах. Обычно хозяева спали в главном помещении, горнице (skáli, eldaskáli) ближе к очагу, а домочадцы спали на полатях, т. е. ближе к выходу. *Отхожие места* стояли вне дома.

[56] *Хильд* — валькирия; *жажда Хильд* — БИТВА, заточка жажды ХИЛЬД — МЕЧ (двойной кеннинг). *Холопы ходки Мейти* — ВОИНЫ (двойной кеннинг). *Мейти* — морской конунг, *ходка Мейти* — БИТВА, *холопы битвы* — ВОИНЫ. Формула *я мерно пью медвяный вереск* означает просто «я ясно произношу скальдические стихи». Метафора поэзии как *мёда* является для скальдов традиционной.

[57] О *Глуме* и *Торкеле Журавле* из других источников ничего не известно. Не исключено, впрочем, что это те же лица, что *Грим и Гуннстейн из Крестового Залива*, которые сражались вместе с сыновьями Дроплауг в Эйвиндовой Долине. В этом случае мы имеем дело с порчей текста при переписке.

[58] *Глум ...заплёл скотине в хлеву хвосты ...* — загадочное действие, имевшее какой-то ритуальный смысл — искажение нормального уклада жизни в доме врага? Эта деталь известна также из «Саги о Гисли» (сцена убийства Торгрима). Неясно, которая из саг послужила образцом для другой.

[59] В «Саге о Гисли», где герой также убивает своего врага на супружеском ложе, он кладет руку на жену врага, и реплика «*отчего твоя рука так холодна*» приписывается ей.

[60] Ранее работник *Арнодд* был назван *Арнором*. Неясно, описка ли это, или два варианта одного имени.

[61] *Пусти, я шел мстить за Хельги* — реплика Грима, обращенная к схватившему его слепому силачу, намеренно двусмысленна: Грим имеет в виду «мстить **за смерть Хельги сына Дроплауг**», а Арнодд воспринимает фразу как призыв мстить **за покушение на его хозяина Хельги сына Асбьёрна**. Тем самым, Гриму удается избежать прямой лжи.

[62] *Сквалыжные скалы сот* — враги Грима. Слово *соты* (ценность) служит поэтическим синонимом золота. *Ньёрд быка пучины* — двойной кеннинг МУЖА. *Ньёрд* — один из асов; *бык пучины* — КОРАБЛЬ, *Ньёрд корабля* — МУЖ, по контексту — слушатель висы Грима. Однако сага уверяет, что виса сказана в ответ на вопрос Йорунн, жены Торкеля. *С гор вокруг Разлива* — с гор вокруг озера Лагарфльоут. Клише *начинает нынче ветер дуть иначе* встречается в скальдической поэзии еще несколько раз. Его смысл прозрачен: удача переменилась, наше дело пошло на лад, противник несет урон.

[63] *Склока слов гадючьих* — кеннинг БИТВЫ. *Растратчик мыта* и *радость врана* — кеннинги, относящиеся к Хельги сыну Асбьёрна.

[64] Рассказчик саги небрежно разместил висы, вложенные в уста Грима, вследствие чего содержание вис сплошь и рядом противоречит прозаическому комментарию. Так, виса № 2 предполагает, что ее адресатом является мужчина, на что указывает кеннинг *Ньёрд коня пучины*. Между тем, сага уверяет, что виса сказана в ответ на вопрос Йорунн, жены Торкеля. Висы №№ 4—5 сообщают не об убийстве Хельги сына Асбьёрна, а о последней схватке Хельги сына Дроплауг. Наконец, если висы Грима с рассказом о своем подвиге действительно образуют единый цикл, их порядок должен был быть иным: № 2 — № 6 — № 3 или № 3 — № 6 — № 2.

[65] Эта и следующая виса, вопреки ошибочному прозаическому комментарию, сообщает не об убийстве Хельги сына Асбъёрна, а о гибели Хельги сына Дроплауг. *Ньёрд жерди* — Хьярранди, основной противник Хельги сына Дроплауг в битве в Эйвиндовой Долине. Особенность висы в том, что в ней прямо упоминаются действия не людей, но их оружия. *Волк*, т. е. *враг шелома* — МЕЧ. *Тролль протока трупов* — двойной кеннинг КОПЬЯ; проток трупов — КРОВЬ, Тролль крови — КОПЬЕ. В саге в гл. XI выше прямо говорилось о том, что Хельги сын Дроплауг тяжело ранил Хьярранди в ногу мечом, а затем был убит Эцуром с Кряжа, который пронзил Хельги копьем.

[66] Данная виса также сообщает не об убийстве Хельги сына Асбъёрна, а о гибели Хельги сына Дроплауг; в саге выше рассказывалось о том, что тот перед смертью нанес троим из нападавших — Хьярранди, Торду сыну Игуля и самому Хельги сыну Асбьёрна — тяжелые раны. *Ворона ходатай* — Хельги сын Дроплауг. *Скёгуль* — валькирия; *свара Скёгуль* — БИТВА.

[67] Данная виса непосредственно описывает успешное покушение Грима сына Дроплауг на Хельги сына Асбъёрна. *Погонщик судна* — Грим сын Дроплауг, он же далее назван *заклинателем клиньев* (т. е. клинков), остужающим оружие в теле жертвы — *клена клада*. Меч, которым совершено убийство, назван *чуркой ран*.

[68] *Торкель Мудрейший*, сын Кетиля Грома, приходился Гриму сыну Дроплауг двоюродным братом. Его альянс с гонителями Грима вызван тем, что его унизил покровитель сыновей Дроплауг Торкель сын Гейтира, о чем рассказывается в «Саге о Гуннаре Убийце Тидранди», гл. III.

[69] *Гуннар Норвежец* — имеется в виду *Гуннар Убийца Тидранди*, которого в свое время спас Хельги сын Асбьёрна. В одном из списков норвежский друг Хельги сына Асбьёрна назван *Сигурдом*, что также вполне объяснимо — одного из гостей Хельги звали *Сигурд Стервятник*.

[70] Имена типа *Финнгейр/Сигрид/Фридгерд*, скорее всего, коренятся в романтической саге, откуда взята стандартная схема: благородный чужеземец выручает хозяина, выходя на поединок с викингом. Эта схема эксплуатируется в норвежских приключениях многих героев родовых саг («Сага об Эгиле» «Сага о Глуме» «Сага о Людях из Озерной Долины» и т. д.). Так, Эгиль сын Скаллагрима спасает в Норвегии жизнь некому *Фридгейру*, сестру которого зовут *Сигрид*.

[71] *Умение затуплять лезвие* так часто упоминается потому, что местные клинки были плохого качества, отсюда техника боя с двумя мечами. Однако читателю лучше понять сагу буквально: Гауса и его шайку оружие не брало оттого, что они были берсерками.

[72] Свидетельства о том, что в начале XI века исландец, попавший в Норвегию, мог быть соборован перед смертью, встречаются в разных сагах, например, в «Саге о Гуннлауге», гл. XVIII. Неясно, достоверны ли они.

[73] *Гевьюн* — имя одной из богинь. В качестве личного имени больше нигде не встречается. Редкое имя *Гаус* тоже является отголоском язычества — оно родственно имени *Гаут*, распространенному обозначению Одина у скальдов.

[74] О *Хёскульде сыне Торгейра Годи* больше всего рассказывается в «Саге о Людях со Светлого Озера».

[75] Перед нами уникальный случай, когда рассказчик родовой саги известен по имени. *Торвальд сын Ингъяльда* мог жить около 1135 г. Впрочем, высказывалось мнение, что в приведенной генеалогии пропущено минимум одно поколение. Даже если это так, ссылка на Торвальда Ингъяльдссона не означает, что он *записал* сагу. Дошедшая до нас полная версия, как указано выше во вступительной статье, была записана в первой половине XIV века.

[76] Битва в *Эйвиндовой Долине*, где погиб Хельги сын Дроплауг, согласно анналам, произошла в 998 г.

Сага о Торстейне Белом

«Сага о Торстейне Белом» относится к кругу саг о хёвдингах Северо-Восточной Исландии. Ее действие разворачивается в начале и середине X в., т. е. в эпоху, предшествующую периоду, о котором сохранились наиболее подробные рассказы. События жизни героев освещаются выборочно; отчасти это вызвано скудо-

стью источников информации, но главным образом тем, что в первой половине X в. в Восточной Исландии почти не было крупных распрей. Тем не менее, предания о конфликтах, переделе сфер влияния и внутренних миграциях передавались в устной форме достаточно долго, о чем можно судить по записанной в XIII в. «Книге о Заселении Земли». На основе этих преданий и возникла «Сага о Торстейне Белом». По существу, она посвящена одному памятному эпизоду — гибели хёвдинга Торгильса, отца Шип-Хельги, главного героя «Саги о Людях из Оружейного Фьорда»: кульминацией саги служит окончание распри и примирение отца Торгильса — Торстейна Белого — с Торстейном Красивым сыном Торфинна.

Для датировки саги существенно соотношение ее текста с показаниями «Книги о Заселении Земли». С одной стороны, «Сага о Торстейне Белом» содержит ряд деталей и целых эпизодов, отсутствующих в «Книге о Заселении Земли». С другой стороны, установлено, что «Книга о Заселении Земли» заслуживает большего доверия в качестве исторического источника, в то время как рассказчик «Саги о Торстейне Белом» склонен модернизировать реалии X в. Высказывалось также мнение (Йоун Йоуханнессон), что в ряде мест произвольные толкования рассказчика возникли как конъектуры к пассажам «Книги о Заселении Земли». Однако доказать, что данные конъектуры имелись уже в протографе, а не были внесены переписчиками, трудно; последние тоже могли пытаться согласовать текст саги с книжной традицией.

В научной литературе высказывались диаметрально противоположные мнения о времени создания саги. Финнюр Йоунссон относил «Сагу о Торстейне Белом» к наиболее раннему слою родовых саг. Напротив, Йоун Йоуханнесон, редактор саги в авторитетном издании Íslensk Fornrit, приходит к выводу о несамостоятельности саги и заключает, что она не могла быть записана ранее конца XIII в. С такой датировкой соглашаются и редакторы недавнего издания Svart á Hvítu. Между тем, аргументация Й. Йоуханнессона противоречива, поскольку он сам признает, что «Сага о Торстейне Белом» содержит ряд сведений, которые не могли быть почерпнуты из ее предполагаемых книжных источников. По-видимому, мнение комментаторов о вторичности саги зиждется лишь на допущении о том, что предмет «Саги о Торстейне Белом» целиком сформировался на основе различных конъектур к именам собственным и биографическим сведениям, рассыпанным в сагах большего объема, иными словами, на вере в то, что данная сага впервые сложилась в единое целое лишь в результате работы пера. Последнее неправдоподобно уже потому, что сведения о древних распрях X—XI вв., каталогизированные в «Книге о Заселении Земли», сами основываются на устных преданиях. К тому же дошедшие до нас списки «Саги о Торстейне Белом» явно возникли в результате сокращения, а не раздувания протографа, и содержат вероятные отсылки к устной традиции (см. ниже в примечаниях к тексту).

Композиция и манера изложения «Саги о Торстейне Белом» явно предполагает, что слушатель уже знаком с сагой, подробно повествующей о жителях данных мест — «Сагой о Людях из Оружейного Фьорда»; события последней в тексте не дублируются, за исключением финального эпизода, но и он излагается «Сагой о

Торстейне Белом» несколько иначе. Есть основания думать, что сага сложилась именно в качестве добавления к начальному разделу «Саги о Людях из Оружейного Фьорда», и что объем саги в устной традиции был изначально ограничен одним — двумя эпизодами. В процессе записи возникла потребность согласовать изложение с ранее записанными памятниками; в текст саги были вставлены генеалогии и топографические сведения. В отдельных случаях это повлекло за собой фактические ошибки — как показал Йоун Йоуханнессон, рассказчик не везде верно представлял себе реалии X в. — так, он заставляет первопоселенца «*покупать себе годорд*», хотя до 930 г. института годордов в Исландии, скорее всего, еще не было. Подобные анахронизмы наглядно подтверждают, что переход от дописьменной саги к записи письменной версии без трансформации текста невозможен: преемственность традиции поддерживалась не механической передачей бытовых деталей, а осмыслением сообщаемой сюжетной информации в меру индивидуальной подготовленности рассказчика.

У саги достаточно нетипичные главные герои; ее ключевыми фигурами оказываются не воины по преимуществу, но люди, по своему характеру миролюбивые — старый хёвдинг Торстейн Белый и его тезка, удачливый купец Торстейн Красивый: оба они, по замыслу рассказчика, воплощают в себе черты традиционного идеала «доброго мужа». Способность обоих героев оценить противника по достоинству и положить конец разделяющей их распре подтверждает масштаб их личности. Напротив носители «сюжетного зла» — дурные советчики, подстрекатели и агрессоры — осуждаются за то, что в современных терминах стоило бы назвать социальным конформизмом: характерно, что платой за убийство не вызывающего никакого сочувствия негодяя Эйнара оказывается гибель трех достойных людей и поломанная жизнь трех семей.

Рассказчика «Саги о Торстейне Белом» можно назвать неплохим стилистом: он не удивляет слушателя новизной своих выражений, но тактично и к месту применяет испытанный набор характеристик и повествовательных клише. Композиция саги выглядит естественной и стройной; прямая речь используется нечасто, но она прибережена для обоих ключевых эпизодов — сцены убийства Эйнара и встречи Торстейна Красивого с Торстейном Белым. Возможно, впрочем, что в протографе доля прямой речи была выше, и что последующие писцы заменяли ее на косвенную в процессе сокращения текста.

Сага сохранилась в составе двух рукописей XVII в. — AM 156 to и AM 496 fol. Расхождения между текстом саги в этих рукописях сравнительно невелики, что косвенно подтверждает предположение о том, что оба списка «Саги о Торстейне Белом» были сделаны с одного и того же пергаментного кодекса XIV—XV вв. Рукопись AM 496 fol. была записана около 1639 г., рукопись AM 156 to датируется концом XVII в. Она записана рукой хорошо известного писца — пастора Йоуна Эрлендссона — и содержит меньшее количество ошибок.

Симпатии издателей саги разделились между редакциями 56 и 496 примерно поровну. Сага была впервые издана еще в 1848 г. в Копенгагене: редактор — Гюннлёйгюр Оддсон — следовал списку Am 144 fol, сделанному с AM 156 to. Он же перевел сагу на датский язык. Напротив, Якоб Якобсен, издавший саги Вос-

точных Фьордов в Копенгагене в 1902—1903 гг., предпочел редакцию AM 496 fol. Тексту, изданному Якобсеном, следовал Гвюдни Йоунссон в издании Íslendinagasögur. Íslendingasangaútgáfan (Рейкьявик 1947). В 1951 г. при подготовке тома серии Íslensk Fornrit Йоун Йоуханнессон вернулся к тексту AM 156 to; до этого также поступил редактор первого исландского издания Валдимар Аусмюндарсон (Рейкьявик, 1902).

Сага переводилась на английский, датский и немецкий языки. На русский язык сага переводится впервые. Для настоящего издания перевод сделан с издания Íslensk Fornrit, XI.

Примечания

[1] *Жил человек по имени Эльвир Белый* — генеалогия Эльвира Белого сына Освальда излагается в исландских памятниках с небольшими вариациями. В «Книге о Заселении Земли» лендрманн *Бычий Торир* назван отцом Освальда, а *Хрольв Пешеход* пропущен.

[2] Имя *Хрольв Пешеход* носило по меньшей мере трое знатных норвежцев IX в. Наиболее известен завоеватель Нормандии *Хрольв сын Рёгнвальда* (*в старофранцузской традиции* — *Ролло*). По преданию, прозвище Пешеход он получил потому, что ни одна лошадь не могла его вынести.

Существует также легендарная сага о *Хрольве Пешеходе сыне Стурлауга*. Наконец, реальность упоминаемого «Сагой о Торстейне Белом» *Хрольва Пешехода сына Бычьего Торира*, подтверждается «Сагой о Людях из Лососьей Долине», где он назван отцом Кадлин, бабки Освивра Мудрого.

[3] *Ярл Хакон* — имеется в виду союзник Харальда Прекрасноволосого *ярл Хакон сын Грьотгарда*.

[4] Торстейн первоначально селится не на побережье, а в долине Суннудаль, поскольку лучшие угодья уже были заняты прибывшими до него. Однако утверждение, будто *Вся земля была в Исландии уже занята* к приезду Торстейна основана на недоразумении; в начале X в. это было не так. Возможно, что данная фраза появилась при переписи саги, и рассказчик сделал неверное обобщение на основе содержавшихся в предыдущих версиях указаний о том, что *вся земля в Оружейном Фьорде* была уже заселена к приезду Торстейна.

[5] *Эйвинд* — первопоселенец *Эйвинд Оружейник*, в честь которого назван Оружейный Фьорд. Источники расходятся в том, кто продал Торстейну землю. «Книга о Заселении земли» называет самого Эйвинда Оружейника, но саговая традиция («Сага о людях из Оружейного Фьорда» и «Сага о Торстейне Белом») заставляет Торстейна иметь дело с его племянником Стейнбьёрном Крепышом. Возможно, такая замена объясняется с тем, что хронология событий в сознании рассказчика оказалась несколько сдвинута и он отнес приезд Торстейна к более поздней эпохе, чем в действительности.

[6] *Торстейн покупает годорд* — вероятный анахронизм. Считается, что до 930 г. в Исландии вообще не было института годордов. В Восточной четверти было учре-

ждено девять годордов. Аналогичный анахронизм представлен в «Саге о сыновьях Дроплауг». Неясно, имеем ли мы дело с независимыми конъектурами, или же с заимствованием одной из саг.

[7] *Атли* — это знатный поселенец *Атли Каша*, брат *Кетиля Грома*, о котором рассказывается в начале «Саги о сыновьях Дроплауг».

[8] Обращает на себя внимание, что Торстейн Белый делает своим преемником не старших сыновей, а своего третьего сына Торгильса. Такая практика соответствует принципу минората — хутор наследует младший из сыновей.

[9] *Торфинн жил на Дворе Скегги. Был у него другой хутор*. В «Книге о Заселении Земли» о Торфинне сказано, что *он первым жил на Дворе Скегги*. Рассказчик саги неверно понял эти слова и счел, что персонаж впоследствии сменил местожительство.

[10] Братьев Торстейна Красивого звали *Хедин и Торкель*. Имя *Эйнар* проникло в текст саги по аналогии с именем Эйнара сына Торира.

[11] После слов … *Эйнар заводит с отцом беседу* … сразу следует реплика Торстейна Красивого. Такой скачок показывает, что в процессе переписи саги был опущен целый абзац, повествующей о реакции отца Эйнара на предложение заключить союз с Торстейном. По-видимому, в нем описывалось, как отец Эйнара уговаривает Торстейна подружиться с его сыном.

[12] *Там же при свидетелях их обручили* … — конъектура издателей. В оригинале это предложение имеет грамматически правильный, но неудобочитаемый вид: «были *они* свидетели помолвки Торстейна». Скорее всего, порча текста произошла при его сокращении, и в протографе уточнялось, кто именно был свидетелем помолвки.

[13] Слово *цынга* (skyrbjúgr) в древнеисландском языке латинского происхождения (< scorbutus). Комментаторы саги полагают, что оно служило собирательным обозначением для целого ряда не связанных друг с другом болезней: маловероятно, чтобы Торстейн при нормальном питании на берегу лежал с цынгой всю зиму.

[14] *Хижина* (sel) — имеется в виду постройка, которая стояла возле летнего выгона. Как правило, такие дома не были рассчитаны на зимовку.

[15] Совет Торбьёрна *вырыть глубокую яму* неправдоподобен — очевидно, что если братья Торстейна не успевали бежать с хутора, у них не было времени вырыть глубокий окоп. Таким образом, и здесь следует предполагать порчу текста: единственно разумное толкование ситуации получается, если считать, что подпол в сенях *уже был*.

[16] *Торбьёрн потом рассказывал, что пытался задержать его разговором, но тот ничего не слушал*. Ссылка на рассказ «доброго бонда» Торбъёрна важна для исландской аудитории потому, что он в данной ситуации является главным и непредвзятым свидетелем событий, поскольку дружит как с родичами преследуемых, так и родичами преследователей. Рассказчик смотрит здесь на события глазами Торбъёрна, т. е. глазами человека, которому нет нужды опускаться до передержек в угоду одной из сторон. Напротив, рассказ участника погони Храни Золотая Шапка оце-

нивается чуть далее протагонистом рассказчика Торстейном Белым как пристрастный, т. е. *жалкий* (в другом списке саги сказано еще сильнее — *гнусный*). Тем самым, система ценностей рассказчика письменной саги обнаруживает здесь глубокое сродство с истоками устной традиции: только версия Торбьёрна, а не Храни имела право пережить свое время и остаться в памяти общества.

[17] *Торгильсу... было тогда тридцать лет* — это указание плохо подтверждается внутренней хронологией самой саги; ранее говорилось, что Торгильсу к моменту женитьбы было «около 20 лет» (т. е., скорее всего, 18—19), а его сын Хельги остался сиротой в три года.

[18] *Торстейн ... примкнул к вождям* — имеется в виду: «ходил в походы вместе со скандинавскими вождями или с викингами.»

[19] *Хельги... сейчас восемнадцать лет* ... И эта деталь говорит о небрежном отношении рассказчика к точной хронологии событий: согласно изложению, получается, что Хельги было восемь лет, когда Торстейн Красивый переехал на хутор в Капище; поскольку Торстейн провел там восемь лет, то Хельги к моменту его отъезда должно было быть *шестнадцать*, а не восемнадцать лет.

[20] Эпизод с наречением прозвища Шип-Хельги (Brodd-Helgi), составляющий последнюю главу «Саги о Торстейне Белом», в сокращенном виде излагается также в «Саге о Людях из Оружейного Фьорда» и в «Книге о Заселении Земли». Этот небольшой эпизод содержит богатую информацию этнокультурного свойства.

[21] *Шипы* для зимней обуви — широко распространенная в древней Скандинавии приспособление; для хождения по льду на ботинки надевалась платформа с шипами — «кошками»; кожаные ботинки были мягкими, поэтому толстая жесткая платформа была технически необходима. Именно ее целиком (а не только железные шипы), Хельги мог «*нацепить на лоб быку*». По этой причине версия «Саги о Торстейне Белом» выглядит предпочтительней по сравнению с текстом «Саги о Людях из Оружейного Фьорда», где говорится только об *одном шипе*.

[22] *Хуторской бык забодал чужака до смерти*... Данная деталь в «Саге о Людях из Оружейного Фьорда» отсутствует.

[23] Основной функцией древнескандинавских прозвищ была идентификация его носителя в широком социальном контексте. Однако наречение прозвища (*удлинение имени*) могло иметь и ритуальный смысл, о чем как будто свидетельствует мнение рассказчика, будто «*в древние времена верили, что два имени полезнее для здоровья*». Обращает на себя внимание, что рассказчик говорит о двух именах, а не о прозвищах; возможно, речь идет не о прозвищах вообще, но о расширении имени препозитивным компонентом. Поэтому переводчик предпочел передать особенность случая формой *Шип-Хельги*, а не *Хельги Шип*.

Комментарий о целебной силе «*двух имен*» отсутствует в «Саге о Людях из Оружейного Фьорда», но он есть в «Книге о Заселении Земли». Отсюда Йоун Йоуханнессон делает вывод о том, что «Сага о Торстейне Белом» пользуется здесь материалом «Книги о Заселении Земли». Однако, поскольку из всех трех версий эпизода именно «Сага о Торстейне Белом» дает наиболее подробное и достоверное в

бытовом отношении описание ситуации наречения прозвища, более вероятно, что оба памятника непосредственно воспроизводят содержание устного предания.

[24] *Торстейн Белый прожил еще один год с той поры, как они с Торстейном Красивым расстались…* В других памятниках говорится, что Торстейн Белый прожил на хуторе Капище в общей сложности шестьдесят лет.

[25] Перед словами … *Гейтира и Халлькатлы* в обеих списках саги оставлена лакуна. По структуре фрагмента естественно предположить, что там говорилось: *X и Y были детьми Гейтира и Халлькатлы.*

Сага о Гуннаре Убийце Тидранди

В некоторых изданиях сага называется также «Прядью о Гуннаре Убийце Тидранди» (Gunnars þáttr Þiðrandabana) или «Прядью о людях из залива Ньёрда» (Njarðvíkinga þáttr). Однако сама себя она называет Gunnars saga Þiðrandabana т. е. именно «Сагой о Гуннаре Убийце Тидранди», и мы предпочли это название сохранить.

«Сага о Гуннаре Убийце Тидранди» — в некотором смысле явление переходное. По манере изложения — это типичная сага: действие разворачивается в Исландии, имена норвежских конунгов даже не упоминаются. В то же время, заглавный герой — норвежец, что для родовых саг необычно. Предмет саги составляет даже не столько распря как таковая, сколько последствия одного эпизода, который воплощается в прозвище Гуннара. Действующие лица подробно не характеризуются, но основные вехи их биографии без труда восстанавливаются по более крупным текстам. Знакомство с этими текстами, в первую очередь, с «Сагой о Сыновьях Дроплауг», несомненно, предполагалось рассказчиком «Саги о Гуннаре», и именно потому в его тексте нет ни генеалогий, ни вводных характеристик. Тем самым, ориентация на широкий круг саг отчасти сближает «Сагу о Гуннаре Убийце Тидранди» с «Прядями об Исландцах», играющими роль вставок, посвященных памятным эпизодам.

Действие саги происходит в 1006—1008 гг., и большинство ее персонажей хорошо известно по другим источникам. В «Саге о Людях из Лососьей Долины» заключительный эпизод «Саги о Гуннаре» изложен даже несколько более подробно, но предыстория Гуннара там не рассказывается, причем рассказчик «Саги о Людях из Лососьей Долины» говорит, что ее можно узнать из *Саги о людях из Залива Ньёрда*. Отсюда ряд комментаторов заключает, что «Сага о Людях из Залива Ньёрда» — другое название «Саги о Гуннаре Убийце Тидранди», и что ее текст существовал в письменном виде к моменту записи «Саги о Людях из Лососьей Долины». Однако этот вывод филологически некорректен, поскольку ссылка рассказчика одной саги на *события* другой саги не дает однозначных сведений о форме существования последней — рукопись или устная сага?

Композиция и состав «Саги о Гуннаре» указывают на то, что эта сага является самостоятельным источником сведений о событиях X—XI вв., т. е. в той или иной

мере восходит к местной устной традиции. Кроме того, вероятно, что рассказ о Гуннаре с самого начала был предметом отдельной саги небольшого объема и не контаминировался с другими сагами и прядями. Этот вывод подтверждается двумя наблюдениями:

1) События доступной нам «Саги о Гуннаре» не полностью дублируются другими сагами.

2) Когда речь идет о событиях, известным по разным источникам, версия «Саги о Гуннаре» не всегда с ними согласуется.

Вместе с тем, такие свойства дошедшей до нас версии, как отсутствие развернутых генеалогий и краткость характеристик, скорее всего, свидетельствуют о том, что «Сага о Гуннаре Убийце Тидранди» была записана позже цикла более пространных саг Восточной Четверти, образующих ее исторический фон.

С учетом сказанного, наиболее вероятное время записи саги — середина XIII в., точнее 1220—1250 гг., период после записи «Саги о сыновьях Дроплауг», но до начала записи третьей волны саг и прядей Восточного Побережья (последняя треть XIII в.).

Сага сохранилась в двух списках (AM 156 и AM 496), сделанных в XVII в. с ныне утраченного кодекса не моложе XIV в.

На русский язык сага переводится впервые. Для настоящего издания перевод сделан с издания Íslendinagasögur. Íslendingasangaútgáfan и сверен с изданием Íslensk Fornrit, XI.

Примечания

[1] *Кетиль Гром*, с имени которого начинается данная сага — внук того Кетиля Грома, имя которого открывает «Сагу о сыновьях Дроплауг».

[2] *Торкель сын Кетиля* — тот же персонаж, которого «Сага о сыновьях Дроплауг» называет Торкелем Мудрейшим. Перечень сыновей Кетиля Грома здесь неполон: «Сага о Ньяле» упоминает еще и Торвальда, убитого на альтинге в 1012 г. (гл. CVLV). Таким образом, рассказчик «Саги о Гуннаре Убийце Тидранди» называет по имени только тех лиц, которые являются персонажами его саги.

[3] Имя *Корек* встречается редко. По-видимому, оно возникло как прозвище и значит «Волопас».

[4] *Бонд* — свободный хозяин и земельный собственник с правом наследования.

[5] Исландцы века саг чаще всего встречались на тингах, торгах, сходках и на *играх* — в мяч, конских боях и т.п., а также на *пирах* (главным образом осенью и зимой).

[6] Дарение в средневековой Скандинавии предполагало ответный подарок. В данном случае Бьёрн, добиваясь от Тидранди нематериальной компенсации, дает понять, что считает Тидранди своим патроном.

[7] Анахронизм. *Шип-Хельги сын Торира* погиб за тридцать лет до описываемых событий. В это время главой рода был его сын Бьярни, который и действует в данной саге.

[8] Работники обычно нанимались на год: хозяин должен был содержать работника за свой счет и обеспечивать ему правовую и фактическую защиту, а работник должен был выполнять положенную ему работу и сопровождать хозяина в поездках на тинг. Можно было наниматься и на одно полугодие.

[9] Асбьёрн «сидел» на чужой земле, т. е. был арендатором. Арендаторы, как правило, были вольноотпущенниками.

[10] Товары обычно продавали в кредит, и покупатель вносил задаток. В условленное время, иногда через несколько месяцев, продавец выезжал за недоимками.

[11] Позиция Кетиля противозаконна, так как он уже нанял работника и несет ответственность за все его проступки.

[12] «Вызывать» на тинг, т. е. предъявлять иск, нужно было по месту жительства и при свидетелях, поэтому Бьёрн и Торир, как истцы, не могут ехать одни.

[13] В начале XI в. деревья в Исландии еще не были сведены: высота их могла достигать 5—6 метров.

[14] То, что Кетиль не чувствует жара, сидя у огня, для рассказчика является одним из проявлений его обреченности. Напротив, в поздней компиляции («Сага о людях из Речной Долины»), где пересказывается этот же эпизод, поведение Кетиля трактуется просто как патологическое состояние. Это говорит об упадке саговой традиции в XIV—XV вв.

[15] Старший брат Тидранди, *Торкель сын Гейтира*, был могущественным хёвдингом; этот факт рассказчик считает заранее известным аудитории, поэтому фигура Торкеля специально не представляется.

[16] Если труп врага оставляли под открытым небом, это приравнивалось к надругательству над телом и давало повод для иска.

[17] В «Саге о сыновьях Дроплауг» то же лицо названо *Свейнунгом*: *Свейнки* — это уменьшительная форма. В той же саге Свейнунг-Свейнки действует как союзник Хельги сына Дроплауг, двоюродного брата Торкеля и Тидранди. Таким образом, между версиями «Саги о сыновьях Дроплауг» и «Саги о Гуннаре Убийце Тидранди» нет полного согласия, тем более, что далее, если верить «Саге о Гуннаре», Свейнки посылает Гуннара к Хельги сыну Асбьёрна, заклятому врагу Хельги сына Дроплауг. Это не обязательно свидетельствует о недостоверности одной из саг: между временем их действия — интервал в 15—20 лет, и за это время Свейнки вполне мог перейти из годорда Торкеля в годорд Хельги сына Асбьёрна, что разрешалось законом — см. «Сагу о Ньяле», гл.

[18] Хельги сын Дроплауг не мог принимать участие в облаве на Гуннара в 1007 г., так как он погиб за девять лет до этого.

[19] Торкель имеет двойное право искать Гуннара в доме Свейнки: во-первых, он исполняет решение тинга (местный тинг должен был состояться осенью, а облава на Гуннара происходит зимой), во-вторых, он предводитель округи. Свейнки строит свою защиту на том, что подозрение в укрывательстве наносит ему оскорбление, и он вправе выдвинуть встречный иск о нанесении ему ущерба.

[20] На маленьком хуторе могла быть и одна дверь, но на хуторах богатых бондов их всегда было несколько, ср. далее описание жилища Хельги сына Асбьёрна.

[21] *Убить без правовых последствий* (vega um sanna sök, букв. «на законных основаниях») можно было лишь того, кто застигнут на месте преступления, а также объявленного вне закона, например, Гуннара. Свейнки можно было бы убить, если бы Гуннара обнаружили, либо если б он сам признался в укрывательстве.

[22] *Хельги сын Асбьёрна* — это внук Храфнкеля Годи Фрейра, главного героя «Саги о Храфнкеле». Хельги поселился на Узком Мысу, чтобы быть в большей безопасности от Грима сына Дроплауг и Торкеля сына Гейтира, о чем рассказывается в «Саге о сыновьях Дроплауг».

[23] *Тордис дочь Шип-Хельги* была второй женой Хельги сына Асбьёрна, а ее брат *Бъярни* в это время действовал заодно с Торкелем. О Бьярни много рассказывается в «Саге о Ньяле» и «Саге о Торстейне Битом», а об их отношениях с Торкелем — в «Саге о людях из Оружейного Фьорда».

[24] Для древнего скандинава «дружба» (vinátta) — понятие не интимное, а социальное, означающее прежде всего преследование общих интересов, союзничество». Отсюда выражения типа *быть большим другом конунга* (Тора, Христа, датчан, англичан и т.п.)»: наличие общих интересов не предполагало непременного выражения эмоций к своему союзнику. Поэтому рассказчик саги может говорить даже о «дружбе между мужем и женой».

[25] Имеется в виду — на альтинге, так как на местном тинге Гуннара должны были объявить вне закона предыдущей осенью.

[26] В «Саге о людях из Лососьей Долины» эпизод со свадьбой *Торкеля сына Эйольва* изложен несколько иначе: там Торкель не просто требует выслать Гуннара, но сам хочет его убить. Вообще, рассказчик «Саги о Гуннаре» особо не жалует Торкеля.

[27] В «Саге о людях из Лососьей Долины» история с отъездом Гуннара изложена иначе: Торкель сын Эйольва по настоянию своей жены Гудрун дарит Гуннару корабль, а Снорри Годи в этом участия не принимает. В данном случае следует отдать предпочтение версии «Саги о людях из Лососьей Долины»: рассказчики саг Восточной четверти обычно мало интересуются событиями в других частях стран: отсылки к ним часто условны и грешат ошибками.

О Тидранди и Торхалле

Прядь сохранилась в составе «Книги с Плоского Острова». Она помещена в состав «Саги об Олаве сыне Трюггви» и предваряет рассказ о прибытии королевского миссионера Тангбранда в Исландию (995 г.).

Главный персонаж «Пряди» Халль с Побережья — глава известного рода, члены которого фигурируют во многих сагах. Сам Халль был в числе активных сторонников принятия христианства и способствовал его законодательному введе-

нию на альтинге в 999 г., о чем сообщают различные источники, начиная с «Книги об Исландцах» Ари Мудрого (середина XII в.). Автор «Драпы об Исландцах», Хаук сын Вальдис, посвятил Халлю одну вису своей поэмы.

Норвежец Торхалль Ведун из других источников неизвестен, и его фигура мудреца — язычника, предчувствующего закат старой веры, во многом служит повествовательным двойником самого Халля: недаром у них почти идентичные имена. Вдобавок Халль живет на хуторе, который называется *Капище*, а Торхалля прядь помещает в место, которое называется *Освященная земля!* В этих названиях таится глубокий культурный смысл: хёвдинг Халль является *годи*, т. е. содержателем общинного капища с идолами (hof), а прорицатель и колдун Торхалль сам устраивает себе небольшое святилище (hörgr).

Прядь может быть датирована рубежом XIII—XIV вв. В «Саге о Ньяле», окончательно сложившейся к концу XIII в., есть фраза, как будто отсылающая к событиям пряди; *Сыновьями Халля с Побережья были Торстейн, Эгиль, Торвальд, Льот и* ***Тидранди, про которого рассказывают, что его погубили дисы*** (гл. XCVI).

Перевод сделан с издания Íslendinagasögur. Íslendingasangaútgáfan, XIII. и сверен с изданием Íslensk Fornrit, XI.

Примечания

[1] *Дисы* — женские силы плодородия. Им могли ставить капища. Из текста самой пряди неясно, было ли капище, принадлежавшее Халлю, посвящено дисам, или другим божествам. В интерпретации пряди дисы, погубившие Тиндранди, смыкаются, во-первых, с *духами-двойниками* людей, а во вторых — с *норнами.*

[2] *...лучшие дисы* — мотив соперничества сверхъестественных существ за жизнь героя, вероятно, не языческий, а христианский — похожий оттенок имеют видения Гисли Сурссона в «Саге о Гисли» (гл. XXVIII, XXXIII), причем там столкновение сверхъестественных сил обыгрывается дважды: в скальдических стихах и в прозаическом комментарии. По всей видимости, эта параллель не случайна: рассказчик «Саги о Гисли» намекает, что Гисли принял христианство и педалирует тот факт, что враги Гисли прибегли к колдовству. Соответственно, дисы убивают Тидранди за то, что его семейство склонно оставить языческую веру.

Сон Торстейна сына Халля с Побережья

Этот замечательный маленький текст полностью сохранился лишь в бумажных списках XVII в. Начало пряди известно, кроме того, по отрывку AM 564a 4to, представляющему собой фрагмент ныне утраченной компиляции XIVв., известной под названием Vatnshyrna. В этой рукописи «Сон Торстейна» помещен сразу вслед за тремя текстами фантастического плана — «Прядью о Горном жителе», «Прядью об Обитателе кургана», и «Сном Одди Звездочёта». Все четыре пряди содержат скальдические стихи, приписываемые сверхъестественным силам; в трех случаях из четырех стихи произносятся во сне. Несмотря на внешнее сходст-

во, «Сон Торстейна» резко отличается от остальных прядей в этой подборке своим драматическим накалом и высокими литературными достоинствами вис.

Прядь повествует о реальном историческом событии — убийстве исландского хёвдинга Торстейна Халльсона. Стилистика вис, приписываемых норнам, и сопоставление прозаического текста с другими саговыми памятниками дают основание предполагать, что прядь была записана в конце XIII в. Биография заглавного героя известна фрагментарно, а ее факты распределены по трем памятникам — «Саге о Торстейне», «Пряди о Торстейне» и «Сну Торстейна».

Еще в юности Торстейн, третий сын Халля с Побережья, в составе дружины оркнейского ярла Сигурда Толстого сына Хлёдвёра принял участие в знаменитой битве при Клуонтарфе под Дублином (23 апреля 1014 г.), и был взят в плен. Этот эпизод открывает «Сагу о Торстейне» (впрочем, самое начало этой саги утрачено); есть он и в составе «Саги о Ньяле» (гл. CLVII). Только в «Саге о Торстейне» рассказывается о распре Торстейна с его соседом Торхаддом; распря кончается гибелью Торхадда и его сыновей. В единственной висе, посвященной Торстейну Халльсону в составе «Драпы об Исландцах», он характеризуется как именно убийца Торхадда. «Сага о Торстейне» завершается генеалогической справкой, в которой содержатся имена людей, возводящих свой род к Торстейну. Действие «Пряди о Торстейне» разворачивается в Норвегии в 1034—1035 гг. Главный герой к этому времени является дружинником конунга Магнуса Доброго; прядь повествует о конфликте между Торстейном и конунгом. Наконец, «Сон Торстейна» посвящен единственному эпизоду — обстоятельствам убийства Торстейна в Исландии. Можно только гадать, упоминалось ли в утраченной части «Саги о Торстейне» об убийстве заглавного героя, однако размеры лакуны позволяют думать, что об этом не рассказывалось подробно.

Мрачный колорит пряди оттеняется тремя великолепными дротткветтными висами, изобилующими мифологическими аллюзиями и нетрафаретными кеннингами.

Примечания

[1] Хутор *Свиная Гора* (*Свинафетль*) расположен на границе Восточной и Южной Четвертей у подножия ледника Вахтнайокютль. Это место всегда было резиденцией хёвдингов. В начале XI в. там жил герой «Саги о Ньяле» Флоси сын Торда, а в XIII в. усадьбу занимали потомки Сэмунда Мудрого. Неизвестно, кто жил на хуторе около 1055 г., когда разворачивается действие пряди.

[2] *ему явились три женщины* — как и в «Пряди о Тидранди» норны частично контаминируются с духами-двойниками. Встреча с духом-двойником предвещает скорую смерть и символизирует обреченность героя.

[3] *…ты велел оскопить его.* О рабе Гилли и истории его оскопления ничего не известно. По-видимому, раб был пленником Торстейна.

[4] На словах *…сказали они* … обрывается лист фрагмента AM 564a 4to.

[5] В первой висе, которую произносят женщины из сна, обыгрывается миф о валькирии Хильд дочери Хёгни. Хильд была возлюбленной *Хедина*, который по-

гиб от руки ее отца Хёгни и сам сразил его. Однако Хильд воскресила Хедина, и его битва с Хёгни длится вечно, и поэтому *стужа* (т. е. битва) никогда *не уймется*. Имя Хильд и значит «битва». *Герд секиры*, она же *честная жена* — это опять-таки, Хильд, которая грозит погубить героя пряди Торстейна сына Халля. Валькирия должна быть вооружена, и в ее руках находится *кость несчастья*, т. е. МЕЧ. Обращает на себя внимание, что в этой висе Торстейн еще на назван прямо: валькирия сулит невзгоды людям вообще, т. е. *войску меченосцев*.

[6] Во второй висе, произносимой женщинами из сна, обыгрываются мифы о *Бальдре*, сыне Одина, который обречен пасть и отправиться в Хель, т. е. в подземное царство мертвых, а также о самом Одине, который умрет, лишь когда мир погибнет.Только тогда Один воссоединится с Землей; последная, тем самым, есть его *вечная подруга*. Торстейн назван *Бальдром благ ларца* (двойной кеннинг МУЖ); *блага ларца* — кеннинг ЗОЛОТА, а Бальдр золота — МУЖ. *Вечная подруга Двалина удавки* — нестандартный кеннинг Земли: *Двалин* (*карлик*) *удавки*, т. е. веревки, петли — это Один, поскольку Один является богом повешенных, а подруга Одина — Земля. Любопытно, что Торстейн в начале висы назван *мастером приговора*: знание законов является атрибутом МУЖА, поэтому кеннинг можно понять и буквально. Однако здесь, скорее, имеется в виду символический смысл: Торстейн на своем веку вершил чужие судьбы и убивал людей, т. е. *выносил им приговор*. Теперь ему самому предстоит *выслушать приговор*, т. е. пасть насильственной смертью.

[7] *к Магнусу моему сыну* … — Торстейн назвал своего сына Магнусом в честь конунга *Магнуса Доброго*, сына Олава Святого: вероятно, сын Торстейна был одним из первых исландцев, носивших это имя. О смерти Магнуса сына Торстейна Халльссона ничего не известно, но реплика норн *недолго сможем мы при нем быть* указывает на то, что он пережил своего отца ненадолго. Магнус сын Торстейна упоминается, в частности, в «Саге о Торстейне Битом» как дед епископа Магнуса из Скаульхольта (1134—1148 гг.). В том же тексте сообщается, что у Торстейна, кроме Магнуса, был сын по имени *Амунди*.

[8] *Гостья глубоких ран* — кеннинг ОРУЖИЯ, судя по грамматическому ж.р. соответствующего слова в подлиннике — кеннинг секиры. Выражение *гостья* имеет дополнительный подтекст — Торстейну предстоит пасть от руки никому неведомого воина, раба Гилли. *Гребень* — гребень боевого шлема. *Серп небес* — некое зловещее небесное явление (в оригинале употреблен нестандартный кеннинг). Читатель может легко убедиться, что пророчество смерти носит символический, а не бытовой характер: детали убийства во сне и наяву не совпадают — Гилли убъет Торстейна тесаком, а не секирой, на Торстейне не будет никакого шлема и.т.п.

[9] *Ингвильд*, жена Торстейна, была дочерью Бьярни сына Шип-Хельги.

[10] *Большой нож или тесак* (sax), т. е. короткий меч с одним лезвием, был обычным оружием рядовых воинов.

[11] *Кьярваль* (Cearbhall) *Старый* — конунг в Оссори в Южной Ирландии — умер около 887 или 888 г. Прозвище *Старый* нигде больше не упоминается. Возможно, что оно значит просто «относящийся к древним временам». Но не исключено, что

рассказчик располагал какими-то сведениями о Кьярвале и других правителях Ирландии.

Саги о Посошниках

Текст, называющий себя — во множественном числе — «Сагами о Посошниках», по своему содержанию представляет собой рассказ о событиях гражданской войны в Норвегии после смерти конунга Сверрира в 1202 г. и непосредственно примыкает к «Саге о Сверрире». Рассказчик (или рассказчики) «Саг о Посошниках» знал «Сагу о Сверрире», о чем свидетельствует фраза «конунг Сверрир оставил Вик, где, как *было написано ранее*, осаждал крепость». Как и «Сага о Сверрире», «Саги о Посошниках» относятся к числу т. н. саг о недавнем прошлом, записанных по свежим следам событий, о которых они повествуют. Название «саги» а не «сага» о Посошниках достаточно наглядно свидетельствует о точке зрения рассказчика, который в распрях Берестяников и Посошников уделяет основное внимание активным действиям партии епископа Никуласа, а не лидерам Берестяников, стоявшим за номинальными правителями Норвегии. Действие саги распадается на описание походов противоборствующих сторон и целого ряда локальных стычек между мелкими отрядами Берестяников и Посошников; при этом об успешных действиях последних сообщается гораздо чаще. Казалось бы, столь тенденциозная селекция материала указывает на то, что памятник был создан в лагере Посошников, что текстуально подтверждается в завершающем сагу эпизоде — пряди о кузнеце и Одине (гл. 20), где рассказчик ссылается на личный контакт с предводителем Посошников ярлом Филиппусом Симунарсоном. Однако данный эпизод, который есть лишь в одном из списков, судя по всему, является позднейшей вставкой; вообще, расхождения между редакциями «Саг о Посошниках» настолько значительны, что реконструкция протографа саги и первоначальной среды ее бытования оказывается далеко не простой проблемой.

Памятник сохранился в двух версиях, одна из которых существенно длиннее другой. Краткая версия охватывает период с 1202 по 1210 гг... Основное ее содержание исчерпывается эпизодом примирения Посошников и Берестяников в Хвитингсэйяр летом 1208 г.; хронологически наиболее поздний эпизод — отъезд вождя Посошников Хрейдара Посланника из Норвегии — датируется 1210 г. Краткая версия «Саг о Посошниках» известна по двум компиляциям — AM 47 fol («Медная застежка» *Eirspennil*), датируемой приблизительно 1300 г. и AM 81a fol («Поздняя книга из Скаульхольта» *Skálholtsbók yngri*), записанной около 1460 г., а также по фрагменту AM 325 VIII 4to 4a. Полный текст краткой версии дает лишь рукопись *Eirspennil*; текст рукописи *Skálholtsbók yngri* обрывается на событиях 1207 г.

Пространная версия охватывает период с 1202 по 1217 гг. и завершается смертью конунга Берестяников Инги Бардарсона; полностью она сохранилась лишь в переводе на датский язык, сделанным норвежским филологом и собирателем древностей Педером Клауссоном Фрисом (Peder Claussøn Friis) около 1600 г. «Саги о Посошниках», вместе с другими переводами Фриса с древнеисландского язы-

ка, были изданы в 1633 г. датским ученым и просветителем Оле Вормом под сводной рубрикой «Норвежская королевская хроника Снорре Стурлесона (*Snorre Sturlesøns Norske Kongers Chronika*).

Ныне оригинал пространной версии утерян; от нее сохранились лишь отдельные фрагменты, часть которых относится к концу XIII в., а остальные — к концу XIV в. Они были описаны и изданы Хелле Йенсен: [Helle Jensen. «Fragmenter af et kongesagahandskrift fra det 13. århundrede». In: Opuscula 6. Bibliotheca Arnamagnæana 33. København: Reitzel, 24—73.][21]

Первое издание саг о Посошниках было осуществлено в 1813 г. Торлакиусом и Верлауфом (Thorlacius and Werlauff). В основу этого и последующего изданий легла краткая версия.

До недавнего времени «Саги о Посошниках» изучались только как исторический источник, и лишь после выхода недавнего критического издания норвежского исследователя Халльварда Магероя[22] она оказалась в центре филологической дискуссии. Магерой предположил, что пространная редакция памятника старше; она была создана в лагере Берестяников, и позже на ее основе возникла краткая редакциям, принадлежащая Посошникам. До Магероя большинство исследователей, начиная с Финнюра Йоунссона[23] (ср. также работы К. Хелле, и Х. Йенсен) признавали краткую версию первичной, а пространную — вторичной; немалую роль в таком предпочтении сыграла плохая сохранность последней. Из аргументов Магероя, однако, едва ли следует, что между созданием обеих версий мог быть значительный разрыв во времени. Само содержание памятника, приуроченному к тому этапу гражданских войн, когда между Посошниками и Берестяниками в 1210-е гг. был достигнут примерный баланс сил, делает подобное предположение исторически невероятным; как известно, после 1220 г. движение Посошников перестало существовать как самостоятельная политическая сила, а основные их вожди примкнули либо непосредственно к конунгу Берестяников Хакону Хаконарсону, либо к его родичу ярлу Скули. Данный поворот отразился и в историографии Норвегии: все саги, посвященные событиям последующих десятилетий, в том числе наш главный источник — составленная Стурлой Тордарсо-

[21] Все сохранившиеся пергаментные фрагменты «Саг о Посошниках» имеют сводный индекс AM 325 VIII 4to. Как показал Х. Магерой, один из фрагментов — AM 325 VIII 4to 4a (далее — *4a*) является остатком одного из списков краткой версии «Саг о Посошниках», обнаруживающий близость к тексту версий Eirspennil и Skálholtsbók yngri, в то время как прочие фрагменты (*X*, *4b*, *4c*) принадлежат спискам пространной версии «Саг о Посошниках», близким к тому, с которого был сделал перевод Педера Клаусона Фрииса.

[22] [Magerøy, Hallvard. *Soga om birkibeinar og baglar: Böglunga sögur*/ Ed. Hallvard Magerøy, 2 vols, Norsk historisk kjeldeskrift-institutt, Norrøne tekster 5. Oslo: Solum; Norsk historisk kjeldeskriftinstitutt 1988].

[23] См.: [Finnur Jynsson. 1894—1902. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie. 3 vols. København: Gad.].

ном «Сага о Хаконе Старом» — представляют собой произведения, созданные в среде Берестяников, по прямому заказу их правителей, и воплощают официальную точку зрения последних. Таким образом, даже если допустить, что пространная и краткая редакции «Саг о Посошниках» действительно отражают версии противоборствующих сторон, обе версии должны быть причислены к разряду «саг о недавних временах», составленных по свежим следам событий.

Важнейший критический разбор памятника принадлежит Дж. Книрку[24], который, в отличие от Магероя, пришел к заключению, что обе редакции являются древними. Конечный вывод Дж. Книрка, объясняющего расхождения между обеими версиями не ошибками пера и не механическим сокращением/добавлением материала, а различиями в концепции рассказчиков, представляется правдоподобным. Кроме того, Дж. Книрк, на наш взгляд, точнее оценил степень ангажированности обеих версий: если пространная версия действительно содержит ряд мест, в которых можно усмотреть политическую пропаганду Берестяников (прежде всего, развернутые некрологи их вождям и опровержение легенды самозванца Эрлинга Каменная Стена), то изложение краткой версии является более объективированным и не содержит прямых оценок событий и персоналий.

При поверхностном чтении «Саги о Посошниках» производят впечатление конгломерата из слабо связанных эпизодов с большим количеством личных имен (около 160), некоторые из которых упоминаются лишь однажды. Для современного читателя большинство данных имен является мертвым грузом, но для современной саге аудитории они составляли едва ли не самую интересную часть рассказа, помогающую верифицировать события, о которых идет речь. Употребление имен собственных оказывается трамплином, связывающим устную сагу с письменной, или, в иной терминологии, *текст* саги с его *устным субстратом*, munnmæli. Характер употребления имен и прозвищ дает уникальную возможность заглянуть за письменный текст и установить *ранг персонажа* в сознании рассказчика; при этом выделяются ключевые фигуры, которые должны быть известны всей стране (ярлы, епископы и т.п.), предводители отрядов, играющие активную роль в нескольких эпизодах, и, наконец, люди, упоминаемые в составе какого-либо перечня — чаще всего, это перечень павших в некотором сражении. Тем самым, каждому рангу персонажа соответствует некоторый жанр текста — перечень имен собственных (*тула*), короткий эпизод (*прядь*) и наконец, большое связное повествование, посвященное событиям, происходившим в стране во время правления конунга или ярла (*сага*). Сходная система представлена и в «Саге о Сверрире», но в ней уровень связности текста оказывается выше за счет того, что рассказчик ориентируется прежде всего на фигуру конунга и отсеивает лишний материал: метод селекции обосновывается в «Саге о Сверрире» дважды — в главах № 71 и 163, где рассказчик подчеркивает, что он считает нужным освещать *прежде всего те эпизоды, где участвовали сами конунги*. Нетрудно увидеть, что такое условие было для рассказчика (или рассказчиков!) «Саг о Посошников» попросту невыполнимым. Если

---

[24] См.: [Knirk J. The Genetic Relationship between the Two Versions of *Böglunga sögur* // IX International Saga Conference, Akureyri, 1994].

Сверрир, будучи самозванцем, был главным вождем Берестяников и подчинил себе всю Норвегию, то конунги Берестяников и Посошников, не считая Хакона Сверрисона, как правило, были подставными фигурами, служащими ширмой для реальных вождей своих партий. Парадоксальным образом, титулы «ярл» и «конунг» становятся в условиях смутного времени неоднозначными, и в «Сагах о Посошниках» действительно есть места, где вне контекста неясно, о ком именно идет речь. Именно поэтому рассказчик следит в первую очередь за полевыми командирами обеих сторон, отмечая их удачные действия или явные ошибки. При переписывании текста саги о недавнем прошлом, остававшемся для аудитории саги актуальным, у современников, по-видимому, не только не возникало желания устранить тот или иной эпизод, но напротив, имелся стимул *добавить* новый, если у них был самостоятельный источник информации. Именно так поступил писец краткой версии, легшей в основу текста *Eirspennil*, который обнаружил в переписываемом им тексте знакомое ему имя Посошника *Сёрквира Олуха* и решил добавить известный ему эпизод с этим Сёрквиром. Тем самым, имена собственные как бы приглашают слушателя и читателя к продолжению саговой традиции.

Рассказчик (рассказчики) «Саг о Посошниках» обнаруживает основательное знакомство с географией страны, описания населенных пунктов и передвижений являются точными и непротиворечивыми. В то же время нет явных оснований считать его норвежцем, а не исландцем; многие исландцы (а также гебридцы и фарерцы) были непосредственными участниками походов — ср. в этой связи любопытное упоминание о неком Посошнике Кольскегге, родом исландце, убитом при взятии Нидароса в 1206 г. (гл. 11). Кроме того, орфография всех рукописей саги является исландской, а не норвежской. Косвенным подтверждением исландского происхождения рассказчика пространной версии может служить также употребляемый им термин *Seleyjarhaust* «Осень в Сэлей» (Sæløhøsten в переводе Педера Клауссона Фриса), используемый по отношению к периоду, когда войско Берестяников стояло в *Сэлей* осенью 1207 г. и известный только по исландским источникам — «Саге о Хаконе Старом» Стурлы Тордарсона (Seleyjarvetr[25]) и позднейшим анналам.

Фактографичность и монотонность рассказа являются минусом с точки зрения ценителей древнеисландской словесности, но скорее плюсом для историка Норвегии. Автор краткой редакции «Саг о Посошниках» не производит впечатление человека наивного, идеализирующего мотивы действий сторон и не улавливающего подоплеки событий; вместе с тем он не делает особенных обобщений, предоставляя их читателю. Еще в меньшей степени это относится к автору пространной версии, который подробно описывает перипетии политической борьбы как в стане Берестяников, так и в стане Посошников. Вместе с тем его текст несет отпечаток вассальной преданности конунгу Берестяников Инги Бардарсону (1204—1217 гг.), на смерти которого сагописец завершает свое повествование.

В начале XIII в. конфликт Берестяников и их противников, в разные периоды носивших разные названия (*Плащевики*, *Островитяне*, *Кукольщики*, *Посошники*) дав-

[25] «Сага о Хаконе Старом», гл. 7.

но перерос стадию противоборства старой родовой знати и военных выдвиженцев Сверрира. Состав обеих партий был весьма неоднороден, и разные течения в их лагере постоянно давали о себе знать, порой сводя на нет согласованные действия сторон. Одной из главных предпосылок противостояния двух военных группировок в 1200—1220 гг. была экономическая конкуренция между отдельными частями Норвегии. Сверрир и Берестяники опирались прежде всего на север страны — Трёнелаг и Мёре, а начиная с определенного момента, и на среднюю Норвегию — города Берген, Ставангер и фюльки Согна, Хардангра, Агдира и Рогаланда, в то время как оплотом Посошников был юго-восток страны (Вик), включавший такие торговые города как Тунсберг, Осло, Сарпсборг, Конунгахелла. Королевская власть в эту эпоху была слаба и объективно не могла урегулировать данную конкуренцию, не опираясь при этом на элиту той части страны, где была резиденция конунга. Одной из важнейших целей военных кампаний смутного времени поэтому становилось разграбление портовых городов в другой части страны, что позволяло не только обогатиться, но и ослабить базу противника.

Во внутренних районах Норвегии, судя по данным памятника, противостояние было менее острым; так, даже в Уппланде, географически близком к Вику — традиционной сфере влияния Посошников — почти во все времена оставались отряды Берестяников (см. гл. 5). При этом уппландские Посошники и Берестяники, судя по всему, были местными жителями, сумевшими поладить с вождями партий и получить от них те или иные привилегии и титулы. Очевидно, что сосуществование соседей было бы невозможным, если бы между ними постоянно велась война на уничтожение.

Посошники, как и их предшественники Плащевики и Кукольщики, опирались на поддержку датских королей, которые предоставляли им убежище и помогали набрать новое ополчение. Напротив, конунги Берестяников охотно блокировались с шведскими королями и ётскими лагманами — ср. в этой связи династический брак Сверрира с Маргрет, дочерью шведского короля Эрика Святого, а также союз Сесилии, дочери Сигурда Рта, с лагманом Фольквидом.

Военные вожди партий были вынуждены вступать в альянс с виднейшими бондами той части страны, на которую они опирались. Для того, чтобы иметь легитимное прикрытие, набирать ополченцев из числа местных жителей и собирать подати на военные походы и постройку флота, было необходимо заручиться санкцией местных тингов, решение на которых зависело от богатых бондов (ср. споры об избрании предводителей Берестяников в гл. 4 и предводителей Посошников в гл. 14, где главное слово в обоих случаях остается за местной земельной элитой). Бонды, однако, не могли от своего имени собирать подати, поэтому было необходимо избрать себе конунга; в образовавшемся династическом вакууме их место обычно занимали либо самозванцы, либо несовершеннолетние дети самозванцев. Во многих случаях, как показывают «Саги о Посошниках», бонды и военная элита заключали между собой компромисс: бонды давали устраивавшему их кандидату звание конунга, но одновременно давали одному из предводителей войска звание ярла. Так, например, поступили трёнды в 1205 г., которые отказались избрать конунгом выдвиженца дружины Хакона Шального, но согласились дать ему звание

ярла, если конунгом будет избран его малодееспособный сводный брат Инги Бардарсон; тем самым, авторитет и власть военного предводителя заранее ограничивались. Помимо этого, бонды были явно заинтересованы в том, чтобы звание конунга или ярла получил человек, не вполне чуждый их кругу, имеющий родственные связи в данной части страны. Так, упомянутый выше конунг Берестяников Инги Бардарсон по отцовской линии происходил из знатного трёндского рода. Кроме того, его в детстве воспитывал местный епископ: и то, и другое давало возможность бондам влиять на конунга и манипулировать его волей.

Несколько иная комбинация интересов повлияла на избрание конунга Посошников. После смерти самозванца Эрлинга Каменная Стена в 1207 г. был созван Боргартинг (см. гл. 14). Военные вожди Посошников во главе с Хрейдаром настаивали на избрании малолетних детей самозванца, от имени которых они могли править. Местные бонды противились этому и желали иметь такого конунга, который был способен защитить их от произвола полевых командиров. Подходящей кандидатурой оказался местный уроженец Филиппус Симунарсон, который и был избран — благодаря поддержке его дяди, епископа Никуласа Арнорссона; таким образом, и здесь альянс духовенства с верхушкой бондов сыграл существенную роль. Ранее, в 1204 г., епископ Никулас настоял на том, чтобы племянник получил звание ярла.

Социальный состав войска Посошников был неоднороден. После битвы при Норафьорде (1184 г.), где вместе с конунгом Магнусом Эрлингссоном погибла большая часть норвежской знати, отряды повстанцев формировались в основном из челядинцев (sveit, sveitungar) уцелевших вождей, задержавшихся ополченцев и деклассированных элементов; многие из последних сумели стать полевыми командирами, а впоследствии и крупными землевладельцами — лендрманнами и наместниками конунга. Так, из сделавших карьеру Посошников в 1220—1230 гг. на службе конунга Хакона Хаконарсона состояли представитель знатного рода Арнбьёрн Йонссон и беглый разбойник Симун Корова. «Саги о Посошниках» достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что предводители отрядов далеко не всегда могли остановить мародерство и резню, которую учиняли их воины (ср. сцену убийства Эйнара Конунгова Зятя в гл. 5 и упоминание об расправе над пленными в гл. 16). Наличие вооруженной силы стало угрозой не только для противника, но и для собственного населения, что с полной ясностью обнаружилось при заключении перемирия в 1208 г. Многие Посошники и Берестяники вообще не имели земли и средств для мирной жизни, их социальный статус поддерживался лишь условиями смутного времени. Таких людей было решено отправить в викингский поход на Запад, причем бывшие противники отплыли в одной группе (гл. 18).

Состав Берестяников тоже претерпел значительные изменения по мере того, как Берестяники превращались из отряда повстанцев в региональную партию Трандхейма и Средней Норвегии, занимающую ключевые позиции при королевском дворе. В 1190—1210 гг. на смену ветеранам движения, которых саги называют *старыми Берестяниками* (*fornir Birkibeinar*), выдвигаются сыновья крупных бондов, которым Сверрир и его преемники раздают земли и титулы и устраивают вы-

годные браки. «Новые» Берестяники, однако, не представляли собой единого политического течения; в их составе выделяется умеренное крыло, которое было согласно поддерживать конунгов на условиях невмешательства в дела общинного самоуправления, и крайние Берестяники, выступавшие за сильную власть конунга. Позицию первых представлял, например, лагман Гуннар Волосатый Зад, который еще при жизни Сверрира позволял себе вступаться за опальных трёндов (см. «Сагу о Сверрире», гл. 153), позицию вторых — Дагфинн Бонд (ср. речь последнего на Бергенском соборе 1224 г. в изложении Стурлы Тордарсона). Одной из наиболее устойчивых характеристик движения Берестяников на протяжении более чем полувека оставался их антиклерикальный характер: вожди Берестяников неизменно отказывались платить десятину и стремились ограничить влияние высшего духовенства[26].

Усредненная и бесстрастная манера «Саг о Посошниках» кое-где все же оставляет место для юмора, иронии и примеров мужества и верности — ср. например, рассказ о злоключениях юного Инги в Нидаросе в 1206 г. и описание благородного поведения дружинника Рейдульва в том же эпизоде саги. Своеобразной компенсацией за ровный тон, остающийся неизменным в длинной череде походов, убийств, грабежей и интриг, служит завершающая сагу лукавая «прядь» о кузнеце и Одине, где рассказчик прячется за спину некого любителя анекдотов из Несьяр, поведавшего об этом странном приключении (гл. 20).

Как отмечалось выше, «Саги о Посошниках» содержат имена более чем полутора сотен норвежцев, живших в начале XIII в. Некоторые из носителей этих имен неожиданно всплывают в норвежских дипломах, другие упоминаются в «Саге о Сверрире» и в «Саге о Хаконе Хаконарсоне». Среди персонажей, выдвигаемых на авансцену «Сагами о Посошниках», выделяются две фигуры, которые можно отнести к выдающимся личностям своего времени — вожди Посошников Никулас сын Арнора и Хрейдар Посланник. Епископ Никулас, отпрыск знатного рода, принял сан во многом вынужденно, но использовал его для борьбы со Сверриром и Берестяниками. Саги донесли до нас колоритный образ ученого прелата, лицемера и циника, которые возит с собой по морю свои книги (его корабль так и называется *Книжная Торба*), но не стесняется сжечь целый торговый город со всеми церквями. Он готов вызвать (тоже отнюдь не героичного) Сверрира на поединок, но при малейшей опасности не стесняется первым отплыть с поля боя. Именно дальновидному и коварному епископу рассказчик отводит решающую роль в избрании конунгов и в заключении перемирия. Еще более удивительна фигура Хрейдара, который выдвинулся благодаря своим талантам и знаниям:

[26] О глубине конфликта Берестяников и римской церкви свидетельствует тот факт, что даже клирики из числа выдвиженцев Берестяников не решались поддерживать их открыто, либо меняли свою ориентацию. Так, бывший придворный священник Сверрира Мартейн, став епископом Бергена, впоследствии отложился от своего покровителя («Сага о Сверрире», гл. 123), а архиепископ Гутхорм, брат которого был убит Посошниками, боялся открыто выступить в поддержку юного конунга Хакона Хаконарсона («Сага о Хаконе Хаконарсоне», гл. 33).

став дипломатом и проведя несколько десятилетий в Европе, Хрейдар оказался едва ли не самым сведущим человеком в своей стране в вопросах устройства общества. Именно Хрейдара, пленника и бывшего врага, Сверрир считает себе ровней по интеллекту, распоряжается поместить его рядом с собой и обеспечивать ему такое же лечение, как и самому себе[27]. О Хрейдаре уважительно упоминает в своей саге и Стурла Тордарсон — автор, следующий официальной точке зрения Берестяников[28]. Деятельность Хрейдара дает повод предполагать, что он выступал как идеолог служилой элиты и стремился сделать королевскую власть номинальной — поэтому он предлагает избрать конунгом беглого разбойника Эрлинга, а затем и сыновей последнего[29]. Хрейдар был практическим организатором партии Посошников (см. «Сагу о Сверрире») и ее главным стратегом; ему удалось стать во главе войска и жениться на особе королевской крови. Тем не менее время людей, подобных ему, еще не пришло. Вскоре после заключения мира в 1208 г. Хрейдар покидает страну навсегда. Тем временем вожди Посошников и Берестяников, ставшие новой земельной аристократией, сумели договориться. После смерти в 1217 г. конунга Посошников Филиппуса Симунарсона в Вик переехал вождь Берестяников ярл Скули, в дружину которого вступили многие Посошники; другие в изменившейся политической ситуации предпочли занять сторону юного конунга Хакона. Борьба Хакона и ярла Скули Бардарсона за власть в стране стала последним отголоском эпохи Посошников, однако она уже не носила характер перманентной гражданской войны, а исход этой борьбы — разгром и гибель Скули — привел к значительному усилению могущества конунга и к консолидации страны. Уже в 1220 гг. видные Посошники, объединившись с Берестяниками, помогали последним громить банды бывших товарищей. Тем самым, эпоха Посошников в норвежской истории исчерпала себя[30].

Для первого русского издания «Саг о Посошниках» нами выбрана краткая редакция памятника. Перевод сделан по критическому изданию Х. Магероя: [Magerøy, Hallvard. *Soga om Birkibeinar og Baglar*: *Böglunga sögur* / Ed. Hallvard Magerøy, 2 vols, Norsk historisk kjeldeskrift-institutt, Norrøne tekster 5. Oslo: Solum; Norsk historisk kjeldeskriftinstitutt 1988]. Использовалось также издание Гвюдни Йоунссона: [Konungasögur, II. Guðni Jónsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1957].

---

[27] «Сага о Сверррире», гл. 179—180.

[28] См. «Сагу о Хаконе Старом», гл. 5.

[29] Стурла Тордарсон сообщает также о плане Хрейдара низложить конунга Посошников Филиппуса Симунарсона и объявить конунгом попавшего в плен юного Хакона Хаконарсона, за которым могла последовать часть Берестяников.

[30] Термин «Посошники» встречается после 1224 г. лишь с эпитетом «старый Посошник» при упоминании ветеранов движения. Напротив, термин «Берестяники» в качестве названия правящей партии сохраняет свою актуальность до окончательной победы сторонников конунга Хакона Хаконарсона; в последний раз он воспроизводится в «Саге о Хаконе Старом» в сцене расправы над людьми Скули в 1240 г.

При подготовке издания встал вопрос о восстановлении оптимального текста краткой версии, поскольку ни текст «Медной Застежки», ни текст «Скаульхольтской Книги» не могут считаться каноническими списками протографа и несут на себе отпечаток редакционной работы писцов XIV—XV вв. В стилистическом отношение предпочтение следует отдать более ранней рукописи «Медной Застежки»; она интересна и как образец сагового синтаксиса. В то же время «Скаульхольтская Книга» излагает большинство эпизодов более подробно и сохраняет многие детали, по-видимому, опущенные либо самим писцом «Медной Застежки», либо его предшественником, как второстепенные. Это обстоятельство делает версию «Скаульхольтской Книги» более ценной с позиций историка. В связи с этим мы сочли целесообразным взять текст «Скаульхольтской Книги» за основу, но в местах, где налицо явные ошибки, и в эпизодах, где параллельные списки краткой версии дают более точную информацию или лучшее чтение, перевод следует данным спискам.

Примечания

[1] *тинг в Эйрар* в Трёндалёге был в Норвегии первым по старшинству. Именно там положено было избирать конунга.

[2] *Сигурд Повелитель*, сын конунга Сверрира, умер в 1200 г. Действие «Саг о Посошниках» начинается с 1202 г.

[3] *конунг Инги* — ребенок, которого Посошники выдавали за сына конунга Магнуса сына Эрлинга.

[4] *Святой Остров* на озере Мьёрс в Упплёнде был, вероятно, назван так потому, что Посошники подарили его монастырю.

[5] конунг *Хакон сын Сверрира* (умер 1204 г.) не был сыном законной жены Сверрира королевы Маргрет.

[6] епископ в Холар *Гудмунд Арасон* (1203—1237 гг.) — неканонизованный исландский святой. Был последователем Фомы Бекета и боролся с исландской знатью. О его жизни подробно рассказывается в «Саге о Гудмунде Арасоне», дошедшей до нас в нескольких версиях, одна из которых входит в состав «Саги о Стурлунгах».

[7] *Эйнар Священник был женат на сестре конунга Хакона, одной из дочерей конунга Сверрира*; у Сверрира было две дочери — Сесилия и Ингибьёрг. Неизвестно, на которой из них был женат Эйнар. Ингибьёрг была замужем за шведским принцем Карлом сыном Сёрквира (убит в 1198 г.). Прозвище Эйнара *Конунгов Зять* упоминается уже в «Саге о Сверрире» (гл. 178) в рассказе о событиях 1201 г.

[8] *ярл Хакон Шальной*, сын Фольквида (умер 1214 г.) — старший сын Сесилии, единокровной сестры Сверрира и наиболее знатный из племянников Сверрира. Его отцом был шведский лагман Фольквид.

[9] *Петр Истребитель сын Свиного Стефана* (умер 1213 г.) — старший племянник Сверрира, сын его единоутробной сестры.

[10] *Сигурд Конунгов Родич* (умер 1217 г.) — один из вождей Берестяников. Его матерью была Хельга, незаконная дочь конунга Сигурда Рта, сыном которого объявлял себя Сверрир. После смерти конунга Посошников Филиппуса (весной 1217 г.) Сигурд выехал в Вик для заключения перемирия. Умер в том же году.

[11] *Эйвинд Священников Зять, Хроар Конунгов Родич* — Берестяники из Трандхейма, вероятно, свойственники Сверрира, впоследствии — активные сторонники Хакона Хаконарсона. Эйвинд впервые упоминается в описании морской битвы при Флорувагар (1194 г.), где он вместе с Петром Истребителем командовал одним из крупнейших судов Берестяников. В 1217 г. на совете партии Берестяников Эйвинд настоял на избрании юного Хакона конунгом. Прозвище Эйвинда указывает на то, что он был женат на дочери некого влиятельного священника, возможно по имени *Йон*: в пространной версии «Саг о Посошниках» под 1207 г. указано имя жены Эйвинда — *Гудрид дочь Йона*. Хроар известен как участник V крестового похода (около 1217 г.); позже он ездил с миссией конунга к императору Фридриху II Гогенштауфену.

[11A] *Страна Вендов* — *Вендами* скандинавы называли все славянские племена, жившие на побережье Балтийского моря, но прежде всего — полабских славян, живших на территории провинций современной Северной Германии — Мекленбурга и Шлезвиг-Голштинии. Географический термин *Страна Вендов* — скорее всего, отсылает именно к области проживания полабских славян. Северная граница расселения славянских племен проходила по островам, расположенным к югу от Зеландии — Лолланду, Фальстеру и Мёну, ср. специальное исследование Ф. Хоустед: Friederike W. Housted. Stednavne af slavisk Oprindelse på Lolland, Falster og Møn. C. A. Reitzels Forlag. København, 1994. Областью компактного проживания славян был также о. Рюген — возможное место локализации полулегендарной разбойничей крепости *Йомсборг*. О нападениях *викингов из Йомсборга* или *йомсвикингов* рассказывается во многих королевских и родовых сагах, в том числе — в «Саге о Йомсвикингах», которая, однако, считается поздним и недостоверным источником. Среди иноземных викингов, совершавших набеги на Данию, Швецию и Норвегию, по-видимому, были не только славяне, но и скандинавы. В 994 г. войско йомсвикингов по наущению датского конунга напало на Норвегию, но было разгромлено в заливе Хьёрунгаваг ярлом Хаконом Могучим. В 1135 г. викингам-славянам удалось в результате внезапного нападения разгромить город Конунгахеллу в Восточной Норвегии и захватить его жителей в рабство. После этого город, как сообщает Снорри Стурлусон, утерял свое былое могущество, а центры торговли и резиденция власти в Восточной Норвегии переместились в города Тунсберг (совр. норв. Тёнсберг) и Осло, поскольку они в силу своего географического положения были лучше защищены от внешнего нападения с моря. См. «Сагу о Магнусе Слепом и Харальде Гилли», гл. XII («Круг Земной», М., 1980, с. 511).

[12] *Эрлингом Каменная Стена звался человек… Он был в неволе в Стране Вендов… Эрлинг спасся и… объявился в Дании* Предыстория самозванца Эрлинга Каменная Стена — одно из наиболее тенденциозных мест в составе «Саг о Посошниках»: показания краткой и пространной версий сильно расходятся, причем есть серьез-

ные основания подозревать, что обтекаемое изложение краткой версии вызвано политической цензурой.

Согласно пространной версии, людей, выдававших себя за Эрлинга, сына конунга Магнуса сына Эрлинга, было двое. Первый из них был по просьбе Сверрира пойман в Швеции людьми короля Карла сына Сёрквира и посажен в башню на острове Висингсё на озере Веттерн в Вестерётланде (а не в Стране Вендов). Ему удалось совершить побег и добраться до Коппарберга, где он был настигнут и убит людьми Сверрира. «Лже-Эрлинг Второй» был, по версии Берестяников, «сыном оборванца из Уппланда» и не имел ничего общего с первым, кроме того, что в свое время сидел в той же тюремной башне на острове Висингсэй, что первый самозванец. Именно второй (а не первый) самозванец приехал в Данию из страны Вендов и заручился поддержкой датского короля Вальдемара II, присвоив себе биографию своего предшественника.

[12A] *Йоль* — языческий праздник нового года, впоследствии отождествленный с христианским рождеством.

[13] *Божий суд* в виде испытания (*очищения*) каленым железом — обычная процедура древнескандинавских законов. Официально отменен в Норвегии в 1247 г. после визита папского легата кардинала Вильгельма.

[14] *Хрейдар Посланник* (умер 1214 г.) — знаменитый норвежский дипломат и политический деятель, реальный вождь войска Посошников. Двадцать лет (1175—1195 гг.) провел в Европе, вернулся в Норвегию с поручением византийского претендента Алексея Комнина. Воспользовавшись мандатом на подготовку IV крестового похода, набрал войско и организовал партию Посошников, объединившись с епископом Никуласом. Стремился уменьшить роль конунга и выступал за власть военной аристократии. В 1201—1202 гг. в течение полугода защищал крепость в Тунсберге, после сдачи крепости амнистирован Сверриром. Весной 1204 г. возобновил борьбу против Берестяников. После примирения, когда в его родном Вике возобладала партия земельной аристократии, вновь покинул страну.

[15] *Филиппус из Вегины* в Хрингарики (умер 1207 г.) — могущественный лендрманн, Посошник. Был женат на Маргрет, дочери конунга Магнуса сына Эрлинга.

[16] Епископ Осло *Никулас сын Арни* (1188—1225 гг.) — вождь партии Посошников, главный противник Сверрира после гибели конунга Магнуса. Матерью Никуласа была Ингирид, вдова конунга Харальда Гилли (убит 1136 г.), таким образом, Никулас приходился следующему легитимному конунгу Инги Горбуну (умер 1161 г.) сводным братом, а конунгу Магнусу сыну Эрлинга (1163—1184 гг.) троюродным братом. В 1188 г. временно примирился со Сверриром ради получения сана епископа, но в 1196 г. возглавил смуту. В 1203 г. примирился с Хаконом Сверрисоном и вернулся в Норвегию. Летом 1204 г. возобновил борьбу с Берестяниками.

[17] *Борг* — Сарпсборг в Вингульмёрке (совр. Эстфолль). *Боргартинг* считался первым по старшинству в Восточной Норвегии.

[18] *Филиппус сын Симуна*, ярл и конунг Посошников (умер 1217 г.), был родным племянником епископа Никуласа: матерью Филиппуса была Маргрет, сестра епископа.

[18а] *День Св. Ботольва* — 17 июня.

[19] *Арнбьёрн сын Йона с Тъёрна* (умер 1240 г.) — знатный Посошник, впоследствии — лендрманн и один из главных сподвижников Хакона Хаконарсона, наместник конунга в Вике.

[20] *Асбьёрн Набалдашник* (Asbjörn koppr, kópr) — Посошник из Вика, наместник. Его имя встречается в сагах и в норвежских дипломах с 1204 по 1240 гг. Назван в числе сторонников ярла Скули во время Бергенского собора 1224 г.

[21] *Торд Ворот* (умер 1207 г.) — Посошник, участник обороны Тунсберга в 1201—1202 гг. Свое прозвище Торд получил за дерзкую вылазку из крепости: ночью с крепостной стены на воду была спущена небольшая ладья, на ней Торду и семи его товарищам удалось прорваться сквозь посты Берестяников («Сага о Сверрире», гл. 171).

[22] *Симун Корова, сын Рагнара* (умер 1245 г.) — Посошник из Эстфолля, впоследствии сподвижник Хакона Хаконарсона, его наместник и лендрманн. В «Саге о Хаконе Старом» говорится о том, что Симун сидел в темнице вместе с Эрлингом Каменная Стена.

[23] *Кольбьёрн Рыжий* — Посошник, позже наместник в Уппленде, после 1217 г. принял сторону ярла Скули, упоминается в числе его сторонников на Бергенском соборе 1224 г.

[24] *архиепископ Торир* — рассказчик саги ошибается: в 1205 г. архиепископом был еще *Эйрик Слепой* (1190—1205 гг.), добровольно сложивший с себя полномочия вскоре после избрания Инги.

[25] *Фру Кристин дочь Никуласа*, жена Хакона Шального, была племянницей вдовы Сверрира королевы Маргрет и приехала с ней из Швеции; сам Хакон тоже был шведом по отцу, что являлось серьезным минусом с точки зрения населения. Поэтому бонды предпочли избрать конунгом не его, но его единоутробного брата Инги; отцом Инги был Бард сын Гутхорма, знатный тренд, лендрманн Сверрира.

[26] Это утверждение рассказчика краткой версии «Саг о Посошниках» не вызывает доверия. В пространной версии прямо говорится, что войско желало избрать Хакона, но бонды были категорически против и заявили «что ни за что не изберут конунгом того, кто по отцу происходит из ётского рода».

[27] *Торговым Местом* рассказчик «Саги о Посошниках» неизменно называет Нидарос.

[28] Рассказ об избрании конунга Инги сына Барда на Эйратинге в 1205 г. изложен в рукописях краткой версии саги весьма невнятно. Утверждение рассказчика, что конунг *былъ юноша и полки водить не обучен* несостоятельно. По-видимому, здесь произошла порча текста: аргумент о слишком юном возрасте выдвигался не против Инги, а против его младшего брата Сигурда сына Барда, кандидатура которого предлагалась на тинге, но получила отвод, по свидетельству пространной вер-

сии «Саг о Посошниках». Конунг Инги действительно был человек вялый и к военному делу не склонный, однако его никак нельзя было назвать юношей: он родился около 1185 г., так что к моменту избрания ему уже было около двадцати лет.

[28а] *День Св. Олава* — это день мученичества конунга Олава Святого, т. н. день его гибели в битве при Стикластадире, которая, по всей вероятности, произошла 28 июля 1030 г. Однако в современных святцах День Олава приходится на 29 июля.

[29] *Дагфинн* (умер 1237 г.) — бонд из Хёрдаланда, позже лагман Гулатинга. Крайний Берестяник, примкнул к Сверриру до 1194 г. Поборник сильной власти конунга, впоследствии — главная опора Хакона Хаконарсона и противник ярла Скули.

[30] *Торгрим с Льянеса* (умер 1206 г.) — Берестяник из Южного Хёрдаланда. О нем в «Конунговых Анналах» под 1206 г. сказано так: *Торгрим из Льянеса велел убить Йона Усти. За это Торгрим был убит*. Очевидно, это могло произойти лишь после побоища в Нидаросе, так как «Сага о Посошниках» специально подчеркивает, что Торгрим был там ранен, но не убит. Йон Усти упоминается в пространной версии «Саг о Посошниках» (в переводе Педера Клауссона Фрииса прозвище ошибочно передано как *Jon Usle*): ночью Йон собирает на берегу 40 уцелевших Берестяников и спасается бегством.

[31] *епископ Никулас собрал свои подати* — судя по контексту, имеется в виду не десятина, а те подати (оброк), которые епископ Никулас мог взимать с жителей фюлька *Фирдир* (*Фьорды*) как местный лендрманн: его родовое имение Стодрейм находится во Фьордах неподалеку от пролива *Ругсунд*, где останавливается войско Посошников по пути в Трандхейм

[32] *Никулас сын Ботольва и его брат Кёрлунг* — знатные Посошники. По правдоподобному предположению Х. Магероя, они были сыновьями лендрманна *Ботольва из Фьордов*, погибшего вместе с двумя другими сыновьями в 1179г. Эта гипотеза поддерживается тем, что в «Сагах о Посошниках» имена Никуласа и Кёрлунга впервые названы именно в списке бондов из Фирдира, примкнувшим к Посошникам в 1204 г.

[33] *Харальд Пика* (Haraldr kesja) — Берестяник. То же лицо упоминается в «Саге о Хаконе Старом» (в рукописи стоит Haraldr kærra).

[34] *Гудлейк Увертка* (Guðleikr skreiðungr) — Посошник из Уппланда. После 1217 г. примкнул к ярлу Скули.

[35] *Лодин Окольничий* — Посошник. Не исключено, что это тот же человек, имя которого ранее было обозначено как *бонд Лодин из Лейкина*. Одно из этих лиц отождествимо с *Лодином сыном Гунни* (умер 1247 г.), Посошником, перешедшим после 1217 г. на сторону Хакона Хаконарсона, и в 1222 г. женившимся на Ингибьёрг, младшей сестре ярла Скули. Неясно, какая власть соответствовала должности окольничего в начале XIII в., видимо, это чин типа «представитель дружины при конунге».

[36] *Симун Вол* — то же лицо, что *Симун Корова*. Неясно, является ли варьирование формы прозвища исконным, или оно отражает порчу текста.

[37] *Весельная ладья* (skúta) — быстроходное узкое длинное судно для каботажных плаваний. Небольшая ширина судна (по данным археологических находок — 2,5—3 м) позволяла гребцу на банке в случае необходимости управлять парой весел в одиночку.

[38] *Сразу после йоля наместники выехали в свои округа*... Приводимый в данной главе перечень наместников Посошников содержит важную информацию об административном делении Вика в начале XIII в. Большинство наместников, судя по косвенным данным, были местными уроженцами; исключение составляет наместник Боргарсюслы Филиппус из Вегини в Хрингарики. В первоначальном тексте саги указания на округу должны было стоять после имени каждого наместника, однако в дошедших до нас списках краткой версии они не везде проставлены, поэтому текст пространной версии в передаче Педера Клауссона Фрииса приобретает особую ценность. Тот факт, что Педер Клауссон отнесся с большим вниманием к норвежским топонимам, нежели авторы компиляций *Eirspennil* и *Skálholtsbók yngri*, несомненно, объясняется тем, что в отличие от авторов данных компиляций он сам был норвежец, а не исландец.

Всего было построено двадцать две ладьи В списке Педера Клауссона разнарядка на постройку военных кораблей восстанавливается так:

Сюсла	**Наместник**	**Количество судов**
Борг (Сарпсборг)	Филиппус из Вегини	2 ладьи
Фольд (близ Осло)	Асбьёрн Набалдашник	1 —"—
Осло	Торальди сын Ауги	1 —"—
Одинсэй (Онсё)	Орм Длинный	1 —"—
Скоттенес	Торстейн Вор	1 —"—
Гаутэльв (Бохуслен)	Йон Королева	2 —"—
Блаккестед (близ Осло)	Гудольв + Гуннар сын Асы	2 —"—
Драфне (Драммен)	Хрейдар	2 —"—
Тунсберг (Тёнсберг)	ярл Филиппус	2 —"—
?	Торд Ворот	1 —"—
Скидан (Скине)	Гунни Длинный + Хундольв	2 —"—
Виседаль	Гюрд сын Бентейна	1 —"—
Бевье (Эстфолль)	Симун Корова + Рагнар сын Гамаля	2 —"—
Бьяргхейм (Бьергхэрит)	Арнтор Метель	1 —"—

Таким образом, поименно перечислены наместники, ответственные за постройку *двадцати одного* судна из двадцати двух. Не исключено, что постройка еще одного судна была возложена на горожан либо бондов.

[39] *Гудольв Тёмный из Блаккастадира* (Темного Двора) близ Осло — наместник Посошников. Впоследствии не получил наместничества из-за жестокости к населению, примкнул к мятежникам и был убит бондами в Вике в 1226 г.

[40] *Гуннар сын Асы* — наместник Посошников. После примирения 1217 г. остался без звания, примкнул к мятежникам и был убит.

[41] *Хрейдар* [*велел построить*] *две весельные ладьи*. В пространной версии «Саг о Посошниках» уточняется, что Хрейдар держал наместничество в *Драфни* (ныне город Драммен в Вестфолле). По всей вероятности, Хрейдар был уроженцем Вестфолля, о чем свидетельствует тот факт, что в 1201 г. именно ему поручили оборону Тунсберга — крупнейшего города на западном побережье Ослофьорда.

[42] Наместничество Торда ни в одной рукописи не обозначено; по-видимому, он был одним из людей Хрейдара либо Филиппуса из Вегины.

[43] *Гуннбьёрн Брат Йона Королевы* (умер после 1240 г.) — Посошник, наместник, впоследствии — лендрманн, сторонник Хакона Хаконарсона. Когда записывался текст «Саги о Посошниках», сохранял свое влияние, этим и объясняется сообщение о том, что он успешно отомстил за смерть брата.

[44] *грузовые суда* (byrðingar) имели меньше мест для гребцов, широкий корпус и большой парус.

[45] *Сигрид*, сестра конунга Инги, после смерти Торгрима с Льянеса (о котором см. выше) была выдана замуж за знатного трёнда Йона с Астратта (умер 1214 г.). Впоследствии стала аббатисой монастыря в своем родовом имении Рейн во внешнем Трандхейме.

[46] *Длинное судно* — крупный военный корабль, на котором на весле обычно сидели двое (см. «Сагу о Хаконе Старом», гл. 53). Термины *длинное судно* (langskip) и *сорокавесельник* (tvitugsessa) являются пересекающимися: *сорокавесельники* принадлежит к классу *длинных судов*, однако длинные суда могли иметь как больше, так и меньше мест для гребцов — пятнадцать или даже тринадцать (что было оговоренным в скандинавских законах минимумом для военного корабля). Помимо количества банок для гребцов класс судна определялся такими показателями, как ширина палубы, высота борта и осадка судна.

[47] *Торд Брат Финнгейра*, *Бергсвейн Длинный*, *Сигвальди Селянин*, *Бъяльви Полушубок* … — в описании побоища перечисляются старые дружинники Сверрира. Другие лица, павшие в Нидаросе, тоже, скорее всего, старые Берестяники, известные современникам рассказчика, но в «Саге о Сверрире» они не названы по имени.

[48] *Рейдульв Брат Барда* — дружинник конунга Инги Бардарсона, а затем его брата ярла Скули. Впоследствии — враг конунга Хакона Старого.

[49] *Кольбейн Кудельный Нос* (умер 1206 г.) назван в «Сагах о Посошниках» в числе жертв побоища в Нидаросе. Однако «Сага о Сверрире» упоминает его в 1196 г. среди Посошников (гл. 135).

[50] *Сигурд Косой* — трёнд, дружинник Берестяников от Сверрира до Хакона Хаконарсона.

[51] Корабль Берестяников *Грозный Ствол* (*Ógnarbrandrinn*), как сообщает «Сага о Сверрире», был построен в Нидаросе к военной компании 1194 г.

[52] Некролог Эрлингу Каменная Стена призван возвеличить его. В «Саге о Хаконе Старом», произведении, написанном по заказу конунга Магнуса Хаконарсона, и подцензурном официальной традиции, приводится свидетельство Симуна Коровы (см. выше) о том, что вожди Посошников хорошо знали о том, что Эрлинг был самозванцем. Тем не менее Симун добавляет «Однако пока я был при нем, он мне нравился».

[53] О постройке *очень крупных судов* (stórskip) периодически сообщается в королевских сагах, начиная с «Длинного Змея» Олава Трюгвасона (около 999 г.). При этом описание судов (30—35 скамей, 8 человек на полускамье) обычно совпадает. Такие корабли могли иметь в длину 45—50 метров и вмещать более 300 человек. Их строили специально для крупных морских сражений: чем выше был борт, тем труднее было взобраться на судно.

[54] *Олав сын Торы* — Посошник, впоследствии примкнул к ярлу Скули. Убит в 1225 г. в Вике по приказу Хакона Старого.

[55] *Сигурд Погромщик*, сын Эрлинга Каменная Стена (1203—1226 гг.) — предводитель мятежа Погромщиков (Ribbungar) в 1220-е гг. О *Магнусе*, сыне Эрлинга Каменная Стена, ничего достоверного не известно; правда, «Сага о Хаконе Старом» упоминает некого Магнуса, командовавшего остатками Погромщиков в Упплёнде и повешенного бондами. Однако рассказчик «Саги о Хаконе Старом» считает его самозванцем.

[56] *Эрленд из Хусабэ с Хегины* в «Саге о Хаконе Старом» назван родичем Сверрира по матери. Он помог Берестяникам переправить маленького Хакона в Нидарос.

[57] *весло и упряжь* — формула, обозначающая право конунга требовать при созыве ополчения постройки судов и снаряжения лошадей в битву.

[58] *Тогда вызвался Свертинг держать крепость с сотней людей ...* — рассказчик пространной версии «Саг о Посошниках» обвиняет этого Свертинга в предательстве; после сдачи крепости он примкнул к Посошникам.

[59] *Ивар Жучок* (Ívarr boddi) — Берестяник, священник из Бергена, советник Сверрира с 1198 г. Согласно «Саге о Хаконе Старом» был наставником юного Хакона.

[60] *Судно для плаваний в Англию* — по-видимому, разновидность класса торговых судов, который обозначался общим термином кнёрр (knörr). Судя по археологическим находкам, суда для плаваний в открытом море имели примерно одну и ту же конструкцию с довольно высоким бортом и палубой, широким корпусом и большим парусом; так, суда для плаваний в Гренландию и по Балтике отличались лишь размерами.

[61] *Они обязались сдать крепость* — в пространной версии рассказывается о том, что посредником при капитуляции выступил архиепископ Торир, который был

заинтересован в уничтожении крепости как военного форпоста Берестяников в Бергене. Напротив, лагман Дагфин Бонд, державший лен в Хёрдаланде, был кровно заинтересован в ее сохранении для контроля над городом.

[62] *Скули Бардарсон* (умер 1240 г.) — сводный брат конунга Инги, будущий ярл и герцог.

[63] *Торстейн Домовой Мыс* (умер не ранее 1240 г.) — Берестяник, впоследствии — знаменоносец конунга Хакона.

[64] *маленький Хакон* — в «Саге о Хаконе Старом» говорится, что Посошники увезли будущего конунга в Вик и отдали его Берестяникам лишь через три года.

[65] Словами *…Петр и его люди их не признали* завершается текст «Саг о Посошниках» в составе «Скаульхольтской Книги». Далее перевод следует тексту «Медной Застежки».

[65А] *Кристин*, дочь конунга Сверрира, умерла от родов в 1213 г., и от ее брака с Филиппусом сыном Симуна наследников не осталось: новорожденный младенец умер через несколько часов после смерти матери.

[66] *Клятва о мире* — ритуальный текст, состоящий из аллитерированных формул. Образцы этого жанра известны по двум родовым сагам — «Саге о Битве на Пустоши» и «Саге о Греттире».

[67] *Гуннар Волосатый Зад* (умер 1232 г.) — влиятельный бонд, лагманн Эйратинга (до 1188—1232 гг.). Умеренный Берестяник. Конунг Хакон Хаконарсон на Бергенском соборе 1224 г. называет Гуннара «умнейшим человеком в стране».

[68] *Эйстейн сын Хрои* (умер не ранее 1230-х гг.) — Посошник, лагманн Упплёнда, впоследствии сторонник ярла Скули, затем перешел на сторону Хакона Хаконарсона.

[69] Посошник *Амунди Щетина* (Amundi burst) известен лишь по «Саге о Сверрире» (впервые упоминается около 1200 г.), но возможно, что это то же лицо, что *Амунди Спесь* (Amundi remba), лагманн из Рогаланда, которого Арнбьёрн Йонссон (см. выше) во время Бергенского Собора 1224 г. называет своим старым боевым товарищем по лагерю Посошников. Амунди Спесь умер не ранее 1240 г.

[70] *Грунди Казначей* — Посошник. Впоследствии примкнул к ярлу Скули, убит мятежниками в 1232 г.

[71] *Королева Маргрет* умерла в Тунсберге в 1210 г. через несколько недель после свадьбы ее дочери Кристин с Филиппусом Симунарсоном.

[72] *Оспак Гебридец*, он же *Оспак сын Дувгаля* — (умер 1230 г.) — Берестяник, в 1230 г. получил от Хакона Хаконарсона звание конунга Гебридских островов и имя Хакона. Умер в том же году.

[73] *Эйрик сын Тови с другим Эйриком* — Почти наверняка это то же лицо, которое выше в гл. 16 было названо *Эйриком Банщиком*: в обоих случаях его имя соседствует с именем другого Посошника, некого *Берга*.

[74] *Викингский поход на Гебридские острова* датируется 1208—1209 гг. Он остался в памяти летописцев благодаря неслыханным для своего времени грабежам и бесчинствам, которые учинили бывшие Берестяники и Посошники.

[75] *и никто из них более не возвращался…* Пространная версия «Саг о Посошнн-ков» уточняет, что Петр Истребитель и его жена Ингебьёрг умерли по пути в Иерусалим, в то время как Хрейдар достиг цели, а затем вернулся в Константинополь, где и умер.

[76] Селение *Несьяр* расположено неподалеку от мыса Гренмар у западной оконечности Ослофьорда.

[77] *вышло больше подков, чем нужно* — подготовленного читателя это удивлять не должно, ведь Слейпнир, конь Одина, восьминогий!

[78] Встреча Одина с кузнецом является также сюжетом скандинавских баллад. Рассказ кузнеца Торда, имеющий точную датировку — 1207 г. — является наиболее ранним упоминанием данного сюжета, а сообщение рассказчика «Саг о Посошниках» о том, что ярл Филиппус сам пересказывал сюжет о встрече с Одином, услышанный им от одного из подданных, позволяет отнестись к рассказу Торда как к литературному анекдоту.

[79] *Тунсберг* — это единственное место в рукописи *Eirspennil*, где название города предстает в своей привычной форме: на протяжении всей саги употреблялась форма *Тунберг*. Эту особенность мы предпочли сохранить и в русском переводе.

[80] *Торд Заливала* (Þórðr vettir); прозвище в оригинале не вполне однозначно, но, по-видимому, оно является «говорящим».

ЧАСТЬ II

Комментарии к скальдическим стихам

0. Исландские скальды и их аудитория

> Стихи нравились… более, чем все другое, в них рифма была как бы доказательством истинности происшествия.
>
> *Юрий Тынянов*. Пушкин

В данной части книги приводятся подлинники тех скальдических стихов, которые содержатся в тексте публикуемых саг. Каждое стихотворение снабжено подробным комментарием. Формат комментария предполагает следующие стандартные зоны: 1) **Контекст** произнесения висы в ситуации, описываемой в саговом памятнике, откуда виса извлечена. 2) **Текст** висы в подлиннике в нормализованной орфографии и фрагмент прозаического текста саги, непосредственно предшествующий появлению висы, в русском литературном переводе. 3) **Подстрочный пословный перевод** текста висы на русский язык. 4) **Линейная развертка** текста висы в последовательности, соответствующей нейтральной последовательности из слов висы в языке древнеисландской прозы. 5) Особенности поэтического и общеязыкового **синтаксиса** висы. 6) **Поэтические фигуры**, скальдическая синонимика и другие особенности **поэтики** висы. 7) **Смысл** сообщения, содержащего в висе. 8) **Стихотворный размер**, которым сложена виса. 9) **Сохранность текста** висы, варьирование отдельных строк, наличие висы в других источниках, помимо данной саги. 10) Справка о **переводах** данной висы на русский язык.

Отсутствие разделов 5), 6), 9) в формате толкования висы может быть связано с тем, что данная виса не имеет заслуживающих подробного толкования особенностей синтаксиса, поэтики, и с тем, что обстоятельства ее сохранения тривиальны.

Текст висы в подлиннике приводится в нормализованной орфографии и, там, где это необходимо, с конъектурами редакторов, обеспечивающими связное непротиворечивое толкование текста висы и восстанавливающими правильную метрическую структуру. Везде, где это не оговорено специально, текст вис приводится по изданию Íslenzk Fornrit.

В разделах 5) и 6) в целях унификации метаязыка толкования используются два условных значка «≡» и «⇒».

Запись А ≡ В означает «в скальдической поэзии выражение А является поэтическим синонимом или парафразой выражения В», в скобках после данной записи может приводится название поэтической фигуры, обеспечивающей синонимическую замену или парафразирование. Например: *подательница пива* ≡ ЖЕНЩИНА (кеннинг) или: *торопящий … коня заноса скакуна Ати* ≡ МУЖ (четверной плеонастический кеннинг);

Запись А ⇒ В означает «выражение А в данном случае имеет референцию В». Например: *Вёр богатства, которую мы имеем* ⇒ жена скальда; или: *ходатай послушного корабля* ≡ МУЖ (морской кеннинг) ⇒ Барди сын Гудмунда.

Употребление заглавных букв в толковании выделяет категорию явлений, которую обозначает кеннинг или поэтический синоним, например, *Фольд ожерелья* ≡ ЖЕНЩИНА, *ливень щек* ≡ СЛЁЗЫ и т. п. Читателю следует иметь в виду, что запись заглавными буквами всегда отсылает к той категоризации, которая выбрана самим скальдом в данной висе. Поэтому не предполагается, что данная категоризация является единственной и что, например, выражение *белитель* всегда может использоваться только как поэтический синоним МЕЧА, но не обозначать другой предмет. Тем не менее, внутренняя форма большинства кеннингов и хейти во многих случаях позволяет установить категоризацию однозначно, так, например, кеннинги, относящиеся к МУЖУ и ЖЕНЩИНЕ принципиально оформляются в скальдической поэзии по-разному.

Для лучшего понимания скальдической поэзии и восприятия скальдических стихов на языке подлинника читателю следует иметь в виду ряд формальных особенностей скальдического стихотворного канона.

Большинство вис скальдов представляют собой восьмистишия в размере *дроттквеп*, букв. «дружинный сказ»[1]. В каждой строке три

---

[1] Вторым употребительным скальдическим размером был т.н. *квидухатт* или. «размер сказаний»; этот размер использовался почти исключительно в поминальных песнях и генеалогических перечнях. Сведения с метрике квидухатта см. в книге О. А. Смирницкой «Стих и язык древнегерманской поэзии» [Смирницкая 1994: 323—325]; О. А. Смирницкая описывает квидвухатт как размер «переходный между эддической и скальдической поэзией». О прочих, т.н. *малых*, размерах, см. в кн. М. И. Стеблин-Каменский: Древнескандинавская литература. М., 1979, с. 68. В нашей подборке лишь одна виса («Сага о Названных Братьях», № 22), сложена в «малом» размере — *хрюнхенте*; ср. также стишок Греттира («Сага о Названных Братьях», № 1), сложенный квидухаттом.

ударения (икта), при этом имеется обязательная ударная клаузула — предконечный слог строки всегда является ударным, а конечный безударным. Место двух первых иктов и количество слогов, их разделяющих, не фиксировано, что позволяет отнести систему стихосложения к тоническим, а не силлабо-тоническим. Вместе с тем, в дротткветтном стихе имеются довольно жесткие ограничения на число слогов в строке и на сегментный состав (длительность) слогов, что отчасти сближает его как с силлабо-тоническими системами (в эпоху скальдов подлинная силлабо-тоника в германских языках отсутствовала), так и с квантитативными системами (ср. древнегреческую метрику). К примеру, в приводимой ниже в качестве иллюстрации висе Лейкнира («Сага о Битве на Пустоши», № 1), лишь в первой строке количество слогов превышает шесть, при этом два слога слова hafið, заполняющие спад между первым и вторым иктом, краткие; между вторым и третьим иктом тоже находится краткосложное слово of, оттеняющее ударную клаузулу, которая всегда приходится на долгий слог. В остальных строках шесть слогов, причем первый икт везде приходится на начальный слог, что с учетом клаузулы, попадающий на пятый от начала слог, задает ритм, близкий к хореическому. От подлинного трехстопного хорея шестисложные дротткветтные строки отличаются, главным образом, тем, что второй икт в них регулярно попадает не на третий, а на второй слог, что особенно характерно для строк, первая половина которых заполнена композитом с односложной первой основой, ср. ниже строки **l***ín*bundin — för þ*ín*a; **g***ang*fögr liðir h*ang*a:

> Hvert hafið, ***G****er*ðr of ***g****ör*va,
> **g***ang*fögr liðar h*ang*a,
> ***l****júg* vætr at mér — ***l****eyg*jar,
> **l***ín*bundin — för þ*ín*a;
> þvít í ***v****etr*, en ***v****itr*a
> **v***ang*s sákat þik g*ang*a
> **h**irðid*ís* frá **h***ús*i
> **h***ún*s, skrautligar b*ún*a.

Метрическая цельность дротткветтного стиха обеспечивается механизмами **начальной аллитерации** и **корневой рифмой**. Если первая черта объединяет скальдическую поэзию с общегерманским аллитерационным стихом (ответвлением которого являются стихотворные размеры песен «Старшей Эдды») и знаменует собой их генетическую преемственность — скальдическое стихосложение в своих существенных чертах является продуктом эволюции германского аллитерационного

стиха[2],— то последовательное проведение корневой рифмы в качестве принципа стиха является инновацией скальдов[3].

Аллитерация в древнегерманском стихосложении выделяет слова с общей инициалью: аллитерируют между собой согласные одного качества, или гласные произвольного качества. Основная **метрическая функция** аллитерации в скальдическом дротткветтном стихе — объединять две соседние строки в единое метрическое целое. В связи с этим, в дротткветной висе четные и нечетные строки имеют разные формальные особенности. В нечетной строке должно быть два (не менее двух) аллитерирующих слова, при этом ударный слог клаузулы обязательно включается в аллитерацию. Следующая четная строка должна начинаться со слова, поддерживающего аллитерацию предыдущей нечетной строки, ср. строки 1—2 в висе-иллюстрации (аллитерирующие звуки выделены жирным шрифтом, рифма — курсивом):

Hvert hafið, ***G****er*ðr of **g***ör*va,
g*ang*fögr liðir h*ang*a,

Главной **функцией корневой рифмы** является упорядочение звукового материала в пределах каждой строки. И здесь также нечетные и четные строки дротткветтной висы сохраняют существенные формальные отличия. В нечетной строке рифма должна быть неполной, то есть воспроизводить сегмент корня с некоторой вариацией (обычно сводящейся к замене гласного, ср. ***G****er*ðr of **g***ör*va). Такая рифма называется в скальдической поэтике *скотхендингом*, т. е. «опорным созвучием». В четной строке рифма должна быть полной, ср. точное повторение сегмента |*ang*| в строке **g***ang*fögr liðir h*ang*a. Такая рифма называется в скальдической поэтике *адальхендингом*, т. е. «главным созвучием»[4]. Как полная, так и неполная рифма всегда приходятся на клаузу-

[2] Ср. подробное доказательство этого положения в книге О. А. Смирницкой [Смирницкая 1994: 335—390].

[3] Ср. [Смирницкая 1994: 350—355]

[4] Есть основания думать, что канон дротткветтной рифмы формировался поэтапно. Й. Кристьяунссон отмечает, что в стихах ведущих скальдов первой половины XI в. Сигхвата Тордарсона и Тормода Берсасона, которых трудно заподозрить в непрофессионализме, неполная рифма в четных строках запрещена, но полная рифма в нечетных строках еще встречается [Kristjбnsson 1972: 116]: таким образом, требование авторов ученых трактатов XIII в. сохранять полную рифму в четных строках и устранять ее в нечетных не отражает первоначального состояния скальдического канона.

лу; тем самым, последний икт дротткветного стиха всегда соединен рифмой с одним из двух предшествующих иктов. Обычно рифма не распространяется на начальный согласный, но охватывает ядро слога и его финаль (иногда не всю). Неясно, свидетельствуют ли примеры повтора инициали корня в паре рифмующих слов,— ср. ***Ger***ðr of ***gör***va в висе-иллюстрации — о дефекте стиха, или же об использовании скальдом особого приема.

Как видно из изложения, не только отдельные строки, но и комплексы из двух смежных строк дроттквета обладают определенной метрической самостоятельностью. Неудивительно, что в скальдической поэтике для них существовали особые термины. Отдельная строка называется термином vísu-orð, т. е. *стихом*, букв. «*словом висы*», а комплекс из двух смежных строк, объединенных аллитерацией, обозначается термином *фьордунг*, т. е. «четверть». Примечательно, что оба термина описывают чисто метрическое членение: и *слово висы*, и даже *четверть висы* могут представлять собой синтаксически бессвязный набор словоформ, относящихся к разным синтагмам. Синтаксическая связность восстанавливается лишь на уровне **четверостишия**, называемого в скальдической поэтике термином *хельминг*, т. е. «половина». Отсутствие проективного порядка слов и возможность переплетения предложений (т. н. тмесис) являются главным препятствием, затрудняющим восприятие скальдической поэзии. Если неискушенный читатель обратится к первому четверостишию висы-иллюстрации и попытается восстановить естественный (т. е. общеязыковой) порядок слов, то ему потребуется немало усилий, чтобы понять, что элементы *Герд… кисти поддержки… огня* — части общего сложного именования (кеннинга), что эпитет *одетая в лен* в начале состава четвертой строки относится к слову Герд, произнесенному уже в первой строке, а прилагательное *готовый*, из той же строки, отсылает к словам *путь свой*, помещенными в конец четвертой строки. Ср. русский подстрочник:

Куда торишь, Герд готовый
прекрасная-в-ходьбе, кисти поддержки
не лги мне — огня,
одетая в лен — путь свой;

Наконец, на уровне целой *висы*, т. е. дротткветтного восьмистишия, происходит прояснение референции поэтических фигур и дешифровка сообщения на общеязыковом уровне.

Сами поэтические фигуры, т. е. поэтические синонимы (т. н. *хейти*) и сложные именования (*кеннинги*) понять нетрудно, так как они почти всегда обозначают типовые сущности — мужчину и женщину вообще, а не конкретных мужчин и женщин, корабль вообще, а не конкретный корабль и т. д. Поэтому внутренняя форма скальдических кеннингов и хейти стандартна и предсказуема и обычно позволяет легко восстановить обозначаемую категорию. Скальдические кеннинги строятся как бинарные дескрипции, порождаемые моделью вида «*X Y*-а», где *X* — опорное слово-классификатор, а *Y* — определяющее слово, стоящее в род. п. и выступающее в роли понятийного атрибута обозначаемой категории. Например, слово *сходка* является одним из возможных классификаторов **битвы**, а слова *меч*, *секира*, *стрела* служат атрибутами битвы, поэтому выражения *сходка мечей/секир/стрел* будут кеннингами битвы. Одна и та же категория допускает классификаторы и атрибуты разного типа, поэтому битва может названа также *песнью валькирий* или *дождем Одина*. В функции определяющего слова кеннинга мог выступать другой кеннинг, который, с свою очередь, мог включать в себя третий кеннинг и т. д. Например, кеннинг из висы-иллюстрации [*Герд* [*огня* [*кисти поддержки*]]] анализируется так: *поддержка кисти* ≡ рука; *огонь руки* ≡ золото (золотое запястье, которое женщины носят на руке), *Герд золота* ≡ женщина. Слово *Герд*, которое является опорным словом-классификатором главного кеннинга — собственное имя валькирии, поэтому читатель (и слушатели висы в древней Исландии) уже по этому слову могли угадать, что речь в висе идет о женщине. Кеннинги, включающие в себя другие кеннинги в качестве промежуточных звеньев, принято называть *двойными*, *тройными* и т. д. Кеннинги, превышающие по объему тройные, встречаются в корпусе скальдической поэзии редко.

Существовали языковые и стилистические ограничения на выбор опорных слов и слов-атрибутов. Так, опорным словом кеннинга мужчины могло быть только слово грамматического мужского рода, а опорным словом кеннинга женщины — только слово грамматического женского рода, поэтому *ясень битвы* или *Моди битвы* — это всегда кеннинг мужчины, а *липа запястий* или *Скёгуль руки* — это всегда кеннинг женщины. С другой стороны, в силу стилистического запрета мужчину нельзя назвать *ясенем украшений* или *подателем пива* или *хранителем очага* — украшения, раздача пива на пиру, надзор за очагом лежат в компетенции женщины, а соответствующие слова являются ее атрибутами. И наоборот, женщину лучше не называть *липой битвы* или *лещиной побед* — земная женщина, в отличие от валькирии, не должна при-

нимать участие в сражениях. По той же причине кеннинг *опора платка* может обозначать лишь голову женщины, а кеннинг *основание шлема* — голову мужчины.

Внутренняя форма кеннинга может быть не связана с индивидуальными свойствами лица, к которому кеннинг относится. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что кеннинг *вестник побед* может быть применен для обозначения труса, а кеннинг *раздаватель сокровищ* — к скупердяю. Едва ли, однако, стихотворения, откуда взяты подобные курьезные примеры, принадлежат к золотому фонду скальдической поэзии. Имеются основания думать, что профессиональные скальды стремились соотнести внутреннюю форму именований с рангом и релевантными характеристиками того лица, о котором шла речь, и старались не использовать модели обозначения конунгов для обозначения простых воинов, и наоборот.

Особый случай, когда кеннинг не только классифицирует, но и выражает индивидуальную характеристику референта обозначения, связан с ситуациями, когда в висе зашифровано личное имя человека, к которому отнесен кеннинг. Кеннинги-шифры данного типа представлены в следующих висах: «Сага о Битве на Пустоши», № 1, «Сага о Битве на Пустоши», № 3, «Сага о Названных Братьях», № 9. Индивидуальными можно считать также кеннинги, обозначающие богов языческого пантеона и опирающиеся на мифы, с ними связанные: образцы подлинных мифологических кеннингов представлены в висах из «Сна Торстейна». Гораздо чаще имена богов, валькирий, великанов, легендарных героев, т. н. морских конунгов используются в качестве опорных слов и атрибутов стандартных кеннингов мужчины и кеннингов битвы; такое употребление обычно не свидетельствует о цитировании мифа.

Язык скальдической поэзии позволяет построить кеннинг практически для любой предметной категории. Реально, однако, скальды эксплуатируют весьма ограниченный набор категорий: **мужчина**, **женщина**, **битва**, **корабль**, **золото**, **меч**, **кровь**, **ворон**, **волк**, **голова**, **грудь**, **рука**, **слезы**, **поэзия**. В то же время, умение построить кеннинг для нестандартной категории высоко ценилось: такие кеннинги обнаруживаются в висах-экспромтах (имеются рассказы о том, что скальды часто получали от конунгов задание сказать экспромтом вису на заданную тему), а также — в хулительных стихах[5]. Так, Тормод Скальд Чернобровой использует в ниде о гренландцах («Сага о Названных Братьях», №№ 27, 29) кеннинги **зада**, а в висе Эгиля Скаллагримссона («Са-

[5] О хулительных скальдических стихах см. книгу [Матюшина 1994].

га об Эгиле», № 58) засвидетельствован кеннинг **полового члена**. В висе Торбьёрна Брунасона («Сага о Битве на Пустоши», № 6) встречается оригинальный кеннинг **смерти**, в висе, приписываемой Хельги Асбьёрнссону («Сага о сыновьях Дроплауг», № 1) есть кеннинг **ночи**, а висах из «Сна Торстейна» можно найти кеннинг **неба**.

Виса была, в принципе, самодостаточной поэтической формой, однако существовали и более крупные скальдические произведения, по традиции называемые в русской скандинавистике *песнями* — т. н. *драпа* (drápa) т. е. развернутая хвалебная либо поминальная песнь с припевом или рефреном, он назывался *стев* (stef), и т. н. *флокк* (flokkr) т. е. хвалебная песнь без припева. Помимо наличия припева, драпа отличалась от флокка также бóльшим объемом и более высокой связностью — от скальда требовалась более тщательная проработка и проведение общих мотивов. Из саг известны случаи, когда адресат флокка считал себя оскорбленным и требовал от скальда сочинения драпы: наиболее известный рассказ подобного рода связан со скальдом Торарином Славословом, которому датский конунг Кнут Могучий (правил в 1015—1035 гг.) угрожал отрубить голову, если тот не переработает сочиненный им флокк в драпу, которую положено сочинять о столь могущественном государе, как Кнут. Данный эпизод упоминается в «Пряди о Тормоде».

Виса, произнесенная по определенному случаю, называлась *отдельной* (lausavísa, букв. «непривязанная виса»), а виса в составе флокка или драпы могла также быть названа *строфой* или *куплетом* (erindi, букв. «сообщение»). До нашего времени дошло несколько драп и флокков (обычно, не целиком), а также ряд вис, предположительно являющихся фрагментами драп и флокков, поэтому точные формальные характеристики жанра скальдических «песен» нам неизвестны. Ср. ниже обсуждение в комментариях к «Поминальной драпе о Торгейре сыне Хавара». Достоверно известно лишь, что дротткветтные драпы первоначально сочинялись лишь о современниках скальда — заказчике (в случае прижизненной хвалебной драпы), либо об умершем патроне или друге (поминальные драпы). В XII в. в Исландии появляется мода на сочинение драп о живших в историческую эпоху на памяти людей конунгах или героях прошлого. Так, некто Хаук Вальдисарсон по неизвестному нам поводу решил сочинить в XII в. драпу о знаменитых исландцах века родовых саг. Драпы о легендарных личностях, христианских святых, деве Марии и т. п. появляются в Исландии лишь на закате скальдической традиции[6].

---

[6] Обзор поздних скальдических драп см. в статье: И. Г. Матюшина. Песнь о Солнце и закат скальдической традиции // Атлантика, вып. 3, 1997, с. 36—38.

Предполагают, что непосредственные предшественники скандинавских скальдов — поэты раннегерманской эпохи — могли исполнять хвалебные песни при дворе вождей вдвоем на два голоса (т. н. амебейное пение)[7]. Однако никаких свидетельств того, что в Скандинавии VIII—XIV вв. скальды именно пели, а не декламировали свои стихи, нет. Что касается коллективного исполнения скальдических стихов, то в древнескандинавской культуре это было невозможно в силу подчеркнутой индивидуальности скальдического творчества: только автор висы или песни имел право на их произнесение от своего имени[8]. Более того, открытое заимствование отдельных строчек или кеннингов у коллеги — предшественника или современника — давало повод для обвинения в плагиате. Так, старейший скальд норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого (ум. ок. 940 г.), Аудун получил прозвище *Плохой Скальд* (дрисл. Illskælda, возможен перевод *Поганый Скальд*) за то, что «взял припев из драпы, сочиненной о конунге Харальде его родичем Ульвом Себбасоном. За это Аудун получил свое прозвище, а его драпа — название *Краденый Припев*»[9]. Другой норвежский скальд — Эйвинд Финнссон, чье творчество относится ко второй половине X в., получил (предположительно за традиционализм и эпигонский характер своей поэзии) прозвище *Погубитель Скальдов*[10].

---

[7] Обсуждение данных свидетельств см. в статье: М. И. Стеблин-Каменский. Скальдическая поэзия // Поэзия скальдов. Л., 1979, с. 99.

[8] Стих О. Мандельштама «И снова скальд чужую песню сложит / и как свою ее произнесет» к скальдической поэзии неприменим, хотя его нет нужды считать антикультурным — он отражает не особое мнение о поэзии скальдов (которую, вероятно, Мандельштам не знал), но недифференцированное употреблением слов «бард» и «скальд» в русской литературной традиции XIX—XX вв. в значении «эпический поэт вообще в древнем или легендарном европейском обществе». Ср. начало того же стихотворения «Я не читал рассказов Оссиана, / не пробовал старинного вина. / Так что же мне мерещится поляна, / Шотландии кровавая луна?», из которого видно, какую среду и какую страну имеет в виду поэт. Исторические скальды, как отмечено выше, не были эпическими поэтами, хотя могли хорошо знать эпическую поэзию, ср. эпизод, где скальд Тормод исполняет перед битвой при Стикластадире «Речи о Бьярки».

[9] Данные сведения сообщаются в т.н. «Сказе о скальдах» (Skáldsagan), содержащимся в составе «Хауковой Книги». Отрывок цит. по изданию: Íslenzk Fornrit II, 1938, p.19.

[10] Другие возможности толкования прозвища Эйвинда обсуждает М. И. Стеблин-Каменский в кн. «Поэзия Скальдов», Л., 1979, с. 148.

Точное время формирования скальдического канона неизвестно: упоминание о первых скальдах относится к концу VIII—IX вв. Временем расцвета скальдической поэзии в Исландии является период с X по XIII вв. включительно. Рунические надписи подтверждают широкое распространение скальдических навыков и в континентальной Скандинавии. Авторы некоторых шведских надписей прямо называют себя *скальдами*[11], во многих надписях есть кеннинги и другие элементы скальдической стилистики[12]. Несколько надписей имеют ритмическую структуру, напоминающую скальдические размеры, а одна датируемая приблизительно 1000 г. надпись — на камне из Karlevi, остров Эланд — целиком записана дротткветтом и удовлетворяет всем требованиям скальдического канона. В 1997 г. в Гренландии при раскопках т. н. Восточного Поселения скандинавов в Qorlortup Itinnera Ø 34 была обнаружена еще одна дротткветтная надпись; исходя из палеографических особенностей рунического письма, она может быть датирована XI—XII вв. Данная надпись пока не расшифрована полностью[13]. Судя по месту находки, она должна быть исландской либо норвежской: скандинавская община в Гренландии была создана исландскими и норвежскими колонистами и сохраняла с этими странами оживленные торговые сношения. Норвежский конунг Харальд Суровый (ум. 1066 г.) сам был известным скальдом — цикл его вис, посвященных Елизавете, дочери Ярослава Мудрого, на которой он впоследствии женился, неоднократно переводился на русский язык — и покровительствовал другим скальдам. Именно во время правления Харальда Сурового, как можно думать, окончательно оформился цикл скальдических стихов, посвященных знаменитой битве при Стикластадире 1030 г., где погиб сводный брат Харальда Олав Святой и ряд скальдов Олава, самым известным из которых был Тормод Скальд Чернобровой (998—1030 гг.), главный герой «Саги о Названных Братьях» — ср. легенду о том, что Харальд Суровый, которому в момент битвы при Стикластадире было пятнадцать лет, сумел закончить предсмертную вису Тормода («Сага о Названных Братьях», № 40). Скальдом был и живший в середине XII в. оркнейский ярл Рёгнвальд Мороз (Rögnvaldr Kali) сын Коля (ум. 1158 г.) — выдающаяся личность своего времени[14]. В «Саге об Оркнейцах» рассказывается, что ярл Рёгнвальд и

[11] Ср. *Jansson S. F. T.* Runinskrifter i Sverige. Stockholm, 1963, p.133.

[12] Ср. *Jansson S. F. T.*, ук. соч., p.134.

[13] Текст надписи опубликован в журнале «Nytt om Runer» № 13 (1998), p.10.

[14] Две висы Рёгнвальда Мороза переведены на русский язык С. В. Петровым. Ср. «Поэзия Скальдов», Л., 1979, с. 73.

некий исландец по имени Халль Тораринссон совместно составили пособие по скальдической поэзии, носившее название «Ключ размеров» (háttalykill enn forni). Этот текст до нашего времени не сохранился, однако известно, что он был использован исландским хёвдингом, историком и скальдом Снорри Стурлусоном (1179—1241 гг.) в третьей части «Младшей Эдды», носящей близкое название — «Перечень размеров» (Háttatal).

В IX—XII в. скальдическая поэзия и исландские скальды были востребованы при дворах всех правителей скандинавских стран. В XIII в. она оставалась массовым явлением лишь в Исландии: в Норвегии XIII в. мода на скальдов уже прошла — мы не только не имеем свидетельств о норвежцах, сочинявших скальдические стихи, но знаем и о том, что исландские скальды далеко не всегда встречали восторженный прием у правителей Норвегии. Снорри Стурлусон, правда, сочинил драпу (хвалебную песнь) о ярле Скули Бардарсоне, но это не принесло пользы ни ему, ни его родственникам: после гибели ярла в 1240 г. по прямому приказу конунга Хакона Хаконарсона в Исландии был убит и его союзник Снорри. Впоследствии, когда племянник Снорри, Стурла Тордарсон (ок. 1215—1284 г.), как и его дядя — историк-сагописец и скальд,— прибыл в Норвегию, окружение Хакона Хаконарсона отнеслось к нему враждебно не только потому, что Стурла был представителем опального рода, но и потому, что он был носителем традиционной исландской культуры. При дворе Магнуса, сына Хакона Хаконарсона, ориентированном на феодальную идеологию, талант Стурлы в качестве скальда-панегириста был не нужен[15], зато Стурла получил от окружения Магнуса задание создать официальное жизнеописание отца Магнуса Хакона Хаконарсона. С чем, как известно, Стурла блестяще справился, написав «Сагу о Хаконе Старом». В этой саге, как и другом своем шедевре — «Саге об Исландцах» — Стурла все же перемежает повествование скальдическими стихами (бóльшая их часть сочинена им самим).

[15] В «Пряди о Стурле», входящей в состав обширной компиляции, известной как «Сага о Стурлунгах», и записанной ок. 1300 г., сообщается, что Стурле Тордарсону с трудом удалось добиться того, чтобы хвалебная песнь, заранее сочиненная им о Хаконе Хаконарсоне, была выслушана. После чего скальд удостоился от Магнуса, сына Хакона Хаконарсона, двусмысленного комплимента: «Я думаю, что ты вещаешь получше, чем сам папа» (Þat ætla ek, at þú kveðir betr en páfinn — Sturlu þáttr, 380). Более благосклонен к Стурле оказался правитель Швеции ярл Биргир Магнуссон, который с первого раза щедро вознаградил скальда за небольшую песню (флокк из двенадцати вис).

В XIII в. в Исландии делались попытки опереться на авторитет скальдов при обсуждении аспектов грамматики и риторики; такое употребление навеяно опытом античных и средневековых латинских грамматик Доната и Присциана, которые разъясняли грамматические термины и риторические фигуры на основе примеров из поэзии. В силу этого некоторые энциклопедические и риторические трактаты XIII в. можно одновременно рассматривать и как пособия по скальдической поэтике. Помимо «Младшей Эдды» к данной группе древнеисландских памятников следует отнести прежде всего т. н. Третий и Четвертый Грамматические Трактаты; из последних двух памятников особенно ценен Третий Грамматический Трактат, написанный Олавом Белым Скальдом (1210/1212? — 1259 г.), племянником Снорри Стурлусона и родным братом Стурлы Тордарсона. Познания современных филологов в области скальдической метрики, о разновидностях рифмы и аллитерации, о правилах построения кеннингов, правилах выбора хейти и приемах их правильного использования почерпнуты, главным образом, именно из трех названных выше источников.

В XIV — XV вв. поэзия скальдов приходит в упадок и в самой Исландии, хотя владение навыками версификации остается достататочно массовым благодаря форме, приходящей на смену скальдическим песням — т. н. *римам*. Римы, вне сомнения, можно отнести к популярным жанрам, пользующимся любовью исландских читателей и читателей тех стран, на язык которых они переведены. Что касается интереса для исследователя-литературоведа, то он мотивирован тем, что поэтика рим опирается на многие завоевания скальдов: авторы рим пользуются готовыми кеннингами, рифмами и ритмическими шаблонами для создания крупных нарративных версифицированных произведений, конкурирующих с сагами — установка, совершенно чуждая скальдам IX — XIII вв.

Скальдическая поэзия была бесписьменной: на протяжении многих веков висы знаменитых скальдов и висы, сказанные в запоминающихся ситуациях, передавались изустно. Это, разумеется, не может служить гарантией того, что все известные по рукописям XIII в. висы, приписываемые рассказчиками саг и авторами трактатов по поэтике скальдам IX — XII вв., аутентичны: во многих случаях условия произнесения висы, сообщаемый в саге путь ее передачи и характеристики поэтического языка явно свидетельствуют о том, что виса была сложена не тем, кому она приписывается. Вместе с тем, тотальный нигилизм некоторых современных комментаторов по отношению к попыткам доказать большую древность скальдических стихов по сравнению с ру-

кописями, в которых они сохранились, ничем не оправдан. Древнеисландской культуре была чужда установка на осознанную литературную фальсификацию, поэтому предположение о том, что Снорри Стурлусон и другие образованные исландцы XIII в. потехи ради могли на пустом месте создать обширный корпус скальдических стихов и приписать его авторитетным скальдам прошлого, невероятно. Для того, чтобы развенчать это предположение, в сущности, необязательно обращаться к биографии Снорри и доказывать, что современники считали его средним скальдом[16], в то время как стихи Эгиля Скаллагримссона или Сигхвата Тордарсона, дошедшие до нас в составленных Снорри «Саге об Эгиле» и «Круге Земном», обладают выдающимися достоинствами — само наличие «Перечня Размеров» и других ученых памятников, где в изобилии цитируются скальды прошлого, служит лучшим подтверждением реального существования среды, в которой стихи скальдов заучивались наизусть и передавались из поколения в поколение[17].

Другой, более содержательный, вопрос состоит в том, возможно ли бытование скальдических стихов в течение длительного времени в неизменном виде. На ранних стадиях их передачи речь едва ли могла идти о сознательном изменении чужого текста — ср. выше о реакции общества на плагиат среди скальдов. Буквальное запоминание каждой строчки с присущим ей ритмом, рифмами и разбиением на слова, было, несомненно, желанным идеалом как для самого скальда, так и для его слушателей, и здесь гипертрофированно сложная форма стиха, последовательно нарушающего общеязыковой синтаксис, была преимуществом. Однако то же свойство стиха, затруднявшее его понимание в момент произнесения, парадоксальным образом, таило в себе угрозу для сохранности скальдического текста. Если слушатель желал не только воспроизвести услышанное, но и разобраться в нем, он делал конъектуры, которые могли не совпадать с замыслом поэта, и эти конъектуры зачастую при сохранении общего ритмического рисунка либо искажают облик висы до неузнаваемости, либо нарушают фор-

---

[16] О перипетиях жизни Снорри Стурлусона и о прижизненных оценках современников мы знаем, в основном из «Саги об Исландцах», составленной его племянником Стурлой Тордарсоном. Некоторые любопытные эпизоды, связанные со Снорри, комментирует в статье к русскому перводу «Кругу Земного» М. И Стеблин-Каменский, см.: М. И. Стеблин-Каменский. «Круг Земной» как литературный источник. М., 1980, с. 587.

[17] О локализации центров передачи скальдической поэзии в Исландии XI—XIII вв. см. исследование Гисли Сигюрдссона [Sigurðsson 1994].

мальное совершенство скальдического канона ради сохранения предполагаемого смысла. Весьма вероятно, что, столкнувшись с такими испорченными за время бытованиями висами, знаток скальдической поэзии считал себя вправе восстанавливать их прежний, т. е. правильный, вид, что, опять-таки, не всегда приводило к нужному результату. В этом смысле и Снорри, и другие исландцы XII—XIII вв., скорее всего, были соавторами своих предшественников (другой вопрос, осознавали ли они себя в этом качестве).

Иногда между первоначальным замыслом скальда и восприятием его стихов в последующие эпохи прослеживается связь иного рода: неверно понятые фрагменты стихов провоцируют ценителя висы на восстановление ситуации ее произнесения. В прологе к «Кругу Земному» Снорри Стурлусон прямо заявляет, что считает песни о конунгах, исполнявшиеся перед самими правителями или их сыновьями, вполне достоверным историческим свидетельством: «мы признаем за правду все, что говорится в этих песнях об их походах или битвах. Ибо, хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой[18]». Тот же подход явно распространялся составителями королевских саг и на висы и циклы вис, не связанные с хвалебными песнями, хотя Снорри не говорит об этом прямо. Так, рассказ о конфликте между сыновьями норвежского ярла Рёгнвальда *Эйнаром Торфяным* и *Ториром Молчаливым* в «Круге Земном» строится вокруг известных ему вис Эйнара[19], что, на первый взгляд, говорит о глубоком проникновении в их суть. Немецкий филолог К. фон Зее, однако, показал, что само прозвище «Молчаливый» — плод домысла: в своих висах Эйнар похваляется тем, что уже отомстил за смерть отца, в то время как его брат Торир *сидит дома молча*, т. е. «сидит сложа руки и ничего не делает»[20]. Еще более яркие анахронизмы обнаруживаются в саговых комментариях к некоторым висам нашей подборки — ср. вису Торбьёрна Брунасона («Сага о Битве на Пустоши», №6) и предсмертную вису Тормода Скальда Чернобровой («Сага о Названных Братьях», №40).

[18] Цитата дается в переводе М. И. Стеблин-Каменского. Ср. «Круг Земной». М., 1980, с. 9.

[19] Ср. «Сагу о Харальде Прекрасноволосом» в составе «Круга Земного», гл. XXX.

[20] Klaus von See. Edda, Saga, Skaldendichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters. Heidelberg, 1981, S. 465.

Установка на восприятие стихов как доказательств истинности происшествия, конечно, не была исключительной характеристикой древнеисландского (и раннего древнескандинавского) общества — ср. эпиграф к настоящей статье,— но ввиду широкого распространения навыков версификации она имела специфические последствия: предполагалось, что стихи **положено произносить** в ситуации, заслуживающей того, чтобы остаться в памяти. В принципе, нет ничего невозможного в том, что человек перед битвой или в самой битве, в предсмертный час или в иной экстремальной ситуации произносит вису, или ряд вис[21], и что находятся слушатели, которые их тут же запоминают и передают потомкам, однако большинство подобных сообщений в родовых и королевских сагах не более и не менее достоверны, чем сообщения о висах, сказанных призраками, великанами, великаншами, норнами или нечистой силой[22], которые тут же заучивались заинтересованными лицами или кстати подвернувшимися свидетелями.

Здесь мы подходим к вопросу о том, в какой степени традиция заучивания и передачи скальдических стихов была независима от прозаической традиции, сообщавшей об обстоятельствах произнесения этих стихов. Данный вопрос оживленно дискутируется в исландистике на протяжении последних двух столетий. Отвергнув полемические крайности — утверждали, что скальдическая и саговая традиция полностью независимы, или, наоборот, утверждали, что они не существо-

[21] Ср., например, рассказ о гибели Гисли сыне Кислого в одноименной саге (Íslenzk Fornrit VI, 1943, p.114).

[22] Последний случай запечатлен в «Саге о Храфне сыне Свейнбьёрна», действие которой происходит в конце XII — начале XIII вв. в Исландии в четверти Западных Фьордов, и которая была записана по свежим следам событий. Рассказчик сообщает, что некий житель округи — его имя указано в саге — имел обыкновение видеть вещие сны. Этому человеку во сне дважды являлся дьявол, который называл себя Ингольвом. Когда дьявол явился во второй раз, сновидец спросил его: «Хочешь сообщить что-нибудь столь же дурное, как в прошлый раз?». На что дьявол ответил: «Подумай над этой висой» и произнес стихи, приведенные в саге. Вскоре в округе произошло убийство. В «Саге о Названных Братьях» Торгейр сын Хавара также уверяет в гл. IV своего противника Торбранда в том, что он видит вещие сны, «как ему положено по рождению», и что в этих снах Хель, хозяйка подземного царства, «заключает Торбранда в свои обьятия»: через короткое время Торбранд погибает от руки Торгейра. Рассказ о дьяволе Ингольве в саге о современных событиях и заявление о вещих снах, вложенное в уста герою родовой саги — проявления одной и той же культуры: к тому же «Сага о Названных Братьях» была записана в той же части Исландии и даже, вероятно, примерно в то же время, что и «Сага о Храфне сыне Свейнбьёрна».

вали раздельно, доказывали, что абсолютно все «висы на случай» суть обрывки не дошедших до нас древних циклов, или, наоборот, пытались доказать, что почти все висы, приписываемые скальдам прошлого, фальсифицированы рассказчиками саг — наметим наиболее реалистичный, с нашей точки зрения, вариант ответа. Зависимость некоторого круга стихов от прозаической традиции, сообщавшей об событиях, к которым данные стихи приурочены, сильнее всего для вис, имевших узко локальное хождение в пределах одной округи (такие тексты назывались в самой древнеисландской культуре словом héraðsfleygt букв. *разнесенное по округе*, т. е. «сведения местного значения»). Условия возникновения стихов подобного рода демонстрируют прежде всего саги, входящие в состав компиляции «Саги о Стурлунгах» и повествующие о событиях XII—XIII вв. по свежим следам, однако сходные ситуации могут быть восстановлены и для ряда родовых саг, в том числе, в нашей подборке — для «Саги о Битве на Пустоши» и «Саги о Хромунде Хромом». Когда в 1014 г. в Боргарфьорде произошла Битва на Пустоши и погибло много знатных исландцев, это событие дало повод для сочинения вис в лагере обеих враждующих сторон — агрессоров («северян») и жертв нападения («южан»). В саге приводится четырнадцать вис, приуроченных непосредственно к данному эпизоду распри. Семь вис приписывается «северянам», все они связаны с именем Эйрика Тревоги, участвовавшего в битве и благополучно вернувшегося домой, семь вис — «южанам», в том числе две висы — Тинду Халлькельсону (он остался жив), четыре висы — Торбьёрну Брунасону и одну вису — Гисли Торгаутсону (оба погибли). Очевидно, что все висы данного круга с равным успехом могли быть сочинены не только участниками битвы, но и другими лицами, хотя, с учетом того, что рассказ о событиях и сами стихи были адресованы, прежде всего, местным уроженцам, апокрифическую вису легче было приписать тому, кто имел прижизненную репутацию скальда (из потенциальных авторов обсуждаемых вис это реально известно лишь о Тинде Халлькельсоне). Точно так же, когда в конце X в. в другой части Исландии произошло неординарное событие — в результате нападения пришлых викингов героически погибли бонд Хромунд Хромой и его сын Торбьёрн — оно просто не могло не отразиться в скальдических стихах. Непринципиально, кем сочинены эти стихи — самим Хромундом (что следует из текста саги о нем), его уцелевшим сыном Хастейном (он затем покинул Исландию и погиб в битве при Свольдре в 1000 г.), или кем-то еще: важно, что стихи тесно связаны с местной прозаической традицией об конфликте Хромунда с пришельцами, его обороне и гибели.

С другой стороны, хвалебные и поминальные драпы, а также висы, интересные не только благодаря условиям своего возникновения, но и благодаря особенностям поэтического языка, меньше нуждались в поддержке прозаического контекста. Лучшим подтверждением этому служит то, что висы знаменитых скальдов — Кормака Эгмундссона, Халльфреда Трудного Скальда, Тормода Скальда Чернобровой — весьма часто приводятся в сагах о них невпопад, ср. ниже комментарий к висам Тормода («Сага о Названных Братьях», № 8, 27, 30, «Прядь о Тормоде», № 4): это свидетельствует о том, что рассказчик саги знает вису скальда, но не знает, как ее приспособить к выстроенному им сюжету. Что, с точки зрения современного литературоведа, является далеко не худшим вариантом в сравнении с опущением висы: ср. в той же «Саге о Названных Братьях» слова рассказчика саги, который со ссылкой на строфы из драпы Тормода сообщает, что Торгейр сын Хавара пользовался почетом в Англии и Дании, но текста самих строф, к огорчению читателя-специалиста, не приводит, поскольку не может сообщить о пребывании Торгейра в этих странах ничего конкретного.

Возможны и промежуточные случаи, когда цикл вис приурочен к определенному событию, но прозаическая и стихотворная традиция не стыкуются. Любопытны в этом отношении висы, приписываемые Гриму сыну Дроплауг из «Саги о сыновьях Дроплауг»: рассказчик саги разместил их столь небрежно, что сумел не только нарушить их порядок, но и спутать висы, посвященные двум разным эпизодам распри — смерти Хельги Дроплаугарсона в 998 г. и убийству Хельги Асбьёрнссона в 1008 г. Наиболее интересный в культурном отношении прецедент связан с частичным размежеванием прозаической и скальдической традиции о битве при Стикластадире в 1030 г., ср. ниже разбор апокрифических стихов, связываемых с именем Тормода в Стикластадирском эпизоде[23].

Сопоставительный анализ текста висы и прозаического сагового комментария к нему сам по себе не может доказать аутентичность висы, но в ряде случаев помогает установить, что виса либо предшествовала акту записи саги, либо, по крайней мере, намного старше последней редакции саги. Так, курьезным анахронизмом, лежащим на совести рассказчика «Саги о сыновьях Дроплауг» (№ 2 в этой саге), является то, что он ухитрился поместить вису, содержащую в обращении стандартный кеннинг мужчины *Фрейр коня пучины* в ситуацию, где скальд отвечает на вопрос женщины. Другой курьез, как показали со-

[23] Более подробно данная тема обсуждается в наших статьях [Zimmerling 1997; Циммерлинг 1998].

временные саговеды, связан с уверенностью рассказчика «Саги о Названных Братьях» в том, что Тормод говорит в висе №18 о том, что жертвами Торгейра в последней схватке стали тринадцать врагов, между тем скальд сообщает, что Торгейр всего за свою жизнь убил тринадцать человек. Распространение письменного текста данной саги привело к разрастанию недоразумения, что отмечено выше в комментариях к «Пряди о Тораринe Дерзком»: рассказчик пряди небрежно списал цифру «13» (xiii), добавив к списку мнимых жертв Торгейра еще один графический фантом (xiiii = «14»).

Помимо анахронизмов, связанных с неадекватно восстановленной ситуацией произнесения, для ее датировки существенно наличие искажений в самом тексте висы: большие расхождения между вариантами висы в разных версиях саги и заведомая порча стиха обычно свидетельствуют о древности висы. Здесь, как показывает опыт, возможно большое число промежуточных шагов между механическими искажениями и домыслами хранителей скальдической традиции о первоначальном облике произведения. Крайний случай, лежащий на грани тождества текста, разобран ниже с связи предсмертной висой Тормода (№40 в «Саге о Названных Братьях»): здесь в одной из редакций саги почти полностью искажен первый хельминг висы, а в другой редакции почти полностью искажен ее второй хельминг — текст, свободный от искажений, восстанавливается лишь в результате критического чтения обоих версий. При этом одним из первых звеньев искажения было сомнение знатоков Стикластадирской традиции в исконности или в экспрессивной силе выражения *худощавая жена*, которое скальд употребил применительно к Хель. С виду безобидная замена этого выражения кеннингом *Скёгуль насеста ястреба* привела к переосмыслению всей ситуации висы, с добавлением в нее роли апокрифической женщины-слушательницы, что в итоге исказило текст до неузнаваемости. Мастшаб расхождений — в двух версиях саги совпадают лишь три (!) строчки из восьми — и перекличка висы Тормода №40 с другими висами Стикластадирского цикла практически исключают датировку висы периодом позже конца XI в. Разумеется, это не доказывает того, что данная виса действительно была сложена умирающим Тормодом, но зато — и это для литературоведа гораздо важнее — удается доказать, что виса сложена скальдом XI в. и что она вплоть до XIII в. передавалась изустно.

Тем не менее, вопрос о том, были ли в действительности знаменитые скальды X—XI вв., о жизни которых мы знаем из саг, авторами тех стихов, которые связываются с их именем, по-прежнему остается

притягательным для всех любителей древнеисландской словесности, включая ее профессиональных исследователей. Точная атрибуция литературного произведения конкретному лицу возможна лишь при условии, что известны индивидуальные особенности его стиля и/или типовые черты стиля эпохи, в которую он жил. Никто из современных филологов не сомневается в том, что поэзия скальдов была **авторской**, однако a priori трудно решить, было ли скальдическое творчество **личностным**; последний вопрос уместен ввиду стереотипности скальдического языка и жесткости стихотворного канона, оставляющих мало возможностей для самовыражения. Кроме того, строго не доказано, что скальдический канон существенно изменился в период с конца VIII в. по конец XIII в. Крупнейший отечественный скандинавист и знаток скальдической традиции М. И. Стеблин-Каменский отклонял гипотезу об эволюции поэзии скальдов[24], но допускал, что между манерой разных скальдов были отличия, осознаваемые современниками, но ускользающие от носителей чуждой культуры. В ряде работ последних десятилетий на основе статистического анализа все же удалось выявить тенденции в изменении ритмики и рифмовки от скальдов IX в. к скальдам XIII в. (О. А. Смирницкая, Кр. Ауртнасон[25]), изменения в моделях построения кеннингов (Е. А. Гуревич[26]), наконец, изменения в стиле дротткветтных драп (Б. Фидьестоль[27]).

Не столь велики успехи в другом направлении: никому из филологов не удалось облечь свое интуитивное ощущение об индивидуальном своеобразии манеры Сигхвата, Халльфреда, Кормака, Тормода, Эйнара Звона Весов, Глума Гейрасона, Арнора Ярлова Скальда, Эйнара Скуласона и прочих выдающихся мастеров X—XII вв. в форму научной гипотезы, т. е. доказать, что каждый из этих мастеров мог сочинить нечто такое, что его конкурент сделать не смог. Конечно, указать, что некое слово или кеннинг засвидетельствано лишь у данного скальда, или не встречается в стихах, приписываемых скальдам, жившим в

---

[24] «С IX в., эпохи, к которой относятся древнейшие сохранившиеся образчики жанра, и до его отмирания в XIII в. в нем [жанре хвалебной драпы], т. е. в продолжении около полутысячелетия, не произошло сколько-нибудь существенных изменений». Цит. по: М. И. Стеблин-Каменский «Древнескандинавская литература», Л., 1979, с. 77. Иная точка зрения на эволюцию жанра драпы представлена в работе норвежского филолога Б. Фидьестоля. Bjarne Fidjestøl. Det Norrøne Fyrstediktet.Alvheim & Eide Akademisk Forlag. Øvre Ervik, 1982.

[25] Ср. [Смирницкая 1994, 362—384; Árnason 1991].

[26] Ср. [Гуревич 1988; Гуревич 1999].

[27] B. Fidjestøl, ук. соч.

более раннюю эпоху, нетрудно. Однако подобный метод атрибуции не вызывает доверия, так как всегда есть возможность предположить, что статистическое распределение установилось случайно. Более обещающим выглядит метод поэтологического анализа, где принимается презумпция, что автор художественно полноценной висы не только сообщает общеязыковую информацию, но и решает определенную задачу в области выразительных средств. И здесь филологам полезно отрешиться от стереотипа, объединяющего их с учеными исландцами XIII в. — рассказчиками саг: и те, и другие склонны видеть в скальдической висе шараду, которую нужно правильно разгадать, чтобы получить доступ к ценной фактической информации. Безусловно, вирши, все содержание которых сводится к тому, что «X огрел Y-а по голове, так что та раскололась» или «X убил Y-а, воронье рвало падаль», в дошедших до нас текстах саг — не редкость; возможно даже, что они составляли большинство скальдической продукции. Однако в тех же текстах саг мы находим свидетельства о том, что к подобного рода «поэзии», побуждающей вспомнить фривольный миф об *орлином помете* (Один, приняв образ орла, похитил мед поэзии; затем, спасаясь от погони, он отрыгнул часть меда в чашу — эта доля досталась хорошим поэтам, а часть выделил через задний проход — это доля досталась стихоплетам), относились иронически. Так, в «Пряди о Гисле сыне Иллуги» рассказывается о молодом исландце, скальде-самоучке, который смешон тем, что стремится во всем соответствовать идеалу мужчины, в том числе, декламировать стихи перед конунгом: в них, как с готовностью признает рассказчик пряди, «особой поэзии не было» (ekki var þar mikill skáldskapr[28]). Похожим на Гисля персонажем является юный Гест сын Торхалля, чья словоохотливость в «Саге о Битве на Пустоши» переходит в словоблудие: тем не менее, рассказчик этой саги, отпуская иронические ремарки по поводу качества стихов Геста и его желания покрасоваться перед публикой, все же стихи приводит.

Лица, баловавшиеся сочинением невзыскательных стихов и не стеснявшиеся произносить их прилюдно, не были единственной мишенью насмешек. В хорошо известной русскому читателю «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» рассказывается о двух разъезжавших по дворам скандинавских правителей в начале XI в. плохих скальдах — заглавном герое Гуннлауге и его оппоненте Храфне, которые пред лицом шведского конунга Олава Облагателя Налогами уличали друг друга в низком профессиональном уровне. Критика убийственна для поэта: Гуннлауга рассказчик саги устами Храфна обвиняет в том, что

[28] Íslenzk Fornrit III, p. 339.

его поэзия *претенциозна, напыщенна и некрасива* (это вполне подтверждается дефектами в висах, приписываемых Гуннлаугу), а Храфна рассказчик саги устами Гуннлауга уничтожает тем, что объявляет его поэзию *внешне красивой, но ничтожной и пустой по содержанию*[29]. При этом человеческие симпатии рассказчика явно на стороне Гуннлауга; примечательно, что в саге появляется авторитет — знаменитый скальд Халльфред, который не имеет к сюжету никакого отношения и введен только для того, чтобы, выслушав экспромт Гуннлауга, выдать реплику «*Хорошо сложено*» (Vel ort)[30].

Совсем иначе устроены лучшие стихи признанных скальдов: дротткветтное восьмистишие в их руках оказывается несравненно более емкой формой. Так, Тормод Скальд Чернобровой, повествуя о подвигах Торгейра сына Хавара, не только выбирает хейти и строит оригинальные кеннинги, но и успевает сообщить запоминающиеся бытовые детали (Торгейр плывет у него *на просмоленном кнёрре* в висе № 7, *сдирает крышу* с хутора в висе № 10, заключает *договор о поруке* в висе № 14), одним штрихом указывает на источник информации (сам участвовал в битве, узнал от Торгейра, узнал от третьих лиц), выражает собственные эмоции и оценки (виса № 5), оценки окружающих (за одно деяние современники Торгейра хвалили, за другое порицали — висы №№ 3—4), объясняет причину, по которой эпизод завершился именно так (агрессия наказуема — виса № 13), а также умелым подбором моделей кеннинга и конвенциональных выражений внушает слушателю параллель между подвигами Торгейра и подвигами эпического вождя в героических песнях. При этом в поэзии Тормода, как и поэзии других видных скальдов, сложный кеннинг далеко не всегда служит «ударным» местом висы, ее коммуникативным центром: например, в висе № 34, сказанной перед битвой при Стикластадире, такую роль играет выражение *век ножей* (skálmöld), являющееся эсхатологической аллюзией[31]. В другой висе (№ 5 в «Пряди о Тормоде») Тормод вообще произносит только один стандартный кеннинг, зато запутывает порядок

[29] Íslenzk Fornrit III, p. 80.

[30] Íslenzk Fornrit III, p. 89. К сожалению, ирония рассказчика «Саги о Гуннлауге» по отношению к своим персонажам слишком тонка и завуалирована, чтобы ее легко воспринимал неподготовленный читатель; вероятно, что уже близкие к рассказчику поколения исландцев принимали панегирики Гуннлаугу за чистую монету.

[31] С современной точки зрения это — цитата из «Прорицания Вёльвы» (Vsp 45), однако генетическое соотношение висы Тормода и данной эддической песни неясно.

слов так, что предельно затрудняет слушателям восприятие частей висы, пока она не закончена. И тем не менее реплика конунга Олава Святого «*Однако твои стихи очень занятны*» едва ли мотивирована лишь тем, что Тормод заставил его поломать голову над синтаксисом дротткветтного стиха: разобравшись в висе, конунг (или подставляемый на его место искушенный ценитель) понимает, что скальд предложил правителю подобие социального контракта, оговорив права сторон: именно эта перспектива обсуждается в сопровождающем прозаическом тексте.

Итак, наилучший, хотя и трудоемкий путь к определению индивидуальной манеры скальда, лежит через определение коммуникативного центра его стихов, того, как и для чего он использует поэтическую форму. При этом могут выясняться вполне конкретные детали и предпочтения. К примеру, Тормод, к творчеству которому мы обратились в поисках антитезы *пустой* либо *напыщенной* поэзии, строго регламентирует употребление морских кеннингов (они имеют в его стихах величальную функцию), не использует кеннинг ВОЛКА, предпочитая употреблять в обозначениях стервятника названия крупных хищных птиц, не употребляет по отношению к самому себе кеннинги СКАЛЬДА и кеннинги ПОЭЗИИ, охотно вставляет ключевую информацию в вводные предложения, в определенных случаях предпочитает не употреблять кеннинги, заменяя их эпическими синонимами или эпитетами. Именно совокупность всех этих черт (а не обсуждавшиеся ранее нерелевантные признаки типа количества богов языческого пантеона, мелькающих в кеннингах Тормода[32]), позволяют прийти к выводу, что большая часть отдельных вис, приписываемых Тормоду в «Саге о Названных Братьях», принадлежат тому же лицу, которое ответственно за сочинение «Поминальной драпы о Торгейре». Наличие драпы или цикла стихов, связываемых с именем того или иного скальда, служит благоприятным фактором для стилистической экспертизы его вис — если, конечно, строфы предполагаемой драпы удается объяснить как части общего композиционного замысла. Для «Драпы о Торгейре» последнее не вызывает никаких сомнений, ср. ниже анализ ее поэтики.

Другой филологический критерий, не до конца востребованный в литературе о скальдах, нужен не столько для атрибуции скальдического текста, сколько для реконструкции возможного пути его передачи в дописьменную эпоху: важно понять, какие именно качества висы могли способствовать ее сохранению. В комментариях к висам из нашей

[32] Ср. развернутую критику подобных доказательств в рецензии Б. Гвюднасона [Guðnason 1972] на книгу Й. Кристьяунссона [Kristjánsson 1972: 111].

подборки показывается, что в разных ситуациях слушателей могли интересовать разные обстоятельства: то, что виса сочинена известным скальдом, то, что виса сочинена земляком, то, что она содержит нестандартный сложный кеннинг, то что виса содержит экзотические или грубые выражения, то что в висе упоминаются известные личности, наконец,—то, что виса сопряжена с памятным эпизодом, о котором сохранились точные или смутные сведения. Разумеется, все объяснения нужны лишь тогда, когда есть основания думать, что виса древнее прозаического текста саги. Однако ситуаций, где с уверенностью можно доказать факт присочинения вис последним рассказчиком саги, в нашем материале сравнительно немного.

Итак, попытки установить атрибуцию висы и дать ее примерную датировку на основании поэтологического анализа—трудная, но не совсем безнадежная задача. Основания для осторожного оптимизма состоят, во-первых, в том, что не все возможные пути передачи и искажения конкретных скальдических стихов равно вероятны, во-вторых в том, что драпы и циклы стихов дают представление об особенностях манеры скальда, в-третьих, в том, что гипотезу о фальсификации исландцами XIII в. вис, приписанных героям саг, доказать обычно труднее, чем гипотезу о большей древности вис той или иной саги по сравнению с ее прозаическим текстом.

Можно сделать общий вывод, что воспроизводство традиционной скандинавской культуры, частью которой была поэзия скальдов, в течение длительного времени обеспечивало в Исландии если не конгениальное восприятие скальдических стихов, то хотя бы готовность продолжить традицию, и в этом плане заучивание чужих стихов наизусть в буквальной форме, конъектуры к стихам и присочинение новых стихов, приуроченных к событиям прошлого—органичные проявления этой культуры. Поэтому самое печальное последствие для поэзии скальдов имело не появление письменности, не отсутствие внешних заказов со стороны правителей Норвегии и не оскудение фантазии скальдов, но постепенное исчезновение той аудитории, которая была воспитана на их стихах и была сама не чужда версификации: *некрасивые* или *незначительные* стихи рядовых поэтов, над которыми смеялись снобы в XIII в. и которые остаются объектом критики современных филологов, были питательной средой высших достижений жанра.

Иное дело—общества, изначально чуждые скальдической поэзии и усваивающие ее как часть мировой литературы[33]. Здесь надежда на

[33] Увы, к их числу приходится отнести и современное исландское общество. Рядовым исландцам (не филологам) скальдические стихи, в отличие от саг и от

адекватное восприятие скальдов обычно невелика; на новые европейские языки их нередко перелагают ритмизованным подстрочником, исходя из того, что лучше дать читателю представление о том, что говорится в висе, чем стилизовать ее под другую поэтическую традицию. Русский читатель, однако, находится в привилегированном положении. Объективная причина этого кроется в том, что русский язык и русская метрика дают благоприятные возможности если не для воссоздания аллитерации, корневых рифм и ритмики дроттквета, то хотя бы для их имитации. Субъективная причина — в том, что благодаря просветительским усилиям М. И. Стеблин-Каменского и таланту С. В. Петрова[34] и О. А. Смирницкой[35], которым принадлежат филологически точные переводы вис, в нашей стране сформировался небольшой, но устойчивый круг ценителей скальдической поэзии. Особой заслугой С. В. Петрова и О. А. Смирницкой мы считаем то, что они в своих лучших переводах сумели нащупать в звуковом и образном строе русского стиха пласты, сближающие его с древнеисландским стихом, и тем самым, воссоздать многие черты языка скальдов на русском материале. Поэтому переводы тех, кто обращался к поэзии скальдов после них, не нуждаются в подробной наукообразной экспертизе: главный критерий их оценки — достоинства и недостатки самого русского текста.

Скальдические стихи для настоящего издания переведены Ф. Б. Успенским и А. В. Циммерлингом. Корневая рифма и аллитерация переданы близкими звуковыми повторами, но логика употребления последних везде мотивирована не особенностями оригинала, а развертыванием русского стиха; задача чисто формального перевода не ставилась. Как и наши предшественники, мы оставляли себе право при необходимости менять оригинальные кеннинги и их элементы. Поскольку поэзия скальдов основана на синонимических заменах, мы активно пользовались теми синонимами, которые известны из истории русского языка (ср. *тарчи*, *струг*, *гридь*, *чадь* и т. п.) и теми словами, которые имеют в русской культуре устойчивые культурные коннотации (*бирюк*, *вира*, *шишига* и т. п.).

В отличие от С. В. Петрова и О. А. Смирницкой, переводчики последовательно переводили дротткветтные строчки трехстопным хоре-

рим, непосредственно непонятны — для них они представляют не источник эстетического восприятия, но высоко ценимый ингредиент классической древнеисландской литературы, создающий ее национальный колорит.

[34] Переводы С. В. Петрова собраны в неоднократно цитировавшейся выше книге «Поэзия скальдов», Л., 1979.

[35] Переводы О. А. Смирницкой издавались в составе изданий саг: «Исландские саги. Ирландский эпос», 1973; «Сага о Греттире», 1976; «Круг Земной», 1980.

ем. Такое решение имеет плюсы и минусы. Следует учитывать, что древнеисландские слова в оригинале в среднем по крайней мере на слог длиннее своих русских эквивалентов. Это значит, что древнеисландский стих **более емкий** — строка содержит в среднем на одно слово больше, чем строка русского трехстопного хорея, кеннинг нередко на одно звено длиннее переводного эквивалента, буквальное развертывание материала висы в подстрочном переводе превысит показатель оригинала на одну или несколько строк. Все это делает буквальный перевод бессмысленным и заставляет искать иные, более емкие или более экспрессивные, средства выражения. Разумеется, потери при таком подходе неизбежны, приходится чем-то жертвовать в составе висы. Впрочем, эта констатация не в меньшей мере относится к нашим предшественникам. В соответствии с нашим пониманием оригинала, мы повсюду стремились сохранить коммуникативно самые ценные или наиболее своебразные черты висы. В какой мере это удалось — пусть судит читатель: в нашем издании он получает возможность сравнить литературный перевод как с оригиналом, так и с подстрочником.

Антон ЦИММЕРЛИНГ

Библиография по скальдической поэзии

Издания скальдической поэзии

Den norsk-islandske skjaldedigtning ved Finnur Jónsson, bd. 1, 1A, 2A, København, 1912—1915 (издание скальдических стихов по текстам рукописей).

Den norsk-islandske skjaldedigtning ved Finnur Jónsson, bd. 2 (B). Rettet text. 2. Udg. København, 1973 (исправленный текст с переводом на датский язык).

Kock E. A. Notationes norroenae. Anteckningar till Edda och skaldediktning. Lunds Universitets Årsskrift, Lund, 1923—1943 (сильно исправленный текст с неортодоксальными конъектурами).

Ср. также издание «Младшей Эдды» с «Перечнем размеров»:
Edda Snorra Sturlusonar. Kbh., 1931 (utg. Finnur Jynsson).

Словарь языка скальдов

Finnur Jónsson. Lexicon Poeticum antique lingue septentrionalis. København, 1966 (глоссарий к текстам скальдов и к эддическим памятниках; ссылки даются на изданный Финнюром Йоунссоном корпус скальдов).

Общие работы

Стеблин-Каменский М. И. Поэзия Скальдов / Докт. Дисс. Л., 1947.

Скальдические кеннинги и хейти

Meissner R. Die Kenningar der Skalden: Ein Beitrag zur skaldischen Poetik. Bonn — Leipzig, 1921.

Стеблин-Каменский М. И. 1978. Статьи. Скальдический кеннинг // Историческая поэтика, Л., 1978, с. 40—64.

Гуревич Е. А. Скальдический кеннинг 1988: (Некоторые вопросы теории) // Скандинавский Сборник — Таллин. Т. 31, 1988, с. 180 — 189.

Гуревич Е. А. Характеризующее хейти в тулах и его прототипы: к проблеме «скальдической синонимики и мифологической номинации» // Эпос Северной Европы (пути эволюции). М., 1989, с. 96 — 118.

Гуревич Е. А. Искусство кеннинга, или о двух фигурах скальдической поэтики: nykrat и nýgerving // Скандинавские языки: диахрония и синхрония. М., 1999, с. 49—65.

Гуревич Е. А. Поэтический термин «видкеннинг»: к проблеме реконструкции значения // Слово в контексте литературной эволюции. М., 1990, с. 28 — 39.

Gurevich E. The system of kennings // Nordica Bergensia, № 3, 1994, S. 139—156.

Gurevich E. Ok varð it mesta skáld: some observations on the problem of scaldic training // Collegium Medievale, vol. 9, 1998, S. 57 — 71.

Метрика

Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский поэтический термин «дроттквет» // Историческая поэтика, Л., 1978, с. 40 — 64.

Смирницкая О. А. Стих и язык скальдической поэзии // Стих и язык древнегерманской поэзии. М., МГУ, 1994, с. 335 — 416.

Kristján Árnason. The rhythm of dróttkvætt and other Old Icelandic metres. Reykjavík, 1991.

Скальдическая традиция в Исландии

Gísli Sigurðsson. Ólafur Þórðarson Hvítaskáld og munnleg kvæðahefð á Vesturlandi um miðja 13. öld. // The IXth International Saga Conference. The Contemporary Sagas. Reykjavík, 1994, 220—232.

Гуревич. Е. А. Скальдическая синонимика и ее трактовка в ранней исландской ученой поэтике // Скандинавские языки, вып. 2., М., 1990, с. 278—296.

Clunies Ross M. Skáldskaparamál. Snorri Sturluson's ars poetica and medieval theories of language. Odense UP, 1987.

Место поэзии скальдов в мировой литературе

Стеблин-Каменский М. И. 1978. Лирика скальдов? // Историческая поэтика, Л., 1978, с. 40 — 64.

Стеблин-Каменский М. И. 1978. Место поэзии скальдов в истории мировой литературы // Историческая поэтика, Л., 1978, с. 90—102.

Матюшина И. Г. Магия слова: скальдические хулительные стихи и любовная поэзия. М., 1994. 128 стр.

1. Стихи из «Пряди о Снэбьёрне»

В составе «Пряди о Снэбьёрне и Халльгерд», сохранившейся в составе «Книги о Заселении Земли» имеются две висы, приписываемые Халльбьёрну Оддсону и Стюрбьёрну. Ситуация произнесения и жанровые особенности пряди свидетельствуют о том, что висы апокрифические. Действие пряди относится к середине X в. Кем, и в какой период, сочинены висы, установить невозможно. Известно лишь, что они старше второй половины XIII в., так как обе висы есть в тексте независимых друг от друга редакций «Книги о Заселения Земли», составленных Стурлой Тордарсоном и Хауком Эрлендссоном.

1

1. Контекст:

Некто Халльбьёрн требует, чтобы его жена Халльгерд ехала с ним и пробует стащить ее со скамьи силой. Она демонстративно остается на месте и не отвечает ни слова. Халльбьёрн произносит вису, и затем отрубает жене голову.

2. Текст:

Ölkarma lætr, arma
eik firrumk þat, leika
Lofn fyr lesnis stofni
línbundin, mik sínum;
Bíða man ek of brúði,
böl gerir mik fölvan,
— snertumk harmr of hjarta —
hrót, aldrigi bótir.

3. Пословный перевод:

Подательница пива заставляет запястий
липы (eik!) отвращает-меня это, играть
Лофн пред платка опорой
одетая в лен, меня, своей;
Дождусь я от невесты,
несчастье (злоба) делает меня бледным,
— режет (жжет) меня горе в сердце,—
кровлю, никогда возмещения.

4. Развертка:

Подательница пива, Лофн, одетая в лен, заставляет меня играть перед опорой своей головы; это отвращает меня (от) липы запястий (1—4).

Я никогда (не) дождусь от невесты возмещения; несчастье делает меня бледным, горе жжет меня в сердце (5—8).

5. Синтаксис:

(*Она*) *заставляет меня играть перед своей головой* — по-видимому, идиома со значением «она делает меня из меня дурака, шута» или «заставляет меня плясать под свою дудку».

это отвращает меня Лофн ≡ *это отвращает меня от Лофн.*

дождусь ли я никогда поправки(*возмещения*) ≡ *я никогда не дождусь*

Очень похожая фраза (bíðu vér síðan aldrigi bótir) встречается в концовке другой висы из Боргарфьорда, приписываемой Тинду Халльдельссону (см. «Сагу о битве на Пустоши», виса № 14). Безусловно, мы имеем дело с синтаксическим клише. Однако смысл его не вполне ясен, поскольку слово bótir многозначно: 1) «улучшение» 2) «компенсация, вира». В первом случае клише означает «*Я никогда не сподоблюсь компенсации за моральный ущерб*». Во втором случае клише означет «*я никогда не соглашусь на компенсацию* ≡ *мне нанесено смертельное оскорбление*».

6. Поэтика:

липа запястий — «древесный» кеннинг ЖЕНЩИНЫ;

подательница пива ≡ ЖЕНЩИНА (кеннинг);

Лофн — богиня. Здесь ≡ *хейти* ЖЕНЩИНЫ. *Одетая в лен* — стандартный эпитет.

невеста в данном случае ≡ просто хейти ЖЕНЩИНЫ;

опора платка — кеннинг ЖЕНСКОЙ ГОЛОВЫ (платок — часть наряда женщины); напротив, голова мужчины может быть названа *основанием шлема* (шлем — атрибут ВОИНА).

кровля сердца ≡ ГРУДЬ (кеннинг);

несчастье — в оригинале употреблено маркированнное слово böl, которое несет коннотации «активное зло», «злой рок».

7. Смысл:

Женщина выставляет меня дураком; это отвращает меня от нее. Общение с ней не сулит мне никаких надежд на улучшение; я бледен от злобы и горе гложет мне сердце.

8. Размер:

Дроттветт.

9. Сохранность текста:

Виса известна только по рукописям «Книги о Заселении Земли».

10. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Hallbjörn Oddsson

Ölkarma lætr, arma
eik firrumk þat, leika
Lofn fyr lesnis stofni
línbundin, mik sínum;
Bíða man ek of brúði,
böl gerir mik fölvan,—
snertumk harmr of hjarta—
hrót, aldrigi bótir.

Хальбьёрн

Лофн во льне,— вольно ей
мужиком как куклой помыкать.
Невеста днесь мне ненавистна!
Обескровлен лихом
злым под кровлей духа—
платы не дождался
я от липы плата.

2

1. К о н т е к с т:

Накануне плавания в район Гренландии одному из корабельщиков приснился вещий сон.

2. Т е к с т:

… а Хрольв взял Стюрбьёрна, который услышал эту вису во сне и запомнил ее:

Bana se ek okkarn
beggja tveggja,
allt amorligt
útnorðr í haf,
frost ok kulða,
feikn hvers konar;
veit ek at slíku,
Snæbjörn veginn.

3. П о с л о в н ы й   п е р е в о д:

Гибель я вижу нас
двоих обоих,
тягостно все
в дальнем северном море;
(вижу) мороз и стужу,
много разных (диковин)
через это знаю я:
Снэбьёрн убит.

4. С и н т а к с и с:

Я вижу — общая рамка, распространяющаяся на первые шесть строк.

В последних двух строках представлена конструкция с двойным вин. п. *я знаю Снэбьёрна убитым*, которая семантически неоднозначна: 1) ≡ *я знаю, что он убит* (предвосхищающее знание), или 2) *я знаю, что он будет убит* (прогноз).

5. П о э т и к а:

тягостно — в оригинале редкое слово amorligt; звуковой состав корня неясен (краткий или долгий гласный?). Однако в обоих случаях прощупывается примерно одно и то же значение «мрачный, понурый, зловещий».

чудеса — исландское слово feikn имеет оттенок «диковина», «дурное предзнаменование»;

6. Р а з м е р:

Форнюрдислаг. Размер двухтактный: в каждой строке минимум четыре слога и две ударных вершины. Аллитерация соединяет две двухударные строки (их принято называть *краткими строками*) в одну *долгую строку*, где слово, занимающую третью вершину, аллитерирует со словом, занимающим первую вершину — ср. *f*rost ok kulða / *f*eikn hvers konar, или со словом, занимающим вторую вершину — ср. veit ek at *s*líku / *S*næbjörn veginn. Возможен случай, когда в аллитерацию вовлечены обе вершины первой краткой строки, ср. *a*llt *a*morligt / *ú*tnorðr í haf (аллитерация на гласном). Четвертая вершина долгой строки в аллитерации принимать участия не может. В краткой строке возможно не менее пяти ритмических типов, в зависимости от того, как располагаются безударные слоги по отношению к ударным: наиболее распространен т. н. «А-стих». т. е. схема с начальным ударением ´ x(x) ´ x(x), ср. **frost** ok **kulð**a, **veit** ek at **slík**u. Обязательной корневой рифмы в форнюрдислаге, в отличие от дротткветтa нет. Данным размером сложено большинство песен «Старшей Эдды» и некоторое число песен, не входящих в состав «Старшей Эдды», но близких ей по стилю, в том числе, «Речи Бьярки». В форнюрдислаге сложены также отдельные строфы, т. н. *квидлинги* (букв. «речения» или «стишки»), приписываемые героям саг. Виса, приписываемая Стюрбьёрну, относится именно к этому жанру.

7. С о х р а н н о с т ь т е к с т а:

Виса известна только по рукописям «Книги о Заселении Земли».

8. П е р е в о д:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Styrbjörn

Bana se ek okkarn
beggja tveggja,
allt amorligt
útnorðr í haf,
frost ok kulða,
feikn hvers konar;
veit ek at slíku,
Snæbjörn veginn.

Стюрбьёрн

Я рассмотрел
смерть нас обоих,
Сумрачно все
в море морозном;
Вижу я стужу,
невидаль всяку,
И прозреваю
гибель Снэбьёрна.

2. Стихи из «Саги о Битве на Пустоши»

2.1. Торбьёрн сын Бруни

Житель Боргарфьорда Торбьёрн Брунасон погиб в Битве на Пустоши в 1014 г. Когда он родился, неизвестно; сага представляет его человеком в возрасте. Это соответствует указанию «Книги о Заселении Земли» (S 52= H 40), которая сообщает, что дед Торбьёрна Гейрмунд Гуннбьёрнссон был первопоселенцем. Висы Торбьёрна Брунасона известны только по «Саге о Битве на Пустоши». Возможности датировки разбираются в комментариях к висе № 7.

Сага о Битве на Пустоши, № 6

1. Контекст:

Бонд Торбьёрн сын Бруни ест завтрак у себя на хуторе Стены во Фьорде Городища в Исландии рано утром летом 1014 г. Жена подает на стол корыто с едой. Торбьёрн отпихивает корыто и бьет жену: ему мерещится, что корыто полно крови. Жена отвечает, что еда вполне нормальная, но сам Торбьерн скоро умрет, ибо видение — роковое и предвещает смерть. Торбьёрн произносит вису. Вскоре выясняется, что в округу пришли враги. Торбьёрн принимает участие в Битве на Пустоши и гибнет от руки Барди сына Гудмунда.

2. Текст:

Eigi mun, sús eigum,
auð-Vör at mik dauðan,
Fold vill mens í moldu
minn aldr, bláu falda;
ann, en ekki vinna
elds má brík at slíku,
þat's óskapligt,eplis
ölselja mér Heljar.

3. Пословный перевод:

Не будет, которую имеем,
Вёр богатства по мне мертвому,
Фольд хочет ожерелья в прах
мой век черное набрасывать;

жаждет, но не осилить
огня может подпорка подобного,
это противоестественно, яблок
подательница пива мне Хель (род. п.).

4. Развертка:

Вёр богатства, которую мы имеем, не будет набрасывать черное по мне мертвому; Фольд ожерелья хочет мой век в прах; (1—4)

Подательница пива жаждет мне яблок Хель, но подпорка огня не может осилить подобного; это противоестественно (5—8).

5. Поэтика:

Вёр — богиня; *Вёр богатства* ≡ ЖЕНЩИНА; *Вёр богатства, которую мы имеем* ⇒ жена скальда;

Фольд — божество (одно из имен Земли), *Фольд ожерелья* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ жена скальда;

век ≡ жизнь (хейти); *хочет мой век … в прах* ≡ хочет, чтобы моя жизнь закончилась;

набрасывать черное … по мне мертвому ≡ в знак траура; слово *blár* имеет дополнительное значение «роковой»;

подпорка огня (т. е. ЗОЛОТА, золотых украшений) ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ жена Торбьёрна;

подательница пива ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ жена Торбьёрна;

Хель — божество смерти, (великанша); *яблоки Хель* ≡ СМЕРТЬ (кеннинг). Скорее всего, образован по аналогии с «яблоками Идунн» — метафорой вечной жизни.

6. Размер:

Дроттквэтт.

7. Перевод:

Виса переводилась на русский язык С. В. Петровым («Поэзия Скальдов», Л., 1979, с. 56). Новый перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þorbjörn Brúnason

Eigi mun, sús eigum,
auð-Vör at mik dauðan,
Fold vill mens í moldu
minn aldr, bláu falda;
ann, en ekki vinna
elds má brík at slíku,
þat's óskapligt,eplis
ölselja mér Heljar.

Торбьёрн сын Бруни

Нашей Вёр достатка
траур не пристанет —
Фольд бус лишь сгноить бы
скальда, — коль я сгину;
яблок Хель сулит мне
пива подавала,
да навряд осилит —
— дюже то негоже.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Сага о Битве на Пустоши, № 7

1. Контекст:

См. выше.

2. Текст:

Тогда она [жена Торбьёрна] выбегает, берет кусок сыра и бросает его на стол перед Торбьёрном. Она садится на скамью напротив и плачет. Торбьёрн вновь сказал вису:

Óþakkir kann ekkju
Áta márs, þótt gráti,
fákrennandi fannar
fagrstrykvins, mik kykvan,
þvít áms litar ímu
ofnauð's, es skal dauðan
hlýra höfgum skúrum
heiðingja mik leiða.

3. Пословный перевод:

Неблагодарности выражает вдове
скакуна Ати (род. п.), хоть и оплакивает,
торопящий коня заноса
прекраснораскрашенного, меня живого,
ибо пасмурного цвета волчице
это-обуза, которая будет мертвого
щек тяжким ливнем
пустошника меня провожать.

4. Развертка:

Торопящий прекраснораскрашенного коня заноса скакуна Ати выражает неблагодарности (≡ не выражает благодарности) вдове, хоть (она) и оплакивает меня живого (1—4);

ибо волчице пасмурного цвета, которая будет провожать меня мертвого тяжким ливнем щек пустошника, это обуза (5 — 8).

5. Поэтика:

вдова — хейти ЖЕНЩИНЫ вообще, однако здесь подразумевается ситуация похорон, поэтому скальд обыгрывает и буквальный смысл слова ekkja.

торопящий … коня заноса скакуна Ати ≡ МУЖ (четверной плеонастический кеннинг); *Ати* — морской конунг, поэтому *скакун Ати* ≡ КОРАБЛЬ; *занос* — хейти (т. е. поэтический синоним) МОРЯ, а *конь моря* ≡ КОРАБЛЬ; наконец, *торопящий коня моря* ≡ МУЖ ⇒ Торбьёрн.

прекраснораскрашенный — эпитет корабля. Толкование принадлежит С. Нордалю, по значению глагола *strjúka* вполне подошло бы и чтение «прекраснообтесанный»;

волчица пасмурного цвета — выражение, выходящее за рамки обычной скальдической фразеологии. *Волчица* ≡ *женщина-ведьма*. Значение «волчица» является для слова *íta* почти реликтовым, у поздних скальдов *íta* используется, просто как хейти битвы. Прилагательное *ámr* тоже принадлежит экспрессивному словарю — это имя великана или злого демона, дословно «темный, прячущийся во тьме».

ливень щек ≡ СЛЁЗЫ (кеннинг);

пустошник ≡ *тот, кто обретается на пустоши, т. е. волк, враг* (хейти).

Тяжкий ливень щек обитателя пустоши, как, несомненно, правильно объясняет Э. А. Кокк, это «сухие», т. е. фальшивые, волчьи, слезы.

6. Размер:

Дротткветт.

7. Смысл:

Я не выражаю жене благодарности за то, что она оплакивает меня при жизни; для гнусной ведьмы это слишком большое испытание, ведь мою смерть она оплачет притворными слезами.

8. Датировка висы:

Стихи Торбьёрна известны только из «Саги о Битве на Пустоши», поэтому многие исследователи сомневаются в их подлинности. Однако лексика и образный строй первых двух вис, обращенных к жене, настолько отличаются от основных шаблонов скальдической поэзии, что возможность их сочинения на «ровном месте», без опоры на древние образцы, выглядит неправдоподобной. Обе основные метафоры второго хельминга — «живущая во мраке волчица» и «волчьи слезы» — по существу, выходят за рамки скальдических фигур и, в конечном счете, восходят к ритуальной лексике (ср.публикацию о недавно расшифрованной надписи на амулете из Kvinneby, остров Эланд[36], где в тексте заклинания есть прямые параллели с висой Торбьёрна).

В связи с этим представляется вероятным, что существовала древняя традиция «роковых вис», которая не была ориентирована на индивидуальное скальдическое творчество вообще. В то же время, подобные стихи можно было приписать только a posteriori человеку, имевшему прижизненную репутацию скальда. Отсюда вытекают две возможности. Либо стихи были соединены с именем Торбьёрна уже в устной традиции X—XII вв. (в этом случае они точно локализуются в

[36] Ottar Grønvik En hedensk bøn. // Eyvindarbok. 1992, p. 71—85.

Боргарфьорде), либо те, кто записывал «Сагу о Битве на Пустоши» знали подобные стихи и вставили их в сагу по собственному почину (в таком случае их территориальная отнесенность остается неясной, так как дошедший до нас текст саги, судя по всему, сложился не в Боргарфьорде, а на севере страны, в монастыре Тингэйрар).

9. П е р е в о д:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þorbjörn Brúnason	**Торбьёрн сын Бруни**
Óþakkir kann ekkju	Мерина морского
Áta márs, þótt gráti,	конунга погонщик
fákrennandi fannar	не подарит блага
fagrstrykvins, mik kykvan,	лжевдове плаксивой,
þvít áms litar ímu	ведь волчице шизой
ofnauð's, es skal dauðan	лишняя обуза —
hlýra höfgum skúrum	горевать о мертвом
heiðingja mik leiða.	скул росой бирючьей.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Сага о Битве на Пустоши, № 8

1. К о н т е к с т:

Торбьёрн сын Бруни накануне своей гибели в Битве на Пустоши видел сон. Утром работник спрашивает, что ему снилось.

2. Т е к с т:

Торбьёрн сказал:

— Мне казалось, что я стою в месте, где не все ладно, и будто бы держу в руке меч, который привык носить, но которого сейчас в доме нет. И вот я нанес им удар, и меч разломился. А еще я будто бы сказал во сне две висы и запомнил их обе:

Þat varð mér, en mæra
minn vandak brag, randa
hjalm-Fenrir brast holma,
hvítvöndr, í tvau, rítar,
þars á mætu móti
mótruðr jóru snota,
heimþingaðar hanga
hnítu reyr saman dreyra.

3. Пословный перевод:
Это стало (со) мной, но славное
мое уснащаю искусство, краев
шлемо-Фенрир треснул островка,
бело-полено, надвое щита,
когда на знатной сходке
сходкокуст сечи снохи
созывающего повешенных
сошлись движки вместе крови.

4. Развертка:

Это стало со мной, но славное мое уснащаю искусство: шлемо-Фенрир, бело-полено щита, треснул надвое (на) островке краев (1—4),

когда движки крови сошлись вместе на знатной сходке созывающего повешенных,(о) сходкокуст снохи сечи (5—8).

5. Синтаксис:

сходкокуст сечи снохи (кеннинг МУЖА) — это просто обращение; Вообще, употребление кеннингов в висе слабо мотивировано синтаксически, что, впрочем, неудивительно: ведь сказана она в сне.

Выражение *треснул надвое ... островке краев* — следует читать как локативный оборот: *МЕЧ треснул надвое на ЩИТЕ*;

6. Поэтика:

славное искусство: в подлиннике слово *bragr* имеет более четкое значение — «скальдический текст».

Фенрир — мифологический волк, *шлемо-Фенрир* ≡ МЕЧ (кеннинг);

бело-полено щита ≡ МЕЧ;

островок краев ≡ ЩИТ; слова «полено» и «край» сами по себе являются хейти, соответственно МЕЧА и ЩИТА;

движок крови ≡ МЕЧ;

созывающий повешенных на знатную сходку ≡ Один;

сноха сечи ≡ валькирия; *сходка снохи сечи* ≡ БИТВА, *куст сходки снохи сечи* ≡ МУЖ (тройной кеннинг со смещением),

7. Размер: дротткветт.

8. Смысл:

Вот что произошло со мной — я уснащаю свою речь скальда — меч треснул надвое, ударившись о щит, когда клинки сошлись в смертном бою, о воин.

9. Перевод:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þorbjörn Brúnason

Þat varð mér, en mæra
minn vandak brag, randa
hjalm-Fenrir brast holma,
hvítvöndr, í tvau, rítar,
þars á mætu móti
mótruðr jóru snota,
heimþingaðar hanga
hnítu reyr saman dreyra.

Торбьёрн сын Бруни

Вот для висы повод:
раз колол полено
у околиц тарчи —
лишь сошлись сеч свахи,
Фенрир шлема треснул
надвое, воитель,—
довелось изведать,
как оно бывает.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Сага о Битве на Пустоши, № 9

1. Контекст: см. предыдущую вису.

2. Текст:
Væri betr, at bærak
benvönd í gný randa,
hleypis kjöls, ok heilan
haus, ókostalausan,
sás dalreyðar dauða
dýrfitjar skal vitja,
herdigaldr ok heldimk
hann, ófôum manni.

3. Пословный перевод:
Было-б лучше, если б носил-я
полено ран в громе краев (= щитов)
движитель киля, и целый
череп, безызъянное,
которое долинолосося смерть
дорогих угодий должно учинять,
сталезвон и поддержим
оно, многим людям.

4. Развертка:
Было бы лучше, (о) двигатель киля, если бы я носил в громе краев безызъянное полено ран и целый череп (1—4),

(полено ран), которое должно учинять многим людям смерть долинолосося дорогих угодий; и поддержим сталезвон (5—8).

5. Синтаксис:
двигатель киля (МУЖ) — обращение к слушателю;

Относительное местоимение *sás* согласуется в роде с *vöndr* «полено»; по нормам прозы должно было стоять *þanns* «которого». Вообще, второй хельминг построен синтаксически неряшливо.

6. П о э т и к а:

киль ≡ в данном случае просто хейти КОРАБЛЯ;

край ≡ хейти ЩИТА, *гром щитов* ≡ БИТВА;

полено ран ≡ МЕЧ; Эпитет *безызъянное* не случаен — согласно саге, Торбьёрн ссудил свой лучший меч родичу;

долинолосось дорогих угодий ≡ МЕЧ (двойной кеннинг);

лосось, как и рыба вообще ≡ хейти ЗМЕИ, а *змея*, в свою очередь,— стандартное хейти МЕЧА, поэтому *лосось долины* ≡ МЕЧ; Наконец, *дорогие угодья меча* ≡ ЩИТ;

учинять смерть щита многим людям — метафора со значением ≡ «*крушить многим щит*»;

сталезвон ≡ БИТВА (кеннинг);

7. Р а з м е р:

Дротткветт.

8. С м ы с л:

Было бы лучше, о воин, чтоб я имел в битве безупречный меч и сохранил голову целой; такой меч должен сокрушать не один щит; будем биться отважно!

9. П е р е в о д:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þorbjörn Brúnason	**Торбьёрн сын Бруни**
Væri betr, at bærak	Было бы не хило,
benvönd í gný randa,	Ускоритель киля,
hleypis kjöls, ok heilan	Кол не расколовши,
haus, ókostalausan,	Уберечь мне череп;
sás dalreyðar dauða	Друг, угря угодья
dýrfitjar skal vitja,	разгрызать гораздый,
herdigaldr ok heldimk	— им одним хранимы—
hann, óf ǫ̂um manni.	Кромок гром окормит.

2.2. Висы Тинда сына Халлькеля

В отличие от Торбьёрна Брунасона, скальд Тинд Халлькельсон хорошо известен по ряду источников, где цитируются его стихи. Тинд

родился около 960 г. Он был скальдом норвежского ярла Хакона Могучего (ум. 995 г.); сохранились фрагменты драпы, которые Тинд сочинил о ярле. Тинд участвовал на стороне ярла Хакона в знаменитой битве с йомсвикингами в заливе Хьёрунгаваг (994 г.); он также упоминается в ряде саг и в «Книге о Заселении Земли» (S 43, H 31) как участник нескольких распрей в Исландии. Тинд был младшим братом хёвдинга Боргарфьорда Иллуги Черного и дядей Гуннлауга Змеиного Языка, героя одноименной саги.

Сага о Битве на Пустоши, № 14—15

Виса № 14:

1. Контекст:

Приехав на место Битвы на Пустоши, предводитель жителей Фьорда Городища Иллуги Черный спрашивает своего брата Тинда, что здесь произошло. Тот отвечает ему двумя висами. В битве погибло много людей, но в висах упомянуты лишь сыновья Эйда, сражавшиеся на стороне жителей Фьорда Городища, и сыновья Гудбранда, погибшие в войске Барди.

2. Текст:

Háit hefr askr við aska
átjan lágar mána
veðr böð-Gerðar virða
viðr hálfan tøg þriðja;
en at eggja sennu
almsvells boðar fellu
þar hýkk lógstafi lögu
lauðhýrs níu dauða.

3. Пословный перевод:

скликал ясень с ясенями
восемнадцать(ю) заводи месяца (луны)
погоду бое-Герд мужей
против пол-трех десятков;
но при лезвий перебранке
буков тетивы вестники пали
там мню-я палкосжигателей лежащих
кладоперин девять мертвых.

4. Развертка:

Ясень заводи месяца с восемнадцать ясенями скликал погоду бое-Герд против пол-трех десятков мужей (1—4);

Но вестники тетивы буков пали при перебранке лезвий; там мню-я лежащих девять мертвых палкосжигателей кладоперин (5—8).

5. Синтаксис:

В первом хельминге, видимо, опущено определение кеннинга: *ясень заводи месяца с восемнадцатью ясенями* [заводи месяца].

6. Поэтика:

Ясень — основа кеннинга МУЖА; *ясень заводи месяца* ≡ МУЖ (видимо — Барди сын Гудмунда, вызвавший Битву на Пустоши); *заводь* — хейти МОРЯ, а *месяц* (источник света) ≡ хейти ЗОЛОТА; *заводь месяца* ≡ *огонь моря* ≡ ЗОЛОТО;

бое-Герд ≡ *Герд* (валькирия) *боя*; *погода бое-Герд* ≡ БИТВА;

перебранка лезвий ≡ БИТВА;

вестники тетивы буков ≡ ЛЮДИ (кеннинг с расширением); *бук* — хейти ЛУКА (оружия);

палкосжигатели кладоперин — тройной кеннинг МУЖА; *кладоперина* (лежбище змея) ≡ ЗОЛОТО; *палка* (*посох*) — хейти МУЖА, *палкосжигатели*, букв. «*палки-сжигатели*» ≡ *те*, *кто сжигают*, *истребляют* ЗОЛОТО, т. е. ЛЮДИ;

7. Смысл:

Воин с восемнадцатью людьми вызвал битву с пятнадцатью мужами. Я полагаю, что в бою погибло девять человек.

8. Размер:

Дротткветт. Во второй строке рифма не вполне обычна, так как она не захватывает инициаль клаузулы.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Tindr Hallkellsson	**Тинд сын Халлькеля**
Háit hefr askr við aska	Ясеней осьмнадцать
átjan lágar mána	омута лучины,
veðr böð-Gerðar virða	да в придачу ясень
viðr hálfan tøg þriðja;	затевали свару
en at eggja sennu	тетивы, а против
almsvells boðar fellu	были все пятнадцать
þar hýkk lógstafi lögu	прожигал заклада,
lauðhýrs níu dauða…	коих пало девять…

© Ф. Б. Успенский, 1997

Виса № 15

1. Контекст: см. выше.

2. Текст:
Eiðs eru erfimeiðar
allbratt í styr fallnir
ok tveir at gný geira
Guðbrands synir handan;
slíks bíðu vér síðan
sverðs, nema hefndir verði,
traust lið mitt, et mesta,
móts aldrigi bótir.

3. Пословный перевод:
Эйда суть наследнодеревья
прескоро в распре пали
и два в грохоте наконечников
Гудбранда сына оземь;
такой ждем мы после
меча, разве-лишь месть станет
верная свита моя, наибольшей
сходки никогда виры.

4. Развертка:

Наследнодеревья Эйда прескоро суть павшие в распре и два сына Гудбранда в грохоте наконечников оземь(1—4);

После такой сходки меча мы [не] ждем никогда виры, верная моя свита, разве лишь месть будет наибольшей (5—8).

5. Синтаксис:

В первом хельминге опущен предикат [пали] ≡ *сыновья Гудбранда пали оземь*;

ждем мы никогда виры после такой схватки ≡ *мы не ждем никакой виры после такой схватки* ≡ *мы не согласны на виру*

6. Поэтика:
Наследнодеревья Эйда ≡ сыновья Эйда (видкеннинг);
грохот наконечников ≡ БИТВА;
сходка меча ≡ БИТВА;

7. Смысл:

Сыновья Эйда погибли в самом начале боя, пали и два сына Гудбранда. После такой нашей схватки, мои верные люди, нам не нужна вира; будем мстить по крупному.

8. Р а з м е р:

Дротткветт.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Tindr Hallkellsson	**Тинд сын Халлькеля**
Eiðs eru erfimeiðar	Эйдова порода
allbratt í styr fallnir	в споре пала вскоре,
ok tveir at gný geira	с Гудбранда сынами
Guðbrands synir handan;	сдобрив в брани почву;
slíks bíðu vér síðan	после сбора тарчей
sverðs, nema hefndir verði,	не пойдем на виру!
traust lið mitt, et mesta,	Преданную свиту
móts aldrigi bótir.	пеня ждет крупнее.

© Ф. Б. Успенский, 1997

2.3. Висы Эйрика Тревоги

Скальд Эйрик Тревога, живший в северо-западной Исландии в конце X — начале XII вв., упоминается лишь в «Саге о Битве на Пустоши». В саге с его именем связывается семь вис, все они сообщают об походе Барди сына Гудмунда в Боргафьорд и о Битве на Пустоши. Одна из вис Эйрика (№ 18) приводится (без упоминания имени скальда) в «Четвертом Грамматическом Трактате». Висы, приписываемые Эйрику в саге, скорее всего, являют фрагменты цикла, т. е. *флокка*, посвященного походу Барди. Возможная датировка — XI—XII вв. Поскольку вероятное место записи протографа саги — монастырь Тингэйрар — находится недалеко от указанного в саге хутора Эйрика, следует допустить возможность того, что данный флокк оформился в местной традиции уже в XI в. Таким образом, не исключено, что все висы или их часть действительно принадлежат Эйрику Тревоге.

Эйрик Тревога, Виса № 5

1. К о н т е к с т:

Барди сын Гудмунда созывает своих людей в битву. Среди них — скальд Эйрик Тревога. Перед боем Барди спрашивает Эйрика, что тот думает об исходе. Эйрик отвечает ему висой.

2. Текст:
Blóðs, höfum hlynr of heiði
hræborðs farit norðan
vér hyggjum nág næra
nítjan saman, rítar;
þó getum hins, at hriðar
hlunntams, búinn sunnan
örr, hyggr skáld til skœru,
skæs, nökkuru færi.

3. Пословный перевод:
Крови мы клен по пустоши
борта трупов приехавши с-севера
мы мыслим канюка кормить
девятнадцать вместе, тарчи;
все-ж сможем мы, чтоб бури
сходнесмирителя, вернувши с юга,
ходатай, мыслит скальд к сече
скакуна, числом поменьше.

4. Развертка:

Клен тарчей борта трупов, мы девятнадцать вместе приехавши [≡мы приехали] с севера по пустоши; мы думаем кормить канюка крови (1—4);

Все же мы сможем вернувши с юга числом поменьше, ходатай сходнесмиренного скакуна бури, скальд мыслит к сече (5—8);

5. Синтаксис:

Данная виса самая трудная из связываемых в саге с именем Эйрика — возможно, потому, что она самая первая и служит его визитной карточкой для рассказчика. Трудности восприятия возникают как из-за длинных кеннингов, так и из-за разорванных аналитических конструкций. Для того, чтобы передать прихотливый порядок слов, мы пошли на некоторые грамматические кальки.

мы приехавши с севера, мы сможем вернувши с юга числом поменьше — в оригинале разные формы результативных (перфектных) конструкций, которые, здесь переданы при помощи деепричастий.

мы мыслим кормить канюка ≡ мы собираемся кормить канюка (оставить поле поле покрытым трупами).

мы мыслим к сече ≡ «мы мыслим, что будет сеча», или: «мы готовимся к сече»;

6. П о э т и к а:

Клен тарчей борта трупов ≡ МУЖ (тройной кеннинг); *тарча* ≡ хейти ЩИТА; *борт* ≡ «то, что делает щит трупом», т. е. МЕЧ, *клен меча* ≡ древесный кеннинг МУЖА. Кеннинг стоит в позиции обращения и относится к Барди сыну Гудмунда.

канюк (дневная хищная птица) крови ≡ ВОРОН;

ходатай сходнесмиренного скакуна бури ≡ МУЖ (тройной кеннинг с осложенением); *скакун бури* ≡ КОРАБЛЬ, *сходнесмиренный скакун* ≡ *корабль, ведомый рукой кормчего, ходатай послушного корабля* ≡ морской кеннинг МУЖА ⇒ Барди сын Гудмунда. Морской кеннинг подобал не простому воину, а предводителю похода.

7. С м ы с л:

Нас приехало с севера девятнадцать человек; мы ехали по пустоши, о воин: мы собираемся кормить ворона;

Но нас, о предводитель, наверняка будет меньше, когда мы будем возвращаться на юг; скальд готовится к битве.

8. Р а з м е р:

Дроткветт. В пятой строке отсутствует рифма. В восьмой строке рифма skæs / færi требует формы родительного падежа skærs, которая, однако, была бы морфологически неправильной.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Eiríkr Viðsjá	**Эйрик Тревога**
Blóðs, höfum hlynr of heiði	Верю — пересекши,
hræborðs farit norðan	с севера всю пустошь,
vér hyggjum nág næra	мы сыча насытим
nítjan saman, rítar;	сукровицы в сече.
þó getum hins, at hriðar	Дорого дорога
hlunntams, búinn sunnan	обойдется с юга.
örr, hyggr skáld til skœru,	Да не вздрогнет гордый
skæs, nökkuru færi.	Пред грозой грядущей.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Эйрик Тревога, Виса № 11

1. К о н т е к с т:

Скальд Эйрик Тревога подстрекает предводителя похода Барди сына Гудмунда остановиться и дать бой немедленно.

2. Текст:

Тут Барди сказал:

— Проедем чуть-чуть вперед, и очень вероятно, что это лишь подстегнет погоню.

Тогда Эйрик Тревога сказал вису:

Flykkjask frægir rekkar,
fúss es herr til snerru:
þjóð tekr hart á heiði
herkunn dragask sunnan;
fara bíðr hvergi herja
harðráðr fyrir Barði
geira hreggs frá glyggvi
gunnörunga sunnan.

— Криво излагаешь ты на сей раз,— говорит Барди,— я сказал, чтобы каждый ехал во всю мочь, пока мы не доберемся до той тропы, на которую указал мой приемный отец, и там, на севере Разлива, мы примем бой.

3. Пословный перевод:

выстраиваются славные воины
охоче войско до сечи:
люд начинает по(на) пустоши
боесведущ собираться с юга;
ехать просить никуда ратников
суровый прочь Барди
копий вихря от бури
боекормильцев с юга.

4. Развертка:

Славные воины выстраиваются; войско охоче до сечи; боесведущий люд с юга начинает собираться на пустоши (1—4);

суровый Барди просит ратников никуда [не] ехать прочь от бури вихря копий боекормильцев с юга (5—8);

5. Поэтика:

боесведущ люд с юга ⇒ ополчение Фьорда Городища, выехавшее в погоню (хейти или саннкеннгинг);

буря вихря копий ≡ БИТВА (плеонастический двойной кеннинг); *вихрь копий* ≡ БИТВА, и *буря копий* ≡ БИТВА;

боекормильцы ≡ МУЖИ (кеннинг) — «те, кто кормят воронов в битве»; *боекормильцы с юга* ⇒ ополчение Фьорда Городища.

6. С м ы с л:

Наше славное войско, жаждущее скорее биться, уже выстраивается: ополченцы с юга подтягиваются по пустоши. Суровый Барди велит своим спутникам не ехать дальше и принять вызов южан.

7. Р а з м е р:

Дроттквеетт. В пятой строке неполная рифма внушает подозрения; в этой же 7 слогов, и все, кроме herj- в клаузуле, краткие.

8. С о х р а н н о с т ь т е к с т а:

Последняя строка целиком повторяется в более поздней висе Эйрика Тревоги (№ 17).

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Eiríkr Viðsjá

Flykkjask frægir rekkar,
fúss es herr til snerru:
þjóð tekr hart á heiði
herkunn dragask sunnan;
fara bíðr hvergi herja
harðráðr fyrir Barði
geira hreggs frá glyggvi
gunnörunga sunnan.

Эйрик Тревога

Строились отрядом,
алчные до сечи,
вняв увещеваньям
ратоборца Барди
от южан не бегать
с бурей вихря дротов —
— сведущ люд на пустошь
наступает с юга.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Виса № 12

1. К о н т е к с т:

Барди сын Гудмунда распоряжается остановиться и занять оборону. Его спутники радуются этому, предвкушая битву.

2. Т е к с т:

Тут Эйрик сказал вису:
fast höldu vér foldu,
fram þoki herr at snerru,
lötum randa völ reyndan
ryðjendr í ben snyðja;
skalk, þótt sagt sé sunnan
sverðél taki at herða,
rjóðum hart á heiði
hjalmrið, ór stað biða.

3. Пословный перевод:
крепко держим мы землю
вперед рвется войско в сечу
давайте щитов брус испытанный
багрители в рану вонзим;
должен-я, хоть сказано будто с юга
мечей шквал занимается,
обагрим круто на пустоши
наездника шлема, на месте ждать.

4. Развертка:

Мы крепко держим землю; войско рвется вперед в сечу; давайте, багрители, вонзим в рану испытанный брус щитов (1—4);

я должен ждать на месте, хоть сказано, будто с юга занимается шквал мечей; круто обагрим наездника шлема на пустоши (5—8);

5. Синтаксис:

давайте вонзим испытанный брус щитов в рану ≡ давайте испытаем брус щитов в ране;

с юга занимается шквал мечей ≡ *угроза надвигается с юга*. Сохраняя слова *с юга*, скальд поддерживает параллель между битвой и атмосферным явлением:;

6. Поэтика:
багрители ≡ МУЖИ (хейти) ⇒ товарищи Барди;
брус щитов ≡ МЕЧ (кеннинг);
наездник шлема ≡ МЕЧ (кеннинг);

7. Смысл:

Мы не отойдем ни на пядь. Войско готово к битве — давайте скорее закалим наши мечи в ранах.

Я не должен сходить с места, несмотря на то, что враги надвигаются с юга. Обильно обагрим меч на пустоши!

8. Размер:

Дротткветт. Во второй строке 7 слогов, из них три в начале — краткие. В третьей и шестой строках также по 7 слогов. В пятой строке отсутствует неполная рифма.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Eiríkr Viðsjá	**Эйрик Тревога**
fast höldu vér foldu,	Удержав державу,
fram þoki herr at snerru,	рвется в бой дружина,
lötum randa völ reyndan	на рожон, желая
ryðjendr í ben snyðja;	закалить ран жало.
skalk, þótt sagt sé sunnan	Обождем — на юге
sverðél taki at herða,	смерч мечей замечен —
rjóðum hart á heiði	— знать кольчуг кочевник
hjalmrið, ór stað biða.	пустит кровь на пустошь.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Виса № 13

1. Контекст:

Скальд Эйрик Тревога высмотрел себе достойного противника, человека по имени Торльот.

2. Текст:

Еще рассказывают, что в их рядах был человек по имени Торльот, великий воин. Он жил у Столбов; некоторые говорят, что он был с Отбойного Ручья. Этот Торльот бился с Эйриком Тревогой, и прежде, чем они сошлись, Эйрик сказал вису:

Hlotit höfum, rjóðr, af reiði
randir, þuðra branda,
beruma vægð at vígi,
Veggbergr, saman leggja,
mjök hefk heyrt at hjarta
húg þínum við brugðit:
nú skulum, foldar fjötra
fúrleynir, þat reyna.

3. Пословный перевод:

выпало нам, багритель, с яростью
щиты, тонких клинков,
мы-не-внесем тишь в схватку,
Отбойник, вместе сшибить;
весьма я наслышан про сердца(отвагу)
духа твоего похвал;
ныне должны-мы, земли пут
огнетаитель, это испытать.

4. Развертка:

Нам, багритель тонких клинков, выпало вместе сшибить щиты, мы, Отбойник, не внесем тишь в схватку (1—4);

я весьма наслышан похвал про отвагу твоего духа: ныне мы должны испытать это, [о] огнетаитель пут земли (5—8);

5. Поэтика:

багритель тонких клинков ≡ МУЖ ⇒ Торльот;

Отбойник ⇒ Торльот (видкеннинг); согласно свидетельству рассказчика, Торльот жил на хуторе *Отбойный Ручей*;

огнетаитель пут земли ≡ МУЖ (тройной кеннинг со смещением;) *путы земли* ≡ МОРЕ; *огонь моря* ≡ ЗОЛОТО; *таитель золота* (владелец сокровища) ≡= МУЖ ⇒ Торльот;

6. Смысл:

Нам с тобой выпало на долю, Торльот, биться друг с другом; мы не станем щадить друг друга, о житель Отбойного Ручья. Я много наслышан о твоем мужестве, теперь настало время его проверить.

7. Размер:

Дротткветт. В первой и третьей неполная рифма построена не по правилам, в седьмой строке она вообще отсутствует. В первой строке 8 слогов, первые четыре — краткие. В третьей и седьмой строках по 7 слогов, из них начальные три — краткие.

8. Сохранность текста:

Значительные деформации метра, набор штампов, элементарность синтаксиса, наконец, точное указание на хутор Торльота (Veggbergr), заставляют думать, что виса либо присочинена в период, когда канон дротткветта был уже расшатан, либо была изначально плохо сложена.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Eiríkr Viðsjá	**Эйрик Тревога**
Hlotit höfum, rjóðr, af reiði	Щит с щитом сшибить нам,
randir, þuðra branda,	предстоит, воитель,—
beruma vægð at vígi,	не сулит затишья
Veggbergr, saman leggja,	бой с тобой, Отбойник.
mjök hefk heyrt at hjart	Слышал: ты защиты
húg þínum við brugðit:	отродясь не ищешь,—
nú skulum, foldar fjötra	нешто брешут? проще
fúrleynir, þat reyna.	все шипом прощупать.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Виса № 16

1. Контекст:

Через несколько лет после Битвы на Пустоши некто спросил участника похода Эйрика Тревогу о подробностях битвы.

2. Текст:

Этой зимой кто-то спросил скальда Эйрика об этих событиях, и сколько человек погибло. Тот сказал вису:

Lágu lýðar frægir
lögðis skeiðs á leiði
lind sprakk í rým randa
rauð, ellifu dauðir;
hitt vas áðr, es auðar
ógnar gims í rimmu
jókum sókn við sœki
sárþíslar, fekk Gísli.

3. Пословный перевод:

легли люди славные
торителя стези на пути
обод треснул в громе щитов
красен, одиннадцать мертвых.
то было прежде, когда судьбу
ужаса огня в звоне
нагнали-мы натиск на испытателя
раножерди, обрел Гисли.

4. Развертка:

Славные люди легли на пути торителя стези, одиннадцать мертвых, красен обод треснул в громе щитов (1—4);

То было прежде, когда Гисли обрел судьбу в звоне ужаса огня; мы нагнали настиск на испытателя раножерди. (5—8).

5. Поэтика:

торитель стези ≡ кеннинг МУЖА. Имеется в виду главный герой саги Барди сын Гудмунда; *стезя* ВОИНА ≡ вызываемые им конфликты.

обод ≡ стандартное хейти ЩИТА; *гром щитов* ≡ БИТВА;

звон ужаса огня ≡ двойной плеонастический кеннинг БИТВЫ; ógn — *«ужас»* ≡ хейти БИТВЫ, а *огонь* ≡ хейти МЕЧА (ср. имена мечей типа «Пламя Битвы»): *ужас (буря) мечей* ≡ БИТВА ≡ ЗВОН БИТВЫ;

испытатель раножерди ≡ МУЖ (двойной кеннинг), *жердь ран* ≡ МЕЧ (или копье), *испытатель оружия* ≡ МУЖ ⇒ Гисли сын Торгаута;

обрел судьбу ≡ нашел свою смерть; это же слово скальды используют и в значении «богатство», ср. стандартные кеннинги МУЖА типа auðar skiptir «распределитель богатства»;

6. Смысл:

На пути героя легло одиннадцать человек — они пали в начатой им битве. Еще ранее Гисли сгинул насильственной смертью — мы поддали ему жару.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Eiríkr Viðsjá

Lágu lýðar frægir
lögðis skeiðs á leiði
lind sprakk í rým randa
rauð, ellifu dauðir;
hitt vas áðr, es auðar
ógnar gims í rimmu
jókum sókn við sœki
sárþíslar, fekk Gísli.

Эйрик Тревога

По пути, вершитель
посшибал немало —
трупами на тропах
люд полег всё ладный
здесь; доселе Гисли,
участью настигнут,—
Красен обод треснул —
бит был в буче борзой.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Виса № 17

1. Контекст: см. выше:

2. Текст:

Разговор продолжался, и теперь спросили, сколько людей пало с каждой стороны. Он сказал вису:

Þrír hafa alls af óru
ítrstalls liði fallnir
vér ruðum sverð í sörum,
sigrborðs viðir norðan;
en furþollar fellu
fjölnis seiðs á heiði
gerðisk grimmt með fyrðum
gunnél, níu sunnan.

3. Пословный перевод:

Три (трое) есть всего из нашего
отборносердого войска павших;
мы развертывали меч в ранах
победостола деревья с-севера;
но огнесосны пали
Фьёлльнира колдовства на пустоши
сделался жесток с людьми
боевихрь, девят(еро) с-юга.

4. Развертка:

Из нашего отборносердого войска есть всего три павших; мы, деревья победостола с-севера, развертывали меч в ранах (1—4);

Но огнесосны колдовства Фьёлльнира пали на пустоши, девятеро с юга; жесток боевихрь сделался с людьми (5—8).

5. Синтаксис:

трое…есть павших ≡ трое пали (в подлиннике конструкция с формой перфекта);

6. Поэтика:

деревья победостола ≡ МУЖИ (стандартный двойной кеннинг); *победостол / борт* ≡ ЩИТ;

отборносердый — эпическое хейти;

Фьёлльнир ≡ одно из имен Одина; *огнесосны колдовства Фьёлльнира* ≡ составной кеннинг, складывающийся из двух простых: *колдовство Фьёлльнира* (Одина) ≡ БИТВА; слово *огонь* может быть как хейти ЗОЛОТА, так и хейти МЕЧА. В любом случае, *сосна огня* ≡ МУЖ: в то же время *сосна БИТВЫ* ≡ тоже МУЖ;

боевихрь (вихрь боя) ≡ БИТВА;

Гислунги ≡ люди Гисли, люди из рода Гисли;

7. Смысл:

Из нашего войска людей с севера пало всего трое; в другом войске пало девять человек; мы сражались жестоко.

8. Размер:

Дроттквеетт.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Eiríkr Viðsjá

Þrír hafa alls af óru
ítrstalls liði fallnir
vér ruðum sverð í sörum,
sigrborðs viðir norðan;
en furþollar fellu
fjölnis seiðs á heiði
gerðisk grimmt með fyrðum
gunnél, níu sunnan.

Эйрик Тревога

По троим в отряде
отправляем тризны,
северянам в сваре
сталь вращавшим в ранах,
с юга девять вьюгой
битвы погубило
яворов каленых
ворожбы Видура.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Виса № 18

1. К о н т е к с т: см. выше.

2. Т е к с т:

Тут все стали говорить, что потери неравноценны и много больше пало в войске людей с юга. Тогда он сказал вису:

Styrr lét snarr ok Snorri
sverðþing háit verða.
þars gnýverðir görðu
Gíslunga hlut þungan;
enn varð eigi it minna
ættskarð, þats hjó Barði
fell geysla lið Gísla
gunnnörunga sunnan.

3. П о с л о в н ы й п е р е в о д:

Стюр велел суровый и Снорри
тинг мечей созвать
где-ж громостражи сделали
Гислунгов долю тяжкой;
но была не меньше
брешь-в-роду, где рубил Барди
пало быстро войско Гисли
боекормильцев юга.

4. Р а з в е р т к а:

Суровый Стюр и Снорри велел(и) созвать тинг мечей, где громостражи сделали долю Гислунгов тяжкой (1—4);

Но брешь в роду, где рубил Барди, была не меньше; войско Гисли, боекормильцев юга, пало быстро (5—8).

5. Синтаксис:

В первой строке глагол стоит в единственном числе, т. е. согласуется только с первым из подлежащих: *Стюр созвал да Снорри*.

6. Поэтика:

тинг мечей ≡ БИТВА;

громостражи ≡ МУЖИ ⇒ Стюр и Снорри;

боекормильцы ≡ МУЖИ (те, кто дает воронам корм на поле брани) ⇒ Гислунги.

прорубить брешь в роду — вероятно, устойчивое выражение. По крайней мере, оно появляется в разговоре конунга Хакона Воспитанника Адальстейна с Эгилем сыном Скаллагрима в «Саге об Эгиле», когда Хакон отказывается взять Эгиля к себе в дружину на том основании, что родичи Эгиля убили немало людей конунга.

7. Смысл:

Суровый Стюр и Снорри положили начало распре, в которой южанам пришлось тяжело: но их урон был не меньше там, где рубил Барди; люди Гисли быстро погибли в битве.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Сохранность текста:

Данная виса — единственная из вис Эйрика Тревоги, которая известна также по другому источнику: она есть в Четвертом Грамматическом Трактате. Очевидно, записана она была не в силу поэтических достоинств, а скорее, именно благодаря своей простоте: встречающиеся в ней стандартные кеннинги рифмуют с именами хёвдингов — участников знаменитой распри.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Eiríkr Viðsjá

Styrr lét snarr ok Snorri
sverðþing háit verða.
þars gnýverðir görðu
Gíslunga hlut þungan;
enn varð eigi it minna
ættskarð, þats hjó Barði
fell geysla lið Gísla
gunnnörunga sunnan.

Эйрик Тревога

Сно́ров Стюр, да Снорри,
лезвий свод сзывали:
волей стражей вьюги
строй южан низвержен.
Но была не меньше
брешь, где бил меч Барди;
— в гнете дротов быстро
гибли люди Гисли.

© А. В. Циммерлинг, 1997

2.4. Гисли сын Торгаута

Персонаж «Саги о Битве на Пустоши», житель Боргарфьорда Гисли Торгаутссон погиб в 1014 г. О нем известно мало достоверных сведений. Обстоятельства произнесения висы в саге (роковое видение, представшее во сне накануне гибели героя побуждают считать вису апокрифической. Вместе с тем, она может быть древней: текст висы в подлиннике сильно испорчен, связное чтение первого хельминга является плодом конъектуры редакторов. По стилю виса больше всего напоминает висы №6—7, приписываемые Торбьёрну Брунасону — другой жертве Барди.

Сага о Битве на Пустоши, № 10

1. Контекст:

Сыновья Торгаута должны выкосить луг. Гисли сын Торгаута накануне своей смерти рассказывает братьям свой сон. Вскоре появляются враги, и Гисли гибнет от руки Барди сына Гудмунда.

2. Текст:

Гисли прошелся по лугу и оглянулся на братьев, а они уже начинали косить. Он остановился и сказал вису:

Hér vildu mik, hölðar,
hornfress í stað þessum
fölu, fúra vélis
fjölrœks, mára sœkja;
hitt segir Ullr, at allir,
oddgaldrs, mynit skáldi
hríðar Hlakkar glóða
herðendr trúir verða.

Он рассказывает братьям, что ему приснилось, будто все они стоят на Золотом Лугу, и вот к ним подошло много волков; они вступили с волками в бой, и пришлось тяжело, — «и, кажется, я проснулся как раз в тот миг, когда бежал домой к хутору».

Они принимаются за работу и косят.

3. Пословный перевод:

Здесь хотели (на) меня, мужи,
рогомедведь в месте этом
яги, огня хранителя
многоусердного, жеребцы напасть;
это говорит Улль, что все
звона наконечников не-станут скальду

бури Хлёкк факелов
закалители верны(ми) быть.

4. Развертка:

Здесь, (о) мужи, в этом рогомедвежьем (?) месте, жеребцы яги хотели напасть на меня, многоусердного хранителя огня (1—4);

Это говорит Улль звона наконечников, что все закалители факелов бури Хлёкк не станут скальду верными быть (5—8).

5. Поэтика и синтаксис:

Виса должна до нас в сильно испорченном виде, толкование во многих местах предположительно.

рогомедведь… в месте По синтаксису хельминга первое слово является атрибутом. Значение гадательно. Второй компонент fress может значить «медведь» (?), *рогомедведь* ≡ БАРАН (?); *место баранов* ≡ горное пастбище (?);

жеребцы яги ≡ ВОЛКИ;

многоусердный хранитель огня — неправильно построенный кеннинг МУЖА: рабыня, напротив, естественно получает такие имена как Arinnefja «Нос в очаге», поэтому хотелось бы отнести кеннинг к волкам, т. е. слугам *яги*, троллихи, однако тогда нарушается связность текста.

Улль — один из асов; *Улль звона наконечников* ≡ МУЖ ⇒ автор висы; *звон наконечников* ≡ БИТВА;

закалители факелов бури Хлёкк ≡ МУЖИ ⇒ враги автора висы; *Хлёкк* — валькирия; *буря Хлёкк* БИТВА; *факел* БИТВЫ ≡ меч; *закалитель меча* ≡ МУЖ.

не станут верными скальду ≡ не будут вести себя мирно по отношению к скальду — нападут на него.

6. Размер:

дротткветт.

7. Смысл:

Здесь, на выгоне (?) волки хотели напасть на меня: скальд говорит, что все воины будут стремиться убить его.

8. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Gísli Þorgautsson	**Гисли сын Торгаута**
Hér vildu mik, hölðar,	Вижу, словно вьяве,
hornfress í stað þessum	Как в лосином стойле
fölu, fúra vélis	Свора слуг шишиги
fjölrœks, mára sœkja;	Налетит на скальда.

hitt segir Ullr, at allir,
oddgaldrs, mynit skáldi
hríðar Hlakkar glóða
herðendr trúir verða.

Моди гуда меди
не пребудет в мире,
факельщиков шквала
Хлёкк, копя уколы.

© А. В. Циммерлинг, 1999

2.5. Висы Геста и Турид

2.5.1.Торгест сын Торхалля.

Скальд Торгест Торхалльсон (в пересказе Йоуна Оулафссона и «Саге о Людях с Песчаного Берега» он назван просто *Гестом*) известен как убийца Стюра и как автор ряда вис. Он упоминается также в «Книге о Заселении Земли» (S 98). К моменту убийства Стюра в 1007 г. (по другим данным — в 1008 г.) Торгесту, согласно саге, было пятнадцать лет. Весьма вероятно, что многие приписывавшиеся Торгесту висы действительно сочинены им самим. Они приводились в «Саге о Битве на Пустоши»; к сожалению, Йоун Оулафссон смог запомнить лишь две, а именно те, которые также цитируются в «Саге о Людях с Песчаного Берега», и в «Младшей Эдде».

Сага о Битве на Пустоши, № 2

1. Контекст:

Юный Торгест убил могущественного Стюра и ищет защиты у своих родственников во Фьорде Городища. Он приезжает к хёвдингу Иллуги Черному и ищет у него защиты.

2. Текст (*пересказ Йоуна Оулафссона*):

Лошадь его стоит снаружи оседланная. Он тотчас вскакивает на нее и скачет к Иллуги Черному в Крутояр, приветствует его и говорит, что он за человек. Иллуги спрашивает, какие дела привели его сюда.

Гест сказал вису.

Тогда Иллуги спросил Геста, сколь велика рана, которую он нанес Стюру.

Тогда Гест сказал:

Vasat of sár, en sáran
sák Víga-Styr hníga,
böndum þörf at binda;
beit hjalma stoð þveita,
þás af brúnar beinum

báglunds goða mági
unda sœg í augu
allrauðan sák falla.

3. Пословный перевод:
Не был(о) раны в ранах
зрел-я Стюра Убийцу рухнувшим
повязками нужды вязать
вонзила(сь) в шлема основу секира,
когда-ж с бровей прямиком
злокозненного годи зятя
язв рябь в глаза
всекрасную зрел-я ниспадающей.

4. Развертка:
Не было нужды вязять раны повязками — я зрел Стюра Убийцу рухнувшим; секира вонзилась в основу шлема; (1—4);

когда я зрел всекрасную рябь язв ниспадающей прямиком с бровей в глаза зятя злокозненного годи. (5—8)

5. Синтаксис:
я зрел... ниспадающей / я зрел Стюра рухнувшим — в подлиннике инфинитивные обороты, по смыслу эквивалентные придаточным ≡ «Я видел как С. рухнул»

6. Поэтика:
основа шлема ≡ ГОЛОВА; *рябь язв* ≡ КРОВЬ; оба кеннинга стандартны, почти клишированы.

злокозненный годи ⇒ Снорри Годи: *зять злокозненного годи* ⇒ Стюр Убийца (полукеннинг с эпитетом).

7. Смысл:
Я видел, как рухнул Стюр Убийца: секира раскроила ему череп, не было нужды накладывать повязку на его рану. Я видел, как кровь лилась с бровей прямо в глаза зятю злобного Снорри.

8. Размер:
Дротткветт. В первой и третьей строках рифма строится на повторе корня.

9. Аутентичность висы:
Описание убийства в висе Торгеста и в саге не совпадает. Согласно Йону Оулафссону, удар пришелся вбок, за правым ухом, в то время как по висе получается, что били в лоб. Это свидетельствует не о позднем происхождении висы, а прежде всего о том, что скальдическая и прозаическая традиция о смерти Стюра расходятся. Данная виса присутствует

также в тексте «Саги о людях с Песчаного Берега», главным героем которой является зять Стюра — Снорри Годи. Весьма сомнительно, чтобы рассказчик этой саги или рассказчик «Саги о Битве на Пустоши» стали бы сочинять строчки типа *злокозненный годи* об уважаемом хёвдинге прошлых эпох, к которому возводили свой род многие могущественные исландцы XIII в.: очевидно, что такие выражения естественны лишь для местной традиции Боргарфьорда, жители которого в начале XI в. должны были считать Снорри своим злейшим врагом. Другое дело, что за спину Торгеста, покинувшего Исландию на следующий год после убийства Стюра и никогда в страну не возвращавшегося, вполне мог спрятаться анонимный житель Боргарфьорда: в пользу такой трактовки говорит тот факт, что рассказчик саги относится к стихам Торгеста явно иронически.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þorgestr Þorhalsson

Vasat of sár, en sáran
sák Víga-Styr hníga,
böndum þörf at binda;
beit hjalma stoð þveita,
þás af brúnar beinum
báglunds goða mági
unda sœg í augu
allrauðan sák falla.

Торгест сын Торхалля

Незачем увечья
врачевать — секира
расколола Стюру
весь шелома цоколь;
с кровника надбровий
негодяя годи —
зрел я — низвергалась
язвы рябь багряна.

© Ф. Б. Успенский, 1997

Сага о Битве на Пустоши, № 3

1. Контекст:

Торгест сын Торхалля обращается за помощью к хёвдингу Торстейну сыну Гисли.

2. Текст *пересказа Йоуна Оулафссона*:

Торстейн выходит и спрашивает Геста об имени и о новостях. Гест сказал вису того содержания, что он убил Стюра, и после этого просит у него защиты.

[Йоун Оулафссон оставил примечание:

Вот хельминг висы, которую Гест сказал при этом случае, либо при встрече с кем-нибудь из других хёвдингов Боргарфьорда, которые спрашивали его об убийстве Стюра].

Gestr hefir Geitis rastar
galdrs miðjungi skjaldar,
dunði djúpra benja
dögg, röskligast höggvit.

3. Пословный перевод:
Гость имеет поприщ Гейтира
заклинаний метиса щита
шумела глубоких ран
роса, отважно рубивши.

4. Развертка:

Гость поприщ Гейтира имеет отважно рубивши метиса щита заклинаний — роса глубоких ран шумела.

Или:

Гость заклинаний поприщ Гейтира имеет отважно рубивши метиса щита — роса глубоких ран шумела.

5. Синтаксис:

имеет рубивши — в подлиннике форма перфекта с глаголом *hafa*.

Приведенные в п. 4 варианты чтения отражают разные интерпретации двух кеннингов, оба из которых занимают актантные позиции при предикате рубить: X {K1} зарубил Y-а {K2}.

Кеннинг убийцы — самого скальда — явно является шифром его личного имени; кеннинг жертвы — Стюра Убийцы — по-видимому, указаний на его имя не содержит.

6. Поэтика:

В отличие от висы Hvg № 2, выполняющей чисто иллюстративную функцию, в данной висе есть нетривиальные кеннинги и игра слов. Видимо, по этой причине хельминг сохранился в списках Младшей Эдды, благодаря чему Йоун Оулафссон смог опознать вису.

метис ≡ полувеликан, полутролль (хейти МУЖА); *метис/великан оружия* (или «заклинаний оружия», т. е. БИТВЫ) ≡ МУЖ ⇒ Стюр Убийца.

гость (gestr) ≡ часть личного имени скальда (Тор-гест) и одновременно часть кеннинга («гость Тора» или, по другой интерпретации — «гость моря»);

Гейтир ≡ морской великан; *поприще* (*путь*) *Гейтира* ≡ МОРЕ;

заклинание (пение, шум, вой) обычно является частью кеннингов БИТВЫ (заклинание меча и т. п.). Однако словоформу *galdrs* можно отнести не только к кеннингу Стюра *метис щита* ≡ *метис заклинаний щита*», но и к кеннингу Торгеста, что допускает более изысканное толкование, впервые предложенное Сигюрдюром Нордалем. Дело в том,

что древнеисландское слово, соответствующее «заклинанию моря», его «вою» (*sjávar-rýmr*), является хейти Тора как бога грома ≡ *Громыко*. Поэтому *вой МОРЯ* ≡ Тор, а *Гость воя поприщ Гейтира* (тройной кеннинг) ≡ *Тор-гестр* «гость Тора», личное имя убийцы Стюра.

Минусом толкования Нордаля является тот факт, что слово *galdr* «заклинание» редко встречается за пределами кеннингов БИТВЫ. Однако альтернативное толкование, которое предлагает в III томе Íslensk Fornrit Гвюдни Йоунссон — *гость моря* как «молодой, неопытный человек» — неубедительно: кеннинги моря обычно имеют величальную, гиперболическую функцию. В начальной висе «Драпы о Торгейре» Тормод умышленно вводит морской кеннинг в ситуации, где рассказывается о первом подвиге героя, совершенном в возрасте 15 лет (о возрасте Торгейра Тормод говорит в самой висе). Торгесту тоже было 15 лет, когда он убил Стюра.

Строка *роса глубоких ран шумела* (*dunði djúpra benja/dögg*) по ритмическому рисунку сходна со строкой из знаменитой Стикластадирской висы Тормода (*Fóst. № 40*): *глубокие следы бури дня и датского оружия свербят* (*djúp ok danskra vápna / dagshríðar spor svíða*).

7. Смысл:

Я, Торгест, убил Стюра; кровь лилась.

8. Размер:

Дроттквëтт.

9. Сохранность текста: см. выше.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þorgestr Þorhalsson	**Торгест сын Торхалля**
Gestr hefir Geitis rastar	Гость протора Гейти
galdrs miðjungi skjaldar,	кончил полукровку
dunði djúpra benja	прорицаний тарчи
dögg, röskligast höggvit…	— ран капель кипела.

© Ф. Б. Успенский, 1997

2.5.2. Турид дочь Олава Павлина.

Турид дочь Олава Павлина была внучкой одного из величайших скальдов — Эгиля Скаллагримссона. Однако на качестве висы, приписываемой ей в «Саге о Битве на Пустоши», это не отражается. Согласно прозаическому комментарию саги, виса произнесена Турид летом в

1014 г., в сцене, где она подстрекает своих сыновей на кровавую месть. Виса примечательна крепкими выражениями и наличием двух обозначений рыб. Вероятно, слушатели саги, помня о родословной Турид, не удивлялись тому, что хозяйка дома способна произнести вису. В «Саге о Людях из Лососьей Долины» (гл. XXX), где рассказывается о молодости Турид и о ее первом неудачном замужестве, она также представлена как человек неумный и вздорный.

Сага о Битве на Пустоши, № 4

1. Контекст:

Турид, мать семейства, подстрекает своего сына Барди отомстить за смерть его старшего брата Халля.

2. Текст:

После этого она велит подать им к мясу три камня. Они спрашивают, что это означает.

Она отвечает:

— Переварили вы, братья, то, что не лучше этих камней, ведь вы даже не пытались отомстить за такого человека, каким был ваш брат Халль. Вы совсем непохожи на ваших именитых предков — уж они бы не вынесли такого позора и поношений, какие терпите сейчас вы, выслушивая оскорбления с разных сторон.

Она ходила от двери до двери, вся в бешенстве, и затем сказала вису:

Brátt munu Barða frýja
beiðendr þrimu seiða
Ullr, munt ættarspillir
undlinns taliðr þinnar;
nema lýbrautar látir
láðs valdandi falda
lýðr nemi ljóð sem kvöðum
lauðshyrs boða rauða.

3. Пословный перевод:

Скоро будут Барди поносить
распорядители бури мерланга
Улль будешь семьи выродком
ран червя назван твоей,
если-не тунцепутя заставишь
суши владыка покрыться
люд да-внемлет песни, что говорим,
пеногня ходатаев красным.

4. Развертка:

Распорядители бури мерланга скоро будут поносить Барди; Улль червя ран, будешь назван выродком твоей семьи (1—4),

если [ты], владыка тунцепутя суши не заставишь ходатаев пеногня покрыться красным — да внемлет люд песни, что говорим (5—8).

5. Синтаксис и поэтика:

заставишь …покрыться красным ≡ *обагришь меч в крови врага*;

мерланг — тресковая рыба, здесь ≡ хейти МЕЧА. В оригинале употреблено слово seiðr, родственное русскому «сайда». Однако в кеннинге МЕЧА название рыбы должно быть мужского рода, поэтому мы заменили сайду на ее родственника мерланга.

Буря мерланга ≡ *буря МЕЧА* ≡ БИТВА; распорядители БИТВЫ ≡ МУЖИ;

Улль — один из асов; *Улль червя ран* ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ Барди сын Гудмунда; *червь* (т. е. *змея*) *ран* — стандартный кеннинг МЕЧА;

Владыка тунцепутя суши ≡ МУЖ (тройной кеннинг со смещением) — Барди сын Гудмунда; *тунец суши* ≡ МЕЧ, *путь МЕЧА* ≡ КРОВЬ, РАНА, *владыка пути меча* ≡ МУЖ, тот, кто обагряет меч в ране.

тунцепуть — скальдический неологизм. *Тунец* (рыба) ≡ хейти МЕЧА, в оригинале использовано слово lýr «люр», тресковая рыба; таким образом, оба кеннинга МЕЧА в висе «рыбные». Тунец принадлежит к семейству скумбриевых.

ходатаи пеногня ≡ МУЖИ ⇒ враги Барди; *пенистый огонь* ≡ ЗОЛОТО (хейти, осложненное эпитетом);

6. Смысл:

Люди скоро сочтут тебя, Барди, выродком, если ты не отомстишь врагам и не обагришь меч в их крови — пусть все слышат мой стих!

7. Размер:

Дротткветт.

8. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þuríðr Óláfsdóttir pá	**Турид дочь Олава Павлина**
Brátt munu Barða frýja	Барди, будь помянут,
beiðendr þrimu seiða	бранью средь отборных
Ullr, munt ættarspillir undlinns	судей свар мерланга,
taliðr þinnar;	коли не окрасишь

nema lýbrautar látir
láðs valdandi falda
lýðr nemi ljóð sem kvöðum
lauðshyrs boða rauða.

клин земли налима
сукровицей вражьей
— слову люд да внемлет —
слыть тебе ублюдком.

© Ф. Б. Успенский, 1997

2.6. Виса Лейкнира

Берсерки, братья Лейкнир и Халли, были убиты Стюром Убийцей в конце X в. (вероятно, ок. 989 г.). Виса, приписанная Лейкниру, известна по двум сагам — «Саге о Битве на Пустоши» и «Саге о Людях с Песчаного Берега». Берсерки описаны в обеих сагах как недалекие и грубые люди; тем не менее, виса, связываемая с именем Лейкнира, сложена весьма изящно.

Лейкнир. Сага о Битве на Пустоши, № 1

1. Контекст:

Берсерки, братья Лейкнир и Халли, служат могущественному Стюру Убийце. Лейкнир вздумал посвататься к дочке хозяина. Стюр хочет убить обоих берсерков. Чтобы заманить берсерков в западню, Стюр велит дочери одеться как можно наряднее и пройтись перед ними.

2. Текст:

Утром Стюр велит Асдис одеться во все лучшее и запрещает ей предупреждать берсерков о том, что он замыслил. И прежде чем они закончили ставить ограду, она выходит из дома и идет кружным путем мимо берсерков. Лейкнир окликает ее и спрашивает, чего она хочет. Она не отвечает. Тогда Лейкнир сказал эту вису:

Hvert hafið, *__G__er*ðr of *__g__ör*va,
__g__*ang*fögr liðir h*ang*a,
__l__júg vætr at mér — *__l__eyg*jar,
__l__*ín*bundin — för þ*ín*a;
þvít í *__v__etr*, en *__v__itr*a
__v__*ang*s sákat þik g*ang*a
__h__irðid*ís* frá __h__*ús*i
__h__*ún*s, skrautligar b*ún*a.

3. Пословный перевод:

Куда торишь, Герд готовый
прекрасная-в-ходьбе, кисти поддержки

не лги мне — огня,
одетая в лен — путь свой;
ибо зимой, мудрая
луга не-видел-я тебя идти
радетельная дис из дома
дамки (*или* медвежонка), нарядней одетой.

4. Развертка:

Прекрасная в ходьбе Герд огня кисти поддержки, куда торишь готовый свой путь, одетая в лен; не лги мне (1—4)

ибо я не видел тебя, радетельная дис луга дамки, идти зимой из дома одетой нарядней (5—8)

5. Синтаксис:

торить... готовый путь свой — плеонастическая конструкция, примерно соответствующая русской «направлять свои стопы»;

ибо я не видел тебя идти ...из дома одетой нарядней ≡ я не видел, чтобы ты выходила из дома одетой нарядней;

6. Поэтика:

Герд — богиня, здесь — хейти ЖЕНЩИНЫ. *Герд огня поддержки кисти* ≡ ЖЕНЩИНА (тройной кеннинг). *Поддержка кисти* ≡ РУКА; *огонь* РУКИ = ЗОЛОТО (золотое запястье, которое носят на руке). Герд ЗОЛОТА ⇒ *Асдис дочь Стюра*.

Прекрасная в ходьбе — мотивированный эпитет (саннкеннинг) ЖЕНЩИНЫ;

Устойчивое выражение *одетая в лен* имеет в скальдической поэзии знаковый смысл и вводит тему опасности (возможно, что нарядно одетая женщина воплощает судьбу героя).

Дис(а) — божество (женская сила плодородия), здесь ≡ *хейти* ЖЕНЩИНЫ; *радетельная дис луга дамки* ⇒ Асдис дочь Стюра (двойной кеннинг). Кеннинг может толковаться двояко, в зависимости от того, как интерпретируется многозначное слово húnn. Большинство комментаторов читает húnn как *дамка в шашках*. Тогда *луг дамки* — это шашечная доска, а *дис шашечной доски* ≡ ЖЕНЩИНА (поскольку игра в шашки — женское времяпровождение).

С другой стороны, можно усмотреть в кеннинге зашифрованное имя *Асдис* (Ásdís). Второй компонент имени — *дис* — выражен в составе кеннинга открытым текстом. Слово húnn имеет, помимо специального значения «фишка в шашечной игре», еще ряд значений — «медвежонок», «верхушка мачты». Если вложить в húnn смысл «медвежонок», то получается первый компонент имени Ас-дис, так как кеннинг «луг медвежонка» логично прочитать как «горный кряж», т. е. *Áss*.

7. С м ы с л:

Прекрасная женщина в праздничных одеждах, куда держишь свой путь? Скажи мне правду. Ведь я не видел, чтобы ты выходила зимой из дому одетой нарядней.

8. Р а з м е р:

Дротткветт.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее переводилась на русский язык С. В. Петровым, см. «Поэзия Скальдов» 1979, с. 43. Новый перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Leiknir

Hvert hafið, ***G****er*ðr of ***g****ör*va,
g*ang*fögr liðir h*ang*a,
l*júg* vætr at mér — ***l****eyg*jar,
l*ín*bundin — för þ*ín*a;
þvít í ***v****etr*, en ***v****itr*a
v*ang*s sákat þik g*ang*a
hirðid*ís* frá **h***ús*i
h*ún*s, skrautligar b*ún*a.

Лейкнир

Липа льна, нелживо
Мне скажи, куда же
Путь торишь, прекрасна,
— по траве — как пава.
Ведь зимой — из дому —
Вдаль досель не длила
Шаг, в узорной шали,
Дис равнины асов.

3. Стихи из «Саги о Хромунде Хромом»

Хромунд Хромой сын Эйвинда является героем одноименной саги; о нем рассказывается также в «Саге о Людях из Островного Фьорда» и в «Книге о Заселении Земли» (S 168, H 137). Он погиб в конце X в. уже будучи пожилым человеком, обороняя свой хутор от викингов. Все стихи, связываемые с именем Хромунда, приурочены именно к этому эпизоду. Когда это в точности случилось, неизвестно; известно лишь, что сын Хромунда Хастейн (или Халльстейн) вскоре после гибели отца уехал в Норвегию к конунгу Олаву Трюггвасону (995—1000 г.) и погиб вместе с конунгом в битве при Свольдре в 1000 г. Таким образом, наиболее вероятная датировка гибели Хромунда — конец 980-х или начало 990-х гг. С именем Хастейна связывался флокк о обороне Хромунда; в «Книге о Заселении Земли» приводится семь вис, которые, судя по их плохой сохранности и искажениям, длительное время передавались в местной традиции изустно. Неясно, кем сочинены висы в «Саге о Хромунде», приписанные Хромунду,— Хромундом, Хастейном или кем-то третьим.

Виса № 1

1. Контекст:

Старый Хромунд просыпается утром от крика ворона, севшего на крышу дома и с коротким перерывом произносит две похожие висы.

2. Текст:

Út heyrik svan sveita
sáraþorns, er mornar,
bráð vekr borginmóða,
bláfjallaðan gjalla.
Svá gól fyrr þá er feigir
folknárungar váru
Gunnar haukr, er gaukar
Gauts bragða spá sögðu.

3. Пословный перевод:

снаружи слышу-я лебедя пота
шипа ран, когда светает
добычу будит важный

черноперого (?) кричать.
Так кричал раньше, когда обречены
племякормильцы были
ястреб Гунн (род. п.ед.ч.), когда кукушки
Гаута уловок пророчество говорили.

4. Развертка:

Я слышу черноперого лебедя шипа пота ран кричать снаружи, когда светает; важный будит добычу (1—4)

Ястреб Гунн кричал так раньше, когда племякормильцы были обречены, когда кукушки уловок Гаута говорили пророчество (5—8);

5. Поэтика:

лебедь шипа пота ран ≡ ВОРОН (тройной кеннинг); *пот* — хейти КРОВИ, *шип ран* ≡ МЕЧ, *пот* МЕЧА ≡ КРОВЬ, *лебедь* КРОВИ = ВОРОН; вместе с тем, *пот ран* — это тоже КРОВЬ;

слышу [ворона] *кричать* ≡ слышу как ворон кричит;

племякормильцы ≡ люди (хейти);

Гаут — одно из имен Одина; *уловки Гаута* ≡ БИТВА; *кукушки* БИТВЫ ≡ ВОРОНЫ (или другие стервятники);

Гунн — валькирия: *ястреб Гунн* ≡ ВОРОН;

6. Размер:

Дротткветт. В пятой строке рифма отсутствует. В седьмой (нечетной строке), наоборот, рифма, образуемая синонимами haukr и gaukr, полная, что тоже является дефектом.

7. Смысл:

Я слышу, как ворон кричит, предчувствуя поживу. В прежние времена это предвещало скорую смерть.

8. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Hrómundr inn halti	**Хромунд Хромой**
Út heyrik svan sveita	Кречет пота крючьев
sáraþorns, er mornar,	ран кричит в час утра:
bráð vekr borginmóða,	Утомлен полетом,
bláfjallaðan gjalla.	Вещий алчет пищи.
Svá gól fyrr þá er feigir	Встарь, навстречу рати,
folknárungar váru	Обреченной в споре,
Gunnar haukr, er gaukar	Коршун Гунн гнусавил
Gauts bragða spá sögðu.	Суть посулов Тунда.

Виса № 2

1. Контекст: см. выше.

2. Текст:
Hlakkar hagli stokkinn,
hræs es kemr at sævi,
móðr krefr morgunbráðar,
már valkastar báru.
svá gól endr, þá er unda,
eiðs af fornum meiði
hræva gaukr, er haukar
hildinga mjöð vildu.

3. Пословный перевод:
Радуется градом осыпанный
трупа когда приходит к морю,
— настрой требует утренней пищи —
чибис сраженных волны;
так кричала древле, когда ран
клятвы со старого древа
трупов кукушка, когда ястребы
витязей меда хотели.

4. Развертка:

Осыпанный градом чибис волны сраженных радуется, когда приходит к морю трупа; настрой требует утренней пищи (1—4);

Кукушка трупов древле кричала так со старого древа клятвы, когда ястребы витязей хотели меда ран (5—8);

5. Поэтика:

море трупов ≡ КРОВЬ;

чибис волны сраженных ≡ ВОРОН (двойной кеннинг), волна сраженных = КРОВЬ;

кукушка трупов ≡ ВОРОН;

витязи (hildingar) ≡ одно из хейти ВОЖДЯ; *ястребы витязей* ≡ ВОРОНЫ;

мед ран ≡ КРОВЬ;

6. Размер:

Дротткветт. В седьмой строке та же рифма, что в предыдущей висе, и тот же дефект. Во второй строке полная рифма получается с большой натяжкой.

7. Смысл:

Я слышу, как ворон кричит, предчувствуя скорую поживу. В прежние времена это предвещало смерть.

8. Сохранность текста:

Б. Фидьестоль указал, что первые две висы из «Саги о Хромунде» однотипны. Правда, его аргументы не доказывают, что мы имеем дело с расщеплением одной висы в устной традиции. Он отмечает, что хельминги двух разных вис скомпонованы вместе в «Саге о Хаварде» и делает вывод, что речь идет о двух параллельных традициях, в одной из которых висы сохранились, а в другой — нет. Хаварду приписывались якобы потому, что его имя созвучно имени Хромунда и оба этих героя имели прозвище Хромой[37].

Неясно, так ли это. В «Книге о Заселении Земли» сцена смерти Хаварда представлена так же, как в саге о нем, но вторую вису произносит сын Хромунда Торбьёрн Гремушка. В таком случае мы имеем дело с перекличкой вис, при этом обе висы произносятся именно теми, кому суждено вскоре умереть, так что они оказываются пророческими. Далее приводится семь вис, приписываемых Хастейну Хромундарсону. Если эти висы действительно сочинены им, они могут быть остатками флокка; в таком случае они послужили основным источником информации о гибели Хромунда, а три апокрифические первые висы, скорее, подтверждают то, что флокк Хастейна передавался в устной традиции с прозаическими комментариями.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Hrómundr inn halti

Hlakkar hagli stokkinn,
hræs es kemr at sævi,
móðr krefr morgunbráðar,
már valkastar báru.
svá gól endr, þá er unda,
eiðs af fornum meiði
hræva gaukr, er haukar
hildinga mjöð vildu.

Хромунд Хромой

Заморочен градом,
Чует мертвечину
С моря — черноперый
Чибис навьей зыби.
С древа клятвы древле
Рвались воронята
Вниз, едва призывно
Ухнет выпь Кривого.

© А. В. Циммерлинг, 1999

---

[37] См. [Fidjestøl 1982, 62—63].

Виса № 3

1. Контекст:

Хромунд хватает оружие и готовится к обороне, призывая к тому же своих сыновей и внука Торлейва.

2. Текст:

Затем он стал побуждать сыновей и своего воспитанника Торлейва к бою: Торлейву было пятнадцать лет, он был велик ростом и собою виден. Он тоже собрался выходить из горницы, но женщины сказали, что он слишком юн для схватки и потому обречен, а Хромунд чересчур стар, чтобы держать оборону.

Тогда Хромунд сказал вису:

Varat mér í dag dauði
draugr flatvallar bauga,
búumst við Ilmar jalmi
áðr, né gær of ráðinn.
Rækik lítt þó at leiki
lítvöndr Heðins fítjar,
áðr var oss of markaðr
aldr, við rauða skjöldu.

3. Пословный перевод:

Не-была мне сего дня смерть
ствол плоскоравнины колец
готовимся к шуму Ильм (род. п.)
рано, ни вчера суждена.
Мне-нипочем, хотя бы играл-бы
крашеный брус угодий Хедина,
прежде (рано) был нам начертан
срок, о красный щит.

4. Развертка:

Смерть не была суждена мне вчера и сегодня, (о) ствол плоскоравнины колец; рано готовимся к шуму Ильм (1—4);

Мне нипочем, хотя бы крашеный брус угодий Хедина играл о красный щит, срок был нам начертан прежде (5—8);

5. Поэтика:

Ильм — валькирия, *шум Ильм* ≡ БИТВА;

ствол плоскоравнины колец ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *ствол* (столб) ≡ хейти МУЖА, *плоскоравнина колец* ≡ ЩИТ (кеннинг с усилительным элементом), *ствол* ЩИТА ≡ МУЖ ⇒ любой слушатель висы;

крашеный брус угодий Хедина ≡ МЕЧ (двойной кеннинг с усилительным элементом); *Хедин* — одно из имен Одина, *угодья Хедина* ≡ РУКА (согласно комментаторам), *брус* (vöndr) — хейти МЕЧА либо МУЖА, *брус Руки* ≡ МЕЧ;

срок ≡ срок жизни, предел;

6. Размер:

Дроттквэтт. В первой строке рифма отсутствует, в седьмой строке неполная рифма формально правильна, однако количественный ритм строки аномален, и второй икт занят кратким служебным словом var «был».

7. Смысл:

Срок жизни был установлен мне заранее. Я не буду жалеть, если придется пасть в бою.

8. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Hrómundr inn halti	**Хромунд Хромой**
Varat mér í dag dauði	Не вчера начертан
draugr flatvallar bauga,	Смерти срок мне — к смерчу
búumst við Ilmar jalmi	Ильм снаряжен, смело
áðr, né gær of ráðinn.	Впредь смотри, воитель.
Rækik lítt þó at leiki	Предрешен наш жребий:
lítvöndr Heðins fítjar,	Хмурить бровь не буду,
áðr var oss of markaðr	Коль в щите трепещет
aldr, við rauða skjöldu	Шест долин Хедина.

4. Стихи из «Саги о названных Братьях» и «Пряди о Тормоде»

4.1. Тормод Скальд Чернобровой

Тормод Скальд Чернобровой, сын Берси, был одним из наиболее значительных исландских скальдов своего поколения. Тормод родился около 998 г. и погиб в 1030 г. Он упоминается во многих родовых и королевских сагах, в прядях и в «Книге о Заселении Земли» (M 40 = H 99; S 150 = H 121). Большая часть стихов Тормода, в том числе Поминальная Драпа о Торгейре сыне Хавара и стихи о приключениях Тормода в Гренландии, известна по «Саге о Названных Братьях», главным героем которой он является. Многие стихи, связанные с битвой при Стикластадире, где погиб Тормод, сохранились в составе королевских саг. Некоторые стихи, в основном, связанные с пребыванием Тормода в Дании, сохранились только в «Пряди о Тормоде». Тормод был уроженцем четверти Западных Фьордов, и его стихи должны были быть там особенно известны.

4.1.1. Поминальная драпа о Торгейре сыне Хавара.

Существуют два основных жанра скальдических поэм: цикл строф без припева (рефрена) носит название «флокк» (flokkr), т. е. «собрание, группа», а строфическая поэма с припевом носит название «драпа» (drápa); этимология данного слова не вполне ясна. Имеются основания думать, что припев (согласно скальдической терминологии — stef «стев») разделял одинаковые, или примерно одинаковые, группы строф. Строфы драпы имеют ту же структуру что и обычные «висы на случай»; виса внутри драпы иногда называется также erindi «сообщение, строфа, куплет». По всей вероятности, жанр драпы налагал более строгие ограничения на стилистику вис по сравнению с жанром флокка. Драпы могли сочиняться как в честь здравствующего лица (хвалебная песнь), так и в честь умершего (поминальная песнь, erfidrápa). Большинство драп сочинено основным скальдическим размером — дротткветтом, известны также драпы, сложенные в т. н. малых размерах — рунхенде (к этой группе относится, в частности, «Выкуп Головы» Эгиля Скаллагримссона), хрюнхенте, тёглаге. Известны также по-

минальные песни в размере квидухатт («Перечень Инглингов» Тьодольва Хвинского, «Речи Хакона» Эйвинда Погубителя Скальдов, «Песнь об Аринбьёрне» и «Потеря Сыновей» Эгиля Скаллагримссона), но они не вполне удовлетворяют жанровым критериям драпы. Почти все дротткветтные драпы дошли до нас с большими лакунами, в связи с чем точно восстановить стандартное число куплетов и число вхождений стева невозможно.

Как правило, драпы сочинялись в честь правителей страны и людей, обладающих званием — конунгов и ярлов[38]. Драпы, сложенные в честь частного лица, значительно более редки: один из таких случаев составляет Поминальная драпа об исландце Торгейре сыне Хавара (995—1024 гг.), сочиненная его побратимом Тормодом Скальдом Чернобровой (998—1030 гг.) и частично сохранившаяся в разных редакциях «Саги о Названных Братьях», главными героями которой являются Тормод и Торгейр. В данной саге приводится 14 куплетов драпы (нумерация отражает порядок их появления в тексте саги); рассказчик ссылается и на другие стихи, сочиненные Тормодом о Торгейре и отражающие эпизоды биографии последнего (плавания в Данию и в страну вендов). Стев драпы, к сожалению, не сохранился.

Сопоставление текста саги с текстом вис из драпы показывает, что рассказчик при составлении своей версии опирался на Драпу Тормода и кое-где неверно понял слова скальда (ср. ниже комментарий к висам № 11, 18). Поскольку текст вис древнее дошедшего до нас прозаического текста саги, большинство комментаторов (Финнюр Йоунссон, К. Х. Гертнер, Бьёртн К. Тороульфссон, Йоунас Кристьяунссон[39]) считало драпу подлинной. Однако в связи с тем, что эволюция текста «Саги о Названных Братьях» оказалась предметом бурной филологической полемики, отдельные критики (Гвюдбрандюр Вигфуссон, Бьярни Гвюднасон[40]) стали отрицать подлинность вис Драпы. Все же сомне-

---

[38] Одно из немногих исследований, посвященных особенностям жанра драпы, принадлежит норвежскому филологу Б. Фидьестолю: Bjarne Fidjestøl. Det Norrøne Fyrstediktet. Alvheim & Eide Akademisk Forlag. Øvre Ervik, 1982.

[39] Kurt Hugo Gärtner. Zur Fóstbræðra. I. Teil, Die Visur. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur XXXII, 1907 (Halle a. S., 1907). Finnur Jónsson. Þormóðr Kolbrúnarskáld // Acta philologica Scandinavica VII, 1932—1933. ÍF VI. Vestfirðingasögur. Reykjavík, 1943 (útg. Björn K. Þorólfsson og Guðni Jónsson). Jónas Kristjánsson. Um Fóstbræðrasögu. Reykjavík, 1972, p. 97—143.

[40] Guðbrandur Vígfússon. Origines Islandicae, II. Ed. Guðbrandur Vígfússon and F. York Powell. Oxford, 1905, p. 674. Bjarni Guðnason. Andmælaræða við doktorsvörn Jónasar Kristjánssonar 9. Desember 1972 // Skírnir 1972, p. 253 — 267.

ния скептиков не были подкреплены серьезным анализом поэтики текста. В частности, названные критики совершенно не обсуждали организацию Драпы о Торгейре как художественного произведения, а оценки ее как «сухого и невыразительного перечня мокрых дел» в большой степени продиктованы поверхностным прочтением вис и непониманием мотивов, объединявших их в контексте древнеисландской культуры.

Целью нашего комментария является анализ структурных особенностей и поэтики вис. По мере возможности мы старались отделять стандартные клише и синтаксические шаблоны от индивидуальных приемов: в тех случаях, когда выбор тех или иных поэтических фигур или стилистических средств представляется умышленным или регулярно повторяется в нескольких висах драпы, комментарий это учитывает. Обсуждаются также те места вис, которые имеют параллели в мифологической или героической поэзии и могут восприниматься как их аллюзии.

Первая из дошедших до нас вис драпы (№ 2) сообщает о первом подвиге Торгейра, совершенном в возрасте пятнадцати лет, последние (№№ 17—18) рассказывают о гибели героя драпы, в конце висы № 18 говорится, что «счет убийствам Торгейра» в ней «закрывается» и что Торгейр убил на своем веку тринадцать человек: все они названы поименно в предыдущих строфах драпы. Большинство строф ограничено рамками какого одного эпизода, где Торгейр убил кого-то из своих противников: так строятся висы №№ 2 (убит Ёдур), 3 (убит Торбранд), 4 (убит Бутральди), 6 (убиты Торгильс сын Мара, Скув и Бьярни) 10 (убит Снорри Плюсна и двое его людей), 11 (убит *X* сын Торира), 13 (убит Гаут). Иначе организованы висы №№ 5 (тема — размолвка между побратимами), 7 (тема — торговые плавания Торгейра), 12 (Торгейр на службе ярла Рёгнвальда), 14 (Торгейр заключил перемирие с Торарином Дерзким и Торгримом Троллем). Некоторые комментаторы полагают, что слова «счет убийств», появляющиеся в висе № 18, служат самоназванием драпы. По-видимому, это не так: финальному эпизоду драпы — героической гибели Торгейра — посвящено целых четыре куплета — №№ 15—18, из них только в одном (№ 17) поименно названы жертвы Торгейра в данной схватке — Мар и Торир. Кроме того, как было отмечено выше, рассказчик саги ссылается в гл. VIII на другие строфы Драпы о Торгейре, не приводя их в своем тексте; сколько было таких строф в предыдущих версиях саги, можно только гадать. Таким образом, достоверно устанавливается не то, что Драпа о Торгейре сводилась к «перечню убийств», а то, что рассказчи-

ки саг интересовались прежде всего убийствами Торгейра и приводили в первую очередь те висы, которые позволяли следить за перипетиями его биографии в Исландии. В то же время очевидно, что тема перечня подвигов является для драпы сквозной, и что каждое убийство в бою удостаивается специального упоминания и, как правило, особой висы. Исключения составляют убийства Скува и Бьярни (№6) и убийства работников Снорри (№10), но здесь речь, как следует из прозаического комментария, идет о людях невысокого звания, случайно вызвавших гнев Торгейра и подвернувшихся ему под руку: соответственно, эти убийства менее мотивированы и являются менее почетными.

Высшей целью драпы является прославление Торгейра как отважного воина и подлинного носителя героической морали. При этом совершенные им убийства, его сила, умение ловко владеть оружием, управлять кораблем, держать данное им слово — лишь разные проявления его героической сути. Принципиально важно, что драпа служит посмертной хвалой, т. е. предлагает разный масштаб оценки событий жизни героя и ныне живущих: павший герой в известном смысле всегда прав sub specie aeternitatis, как бы с позиций морали или целесообразности не оценивать его поступки в момент их совершения. Основная тема драпы — апофеоз Торгейра — развивается скальдом весьма изобретательно и при помощи разных приемов. Современному читателю стоит обратить внимание на два мотива, проходящие через всю драпу. Первый из них обозначен уже в висе №2, где говорится о том, что герой рано «обрел удачу» и стал «творить удачу»: удача, сопутствующая Торгейру — сама судьба, толкающая его на стезю воина. Второй мотив связан с рангом героя драпы: Тормод тщательно подбирает обозначения своего побратима, в кульминационных местах прибегая к кеннингам мужа как кораблеводителя, обычно употребляемым по отношению не к простым воинам, а к *вождям*. Тем самым Торгейр (в реальной жизни — сын бонда и дружинник норвежского конунга) уподобляется эпическому вождю, самому вершащему свою — и чужие — судьбы. Данной цели служит также подбор эпических синонимов — (ср. вису №15).

Драпа о Торгейре была сочинена Тормодом в середине или конце 1020-х гг. Есть основания думать, что она, как и другие стихи Тормода, сохранялась в местной скальдической традиции Западных Фьордов.

Литература о Тормоде и его стихах

G. Vigfússon. Um tímatal í Íslendinga sögum í fornöld. Safn til sögu Íslands I, Kh. 1856.

Klaus von See: Die Überlieferung der Fóstbræðra Saga // Edda, Saga, Skaldendichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters. Heidelberg 1981, S. 443—460.

Klaus von See. Skaldenstrophe und Sagaprosa // Edda, Saga, Skaldendichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters. Heidelberg, 1981, S. 461—485.

Klaus von See. Hastings, Stiklastaðir und Langemarck // ibid., S. 259—271.

Klaus von See. Huskarla hvöt // ibid., S. 272—282.

Preben Meulengracht Sørensen. The umnanly man. Odense 1983, pp. 71—74.

Preben Meulengracht Sørensen. Mundtlig tradition i Fóstbræðra saga // Sagnaþing helguð Jónasi Kristjánssyni, Reykjavík, 1994, p. 581—591.

Helga Kress. Bróklindi Falgeirs // Skírnir, 16, 1987, p. 272—286.

Bjarni Einarsson. Um Þormóð skáld og unnusturnar tvær // Grípla, V. Reykjavík, Stofnun Árna Magnússonar, p. 66—76.

Rudolf Simek. Ein Saga-Anti-Held. Über die ethischen Vorstellungen in der «Fóstbræðra saga» // Philologica Germanica 11; Helden und Heldensage.Otto Gschwantler zum 60. Geburstag. Fassbaender, Wien, S.395—409.

Halldór Kilian Laxness. Gerpla. Reykjavík, Helgafell 1952.

Bjarne Fidjestøl. Det Norrøne Fyrstediktet. Alvheim & Eide Akademisk Forlag. Øvre Ervik, 1982.

Виса № 2

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара в возрасте пятнадцати лет в одиночку отомстил за смерть своего отца, умертвив его убийцу Ёдура сына Клёнга. Это событие произвело впечатление на современников.

2. Текст:

Торгейру было пятнадцать лет, когда случилось это убийство, как сказал Тормод в поминальной драпе о Торгейре:

starf hófsk upp, þás arfa
auðveitir lét dauðan
— hestrennir vas hlunna
hugsnjallr — Klœings falla;
efnd tóksk Hávars hefndar
hafstóðs þás vas Móði
— hann varð happ at vinna
hvettr — fimmtían vetra.

…Все, кто слышал рассказ о случившемся, сочли удивительным, что молодой человек в одиночку принес смерть столь суровому хёвдингу и столь великому воину, как Ёдур. И все же это неудивительно, ибо верховный кузнец мира создал и вложил в грудь Торгейра такое крепкое

и твердое сердце, что Торгейр не знал страха, и был столь же непоколебим во всех испытаниях, как и Неробкий Зверь.

3. П о с л о в н ы й п е р е в о д:

работы начались, когда наследника
богатстводатель заставил мертвого
— конегонитель был сходен
духом смел — Клёинга пасть;
осуществление удалось Хавара мести
жеребца моря, когда был Моди
— он оказался удачу обретать
скор — пятнадцати лет.

4. Р а з в е р т к а:

Работы начались, когда богатстводатель заставил наследника Клёинга пасть мертвого; конегонитель сходней был смел духом (1—4);

осуществление мести [за] Хавара удалось, когда Моди жеребца моря был пятнадцати лет — он оказался скор обретать удачу (5—8).

5. С и н т а к с и с:

заставил мертвого пасть ≡ заставил пасть мертвым;

мести Хавара — конструкция с родительным объекта ≡ мести за Хавара.

6. П о э т и к а:

работы ≡ подвиги, убийства (хейти); данная виса — первая, сообщающая о жертвах Торгейра и открывающая тему перечня.

наследник Клёинга ⇒ Ёдур Клё(и)нгссон — т. н. видкеннинг (полукеннинг), обозначение референта по его индивидуальному признаку;

богатстводатель ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (кеннинг). Обозначение МУЖА как раздатчика ЗОЛОТА принадлежит к числу наиболее стандартизованных моделей скальдического кеннинга.

конегонитель сходней ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (двойной кеннинг со смещением); *конегонитель* — скальдический неологизм, *конь сходней* ≡ КОРАБЛЬ, а *гонитель* корабля ≡ МУЖ. Обозначение МУЖА как кормчего, управляющего кораблем, может носить столь же стертый характер, как и в модели «раздатчик богатств», но в Драпе о Торгейре морские кеннинги употребляются более дифференцированно как хейти не рядового воина, но ВОЖДЯ и имеют величальный характер. Их применение позволяет представить Торгейра как эпического героя. Сходный прием использован в песнях о Хельги в составе «Старшей Эдды»: примечательно, что основное действие песен о Хельги происходит на

суше, но при этом в каждой песне есть сцена морского перехода и говорится о «флоте вождя».

Моди — один из асов (сын Тора); *Моди жеребца моря* ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (двойной кеннинг); *жеребец моря* — стандартное обозначение КОРАБЛЯ;

был…пятнадцати лет — возможно, тоже аллюзия героической поэзии. В Первой Песни о Хельги Убийце Хундинга герой также совершает первый подвиг в пятнадцать лет: skammt let vísi vígs at bíða // Hunding drap hann fyrstan…þá er fylkir var fimtan vetra (*HHI*, 10). Совпадает даже синтаксис строфы — информация о возрасте героя попадает в придаточное предложения.

оказался скор обретать удачу — эта простая фраза вводит мотив, который будет лексически и синтаксически варьироваться на протяжении всей драпы: слово happ «удача» означает «жизненная сила»: удача может прийти к человеку или покинуть его. Поэтому способность осуществлять свои начинания трактуется как признак того, что удача комулибо благоприятствует; удачное убийство — проявление того, что герой действует правильно, находится на верной стезе. Данное представление является скорее общекультурным, чем специально скальдическим, и прослеживается по древнеисландским текстам разных жанров.

7. Смысл:

Сильный духом Торгейр открыл счет своим подвигам, убив Ёдура Клёингссона.

Герой отомстил за смерть Хавара в возрасте пятнадцати лет: удача с ранних лет сопутствовала ему.

8. Размер:

Дротткветт. В первой и пятой строках рифма полная, что является отклонением от позднейших канонов, предписывающих полную рифму только в четных строках. Трехсложная форма числительного fimmtían «15» (обычно — fimmtán) является редкой; Аналогичная трехсложная форма þretían «18» встречается в висе № 18. Эти формы древнее XIII в.[41], хотя точная датировки периода, когда новые формы fimmtán, þrettán окончательно вытесняют fimmtían, þretían, неизвестна. Полная рифма ⟨h*ett*r fimmtían *vet*ra⟩ в восьмой строке нетипична, поскольку в первом слове восстанавливается долгий согласный /tt/, а во втором — краткий /t/: возможно, в слове vetra имело место общеязыковое или метрическое удлинение /t/ перед /r/.

[41] Jónas Kristjánsson. Um Fóstbræðrasögu… p. 115—116.

9. П о э т и ч е с к а я   т р а д и ц и я:

Мотив убийства врага, совершенного героем в юности и открывающего счет его подвигам, встречается также в поминальной драпе о Хаконе Воспитаннике Адельстейна (Хаконе Добром), сочиненной младшим современником Тормода Тордом сыном Сьярека. При этом Снорри Стурлусон, цитирующий вису Торда в «Саге о Хаконе Добром» (Hkr I,виса № 127), неверно понял фразу starf hófsk upp þás arfi… Gunnhildar kom sunnan (Hkr I, 93),—отнеся фразу en gramr var fallinn «и вождь пал» не к жертве—одному из сыновей Гуннхильд, но к герою драпы конунгу Хакону. Поэтому Снорри поместил данную вису, стоявшую в *начале* драпы, в конец саги, где рассказывается о *последней* битве Хакона. Любопытно, что Хакон стал конунгом в возрасте 15 лет—þá var hann fimmtán vetra (ibid., 100). В той же висе содержится близкая параллель к висе Тормода № 2 из текста «Пряди» [varði varga myrðir slíkt, svá skal frið slíta]. Вероятно, Торд сын Сьярека использовал материал стихов Тормода; разумеется, это не может служить доказательством того, что Тормод впервые применил данные выражения.

10. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
starf hófsk upp, þás arfa auðveitir lét dauðan —hestrennir vas hlunna hugsnjallr—Klœings falla; efnd tóksk Hávars hefndar hafstóðs þás vas Móði —hann varð happ at vinna hvettr—fimmtían vetra.	Умервщлен сын Клёнга: сим межу деяний направитель киля утвердил сурово. За сиротство—руки окропил в пятнадцать лет наследник Хавра, —вождь взнуздал удачу.

Виса № 3

1. К о н т е к с т:

Торгейр сын Хавара и Тормод сын Берси убили Ингольва Паленого и его сына Торбранда: Торгейр убил Торбранда, а Тормод—Ингольва. В стычке погибли и другие люди.

2. Т е к с т:

Об этом упоминает Тормод в поминальной драпе о Торгейре.

Aldrspelli kveðk ollu
Íngólfs sonar — þingat
frétt es víg sem vættik —
vald hö-Sleipnis tjalda;
fell fyr frœknum stilli
— fjörtjón vas þat ljóna,
— lítt vas þat til þrætu
Þorbrandr drasils vandar.

3. Пословный перевод:
Жизнегубство реку-я свершил
Ингольвова сына — оттоле
известно убийство, как полагаю-я
— властелин влажно-Слейпнира шатров
пал пред смелым усмирителем
— ущерб жизни был то людей,
— мало было то к распре —
Торбранд жеребца мачты.

4. Развертка:

Реку-я, жизнегубство Ингольвова сына свершил властелин влажно-Слейпнира шатров; оттоле известно убийства (1—4);

Торбранд пал пред смелым усмирителем скакуна мачты; то был ущерб жизни людей; мало было то к распре (5—8).

5. Синтаксис:

реку-я …свершил жизнегубство во… властелин — в подлиннике еще более сложное расположение, ввиду того, что использован оборот **вин. п.** + **инфинитив,** букв.: *реку-я властителя совершить*;

оттоле — в подлиннике здесь архаическая форма наречия, рифмующаяся с именем «Ингольв». Не вполне понятно, однако, «отколе» — скорее всего, с севера Косы, где жили и был убиты Ингольв с Торбрандом. Возможно, эту фразу следует трактовать как признание Тормода в том, что он сам был на месте происшествия и участвовал в схватке.

мало было то к распре ≡ это не вызвало большой распри.

6. Поэтика:

Жизнегубство Х-а ≡ смерть Х-а (хейти);

властелин влажно-Слейпнира шатров ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (тройной кеннинг); *Слейпнир* — мифологический конь, *влажно-Слейпнир* ≡ Слейпнир влаги (неологизм Тормода) ≡ КОРАБЛЬ; *Слейпнир*, т. е. конь, *шатров* ≡ КОРАБЛЬ. На корабле всегда был большой шатер, поэтому шатер — атрибут корабля; наконец, *властелин корабля* ≡ МУЖ. Кеннинг

семантически избыточен, так как значение «корабль» возникает как из сочетания со словом hö «влага», так и из сочетания со словом tjalda «шатров».

Усмиритель жеребца мачты ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (двойной кеннинг). Таким образом, оба кеннинга МУЖА в данной висе — «морские». *Жеребец мачты* ≡ КОРАБЛЬ, *усмиритель корабля* ≡ МУЖ. В изолированном употреблении слово stillir «усмиритель» выступает как хейти, но не любого воина, а ВОЖДЯ.

7. Смысл:

Я утверждаю, что Торгейр был причиной смерти Ингольвова сына; я полагаю, что весть об убийстве пришла из тех краев (или: я сам был свидетелем гибели сына Ингольва).

Торбранд пал пред смелым Торгейром; погибли также другие люди. Это убийство не вызвало большой распри.

8. Размер:

Дротткветт. В строке 7 на второй икт падает краткосложное слово þat «это», что не совсем типично.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Aldrspelli kveðk ollu	Гибели Ингольва
Íngólfs sonar — þingat	сына сам свидетель:
frétt es víg sem vættik —	спрут шатра на волнах
vald hö-Sleipnis tjalda;	вздыблен был владыкой.
fell fyr frœknum stilli	Ниц пред князем мачты
— fjörtjón vas þat ljóna,	рысака бесстрашным
— lítt vas þat til þrætu	рухнул Торбранд —
Þorbrandr drasils vandar.	— распря прекратилась вскоре.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 4

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара убил некого Бутральди, случайно повстречав его по дороге домой. Мотивы были не вполне достаточными, хотя Бутральди и вел себя, по утверждению саги, агрессивно по отношению к Торгейру, а его патрона Вермунда Тощего Торгейр мог считать своим врагом.

2. Текст:
Об этом событии сложен такой куплет (Драпы о Торгейре):
vel dugir verk at telja
vapna hreggs fyr seggjum
— opt flýgr gránn frá gunni
gjóðr — Butralda hljóðan;
þótt kynni mun minni
margrjóðanda þjóðir
— né hnekkik því — þakkar
þess vígs fetils stíga.

3. Пословный перевод:
Вполне стоит дела считать
вихря оружия пред воинами
— часто летит серый с битвы
орел — Бутральди (вин.п. ед.ч.) умолкнувшим.
хоть-и выказали гораздо меньше
многобагрителю племена
— не отрицаю-я того — хвалы
за это убийство тропы ремня.

4. Развертка:
Вполне стоит считать дела вихря оружия пред воинами — Бутральди умолк(нувшим); серый орел часто летит с битвы (1—4);
Хоть племена и выказали многобагрителю тропы ремня гораздо меньше хвалы за это убийство — я того не отрицаю (5—8).

5. Синтаксис:
Первый хельминг, вероятно, дошел до нас в сильно искаженном виде; к обычным скальдическим вольностям добавляется пропуск членов предложения. Необходимо отметить, что трудности представляет лишь формально-грамматическое истолкование, содержание хельминга ясно: *Бутральди убит Торгейром, это очередной его подвиг.*

Бутральди умолкнувшим — причастный оборот, замещающий в скальдической речи высказывания «Бутральди пал» или «Х убил Бутральди». Субъект к этому предикату — МУЖ, но кеннинга МУЖА в хельминге как раз нет, а есть кеннинг БИТВЫ — «вихрь оружия». С другой стороны, слово verk «дела» прямо предполагает деятеля, который заставил Бутральди замолчать. Если считать, что «дела» и «вихрь орудия» связаны синтаксически (в подлиннике они аллитерируют), то реконструется такой порядок:

**Вполне уместно считать пред воинами дела вихря оружия*: *Бутральди заставили замолчать.*

Однако и при этом группу *дела вихря оружия* ≡ *дела* БИТВЫ приходится читать как сокращение от **дела ясеня битвы* ≡ *дела* МУЖА.

6. П о э т и к а:

дела X-а ≡ подвиги (хейти); **дела ясеня битвы* ≡ убийства;

вихрь оружия ≡ БИТВА (кеннинг);

серый орел — либо хейти ВОРОНА, птицы битвы, либо эсхатологическая аллюзия. В других висах Тормода встречается и слово ari «орлан», представленное в «Прорицании Вельвы».

многобагритель ≡ МУЖ (хейти). Тормод вообще любит корень rjóð- БАГР- и часто производит слова типа «обагритель». *многобагритель тропы ремня* ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (двойной кеннинг). *Ремень* — перевязь, на которой висит меч. *Тропа ремня* ≡ НОЖНЫ. Кеннинг не вполне обычен.

Племена ≡ ЛЮДИ (хейти). Нереферентные обозначения людей (воинов) как безымянной массы являются ингредиентом героической поэзии, строящейся на контрасте герой vs. бездеятельные дружинники — очевидцы событий. Примечательно, что в висах Тормода за пределами Драпы о Торгейре нереферентные обозначения людей вообще не встречаются.

7. С м ы с л:

Вполне уместно перечислить пред людьми подвиги Торгейра: он заткнул рот Бутральди; серый орел часто летит с поля битвы.

Я, однако, не отрицаю, что люди высказали Торгейру намного меньше благодарности за это убийство, нежели за предыдущее.

8. Р а з м е р:

Дроттквет. В первой строке 7 слогов, из них 5 кратких, что бывает редко. Можно предположить метрическое удлинение, но тогда нарушается рифма.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
vel dugir verk at telja vapna	Надлежит ристанья
hreggs fyr seggjum	нам считать прилюдно:
— opt flýgr gránn frá gunni gjóðr	— улетает серый
— Butralda hljóðan;	прочь орел — Бутральди
þótt kynni mun minni	смолк. Но мельче славу
margrjóðanda þjóðir — né	— трудно скрыть — ударом
hnekkik því — þakkar	обагритель древка
þess vígs fetils stíga.	приобрел в народе.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 5

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара и Тормод сын Берси расторгли свой союз после того, как Торгейру пришло в голову устроить поединок, дабы выяснить, кто из побратимов победит в нем. После этого они жили отдельно.

2. Текст:

Торгейр говорит:

— Я говорил не всерьез, будто хочу, чтоб мы сошлись в смертном бою.

Тормод сказал:

На ум пришло, когда легло тебе на язык, и наш союз мы расторгнем.

Так они и поступили…

В Драпе о Торгейре Тормод упоминает об этой размолвке между ними в следующем куплете:

Fr*étt* hefr **ö**ld, at ***á**tt*um
— **u**ndl*inn*s — þás svik v*inn*a
— ***r**jóð*anda nautk ***r**áð*a —
r*óg*smenn saman gn*óg*a,
***e**nn* vilk **e**inskis m*inn*ask
*æ*sid*ýr*s við st*ýr*i
— r*aun* gatk **f**yrða **f***jón*a —
fl*óð*s — nema okkars g*óð*a.

3. Пословный перевод:

Вызнал народ, что имели-мы
— ран червя — что обман причиняют —
обагряющего использовал-я советы —
клеветников вместе [= мы оба] довольно;
все-же хочу я ни о чем вспоминать
бешеного зверя о рулителе
— на опыте познал-я мужей ненависть
— прилива — кроме нашего хорошего.

4. Развертка:

Народ вызнал, что мы вместе имели довольно клеветников, что причиняют обман; я пользовался советами обагряющего червя ран (1—4);

Но я хочу вспоминать о рулителе бешеного зверя прилива ни о чем, кроме нашего хорошего; я познал на опыте ненависть мужей (5—8).

5. Синтаксис:

Синтаксис данной висы не столь сложен, состав кеннингов определяется без труда; в то же время при нарушении линейного порядка становится очевидным, что Тормод использует идиоматичные оборо-

ты, где правильное прочтение зависит от правильной расстановки второстепенных членов, ср. *имели-мы …клеветников вместе довольно*. Форма *вместе* относится к субъекту *мы*, т. е. Тормод + Торгейр, *мы вместе* ≡ мы оба. В прозе в этом случае требуется полноударное местоимение, но именно оно-то в стихе и отсутствует.

хочу вспоминать…рулителя…о…ни о чем, кроме ≡ не хочу вспоминать о рулителе…ничего, кроме;

наше хорошее ≡ наша хорошая дружба;

6. П о э т и к а:

Кеннинги стандартны и обычны для Тормода.

Обагряющий ран червя ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *червь*≡ змея (хейти), *змея ран* ≡ МЕЧ, *обагряющий* МЕЧ ≡ МУЖ ⇒ Торгейр;

Рулитель бешеного зверя прилива ≡ МУЖ (двойной кеннинг с усилительным элементом); *бешеный зверь*, т. е. хищный и/или крупный зверь (конь, ворон и т. п.) *прилива* ≡ КОРАБЛЬ; *рулитель* КОРАБЛЯ ≡ МУЖ ⇒ Торгейр;

Использовал советы — пользовался дружеским расположением; слово ráð в древнеисландском подразумевает близость сторон, иногда интимную.

7. С м ы с л:

Народ вызнал, что у нас с Торгейром было много клеветников, замышляющих обман; я был в дружбе с Торгейром.

И все же не хочу держать в памяти о Торгейре ничего, кроме хорошего; я познал на себе людскую ненависть.

8. Р а з м е р:

Дротткветт.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Fr*étt* hefr **ö**ld, at *__á__tt*um
—**u**ndl*inns*—þás svik v*inn*a
—*__r__jóð*anda nautk *__r__áð*a—
__r__*óg*smenn saman gn*óg*a,
__e__nn vilk **e**inskis m*inn*ask
*æ*sid*ýr*s við st*ýr*i
—r*aun* gatk **f**yrða __f__*jón*a—
__fl__*óð*s—nema okkars g*óð*a.

Тормод Скальд Чернобровой

Сведал свет, что вдоволь
клеветы на долю
—вел меня советом
клен руля—досталось.
Лишь о лучшем в нашей
—лицезрел людской я
облик злобы—дружбе
вспомню без заминки.

Виса № 6

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара убил в единоборстве бонда Торгильса сына Мара, за что был объявлен вне закона. Родичи Торгейра договорились о том, что его вывезут из страны. По дороге к кораблю Торгейр убил некого Бьярни и его работника Скува.

2. Текст:

Тормод упоминает об этих убийствах в Драпе о Торгейре:
Kapp let hölðr með heppni
— hríð gerðisk þá sverða;
hratt gat hrafn at slíta
hold — Más syni goldit;
enn vas vágs at vígi
viggríðandi síðan,
kœnn bar greipr at gunni
gjarna — Skúfs ok Bjarna.

3. Пословный перевод:

спесь (удаль) вызвал воин с удачей
— буря сделалась тут мечей
быстро начал ворон разрывать
плоть — Мара сыну расплату;
еще был влаги (моря) при убийстве
конескачущий после
умелый вступал хват в битву
охотно — Скува и Бьярни (род. п.).

4. Развертка:

Воин с удачей вызвал расплату сыну Мара [за] спесь; тут сделалась буря мечей; ворон быстро начал разрывать плоть (1—4);

Конескачущий влаги после был еще при убийстве Скува и Бьярни: умелый хват охотно вступал в битву (5—8).

5. Синтаксис:

вызвал… расплату… спесь ≡ отплатил за спесь;

6. Поэтика:

буря мечей ≡ БИТВА;

сын Мара ⇒ Торгильс (видкеннинг);

влага — хейти МОРЯ; *конескачущий влаги* МУЖ (двойной кеннинг со смещением); *конь* влаги = КОРАБЛЬ, *скачущий на коне влаги* ≡ МУЖ (кормчий) ⇒ Торгейр;

хват — хейти МУЖА;

7. Смысл:

Торгейр успешно наказал сына Мара за спесь, устроив поживу воронам. После этого герой умертвил Скува и Бьярни: умелый воин охотно вступал в бой.

8. Размер:

Дротткветтт.

9. Сохранность текста:

Эпизод с убийством Торгильса сына Мара и виса Тормода приводятся также в «Саге о Греттире», гл. 41. В обеих сагах говорится, что Тормод сам принимал участие в битве и сражался со спутниками Торгильса. При этом рукопись «Сага о Греттире» дает значительно лучшее чтение, в то время как текст висы в рукописи «Саги о Названных Братьях» (редакция *M*) сильно искажен.

10. Переводы:

Виса ранее переводилась на русский язык О. А. Смирницкой и издана в составе перевода «Саги о Греттире». Новый перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Kapp let hölðr með heppni — hríð gerðisk þá sverða; hratt gat hrafn at slíta hold — Más syni goldit; enn vas vágs at vígi viggríðandi síðan, kœnn bar greipr at gunni gjarna — Skúfs ok Bjarna.	Хват с лихвою в схватке отплатил за лихо — рвал нутро наружу вран — потомку Мара. Враз, наездник зыбей зверя предал вскоре — шел стезею сечи — смерти Скува с Бьярни.

Виса № 7

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара стал дружинником конунга Олава сына Харальда и стал ездить по торговым делам. Его плавания между Норвегией и Исландией были успешными. Тормод в это время находился в Исландии.

2. Текст:

Торгейр стал тогда ездить по торговым делам и всегда проводил одну зиму с Олавом конунгом в Норвегии, а следующую — в Исландии

на Дымных Холмах. Корабль свой он всегда приводил во Фьорд Городища, и его люди держали его в Северной Реке у Разлива, а на зиму ставили на берег к западу от реки. Место это зовется теперь Торгейров Сарай — это южнее холма, что зовется Кузнечным Холмом. Шесть раз снаряжал Торгейр свой корабль из Исландии, как говорит Тормод:

sex let sævar faxa
sviprunnar heðan Gunnar
— snjallr vas örr at öllu
undlinns — búinn sinnum;
sortóttum réð særir
seims — frá ek þat heiman —
opt vann auðar skiptir
erring í haf knerri.

3. Пословный перевод:
шесть вел жеребца моря
ветрокуст отсюда Гунн (род. п. ед.ч.)
— смел был ходатай во всем
червя ран — снаряженного раз.
черноватым правил поразитель
сот — сведал-я это дома —
часто вызывал богатства делитель
напряжение — в море кнёрром.

4. Развертка:

Ветрокуст Гунн шесть раз вел отсюда снаряженного жеребца моря — ходатай червя ран был смел во всем (1—4);

Поразитель сот правил черноватым кнёррром в море — я сведал это дома; делитель богатства часто вызывал напряжение (5—8).

5. Синтаксис:

вел отсюда жеребца моря ...снаряженного ≡ вел жеребца моря снаряженным — снаряжал здесь жеребца моря

6. Поэтика:

В этой висе представлено пять кеннингов, из них — четыре кеннинга МУЖА, относящиеся к Торгейру. Ценность висы, однако, не только в формальном многообразии кеннингов, но и в интересной бытовой детали, которая, видимо, имеет композиционное значение в масштабе всей драпы. Во всяком случае, данную вису характеризуют многочисленные текстуальные совпадения с заключительными висами драпы, где говорится о гибели Торгейра.

жеребец моря ≡ КОРАБЛЬ;

Гунн — валькирия. Ее имя означает «битва»; ветрокуст Гунн ≡ МУЖ (двойной кеннинг со смещением). *Ветер Гунн* ≡ БИТВА, *куст* БИТВЫ ≡ МУЖ ⇒ Торгейр. Слово *ветрокуст* в составе древесного кеннинга МУЖА повторяется в другой висе Тормода из «Драпы о Торгейре» — № 17.

ходатай червя ран ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (двойной кеннинг); *червь* (змея) *ран* ≡ МЕЧ; *ходатай* меча — тот, кто применяет меч, посылает его в бой.

черноватый — правдоподобная конъектура Эрнста Альбина Кокка: в рукописи текст висы сильно испорчен — *черноватый кнёрр* (торговый корабль для дальних плаваний) — не хейти, а изобразительный эпитет корабля Торгейра. Слово *черноватый* по отношению к судну того времени, скорее, всего, значит «просмоленный»; впрочем, нельзя исключить, что оно значит «разбухший, почерневший от соленой воды». Слово *кнёрр* (вид корабля) в принципе может употребляться как хейти и обозначать любой КОРАБЛЬ, но в «Драпе о Торгейре» оно употребляется в прямом значении: Торгейр как купец, совершавший дальние морские переходы, владел именно кнёрром, и на своем кнёрре он был впоследствии был убит, о чем сообщает виса № 15. В последней строке этой висы слово knö/ørr «(на) кнёрре» вновь рифмуется со словом erring «напряжение», известному только из стихов Тормода. Выражение *вызывал напряжение*, вообще говоря, означает «совершал некий подвиг», но в данном случае интересно, что «напряжением», т. е. подвигом, скальд называет не убийство, а успешное преодолжение морского пути. С учетом этого, на первый взгляд стандартная фраза первого хельминга — *смел во всем* — осмысляется как «смелость Торгейра проявлялась и в морских плаваниях». Морские кеннинги выполняют в Драпе величальную функцию, поэтому следует предположить, что Тормод умышленно обыгрывает факт биографии Торгейра.

Слова *отсюда, дома* указывают на то, что скальд оставался в Исландии, пока Торгейр совершал свои торговые переходы.

соты (сотовый мед) ≡ сокровище ≡ ЗОЛОТО (стандартное хейти); *поразитель сот* ≡ истребитель сокровищ ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (кеннинг);

делитель богатства ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (кеннинг).

7. Смысл:

Торгейр шесть раз снаряжал свой корабль и выводил его отсюда свой в море — Торгейр был смел во всем.

Торгейр часто выказывал мужество, правя в море черноватым кнёрром: я узнал об этом, находясь в своей стране.

8. Размер:

Дроттквеятт.

9. Сохранность текста:

Виса сохранилась только в составе редакции М. Текст ее сильно искажен.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
sex let sævar faxa	Шестикратно выдру
sviprunnar heðan Gunnar	вод отселе к суше
— snjallr vas örr at öllu	Гуннар храпа ветра
undlinns — búinn sinnum;	снаряжал в походы.
sortóttum réð særir	Разлучитель злата
seims — frá ek þat heiman —	достигал накала,
opt vann auðar skiptir	просмоленым — в море
erring í haf knerri.	управляя — кнёрром.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 10

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара по дороге в Фьорд Городища убил грубого фермера Снорри Плюсну и двоих его работников. Снорри и его люди бежали в хлев, но Торгейр забрался наверх, разодрал крышу, прыгнул вниз и убил их.

2. Текст:

Об этом событии Тормод упоминает в Драпе о Торгейре в такой висе:

Hús braut snarr til Snorra
sverðrjóðr ok styr gerði,
hinn es heiptir manna,
Hœkils sonar, rœkði;
varð eggjaðr þar þriggja
Þorgeirr á hvöt meiri
— leygs hefk slíkt fra soeki
sannspurt — bani manna.

3. Пословный перевод:
постройки сломал отважный у Снорри
мечебагритель и распрю содеял,
тот, кто злобу людей,
сына Плюсны, расквитался;
стал раззадорен там троих
Торгейр от подстреканий больших
— заводи известно-мне так от испытателя
подлинно — убийца (гибель) троих.

4. Развертка:

Отважный мечебагритель, тот, кто расквитался [за] злобу людей, сломал постройки у Снорри сына Плюсны и содеял распрю (1—4);

Торгейр, раззадорен от больших подстреканий, стал там убийца троих — так мне подлинно известно от испытателя заводи (5—8).

5. Синтаксис:

злобу ... расквитался ≡ расквитался за злобу;

мне подлинно известно от испытателя заводи; предлог frá может здесь означать как «узнать от кого-либо», так и «узнать про кого-либо». Первое значение более вероятно: тогда смысл фразы: *я узнал об этом от самого Торгейра*.

6. Поэтика:

Данная виса принадлежит к числу наиболее прозаичных в Драпе о Торгейре, наряду с № 6,13: именно на эти висы, в которых сообщается об убийстве нескольких людей, приходится наибольшее число параллелей с висами других скальдов, причем скальды эти связаны с двумя местностями — Западными Фьордами и Боргарфьордом. Так, первые две строки очень напоминают начальные строки двух вис, приписываемых в «Саге о Битве на Пустоши» некому Эрику Тревоге: styrr lét snarr ok Snorri 17 «Стюр вызвал отважный и Снорри» — слово styrr «распря» там выступает как имя собственное, а имя Снорри относится к другому лицу. Не исключено, что мы имеем дело с плагиатом у самих скальдов: Тормод и Эйрик были современниками. Более вероятно все же, что стиховой материал варьировался в местных скальдических традициях. Синтаксис висы Тормода выглядит более убедительно. Кроме того, виса явно древнее прозаического комментария, так как рассказчик невнимательно интерпретировал слова *Плюсна* как прозвище Снорри, в то время как скальд ясно говорит о том, что такое прозвище было у отца Снорри.

мечебагритель — саннкеннинг, обозначение МУЖА по сути. Модель композитов с первым компонентом sverð-, hjör- встречается у многих современников Тормода, а также в эддических песнях.

тот, кто отомстил за злобу людей — как бы развертка кеннингов МУЖА типа «мститель/омрачитель ЩИТА», встречающего и Тормода — rœkir randa linns 355—8 «омрачитель обода змеи»;

распря — здесь хейти БИТВЫ;

испытатель заводи ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (очередной морской кеннинг в составе драпы); *заводь* — хейти МОРЯ.

7. Смысл:

Отважный Торгейр сломал постройки Снорри сына Плюсны и наказал его за злобу.

Торгейр убил там трех человек, будучи раззадорен их наглостью — об этом мне доподлинно известно от него самого.

8. Размер:

Дротткветт. В седьмой строке неполная рифма строится на нейтрализации фонем g и k перед s [ley*k*s] : [sœ:*k*-i].

9. Сохранность текста:

Вызывает подозрение повтор слова manna «людей» в клаузуле 3 и 8 строк. Вероятно, текст одной из этих строк искажен.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Hús braut snarr til Snorra
sverðrjóðr ok styr gerði,
hinn es heiptir manna,
Hœkils sonar, rœkði;
varð eggjaðr þar þriggja
Þorgeirr á hvöt meiri
— leygs hefk slíkt fra soeki
sannspurt — bani manna.

Тормод Скальд Чернобровой

Кров сорвав, за кривду
Снорри Кривожила,
увлажнитель жала
покарал жестоко.
Разъярен раздором,
умертвил Торгейр
там троих — правитель
сам поведал сагу.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 11

1. Контекст:

Исландец по имени Торир нанес увечье дружиннику конунга Олава. Конунг велит Торгейру сыну Хавара отомстить за бесчестье. Торгейр едет на хутор Торира и убивает его.

2. Текст:
Об этом событии Тормод сложил такую вису:
ár mank þegn, hinns Þóris
þarfs fagrliga arfa,
hlýra hrafns, með geiri,
happauðigr réð dauða;
dýrr hefndi svá sára
— slíkt fór allt af ríki —
Odds, ok ernir söddusk,
jóstýrandi hlýra.

3. Пословный перевод:
рано помню-я воина, как-он Торира
нужного прекрасно наследника
щек ворона, наконечником
богатый счастьем учинил смерть;
славный отомстил так за-раны
— так вышло все по власти —
Одда (род. п.), и орлы насытылись,
конеправителя щек.

4. Развертка:
Я помню воина щек ворона рано, как он, богатый счастьем, прекрасно учинил наконечником смерть нужного наследника Торира (1—4);

славный конеправителя щек отомстил так за раны Одда, и орлы насытились; так все вышло по власти (5—8).

5. Синтаксис:
прекрасно … учинил смерть…наконечником ≡ ловко убил его копьем (в саге сказано, что Торгейр убил Торира внезапным ударом копья).

6. Поэтика:
Воин щек ворона ≡ МУЖ (двойной кеннинг с метонимией); *ворон* — хейти КОРАБЛЯ, либо основа кеннинга КОРАБЛЯ «ворон чего-либо», отсюда *щека* ворона ≡ сторона корабля, борт; *воин* борта корабля ≡ МУЖ (правящий кораблем) ⇒ Торгейр;

нужный ≡ тот, от кого есть прок, видный муж;

наследник Торира (видкеннинг) ≡ сын Торира, т. е. жертва Торгейра. Рассказчки саги, однако, называет жертву Торгейра *Ториром* — скорее всего, результат невнимательного чтения висы[42];

[42] Исландскому филологу Браги Халльдоурссону (устное сообщение) принадлежит остроумная догадка о том, что жертву Торгейра звали *Торир сын Торира*, и что расхождения между текстом висы и прозаическим комментарием саги здесь нет. Однако это не снимает с рассказчика саги ответственности за другую небреж-

богатый счастьем хейти МУЖА (скальдический неологизм Тормода); между ЗОЛОТОМ и счастьем (удачей) есть глубинное сходство — удача сопутствует мужу, пока он выполняет свою типичную функцию — раздачу золота;

славный конеправителя щек ≡ МУЖ (двойной кеннинг со смещением); *славный* (хейти) ≡ дорогой, знатный, превосходный; *конь щек* ≡ КОРАБЛЬ (ср. *ворон щек* в первом хельминге), *правитель* корабля ≡ МУЖ ⇒ Торгейр;

раны Одда — раны того, кого изувечил Торир. Примечательно, что рассказчик саги невнимательно прочел вису и не сообщил имя дружинника, пострадавшего от «Торира»;

так вышло все по власти — вставное предложение двусмысленно: а) либо «власть» ≡ удаль Торгейра, его «размах», либо в) «власть» ≡ могущество конунга, его удача, которая сопутствовала Торгейру.

7. С м ы с л:

Я помню Торгейра смолоду, как он удачливо убил копьем видного мужа *X* сына Торира.

Знатный муж отомстил тем за раны Одда, и орлы насытились; это было сделано с размахом.

8. Р а з м е р:

Дротткветт.

9. С о х р а н н о с т ь т е к с т а:

Полный текст висы сохранился только в редакции *M*. В редакции *H* отсутствуют первые две строки.

10. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
ár mank þegn, hinns Þóris	Помню, как потомка,
þarfs fagrliga arfa,	Защищенный счастьем,
hlýra hrafns, með geiri,	Торира прикончил
happauðigr réð dauða.	Воин щек вороньих.
dýrr hefndi svá sára	Кормчий щек обшивки
— slíkt fór allt af ríki —	отомстил с размахом
Odds, ok ernir söddusk,	— насыщался коршун —
jóstýrandi hlýra.	за обиды Одда.

© А. В. Циммерлинг, 1999

ность — он не смог указать имя того, кого *сын Торира* покалечил, хотя Тормод ясно указал в висе его имя — *Одд*.

Виса № 12

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара продал свой корабль, чтобы вступить в войско ярла Рёгнвальда и принять участие в походе.

2. Текст:

В то время Рёгнвальд сын Бруси собрался в поход, ибо возле островов стояло множество викингов, которые грабили бондов и торговых людей, и Рёгнвальд хотел отомстить им за их злодеяния. Тогда Торгейр продает свой корабль и вступает в войско Рёгнвальда…Рёгнвальд высоко ставил Торгейра и его спутников, ибо Торгейр вел себя тем отважнее, чем тяжелее было в бою, как сказал о нем в стихах Тормод:

Njörðr gekk á skæ skorða
skeljeggr — en þat teljum —
hjaldrs, es herja vildi
hjörgaldrs með Rögnvaldi;
lítt sparði fjör fyrða
fremðar mildr at hildi
— drengs varð döð at lengri —
— djarfr Hávarar arfi.

3. Пословный перевод:

Ньерд ступил на скакуна катка
остролезвый — а это сообщаем —
беседы, который ополчиться хотел
мечезаклинаний с Регнвальдом;
мало щадил жизнь мужей
почести щедрый в бою
— воина стала удаль на долго —
— отважный Хаварский наследник.

4. Развертка:

Ньерд мечезаклинаний, остролезвый беседы, который хотел ополчиться, ступил на скакуна катка; а [мы] это сообщаем (1—4);

Отважный Хаварский наследник, щедрый почести в бою мало щадил жизнь мужей — удаль воина стала надолго (5—8).

5. Синтаксис:

удаль стала надолго ≡ удаль Х-а прославилась надолго, вошла в историю;

опорой двух кеннингов Торгейра служат прилагательные *щедрый* и, возможно, *остролезвый*;

Во втором хельминге неясен статус группы *в бою*. Если она относится к предикату *мало щадил жизнь мужей* (в бою), кеннинг *щедрый почести* выражает просто вневременное свойство МУЖА. Однако нельзя исключить, что она относится к самому кеннингу — *щедрый... в бою*; в этом случае меняется значение слова «почесть» — см. ниже.

6. Поэтика:

Первый хельминг содержит не вполне стандартные кеннинги, которые можно восстановить из материала висы разным способом.

скакун катка ≡ КОРАБЛЬ;

Ньёрд ≡ один из асов, *Ньёрд чего-л* ≡ МУЖ;

мечезаклинание ≡ БИТВА — скальдический неологизм, намечающий в драпе тему РЕЧЕЙ ОРУЖИЯ; в таком случае *Ньёрд мечезаклинаний* — двойной кеннинг МУЖА⇒ Торгейр;

ostrolezvyj беседы — необычный кеннинг; беседа (валькирии или великанши) ≡ шум БИТВЫ, однако неологизм skeleggr *остролезвый* не вполне ясен: если *беседа лезвий* ≡ БИТВА, то *тот, кто ведет беседу* БИТВЫ ≡ МУЖ ⇒ Торгейр; прилагательное может быть опорой кеннинга, что видно по обороту *щедрый почести* во втором хельминге. Однако слово *беседа* можно соотнести и со словом *мечезаклинаний*, тогда слово skeleggr оказывается просто эпитетом: при таком чтении первый хельминг содержит не два, а один тройной кеннинг с расширением; *остролезвый Ньёрд беседы мечезаклинаний* ≡ МУЖ ⇒ Торгейр;

щедрый (mildr) — хейти МУЖА или ВОЖДЯ; кеннинг *щедрый почестей в бою* неоднозначен: либо ≡ *тот, кто щедр на почести вообще*, «дарит людям золото», либо ≡ *тот, кто оказывает почести людям, убивая их в бою*;

ополчиться — в оригинале это слово имеет коннотацию «участвовать в походе или набеге»;

а это сообщаем — вводное предложение, продолжающее мотив перечня памятных деяний героя, обозначенный в висах №№ 2 и 4.

Хаварский наследник ⇒ Торгейр (видкеннинг): правильная форма род. п. Hávars от имени Hávarr не подходила по метрическим условиям.

7. Смысл:

Мы сообщаем, что воинственный Торгейр, жаждавший участвовать в походе Рёгнвальда, вступил на борт корабля. Он не щадил жизнь врагов, сполна воздавая им в битве: удаль героя прославилась на века.

8. Размер:

Дротткветт. Форма прилагательного *skelj*eggr «остролезвый» передана в рукописи как *skel*eggr с краткосложным корнем. Эта морфологиче-

ская черта является древней: в памятниках XIII в. приводится только форма *skelj*eggr с долгосложным корнем[43].

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Njörðr gekk á skæ skorða
skeljeggr — en þat teljum —
hjaldrs, es herja vildi
hjörgaldrs með Rögnvaldi;
lítt sparði fjör fyrða
fremðar mildr at hildi
— drengs varð döð at lengri —
— djarfr Hávarar arfi.

Тормод Скальд Чернобровой

Ньёрд трезвона лезвий
на настил лавины
с войском Рёгнвальда
в море стал совместно.
Жизнь врагов берег ли,
изощрен в сраженьях,
— ввек не смолкнет слава—
храбрый отпрыск Хавра?

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 13

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара убил своего старого врага Гаута сына Надувалы. При Торгейре и Гауте были спутники, которые науськивали их. Накануне Гаут пытался убить Торгейра. Ночью Торгейр пришел в палатку, где спал Гаут, разбудил его и убил.

2. Текст:

Об этом событии Тормод сложил такую вису:

Gaut veitk at son Sleitu
snarfengr með lið drengja
hölðr við harðar deilur
hjördjarfan nam fjörvi;
ófeigum varð eigi
almþings í gný malma
— opt verðr rík, þeims rœkir
raun — stynfullu launat.

3. Пословный перевод:

Гаута ведаю-я что сына Надувалы
скорый-на-руку с отрядом воинов
муж в жестоких распрях

[43] Jónas Kristjánsson. Um Fóstbræðrasögu…, p. 116.

мечесмелого отнял жизнь;
необреченному было не
тинга буков в громе металла
— часто бывает богата, тем вызывает
расплата — мученьем отомщено.

4. Развертка:

Я ведаю, что скорый на руку муж с отрядом воинов в жестоких распрях отнял жизнь мечесмелого Гаута сына Надувалы (1—4);

Не необреченному тинга буков было отомщено в громе металла — расплата тем, кто [ее] вызывает, бывает богата (5—8).

5. Синтаксис:

не необреченному обреченному;

6. Поэтика:

Комментаторы этой висы проглядели, что в ней использован прием игры слов (ofljóst). Изюминку составляет кеннинг, обозначающий жертву Торгейра Гаута — *не необреченный тинга буков*. Дело в том, что *Гаут*, — одно из имен Одина, *тинг* Одина ≡ БИТВА, а Один может обозначаться как *обреченный* (принесенный в жертву) *самому себе*. Далее, слово sleita «Надувательство» или «Надувала» может опять-таки выступать в качестве хейти БИТВЫ: в висе XIII в., известной по «Саге о Стурлунгах» и сочиненной Стурлой Тордарсоном, первая строка повторяется почти полностью, но уже в качестве кеннинга битвы «уловка Гаута»[44]. Похоже, мы имеем дело с парафразой из Драпы о Торгейре.

тинг буков ≡ БИТВА, *бук* ≡ лук (хейти);

скорый на руку муж ⇒ Торгейр (т. н. саннкеннинг, т. е. обозначение по «сути»);

мечесмелый Гаут — субстантивный эпитет — скальдический неологизм;

гром металла ≡ БИТВА (кеннинг);

часто бывает богата расплата, тех кто вызывает — эта сентенция и по духе, и по форме (тройная аллитерация, метрика) напоминает формулы из «Речей Высокого». В прозаическом тексте саги та же мысль вложена в уста Торгейру, который отвечает Гауту: «Как сыграешь, так и отыграется».

мученье ≡ насильственная смерть (хейти);

---

[44] [Kristjánsson 1972, 11]. Предположение, что Стурла Тордарсон цитирует Тормода вероятно еще потому, что Стурла жил в четверти Западных Фьордов, т. е. именно там, где стихи Тормода должны были помнить.

7. С м ы с л:

Я знаю, что Торгейр с отрядом воином быстро пресек дерзость Гаута сына Надувалы, убив его. Тот был обречен пасть насильственной смертью — расплата тем, кто ее провоцирует, наступает быстро.

8. Р а з м е р:

Дротткветтт. В первой строке рифма полная.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Gaut veitk at son Sleitu	В ответвленьях распри
snarfengr með lið drengja	Отдан воеводой
hölðr við harðar deilur	на закланье клятый
hjördjarfan nam fjörvi;	родич Надувалы.
ófeigum varð eigi	Обречен был в муках
almþings í gný malma	умирать задира,
— opt verðr rík, þeims rœkir	— ждет исход не слаще
raun — stynfullu launat.	всех, кто ищет лиха.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 14

1. К о н т е к с т:

Чтобы не вступать в бой с крупным отрядом врагов, Торгейр сын Хавара заключил перемирие с Торгримом Троллем и Торарином Дерзким. При этом Торгейр утаил от Торгрима и Торарина, что убил родича одного из них. Узнав об этом от местных жителей, Торгрим и Торарин нарушили перемирие и напав на Торгейра, застали его врасплох и убили.

2. Т е к с т:

Торгейр сказал:

— К вам обращаюсь я, предводители. Многие говорят, что и вы, и мы — люди не слишком покладистые и самоуправные. Ныне я хочу просить вас не обращать нашу отвагу и мужество в дурь и смуту; кажется мне разумным во избежание зла заключить между собой мир.

Торгрим и Торарин приняли его слова хорошо, и вышло так, что мир был заключен, о чем говорит Тормод:

golls réð Þorgeir þolla
því næst gríða æsta

sér es hann sáat færi
svinngerðr með lið minna;
öll tók seggr enn snjalli
sannleiks fríðar mönnum
fljótt þás fyrðar nýtan
fullmæli, réð tæla.

3. Пословный перевод:
злата вызвал Торгейр соснами
за тем перемирия желанного
себе когда он не-видел шанса
хитроумный с отрядом меньшим;
все принял воин отважный
взаправду мира людям
быстро, когда-же мужи крепкий
договоры, учиняли обман.

4. Развертка:

Торгейр вызвал перемирия желанного соснами злата, когда он не видел себе шанса с меньшим отрядом (1—4);

отважный воин быстро принял все договоры мира людям взаправду, когда же мужи учиняли крепкий обман (5—8);

5. Синтаксис:

В этой висе всего один простой кеннинг, зато синтаксис ее держит слушателя в напряжении.

вызвал желанного перемирия соснами злата ≡ заключил желанное перемирие с соснами злата;

Во втором хельминге предикат *принял взаправду* объединяет два сообщения: *X принял все договоры взаправду* + *X принял* (*этих мужей*) *за людей мира.*

учиняли обман — в подлиннике глагол стоит в единственном числе (двусложная форма réðu не удовлетворяет требованиям метра), что дополнительно усложняет понимание.

6. Поэтика:

Наиболее интересное место висы связано со словом svinngerðr «хитроумный». Дело в том, что этим эпитетом Торгейр награжден именно в ситуации, где чувство опасности ему изменило, принятое решение оказалось ошибочным и повлекло за собой гибель. Несомненно, данный эпитет — часть композиционного замысла автора драпы: поступки Торгейра оправданы sub specie aeternitatis независимо от их практической целесообразности, так как являются поступками героя. Поэтому Тормод подчеркивает, что Торгейр вел себя по отношению к

Торгриму и Торарину в соответствии с кодексом чести, в то время как они его попрали.

сосны злата ⇒ Торгрим и Торарин; кеннинг встречается большое количество раз, в отличие от прозаизма — юридического термина *договор* (fullmæli), зафиксированному у скальдов только здесь. С той же сферой лексики связаны слова gríð «*перемирие*» и fríðarmenn «*люди мира*».

7. Смысл:

Торгейр заключил перемирие потому, что у него не было иного выхода. Он быстро поверил в честность врага, который замышлял предательство.

8. Размер:

Дротткветт. В первой строке рифма, вопреки позднейшему канону, полная. Рифма /a/ : /ö/ в шестой строке ⟨s*ann*leiks fríðar m*önn*um⟩ по канонам XI—XII вв. считалась полной.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
golls réð Þorgeir þolla	В бой с отрядом большим
því næst gríða æsta	Светл умом, властитель,
sér es hann sáat færi	Не вступил неравный,
svinngerðr með lið minna;	укрепив поруку.
öll tók seggr enn snjalli	Доверял Торгейр
sannleiks fríðar mönnum	правде уговора,
fljótt þás fyrðar nýtan	но мужи те лживо
fullmæli, réð tæla.	замышляли злое.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 15

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара погиб на своем корабле: на него вероломно напали враги, их было сорок человек против дюжины людей Торгейра. Тормод говорит об этом в посмертной Драпе о Торгейре.

2. Текст:

Люди Торгейра погибли быстро: тогда он бросился на корму и защищался, стоя на штевне, ибо приходилось биться со многими сразу, как об этом сказал Тормод:

Stirðr réð stafn at varða
strenghreins tøgum drengja
ítr þvít ár vas heitinn
auðstjóri þrek, fjórum.
áðr sigreynir sínum
— sör hlutu meðr at hvöru —
út við eigi litla
erring fell á knerri
(далее следует виса № 16).

3. Пословный перевод:
Суровый решил штевень защищать
оленя канатов (от) десятков воинов
твердым ибо рано был наречен
распорядитель богатства доблестью, четырех;
прежде-чем ясень побед своем
— раны получали люди, как водится —
вниз не с малым
напряжением пал на кнёрре.

4. Развертка:
Суровый распорядитель богатства решил (с) доблестью защищать штевень оленя канатов (от) четырех десятков воинов, ибо рано был наречен твердым (1—4);

прежде чем ясень побед пал вниз на своем кнёрре с немалым напряженим; люди, как водится, получали раны (5—8).

5. Синтаксис:
В первом хельминге предлоги при именных группах «*доблестью*», «… *четырех десятков воинов*» опущены.

рано был наречен твердым ≡ рано был признан твердым;

получали раны … как водится; в подлиннике идиома, которая означает примерно «получали раны как пить дать», «направо и налево»;

6. Поэтика:
суровый — слово значит также «резкий», жестокий», «смелый»;

суровый распорядитель богатств ≡ МУЖ ⇒ Торгейр;

олень канатов ≡ КОРАБЛЬ (неологизм Тормода);

ясень побед ≡ МУЖ (букв. *рябина*, но рябина в древнеисландском языке мужского рода; компонент кеннинга reynir «рябина» омонимичен слову «испытатель», т. е. МУЖ ≡ «испытатель побед»;

пал вниз — скорее всего ≡ «погиб»; в саге ничего не сказано о том, что Торгейр рухнул в воду.

напряжение ≡ БИТВА или «подвиги» (хейти); это хейти вместе с рифмой erring / knerri уже встречалось в Драпе о Торгейре в висе №7. Хейти erring встречается в скальдической поэзии очень редко, но считать его индивидуальным неологизмом Тормода достаточных оснований нет[45].

7. Смысл:

Суровый Торгейр доблестно защищал штевень корабля от четырех десятков воинов, ибо он смолоду был известен своей твердостью;

Торгейр пал на своем кнёрре, совершив перед этим немало подвигов; люди, как водится, получали раны.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Stirðr réð stafn at varða
strenghreins tøgum drengja
ítr þvít ár vas heitinn
auðstjóri þrek, fjórum.
áðr sigreynir sínum
— sör hlutu meðr at hvöru —
út við eigi litla
erring fell á knerri.

Тормод Скальд Чернобровой

Жестковыйный — сорок
сдерживая разом —
защищать решился
штевень лося тросов.
Череду увечий
дливший до предела,
рухнул сокрушитель
войск на кромку струга.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 16

1—2. Контекст и текст: см. вису № 15.

(виса № 15)
kennt hefr fjörr, hvé frændum
folkhneitir skal veita
dýrr, þó at drengi væri
dylgjusamt at fylgja;
þreks frák Þorgeir eiga,
— þau eru orð komin norðan
handargrjóts frá hreyti —
hug, þanns við mun brugðit.

[45] [Kristjánsson 1972, 117].

3. Пословный перевод:

Ведал муж, как родичам
истребитель дружин должен помогать
знатный, хотя за воином бывает
чревато-битвой следовать:
мощным, знаю-я, Торгейр обладал
— те слова дошли с севера —
булыжников руки про швырятеля —
духом который не подведет.

4. Развертка:

Муж ведал, как знатный истребитель дружин должен помогать родичам, хотя следовать за воином бывает чревато битвой (1—4);

я знаю, что Торгейр обладал мощным духом, который не подведет — те слова о швырятеле булыжников руки дошли с севера (5—8).

5. Синтаксис:

В этой висе немало конструкций, особенно продуктивных в прозе:

чревато битвой, букв. **чревато-битвенно* — неологизм, причем не специально скальдический — это окказиональное слово категории состояния;

я знаю что Торгейр обладал; в подлиннике инфинитивный оборот «я знаю Торгейра… обладать», который дополнительно облегчает прочтение хельминга.

6. Поэтика:

знатный истребитель дружин ⇒ Торгейр; слово folkhneitir может восприниматься не только как скальдический кеннинг, но и как эпическое хейти вождя;

швырятель булыжников руки ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *булыжники руки* ≡ ЗОЛОТО; истребитель золота ≡ МУЖ ⇒ Торгейр.

7. Смысл:

Торгейр знал, как предводитель должен биться за родичей, невзирая на то, что разделять судьбу воина бывает опасно;

Я узнал, что Торгейр выказал большое мужество: вести об этом пришли ко мне с севера.

8. Размер:

Дротткветт. Комментаторы обращают внимание на то, что двусложная форма дат. п. drengi «воину» является весьма редкой и предполагают, что она может быть древней. Неясно, насколько этот тезис доказателен: в данном месте дротткветтного стиха односложная форма dreng просто не подходила, поэтому скальд мог построить метрически полноценную форму drengi для своих целей, не опираясь на узус языка своей эпохи.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
kennt hefr fjörr, hvé frændum	Пращеносец щебня
folkhneitir skal veita	мер руки не дрогнул,
dýrr, þó at drengi væri	облегчая чади
dylgjusamt at fylgja;	участь в лютой сече.
þreks frák Þorgeir eiga,	С севера про друга
—þau eru orð komin norðan	весть пришла, что ныне
handargrjóts frá hreyti—	ровни нет Торгейру
hug, þanns við mun brugðit.	меж вождей дружины.

Виса № 17

1. Контекст:

Торгейр сын Хавара пал на своем корабле после ожесточенной обороны. Рассказчик саги полагает (и ошибочно), будто из слов Тормода следует, что Торгейр убил в последнем бою четырнадцать человек, хотя лишь двое названы по имени. В действительно Тормод говорит, что за свою жизнь Торгейр убил тринадцать человек, а непосредственно перед смертью — двоих:

2. Текст:

...и он обошелся им дорого, ибо из слов Тормода следует, что Торгейр принес смерть четырнадцати людям, прежде чем пал сам. Однако в Драпе о Торгейре по именам названы двое, которых он при этом убил.

Маром звался норвежец, который первым ранил Торгейра, он ударил Торгейра в руку; когда тот получил удар, то нанес Мару смертельную рану. Называют еще одного человека, которого Торгейр убил вслед за этим,— норвежца по имени Торир; он пронзил Торгейра копьем. Торгейр же пошел на копье и нанес Ториру смертельную рану.

Об этом событии Тормод сочинил такие висы:

Hauks frák hræva lœkja
harðræðis þrot bræði
við sviprunna sennu
sverðs aldrigi verða;
Mar hét maðr ok Þórir,

málsnjallr es lét falla,
— áðr frögum þá þeira
Þorgeir — lokit eirum.
/далее идет виса № 18/

3. Пословный перевод:
Ястреба узнал-я трупов речьев
твердости духа недостаток плавильщику
— у ветрокуста склоки
мечей никогда (не) бывает;
Мар звался человек и Торир,
искусный в речах коих умертвил
— прежде узнали-мы об их
Торгейр — конченном мире.

4. Развертка:

Я узнал (что) у ветрокуста склоки мечей никогда не бывает недостаток твердости духа [а бывает] плавильщику ручьев трупов ястреба (1—4);

Мар звался человек, и Торир; коих искусный в речах Торгейр умертвил; прежде [смерти Торгейра] мы узнали об их конченном мире (5—8).

5. Синтаксис:

В первом хельминге именные группы слабо связаны, хотя смысл хельминга ясен. Поэтому, несмотря на то, что состав кеннингов угадывается без труда, 2-я и 4-я строчки выглядят нарочито бессвязными. Буквально предицируется следующее:

плавильщику ястреба ручьев трупов / никогда не бывает недостаток твердости духа — у ветрокуста..., т. е. предикат «не хватать», по сути, выражен дважды: растопителю ястреба ручьев трупов (никогда не бывает недостаток) из-за недостатка твердости духа у X-а (X = ветрокуст склоки мечей) + у X-а никогда не бывает недостатка твердости духа.

мы узнали ... об их конченном мире ≡ мы узнали, что их мир (т. е. жизнь) закончен (а).

6. Поэтика:

Плавильщик ястреба ручьев трупов ≡ МУЖ ⇒ Торгейр (тройной кеннинг); *ручьи трупов* — КРОВЬ (потоки крови); *ястреб крови* ≡ ВОРОН (или любой другой стервятник); *Плавильщик* ворона ≡ тот, кто готовит «расплавляет» еду для ворона. Кеннинг нестандартен, так как слово «плавильщик» семантически связано не с обозначением ворона, а с обозначением павших.

ветрокуст склоки мечей ≡ МУЖ (плеонастический кеннинг со смещением; *склока* (перебранка) *мечей* ≡ БИТВА, в то же время *ветер* X, где X — имя валькирии или великанши — это тоже битва, а runnr т. е. *куст* (дерево) БИТВЫ ≡ МУЖ ⇒ Торгейр. Тормод повторяет слово *ветрокуст*, которое он использует в другой висе из Драпы о Торгейре /№ 7/, однако там компонент *ветер*- анализируется как подлинное определение кеннинга битвы (*ветрокуст Гунн* ≡ *ветер Гунн* + *куст ветра Гунн*), в то время как в данной висе это, скорее, интенсифицирующий эпитет ≡ *качающийся на ветру куст склоки мечей*.

Торгейр, искусный в речах... обычно «искусным в речах», красноречивым, считали того, кто умел говорит гладко и долго. Торгейр, в самом деле, не лез за словом в карман, однако, по свидетельству саги, он был «неразговорчив и неласков с людьми» (гл. 3), и Тормод не мог этого не знать! Контекст драпы не оставляет сомнений, что посмертные эпитеты Торгейра — часть общего замысла поэта — решения и дела Торгейра имеют высшее оправдание, независимо от их целесообразности при его жизни, они-то и являются его «речами», «памятью о нем»[46].

7. Смысл:

Мне известно, что у Торгейра не было недостатка в мужестве; ворону всегда было, чем поживиться; красноречивый Торгейр, прежде чем пасть, обрек на смерть Мара с Ториром.

8. Размер:

Дроттквет.

---

[46] Обозначение поступков, подвигов, как «слов оружия», было в IX—XIII вв. культурно значимым мотивом, на что обратил внимание К. фон Зее при анализе висы, приписанной Гисли Сурссону: [Skaldenstrophe und Sagaprosa… S. 480]. В недавно найденной в г.Лунд (южная Швеция) надписи младшими рунами (Lund KM 709117—563), датируемой первой половиной XI в., на рукоятке ножа вырезан текст **knif :melti**, т. е. букв. «нож сказал». В корпусе скальдической поэзии, как указывает фон Зее, встречается кеннинг БИТВЫ sannyrði sverða, букв. «истинные изречения мечей» Skj A I, 155: данное выражение засвидетельствовано в составе поминальной драпы о ярле Хаконе Могучем, сочиненной старшим современником Тормода Халльфредом Трудным Скальдом. Наиболее подробно мотив «речей меча» обыгрывается в дошедших до нас строфах из поминальной драпы о конунге Харальде сыне Гуннхильд, сочиненной знаменитым скальдом X в. Торбьёрном Хорнклови, и носящей название Glymdrápa; поэтика соответствующих строф анализируется в книге Б. Фидьестоля [Det Norrøne Fyrstediktet … S. 230—233]. К сожалению, автор не понял метафорического смысла выражений orðrakkr «смелый в речах», orðheppinn «счастливый в речах», fylkis orð «речи вождя», направленных на прославление погибшего в бою конунга, и реконструировал апокрифический диалог-перекличку между Харальдом и его противниками.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Hauks frák hræva lœkja	Кашевару брашна
harðræðis þrot bræði	коршуна запруды
við sviprunna sennu	стылых тел — прознал я —
sverðs aldrigi verða;	не случалось медлить
Mar hét maðr ok Þórir,	в буреломе стали.
málsnjallr es lét falla,	Сгинул Мар, с ним Торир,
— áðr frögum þá þeira	— их в речах искусный
Þorgeir — lokit eirum.	муж сразил до срока.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 18

1. Контекст: см. вису 17.

2. Текст:

olli fjórr, áðr felli
flugtrauðr hjarar dauða
— sá vas rœkjandi enn ríki —
reggs — þretían seggja;
þar lætk hjaldrs fyr hölðum
hins, es þrek gat vinna,
mál téa mín at deilask
mjúk — vígatal lúkask.

3. Пословный перевод:

Вызвал муж, прежде чем пал,
не-охочий бежать, мечей смерть,
— тот был испытатель могучий
корабля — тринадцати воинов;
там оставляю-я болтовни пред людьми
того (его), кто подвиг мог совершать,
— речи идут мои к концу
мягкие — счет-убийств закрываться.

4. Развертка:

Не охочий бежать муж, прежде чем пал, вызвал смерть тринадцати воинов (от) мечей (1—4);

там оставляю-я счет убийств того, кто мог совершать подвиг, закрываться пред болтовней люд(ей); мои мягкие речи идут к концу (5—8).

5—6. Синтаксис и поэтика:

Постижение синтаксической связности требует от слушателя серьезного напряжения, так как переплетение предложений усугубляется умышленно подобранными окказионализмами, словами в переносном значении и грамматическими сочетаниями, т. е. синтаксическими элементами, значение которых зависит от контекста.

воин… вызвал … мечей смерть тринадцати воинов ≡ воин вызвал смерть тринадцати воинов. Таким образом, синтаксически, *мечей смерть* — плеонастическое сочетание. В то же время, с семантической точки зрения это окказиональный кеннинг для *насильственной смерти* ≡ УБИЙСТВА, и это слово, зашифрованное в первом хельминге, появится в последней строке второго.

не-охочий бежать — неологизм Тормода; ср. у него же слово с тем же корнем — ótrauðr (29,4).

испытатель корабля ≡ МУЖ ⇒ Торгейр.

тот, кто мог совершать подвиг ⇒ Торгейр.

болтовней пред людьми ≡ пред болтовней людей. Скорее всего, слово *болтовня* используется здесь как хейти для МОЛВЫ.

я оставляю…счет убийств закрываться ≡ я закрываю счет убийств.

мои … мягкие речи — наверняка ≡ слабые, негодные речи. Здесь, по-видимому, заложено нечто большее, нежели обычное жеманство поэта: в предыдущей висе Тормод назвал неразговорчивого Торгейра *искусным в речах*. Тем самым создается смысл:

Дела Торгейра говорят сами за себя. Моя драпа, которая завершается его последними подвигами, лишь слабые слова.

7. Смысл:

Отважный Торгейр убил на своем веку тринадцать человек. Я завершаю свой рассказ об убийствах героя: мои слабые речи иссякли.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
olli fjórr áðr felli	Умертвил в ристаньях
flugtrauðr hjarar dauða	жертв меча тринадцать,
—sá vas rœkjandi enn ríki—	на веку, воитель,
reggs—þretían seggja;	вспять не повернувший.

þar lætk hjaldrs fyr hölðum	О могучем князе
hins, es þrek gat vinna,	— стих немеет хилый —
mál téa mín at deilask	— счет убийств окончен —
mjúk — vígatal lúkask.	завершаю повесть.

4.1.2.Тормод Скальд Чернобровой. Гренландские стихи.

С трехлетним пребыванием Тормода в Гренландии (1025 — 1028 гг.) в «Саге о Названных Братьях» связано семь вис; восьмая виса (№ 25), приписываемая в одной из редакций саги Тормоду, апокрифическая и присочинена не раньше XIII в. Прочие семь, почти наверняка, древние; некоторое сомнение вызывает лишь самая элементарная из вис — № 29. Возможно, дошедние до нас висы восходят к нескольким циклам вис, сочиненных Тормодом по следам распри с жителями Гренландии. Для двух вис — № 27 и № 30 — это доказано: датский филолог П. Мойленграхт-Сёренсен показал, что данные висы являются фрагментами *нида*, т. е. хулительной поэмы о гренландцах[47]. В прозаическом тексте саги содержатся указания о сочинении нида, однако характер комментариев рассказчика и место, отведенное им висам из нида, свидетельствуют о том, что он уже смутно представлял себе жанровую специфику нида и принимает гротескные выражения скальда о гибели его врагов за чистую монету. Висы №№ 21, 23, 24, 26, 29 по своей стилистике отличаются от вис нида: в них Тормод последовательно сообщает о намерении убить Торгрима Тролля (№ 21), об убийстве врага и о том, как ему удалось ускользнуть (№№ 23, 24, 26), а в висе № 29 перечисляет все свои жертвы. Висы сохранились только в составе «Саге о Названных Братьях», записанной в четверти Западных Фьордов: в тексте нескольких вис есть серьезные искажения. Все это, скорее всего, свидетельствует о том, что «гренландские висы» Тормода длительное время передавались изустно в местной традиции: в XI—XIII вв. Западные Фьорды сохраняли традиционно тесные связи с Гренландией, и большинство исландских кораблей уходило в Гренландию именно из этой четверти.

Виса № 21

1. Контекст:

Тормод пришел на тинг в Гренландии, чтобы убить своего врага Торгрима Тролля. Люди Торгрима разложили на берегу оружие. Тор-

[47] Preben Meulengracht Sørensen. The umnanly man. Odense, 1983, p. 71—74.

мод взял в руки гарпун и стал его рассматривать. Люди Торгрима не знали Тормода в лицо.

2. Текст:

Но кто-то из людей Торгрима взял у него гарпун со словами:

— Эй, парень, оставь гарпун, он для тебя бесполезен, ведь ты, по-моему, вообще не умеешь метать его.

Тормод сказал:

— Уверен ли ты, что метнешь лучше меня?

— Ясное дело,— говорит тот.

Тогда Тормод сказал вису:

Betr lezk beita skyldu —
— Baldr hœlir því skjaldar;
þollr hleypr hart of hellur
hlunnjós — án vér kunna;
görr mank hitt, hveim harri
hugdýrstr skipar fyrstum,
— veitti oss, sás átti,
ormstorg — í skjaldborgu.

3. Пословный перевод:

лучше вытворяется метать гарпун —
— Бальдр кичится этим щита,
сосна бежит быстро по камням,
коня сходней — без нас мочь;
явно помню-я то, кого владыка,
знатнейший духом ставит первым,
— даровал нам тот, кто владел,
торжищем змея — в град (укрытие) щитов.

4. Развертка:

[Бальдр щита] вытворяется мочь метать гарпун лучше без нас, Бальдр щита этим кичится; сосня коня сходней быстро бежит по камням (1—4);

я явно помню, кого знатнейший духом владыка ставит первым в укрытие (град) щитов; нам даровал тот, кто владел торжищем змея (5—8).

5. Синтаксис:

лучше вытворяется мочь метать гарпун — составное сказуемое к подлежащему *Бальдр щита*, которое восстанавливается из вставного предложения;

вытворяется мочь метать ≡ *уверен, что может метать/делает вид, что может метать*;

метать гарпун лучше без нас ≡ *метать гарпун лучше, чем мы*;

6. П о э т и к а:

Для правильного понимания ситуации надо иметь в виду, что Тормод вкладывает в выражение *метать гарпун* особый смысл, используя охотничий термин «гарпун» как хейти ОРУЖИЯ. Отсюда скрытый намек, непонятный собеседнику: *Я управлюсь с оружием лучше тебя, когда пойду убивать Торгрима Тролля!*

Бальдр — один из асов, *Бальдр щита* ≡ МУЖ ⇒ собеседник Тормода;

сосна — хейти МУЖА (в подлиннике слово мужского рода, и в перевод следует подставлять только имена мужского рода ≡ «кедр», «тис», «бук» vs. *ель, *сосна); *сосна коня сходней* ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *конь сходней* ≡ КОРАБЛЬ, *сосна корабля* ≡ МУЖ ⇒ собеседник Тормода.

сосна… быстро бежит по твердому, букв. «…по твердым камням» — идиома, смысл которой ≡ «Х берет на себя слишком много»;

владыка ≡ ВОЖДЬ (хейти) ⇒ Олав конунг; *знатнейший духом* — клише, за которым стоит ловкий ход: конунг знатнейший по происхождению — значит, его дух(мужество) тоже не имеет себе равных!

торжище (т. е. лежбище) *змея* ≡ ЗОЛОТО;

град (*ограда*) *щитов* — щиты дружинников заслоняли конунга в строю и на пиру, так что это слово — не поэтизм, но реалия этикета. Скальды нередко стояли в первом ряду, и в битве при Стикластадире конунг поставит Тормода именно так.

7. С м ы с л:

Он убежден, что сможет метнуть гарпун лучше нас и хвалится этим; парень берет на себя слишком много.

я явно помню, что великий конунг ставит меня в первый ряд дружины: меня выделил обладающий властью.

8. Р а з м е р: дротткветт.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Betr lezk beita skyldu —
— Baldr hœlir því skjaldar;
þollr hleypr hart of hellur
hlunnjós — án vér kunna;
görr mank hitt, hveim harri
hugdýrstr skipar fyrstum,
— veitti oss, sás átti,
ormstorg — í skjaldborgu.

Тормод Скальд Чернобровой

Мнит: «метнет он круче» —
Бальдр щита кичливый.
Заливает лихо
Хлыщ бревна уключин.
Помню, мощный духом,
Доверял владыка,
балуя нас златом,
в битве край передний.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 23

1. Контекст:

Тормод Скальд Чернобровой отомстил за Торгейра, убив в Гренландии его убийцу Торгрима Тролля. Тормод убивает Торгрима на тинге, нанеся ему удар секирой в голову. После этого ему удается скрыться, и друзья увозят его прочь. Они спрашивают у него о подробностях. Он отвечает им висой.

2. Текст:

örvendi trezk undir
opt finnumk þess minni,
öll es fremð of fallin,
fjörnepps í strá greppi,
ef hreggboða höggvit
hefk vart í skör svarta
nadda borðs, þvít Nirði
nættings bana vættak.

Они спрашивают, не он ли напал на Торгрима. Он сказал, что это так. Они спросили, что из этого вышло, и как велика рана. Тогда Тормод сказал вису:

— Может статься, говорит Тормод,— что удар вышел несильным, ведь били левой рукой. Но я потому не стал бить еще раз, что счел, что этого хватит сполна.

3. Пословный перевод:

Левша пробирается прочь
часто нахожу тому память,
вся есть слава упадши
жизнескудного, в солому витязю,
если бурановестника рубить
смог-я недостаточно в волосы черные
гадюк стола, ибо Ньёрду
ночевателя смерть полагал-я.

4. Развертка:

Левша жизнескудного (?) пробирается прочь, я часто нахожу тому память. Вся слава есть упадши витязю в солому (1—4);

если я смог недостаточно рубить бурановестника стола гадюк в черные волосы, ибо я полагал Ньёрду ночевателя смерть (5—8).

5. Синтаксис:

Левша жизнескудного ≡ *левша жизнескудный* (в скальдической поэзии прилагательное и характеризующее имя иногда может управлять за-

висимым словом, ср. такой кеннинги Тормода *как щедрый устья свечи* (№ 8);

нахожу тому память ≡ *нахожу тому примеры*;

вся слава есть упадши… витязю ≡ *вся слава витязя есть упадши* (в подлиннике причастный пассив) в солому;

если — второй хельминг продолжает последнюю фразу первого; *упадши… в солому* ≡ идиома со значением «тщетно», «пошло прахом»;

если я смог… рубить (его) недостаточно ≡ *если не смог (за)рубить его достаточно (сильно)*;

полагал ему смерть ≡ *хотел его смерти*;

6. П о э т и к а:

Левша ≡ Тормод (он повредил правую руку при встрече с наемным убийцей — гл. IX); по всему строю *левша жизнескудного* — кеннинг, но он не вполне понятен. Однако альтернативные возможности словорасположения не лучше: а)? *слава жизнескудного*; в)? *левша жизнескудный* — не получается поэтической фигуры;

Не исключена порча текста. С другой стороны, возможно, что форма örvendi имеет другое значение и является дательным п. от основы -vöndr «дерево, ветка». В этом случае первый элемент ör- легко связать с словом örr- «ходатай» и трактовать örvöndr как древесный кеннинг МУЖА ≡ «тот, кто посылает ветку (т. е. МЕЧ) в битву». При таком чтении синтаксис оказывается таким: **жизнескудному веткоходатаю* [≡ МУЖУ] *удается уйти*: *часто нахожу тому память вся слава витяза ушла в солому* [если…]; Тем не менее мы предпочли традиционное толкование, так как ему следует рассказчик саги.

витязь — хейти МУЖА; слово может значить также «скальд»;

бурановестник стола гадюк ≡ МУЖ ⇒ Торгрим Тролль (тройной кеннинг со смещением); *гадюка* ≡ *то*, *что жалит* ≡ *стрела или копье* (хейти), *стол гадюк* ≡ ЩИТ (кеннинг); *буран щита* ≡ БИТВА (кеннинг); *вестник* БИТВЫ ≡ МУЖ ⇒ Торгрим Тролль;

Ньёрд — один из асов, *Ньёрд ночевателя* ≡ МУЖ (кеннинг); *ночеватель* — нетипичное хейти меча = тот, кто дает людям ночлег, т. е. тот, кто убивает их, ср. слова рассказчика в гл. VI «им не захотелось искать ночлег под его секирой».

7. С м ы с л:

Левша часто бывает удачлив [или: воину часто удается ускользнуть?] — я припоминаю тому много примеров; вся слава витязя пошла прахом, если я не смог зарубить Торгрима до смерти, ибо я искал его смерти.

8. Размер:

Дроттквётт. В пятой строке неясно место второго икта — либо схема 2 /3 слоги, либо 1/2 слоги; в любом случае сильную метрическую позицию закрывает краткий слог. В шестой строке полная рифма охватывает не только гласный и группу поствокалических согласных, но и начальный согласный, что случается редко.

9. Сохранность текста:

Текст висы может быть искажен, ср. выше комментарий к кеннингу *Левша жизнескудного ≡ левша жизнескудный.*

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
örvendi trezk undir	Попирал неправых
opt finnumk þess minni,	в прах левша — примеры
öll es fremð of fallin,	на слуху, — хоть удаль
fjörnepps í strá greppi,	в сече оскудела.
ef hreggboða höggvit	Не горжусь вотще я
hefk vart í skör svarta	славой жизнелова,
nadda borðs, þvít Nirði	коль не пробил Ньёрду
nættings bana vættak.	жерди череп черный.

Виса № 24

1. Контекст:

Тормод только что убил своего врага Торгрима Тролля на тинге в Гренландии. Его видели на месте убийства, но не узнали, и он ушел. Затем он встречается с друзьями, и те спрашивают, как Тормоду удалось ускользнуть.

2. Текст:

Тут Тормод сказал вису:

Undr's hví eigi kenndu
élbörvar mik görva
stáls, hefk mark á máli
mart, ok skopt et svarta;
burgumk langt þvít lengra
líf vas Tý skapat drífu
þremja svells, en þollum
þeim aldrtili seima.

3. Пословный перевод:

Чудо-это, почему не признали
тополи бури меня четко (легко)
— стали, имею-я помет в речи
много и кудри черные.
Я ушел далече, ибо дольше (дальше)
жизнь была Тюру суждена метели
края льдины, а соснам
тем душегибель меда.

4. Развертка:

Это чудо, почему тополи бури стали меня четко не признали: я имею много помет в речи и черные кудри (1—4);

Я ушел далече, ибо Тюру метели края льдины была суждена дальше жизнь, а тем соснам меда — душегибель (5—8).

5. Поэтика:

тополи бури стали ≡ ЛЮДИ (двойной кеннинг); ДЕРЕВО — основа кеннингов МУЖА, а БИТВА — типичное их определение; *буря стали*, букв. *шквал стали* ≡ БИТВА, *тополь* битвы ≡ МУЖ; *тополи шквала стали* ≡ ЛЮДИ ⇒ родичи Торгрима Тролля, жертвы Тормода;

Запинки в речи — характерная черта скальдов. По крайней мере, так понял эти слова Тормода рассказчик саги.

Тюр метели края льдины ≡ МУЖ (тройной кеннинг); *Тюр* — один из асов (этимологически ≡ «бог вообще», мифологически ≡ «тот, кто положил руку в пасть волку Фенриру»; *край* ≡ какая-то часть меча (хейти), *льдина* ≡ острая поверхность, *край льдины* ≡ МЕЧ (кеннинг); *метель меча* ≡ БИТВА, *Тюр битвы* ⇒ сам Тормод;

тем соснам меда ≡ этим МУЖАМ (кеннинг); *сосна* — дерево (в подлиннике слово м. р.); *мед* ≡ СОКРОВИЩЕ (хейти); *тем* ≡ тем же МУЖАМ, о которых Тормод говорит в первом хельминге, строки 2—3 ⇒ родичам Торгрима Тролля.

душегибель ≡ СМЕРТЬ (хейти). По происхождению данное хейти является кеннингом с внутренней формой «предел века».

6. Смысл:

Чудо, что люди сразу меня не признали, ведь меня легко отличить по пометам в речи и черным кудрям.

Я ушел далече, ибо мне суждено выжить, а моим преследователям — погибнуть.

7. Размер:

Дротткветт.

8. Сохранность текста:

Текст висы в разных версиях саги сильно рознится: видимо, это объясняется тем, что при устной передаче или записи висы любители скальдических стихов пытались исправить текст в соответствии со своим пониманием.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Undr's hví eigi kenndu	Отличим в толпе я
élbörvar mik görva	Очертаньем речи.
stáls, hefk mark á máli	Смоль кудрей курчавых
mart, ok skopt et svarta;	Не признали чудом.
burgumk langt þvít lengra	Ускользнул, ведь ссужен
líf vas Tý skapat drífu	Тюру срок обширней
þremja svells, en þollum	танца льдин, а трутни
þeim aldrtili seima.	терний к тленью ближе.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 26

1. Контекст:

Тормод убил Торгрима Тролля на тинге в Гренландии и скрылся. Он уже сообщил друзьям в висах 23—24 о том, как он убил Торгрима и как ему удалось уйти. Друзья говорят, что он вполне расквитался за смерть Торгейра, но Тормод считает, что его месть не окончена.

2. Текст:

Тут Тормод сказал вису:

Matkak hefnd, en hrafni
hrings fekk bröð á þingi,
Baldrs lét vígi valdit
varga setrs, við marga;
gnýþolli létk gjalla
gört hefk fyr mik svartan
meir hefni þó þeira
Þorgeirs vinir fleiri.

3. Пословный перевод:

Не-делил-я месть, но ворону
колец дал брашно на тинге,

Бальдра (род. п.) вызвал-я убийство
ворога логова, с многими;
бое-сосну заставил-я грянуть
учинил-я за меня черного,
еще отомстить-бы все-же [за н]их
Торгейра друзья многие.

4. Развертка:

Я не делил месть с многими, но дал ворону брашно на тинге колец; я вызвал убийство Бальдра ворога логова (1—4);

Я заставил грянуть боесосну, учинил я за меня черного; отомстить бы все же еще [за многих друзей Торгейра] (5—8);

5. Синтаксис:

Последняя фраза второго хельминга неграмматична. Смысл ее, видимо, таков:

**многие друзья Торгейра остались неотомщенными*: *хорошо бы отомстить еще и за них*.

Не исключена порча текста.

заставил…боесосну …грянуть ≡ заставил Х-а грянуться на землю;

учинил я за меня черного ≡ я сделал это в отместку за свои обиды, от своего имени;

я… черный — Тормод был смугл и черноволос;

6. Поэтика:

тинг колец ≡ БИТВА;

Бальдр ворога логова ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *ворог* (волк) *логова* ≡ МЕЧ; *логово* ≡ ЩИТ (хейти); *Бальдр* (бог) *меча* = МУЖ ⇒ Торгрим Тролль;

не делил я месть с многими — Тормод убил Торгрима в одиночку;

боесосна ≡ МУЖ ⇒ Торгрим Тролль;

друзья Торгейра ≡ его челядинцы, убитые Торгримом Троллем и Торарином Дерзким на корабле;

7. Смысл:

Я не поручал месть другим, но сам сразил Торгрима; так я расквитался за себя лично. Было бы неплохо отомстить еще и за смерть людей Торгейра.

8. Размер:

Дротткветт. В седьмой строке рифма полная, а в шестой (четной) строке *a* рифмует с продуктом лабиальной перегласовки от *a* > *ö*, что указывает на древность висы. В редакции «Книги с Плоского Острова» вместо вин. п. mik svartan подставлен дат. п. mér svörtum, при этом

и рифма, и синтаксис подравниваются по более поздним канонам XIII—XIV вв.

9. Сохранность текста:

Текст висы в разных редакциях саги не совпадает: заменяются отдельные слова, падежные формы и переставляются целые строчки (5—6 и 7—8). Все это свидетельствует о том, что виса длительное время передавалась изустно, и что разные поколения любителей скальдических стихов делали свои конъектуры.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Matkak hefnd, en hrafni
hrings fekk bröð á þingi,
Baldrs lét vígi valdit
varga setrs, við marga;
gnýþolli létk gjalla
gört hefk fyr mik svartan
meir hefni þó þeira
Þorgeirs vinir fleiri.

Тормод Скальд Чернобровой

Не делил с другими
месть — насытил птицу,
Бальдра лежбищ волка
распластав на вече.
Укротивши Тролля,
замышляет черный
за друзей Торгейра
павших месть обширней.

Виса № 29

1. Контекст:

Отчитываясь перед конунгом Олавом о своей поездке в Гренландию, Тормод Скальд Чернобровой перечисляет в висе имена убитых им врагов.

2. Текст:

Олав конунг сказал:

— Что же славного совершил ты в Гренландии?

Тормод отвечал:

Þollr, vák Þorgrím trolla
— þar laut harðr til jarðar —
aðr réðk odda skúrar
ótrauðr Loðins dauða.
Þá namk Þorkel fjörvi
Þórdr lét önd inn fjórði
felldr vas frægr til moldar
Falgeirr, skörungr þeira.

3. Пословный перевод:
Сосна, убил-я Торгрима Тролля
— там рухнул суровый наземь —
прежде учинил-я наконечников ливня
неверный Лодина смерть.
Затем лишил-я Торкеля жизни
Торд испустил дух четвертый
повержен был знаменитый во прах
Фальгейр, герой их.

4. Развертка:

Сосна ливня наконечников, я убил Торгрима Тролля — суровый рухнул там наземь; прежде я, неверный, учинил смерть Лодина (1—4);

Затем я лишил жизни Торкеля. Торд испустил дух четвертый. Был повержен во прах их знаменитый герой Фальгейр (5—8).

5. Поэтика:

Данная виса принадлежит к числу простейших в корпусе, приписываемом Тормоду — в ней всего один прозрачный двойной кеннинг *сосна ливня наконечников* ≡ МУЖ ⇒ Олав конунг; *ливенъ наконечников* ≡ БИТВА.

неверный (ненадежный); не исключено, что определение *ливня наконечников* одновременно относится к опорным словам *сосна* и *неверный*: в таком случае *я… неверный БИТВЕ* можно интерпретировать как «я, не обреченный пасть в битве».

герой — древнеисландское слово skörungr «выдающаяся личность» по своей внутренней форме означает «волосатик» — у древних германцев существовало представление о том, что длинные волосы являются признаком мощи и социального ранга — недаром низложение последних меровингских королей сопровождалось острижением их волос.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Þollr, vák Þorgrím trolla	Ствол, сразил я Тролля
— þar laut harðr til jarðar —	— наземь грянул нравный —
aðr réðk odda skúrar	ливня стрел, но Лодин
ótrauðr Loðins dauða.	Был повержен прежде.
Þá namk Þorkel fjörvi	Торкель умер твердый,
Þórdr lét önd inn fjórði	Сгинул Торд четвертый,
felldr vas frægr til moldar	Пал в черед последний
Falgeirr, skörungr þeira.	Фальгейр достохвальный.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Фрагменты Гренландского нида, виса № 27

1. Контекст:

Тормод в одиночку нападает на трех братьев, Торкеля, Торда и Фальгейра, сыновей Тордис, и убивает их. Последнего из братьев, Фальгейра, он топит в море, сорвав с того штаны. После этих событий Тормод прячется на шхере, где его подбирают друзья. Друзья спрашивают, что нового, он рассказывает им, что произошло. Они спрашивают о поединке Тормода с Фальгейром, самым сильным из братьев. Тормод отвечает им висой.

2. Текст:

Skoptak enn, þás uppi
undarligt á sundi
— hrókr dó heimskr við klæki
— hans razaklof ganði.
leitk á Ulli alla
eggveðrs hugar gleggjum
— setti gaurr ok glotti
— goðfjón — við mér sjónir.

3. Пословный перевод:

двигался-я еще, когда вверху
чудно на плаву
— увалень умер глупый со срамом
— его дыра в жопе зияла.
зрел-я у Улля всё
лезвий непогоды духом скудного
— уставил болван и ухмылялся
— поношение богов — на меня зраки (гляделки).

4. Развертка:

Я еще двигался, когда его дыра в жопе чудно зияла на плаву; глупый увалень умер со срамом (1—4);

Я зрел у скудного духом Улля непогоды лезвий всё поношение богов; болван уставил на меня гляделки и ухмылялся (5—8).

5. Поэтика:

Данная виса Тормода относится к особому жанру хулительных стихов — ниду (níð), отсюда установка на посрамление погибшего Фальгейра и гротескный тон висы. В висе № 29, где Тормод хвалится своими подвигами перед конунгом, он называет Фальгейра «героем гренландцев», но по свежим следам он предпочитает сложить нид об убитом враге.

Подлинность висы не вызывает сомнений. Судя по всему, в хулительных стихах и вообще висах, связанных со специфическими ситуациями, действовали менее жесткие правила — там могло быть меньше кеннингов, не столь строга рифма, зато от скальда требовалось какое-нибудь новшество. В любом случае, грань между поэтическим и непоэтическим здесь несколько сдвинута, поэтому на изысканное переплетение предложений может накладываться открытая матерщина.

Выставленная напоказ *задница* — «срам» не столько потому, что ее могут увидеть, сколько потому, что ее специально выставляют только извращенцы. Поэтому Тормод облыжно обвиняет Фальгейра в том, что он либо педераст, либо настолько глуп, что позволил себя убить так, что такое подозрение возникло.

Глупый увалень ⇒ Фальгейр; слово «увалень» можно понять и как «дылда» — Фальгейр был выше и сильнее Тормода.

Улль — один из асов; *непогода лезвий* ≡ БИТВА;

Улль непогоды лезвий ≡ МУЖ ⇒ Фальгейр. Его эпитет *скудный духом* (умом)» — ГЛУПЫЙ МУЖ (саннкеннинг, т. е. «обозначение по сути»).

Поношение богов ≡ СРАМНЫЕ МЕСТА (индивидуальный кеннинг!).

Гляделки — слово в подлиннике (sjónir) умышленно подобрано так, чтобы оно не звучало стилистически нейтрально.

Ухмылялся; рассказчик саги понял эти слова Тормода так, что на лице утопающего застыло нечто вроде ухмылки, глаза и рот были отрыты.

6. Смысл:

Я был еще подвижен, когда его поднятая жопа нелепо качалась на плаву; глупый верзила Фальгейр умер со срамом.

Я видел промежность Фальгейра; болван уставил на меня гляделки и ухмылялся.

7. Поэтика:

В первом хельминге нет кеннингов, зато в строке 4 использован глагол ginna «зиять», который использован, в частности, в обозначении хаоса (ginnungagap) в начале «Прорицании Вёльвы», а также в другой строфе той же песни (Vsp 50). «Зиять» вообще могут лишь раскрывающиеся полые объекты, а такие объекты обычно возникают как раз в результате деформаций — расщелина в скале, глазница, широко раскрытая пасть и т. п. Поэтому не будет преувеличением полагать, что в обнажившемся теле Фальгейра содержится элемент мирового хаоса — недаром поэт называет его «поношением богов». Уместно вспомнить, что в гротескной «Пряди о Торстейне Морозе» злой дух приближается к герою с *широко раскрытой пастью*, а действие происходит в отхожем месте, у выгребной ямы. Вся эта сцена тоже является

«посрамлением богов», и героя спасает лишь звон колоколов, только Бог в «пряди» уже христианский.

Это не единственная, но весьма характерная параллель между стихами Тормода и «Прорицанием Вёльвы».

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Skoptak enn, þás uppi	Я еще плескался,
undarligt á sundi	вдруг всплывает гузно
— hrókr dó heimskr við klæki	— дылда сдох постыдно —
— hans razaklof ganði.	лишь очко зияло,
leitk á Ulli alla	зрел я богохульство
eggveðrs hugar gleggjum	Улля вьюги лезвий
— setti gaurr ok glotti	— лупится да лыбится
— goðfjón — við mér sjónir.	на меня верзила.

Фрагменты Гренландского нида, виса № 30

1. Контекст:

а) **Саговый**: По возвращении из Гренландии к конунгу Олаву Тормод хвалится своими подвигами. Конунг спрашивает, чего ради он убил там стольких людей. Тормод отвечает, что гренландцы оскорбили его *нидом*.

б) **Реконструируемый**: Тормод сам сочиняет о своих врагах нид, который частично сохранился (висы №№ 27,30) в устной традиции на севере Исландии вне связи с историей мести за Торгейра и норвежскими событиями (П. М. Сёренсен).

2. Текст:

Тормод сказал:

— Мне не понравилось, что они сравнивали меня с кобылой.

Конунг говорит:

— Что это было за сравнение?

Тормод отвечает:

— Они говорили, будто я живу с людьми, как кобыла с жеребцом.

Конунг сказал:

— Вполне понятно, что такое сравнение тебе не понравилось, но и ты совершил немало.

Тормод сказал вису:
Éls, hefk illan díla
Ekkils, þeims mik sekðu
geig vann gervidraugum
Grœnlendingum brenndan;
Sá munat sœkitívum
sverdéls frömum verða
hrings á hryggjar tanga
hóggrœddr, nema mér lógi.

3. Пословный перевод:
Шквала, (имею)-я злое клеймо
Эккиля, тем-что меня осудили
шорох нагнал дельностволам
гренландцам выжег(шим);
Сие вряд-ли боебогам
шквала мечей настырным, будет
кольца на спины мысе
легкозалечено, разве-что мне солжется.

4. Развертка:
Я имею выжегшим (= я выжег) злое клеймо дельностволам шквала Эккиля, тем, что меня осудили: шорох нагнал гренландцам; (1—4);

Сие [клеймо] на мысе спины вряд ли будет настырным бое-богам шквала мечей легкозалечено, разве что мне солжется (5—8).

5. Синтаксис:
Второй хельминг синтаксически продолжает первый, поэтому именная группа на [ЗАДУ] в строке 7 относится к предикату из первого хельминга выжег злое клеймо.

нагнал шорох гренландцам ≡ *нагнал шорох на гренландцев*;

разве что мне солжется ≡ *если язык мне не изменяет*;

На основании этих слов Тормода некоторые комментаторы заключили, что виса сказана по свежим следам в Гренландии; это необязательно, хотя и возможно;

6. Поэтика:
дельностволы шквала Эккиля ≡ МУЖИ (двойной кеннинг с расширением) ⇒ противники Тормода в Гренландии; *Эккиль* — одно из имен Одина, *шквал Эккиля* ≡ БИТВА, *ствол* БИТВЫ ≡ МУЖ (древесный кеннинг); *дельноствол* ≡ *ствол дел*, *действий* — эпитет, обозначающий активность МУЖА;

тем, *что меня осудили* — за убийство Торгрима Тролля Тормода объявили в Гренландии вне закона;

злое клеймо ≡ дурное, позорное клеймо; клеймили скот и беглых рабов;

шорох ≡ страх или позор (хейти);

настырные боебоги шквала мечей ≡ МУЖИ (двойной кеннинг с расширением) ⇒ гренландцы; модель та же, что в первом хельминге; *шквал мечей* ≡ БИТВА; *боги* БИТВЫ ≡ МУЖИ (воины); значение «агрессивные люди» подчеркивается дважды: косвенно — субстантивным эпитетом *бое-боги* и открыто — прилагательным framr «настырный», «упорный»;

мыс спины ≡ ЗАД (кеннинг); в соответствии с жанром нида скальд утверждает, что выжег гренландцам клеймо на заду;

7. Смысл:

Я выжег злобным гренландцам, объявившим меня вне закона, дурное клеймо на заду и нагнал на них шороха. Наглым людям будет трудно залечить позорное клеймо,— я надеюсь, что язык мне не изменяет.

8. Размер:

Дротткветт. В пятой строке нет рифмы.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Éls, hefk illan díla	Я тавро срамное
Ekkils, þeims mik sekðu	выжегши сутяжным
geig vann gervidraugum	сукодеям брани,
Grœnlendingum brenndan;	шуганул гренландцев;
Sá munat sœkitívum	ой ли боебоги
sverdéls frömum verða	бурь мечей залечат
hrings á hryggjar tanga	кольца на закорках
hóggrœddr, nema mér lógi.	мыса, аль солгал я.

© Ф. Б. Успенский, 1997

4.1.3. Висы из «Пряди о Тормоде»

В «Пряди о Тормоде» содержится пять вис. Первые две из них (№ 1, 2) в других источниках отсутствуют, одна (№ 5) приводится в «Саге о Названных Братьях» под № 19, одна (№ 4) — в «Легендарной Саге об Олаве Святом», а материал висы № 3 воспроизводится в других сагах частично — второй хельминг цитируется в «Саге о Названных Братьях» и в королевских сагах в рассказе о Стикластадирском

эпизоде (см. комментарий к висе №35 ниже). Первые две висы относятся к пребыванию Тормода в Дании у конунга Кнута Могучего: из текста пряди понять, когда это произошло, трудно, а «Сага о Названных Братьях» о пребывании Тормода у Кнута Могучего вообще умалчивает. Скорее всего, однако этот эпизод исторически достоверен, а невнятные упоминания саги о действиях Тормода после гибели его названного брата Торгейра (зачем ему было плыть в Данию вместо того, чтобы мстить за Торгейра в Исландии?) объясняются тем, что Тормод отплыл в Данию еще *до смерти* Торгейра 1024 г., и его вообще не было весной 1024 г. в Исландии. Таким образом, наиболее вероятное время датировки эпизода и сочинения первых двух вис пряди — 1023—1024 гг. Поведение Тормода и его желание перейти от Кнута к Олаву Святому и попасть с его рекомендацией в Гренландию гораздо легче объяснить, если он уже знал, что в Исландии ему делать нечего, поскольку оставшегося в стране убийцу Торгейра Торарина Дерзкого убили летом того же 1024 г.

В данном разделе разбираются четыре из пяти вис пряди: текст висы №5 рассмотрен ниже (см. вису №19 в «Саге о Названных Братьях»).

Þormóðar þáttr, 1

1. Контекст:

Тормод Скальд Чернобровой приезжает в Данию к Кнуту конунгу и соглашается остаться у него, а конунг обещает наградить его маркой золота, как до этого другого скальда. Через полгода конунг велит Тормоду ехать в поход с неким Хареком и оставляет Тормода без награды.

2. Текст:

Вот подходит час, когда Харек с Тормодом должны покинуть дружину, и Тормод не получает из рук конунга обещанных, как ему казалось, даров. Оба они, конунг и Тормод, стоят теперь рядом. Тут Тормоду кажется уместным как-то напомнить об этом конунгу, и тогда он сказал такую вису:

Loftungu galt lengi
látr, þats Fáfnir átti,
þú lézt mér, enn mæri,
merkr fránöluns vánir;
verðr emk, varga myrðir
viðlendr, frá þér síðan
— eða heldr of sæ sjaldan —
— slíks réttar — skalk vætta.

3. П о с л о в н ы й п е р е в о д:

Славовослову дал-ты давно
лежбище, которым Фафнир владел,
ты дал мне, славный
марку сверкающей макрели надежды;
заслуживающий есмь, врагов умертвитель
широкостранный, от тебя с-тех-пор
— или скорее в море редко —
такой почести — должен стремиться.

4. Р а з в е р т к а:

Ты дал давно Славослову лежбище, которым владел Фафнир, ты, славный, дал мне надежды [на] марку сверкающей макрели (1—4);

Есмь заслуживающий от тебя, широкостранный умертвитель врагов, с тех пор такой почести; или скорее в море должен (у)стремиться (5—8).

5. С и н т а к с и с:

Трудности представляет вставное предложение второго хельминга: или скорее я должен [выйти] в море и надеяться редко [≡ ни на что не надеяться] — глагол vætta «надеяться», имеет также значение «стремиться куда-либо».

есмъ заслуживающий от тебя ≡ *мне причитается с тебя*;

6. П о э т и к а:

Славослов — прозвище скальда Торарина, которого конунг Кнут ранее наградил за драпу;

лежбище, которым владел Фафнир ≡ ЗОЛОТО (кеннинг, являющийся парафразой эддического мифа);

марка сверкающей макрели ≡ ЗОЛОТО; данное выражение у других скальдов не встречается, и, по мнению Финнюра Йонссона, уникально. Изюминка кеннинга в том, что frán-«сверкающий» — устойчивый эпитет змея в эддической поэзии, поэтому сверкающая макрель (ölunn — хищная рыба, скумбрия или макрель) ≡ ЗМЕЯ (или дракон); *марка* ЗМЕИ ≡ марка ЗОЛОТА.

Родительный падеж слова markr «марка» в висе образован неправильно, поэтому Ф. Йоунссон предложил конъектуру fránöluns mærr «песок сверкающей макрели», не меняющую значение кеннинга. Тем самым, весь рассказ о «марке золота», которую будто бы обещал Тормоду конунг, возможно, является результатом неправильного толкования висы.

широкостранный умертвитель врагов ≡ КОНУНГ (видкеннинг); эпитет *широкостранный*, т. е. *правящий многими странами* специально ука-

зывает на Кнута Могучего как на конунга великой державы: слово *враг* в подлиннике это значит также «волк, нелюдь»: термином vargr в скандинавском праве называют осужденных вне закона, а убивать преступников — функция конунга.

7. С м ы с л:

Когда-то скальд Торарин получил от тебя, конунг, золото, мне ты его лишь посулил. Эта почесть причитается мне с тебя, могущественный конунг: или лучше оставить надежду и выйти в море?

8. Р а з м е р:

Дроттквеетт.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Loftungu galt lengi	Славослову, кладезь
látr, þats Fáfnir átti,	полоза отмерил,
þú lézt mér, enn mæri,	мне ж макрели марку
merkr fránöluns vánir;	посулил, и только.
verðr emk, varga myrðir	С тех пор морокуем:
viðlendr, frá þér síðan	подаваться в море,
— eða heldr of sæ sjaldan —	иль, моритель мрази,
— slíks réttar — skalk vætta.	почестей нам чаять?

© Ф. Б. Успенский, 1999

Þormóðar þáttr, 2

1. К о н т е к с т: см вису ÞÞ 1.

2. Т е к с т:

(виса *ÞÞ 1*)

Конунг тотчас стаскивает с руки золотое запястье ценой в пол-марки и дает его Тормоду.

— Великая благодарность тебе, государь,— говорит Тормод,— а все ж не пеняй нам за наше тщеславие, если я еще немного добавлю. Вы говорили, государь, что мне причитается с Вас дар в марку золота.

Конунг отвечает:

— Так оно и есть, как ты говоришь, скальд, и медлить с этим не стоит.

Тут конунг снимает другое запястье и дает его Тормоду. И когда тот принял оба запястья, он сказал эту вису:

flestr of sér, hvé fasta
fagrbúnar hefk túna
báðar hendr ór breiðum
barðs þjóðkonungs garði;
eld ák jöfri gjalda
ungr, þeims bregðr hungri,
djúps — berk goll á greipum —
gráðugs ara — báðum.

На этом они с Кнутом конунгом расстаются.

3. П о с л о в н ы й п е р е в о д:

Всякий себе видит, как пламенем
красивообряженные имею-я туна
обе руки из широкого
борта народоконунга двора;
огонь должен-я отблагодарить
млад, того-кто утоляет голод
пучины — держу-я золото на кистях
свирепого орлана — обеих.

4. Р а з в е р т к а:

Всякий себе видит, как я имею обе руки красивообряженные пламенем туна борта из широкого двора народоконунга (1—4);

Должен-я млад отблагодарить [за] огонь пучины того, кто утоляет голод свирепого орлана; я держу золото на обеих кистях (5—8).

5. С и н т а к с и с:

Как расположение слов, так и состав кеннингов в этой висе сложнее, чем в предыдущей. Вначале, желая быть понятым, скальд требует награды «ясным слогом» (ср. mjök segik bert «говорю весьма открыто» в «Откровенных висах» (Bersöglisvísur) современника Тормода Сигхвата Тордарсона). Получив награду, скальд отвечает более изощренной висой.

я имею обе руки красивообряженные ≡ обе мои руки/ у меня обе руки красиво обряжены;

обряжены [золотом] *из широкого двора* ≡ золото пришло ко мне с широкого двора конунга;

6. П о э т и к а:

пламень туна борта ≡ ЗОЛОТО (двойной кеннинг); *тун* (луг пред домом, выгон) *борта* ≡ МОРЕ (кеннинг, построенный по типу «земля корабля/рыбы»); *пламень* МОРЯ ≡ ЗОЛОТО;

народоконунг ≡ *конунг многих народов*, *большой конунг* ⇒ Кнут Могучий; см. выше эпитет *широкостранный*;

огонь пучины — стандартный кеннинг ЗОЛОТА;

тот, кто насыщает голод свирепого орлана — стандартный видкеннинг КОНУНГА, здесь ⇒ Кнут, но сам *свирепый орлан* — гость в поэзии скальдов нечастый, обычно в роли стервятников выступают ВОРОН и ВОЛК. Вряд ли случайно, что у Тормода обозначения ВОРОНА представлены спорадически, а указания ВОЛКА отсутствуют вовсе (sic!).

Орлан (ari) — крупнейшая хищная птица Атлантики — упоминается в «Прорицании Вёльвы» в эсхатологическом контексте (Vsp 50—6), а также в «Песнях о Хельги». В скальдической поэзии он появляется не столь часто, до Тормода достоверных примеров нет, поэтому данное место допустимо считать эддической аллюзией. В других висах Тормода представлены еще два обозначающие ОРЛА — örn и gjóðr.

7. С м ы с л:

Теперь каждый может видеть, что золото с конунгова двора сияет на обеих моих руках; я обязан этим могущественному конунгу.

8. Р а з м е р:

Дротткветт.

9. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
flestr of sér, hvé fasta	Пусть всяк зрит, терзаем
fagrbúnar hefk túna	завистью — запястья
báðar hendr ór breiðum	ряжены в обручья
barðs þjóðkonungs garði;	с княжьего подворья.
eld ák jöfri gjalda	Гложет благодарность,
ungr, þeims bregðr hungri,	глад орла глушивший,
djúps — berk goll á greipum —	за болот уголья —
gráðugs ara — báðum.	— млад владеет златом.

© Ф. Б. Успенский, 1999

Þormóðar þáttr, 3

1. К о н т е к с т:

Тормод Скальд Чернобровой убил человека Олава конунга в морской стычке. Затем Тормод вскочил на корабль конунга, был схвачен и ожидал казни. Дружинники Олава, узнав подробности, ходатайствуют перед конунгом за Тормода.

2. Текст:

Конунг спросил [Финна сына Арни и епископа Сигурда], чего ради воин, совершив столь тяжкую провинность, отдался под его власть, раз уж он уже был на другом корабле. Тормод тоже слышит эти слова и отвечает конунгу висой:

Hafa þóttumk ek, hættinn
happsœkjandi, ef tœkir,
hreins við haldi mínu,
hvert land þegit, branda;
ríkr vilk með þér, rœkir
randar linns enn svinni,
— rönd berum út á öndra
eybaugs — lifa ok deyja.

3. Пословный перевод:

Счел бы я-сам-себя, рисковый
удачепытатель, если взял-бы
оленя к содержанию моему,
любую землю обретшим — бортов;
могучий, хочу-я с тобой, омрачитель
обода змеи мудрый
— повесим-мы щит на лыжу
кольца островов — жить и умереть.

4. Развертка:

Я сам счел себя обретшим любую землю, [о] рисковый удачепытатель оленя бортов, если бы [ты] взял к содержанию моему (1—4);

Мудрый омрачитель обода змеи, я хочу с тобой, о могучий, жить и умереть; мы повесим щит на лыжу кольца островов (5—8).

5. Синтаксис:

взял к содержанию моему = взял меня на содержание, т. е. сделал бы меня своим человеком;

6. Поэтика:

рисковый (саннкеннинг) — тот, кто подвергается опасности; в точном смысле — это шашечный термин со значением «тот, кто рискует в игре, ведет атаку на двух флангах»;

рисковый удачепытатель оленя бортов ≡ МУЖ (двойной кеннинг с осложнением); *борт*, точнее фальшборт, планшир — элемент конструкции корабля, поэтому данное слово может выступать как хейти КОРАБЛЯ; *олень бортов* ≡ КОРАБЛЬ; *испытатель оленя бортов* ≡ МУЖ ⇒ Олав конунг; в данном кеннинге тема морского перехода, риска открыто соединяется с темой удачи вождя, правящего кораблем;

счел бы я себя любую землю обретшим — выражение преданности конунгу; данная формула встречается также в одной из вис Сигхвата Тордарсона;

Второй хельминг висы подробно рассматривается в примечаниях к 35-й висе «Саги о Названных Братьях». Основное разночтение касается третьей строки хельминга: вместо *встанем рано на лыжу* (по тексту «Саги о Названных Брятьях») в «Пряди о Тормоде» представлен вариант *щит вывесим на лыжу*. Викинги вешали большие щиты на борт корабля, когда отправлялись в поход.

7. Смысл:

Я был бы счастлив, если бы ты, удачливый вождь, взял бы меня к себе на службу: я готов жить и умереть с тобой, державный воин: вывесим щит на борт корабля.

8. Размер:

Дроттквепт.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Hafa þóttumk ek, hættinn
happsœkjandi, ef tœkir,
hreins við haldi mínu,
hvert land þegit, branda;
ríkr vilk með þér, rœkir
randar linns enn svinni,
— rönd berum út á öndra
eybaugs — lifa ok deyja.

Тормод Скальд Чернобровой

Я любым уделом
удручен не буду:
одари им вдоволь,
удалой владыка!
С мудрым ратоборцем
рад бы обретаться —
— выложим по борту
щит на лыжу лужи.

© Ф. Б. Успенский, 1999

Þormóðar þáttr, 4

1. Контекст:

Тормод ждет казни на корабле Олава Святого. Дружинники ходатайствуют за Тормода, и конунг вступает с ним в разговор.

2. Текст:

— Да,— сказал конунг,— своим поступком ты явно показал, что не станешь держаться за жизнь, если тебе удастся попасть, куда ты хочешь. Однако я полагаю, что ты попадешь туда, куда тебе предназначено. А как твое имя?

Тормод назвал себя,—

— и я названный брат Торгейра сына Хавара.

Конунг сказал:

— Тебе суждено больше удачи, чем Торгейру, и все же мне ясно, что ты склонен попадать в переделки, ведь ты, по-моему, совсем еще молод. Сколько же всего убийств ты совершил?

Тут Тормод сказал вису:

Sex hefk alls, síz óxu
ónhjalta Tý fjónir
— kenndr emk við styr stundum —
— stálregns boða vegna;
þó emk enn at mun manna
morðs varliga orðinn,
vér létum þó þeira
Þrítøgr, skarar bíta.

Конунг сказал:

— Надо позаботиться о том, чтобы тебе не пришлось ждать еще тридцать лет. Однако смерть таких людей — это потеря, ибо ты — большой скальд.

3. Пословный перевод:

Шесть имею-я всего, как возросли
мечерукояти Тюру наветы
— примечаем есмь в распре порою —
— сталедождя глашатаев убитых;
все-ж есмь-я еще по прихоти мужей
умервщлений не-вполне ставший
мы добились однако-ж их
тридцатилетний, волос срезать.

4. Развертка:

Всего я имею шесть глашатаев сталедождя убитыми [с тех пор] как возросли наветы Тюру мечерукояти — порою есмь примечаем в распре; (1—4).

Я есмь по прихоти мужей умервщлений все же не вполне ставший тридцатилетний; однако ж, мы добились срезать их волос (5—8).

5. Синтаксис:

я имею шесть [людей] *убитыми* ≡ *я убил шестерых* (в подлиннике употреблена форма перфекта);

я есмь не вполне ставший тридцатилетний ≡ я еще не достиг 30 лет;

мы добились срезать их волосов ≡ *нам удалось срезать их волосы* — «убить» или «убавить их спесь»; *длинные волосы* — древний символ дос-

тоинства мужа: недаром одно из слов, обозначающих героя, крупную личность, называется skörungr, букв. *волосатик*. Тормод употребляет это слово в висе № 29.

6. П о э т и к а:

Тюр — один из асов; *Тюр мечерукояти* ≡ МУЖ ⇒ сам Тормод; ónn ≡ какая-то часть меча;

глашатаи сталедождя ≡ МУЖИ (двойной кеннинг) ⇒ жертвы Тормода; *дождь стали* ≡ БИТВА; *глашатай* БИТВЫ ≡ МУЖ;

наветы ≡ вражда, ненависть;

мужи умервщлений ⇒ враги Тормода (саннкеннинг);

7. С м ы с л:

Всего я убил шесть человек, с тех пор как люди стали проявлять враждебность ко мне: порой меня можно увидеть в битве. По милости воинов я достиг неполных тридцати лет, и мне удавалось постоять за себя [или: расправляться с врагами].

8. Р а з м е р:

Дротткветт.

9. С о х р а н н о с т ь т е к с т а:

В «Легендарной Саге об Олаве Святом» (Helgisaga Ólafs Haraldssonar) рассказывается, что Тормод произнес данную вису в день битвы при Стикластадире. Какой контекст подходит висе больше, сказать трудно, поскольку число жертв Тормода не согласуется с текстом «Саги о Названных Братьях» ни в том, ни в другом случае. Не исключено, впрочем, что слово alls «всего» относится не к послужному списку героя вообще, а к какому-то определенному эпизоду его биографии, например, к гренландскому.

10. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Sex hefk alls, síz óxu
ónhjalta Tý fjónir
— kenndr emk við styr stundum —
— stálregns boða vegna;
þó emk enn at mun manna
morðs varliga orðinn,
vér létum þó þeira
Þrítøgr, skarar bíta.

Тормод Скальд Чернобровой

Шесть — как есть уместно —
месть — ненастья стали
вестников не стало —
я ль ховался в схватках?
Отаскал немало
олухов за лохмы
лихоимцам — прихоть, —
мне ж поди под тридцать.

© Ф. Б. Успенский, 1999

4.1.4. Стикластадирские стихи Тормода.

Висы, по преданию сложенные перед битвой при Стикластадире 1030 г., относятся к числу самых известных стихов Тормода. Считается, что стикластадирский эпизод «Саги о Названных Братьях» во всех версиях этой саги оформлен по образцу известных рассказчикам королевских саг. Три из этих вис (№№ 36—38), помимо «Саги о Названных Братьях», известны лишь по «Легендарной Саге об Олаве Святом». Данные висы, по некоторым признакам, уместно считать апокрифическими; они разбираются ниже в разделе 4.2. Прочие висы — №№ 31, 34, 35, 39, 40 — включены Снорри Стурлусоном в «Сагу об Олаве Святом», входящую в состав «Круга Земного»; из них апокрифической мы считаем вису № 39, что обосновывается в комментариях к ней. Для остальных вис критерием аутентичности является не столько авторство Тормода, погибшего в битве при Стикластадире, сколько верхняя граница датировки вис — не позже середины XI в. Особняком стоит предсмертная виса Тормода (№ 40), текст которой во всех имеющихся сагах сильно искажен. Анализ этой висы и реконструкция ее первоначального облика предприняты в в разделе 4.1.5.

Виса № 31

1. Контекст:

Тормод Скальд Чернобровой сопровождает Олава конунга в его походе из Новгорода в Норвегию. Они входят в Трандхейм, и местное население встречает их враждебно. Конунг спрашивает скальда, что он бы предпринял. Тормод отвечает ему воинственной висой.

2. Текст:

Br**enn**um *ö*ll fyr ***í*****nn**an
innin, þaus vér f**inn**um
— land skal *h***err** með *h***jör**vi —
*H***ver**björg — fyr gram **ver**ja.
Ý**s**, taki *a*llra h**ús**a
I**nn**-Þrœndir kol s**inn**a,
angr mun *k*veykt í *k***lungr**i
*k***öld**, ef ek má v**ald**a.

3. Пословный перевод:

Сожжем все к южнее
хижины, те-что мы найдем
— страну должно войско (с) мечом
Хвербьёрга — ради князя защищать

Ивы, возьмут-пусть всех построек
верхние тренды угли своих
враг будет разожжен в терниях
холодные, коль мне вершить бы.

4. Развертка:

Сожжем все хижины южнее Хвербьёрга, те, что мы найдем; войско должно ради князя защищать страну мечом (1—4);

Коль мне вершить бы — пусть верхние трёнды возьмут холодные угли всех своих построек — враг ивы будет разожжен в терниях (5—8).

5. Синтаксис:

[*жечь*] *до холодных* (*прогоревших*) *углей* — идиома со значением «жечь дотла»;

6. Поэтика:

Хвербъёрг — местность в Верхнем (внутреннем, южном) Трёнделаге; войско бондов не позволило Олаву Святому пройти к побережью Трёнделага и встретило его в долине Верадаль.

враг ивы ≡ ОГОНЬ (кеннинг)

тернии — здесь ≡ хейти ДЕРЕВА;

7. Смысл:

Сожжем все дома к югу от Хвербьёрга: воины конунга должны защищать страну с оружием в руках. Будь моя воля, южным трёндам остались бы одни угли от их построек; пусть огонь гуляет по древесине!

8. Размер:

Дротткветт.

9. История текста:

Людвиг Хольм-Ольсен обратил внимание, что призыв «заставить трёндов собрать холодные угли всех своих жилищ» буквально повторяется в 1196 г. в речи епископа Никуласа Арнарсона, направленной против конунга Сверрира и поддерживающих его трёндов — «Сага о Сверрире», глава 135. Хольм-Ольсен полагал, что епископ умышленно цитирует вису Тормода. Другое возможное объяснение состоит в том, что рассказчик «Саги о Сверрире» (данная ее часть была записана вскоре после 1213 г.) стилизовал слова епископа под известную ему вису. Виса эта, однако, отсутствует в ранних сагах об Олаве Святом и есть только в «Круге Земном», который был записан позже «Саги о Сверрире». Это косвенно подтверждает древность висы. Менее вероятно, что перед нами случайное совпадение, так как повтор выходит за рамки самой идиомы: совпадает также сочетание «всех своих жилищ» (allra sinna húsa) и имя трёндов.

10. П е р е в о д ы:

Виса переводилась на русский язык О. А. Смирницкой и издана в «Круге Земном», 1980 г. Новый перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Br**enn**um *ö*ll fyr ***ínn***an
innin, þaus vér f**inn**um
—land skal *h***err** með *h***jör**vi—
*H***ver**björg — fyr gram **ver**ja.
_Ý_s, taki *a*llra h**ús**a
_I_nn-Þrœndir kol s**inn**a,
angr mun *k*veykt í *k*l**ungr**i
*k***öld**, ef ek má v**ald**a.

Тормод Скальд Чернобровой

Хижины сожжем мы
Те, что обнаружим,
Хвербьёрга южнее
за державу княжью.
Будь по мне, так вспомнил
всякий трёнд бы юга
от угла уголья
с головой угарной.

© Ф. Б. Успенский, 1999

Виса № 34

1. К о н т е к с т:

В день битвы при Стикластадире Тормод Скальд Чернобровой был вначале мрачен. Конунг увидел это и спросил, в чем дело. Тормод ответил, что хотел бы разделить судьбу конунга до конца, но не знает, суждено ли это. Конунг это обещает, и затем оба гибнут в один день.

2. Т е к с т:

(Тормод сказал)...Если ты мне теперь обещаешь, что мы оба будем иметь один кров, я вновь буду весел.

Олав конунг сказал:

— Не знаю, может ли мое слово помочь твоей беде, но если что-то здесь зависит от меня, сегодня вечером ты пойдешь туда же, куда и я.

Тогда Тормод обрадовался и сказал вису:

Ála þryngr at éli
örstiklandi, miklu,
skyldut skelknir hölðar
— skálmöld vex nú — fálma;
brott komumk vér, en veitum
valtafn frekum hrafni
— víksk eigi þat — vága
viggruðr, eða hér liggjum.

3. Пословный перевод:

Алы (род. п.) сгущает (грозит) к вихрю
стрел-пускающий, великому,
не-должны скованные воины
— век-ножей подымается ныне — страхом;
прочь уйдем-мы, но дадим
бранную пищу жадному ворону,
— не переменится то — моря
конский куст, или тут ляжем-мы.

4. Развертка:

Стрел-пускающий, грозит к вихрю Алы великому; воины не должны [быть] скованы страхом; ныне подымается век ножей (1—4);

мы уйдем прочь, или ляжем тут, но дадим жадному ворону бранную пищу; то не переменится (5—8).

5. Синтаксис:

грозит к вихрю Алы великому — безличное предложение ≡ «дело идет к битве», построенное по модели высказываний о погоде, а битва обозначена как вихрь! Похоже начинается и стикластадирская виса другого скальда — Торфинна Рта;

Смысл союза *но* во втором хельминге: *мы либо победим, либо падем, но при любом исходе дадим жадному ворону… пищу.*

6. Поэтика:

Ала — морской конунг; *вихрь Алы* ≡ БИТВА;

стрел-пускающий — неологизм, выступающий в качестве хейти (или саннкеннинга) ВОЖДЯ; *стрел-пускающий* ⇒ это Олав Святой, а корень stikl- «пускать, скакать» заложен в топониме Stikla-staðir — «Стикластадир», т. е. в названии места битвы.

скованные (порабощенные) *ужасом* — индивидуальное выражение Тормода, ср. дрисл. Skelk «испуг, оцепенение», skalkr «раб»;

век ножей — эсхатологическая аллюзия («Прорицание вёльвы», строфа 45); скальд отождествляет роковые испытания для себя, своего конунга и своих товарищей с глобальной катастрофой. Несомненно, данная строка представляет собой ударное место, «соль» всей висы. Не случайно, в «Легендарной Саге об Олаве Святом» и в «Круге Земном» данная виса появляется в контексте, когда скальды Олава — Гицур, Торфинн Рот и Тормод — решают перед битвой произнести запоминающиеся тексты, чтобы они остались в памяти людей. При этом виса Тормода во всех версиях саги заключает серию, как наиболее значительная и эпичная из трех.

бранная пища ≡ ТРУПЫ; в подлиннике корень val — тот же, что в valhöll «Вальльхелль», «Палаты павших»; а хейти freki — общеизвестное обозначение ВОЛКА Фенрира (ср. «Прорицание вельвы», строфа 44).

моря конский куст ≡ МУЖ (двойной кеннинг со смещением); *конь моря* ≡ КОРАБЛЬ; *куст* корабля ≡ МУЖ ⇒ Олав конунг; морфологический вариант того же кеннинга представлен в висе №7 из «Драпы о Торгейре», а буквально он повторяется в одной из вис, приписываемых Гисли Сурссону в «Саге о Гисли сыне Кислого».

7. Смысл:

Дело идет к битве, о конунг; пусть воины не страшатся; ныне наступает роковой час;

Выберемся ли мы прочь, или падем здесь, мы дадим смертную пищу ворону; это непреложно, о конунг.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Сохранность текста:

Виса известна также из саг об Олаве Святом, но там второй хельминг выглядит иначе, а строки 5—8 помещены в состав другой висы Тормода (по «Саге о Названных Братьях», №35). Скорее всего, это свидетельствует о том, что рассказчик «Саги о Названных Братьях» искал наиболее выигрышные контексты для стихов Тормода и перекомпоновывал хельминги по своему усмотрению.

9. Переводы:

Виса переводилась на русский язык О. А. Смирницкой и издана в «Круге Земном», 1980 г. Новый перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Ála þryngr at éli	Назревает, грозен,
örstiklandi, miklu,	— страх отринь, дружина —
skyldut skelknir hölðar	Ати дождь. Над войском
— skálmöld vex nú — fálma;	Век ножей маячит.
brott komumk vér, en veitum	Вдаль уйти, иль сдобрить
valtafn frekum hrafni	Брани стан — награды
— víksk eigi þat — vága	Нет другой, правитель
viggruðr, eða hér liggjum.	дива струй пролива.

Виса № 35

1. Контекст:

Перед началом битвы при Стикластадире заходит речь о скальде конунга Олава, Сихгвате Тордарсоне (ок. 997—1047 гг.) Сигхват, который был советником и доверенным лицом конунга Олава Святого, не поехал за ним в изгнание, сохранил свой статус при новом режиме и в момент битвы при Стикластадире совершал паломничество в Италию. Тормод ставит это конунгу на вид, противопоставляя свой выбор поведению Сигхвата.

2. Текст:

Тут Тормод сказал вису:
þér munk eðr unz öðrum,
allvaldr, náir sköldum
— nær vættir þú þeira?
þingdjarfr, fyr kné hvarfa;
ríkr vilk með þér, rœkir
randar linns enn svinni,
— stöndum ár á öndrum
eybaugs — lifa ok deyja.

3. Пословный перевод:

Тебе буду вновь, пока-не иных
всевластитель, получишь скальдов
— скоро ждешь их к себе?
вечесмелый, пред коленями бродить;
могучий, хочу-я с тобой, омрачитель
обода змеи мудрый
— встанем рано на лыжу
кольца островов — жить и умереть.

4. Развертка:

Всевластитель, буду вновь бродить тебе пред коленями, пока не получишь иных скальдов: скоро ждешь их к себе? (1—4);

Мудрый омрачитель обода змеи, я хочу с тобой, о могучий, жить и умереть; рано встанем на лыжу кольца островов (5—8).

5. Синтаксис:

бродить тебе пред коленями ≡ *бродить перед твоими коленями* ≡ находиться при тебе; данный оборот представлен также в висе № 19;

прилагательные *могучий* и *мудрый* во втором хельминге относятся к конунгу, обозначенному кеннингом *омрачитель обода змеи*; однако морфологически они не вполне сопоставимы и мы, без полной уверенно-

сти, переводим слабую форму enn svinni «мудрый, мудрец» как эпитет, а сильную форму ríkr «могучий» трактуем как хейти в функции обращения.

6. Поэтика:

всевластитель ≡ ВОЖДЬ ⇒ Олав конунг; данное хейти встречается также в эддических «Песнях о Хельги».

вечесмелый — хейти (или саннкеннинг) ВОЖДЯ ⇒ Олав конунг; по данной модели Тормод строит также слова *конунгосмелый* (виса № 19 — о себе самом) и *мечесмелый* (№ 13 — об одной из жертв Торгейра); слово *вече* (тинг, сходка) является одним из распространенных хейти БИТВЫ;

омрачитель обода змеи ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ Олав конунг; *обод* (край) — хейти ЩИТА, а *змея щита* ≡ МЕЧ; *омрачитель /испытатель/ходатай* МЕЧА ≡ МУЖ;

хочу с тобой жить и умереть — по-видимому, формула приверженности дружинника своему конунга; для столь ранней эпохи это несколько неожиданно; обсуждение данной формулы, встречающейся также у Сихвата в Поминальной Драпе об Олаве конунге см. в статье К. фон Зее[48];

лыжа кольца островов — известный по нескольким висам двойной кеннинг КОРАБЛЯ; *кольцо островов* ≡ МОРЕ, а *лыжа* (полоз) *моря* ≡ КОРАБЛЬ;

Фраза *встанем рано на* КОРАБЛЬ вызвала недоумение комментаторов, поскольку битва при Стикластадире происходит на суше. Поэтому предполагали, что второй хельминг взят из висы, произнесенной в другом контексте, например из третьей висы «Пряди о Тормоде» (ÞÞ 3), где действие происходит на корабле. Однако весьма вероятно, что кеннинг КОРАБЛЯ просто выполняет здесь идеализирующую функцию и продолжает тему смерти в бою: морской переход как роковое испытание — ср. древнескандинавский обычай совершать захоронение в кораблях.

Выражение *рано* может быть мотивировано тем, что битва при Стакластадире случилась утром;

7. Смысл:

Я буду сопровождать тебя, конунг, пока ты не получишь других скальдов — скоро ли ты ждешь их к себе? Я хочу жить и умереть с тобой, державный воин: приготовимся с утра к последней битве.

8. Размер:

Дротткветт.

---

[48] K. von See. Húskarla hvöt, S. 273.

9. Сохранность текста:

Первый хельминг висы, направленный против Сихгвата, воспроизводится во всех королевских сагах с похожими комментариями. В качестве второго хельминга висы в этих сагах приводится второй хельминг висы № 34: замена на восприятие висы существенно не влияет, так как тема обоих хельмингов одна и та же — «жизнь и смерть вместе с вождем». Строки 355—8, как указано, воспроизводятся (с минимальными вариациями) в висе из «Пряди о Тормоде». В разных редакциях саги обнаруживаются мелкие разночтения, не влияющие на смысл висы.

10. Переводы:

Вариант данной висы переводился на русский язык О. А. Смирницкой в в «Круге Земном», 1980 г. Новый перевод для настоящего издания выполнен совместно Ф. Б. Успенским и А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

þér munk eðr unz öðrum,
allvaldr, náir sköldum
— nær vættir þú þeira?
þingdjarfr, fyr kné hvarfa;
ríkr vilk með þér, rœkir
randar linns enn svinni,
— stöndum ár á öndrum
eybaugs — lifa ok deyja.

Тормод Скальд Чернобровой

Оскудела скальдов
череда — когда же
ждать? — с провидцем веча
я навек пребуду.
С мудрым ратоборцем
рад бы обретаться —
— выложим по борту
щит на лыжу лужи.

© *Ф. Б. Успенский,*
А. В. Циммерлинг, 1999

4.1.5. Последняя виса Тормода.

Согласно всем королевским сагам и «Саге о Названных Братьях», Тормод Скальд Чернобровой ненадолго пережил конунга Олава Святого и умер вечером после битвы при Стикластадире (28 июля, по другой версии — 29 июля 1030 г). Перед смертью он произнес ряд вис, которые якобы запомнили его раненые товарищи. Апофеозом Тормода является последняя виса — № 40, которую он, согласно боевой легенде, произносит стоя в бараке для раненых, и тут же падает мертвым; по одной из версий легенды, Тормод не успевает произнести последнее слово висы, но его впоследствии восстанавливает конунг Харальд Суровый (1015—1066 гг.).

Текст висы № 40 дошел до нас в двух версиями: одна из них запечатлена в тексте «Хауковой Книги», а другая — в тексте «Книги с Плос-

кого Острова» и в королевских сагах. Расхождения между версиями столь велики (совпадают лишь три строчки из восьми[49]), что их необходимо рассмотреть отдельно.

Тормод Скальд Чернобровой. Виса № 40 по Хауковой книге

1. Контекст:

Тормод смертельно ранен в битве при Стикластадире, но окружающие об этом не догадываются, так как Тормод ведет себя как здоровый — стоит, не стонет и защищает честь воинов конунга в споре с зеваками. Лекарка все же под конец спрашивает Тормода, отчего он столь бледен. Тормод отвечает ей висой и падает мертвый.

2. Текст:

А когда их (Тормода с Кимби) разговор закончился, женщина, гревшая воду, сказала Тормоду:

— Отчего ты так бледен, парень, и бесцветен, как труп: почему же ты не даешь перевязать себе рану?

Тормод сказал вису:

emkak rauðr, en rjóðum
ræðr grönn kona manni;
járn stendr fast et forna
fenstígi mér benja;
þat veldr mér, en mæra
marglóðar nú tróða,
djúp ok danskra vápna
Dagshríðar spor svíða.

И вымолвив это, он умер, стоя на ногах возле загороди, и упал на землю мертвый. Харальд сын Сигурда [т. е. конунг Харальд Суровый] закончил вису, которую сложил Тормод: вот что он добавил:

— «свербят», он, должно быть, хотел сказать «следы Бури Дня свербят».

3. Пословный перевод:

Не-есмь-я красный, но багряным(обагренным)
правит худощавая жена мужем
железо стоит прочно древнее

[49] Реально эта цифра еще меньше, так как в редакции Хауковой книги вместо правильного варианта седьмой строки *djúp ok danskra vápna* приводится бессмысленный вариант *djúp ok Draupnis dýrra*, не позволяющий добиться удовлетворительного чтения (ÍF VI, 275).

болотной тропе мне язв;
это причиняет мне, но славная
мореугольев ныне перекладина,
глубокие и датского оружия
Бури Дня следы [свербят].

4. Развертка:

Я не есмь красный, но худощавая жена правит багряным мужем; древнее железо прочно стоит мне [в] болотной тропе язв (1—4);

Это причиняет мне, но славная перекладина мореугольев, глубокие следы Бури Дня и датского оружия свербят (5—8).

5. Синтаксис:

В этой висе нет сложного переплетения предложений, вся она складывается из коротких фраз, которые выстроены почти линейно: строки 1—1/2—3/4; 5—5/6—7/8. Каждый хельминг открывается коротким сообщением-мотивом, занимающим половину строки («не-есмь-я красный», «это причиняет мне»), следующая фраза занимет полторы строки и представляет собой антитезу (ср. союз en «а, но»), последние две строки заняты третьим сообщеним, причем кеннинг стоит в последней строке, а предпоследняя занята атрибутивными словами («древнее», «глубокий»).

железо стоит мне ≡ *железо стоит у меня*; *стоит……болотной тропе язв* ≡ *стоит в болотной тропе язв*;

это причиняет мне ≡ *это причиняет мне боль*; или *то причиняет мне боль, что следы Бури Дня свербят* — более вероятное толкование. В любом случае местоимение þat «это» анафорично и отсылает к пропозиции первого хельминга: *это* ≡ «тот факт, что железо стоит».

6. Поэтика:

Изюминка висы состоит в игре смыслами, неоднозначности фраз, из которых виса складывается:

Красный и багряный — однокоренные слова. Багряный, однако, слово неоднозначное — либо «обагренный кровью», либо «имеющий краски жизни», посюсторонний. Ср. рассказ о том, как боги дали Аску и Эмбле, недвижным моделям людей, атрибуты жизни «движенье и краски добрые» (lito goða) — «Прорицание Вёльвы», строфа 18. Недаром лекарка в саге спрашивает Тормода,

почему он «столь бледен» и «лишен цвета/краски»: мертвенная бледность — атрибут Хель, подземного мира. Вопрос «почему ты столь бледен» задает и Тор в «Речах Альвиса».

жена правит мужем ≡ *муж принадлежит жене, у жены есть муж*. Совсем неясно, однако, кто «жена», а кто «муж», ясно лишь, что отноше-

ния у них весьма близкие. Если «худощавая жена» — это лекарка, слушательница висы Тормода, то «багряный муж», которым она правит, это просто ее приятель, румяный не в пример Тормоду. Именно так это и понял рассказчик «Саги об Олаве Святом», а также составитель редакции с Плоского Острова — в этих текстах приводится другой вариант обсуждаемой висы. Сходным образом, комментаторы Финнюр Йоуннсон и Курт Отто Гертнер прочли данное место как «у этой женщины рыжий (sic) парень».

Однако «*Худощавая*» — вряд ли комплимент, и союз en вряд ли уместно трактовать как присоединительный *«я бледен, а у тебя муж румяный». Скорее, худощавая жена — сама *Хель*, которая заключает мертвых в объятья (ср. хотя бы слова Торгейра в «Саге о Названных братьях», гл. IV и обзор Гру Стейнсланд[50]). Тормод принадлежит Хель по праву, так как он стоит на пороге смерти. Подтверждение данному толкованию мы видим в том, что Тормод не кеннингует слово «жена»[51].

---

[50] Gro Steinsland 1992. Døden som erotisk lystreise // Eyvindarbok, p.319—331.

[51] В тексте «Легендарной Саги об Олаве Святом» первый хельминг приведен в искаженном виде [Kristjansson 1972, 101]:

emkat rauðr **né rjóða**	Не-есть-я красный, **ни багрянцем**
ræðr grönn kona manni	правит худощавая жена мужем
***haukasetrs* um hættinn**	*насеста ястреба* **об удалом**
hyggr fár um mik sáran.	*мало кто думает обо мне раненом*.

Жирным шрифтом выделены искажения, препятствующие связному прочтению: вставка **um hættinn** в третьей строке одновременно нарушает рифму. Курсивом выделен текст параллельной редакции. Вторая строка соотвеветствует тексту «Хауковой книги» и содержит правильное чтение *grönn kona* «худощавая жена» вместо конъектуры *grönn Skögul... haukasetrs.*»худощавая Скёгуль насеста ястреба», зафиксированной у Снорри в тексте «Круга Земного» и в редакции «Книги с Плоского Острова». Однако в начале третьей строки все-таки стоит слово *haukasetrs* «насеста ястреба», т. е. текст «Легендарной Саги об Олаве Святом» контаминирован, обнаруживает следы влияния обоих редакций; слово hættinn «удалой» заимстовавано из другой висы Тормода (№ 3 в «Пряди о Тормоде», второй хельминг данной висы приводится в «Легендарной Саге об Олаве Святом» и в «Круге Земном» в рассказе о Стикластадирском эпизоде»). Большая древность варианта чтения *grönn Skögul ... haukasetrs* по сравнению с вариантом ??*grönn kona haukasetrs* не вызывает сомнений, так как выражение «жена насеста ястреба» не образует правильного кеннинга. В то же время, и вариант *grönn Skögul… haukasetrs* является конъектурой по сравнению с исконным текстом *grönn kona manni*, без кеннинга женщины в первом хельминге. Неудивительно, что вставив элемент кеннинга женщины …*haukasetrs* в начало третьей строки, автор этой конъектуры не мог со-

Интересно, хотя и не столь доказательно, что подруга Тормода Торбьерг Черная Бровь в гл.XI «Саги о Названных Братьях» тоже охарактеризована как «худощавая женщина». Внешность Торбьерг никак не соответствует эталону красоты, она — девица баскетбольного роста, великанша и ведьма, роковая женщина. Хель, само собой, тоже великанша.

Болотная тропа язв ≡ КРОВОТОЧАЩАЯ РАНА (двойной кеннинг со смещением); *болото язв* (ран) ≡ КРОВЬ, *тропа* (путь) крови ≡ РАНА, из которой течет кровь.

старое железо ≡ стрела, которой был ранен Тормод.

Перекладина мореугольев ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ лекарка (двойной кеннинг) *угольья* ≡ ОГОНЬ (хейти); *огонь моря* ≡ ЗОЛОТО, *перекладина* золота ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ слушательница висы.

Кеннинги женщины встречаются у Тормода весьма редко: не исключено, что и этот возник в результате искажения текста (см. ниже).

буря Дня — первоначально кеннинг БИТВЫ. Именно этот смысл имеет в виду Тормод, так как *следы* БИТВЫ — это РАНЫ (нетипичный кеннинг). Позже, однако, сочетание «Буря Дага» было переосмыслено как имя собственное — *Буря*, т. е. натиск человека по имени Даг. В этой связи Снорри Стурлусон рассказывает в «Круге Земном» о неком шведском конунге Даге сыне Хринга, якобы сражавшемся на стороне Олава в битве при Стикластадире. Некоторые современные ученые (К. фон Зее), однако, подозревают, что Даг сын Хринга — фантом, возникший как раз из стихов Тормода, где говорится о следах «бури дня», т. е. по-исландски *Дагсхрид*[52]. Если это так, что стихи висы 37, где упоминается четверо конунгов — Олав, Харальд, Хринг и Даг не могут принадлежать Тормоду и были присочинены позднее, когда возникла версия о Даге сыне Хринга. Тем не менее, виса № 37 приводится в 3-м

хранить первоначальное чтение строк 3—4 járn stendr fast et forna / fenstígi mér benja и был вынужден восполнять их звуковой материал иным способом, заимствуя его из других вис Стикластадирского цикла.

[52] В то же время, есть еще одна возможность толкования кеннинга БИТВЫ, которую обсуждает Й. Кристьяунссон [Kristjánsson 1972: 128—129]. Дело в том, что двух рукописях «Круга Земного» соответствующее слово записано как *dalshríð* или *dalhríð*, где слово dalr является хейти *лука*, отсюда dalhríð т. е. «*буря луков*» ≡ БИТВА. Поэтому теоретически не исключено, что упоминание Дага в прозаическом тексте саги, вопреки К. фон Зее, является исконным, а написание *dagshríð* «*буря дня*», напротив, есть ложная конъектура к скальдическому стиху, возникшая по ассоциации с человеком по имени Даг сын Хринга. Все же фигура Дага и рассказ о нем выглядят недостоверными, а в висе № 37 помимо упоминания Дага есть еще несколько других черт, указывающих на то, что эта виса сочинена позднее висы № 40.

и в 4-м грамматических трактатах в качестве учебного примера, что говорит о ее древности. Это значит, что неправильное понимание, отражением которого служит виса № 37, возникло достаточно рано, возможно уже в XI в.

следы … свербят — в подлиннике данные слова аллитерируют.

7. Смысл:

Я лишен красок жизни, ибо они уже принадлежат худощавой женщине (Хель): древнее железо прочно застряло в ране, и та кровоточит.

Потому я и бледен, женщина, а глубокие раны мои свербят.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Переводы:

Варианты данной висы дважды переводились на русский язык — С. В. Петровым в «Поэзии Скальдов» и О. А. Смирницкой в «Круге Земном».

Новый перевод первого хельминга данной висы в редакции Хауковой Книги специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом. Ему же принадлежит перевод второго хельминга данной висы в редакции Книги с Плоского Острова.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
emkak rauðr, en rjóðum	Лик погас, но близок
ræðr grönn kona manni;	Ласок час Костлявой.
járn stendr fast et forna	Встрял зубец, стреножа
fenstígi mér benja;	Рвоту ран, заржавлен.
þat veldr mér, en mæra	Променял ли Меньи
marglóðar nú tróða,	мел остатний — метки
djúp ok danskra vápna	Датских стрел и бури
Dagshríðar spor svíða.	Дня саднят мне дюже.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 40 по Книге с Плоского Острова

1. Контекст:

Тормод получил при Стикластадире смертельную рану, но люди долгое время об этом не догадываются. Наконец, лекарка решает осмотреть рану и пытается вытащить железо, но это не удается, пока мясо вокруг него не вырезали. Тогда Тормод сам вытащил стрелу клещами и увидел, что на стреле остались волокна его сердца. Тогда Тормод сказал вису и упал на землю мертвый.

2. Т е к с т:

И когда Тормод это [волокна сердца] увидел, он сказал:

— Хорошо кормил нас конунг: у этого мужика жир даже в глубине сердца.

Затем Тормод сказал вису:

emkak rauðr en rjóðum
ræðr grönn Skögul manni
haukasetrs en hvíta,
hyggr fár of mik sáran;
hitt veldr mér, at meldrar
morðvenjanda Fenju
djúp ok danskra vápna
Dagshríðar spor — svíða.

Сказав это, он умер, стоя возле изгороди, и упал не прежде, чем умер.

Харальд конунг, сын Сигурда закончил вису, которую сложил Тормод.

— «Следы Бури Дня свербят», сказал он,— «Скальд, должно быть, хотел сказать так».

3. П о с л о в н ы й п е р е в о д:

Не-есмь-я красный, но багряным
правит худощавая Скегуль мужем
насеста ястреба белая
думает мало-кто обо мне раненом;
то-ж причиняет мне, что помола
привычному умерщвлять Феньи,
глубокие и датского оружия
Бури Дня следы — [свербят].

4. Р а з в е р т к а:

Я не есмь красный, но худощавая Скегуль нанеста ястреба правит багряным мужем; мало-кто думает о мне раненом (1—4);

Мне, привычному умерщвлять помола Феньи, причиняет то-ж, что глубокие следы датского оружия и Бури Дня свербят (5—8).

5. С и н т а к с и с:

мало кто думает о мне раненом — однозначно толкуется как: «мало кто думает, что я ранен»;

привычному умервщлять … — дат. п., который согласуется с *мне*, т. е. скальд говорит о себе «я, привычный»;

Местоимение *то-ж* носит предваряющий характер и относится к пропозиции второго хельминга «следы бури дня свербят».

6. Поэтика:

Скёгуль — имя валькирии, *насест ястреба* ⇒ РУКА; *Скёгуль насеста ястреба* ≡ Скёгуль руки ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ лекарка.

привычный умерщвлять — скальдический неологизм, букв. «уморопривычный». *Помол Феньи* ≡ ЗОЛОТО; *Фенья* — мифическая великанша. Фенья и Менья являются персонажами эддической «Песни о Гротти», где рассказывается о волшебной мельнице; *уморопривычный помола Феньи* — двойной кеннинг со смещением: умерщвляющий ЗОЛОТО ≡ МУЖ ⇒ Тормод. Данный кеннинг тоже является аллюзией, соединяющий Тормода с эпическим миром: *золото* — одновременно и рок, судьба, *мельница Гротти,* которой заправляет *Фенья,* — это мельница судьбы, а *песнь* Феньи и Меньи — пророчество о грядущей судьбе. «Привычный умерщвлять помол Феньи» — решительно определяющий свою судьбу скальд, а жизнь — это обладание ЗОЛОТОМ. Поэтому закономерно, что Тормод, расставаясь с жизнью, передает лекарке и свое золотое запястье, которое подарил ему конунг, согласно скальдической терминологии = ЩЕДРЫЙ, ДЕЛИТЕЛЬ СОКРОВИЩ.

7. Смысл:

Я не красен, а стройная женщина правит румяным мужем; мало кто думает, что я ранен.

Мне причиняет боль, что мои глубокие раны свербят.

8. Размер:

Дротткветт:

9. Аутентичность текста.

Мы считаем первоначальными строки 1—4 в рукописи по «Хауковой Книге». Замена «худощавой жены» на «Скёгуль насеста ястреба» в других вариантах висы говорит о непонимании текста: исчезает аллюзия с Хель и кеннинг РАНЫ в 4-й строке[53]. К тому же, неполная рифма в 3-й строке текста вставки h*auk*asetrs in hv*ít*a очень подозрительна.

Напротив, текст строк 5—8 выглядит достовернее в Книге с Плоского Острова: кеннинг с именем Феньи сохраняет драматическую интонацию, в отличие от «славной перекладины мореугольев» Хауковой книги — скорее всего, это такая же прозаизация, как «Скёгуль насеста ястреба». Вариант этот мог возникнуть и в результате механической порчи текста, так как в оригинале при замене кеннинга меняется только смысл строчек 5—6, а метрический рисунок полностью сохра-

[53] Между обеими редакциями были промежуточные варианты. Ср. выше подробный разбор одного из них, зафиксированного в тексте «Легендарной Саги об Олаве Святом» в примечании 10.

няется. Наконец, синтаксис служебных слов («это/то-ж», «но/что») выглядит более осмысленным по варианту Книги с Плоского Острова.

Константой второго хельминга в обоих случаях служит последняя строка (точнее, строки 7—8) с последним словом svíða «свербят», аллитерирующим со словом spor «следы» и выражением «буря дня».

Отдельную проблему составляет вопрос о том, сколько вис сказал Тормод перед смертью. Во всех сагах об Олаве Святом. а также в Книге с Плоского Острова, приводится виса № 39, которая содержит обращение к слушательнице и кеннинг женщины *липа соколиной земли* ≡ *липа* РУКИ. Вероятно, он и послужил основой для конъектуры со *Скёгуль насеста ястреба*. Кроме того, скальд в висе № 39 говорит в первом хельминге, что *мало кто становится красив от ран*, эти слова, возможно, послужили основой для 4-й строки 40-й висы *мало кто думает о мне раненом*. Вместе с тем, не исключено, что виса № 39, в свою очередь, является апокрифической. Композиция обеих вис почти однотипна: первые строчки строятся как ответ на вопрос, почему «ты так бледен», а уточнение ответа — «я получил тяжкие раны, железо язвило крепко» приходится на второй хельминг. Поэтому Снорри в «Круге Земном» позволил себе поменять висы № 39 и № 40 местами, сохранив сцену с лекаркой. Заключительной висой при этом становится № 39. «Сага о Названных Братьях», однако, строится как рассказ о Тормоде, а не об Олаве, поэтому из двух вис рассказчик на последнее место поставил более выигрышную, связанную с легендой об угадывании последнего слова. Эта легенда завершает не только сцену, но и всю сагу.

Рассказчик саги в Книге с Плоского Острова стремился согласовать свой текст с текстом известных ему королевских саг и сохранил обе висы, при том в редакциях, совпадающими с редакциями королевских саг. Рассказчик саги в «Хауковой Книге» мог просто выбросить вису № 39, так как она была чересчур похожа на финальную и замедляла темп повествования.

Наиболее вероятно, что в XI в. с именем Тормода уже связывались обе висы, однако не существовало точных рассказов о том, при каких обстоятельствах он их произнес. Древность № 40 подтверждается недоразумением с «бурей дня» и рано возникшими разночтениями. Не исключено, что в первоначальной редакции Стикластадирского эпизода были обе висы, однако писцу «Хауковой книги» был известен уже испорченный текст строк 5—8. Это одно из двух расхождений между двумя редакциями «Саги о Названных Братьях»: второе состоит в том, что висы № 37—38 в «Книге с Плоского острова» переставлены местами. С другой стороны, в королевских сагах («Круге Земном») приво-

дится искаженный вариант строк 1—4. Это говорит о том, что оба варианта рано были освящены авторитетом традиции.

10. П е р е в о д ы:

Варианты данной висы дважды переводились на русский язык — С. В. Петровым в «Поэзии Скальдов» и О. А. Смирницкой в «Круге Земном», 1980 г.

Новый перевод первого хельминга данной висы в редакции Книги с Плоского Острова специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
emkak rauðr en rjóðum ræðr grönn Skögul manni haukasetrs en hvíta, hyggr fár of mik sáran; hitt veldr mér, at meldrar morðvenjanda Fenju djúp ok danskra vápna Dagshríðar spor — svíða.	— Краше в гроб — не горбись надо мной, с багровым лбом, любезна Скёгуль соколиной балки.

© Ф. Б. Успенский, 1999

4.1.6. Тормод Скальд Чернобровой: висы №№ 8, 19, 28.

В «Саге о Названных Братьях» приводятся несколько вис Тормода, которые трудно отнести к каким-либо циклам, восстанавливаемым на основе текста саги. Одну из этих вис (№ 8) рассказчик саги поместил в сцену покушения на Тормода. Комментаторы саги, по не вполне понятным нам причинам, сомневаются в правомерности этого решения: виса содержит нестандартный кеннинг наемного убийцы, который из всех персонажей саги логично отнести именно к Кольбаку, слуге Гримы с Залива, который нанес Тормоду увечье. Виса № 19 известна также по «Пряди о Тормоде»: в обеих текстах она помещена в сцену первого знакомства Тормода с Олавом Святым. Наконец, виса № 28 приурочена к ситуации возвращения Тормода из Гренландии ко двору Олава; Тормод жалуется на то, что конунг предпочитает ему некого Грима, и разъясняет конунгу, что тот злодей и наемный убийца. Во всех трех случаях текст висы служит весьма емким добавлением к описанной в прозе ситуации и вносит в нее оригинальные мотивы, которые рассказчик не улавливает, либо (что менее вероятно) предпочитает не комментировать.

Виса № 8

1. Контекст:

Тормод возвращается домой после свидания с Тордис из Залива. По дороге на него нападает наемный убийца, которого посылает мать Тордис, Грима. По утверждению саги, Грима — ведьма, и именно ее колдовство защищает убийцу (его зовут Кольбак) при встрече с Тормодом: Тормод не может поразить Кольбака мечом, а Кольбак первым же ударом сильно ранит Тормода. Тормод приходит домой, и его отец Берси спрашивает его, что случилось. Тормод отвечает ему.

2. Текст:

Берси сказал:

— Было ли так, что Кольбака не брало железо?

Тормод отвечает:

— Много раз рубил я его мечом, и от меча было толку, что от китового уса.

Берси сказал:

— Вот оно, бесовство Гримы.

Тормод сказал вису:

Hrundar bark af hendi
hjaldr — urpum þá skjaldi —
söngs höfum sár of fengit
siklings — flugu miklu;
nærgis hrafns of hefna
hlunns glapvígum runni
umbnýsandi ósa
örr kyndils mák sára.

Берси сказал:

— Так оно и есть. И когда имеешь дело с троллем, неясно, удастся ли за этот позор расквитаться.

3. Пословный перевод:

Хрунд сбил-я с руки
треп — бросили-мы потом щит,
песни получили-мы рану
сиклинга — покушение злое;
где-бы ворона отомстить
сходней подло-разящему кусту
ищущий устья
щедрый свечи мог-я за раны.

4. Развертка:

Я сбил с рук треп Хрунд, злое покушение; потом мы бросили щит; мы получили рану песни сиклинга (1—4);

Где бы я, щедрый устья свечи, мог, ищущий отомстить пдоло-разящему кусту ворона сходней (*5*—*8*);

5. Синтаксис:

Первый хельминг строится по типу замыкания — последние слова представляют собой приложение к начальной синтагме, т.о., «треп Хрунд» и «злой налет» — кореферентные группы: в начале четверостишия стоит кеннинг БИТВЫ, а в конце — прямой номинацией — сообщается, что данная битва относится к категории «покушение», причем присутствует оценочное слово.

Во втором хельминге друг на друга накладываются два предложения с общим субъектом:

1) *я… щедрый устья свечи*; 2) *я…ищущий отомстить зловредному кусту…* Тонкость состоит в том, что оба предложения с кеннингами представлены как именные группы, в то время как в действительности второе из них содержит основной предикат — «*я ищу случая отомстить». И наоборот, глагольная группа оказывается свернутой — *где бы я мог* вместо полного **где бы я мог ОТОМСТИТЬ ЕМУ*. В итоге получается интонация вздоха, далекая как от утверждения, так и от открытой декларации намерений, ср. *я ХОЧУ отомстить*; *сбил с рук* ≡ отвел от себя;

6. Поэтика:

Хрунд — валькирия; *треп* (болтовня) Хрунд ≡ БИТВА; кеннинг не вполне обычен и употреблен нестандартно — скальд говорит, что *отвел от себя треп Хрунд*, т. е. как бы не согласился с речами валькирии. Не исключено, что Хрунд — это Грима, мать Тордис, по крайней мере, такая аллюзия возникает при чтении.

бросили мы ≡ я бросил (pluralis majestatis);

сиклинг ≡ ВОЖДЬ (хейти, известное также по песням «Старшей Эдды»), *песнь сиклинга* ≡ БИТВА. Кеннинг имеет аналоги; в качестве определения изредка выступают слова, связанные с речью или пением; не следует забывать, что пение связано с колдовством (шире — с ритуалом);

Кольбак был подослан Гримой и мог быть отнесен к категории flugumaðr «наемный убийца»; слово fluga «*покушение, налет*» — от того же корня;

подло-разящий куст ворона сходней — МУЖ (двойной кеннинг); *подло-разящий* — характеристика наемного убийцы: Кольбак напал на Тор-

мода вероломно; *ворон сходней* ≡ КОРАБЛЬ, *куст* корабля ≡ МУЖ ⇒ Кольбак;

ищущий отомстить, букв. «выискивающий нового случая» — неологизм Тормода;

Щедрый устья свечи ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *свеча* — один из видов ОГНЯ, поэтому слово «свеча» есть хейти ОГНЯ, *огонь устья* ≡ ЗОЛОТО (поскольку слово «устье» — хейти МОРЯ, а *море* есть стандартное определение кеннингов золота); *щедрый* (на) золото — стандартный кеннинг МУЖА, прилагательное и причастие могут выступать в роли опорного слова. Итак, *щедрый на золото* ≡ МУЖ ⇒ Тормод;

7. Смысл:

Я отбился от злого покушения, получив рану; затем мы бросили щит. Где бы я, щедрый раздатчик золота, мог бы отомстить подлому убийце!

Гвюдни Йоунссон и Бьярни Эйнарссон[54] предположили, что виса была произнесена при других обстоятельствах. По нашему мнению, для этого мнения нет явных оснований. Правда, возможно, что виса сочинена не Тормодом, а кем-то из знаменитых скальдов.

8. Размер:

Дроттквәтт.

9. Сохранность текста:

Виса есть лишь в двух редакциях саги (*MR*). Она дошла до нас в сильно искаженном виде.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Новый перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld	**Тормод Скальд Чернобровой**
Hrundar bark af hendi	Ропот Хрунд отбросив,
hjaldr — urpum þá skjaldi —	щит швырнул в сторонку,
söngs höfum sár of fengit	с сиклинга напевом
siklings — flugu miklu;	совладав насилу.
nærgis hrafns of hefna	Отомстит ли татю —
hlunns glapvígum runni	лихоимцу барки
umbnýsandi ósa	искуситель свечки
örr kyndils mák sára.	устья ран оружьем?

© А. В. Циммерлинг, 1999

[54] Íslenzk Fornrit II, 1943, p.165.

Тормод Скальд Чернобровой, виса № 19

1. Контекст:

Тормод Скальд Чернобровой впервые приходит к конунгу Олаву Святому. Конунг узнает, что Тормод — названный брат его дружинника Торгейра и разрешает Тормоду остаться при нем. Конунг говорит, что был бы рад, если бы за Торгейра отомстили. Тормод отвечает висой:

2. Текст:

þarf sás þér skal hvarfa
þengill, fyr kné lengi
— svarar hógliga hverju —
hugborð — konungr orði;
fáir erum vér, né frýju
frændr, órum þó vændir
— minnumk meir á annat
mitt starf — konungdjarfir.

Конунг сказал:

— стихи твои могут доставлять радость (= быть забавны).

3. Пословный перевод:

нужен тот-кто тебе должен бродить,
пук, пред коленями долго
— отвечает вежливо на любое —
стол духа — конунг слово;
немногие есть мы, не хулой
родичи были все-же покрыты
— помнится-мне больше об иной
моей работе — отвагой равны конунгам.

4. Развертка:

Нужен стол духа [тому], кто должен долго бродить тебе пред коленями, [о] пук; конунг вежливо отвечает на любое слово (1—4);

Немногие есть мы, родичи, отвагой равны конунгам, хулой все же не были покрыты. Мне помнится больше об иной моей работе (5—8).

5—6. Синтаксис и поэтика:

Эта виса Тормода содержит всего один кеннинг, но отличается сугубой усложненностью синтаксиса: скальду удается настолько запутать смысл хельмингов, что он остается неясным, пока не произнесено их последнее слово. Отчасти именно это конунг Олав, очевидно, считает «забавным» (vera gaman at).

Напротив, скальд (несомненно, специально) совершенно не стремится здесь к изобретению новой лексики. Так, назвав Олава конунга стереотипным (и потому легко узнаваемым) хейти *пук*, он тут же открытым текстом именует его *конунгом* в строке 4.

пук ≡ ВОЖДЬ ⇒ Олав; древнеисландское слово значит «большая морская водоросль»;

стол духа ≡ ГРУДЬ — мужество (которое находится в груди, в сердце). Собственно, значение «мужество» присуще и отдельно взятому слову hugr «дух»≡ присутствие духа, так что кеннинг носит замкнутый характер;

Выражение *пред коленями тебе* следует читать как «перед твоими коленями»; замена род. п. на дат. п. сама по себе поэтизмом не является, но чтение усложняет. *Пук* — это обращение к конунгу, поэтому оно не согласуется в падеже с «тебе». *Бродить перед коленями конунга* ≡ штамп, который означает: *быть приближенным конунга, состоять у него на службе*.

Главный предикат первого хельминга — *нужен стол духа*. Субъект к нему — весь оборот «*тот, кто должен бродить…*» в подлиннике глагол þarf сочетается с имен.п., поэтому Тормод нарочно приводит три формы, которые могут выступать в функции именительного падежа — «*пук*», «*тот-кто*» и «*стол духа*».

Литературный перевод:

a) *Тому, кто должен бродить пред твоими коленями… нужен стол духа*; или

b) *Если кто должен бродить…ему нужен стол духа*;

Вставная реплика — *конунг вежливо отвечает на любое слово* является своего рода речевым действием — Тормод ставит конунгу на вид, что на его, Тормода, речи, он должен отвечать вежливо.

Если в первом хельминге Тормод говорит, чего именно он ожидает от конунга, то во втором он рекомендует себя в качестве кандидата в дружину.

немногие есть мы…отвагой равны ≡ *немногие из нас, родичей, отвагой равны конунгам*. Это высказывание двусмысленно. Либо —

a) *Немногие из нас, родичей, годятся по своей отваге служить конунгам* (*скальд в их числе*), либо —

b) *Немного нас в роду, таких как я, отвагой равных конунгам/ готовых служить конунгам*;

Тормод лукаво играет с обоими смыслами, добавляя многозначную реплику помнится *мне больше об иной//моей работе*. Неясно, однако, какой: рыбака, скальда, воина?

В любом случае надежность Тормода гарантируется тем, что «*мы… все же…не…были…покрыты…хулой в нашем роду*».

7. Смысл:

Тому, кто должен долго служить тебе, требуется мужество; конунг вежливо отвечает на любое слово.

Нас родичей, готовых служить конунгам, немного, но мы не покрыли себя хулой. Мне больше помнится об иной моей работе.

8. Размер:

Дротткветт. В первой строке рифма полная. В пятой строке неполной рифмы либо нет, либо она неканоническая: **air : ryj**. В этой же строке, если принять чтение без элизии, оказывается восемь слогов, а в третьей — семь, причем первый иктус приходится на слово из двух кратких слогов.

9. Сохранность текста:

Данная виса приводится также в сцене первого знакомства скальда с конунгом Олавом — в «Пряди о Тормоде». Тем самым, она является своего рода поэтическим воплощением идеи социального контракта.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

þarf sás þér skal hvarfa
þengill, fyr kné lengi
— svarar hógliga hverju —
hugborð — konungr orði;
fáir erum vér, né frýju
frændr, órum þó vændir
— minnumk meir á annat
mitt starf — konungdjarfir.

Тормод Скальд Чернобровой

Не утратит свита
— привечает каждым —
княжья кладезь воли
— словом слуг владыка.
Не радела сродня
для двора, но ровней
— чту труды иные —
встану среди гриди.

Тормод Скальд Чернобровой, виса № 28

1. Контекст:

Тормод отомстил в Гренландии за смерть Торгейра сына Хавара и вернулся в дружину Олава. Конунг не благоволит к нему, потому что пока Тормод странствовал, некто Грим убил в Исландии Торарина Дерзкого до того, как Тормод убил в Гренландии Торгрима Тролля.

Тормод завидует Гриму и сообщает конунгу, что Грим — уголовник, наемный убийца.

2. Текст:

А Тормод знал про Грима, что тот негодяй и умертвил человека в Исландии. Конунг сказал:

— Уверен ли, что ты стяжал себе в Гренландии больше славы, чем Грим в Исландии?

— Конечно,— говорит Тормод.

— Как ты можешь это доказать? — сказал конунг.

Тормод сказал вису:

Ér fenguð fé fleira
— flím 's opt kveðit — Grími
mér ok miklu færa,
mæringr, an þörf væri.
hann hefr hunds verk unnit
— hvinn gerir slíkt at vinna —
mætr, en mennsku bœttak
mína, gramr, ok þína.

3. Пословный перевод:

Вы вручили денег больше
— стих-хулу часто слагают — Гриму,
мне же много меньше,
витязь, чем нужда была-бы.
Он выполнил пса работу
— тать творит таковые дела —
знатный, но почесть умножил-я
свою, князь, да твою.

4. Поэтика:

Данная виса относится к числу наиболее простых в корпусе, приписываемом Тормоду — кеннингов в ней вообще нет, да и синтаксис ее тоже совпадает с общеязыковым синтаксисом.

стих-хула — (flím) — жанр хулительных, оскорбительных стихов;

витязь (mæringr) — эддическое хейти ВОЖДЯ;

пса работа — видимо, работа наемного убийцы: в «Пряди о Тораринe Дерзком», где рассказывается о том же Гриме (правда, там он назван *Грейп*[55]), он назван рабом Торарина Дерзкого. Там же есть наме-

[55] Возможно, что указания «Пряди о Торарине» и «Саги о Названных Братьях» не противоречили друг другу, и что имя *Грейп* (что значит «Хват») в тексте пряди возникло не путем искажения имени Грим, а несколько иначе: наемного

ки, что Гриму за убийство хозяина дали деньги. Тормод подчеркивает, что он, в отличие от Грима, действовал бескорыстно, исполняя свой долг;

тать (лиходей) — крепкое слово, возможно, выступавшее в качестве ругательства;

почесть — весьма вероятно, что это внешне неприметное слово (mennska) является ранней калькой куртуазного термина;

5. Смысл:

Ты, конунг, не по заслугам вознаградил негодяя и принизил заслуги своего дружинника: такие вещи дают повод хулительным стихам.

6. Размер:

Дроттквеп. В начальных строках каждого хельминга тройная аллитерация.

7. Сохранность текста:

Текст висы дошел до нас с некоторыми искажениями и разночтениями. С учетом формальной простоты висы, данный факт свидетельствует о длительном периоде бытования висы до записи.

8. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld

Ér fenguð fé fleira
— flím 's opt kveðit — Grími
mér ok miklu færa,
mæringr, an þörf væri.
hann hefr hunds verk unnit
— hvinn gerir slíkt at vinna —
mætr, en mennsku bœttak
mína, gramr, ok þína.

Тормод Скальд Чернобровой

Наградили Грима
— едок стих недаром —
не в пример щедрее,
чем меня, без нужды.
Справил пса работу
лиходей ретивый,
я ж умножил славу
и свою, и княжью.

© А. В. Циммерлинг, 1999

4.2. Апокрифические тексты, приписываемые Тормоду

В составе «Саги о Названных Братьях» есть несколько вис, по отношению к которым авторство Тормода вызывает серьезные сомнения.

убийцу могли звать *Грим Грейп*, т. е. *Грим Хват*, а рассказчик «Пряди о Торарине» переосмыслил первоначальное прозвище *Грейп* как личное имя.

Наверняка апокрифической является виса № 25: она есть лишь в тексте редакции *F* в составе куска, считающегося поздней вставкой; эта виса иллюстративна и по стилю резко отличается от стихов Тормода. Наиболее вероятная датировка создания висы — XIII—XIV вв. По отношению в висам №№ 9, 36, 37, 38, 39 прямых доказательств того, что они сочинены не Тормодом, нет. Последние четыре висы относятся к Стикластадирскому эпизоду и сохранились также в «Легендарной Саге об Олаве Святом»; виса № 39, кроме того, есть в составе «Круга Земного», а строка из висы 37 цитируется в Третьем и Четвертом грамматическом трактатах. Вместе с тем, многие детали поэтики этих вис заставляют подозревать, что они связывались с именем Тормода по мере того, как оформлялась сага о нем. Висы №№ 36—39, в любом случае, старше как письменного текста «Саги о Названных Братьях», так и письменного текста «Легендарной Саги об Олаве Святом». Виса № 9, вероятно, тоже была сложена еще в дописьменную эпоху. Остается добавить, что за пределами «Саги о Названных Братьях» и «Пряди и Тормоде» имеется еще три висы, приписываемых Тормоду, но все они, как считается, сложены другими лицами[56]. Очевидно, что сочинение апокрифических стихов, приписываемых Тормоду, равно как присваивание Тормоду вис, сложенных другими скальдами, объясняется тем, что его посмертная репутация в XI—XII вв. была стабильно высокой.

Виса № 9

1. Контекст:

Тормод сын Берси сочинил стихи о своей подруге Торбьёрг Черная Бровь, назвав их Висами Черных Бровей. Затем он вернулся к своей прежней подруге, Тордис из Залива, и ради примирения переадресовал стихи ей, подправив их в нужных местах. После этого Торбьёрг явилась Тормоду во сне, наслала на него болезнь и грозила самым худшим, если Тормод прилюдно не восстановит справедливость.

2. Текст:

И когда все, кроме Тормода, встали, Берси подошел к Тормоду и спросил, не болен ли он, раз он не встает, как привык.

[56] Одна виса содержится в «Пряди о Вёльси», а две — в «Легендарной Саге об Олаве Святом»; по мнению Йоунаса Кристьяунссона, последние две висы приписывались Тормоду еще в предшествующей версии «Саги об Олаве», т.н. «Старшей Саге»: Jónas Kristjánsson. Um Fóstbræðrasögu. Reykjavík, 1972, p. 102. Снорри Стурлусон в «Круге Земном» приводит эти висы в «Саге об Олаве Святом», но приписывает их Харальду Суровому (CCIX) и Гицуру Золотые Ресницы (CCVI).

Тормод сказал вису:
illa réðk þvít allar
eydraupnis gafk meyju
— mér barsk dóms í drauma
dís — Kolbrúnar vísur;
Þá tókk þorna Freyju
— Þrúðr kann mart en prúða;
líknumk heldr við Hildi
hvítings — á mér víti.

3. Пословный перевод:
плохо решил-я, когда все-их
запястья островов дал-я деве
— мне явилась суда (приговора) во сне
— дис — Кольбрун (род. п. ж. р.) висы;
Тут принял-я шипов Фрейи
— Труд может много — гордая;
замириться-мне лучше с Хильд
беленного рога — на себе пеню.

4. Развертка:

Я плохо решил, когда я дал деве запястья островов все висы Кольбрун (т. е. Чернобровой); дис суда явилась мне во сне (1—4);

Тут принял я на себе пеню Фрейи шипов (застежек); гордая Труд может много(е). Мне лучше замириться с Хильд беленного рога (5—8).

5. Поэтика:

дева запястья островов ⇒ ТОРДИС (индивидуальный кеннинг, который не может быть приложен к любой женщине, так как предполагает идентификацию референта); *Запястье* (в подлиннике — Драупнир, имя собств.,— кольцо Одина) островов ≡ МОРЕ, а в качестве хейти МОРЯ выступают слова типа *волны*, *пролив*, *заводь*. Хутор Тордис носит имя *Залив*, следовательно *дева Залива* ≡ барышня с данного хутора ⇒ Тордис;

Дис(*а*) ≡ демоническое существо женского рода, сродни норне. *Дис суда* = вершащая суд Дис ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Торбьёрг Черная Бровь (кеннинг); Кольбрун т. е. *Черная Бровь* — ее прозвище;

Фрейя — богиня; *Фрейя застежек* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Торбьёрг; *шип* — хейти застежки (синонимическая замена по принципу синекдохи);

Труд — валькирия; *гордая Труд* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Торбьёрг (кеннинг или полукеннинг);

Хильд — валькирия; *Хильд беленного рога* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ Торбьёрг (кеннинг); *беленный* — отполированный до блеска, сияющий; данный эпитет применяется также по отношению к МЕЧУ;

6. Смысл:

Я поступил скверно, отдав все Висы Черных Бровей барышне с Залива: гневная женщина (Торбьёрг) явилась мне во сне. Я испытал на себе наказание Торбьёрг — она способна на многое. Мне нужно поладить с ней.

7. Размер:

Дротткветт. В пятой строке рифма отсутствует.

8. Сохранность текста:

Виса имеется во всех основных редакциях саги. Тем не менее, в последние годы высказывается мнение об ее апокрифическом характере. Бьярни Эйнарссон предположил, что прозвище Kolbrún «Черная Бровь» могло относиться к самому Тормоду, и что рассказ о наречении прозвища, о малодушии поэта и о предупреждении во сне вторичен и представляет собой вариацию известного европейского бродячего сюжета[57]. С другой стороны, Йоунас Кристьяунссон усомнился в подлинности висы на том основании, что в ней много кеннингов ЖЕНЩИНЫ, которые в прочих висах Тормода почти отсутствуют. Стоит заметить, что первый аргумент Бьярни Эйнарссона — о мотивированности прозвища внешностью самого скальда — труднодоказуем и недостаточно подкреплен текстуально. В то же время отсутствие кеннингов ЖЕНЩИНЫ в висах Тормода может объясняться тем, что они просто не предполагали контекстов для их появления. Более важно то, что виса № 9 иллюстративна и мало что добавляет к прозаическому комментарию саги. Шифровка имени «Тордис из Залива» следует стандартным и, видимо, широко известным образцам, но другие источники не подтверждают ни местожительства Тордис, ни вообще ее реального бытия: очевидно, личные имена и названия хуторов рассказчик почерпнул не из стихов скальдов, а из местных преданий.

Мансёнг Тормода «Висы Черных Бровей» не сохранился, но было бы ошибкой на этом основании отрицать, как это делает Бьярни Эйнарссон, что он вообще существовал: похабные и легкомысленные стихи записывались лишь тогда, когда они увязывались с важными для всего общества событиями (например, возникла распря и погибло много людей). Грубое слово или табуированное выражение интересует сагу прежде всего *в ситуации произнесения* — в качестве цитаты оно во многом теряет свою силу. Рассказчику саги необходимо разъяснить аудитории, какие обстоятельства привели к появлению табуированного

[57] Bjarni Einarsson 1982. Um Þormóð skáld og unnusturnar tvær. // Gripla, V. Reykjavík, Stofnun Árna Magnússonar, p. 66—76.

текста: тогда снятие табу станет изюминкой висы [Ср. висы [11] 27, 31]. Виса № 9 такой изюминки лишена и не может индивидуализировать ситуации. Поэтому аргументов в пользу ее вторичности все же больше, нежели в пользу ее подлинности.

Хейти hvítingr «белитель» встречается в висе № 36, для которой авторство Тормода также вызывает серьезные сомнения. Правда, комментаторы висы № 9 приписывают слову hvítingr значение «рог» на том основании, что оно встречается в кеннинге ЖЕНЩИНЫ, а в висе № 36 — в значении МЕЧ. Однако кеннинг *ХИЛЬД МЕЧА* вполне уместен в контексте рассказа о ведьме, валькирии, какой является Торбьёрг Черная Бровь, поэтому представляется возможным дать слову hvítingr в обеих апокрифических висах единое толкование.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод выполнен специально для настоящего издания Ф. Б. Успенским.

Þormóðr Kolbrúnarskáld (?)	**Тормод Скальд Чернобровой (?)**
illa réðk þvít allar	Дурно я задумал
eydraupnis gafk meyju	дав обручий деве
— mér barsk dóms í drauma	островных — явилась
dís — Kolbrúnar vísur;	дис суда — все висы.
Þá tókk þorna Freyju	Поделом мне пеня
— Þrúðr kann mart en prúða;	Фрейи пряжек. Дюже
líknumk heldr við Hildi	с Труд мне трудно сладить —
hvítings — á mér víti.	— Впору впрямь мириться.

Виса № 25

1. Контекст (см. вису 24):

Тормод только что убил Торгрима Тролля на тинге в Гренландии и скрылся с места убийства. Его друзья Скув и Бьярни расспрашивают о подробностях.

2. Текст:

Скув сказал:

— Наверно, так оно и есть. А был при этом вояка Фальгейр сын Тордис?

Тормод отвечает:

— Был он там.

Скув сказал:

— Он наверняка пришел в бешенство от убийства его родича Торгрима.

Тормод сказал вису:

Strengði þess á þingi
þarflyndr, ef mik fyndi
hölðr, at höggva skyldi
heit, lofgørðar veiti;
nær stóðk randa rýri
rekkr léztkat því þekkja
gótt's þats hulðar hetti
hefr faldit smiðr stefja.

3. Пословный перевод:

Дал в том на вече
своенравный, коли меня найдет
муж, зарубить должен
обет, хвалебных речей разносчика;
близ стоял-я щитов крушителя
воин не-смог того распознать
хорошо-то, что потайную шапку
набросил кузнец куплетов.

4. Развертка:

Своенравный муж дал на вече обет в том, что должен зарубить меня, разносчика хвалебных речей, коли найдет (1—4);

я стоял близ крушителя щитов — воин не смог распознать того; то хорошо, что кузнец куплетов накрылся потайной шапкой (5—8).

5. Синтаксис:

набросить потайную шапку — идиома, соответствующая русской «одеть шапку-невидимку». В древнеисландской прозе в том же значении чаще встречается слово huliðshjalmr «потайной шлем».

6. Поэтика:

своенравный муж ⇒ Фальгейр (саннкеннинг);

разносчик хвалебных речей ≡ СКАЛЬД ⇒ Тормод; *хвалебная речь* (хейти) — хвалебная песнь;

крушитель щитов ≡ МУЖ ⇒ Фальгейр

кузнец куплетов ≡ СКАЛЬД ⇒ Тормод;

7. Смысл:

Своенравный муж дал на тинге обет убить меня, коли найдет. Я стоял с ним рядом, но он этого не понял: хорошо, что скальда уберегла шапка-невидимка.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Аутентичность текста.

Виса представлена только в редакции *F*. Изучение гренландского эпизода саги показывает, что диалог о Фальгейре, предвосхищающий поединок Тормода с последним, является вставкой. Поэтика висы тоже не вызывает доверия — она чисто иллюстративна, все кеннинги в ней примитивны и не имеют аналогов в Драпе о Торгейре и в других стихах Тормода. В частности, Тормод нигде не использует по отношению к самому себе кеннинги скальда. Данная виса, была, скорее всего, присочинена в XIII—XIV вв. в целях достижения большей (по мнению рассказчика *F*) повествовательной связности.

10. Переводы:

Виса на русский язык не переводилась.

4.2.1. Стикластадирские стихи, связываемые с именем Тормода

Виса № 36

1. Контекст:

Смертельно раненый в битве скальд Тормод отвечает на вопросы лекарки.

2. Текст:

Женщина сказала Тормоду:

— Ты из людей конунга, или из войска бондов?

Тормод сказал вису:

Á sér, at vér vörum
vígreifr með Áleifi,
sár fekk heldr at hvöru
hvítings ok fríð lítinn;
skinn á skildi mínum,
skáld fekk hríð til kalda,
nær hafa eskiaskar
ørvendan mik görvan.

Женщина сказала:

— Если ранен, почему не даешь перевязать себе раны?

Тормод отвечает:

— У меня лишь те раны, что не требуют перевязки.

3. Пословный перевод:
Видит (всяк), что мы были
боерьян с Алейвом;
рану получал в миг каждый
белителя и мир малый;
блестит с моего щита,
скальд обрел вьюгу хладную;
почти-что смогли копьеясени
левшой меня сделать.

4. Развертка:

Всяк видит, что мы были боерьян(ы) с Алейвом; каждый получал вмиг рану белителя и мир малый (1—4);

блестит с моего щита, скальд обрел хладную вьюгу, копьеясени смогли почти что седлать меня левшой (5—8);

5. Синтаксис:

При форму pluralis majestatis *мы были* сказуемое *боерьян* стоит в единственном числе;

Видит всяк — в подлиннике безличное предложение со значением «видно, очевидно»;

блестит с моего щита — также безличное предложение со значением «щит несет следы ударов», «щит служит свидетелем моего поведения»;

в миг каждый — похожее клише со значением «уж конечно», «как водится» представлено в висе № 15 из «Драпы о Торгейре»;

получал… мир малый ≡ в течение всей битвы X бился с врагами;

почти смогли…левшой сделать; в подлиннике употреблена конструкция с формой перфекта ≡ *почти сделали меня левшой*;

6. Поэтика:

Алейв — архаичная торжественная форма имени *Олав*;

боерьян ≡ рьяный в бою (эпическое хейти);

белитель ≡ хейти МЕЧА; *рана белителя* ≡ *рана от меча*;

скальд изведал градин хлад… — в висах, бесспорно связываемых с именем Тормода он нигде не называет себя скальдом;

хладная вьюга ≡ жестокая БИТВА (хейти с эпитетом);

копьеясени ≡ МУЖИ; данное слово представляет собой кеннинг, обе части которого являются этимологически родственными словами; в подлиннике выбрано то обозначение копья, которое само образовано от слова «ясень». Обращает на себя внимание, что оба компонента неологизма аллитерируют между собой.

сделать меня…левшой; данная строка вызвала недоумение комментаторов, поскольку в саге рассказывается, что правую руку Тормод по-

вредил еще в молодости. В одной из гренландских вис (№ 24) Тормод характеризует себя как левшу вне связи с ранением. Финнюр Йоунссон предложил конъектуру ørendan mik görðan «сделали меня почти бездыханным», что звучит более осмысленно, но зато нарушает рифму.

7. Смысл:

Все могли видеть, как рьяно я сражался за Олава; я все время получал удары и раны от вражеских мечей — мой щит тому свидетель. Скальд был в жестокой битве — воины сделали меня почти что левшой.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Сохранность текста:

Виса представлена в двух редакциях «Саги о Названных Братьев» и в «Легендарной Саге об Олаве Святом». По своему характеру она иллюстративна, сплошь состоит из стандартных выражений и содержит всего один, притом плохо скроенный, кеннинг. Этим можно объяснить отсутствие висы, повествующей о поведении скальда в Битве, в «Круге Земном», где Тормод не является главным героем.

Неувязка со словом «левша», скорее всего, говорит о знакомстве (вероятно, поверхностном) с гренландскими висами Тормода и/или с содержанием «Саги о Названных Братьях», где сообщается, что у героя была повреждена правая рука.

Рифма víg/böð/hug-reifr með Áleifi «боерьян с Алейвом» с вариантом vígreifum Áleifi «боерьяному Алейву» известна по крайней мере с X в. и регулярно воспроизводится не только в 36-й и 37-й висах «Саги о Названных Братьях», но и в прочих стихах, посвященных Стикластадиру и сложенных позднее в 1030—40 гг. Сигхватом Тордарсоном и другими скальдами. Это говорит о том, что после битвы «стикластадирские стихи» были собраны, отредактированы и обработаны, и быстро возникла скальдическая историография события.

10. Переводы:

Виса ранее переводилась на русский язык О. А. Смирницкой в составе «Круга Земного», 1980 г. Новый перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld (?)	**Тормод Скальд Чернобровой (?)**
Á sér, at vér vörum	Видел всяк, как скопом
vígreifr með Áleifiá	шли в поля с Алейвом.
sár fekk heldr at hvöru	Язв не счесть, вестимо,
hvítings ok fríð lítinn;	— в пре секир несть мира.

skinn á skildi mínum,
skáld fekk hríð til kalda,
nær hafa eskiaskar
ørvendan mik görvan.

Скальд изведал градин
хлад, блестит слюдою
Щит мой, и лишь шуйцей
Меч вздымать могу я.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 37

1. Контекст: см выше.

2. Текст:

Женщина сказала:

— Кто из людей конунга бился сегодня всего лучше?

Тормод говорит:

Haraldr vas bitr at berjask
böðreifr með Áleifi,
þar gekk harðra hjörva
Hringr ok Dagr at þingi;
réðusk þeir und rauðar
randar prútt at standa
— fekk benþiðurr blakkan
bjór — döglingar fjórir.

3. Пословный перевод:

Харальд был остер биться
битворьян с Алейвом,
там шел твердых клинков
Хринг да Даг на тинге;
решились они за красными
щитами гордо стоять
— получил глухарь ран темное
пиво — витязей четверо.

4. Развертка:

Харальд, битворьян, был остер биться с Алейвом;Хринг там шел да Даг на тинге твердых клинков (1—4);

Они, четверо витязей, решились гордо стоять за красными щитами; глухарь ран получил темное пиво (5—8).

5. Синтаксис:

Хринг шел да Даг — согласование глагола с ближайшим словом;

Х был остер биться ≡ *был горазд биться*;

6. Поэтика:
тинг клинков ≡ БИТВА;
темное пиво ≡ КРОВЬ (хейти)
глухарь (птица) *ран* ≡ ВОРОН;
Хринг и *Даг* — легендарные конунги. Потомки Дага называются в эпической поэзии döglingar «витязи» — данное слово использовано в восьмой строке. Согласно сагам об Олаве, в битве при Стикластадире на стороне Олава сражался некий шведский конунг Даг сын Хринга.

7. Смысл:
Харальд был горазд биться с Олавом, Хринг и Даг отважно сражались. Четверо витязей были лучшими: ворон пил кровь на поле брани.

8. Размер:
Дротткветт.

9. Сохранность текста:
Данная виса известна по двум редакциям «Саги о Названных Братьях», а также по Третьему и Четвертому Грамматическим Трактатам. Можно предположить, что стимулом для записи послужила простота висы (в ней всего два элементарных кеннинга), сообщающей личные имена открытым текстом: Олав Белый Скальд в «Третьем Грамматическом Трактате» приводит последнюю строку висы *Даг и Хринг на тинге в* качестве примера «многосоюзия» (переводной эквивалент для et Terentius et Cicero в тексте грамматики Доната!), не упоминая, впрочем, имени Тормода[58]. В то же время набор этих имен наводит на подозрения о вторичности висы.

1) Конунгу *Харальду сыну Сигурда* в 1030 г. было 15 лет: весьма странно ожидать от участника битвы дифирамбов в его адрес, тем более что Харальд не был убит, но спасся бегством.

2) *Даг сын Хринга* — фигура мифическая, возникшая, как предполагают, в результате неправильного прочтения кеннинга «натиск (буря) Дня» висы Тормода № 40[59]. Следствием недоразумения является прозаический комментарий о человеке по имени Даг и о его *натиске* в Сагах об Олаве и в редакции «Саги о Названных Братьях» по Книге с Плоского Острова.

3) К. фон Зее указал, что имена Даг и Хринг служат эддическими аллюзиями, связывающими конкретную историческую битву с легендарными. Похожую функцию имя *Хринг* получает в висе Эгиля Скаллагримссона (№ 21 по нумерации «Саги об Эгиле»), посвященной Бит-

[58] Тем самым, данная строчка с неменьшим успехом могла быть взята из другой дротткветтной висы, сочиненной кем-то из скальдов прошлого.

[59] Ср. выше комментарий к висе № 40.

ве при Брунанбурге (937 г.); правда, комментаторы сомневаются в подлинности и этой висы[60]. В любом случае употребление имен *Дага и Хринга* в одном ряду с именами Олава и Харальда не стыкуется с прозаическим комментарием о роли Дага и переводит вису из разряда исторического свидетельства в разряд эпических стилизаций[61]. Именно этим естественно объяснять отсутствие данной висы в «Круге Земном» и ее наличие в пособиях по поэтике, какими являются 3-й и 4-й Грамматические Трактаты.

Вероятное время возникновения висы:

Наличие висы в разных источниках подтверждает наличие традиции изустной передачи стихов, независимой от традиции саги. Нижняя граница появления висы — эпоха Харальда Сурового, когда складывалась официальная легенда о Битве при Стикластадире, верхняя граница — первая половина XII века.

10. Переводы:

Виса ранее переводилась на русский язык О. А. Смирницкой в составе «Круга Земного», 1980 г. Новый перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld (?)

Haraldr vas bitr at berjask
böðreifr með Áleifi,
þar gekk harðra hjörva
Hringr ok Dagr at þingi;
réðusk þeir und rauðar
randar prútt at standa
— fekk benþiðurr blakkan
bjór — döglingar fjórir.

Тормод Скальд Чернобровой (?)

Яр, добавил Харальд
Жар полей с Алейвом.
Двиглись в стреме стали
С Хрингом Даг на тинге.
Пред полком на пажить
Княжича, ступили,
— пил глухарь густую
брагу ран — четыре.

Виса № 38

1. Контекст: см. выше.

2. Текст:

Тогда женщина еще раз спросила Тормода:

— Как бился сам конунг?

---

[60] Ср. сомнения С. Нордаля, изложенные в: Íslenzk fornrit, II, 146.

[61] Ср. в связи с этим также эпический синоним döglingar «князья», «витязи», стоящий во втором хельминге вне кеннинга, т. е. использованный как эддическое, а не как скальдическое хейти.

Тормод сказал вису:
Ört vas Áleifs hjarta,
óð fram konungr blóði,
rekin bítu stöl, á Stiklar
stöðum, kvaddi lið böðvar;
élþolla sák alla
jálfaðs, nema gram sjálfan,
— reyndr vas flestr — í fastri
fleindrífu sér hlífa.

3. Пословный перевод:
Щедро было Алейва сердце,
гнал вон конунг кровь,
Украшенные язвили стали, на Стиклар
стадире, призывал войско к бою;
вихресосен зрел-я всех
Яльфада, кроме вождя самого,
— испытан был каждый — в плотной
дротометели себя крывших.

4. Развертка:

Сердце Алейва было щедро; конунг призывал войско к бою, гнал кровь вон на Стикларстадире: украшенные стали язвили (1—4);

Я зрел всех вихресосен Яльфада, кроме самого вождя, крывших себя в плотной дротометели: испытан был каждый (5—8).

5. Синтаксис:

Границы предложений в первом хельминге не совсем ясны, хотя на смысле висы это непосредственно не сказывается. Мы предпочли отнести именную группу *на Стикластадире* ко второму предложению *конунг гнал вон кровь*. При таком чтении фраза «*сталь язвила*» остается стандартным клише, не передающим главной информации.

Я зрел всех [воинов] *крывших себя* ≡ *я зрел, что все воины укрывали себя щитами*;

6. Поэтика:

украшенные стали — оружие, украшенное золотом;

Стикла(р)стадир ≡ современное местечко *Стиклестад* в долине Верадаль; появление топонима в висе, якобы сказанной на поле боя, внушает комментаторам обоснованные подозрения в ее подлинности;

Яльфад — имя Одина; *вихресосны Яльфада* ≡ МУЖИ (двойной кеннинг со смещением); *вихрь Яльфада* ≡ БИТВА, *сосна БИТВЫ* ≡ МУЖ;

дротометель ≡ метель дротов ≡ БИТВА (кеннинг); *плотная* метель ≡ *жестокая битва*;

испытан был каждый — в подлиннике сказано чуть осторожнее — flestr т. е. «почти каждый»;

7. Смысл:

Сердце Олава было щедро. Конунг призывал своей войско к бою и сам обагрял свой меч. Дорогое оружие разило. Я видел, что все воины, кроме самого конунга, прикрывались в битве щитами; почти каждый смог проявить себя в битве.

8. Размер:

Дроттквет.

9. Сохранность текста:

Виса представлена в «Круге Земном», что не вызывает удивления, поскольку она служит посмертным панегириком Олаву. Неправдоподобная деталь — точное обозначение места битвы. Обращает на себя внимание стилистическая однородность вис 36—38: они прозаичны и бедны кеннингами, но зато изобилуют именами собственными.

10. Переводы:

Виса ранее переводилась на русский язык О. А. Смирницкой в составе «Круга Земного», 1980 г. Новый перевод специально для настоящего издания выполнен А. В. Циммерлингом.

Þormóðr Kolbrúnarskáld (?)

Ört vas Áleifs hjarta,
óð fram konungr blóði,
rekin bítu stöl, á Stiklar
stöðum, kvaddi lið böðvar;
élþolla sák alla
jálfaðs, nema gram sjálfan,
— reyndr vas flestr — í fastri
fleindrífu sér hlífa.

Тормод Скальд Чернобровой (?)

Встык при Стикластаде
Нудил люд владыка,
Щедр душой, на дышло
крови ток направив.
Защищался в тряске
трутней Тротта каждый;
Непреложно — вождь лишь
Не берегся в буре.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Виса № 39

1. Контекст:

Женщина-лекарка беседует со смертельно раненым Тормодом.

2. Текст:

Женщина спросила:

— Почему ж на тебе нет лица, если рана твоя небольшая?

Тогда Тормод сказал вису:

Undrask öglis landa
eik, hví vér erum bleikir;
fár verðr fagr af sörum,
fannk örva dríf, svanni;
mik fló malmr enn døkkvi
magni keyrðr, í gögnum;
hvasst beit hjarta et næsta
hættligt járn, es vættik.

3. Пословный перевод:
Дивится сапсана земли
липа, отчего мы бледны;
мало-кто становится красивым от ран,
я ощутил метель стрел, лебедь.
Меня пролетел металл темный,
мощно пущенный, насквозь;
крепко жалит сердца вблизи
опасное железо, как мню-я.

4. Развертка:

Липа сапсана земли дивится, отчего мы бледны; мало кто становится красивым от ран, я ощутил метель стрел, (о) лебедь (1—4);

Насквозь меня пролетел мощно пущенный темный металл; я мню, что опасное железо крепко жалит вблизи сердца (5—8).

5. Синтаксис:

Слово *лебедь* стоит в позиции обращения;

Виса имеет очень простой для дротткветтных стихов синтаксис: конец фразы совпадает с концом двустишия, а кое-где и с концом строки.

6. Поэтика:

сапсан ≡ разновидность соколов; *земля сапсана* ≡ РУКА (женская); *липа земли сапсана* ≡ ЖЕНЩИНА ⇒ слушательница висы Тормода;

метель стрел ≡ БИТВА;

7. Смысл:

Женщина удивляется, отчего я бледен: я был в битве. Мало кто становится от ран красивее. Меня пронзило оружие врага; смертельное железо засело рядом с сердцем.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Аутентичность текста.

Виса есть в тексте саги в редакции «Книге с Плоского Острова», а также в ряде саг об Олаве Святом. По своему содержанию виса почти

идентична последней висе в составе «Саги о Названных Братьях» — *Emkak raudr* (№ 40). В «Легендарной саге об Олаве» виса предшествует висе № 40, а в «Круге Земном» стоит после нее. Сличение текста вис свидетельствует о большей древности висы № 40: виса № 39 выглядит, как ее упрощенная парафраза или даже как попытка толкования. Кроме того, о большей древности висы № 40 свидетельствуют значительные расхождения между рукописями саг, где она представлена, в то время как виса № 39 везде обнаруживается примерно в одном и том же виде.

Теоретически можно предположить, что обе висы были сочинены одновременно, и что первая умышленно сделана более темной, а заключительная — простой, снимающей для читателя все точки над «i». Однако такая логика подтверждается лишь практикой расстановки вис в небольших циклах, посвященным памятным событиям — ср. например, висы из «Саги о Хромунде» — но не поэтикой самих скальдических стихов. Как показывает анализ, при внешнем сходстве вис 40 и 39 последней чужды многие архаичные мотивы, присущие оригинальной версии висы 40; поэтому крайне маловероятно, что обе висы были сочинены одним лицом и в одно и то же время.

О вторичности висы № 39 говорят следующие детали:

1) **Фигура слушательницы и кеннинг смерти.**

Виса № 39 содержит обращение к слушательнице — лекарке. В то же время упоминание «худощавой жены» в висе № 40 *H* относится к Хель и обозначает мотив любовной игры со смертью. При этом Хель в висе № 40 *H* не кеннинингуется. Появление кеннинга женщины «Скёгуль насеста ястреба» в редакции № 40 *F* знаменует собой тот же процесс порчи текста висы, приводящий к замене уникального по своей драматичности образа смерти на трафаретную фигуру земной слушательницы скальда, что кеннинг öglis landa eik «липа земли сапсана» в висе № 39.

2) **Бледность скальда.**

Фраза hví vér erum bleikir «(X удивляется), отчего мы бледны» является элементарной парафразой более сложного синтаксического комплекса, начинающего первый хельминг висы № 40 *H F*.

3) **Железо язвит.**

То же можно сказать о конечных строках второго хельминга, где фраза *«опасное железо жалит вблизи сердца»* является прозаичным эквивалентом заключительного кеннинга висы № 40 *H F «следы бури дня свербят»*.

4) **Мало кто думает…**

Имеется текстуальное совпадение между висами № 39 и № 40 *F*: *Мало кто думает, что я ранен* fár verðr fagr af sörum № 39 ср. *мало кто ду-*

мает обо мне раненом в №40 *F*. Появление вставного предложения с *мало кто* в обоих случаях почти наверняка является итогом порчи текста вследствие введения в начальный хельминг предсмертной висы Тормода кеннинга женщины. Для реконструкции первоначального облика данной висы релевантно чтение №401—4 *H*. Что касается генетического отношения №401—4 *F* и №39, то здесь более древней представляется первая из них.

10. Переводы:

Виса переведена на русский язык О. А. Смирницкой в составе «Круга Земного».

4.3. Эддические фрагменты в тексте «Саги о Названных Братьях»

Примечательной, почти уникальной особенностью «Саги о Названных Братьях» является большое число вкраплений, цитат и парафраз из эддической поэзии. Вероятные парафразы и аллюзии эддических песен расссмотрены выше в комментариях к стихам Тормода. Кроме того, рассказчик самой саги обнаруживает основательное знакомство с песнями Эдды, в первую очередь — с «Речами Высокого». В одной из редакций «Саги о Названных Братьях» (*F*) также цитируются две начальные строфы датской героической песни «Древние Речи Бьярки», которые, по преданию, произносит Тормод перед битвой при Стикластадире. Однако воспроизведение строф «Речей Бьярки», по мнению саговедов, следует поставить в заслугу не рассказчику «Саги о Названных Братьях», а рассказчику «Саги об Олаве Святом», откуда, предположительно, заимствован данный эпизод.

Гл. 11

1. Контекст:

Тормод сочинил хвалебную песнь о Торбъёрг Черная Бровь. Затем он возвращается к своей прежней подруге Тордис и посвящает песнь ей, изменив отдельные строфы. Торбъёрг является Тормоду во сне, уличает его во лжи и грозит ему.

2. Текст:

…Ныне я *отплачу тебе лихом за ложь* — у тебя откроется столь сильная и жестокая боль в глазах, что оба глаза выскочат у тебя из головы, если ты прилюдно не объявишь о своей подлости, что ты отнял у меня хвалебную песнь и отдал ее другой женщине.

3. Источник:

Сочетание *платить лихом за ложь* (gialda lausung vid lygi) дважды употреблено в «Речах Высокого»:

hlátr við hlátri scyli hölðar taca,
enn *lausung við lygi* (*Hav 42*, *4—6*)
«смехом (насмешкой) на смех должны мужи отвечать
а за ложь лихом»

fagrt scaltu við þann mæla, enn flatt hyggia
oc gialda lausung við lygi (*Hav 45*, *4—6*)
«должен с ним говорить ты красиво, а мыслить дурное
и платить лихом за ложь»

4. Размер:

Льодахатт. Данный размер близок к форнюрдислагу, однако, в отличие от него, является неравносложным: нечетная строка льодахатта идентична строке форнюрдислага, т. е. имеет четыре такта, по два в каждой краткой строке. Четная строка льодахатта имеет три такта и не делится на краткие строки. Льодахаттом сложено несколько песен «Старшей Эдды», наиболее известны из которых «Речи Высокого», а также ряд песен, близких к эддическим («Заклинание Гроа», «Песнь о Солнце»). Некоторые из этих песен считаются поздними (XIV—XV вв.), что свидетельствует об употребительности размера в исландской традиционной поэзии.

Высказывалось мнение, что строфика льодахата (две парные двухтактные краткие строки + одна непарная трехтактная строка) сложилась под влиянием аналогичной строфической формы, характерной для античной поэзии — т. н. элегического дистиха. Это представляется вполне вероятным с учетом того, что как латинские образцы элегического дистиха, так и льодахаттная древнескандинавская поэзия, в основном, может быть квалифицирована как гномические стихи — поучения слушателю, наставления адресату речи, собрание житейской мудрости.

Гл. 22

1. Контекст:

Тормод соблазнил в Гренландии женщину по имени Сигрид; ее сожитель Лодин ревнует Сигрид к Тормоду.

2. Текст:

И вот Лодину показалось, что Сигрид чересчур задерживается по вечерам в горенке; ему показалось, что она не так внимательна к нему

как раньше, и ему приходит на ум стишок, который сложили про ветреных женщин.

Á hverfanda hveli
vöru þeim hjörtu sköpuð,
brigð í brjóst um lagið.

3. Пословный перевод:

На вертящемся круге
было им сердце создано
непостоянство (уловки) в грудь вложено.

4. Источник:

«Речи Высокого», строфа *Hav 84*, *4—6*.

5. Размер:

Льодахатт.

6. Переводы:

Существует несколько переводов «Речей Высокого» на русский язык. Наиболее известны перевод Свириденко (Софьи Свиридовой), опубликованный в издании мифологических песен Эдды в («Старшая Эдда», ч. 1, изд. С. и М. Сабашниковых, М., 1917) и перевод А. И. Корсуна, опубликованный в серии «Литературные Памятники» в 1963 г.

Древние речи Бъярки

1. Контекст:

Рано утром в день битвы при Стикластадире конунг Олав велит Тормоду Скальду Чернобровой разбудить войско и произнести песнь. Тормод исполняет *Древние Речи Бъярки*.

2. Текст:

В день битвы при Стикластадире Олав конунг позвал Тормода и велел ему развлечь войско. А тот произнес Древние Речи Бьярки.

Конунг сказал:

— Песнь избрана верно ввиду тех событий, что произойдут здесь сегодня, и я называю эту песнь *Навострением Воинов* (*Húskarla hvöt*).

Dagr's uppkominn,
dynja hana fjaðrar,
mál es *vilmögum* at vaka (~ *víkingum F*)
ok vinna erfiði,
vaki ok vaki,
vina höfuð,

allir enir œztu
Aðils *ok svía* (~ *of sinnar F*)

Hárr enn harðgreipi,
Hrólfr skjótandi,
ættgóðir menn,
es ekki flyja;
vekkat yðr at víni,
ne vífs rúnum,
heldr vekk yðr at hörðum
Hildar leiki.

3. Пословный перевод:
День занимается (начался),
трещат петуха перья,
пора вставать *невольникам* (или: ~ *викингам F*)
и за работу браться,
проснитесь, проснитесь,
друзей головы,
все виднейшие
Адильса и *свеев* (или: ~ *приспешники F*)

Харр крепкорукий,
Хрольв стреляющий,
родовитые мужи,
которые не бегут (с поля битвы),
зову вас не к вину,
и не на беседу с женщиной,
но зову вас на суровую
игру Хильд.

Помета *F* означает, что форма данного слова приводится по редакции «Книги с Плоского Острова».

4. Синтаксис:
Вариант *F* побуждает трактовать строчку *Адильса и свеев* как определение к именной группе *головы друзей*; при этом синтаксис строфы оказывается достаточно запутанными; строфу *проснитесь… друзей головы, все виднейшие Адильса и свеев* приходится трактовать как единое предложение = *проснитесь все виднейшие* ***головы друзей*** *Адильса и свеев*. Возможно, предпочтительнее вариант *приспешники Адильса*; в этом случае именные группы *головы друзей* и *приспешники Адильса* являются сочиненными, а не подчиненными друг другу.

5. П о э т и к а:

Адильс — шведский конунг (*конунг свеев, т. е. жителей Уппланда*) из рода Инглингов. Ср. «Сагу об Инглингах», гл. и «Младшую Эдду» (раздел «Язык Поэзии»).

Приспешники Адильса — двенадцать берсерков, которых на время присылал Адильсу датский конунг Хрольв Жердинка (Hrólfr kráki). В «Младшей Эдде» многие из них названы по именам: помимо названных в первых двух строфах *Хара Крепкорукого* и *Хрольва Стрельца*, это братья *Свипдаг* и *Бейгад*, а также побратимы *Хьяльти Гордый* (Hjalti inn hugprúði) и *Бёдвар-Бьярки* (Böðvar-Bjarki). Начало песни произносится от лица Хьяльти, что удается установить при помощи «Деяний датчан» (Gesta Danorum) Саксона Грамматика, датируемых началом XIIIв.: Саксон переложил «Речи Бьярки» латинским гекзаметром. По версии Саксона, Хьяльти будит дружину при нападении врага; он трижды призывает своего побратима Бьярки, но тот продолжает спать и вступает в бой лишь в самый последний миг.

зову вас …не на беседу с женщиной — букв. *не на «руны женщины»* (*ne vífs rú num*). Слово «руны» в данном сочетании, вероятнее всего, выступает в своем архаическом значении «доверительная беседа», «тайна», «сговор».

невольники — слово неясной этимологии и с неясным значением. Второй компонент *mögr* имеет значение «молодой воин, слуга». Перевод «работники, подневольные люди, слуги», задается именно вторым компонентом. Следует обратить внимание на то, что переносное употребление «работник, слуга» ≡ «воин, дружинник» перекликается с присутствующим в прозаическом комментарии (реплика конунга Олава) словом húskarl «воин», по своему исконному значению — «свободный домочадец», «челядинец».

Первый компонент *vil-* имеет разное толкование при чтении с долгим и кратким гласным. Этимон *vilmegir* дважды встречается в «Эдде» в загадочных контекстах, причем оба раза — во множественном числе.

1) Корень víl с долгим гласным имеет значение «мерзость, вредоносность, нужда». Такое имя носит подземная река, текущая в Хель. Возможно, что в *Речах Скирнира* первый компонент слова восходит к этимону с долгим гласным. Искомое слово представлено здесь в составе угрозы:

þar þér **vílmegir** á viðar rótom
geita hland gefi! Sk 35
«там тебе **vílmegir** на корнях деревьев
козью мочу подадут!»

Отталкиваясь от этого примера, можно было бы считать, что **víl-megir** — какие-то мерзкие существа — *рабы*, *слуги*, *пащенки*, *прохвосты*, *хлыщи*.

2) Этимон с кратким гласным vĭl — имеет значение «потроха, кишки»: ср. фар. vil «тонкий кишечник», дат. indvolde «Eingeweide». Как будто именно это значение возникает в строфе 134 «Речей Высокого», где мудрый старец уподобляется старому меху, «*...висящему возле потрохов* (*или колбас?*)». В то же время неясно, почему «потроха» обозначаются композитом, вторая часть которого должна указывать на одушевленное существо. Толкование **vílmegir** как «внутренностей, потрохов» в контексте Háv 134 возможно, но требует опоры в виде ссылки на семасиологический процесс — эмфатическое обозначение человека по его внутренностям, ср. рус. *сучий потрох* и т. п.

opt er gott þat er gamlir qveða
opt ór skörpom belg scilin orð koma,
þeim er hangir með hám
ór scollir með scrám
oc vafir með vilmögum Háv 134

«часто бывает хорошим, то что старые молвят
часто из потрепанного меха идут разумные слова,
который висит со шкурами,
свешивается вниз с кожами
и болтается с **vílmegir**».

3) Нельзя исключить и того что, что первый компонент композита vĭl обозначает не «потроха», а «роскошь, наслаждение» (ср. глагол vilja «хотеть»). В таком случае vilmegir можно переводить как «праздные слуги, рабы». Однако практически единственной опорой такого чтения служит данное место из «Речей Бьярки» — ср. далее контраст «рун женщины» (воин, пребывающий в праздности) и битвы как «игры Хильд» (воин в действии).

4) Наконец, компонент vĭl регулярно встречается в двучленных германских именах собственных, в том числе, эддических — ср. скандинавские имена Vilmundr, Vilborg и западногерманские имена Wil(l)iram, Wiligis, Wil(l)ibald. Первый компонент этих имен вряд ли имеет какое-либо пейоративное значение: скорее он просто обозначает «волю» или «желание» как проявление активности своего денотата. Напротив, vilmegir, судя по трем имеющимся примерам, является редким маркированным словом с экспрессивным потенциалом.

Ханс Кун в своем издании «Эдды» отказался от единого толкования слова vilmegir, проставив в Háv 134 краткий гласный, а в Sk 35 — долгий[62]. Представляется все же, что мы имеем дело с одним архаическим словом, которое воспроизводится как готовая лексическая единица: об этом говорит тот факт, что слово vilmegir встречается лишь во мн. ч. и лишь там, где оно имеет собирательную референцию. В порядке предположения можно допустить, что в составе композита имела место контаминация значений vīl$_1$ «потроха» с vīl$_2$ «праздность, похоть», либо с vīl «нужда», однако в XIII в., ко времени записи Старшей Эдды, смысл композита больше не выводился из значения составляющих. В качестве семантической параллели между именами работников и названием продуктов крестьянского труда можно привести традиционную издевку норвежцев над исландцами: mörlandi «жиряга» — ср. mör «нутряное сало», mörbjugr «нутряная колбаса».

В рукописи *F* слово *vilmögum* заменено словом «викингам», что явно связано с порчей текста: обозначение дружинников как «викингов» не только недостоверно исторически, но и выпадает из общей образной сферы начальных строф «Речей Бьярки», построенной на крестьянских мотивах.

К. фон Зее, которому принадлежит критический разбор «Речей Бьярки» (см. ниже), полагает, что обозначение дружинников как «работников» противоречит героическому духу сказания о гибели Хрольва Жердинки. Однако обозначение ратного труда как подневольной работы вполне укладывается в рамки известного скальдического стереотипа, который можно назвать «темой флирта со смертью». К тому же в следующей строфе «беседа с женщиной» открыто сопоставляется с *игрой Хильд*, т. е. битвой. А Хильд, хоть и валькирия, все же женщина.

7. Размер:

Форнюрдислаг.

8. Древность текста и достоверность ситуации исполнения эпической песни перед битвой:

Полностью *Речи Бьярки* сохранились только в латинском переводе Саксона Грамматика (XIII в.). Песнь о нападении на Лейре и гибель Хрольва содержится также в исландской «Саге о Хрольве Жердинке», относящейся к числу «саг о древних временах» — т. н. «Речи Жердин-

---

[62] Edda. Die Lieder der Codex Regius nebst verwandten Denkmälern, Hrsg. von Gustav Neckel. II, Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn. Dritte, umgearbeitete Auflage des kommentierenden Glossar. Heidelberg, 1968. «Bursche, der schwere, (schmutzige) Arbeit tut (?)» — *Skm 35*, auch *Háv 134* (??).

ки». По своим жанровым признакам эта песнь считается поздней (сложилась не ранее XIII в.) и важна лишь как материал для реконструкции древней формы героического сказания. Сообщение королевских саг (и «Саги о Названных Братьях») о том, что скальд Тормод Берсасон исполнил *Речи Бьярки* в 1030 г. перед битвой при Стикластадире, обычно считается доказательством того, что сказание о гибели Хрольва к этому времени уже проникло из Дании в Норвегию. Фигура скальда, исполняющего чужеземное сказание, с чисто исторической (не филологической!) точки зрения, особых нареканий вызвать не должна, поскольку скальды, и частности, Тормод, путешествовали от одного двора скандинавских правителей к другому.

Опираясь на латинское переложение Саксона, датский филолог Аксель Ольрик реконструировал древний текст *Речей Бьярки*[63]. Согласно Ольрику, Саксон воспользовался датской эпической песнью X—XI вв., известной ему непосредственно из устной традиции. Еще дальше пошел Феликс Генцмер, который датировал песнь (*Древнюю*, разумеется!), началом IX в.[64] И Ольрик, и Генцмер не сомневались в том, что две строфы, приводимые в Стикластадирском эпизоде, служат началом песни. В то же время Х. Шнайдер счел нужным указать, что нападение на Лейре произошло ночью, в то время как в данных строфах речь идет о рассвете и пении петуха[65]. Однако и он не сомневался, что Песнь о Бьярки в той или иной редакции существовала к 1030г.

Реконструкция Ольрика неизменно вызывала раздражение у большинства немецких филологов, которые сочли ее скорее проявлением патриотического самосознания датского народа, нежели научным построением. Андреас Хойслер утверждал, что между той песнью, которую мог исполнять Тормод, и той, которая отразилась в версии Саксона, и mutatis mutandis в реконструкции Ольрика, нет непосредственной связи. Дошедший до нас текст представляет «не датские героические песни X в. а исландские героические песни XII в.»[66]. Этот тезис Хойслер и его последователи доказывали соотношением диалогических ситуаций и нарративных фрагментов в древнегерманской героической поэзии: согласно защищаемой ими эволюционной концепции, архаический тип «повествовательной» песни сменяется «речевым типом»; данный переход, по их мнению, произошел лишь на исландской

[63] Axel Olrik. Danmarks heltediktning I, 1903, S.29—143.

[64] F. Genzmer. Die Eingangsgesätze des Bjarkiliedes // PBB 75, 1955, Bd. 2, S. 321 f.

[65] H.Schneider. Germanische Heldensage Bd.II, Abt 1, 1933, S.22.

[66] A.Heusler. Kleine Schriften. II Bd., S 321, ср. также H.Sсneider, ук. соч.

почве. Смена точки зрения рассказчика — от связного изложения распри к гиперболизированному представлению ее кульминации — проявляется также в выборе главного персонажа: фигуру вождя сменяет фигура героя-дружинника, героя-скальда, произносящего наиболее важные пассажи песни. Следы подобного сдвига, согласно Хойслеру и Клаусу фон Зее, можно наблюдать, в частности, по тексту Саксона: гипотетические **Песня об Ингьяльде* и **Песня о Хрольве Жердинке* заменяются *Песнью Старкада* и *Речами Бьярки*[67].

Тем самым, доказательства позднего времени создания Речей Бьярки сводятся к поиску исландского колорита в тексте песни. Последнее представляется нетрудной задачей, поскольку лексика и сравнения песни (дружинники — работники, беседа с женщиной, битва как игра и т. п.) совершенно традиционны для исландской поэзии. Однако попытка открыто противопоставить дружинную поэзию и поэзию «крестьянскую» наталкивается на очевидные возражения; хорошо известно, что скальды X—XI в., не упускавшие случая декларировать презрение к толпе и к бондам — мотив, который комментаторы усматривают в *Речах Бьярки* — были при этом сыновьями бондов и далеко не всегда сочувствовали конунгам в споре с их подданными. Поэтому для подкрепления своего программного тезиса — *Речи Бьярки* как текст возникли поздно — фон Зее нужно доказать, что исландский скальд *не мог исполнять* эпическую песнь перед войском в 1030 г. Данной теме фон Зее посвятил две статьи, существенно обогатившие понимание данного эпизода саги[68]. Он концентрирует свои критические усилия в основном вокруг двух положений, принимаемых большинством исследователей на веру: практики исполнения эпических сказаний перед битвой и исторической достоверности комментария к данному эпизоду в сагах об Олаве Святом. В противовес фон Зее выдвигает следующие положения:

1) Обычая произносить героическую песню перед битвой у древних скандинавов не было. Ссылка на произнесение *Речей Бьярки* является боевой легендой.

---

[67] Как остроумно замечает фон Зее, песни, носящие подзаголовок *древние*, обычно принадлежат к числу поздних (так называют себя, например, «Речи Хамдира», завершающие рукопись «Старшей Эдды» — см. вторую строфу этой песни) и «Плач Оддрун»,— см. начальную строфу этой песни.

[68] Klaus von See. Hastings, Stiklastaðir und Langemarck // Edda, Saga, Skaldendichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters. Heidelberg, 1981, S. 259—271. Klaus von See. Huskarla hvöt // ibid., S. 272—282.

2) Утверждение, что конунг Олав назвал песнь *Húskarla hvöt*, является заведомым анахронизмом. Слово *Húskarl* якобы вообще не употреблялось в значении «дружинник» в данную эпоху.

Первый тезис фон Зее стремится доказать сопоставлением историографии битвы при Стикластадире с историографией битвы при Гастингсе (1066 г.) — о последней историк Уильям Мальмсберийский (XII в.) сообщает, что перед началом сражения в лагере норманнов исполняли *Песнь о Роланде*[69]. Все комментаторы до сих пор расценивали параллель между рассказом Уильяма и саговой традицией об Олаве Святом как доказательство существования древнегерманского ритуала; сходство тем более разительно, что в обоих случаях песнь повествует о поражении и гибели героев. Напротив, фон Зее утверждает, что мы имеем дело с литературным заимствованием: рассказчики королевских саг об Олаве Святом якобы знали книгу Уильяма Gesta regum anglorum и стилизовали рассказ о последней битве Олава по известному им образцу; поздняя песнь о *Бьярки* была выбрана (рассказчиком конца XII в.!) ввиду ее внешнего сходства со старофранцузской поэмой. Дополнительно фон Зее утверждает, что Уильям Мальмсберийский тоже стилизовал свой рассказ о завоевании Англии под влиянием рассказа латинского автора Валерия Максима (Valerius Maximus) о завоевании Африки Сципионом Африканским[70]. Текст Валерия был известен и ученым скандинавам XII—XIII вв.: по крайней мере, следы его влияния усматривают в труде Саксона Грамматика.

Второй тезис является полемическим ответом на попытку Ханса Куна обосновать древность песни использованием слова húskarl «челядинец» в значении «дружинник» в реплике Олава Святого[71].

После рассмотрения второстепенных деталей — странно, что исландский дружинник норвежского конунга исполняет героическое сказание датского происхождения; ссылки на шведского конунга Адильса из рода Инглингов вряд ли повышают достоверность рассказа — фон

---

[69] William Malmesbury. Gesta regum anglorum: *Tunc cantilena Rolandi inchoata, ut martium viri exemplum pugnaturos accenderet*.

[70] Например, во всех трех источниках есть рассказ о том, как будущий победитель спотыкается при сходе на берег. Ср. 1) Валерий Максим: *teneo te, terra Africa* (реплика самого героя); 2) Уильям Мальмсберийский: *tenes Angliam, come, rex futurus* и 3) Легендарная Сага об Олаве Харальдссоне: *æigi felltu hærra, hælldr fæstr þu nu fætr i Norege* (реплики соратников героя).

[71] Hans Kuhn. Zeitschrift f. d. Alt. KZ 106, 1977. S. 1—12. В «Старшей Эдде» слово, по мнению, комментаторов употребляется только в значении «Freies Knecht»: Akv 39 1—4; 41 5—8; Am 30,7.

Зее выкладывает свой главный козырь. Слово húskarl, по его мнению, используется в значении «дружинник короля» только в норвежских текстах XIII в., несущих отпечаток борьбы конунгов со знатью[72]. Утверждение Снорри в «Младшей Эдде» о том, что в древние времена слово húskarl служило собирательным названием дружинников[73], является либо неверной интерпретацией скальдических стихов, либо политической пропагандой. Что касается скальдов, то заслуга введения термина húskarl в широкий оборот фон Зее приписывает Сигхвату Тордарсону; Сигхват, будучи новатором, применял ряд феодальных терминов, предположительно воспринятых им при дворе датского конунга Кнута Могучего[74]. Именно при дворе Кнута, как полагает фон Зее, впервые в Скандинавии произошло уподобление двора конунга-властителя (þjóðkonungr, по определению Тормода[75]), хозяйству богатого бонда; слово húskarl «челядинец» стало почетным, и им начали обозначать людей из свиты конунга. Историческая реконструкция подкрепляется лингвистическим аргументом: слово húskarl отражается в шведских рунических надписях эпохи Кнута (U 330, 335, Sö 338, Sö 338 A) и проникает в древнеанглийский язык через область Датского Права лишь в середине XI в.— оно отражается в форме husceorl в дипломах эпохи Эдуарда Исповедника и в «Англо-Саксонской хронике» под 1036, 1041, 1054, 1065 гг.

Оценивая концепцию фон Зее в целом, можно констатировать, что единственная попытка доказать вторичность *Речей Бьярки* оказалась более глубокой и основательной, нежели многочисленные попытки обосновать древность песни. Остается сожалеть, что работы фон Зее не нашли должного отклика в филологической среде; данный факт лишний раз подтверждает инертность медиевистов, не желающих расставаться с полюбившимися им стереотипами. Тем не менее фон Зее едва ли удалось снять все спорные вопросы. Коротко обозначим их в заключении нашего комментария.

Лексика и метафорика начальных (?) строф.

Даже если исходить из позднего времени становления песни в хуторской среде в Исландии конца XII в., приходится признать, что ключевое слово *vilmegir* является в данную эпоху глубоким архаизмом,

---

[72] *Allir þeir menn er handgengnir eru konungi, þá eru húskarlar* — Konungs Skuggsjá, 77 (kap 19, 27).

[73] *Hirðmenn konungs vá ru mjök húskarlar kallaðir í forneskju* (Snorra-Edda).

[74] *Lánardró ttinn*, *herverk*, *friðkaup*, *landsréttr*.

[75] Ср. «Прядь о Тормоде», виса № 2.

что, скорее всего, указывает на преемственность традиции. Полемика с мнением Х. де Бура, о том, что в контексте *Речей Бьярки* слова *vilmegir* и *erfiði* выражают значение «воины» и «ратная работа»[76], бьет мимо цели, поскольку речь идет не о предметном значении, а о развернутой метафоре, где «героический императив» уподобляется подневольной работе людей, которые не властны изменить свою судьбу. Поэтому рассуждения о том, что две известные по сагам строфы не являются началом песни, текстуально необоснованны.

Слово *húskarl*.

Вопрос о древности песни непосредственно не связан с достоверностью прозаического комментария в саге. К тому же фон Зее не учитывает, что для скальдов XI—XII вв. (как и для Снорри, ориентировавшегося на их тексты) слово *húskarl* было не просто феодальным термином, но и элементом поэтического языка, т. е. *хейти* воина. Рифма (*hús*) *karl* ~ *jarl* «*карл*» ~ «*ярл*» весьма продуктивна в поэзии X—XIII вв., и подозревать каждого скальда в идеологической диверсии не более уместно, чем, скажем, отрицать достоверность клича Олава Святого «*вперед люди креста, люди Христа, люди конунга!*» лишь на том основании, что его взял на вооружение самозванец Сверрир в ходе гражданской войны конца XII в.

Боевая легенда.

Гипотеза о том, что легенда об исполнении *Речей Бьярки* в 1030 г. является отзвуком реально имевшего место случая (битва при Гастингсе 1066 г.), не учитывает того обстоятельства, что исполнение песни на поле боя является звеном не только саг об Олаве, но и биографии скальда Тормода, и шире — поэтической традиции о битве при Стикластадире. Атрибуция ряда воинственных стихов Тормоду была возможна потому, что в XI в. у него была посмертная репутация скальда-героя. Многие висы Стикластадирского круга принадлежат лицам, в битве не участвовавшим, но сочинявшим о ней как о важном событии недавнего прошлого в 1030—50 гг. При этом явно обозначились устойчивые мотивы и штампы: отдельные висы могли приписываться участникам битвы, в том числе Тормоду; кто бы ни был автором таких вис, они, вне всяких сомнений, возникали в рамках устной скальдической традиции, а не в процессе создания рукописей. Поэтому приводимые фон Зее параллели между описанием битвы при Гастингсе и описанием битвы при Стикластадире, с наибольшей вероятностью означают, что окончательно скальдическая традиция о Стикластадире

[76] H. de Boor. Kleine Schriften, I Bd., 1964, s.221 f.

сложилась после смерти в 1066 г. участника Стикластадирской битвы конунга Харальда Сурового[77]. Таким образом, фон Зее удалось сдвинуть датировку гипотетической ситуации исполнения песни примерно на 40—50 лет.

9. П е р е в о д ы:

Начальные две строфы «Речей Бьярки» переведены на русский язык О. А. Смирницкой, см. «Круг Земной», 1980. Новый перевод специально для настоящего издания выполнен Ф. Б. Успенским.

Bjárkamál et forna

Dagr's uppkominn,
dynja hana fjaðrar,
mál es *vi lmögum* at vaka
ok vinna erfiði, [(~ *víkingum F*)
vaki ok vaki,
vina höfuð,
allir enir œztu
Aðils *ok svía* (~ *of sinnar F*)

Hárr enn harðgreipi,
Hrólfr skjótandi,
ættgóðir menn,
es ekki flyja;
vekkat yðr at víni,
ne vífs rúnum,
heldr vekk yðr at hörðum
Hildar leiki.

Древние речи Бьярки

День народился,
кочет хлопочет,
слугам сычужным
пора за работу,
не спите, вставайте
споспешники свеев,
конунга Адильса
други все главны:

Хар Крепкий Хваткой,
Хрольв Луком Меткий,—
люд родовитый,
спины не казавший;
не браги пригубить,
не с бабой шептаться
я вас побуждаю,
а баловать Хильд.

4.4. Греттир сын Асмунда

Современник Тормода Греттир Силач, сын Асмунда Седоволосого, был скальдом. Две его висы о неком Торире Путешественнике приводятся в «Книге о Заселении Земли» (H 214 = S 250), они же приводятся в «Саге о Греттире» в гл. 63. В «Саге о Греттире» приводится большое число стихов Греттира, однако они обычно признаются апокрифическими, а сама «Сага о Греттире» — источником сравнительно позд-

[77] Тот же вывод следует из анализа некоторых апокрифических вис о Стикластадире, которые по многим признакам старше XII в. (см. комментарий к висе № 37) и из легенды о смерти Тормода (см. комментарий к висе № 40).

ним и исторически недостоверным. Тем не менее, в данном случае считается установленным, что две редакции «Саги о Названных Братьях» — *M* и *R* — заимствовали эпизод со спасением Греттира и стишком в честь Торбъёрг из «Саги о Греттире»

Виса № 1

1. Контекст:

На Западные Фьорды пришел объявленный вне закона силач Греттир, который стал грабить местных бондов. Те вооружились, застали Греттира врасплох и собрались вешать его. Когда об этом узнала жена местного хёвдинга Торбьёрг Толстая, она выехала предотвратить казнь. Бонды были этим недовольны.

2. Текст:

[Бонды] говорят:

— Мы считаем, что он достоин смерти, ведь он уже вне закона и к тому же уличен в грабеже.

Торбьёрг сказала:

— Раз уж решаю в здешних местах я, сегодня жизни его не лишат.

Они говорят:

— У тебя хватит власти, чтобы оставить Греттира в живых, справедливо это, или нет.

Тогда Торбьёрг велела развязать Греттира, даровала ему жизнь и сказала, что он волен ехать куда хочет.

Об этом событии Греттир сложил такой стих:

Myndak sjálfr
í snöru egnða
helzti brátt
höfði stinga,
ef Þórbjörg
þessu skáldi,
hon's allsnotr,
eigi byrgi.

Из этого видно, сколь недюжинной женщиной она была.

3. Пословный перевод:

Я-бы сам
в петлю приготовленную
очень скоро
голову просунул,
если бы Торбьёрг

сию скальду —
— она сверхразумна —
не спасла-бы.

4. Синтаксис:
сию ≡ голову

5. Размер:
Квидухатт. Размер неравносложный, с жесткими ограничениями на число слогов в строке: нечетные строки имеют три слога, а четные — четыре.

6. История текста:
Виса известна из «Саги о Греттире» (№ 41 по нумерации этой саги.). В текст начальной главы редакций *MR* она попала, по-видимому, оттуда; весь эпизод со спасением Греттира не имеет никакого отношения к материалу «Саги о Названных Братьях», если не считать того, что произошло это на Западных Фьордах, откуда герои саги были родом.

7. Переводы:
Виса переводилась на русский язык О. А. Смирницкой в составе «Саги о Греттире», 1976 г. Новый перевод выполнен А. В. Циммерлингом.

Grettir Ásmundarson	**Греттир сын Асмунда**
Myndak sjálfr	Я бы и сам
í snöru egnða	в петлю готовую
helzti brátt	очень скоро
höfði stinga,	голову сунул,
ef Þórbjörg	кабы не Торбьёрг,
þessu skáldi,	умом несравненна,
hon's allsnotr,	оную скальду
eigi byrgi.	не сберегла бы.

© А. В. Циммерлинг, 1999

4.5. Анонимная виса

Виса № 22

1. Контекст:
Тормод только что убил Торгрима Тролля на тинге в Гренландии и скрылся с места убийства. Слуга Тормода Эгиль Дурачина с перепугу пустился в бегство. Его настигли, но узнав, отпустили.

2. Текст:

Увидев за собой толпу вооруженных людей, Эгиль здорово перепугался. Когда его схватили, все тело его дрожало от страха. Но когда люди признали Эгиля, они поняли, что он не убивал Торгрима. Тогда страх сошел с него, словно жар с железа. Те идут теперь по землянкам и ищут убийцу, но не находят его. Вот какой стих сложили об испуге Эгиля.

Hræddr mjök var hinn, er meiddi
hjör aldregi, sviptir tjalda,
skulfu síðar skips í álfi
skjótlyndum meðal hárs ok fóta
bæði tennar, bein ok æði;
brann vizkunnar hverfi þann veg
firna hart sem eldr á arni
æslamikil var þessi hræzlsa.

3. Пословный перевод:

Испуган очень был тот, кто корежил
меч никогда, убиратель шатров;
дрожали после корабля у альва
вскорости от волос до ступней
все зубы, кости, жилы.
Пылало мудрости убежище так
на диво крепко, как огонь в очаге
дурковат был этот испуг.

4. Развертка:

Тот убиратель шатров, кто никогда (не) корежил меч, был очень испуган. Вскорости после у альва корабля дрожали все зубы, кости, жилы от волос до ступней. Убежище мудрости пылало так на диво крепко, как огонь в очаге; этот испуг был дурковат.

5. Синтаксис:

от волос до ступней — выражение, соответствующее рус. *от головы до пят.*

6. Поэтика:

шатер — часть экипировки корабля (кают на судах викингов не было, спали на палубе); *убиратель шатров* ≡ МУЖ (морской кеннинг) ⇒ Эгиль Дурачина;

альвы — род богов в языческом пантеоне; *альв корабля* ≡ МУЖ ⇒ Эгиль Дурачина;

тот, кто никогда не корежил меч ≡ тот, кто никогда не был в битве ⇒ Эгиль Дурачина;

убежище мудрости ≡ ГРУДЬ (сердце);

7. Смысл:

Трусливый муж, никогда не бывавший в битве, весь дрожал от страха. Его испуг был проявлением глупости.

8. Размер:

Хрюнхент. Данный скальдический размер сформировался под влиянием латинской метрики и представляет собой четырехстопный хорей. С дротткветтом данный размер сближает использование внутренних рифм и аллитерации и наличие ударной концовки — x. Расстановка первых трех иктов в целом также следует механической схеме ударения через слог; при этом долгий корневой слог может попадать в спад, а краткий закорневой приходиться на вершину — ср. hjör aldregi — — υ υ. В трехсложных словах представлена та же схема, ср. skjótlyndum — — υ. В то же время в 4-й и 8-й строках и хореический принцип частично нарушается: третья стопа здесь становится ямбической, причем спад заполняется комплексом из двух кратких слогов: υυ — *međal* hárs, (υ) υυ — (mi) *kil var* þessi.

Размер получил распространение у скальдов начиная с XI в.

9. Время создания текста:

Виса является анонимной; она представлена только в редакции *F*. Куплет об испуге Эгиля представляет собой отступление от основной сюжетной линии саги, т. н. «глоссу». При этом приводимый стишок сопровождается тяжеловесной энциклопедической вставкой медицинского плана:

Все кости его, какие были в его теле, дрожали, а всего их было 200 и 14 костей. Зубы его лязгали: их было 30. Все жилы в его коже бились от страха, их было 400 и 15.

Наиболее вероятно, что куплет об испуге Эгиля был сочинен в период обработки текста саги в XIII—XIV вв.

10. Переводы:

Виса на русский язык не переводилась.

5. Стихи из «Саги о сыновьях Дроплауг»

В родовых сагах Восточного Побережья скальдические стихи отсутствуют. Исключение составляет «Сага о Сыновьях Дроплауг», в которой приводится шесть дротткветтных вис; пять из них приписываются Гриму Дроплаугарсону, а одна — его жертве Хельги Асбьёрнссону. Кем, и когда сочинены эти стихи, неизвестно. Установлено лишь, что они старше прозаического текста саги, и что рассказчик саги понимал их содержание очень приблизительно. Поскольку о скальдах Восточной Исландии мало что известно, неясно, принадлежат ли висы из «Саги о Сыновьях Дроплауг» местной традиции или же возникли в других частях страны; сомнение, разумеется относится не к умению хёвдингов Восточной Четверти слагать стихи, но к наличию среды, способной их сохранять в течение длительного времени. Все же, с учетом того, что в стихах из саги сообщается некоторое количество деталей распри и присутствуют местные топонимы (виса № 2), их локализация в Восточной Исландии более вероятна. Висы, приписываемые Гриму, вероятно, были частью флокка о распре с Хельги сыном Асьбъёрна. Виса, приписываемая Хельги Асбьёрнссону, относится к той же традиции стихов, произносимых накануне роковых событий, к которой принадлежат висы Торбьёрна Брунасона и Гисли Торгаутссона в «Саге о Битве на Пустоши».

Хельги сын Асбъёрна (*Drop.*, *№ 1*)

1. Контекст:

распря Хельги сын Асбьёрна с сыновьями Дроплауг.

2. Текст:

Потом Хельги сын Асбьёрна купил ниже по течению землю, которая называется Пески, а Узкий Мыс продал. Ему казалось, что он будет в большей безопасности, если по соседству будут жить люди из его годорда. Он и здесь велел сделать себе спальню с засовом.

Тордис, его жена, спросила, зачем ему земля, сплошь поросшая лесом от самого жилья, где путников не разглядишь, даже когда они под боком.

Тут Хельги сказал вису:
Ák í mörk, es myrkvir
miðleggs daga tveggja,
fram berk heið í hljóði
«hraunn» argspæing margan;
at mótstafir Meita
myni, menn, es styr vinna,
hildarbörrum hjarra
hrœlœkjar mik sœkja.

3. Пословный перевод:
Имею-я в лесу, когда смеркается
привалом меж двух дней
я-проношу вереск в тиши (в звуках?)
блистающий зловестников многих.
что сходкопосохи Мейти
будут, мужи, что раздор творят,
боеготовой жердью
ручья трупов меня пытать (искать).

4. Развертка:
Я имею, когда смеркается, привалом между двух дней, в лесу многих зловестников; я проношу блистающий вереск в тиши (1—4);

(так)что сходкопосохи Мейти, мужи, что творят раздор, будут искать меня боеготовой жердью ручья трупов (5—8).

5. Синтаксис:
Наиболее оригинальная черта висы состоит в том, что кеннинг НОЧИ *miðleggs daga tveggja «привал меж двух дней»* стоит в позиции наречия, причем скальд имитирует падежную форму временных наречий *ночью* (ср. *gærdags* «вчера») с помощью существительного *привал*, которое в прозаическом языке не имеет временных употреблений.

6. Поэтика:
привал меж двух дней ≡ НОЧЬ (индивидуальный кеннинг); исландское слово *miðleggr* является сложным существительным со значением «промежуток», «лежанка».

Вереск ≡ МЕД (хейти); эпитет *блистающий* призван уточнить, что имеется в виду *мед поэзии*. Той же цели служит синтаксисическое клише *я проношу МЕД в тиши* ≡ *я исполняю свою стих*.

Мейти — морской конунг; *сходкопосохи Мейти* ≡ ВОИНЫ (двойной кеннинг со смещением); сходка Мейти = БИТВА, *посохи БИТВЫ* ≡ ВОИНЫ ⇒ враги Хельги сына Асбьёрна; они же названы *зловестниками* и *мужами, что творят раздор*;

жердь ручья трупов ≡ КОПЬЕ (нетипичный двойной кеннинг); *жердь* (в оригинале специальное слово, обозначающее дверной штырь); *ручей трупов* ≡ КРОВЬ; эпитет *боеготовая жердь* призван подчеркнуть угрозу.

Данная виса, вложенная в уста Хельги сыну Асбьёрна, наиболее тонкая из всех стихов, вкрапленных в текст «Саги о сыновьях Дроплауг». Мотив ночи как *вражьего, волчьего времени*, сулящего гибель герою, поддерживает поэтическое напряжение и оживляет параллель **волк ≡ изгой-убийца**: поскольку «волчья метафора» остается мотивированной, кеннинги ВОЛКА закономерно отсутствуют.

7. Смысл:

Ночью, когда кончается день, враг в лесу точит на меня зубы; враждебные воины хотят поразить меня смертоносным оружием,

8. Размер:

Дротткветт.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

Helgi Ásbjarnarson	**Хельги сын Асбьёрна**
Ák í mörk, es myrkvir	Поступь супостата
miðleggs daga tveggja,	Чую в чаще леса;
fram berk heið í hljóði	— Затаясь во мраке,
«hraunn» argspæing margan;	Зрак мерцает злобно.
at mótstafir Meita	Заждались с заточкой
myni, menn, es styr vinna,	жажды Хильд холопы
hildarbörrum hjarra	ходки Мейти — мерно
hrœlœkjar mik sœkja	Вереск пью медвяный.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Грим сын Дроплауг (*Drop.*, № 2)

1. Контекст:

Грим сообщает в стихах, что он отомстил за смерть своего брата Хельги.

2. Текст:

На следующий день Грим играл в шашки с норвежцем, и на стол налетел мальчишка Торкеля с Йорунн и опрокинул доску. Норвежец пихнул мальчика, а тот в ответ пукнул. Грим выругался и засмеялся.

Тут к нему подошла Йорунн; она сказала:

— Не произошло ли чего за время твоей поездки, раз ты способен смеяться? Расскажешь какие-нибудь новости?

Тогда Грим сказал вису:

Hlógu hirðidraugar
— hlít vas at því lítil —
seims, þás særðum Grími
sunnr vas harmr of unninn
Nú, tér, Freyr, at fári
fregn auðskata dauðan
fyllar mars, í fjöllum
fljóts, annan veg þjóta.

3. Пословный перевод:

Смеялись дружиностволы
— отрады было в том мало —
сокровищ, когда раненому Гриму
с юга было горе причинено.
Ныне, начинает, Фрейр по ладу
сведал — я раздатчика богатств смерть
пучины жеребца, в горах
Разлива, по иному дуть.

4. Развертка:

Дружиностволы сокровищ смеялись, когда раненому Гриму с юга было причинено горе — отрады в том было мало (1—4);

Ныне, (о) Фрейр жеребца пучины, начинает дуть по иному в горах Разлива — я сведал смерть раздатчика богатств (5—8).

5—6. Синтаксис и поэтика:

Дружиностволы сокровищ ≡ ВОИНЫ (кеннинг с усилительным префиксом) ⇒ враги Грима:

горы Разлива ≡ горы вокруг озера Плес.

раздатчик богатств ≡ МУЖ (хейти); здесь ⇒ Хельги сын Асбьёрна.

Фрейр жеребца пучины ≡ МУЖ (двойной кеннинг): *пучина* — хейти МОРЯ; жеребец моря ≡ КОРАБЛЬ; *Фрейр* (ас) *корабля* ⇒ МУЖ (обращение к адресату висы). Кеннинг МУЖА в обращении не соответствует прозаическому комментарию, так как, по саге, Грим отвечает на вопрос жены Торкеля.

Ныне начинает дуть по-иному — клише, встречающееся во многих висах XII—XIII вв. — одна из них, по-видимому и послужила образцом для висы, приписанной Гриму. Смысл клише ясен ≡ *раньше судьба нам не благоволила — теперь ветер переменился*. Под эту сентенцию нетрудно подогнать содержание любой распри.

7. Смысл:

Враги глумились, когда раненый Грим испытал горе на юге — это было трудно вынести. Теперь ветер в окрестностях Плеса переменился — до меня дошли вести о гибели хёвдинга.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

Grímr Droplaugarson

Hlógu hirðidraugar
— hlít vas at því lítil —
seims, þás særðum Grími
sunnr vas harmr of unninn
Nú, tér, Freyr, at fári
fregn auðskata dauðan
fyllar mars, í fjöllum
fljóts, annan veg þjóta.

Грим сын Дроплауг

Скалились сквалыжны
Скалы сот глумливо,
Уязвленна Грима
Горе с юга вызнав.
Начинает нынче,
Ньёрд быка пучины,
С гор окрест Разлива
Бора дуть иначе.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Грим сын Дроплауг (*Drop.*, *№ 3*)

1. Контекст: см. выше.

2. Текст:

— Неужто ты сейчас отомстил, — сказала Йорунн, — за своего брата Хельги?

Тогда Грим сказал вису:

Reka þóttumk nú nakkvat
nadda rógs at gnógu
Helga vígs, en hlœgir
hug minn við þat, inni.
Nús boðgjörnum Bjarna —
beit egg Munins teiti,
armglóðar vák eyði —
efni mágs at hefna.

3. Пословный перевод:

отплатил, уверен-я, ныне отчасти
гадюк клеветы обильно

Хельги (род. п.) убийство, и радуется
дух мой тому зачинщику.
Теперь боерьяному Бьярни —
поразило лезвие Мунина веселителя,
запястья руды убил-я истребителя —
впору мстить за зятя.

4. Развертка:

Я уверен, что ныне отчасти обильно отплатил зачинщику клеветы гадюк (за) убийство Хельги, и мой дух радуется тому (1—4);

я убил истребителя запястья руды — лезвие поразило веселителя Мунина; теперь боерьяному Бьярни впору мстить за зятя (5—8).

5. Синтаксис:

6. Поэтика:

зачинщик клеветы гадюк ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ Хельги сын Асбьёрна; *гадюка* ≡ хейти ОРУЖИЯ, *клевета гадюк* ≡ БИТВА (кеннинг построен по модели «речи оружия»);

Мунин — ворон Одина; *веселитель Мунина* ≡ МУЖ ⇒ Хельги сын Асбъёрна;

истребитель руды запястья ≡ МУЖ ⇒ Хельги сын Асбьёрна; *руда запястья* ≡ ЗОЛОТО;

7. Смысл:

Я отомстил за брата. Теперь Бьярни пора мстить за зятя.

8. Размер:

Дроттквет.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

Grímr Droplaugarson	**Грим сын Дроплауг**
Reka þóttumk nú nakkvat	За потерю брата
nadda rógs at gnógu	Отобрал сторицей,
Helga vígs, en hlœgir	— В склоке слов гадючьих
hug minn við þat, inni.	Преуспев, я весел.
Nús boðgjörnum Bjarna —	Рьяну, ныне, Бьярни
beit egg Munins teiti,	— меч взял радость врана,
armglóðar vák eyði —	мертв растратчик мыта —
efni mágs at hefna.	Впору месть за тестя.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Грим сын Дроплауг (*Drop.*, *№ 4*)

1. К о н т е к с т: см. выше.

2. Т е к с т:

После этого Грима и названных братьев держали в потайном месте, пока не приехал Торкель. Вот домой приезжает Торкель; он пошел к Гриму и расспросил его о случившемся и как Хельги был убит. Грим рассказал, как было и сказал вису [висы]:

Ulfr beit ennibjalfa,
egg kom snörp í leggi,
Helga kennd ór hendi
harðgrams megin-Njörðu;
þás hræmána hönum
hildar borðs at morði,
úrfræningar örum
endr fjörbrautir renndu.

3. П о с л о в н ы й   п е р е в о д:

Волк впился кожаного шлема,
лезвие вошло острое в кость
по Хельги известное руке
суровозакаленного мощно-Ньёрду.
тогда-то трупомесяца ему
Хильд стола при смерти
дождезмееныши ходатаев
прежде жизнепути пробежали.

4. Р а з в е р к а:

Сурово закаленный волк кожаного шлема впился — лезвие, известное по руке Хельги, вошло в кость мощно-Ньёрду (1—4);

тогда-то дождезмееныши трупомесяца прежде пробежали ему жизнепути ходатаев стола Хильд (5—8)…

5. С и н т а к с и с:

Тогда-то [*КОПЬЯ*] *прежде пробежали ему* [*ГРУДЬ*] ≡ прежде, чем он был пронзен копьями.

лезвие… известное по руке Хельги [≡ сына Дроплауг]; фраза неоднозначна:

a) меч, принадлежавший Хельги или:

b) меч, который прославила рука Хельги.

6. П о э т и к а:

волк кожаного шлема ≡ МЕЧ (двойной кеннинг);

сурово закаленный ≡ клинок, МЕЧ (хейти);

Ньёрд — один из асов; *мощно-Ньёрд закаленного клинка* ≡ МУЖ ⇒ Хьярранди, зять Хельги сына Асбьёрна и противник Хельги сына Дроплауг в битве при Эйвиндовой Долине; Хельги ранил Хьярранди в ногу и сам получил в схватке с ним серьезную рану.

жизнепути ≡ ГРУДЬ (или живот?);

дождезмееныши трупомесяца = КОПЬЕ (нестандартный тройной кеннинг); *месяц трупов* ≡ МЕЧ; *дождь месяца трупов* ≡ КРОВЬ (двойной кеннинг); *змееныш* (в оригинале неологизм **блестяныш*) КРОВИ ≡ КОПЬЕ (?).

ходатай стола Хильд ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *Хильд* — валькирия; *стол Хильд* ≡ ЩИТ; *ходатай щита* ≡ МУЖ;

смерть ≡ *убийство* (хейти)

7. Смысл:

Острый клинок, прославленный рукой Хельги сына Дроплауг, взял кость врага (Хьярранди?). Это было до того, как копья воинов пронзили его грудь.

8. Размер:

Дротткветт.

9. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

Grímr Droplaugarson	**Грим сын Дроплауг**
Ulfr beit ennibjalfa,	Ньёрду жерди в ногу
egg kom snörp í leggi,	Впился волк шелома.
Helga kennd ór hendi	— влекся меч, отмечен,
harðgrams megin-Njörðu;	дланью Хельги, в сечу.
þás hræmána hönum	Через миг, могутный
hildar borðs at morði,	Тролль протока трупов
úrfræningar örum	Пробежал путь жизни,
endr fjörbrautir renndu.	в грудь войдя герою.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Грим сын Дроплауг (*Drop.*, *№ 5*)

1. Контекст: см. выше.

2. Текст:

Helgi vann með herjum,
hjörr gall at valfalli,

vítt knöttu þat þjóðir
þegns verk í styr, fregna;
þás gnývirðir gerði
Göndlar stígs at vígi
heiðr at Hildar veðri
hrafns örr, þría sára.

3. Пословный перевод:
Хельги сладил с воями
— клинок звенел на побоище —
широко смогли об этом племена
мужа (героя) работу в распре, сведать;
тогда-же громостраж сделал
Гёндуль посоха в побоище
славный в погоде (ветре) Хильд
ворона ходатай, троих ранеными.

4. Развертка:
Хельги сладил с воями работу мужа в распре — клинок звенел на побоище; племена смогли об этом широко сведать (1—4);
тогда же громостраж посоха Гёндуль, славный ходатай ворона, сделал троих ранеными в ветре Хильд (5—8).

5. Синтаксис:
сделал троих ранеными ≡ ранил троих;

6. Поэтика:
работа мужа ≡ ратный труд, подвиг (общеязыковое клише);
побоище ≡ тела павших в битве, здесь хейти БИТВЫ;
вои, *племена* ≡ ЛЮДИ вообще;
громостраж посоха Гёндуль ≡ МУЖ (тройной кеннинг со смещением); *Гёндуль* — валькирия, *гром Гёндуль* ≡ БИТВА, *посох грома Гёндуль* ≡ МЕЧ (кеннинг); *страж посоха битвы* ≡ МУЖ ⇒ Хельги сын Дроплауг;
Хильд — валькирия; *погода Хильд* ≡ БИТВА;

7. Смысл:
Хельги сын Дроплауг бился как герой — весть об этом разнеслась далёко. Он успел ранить троих в схватке.

8. Размер:
Дротткветт.

9. Переводы:
Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

Grímr Droplaugarson

Helgi vann með herjum,
hjörr gall at valfalli,
vítt knöttu þat þjóðir
þegns verk í styr, fregna;
þás gnývirðir gerði
Göndlar stígs at vígi
heiðr at Hildar veðri
hrafns örr, þría sára.

Грим сын Дроплауг

Сведал люд, что сладил
— пел на поле брани
песнь булат — с мужами
Хельги в схватке лихо.
Уложил с увечьем
он троих на тропы;
— в сваре Скёгуль строг был
ворона ходатай.

© А. В. Циммерлинг, 1999

Грим сын Дроплауг (*Drop.*, *№ 6*)

1. К о н т е к с т: см. выше.

2. Т е к с т:
Örbeitir varð úti
unnar viggs at liggja
átta dœgr við ótta
endr, síz víg of bendak;
þás hjör-Móði, hríðar
herðandi, lét, sverða,
snarr, á seima þverri
sárvönd roðinn standa.

3. П о с л о в н ы й п е р е в о д:
Щедрогонитель принужден — был снаружи
волны скакуна лежать
восемь суток на заре (или: в страхе)
прежде, пока не убийство совершил-я;
тогда — ж клинка Моди, метели
закалитель, понудил, мечей
смелый, на сокровищ расточителе
ран полено обагренным стоять.

4. Р а з в е р т к а:

Щедрогонитель скакуна волны прежде был принужден лежать восемь суток в страхе, пока я не совершил убийство (1—4);

тогда ж Моди клинка, смелый закалитель метели мечей понудил полено ран стоять обагренным на (≡в) расточителе сокровищ(5—8)

5. С и н т а к с и с:
прежде был принужден ≡ *сперва, поначалу был принужден*;

принужден ......лежать снаружи на заре /в страхе — исландское слово ótti имеет полный омоним со значением «утренняя заря, рассвет», поэтому группа við ótta может означать также «на заре». Хотя эта конъектура отсутствует в издании Íslenzk Fornrit, она выглядит более правдоподобно, чем чтение «лежать в страхе» — странно, чтобы автор висы сам признавался в трусости!

6. Поэтика:

Щедрогонитель скакуна волны ≡ МУЖ ⇒ Грим сын Дроплауг (двойной кеннинг со смещением);

Моди — один из асов (сын Тора); *Моди клинка* ≡ МУЖ ⇒ Грим;

закалитель метели мечей ≡ МУЖ (двойной кеннинг) ⇒ Грим; *метель мечей* ≡ БИТВА;

полено ран ≡ МЕЧ;

расточитель сокровищ ≡ МУЖ ⇒ Хельги сын Асбьёрна.

7. Смысл:

Вначале мне пришлось восемь суток встречать зарю вне дома (или: скитаться наружи с риском для себя). Лишь затем мне удалось вонзить меч в тело врага.

8. Размер:

Дротткветт.

9. История текста:

Рассказчик саги небрежно разместил висы, вложенные в уста Грима, вследствие чего содержание вис сплошь и рядом противоречит прозаическому комментарию. Так, виса № 2 предполагает, что ее адресатом является мужчина, что недвусмысленно следует из кеннинга *Фрейр коня пучины*. Между тем, сага уверяет, что виса произнесена в ответ на вопрос Йорунн, жены Торкеля. Висы №№ 4—5 сообщают не об убийстве Хельги сына Асбьёрна (1007 г или 1008 г.), а о последней схватке Хельги сына Дроплауг в Эйвиндовой Долине (998 г.). Наконец, если висы Грима с рассказом о своем подвиге действительно составляют единый цикл, порядок их, скорее всего, должен был быть иным: № 2 — № 6 — № 3 или № 3 — № 6 — № 2.

10. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

Grímr Droplaugarson

Örbeitir varð úti
unnar viggs at liggja
átta dœgr við ótta
endr, síz víg of bendak;
þás hjör-Móði, hríðar
herðandi, lét, sverða,
snarr, á seima þverri
sárvönd roðinn standa.

Грим сын Дроплауг

На заре снаружи
пролежал погонщик
судна суток восемь,
после встав на подвиг.
Заклинатель клиньев,
закалил умело
плашку — в теле клена
клада — ран багряну.

6. Стихи из «Сна Торстейна»

№ 1

1. Контекст:

Норны (или духи-хранительницы) являются хёвдингу Торстейну сыну Халля во сне и предупреждают его об опасности, исходящей от Гилли, раба Торстейна.

2. Текст:

Потом та, которая шла впереди, сказала эту вису и была удручена горем:

Allskörþu hefr orpit
ævin-Hildr með lævi
fyr herðöndum hurðar
heinar ægis beini;
Gumnum stendr fyr gamni
Gerðr með brugðnu sverði
Villat enn með öllu
eykvæn Heðins þeyja
eykvæn Heðins þeyja

3. Пословный перевод:

всеострой запустила
жизне-Хильд с коварством
на закаляющих створки
точила пучины костью;
Мужей отвращает от веселья
Герд с занесенным мечом,
Не-желает еще со-всем
извечножена Хедина стихнуть,
извечножена Хедина стихнуть.

4. Развертка:

Жизне-Хильд с коварством запустила всеострой костью пучины на (= в) закаляющих сворки точила (1—4);

Герд с занесенным мечом отвращает мужей от веселья. Извечножена Хедина еще не желает совсем стихнуть (5—8);

5. Поэтика:

Хильд—валькирия и героиня эпического сказания ≡ Хильд дочь Хёгни; Ее отец Хёгни убил ее возлюбленного Хедина, но Хильд воскресила его, поэтому битва Хедина с Хёгни длится вечно; само по себе имя «Хильд» и значит БИТВА; *жизне-Хильд* ≡ Норна, отмеряющая жизнь людей (индивидуальный кеннинг); *извечножена* Хедина—ХИЛЬД ≡ БИТВА;

коварство—слово в оригинале образовано от того же корня, что и устойчивое обозначение Локи—inn lævísi «зловещий»;

кость пучины—видимо, кеннинг КАМНЯ;

закаляющий створки точила ≡ МУЖ (двойной кеннинг); *точило створки* (брони) ≡ МЕЧ; *закаляющий* МЕЧ (в крови) ≡ ВОИН ⇒ Торстейн; Примечательно, однако, что в первой из трех вис те, кому грозит опасность, еще обозначены собирательно, формой множественного числа;

6. Размер:

Дротткветтт, но с повтором последней строчки строфы, по образцу эддического *размера заклинаний* (galdralag), являющегося модификацией распространенного размера льодахатт, которым сложено несколько песен «Старшей Эдды», в том числе—«Речи Высокого»[78].

7. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

---

[78] Нельзя вполне исключить, впрочем, что термином galdralag «размер заклинаний» в средневековой исландской поэтике обозначался не столько конкретный размер, сколько сам прием повтора заключительной строки строфы; отсутствие примеров повтора заключительной строки в песнях, сложенных основным эддическим размером форнюрдислаг может объясняться просто тем, что данный размер использовался в нарративных контекстах и почти не использовался в гномических поучениях, заклинаниях и прочих речевых ситуациях, связанных с прямым воздействием на слушателя. Правда, до XIII в. мы не имеем примеров повтора заключительной строки дротткветтной строфы у скальдов, но это может иметь то объяснение, что до нашего времени не дошли целиком тексты *нида*, т. е. циклы хулительных стихов, связанных с агрессией скальда по отношению к адресату нида—ср. рассказ о ниде Торлейва Ярлова Скальда, направленного против ярла Хакона Могучего в «Пряди о Торлейве». Тот факт, что нид мог быть сложен дротткветтным метром, не вызывает сомнений, ср. выше комментарий к фрагментам *Нида о Гренландцах* Тормода Скальда Чернобровой и ту же «Прядь о Торлейве».

Allskörpu hefr orpit
ævin-Hildr með lævi
fyr herðöndum hurðar
heinar ægis beini;
Gumnum stendr fyr gamni
Gerðr með brugðnu sverði
Villat enn með öllu
eykvæn Heðins þeyja
eykvæn Heðins þeyja

Мечет кость несчастья
Вкось жена честная,
Войску меченосцев
Свищет весть зловещу.
Отравляет гриди
радость Герд секиры.
Суженой Хедина
не уймется стужа,
не уймется стужа.

© А. В. Циммерлинг, 1999

№ 2

1. Контекст: см. выше.

2. Текст:

На следующую ночь Торстейн опять заснул. Тогда к нему явились женщины из сна с той же вестью, и впереди шла та, которая раньше была второй, и так сказала шедшая впереди:

Framm gekk dóms, at dómi
dómspákr, hinns lög rakði
unni guð þess, es inni
óþekk skyli slekkja,
áðr féhringju fengi
fangsæl Dvalins hanga.
Baldr, sás blóðs of eldi,
biðkvæn, und lok riðnar —
biðkvæn, und lok riðnar —
— ævi þinnar, Þorsteinn!

3. Пословный перевод:

вперед шел суда (приговора), к суду
судомудрый, который закона добивался,
вызвали боги то, когда внутри
вражду надо-бы затушить
прежде ларца получит
радушная Двалина висельников
Бальдра, которого крови огнем
ждущежена, до конца пройденной —
ждущежена, до конца пройденной —
— твоей жизни, Торстейн!

4—5. Развертка и синтаксис:

Судомудрый, который добивался закона к суду [по суду], вперед шел суда (1—2); по-видимому, это значит: судомудрый (искушенный в судебных прениях), который добивался приговора по закону, продвигался к исполнению приговора:

То вызвали боги, когда вражду внутри (внутреннюю распрю) надо бы затушить (3—4);

Радушная ждущежена Двалина висельников получит Бальдра ларца, которого крови огнем [поразят?] до конца пройденной — твоей, Торстейн, жизни (5—10);

6. Поэтика:

суд — судьба, приговор судьба, поэтому *судомудрый* ≡ искушенный с жизненных испытаниях — Торстейн;

Бальдр — один из асов; *Бальдр ларца* ≡ МУЖ ⇒ Торстейн;

огонь крови ≡ МЕЧ?; *ждущежена Двалина висельников* — видимо, окказиональный кеннинг ЗЕМЛИ либо Хель, т. е. тех божеств, которые принимают мертвых; *Двалин* — имя карлика, *Двалин повешенных* ⇒ Один, верховный бог, который погибнет при конце света, поэтому *жена Одина*, ждущая свидания с ним ≡ ЗЕМЛЯ/Хель;

Смысл строк 5—8, видимо; *ты* (*Торстейн*) *умрешь от меча*, *раньше, чем мог бы!*

Поразят — глагол стоит во множественном числе, поэтому подразумеваемый субъект может быть восстановлен — это *норны*. Тот же прием использован и в следующей висе.

7. Размер:

Дроттквеетт, с повторением последней строчки строфы.

8. Переводы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специально для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

Framm gekk dóms, at dómi	Шел вперед к свершенью
dómspákr, hinns lög rakði	Мастер приговора.
unni guð þess, es inni	Суд богов неласков —
óþekk skyli slekkja,	заглушить вражду бы
áðr féhringju fengi	до того, как Бальдра
fangsæl Dvalins hanga.	благ ларца поглотит
Baldr, sás blóðs of eldi,	Двалина удавки
biðkvæn, und lok riðnar —	давняя подруга,
biðkvæn, und lok riðnar —	давняя подруга,
— ævi þinnar, Þorsteinn!	— и близок твой час, Торстейн!

© А. В. Циммерлинг, 1999

№ 3

1. Контекст: см. выше.

2. Текст:

Те же события случились на третью ночь, и они пришли вновь, и были на этот раз все в слезах. Та шла впереди, которая раньше была последней.

Она же сказала:

— Куда нам идти после твоего дня, Торстейн? — сказала она.— Куда податься нам после того, как пробьет твой час?

Он отвечает:

— К Магнусу, моему сыну,— сказал он.

— Недолго сможем мы при нем быть, сказала она и произнесла затем вису:

Flug-Vörna sitr fjörnis,
fákund meginunda,
Hvöss, of höggnum vísa,
hjalma Gríðr at jalmi,
þess es endr fyr enda
andþings, of sjöt banda,
þat mun ógurligt, œgis
óx skýmáni, tóku —
óx skýmáni, tóku —
— lífit frá þér, Þorsteinn!

3. Пословный перевод:

Летуче-Ворна сидит шишака
невежа глубоких-ран
острая, в сраженном витязе,
шлема Грид в грохоте;
так как век до срока
душесходки, на своде богов
это будет устрашающе, жути
рос серп облаков, взяли —
рос серп облаков, взяли —
— твою, Торстейн, жизнь!

4. Развертка:

Невежа глубоких ран, летуче-Ворна, острая Грид шлема сидит в сраженном витязе в грохоте шишака (1—4);

так как [норны] взяли век (твою, Торстейн, жизнь) до срока душесходки жути; рос серп облаков на своде богов — это будет устрашающе (5—10).

5. П о э т и к а:

Последняя виса наиболее темная из-за редких слов и нестандартных кеннингов. Тем не менее даже она вполне поддается толкованию, вопреки пессимизму отдельных редакторов.

Грид — валькирия или великанша, *Грид шлема* ≡ СЕКИРА. *Секира* — слово женского рода, в скальдической традиции оно прочно ассоциировалось с великаншей: *Ворна* — предположительно имя троллихи, *Ворна глубоких ран* ≡ смертоносная СЕКИРА, а прилагательные *острая* и *летучая* — эпитеты секиры. Наконец, секира *сидит*, т. е. торчит в теле жертвы.

Сложнее обстоит дело с материалом второй строки: слово fákund, переданное здесь как «*невежа*», из других источников неизвестно; это слово, финаль которого -und рифмует со словом -und- «*рана*» может быть как существительным, так и прилагательным жен. рода, и тогда следует предпочесть значения «мало кому известная секира, неведомая секира», т. е. «секира мало кому известного воина», согласно тексту «Сна» — Гилли, раба Торстейна. Однако предсказание о секире носит символический, а не бытовой характер: Гилли убьет Торстейна не секирой, а тесаком;

грохот шишака ≡ БИТВА;

önd — «*душа*» (дыхание, жизнь), endr «*век*», endi «*срок*» — однокоренные слова, которые аллитерируют и рифмуют между собой в строках 5—6: таким образом, весь фрагмент *так как век до срока …душесходки* построен на варьирования одного и того корня. Интересно, что тот же принцип использован и в последних двух словах 6-й строки, (формально — синтаксически несвязанных): ógurligt «*устрашающе*» и œgis «*страха, жути*».

жуть ≡ смерть, ХЕЛЬ, *душесходка жути* ≡ свидание человека с Хель;

Столкновение двух временных планов — *это **будет** устрашающе* vs. ***рос** серп облаков* — характерно для жанра видения.

серп облаков ≡ зловещее небесное явление, комета (?);

свод богов ≡ кеннинг НЕБА;

6. Р а з м е р:

Дротткветт, с повторением последней строчки строфы.

7. П е р е в о д ы:

Виса ранее на русский язык не переводилась. Перевод специальное для настоящего издания сделан А. В. Циммерлингом.

Flug-Vörna sitr fjörnis,
fákund meginunda,
Hvöss, of höggnum vísa,
hjalma Gríðr at jalmi,
þess es endr fyr enda
andþings, of sjöt banda,
þat mun ógurligt, œgis
óx skýmáni, tóku —
óx skýmáni, tóku —
— lífit frá þér, Þorsteinn!

Ран глубоких гостья,
Резвая секира,
Взгромоздясь на гребень,
Труп вождя венчает.
На высоком своде
Для души пропавшей
Серп небес сияет.
Канул в мглу провала,
Канул в мглу провала —
— твой век, Торстейн!

Список имён собственных

Список исландских географических названий[1]

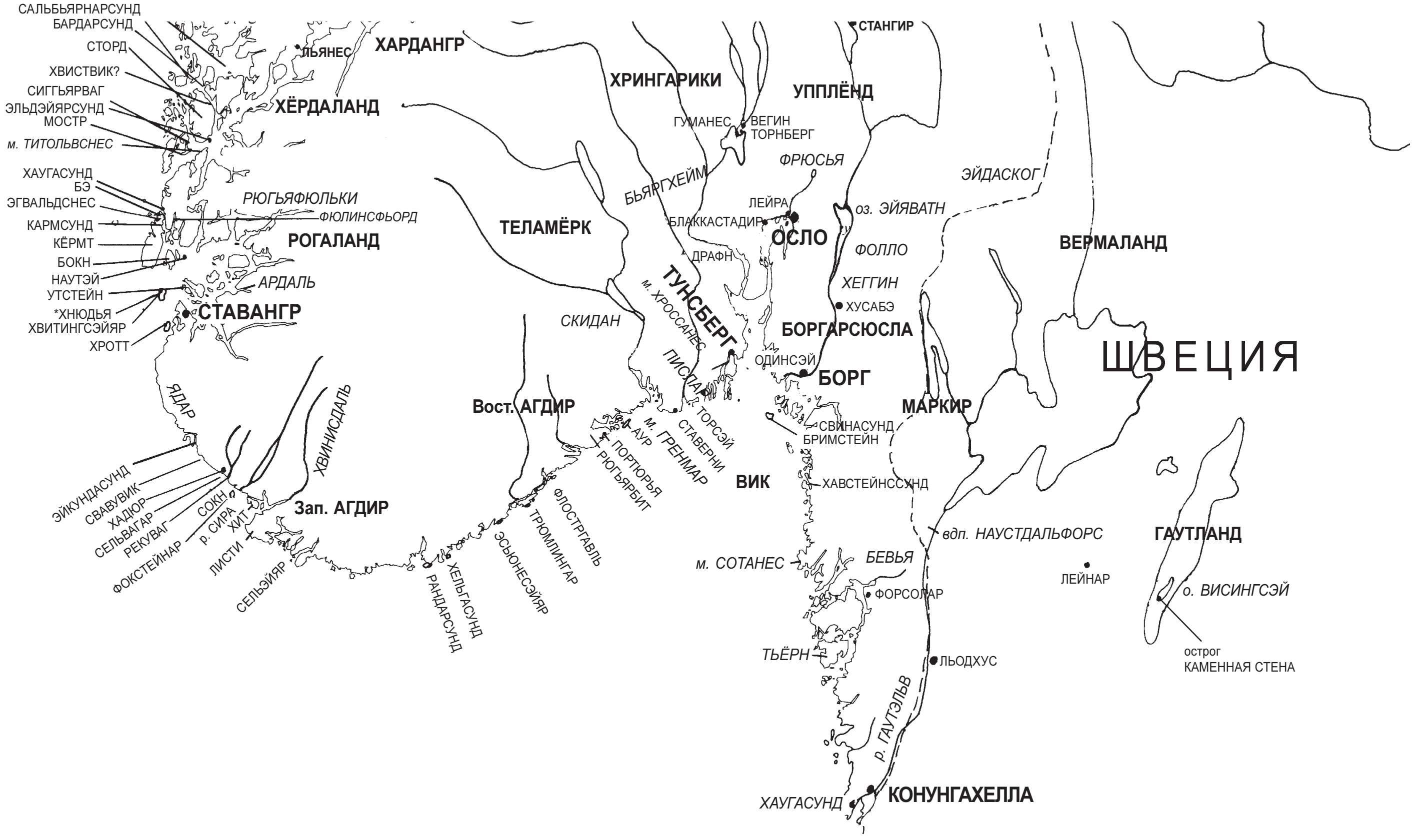
[1] В список также включены гренландские и норвежские топонимы, представленные в сагах в переводной форме.

Список норвежских и европейских географических названий[1]

[1] В порядке исключения в список также добавлены исландские непереводные топонимы.

Географические карты

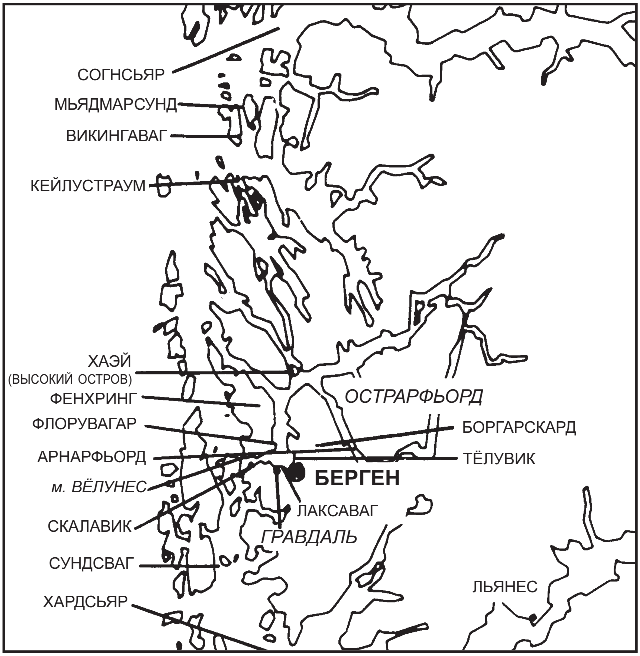
ТРАНДХЕЙМ
НИДАРОС
ТРАНДХЕЙМСМЮННИ
м. АГДАНЕС
ВЕДДЭЙ
АУСТРАТТ
РЕЙН
ИЛА
СКУСАСС
ХОЛЬМ
ФЛАДКИ
ГЕЛЬМИН
ЛЬЯРАНДИР
СЕЛАБУ
р. НИД
ГАУЛАРДАЛЬ
ОРКАДАЛЬ
УППДАЛЬ
Сев. МЁР
ТИНГВОЛЬ
ЭДЭЙ
СОЛЬСКЕЛЬ
ХАМАРСУНД
СВЕГЪЯДАРСУНД
ЛАНГЭЙЯРСУНД
МАРКАРХОЛЬМ
СТИМ
ФРЕКЭЙЯРСУНД
ЛЮНГВЕР
ЭКСНЭЙ
БОРГУНД
АНГР?
ВЕЭЙ
РАУМСДАЛЬ
СТАД
МОЛЬДАФЬОРД
СИЛЬД
ВАГСЭЙ
УЛЬВАСУНД
Юж. МЁР
СТОДРЕЙМ
ЛЕЙКИН
ХОРНИН
СКУТУСУНД
РУГСУНД
г. СКАНЭЙЯРФЬЯЛЛЬ
ДОВРАФЬЯЛЛЬ
ЭЙСТРИДАЛИР
СТАВАФЬОРД
ХИНДЭЙЯР
САУДУНГССУНД
ФЬОРДЫ
НОРВЕГИЯ
ГУДБРАНДСДАЛИР
СОГН
СОГНСЬЯР
КВИДИН
ВАЛЬДРЕС
ЛЭРАДАЛЬ
г. РАУДАФЬЯЛЛЬ
МАЛЫЙ ХАМАР
ХЕЙД-
МЁРК
ХАМАР
СТАНГИР
оз. МЬЁРС
Св.
Остров
ЯРНБЕРАЛАНД
ФЕНХРИНГ
ОСТРАРФЬОРД
БОРГАРСКАРД
ХАРДСЬЯР
САЛЬБЬЯРНАРСУНД
БАРДАРСУНД
СТОРД
БЕРГЕН
ЛЬЯНЕС
ХАРДАНГР



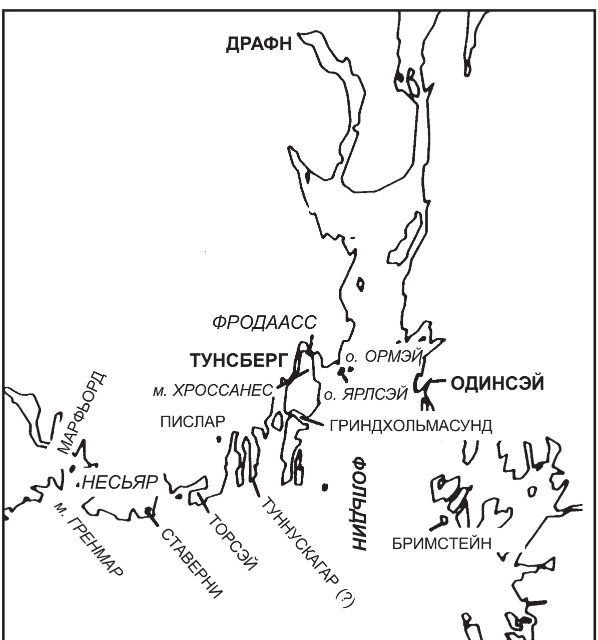
Норвегия к 1200 г.

МЕСТА ТИНГОВ:

1 - АЛЬТИНГ (ПОЛЯ ТИНГА), **2** -ТИНГ ТРЕСКОВОГО ФЬОРДА, **3** - ТИНГ МЫСА ТОРА, **4** - ТИНГ УРОЖАЙНОГО МЫСА (АУРНЕСТИНГ), **5** - ТИНГ НА ВЕЧЕВЫХ ПАЛАТАХ (ТИНГСКАУЛАР), **6** - ТИНГ ГОРЫ СКАФТИ, **7** - ТИНГ НА СКЛОНАХ (ТИНГМУЛИ), **8** - ТИНГ ВОРОНЬЕГО РУЧЬЯ, **9** - ТИНГ ЯГНЯЧЬЕГО МЫСА, **10** - ТИНГ СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЫ, **11** - ТИНГ НА ОСТРОВАХ (ТИНГЭЙЯР), **12** - ТИНГ НА ОТМЕЛИ (ВОДЛАТИНГ), **13** - ТИНГ МЫСА ЦАПЕЛЬ (ХЕГРАНЕСТИНГ), **14** - ТИНГ МЕДВЕЖАЧЬЕГО ОЗЕРА (ХУНАВАХТНТИНГ).

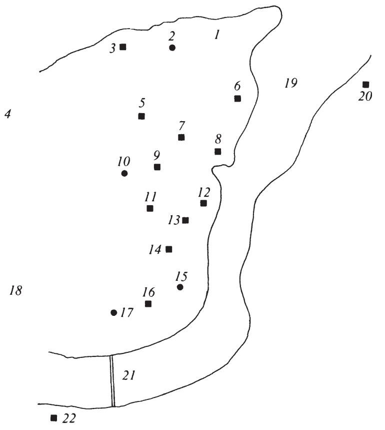


ОКРЕСТНОСТИ БЕРГЕНА



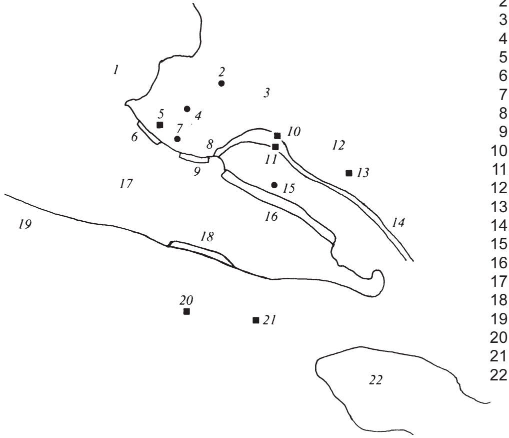
ОКРЕСТНОСТИ ТУНСБЕРГА

НИДАРОС



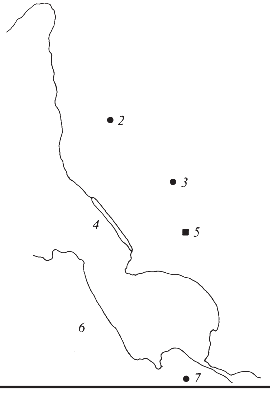
1. ОТМЕЛЬ (ЭЙРАР)
2. ТОРГОВЫЕ ПАЛАТЫ
3. ЦЕРКОВЬ МАРГРЕТЫ
4. РЯДЫ (ГЕЙЛАР)
5. ЦЕРКОВЬ МАРТЕЙНА
6. ЦЕРКОВЬ КЛЕМЕНТА
7. ЦЕРКОВЬ ГРЕГОРИУСА
8. ЦЕРКОВЬ ОЛАВА
9. ЦЕРКОВЬ МАРИИ
10. ТОРГ
11. ЦЕРКОВЬ ВСЕХ СВЯТЫХ
12. ЦЕРКОВЬ АНДРЕСА
13. ЦЕРКОВЬ КРЕСТА
14. ЦЕРКОВЬ ПЕТРА
15. КОНУНГОВ ДВОР
16. ЦЕРКОВЬ ХРИСТА
17. ДВОР АРХИЕПИСКОПА
18. ПОЛЕ (КАЛЬВСКИН)
19. р. НИД
20. ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ У ПЕРЕПРАВЫ
21. МОСТ
22. МОНАСТЫРЬ ХЕЛЬГИСЕТР

БЕРГЕН

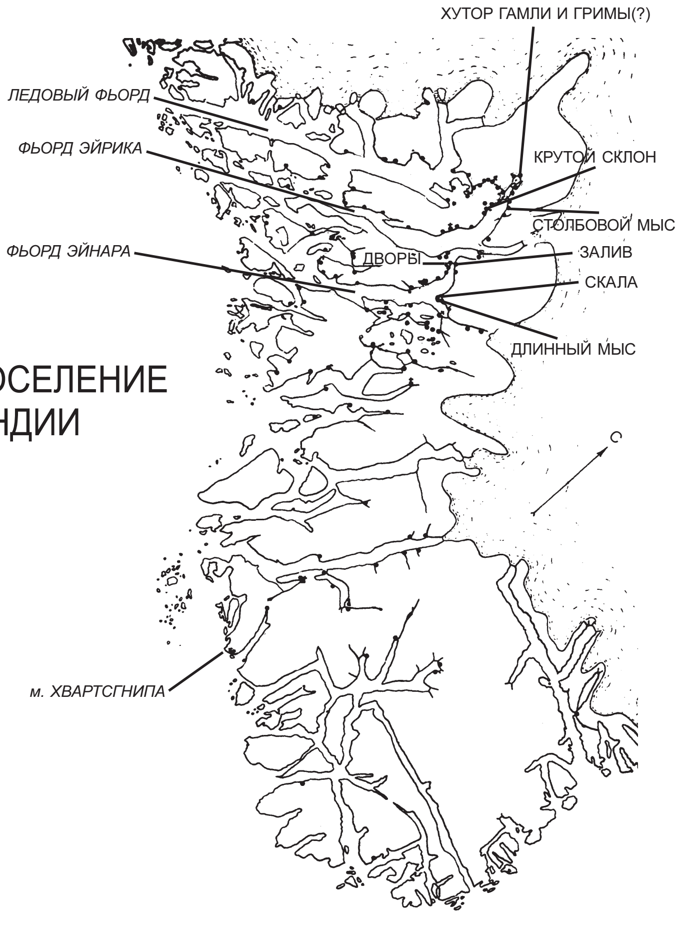


1. ТЁЛУВИК (?)
2. БОРГ
3. БАККАР
4. ДВОР ЕПИСКОПА
5. ЦЕРКОВЬ ХРИСТА
6. ПРИСТАНЬ ЕПИСКОПА
7. КОНУНГОВ ДВОР
8. ХОЛЬМ
9. ПРИСТАНЬ КОНУНГА
10. ЦЕРКОВЬ МАРИИ
11. ЦЕРКОВЬ ЛАВРАНЦА
12. КОПР
13. ЦЕРКОВЬ НИКУЛАСА
14. УЛИЦА
15. БОЛЬШОЙ ДВОР
16. ПРИСТАНИ
17. БЕРГЕНСКИЙ ЗАЛИВ
18. ПРИСТАНЬ МОНАХОВ
19. м. НОРДНЕС
20. ЦЕРКОВЬ МИХАИЛА (МУНКЛИВИ)
21. ЦЕРКОВЬ ЙОНА (ПРЕСТОЛЬНАЯ)
22. ЗАЛИВ АЛЬРЕКСТАДАВАГ

ТУНСБЕРГ



1. КРЯЖ ФРОДААСС
2. ГОРА (крепость)
3. КУРГАНЫ
4. ПРИСТАНИ
5. ЦЕРКОВЬ ОЛАВА
6. о. НЬОТАЭЙ (НАУТЭЙ)
7. ЛУГА (ТЕЙГАР)



ВОСТОЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
В ГРЕНЛАНДИИ